

Музей
истории
ГУЛАГа

ФОНД
ПАМЯТИ

 САХАРОВСКИЙ
ЦЕНТР

ПАВЕЛ

ОВЧАРЕНКО

ГОРЕЧЬ

ВОСПОМИНАНИЯ

И РАЗМЫШЛЕНИЯ

МОСКВА

2021

У книги издательской программы Музея истории ГУЛАГа и Фонда Памяти непростая судьба. За каждой из них стоят удивительные люди.

О трагической судьбе Ольги Михайловны Раницкой и ее «книжечке» из Карлага — рисованном лагерном дневнике — мы узнали благодаря многолетнему журналистскому расследованию Зои Ерошок. Впоследствии общими усилиями с «Новой газетой» родилась наша первая книга «Метео-чертик. Труды и дни». На коротенькие, но совершенно гениальные, афористичные рассказы Леонида Городина о лесоповале и строительстве железной дороги на Воркуте я случайно наткнулся в социальных сетях у Александра Веселова, его бабушка была дружна с Леонидом Моисеевичем. В это же время о необходимости публикации этих же рассказов и фотографиями из личного архива. И теперь в нашей издательской программе есть книга Леонида Городина «Одноэтапники. Невыдуманные рассказы». Готовим к печати и «Словарь Городина».

«Фантастическим человеком» называл ленинградского книжного художника-графика Бориса Генриховича Крейцера Анатолий Разумов — руководитель центра «Возвращённые имена» при Российской национальной библиотеке. Крейцер, чудом избежавший расстрела и осужденный на 8 лет лагерей, стал героем его исследования, а потом и героем нашей книги — «Папка с эскизами. Ухожу с чемоданами, полными книг». О необходимости издания книги Ирины Ратушинской «Серый — цвет надежды» мы много говорили с Натальей Дмитриевной Солженицыной.

Книга Павла Овчаренко «Горечь», которую вы сейчас держите в руках, — наш совместный проект с Сахаровским центром. У нее тоже удивительная судьба. Это редкий образец «самиздата», выживший и дошедший до нас. Наталья Самовер, специалист Музея Сахаровского центра, рассказала о книге и своей долгой и кропотливой работе над ней на научно-практическом семинаре, который ежегодно вместе с Музеем истории ГУЛАГа устраивает Ассоциация российских музеев памяти. Ее доклад назывался «Из опыта подготовки публикации свидетельств о ГУЛАГе». Получилось, что у нас очень много точек пересечений, и эта встреча судьбоносна — раз книга уже готова, то публикация необходима.

В своей книге Павел Овчаренко, простой советский парень, краснофлотец, узник ГУЛАГа, «прошедший десять лагерей — от Хабаровска до Чукотки», достаточно подробно рассказывает о Приморском районе Дальстроя и пересыльном лагере в Находке, где ему довелось побывать. Если о Приморском районе исследователи знают по крайне небольшому количеству архивных документов, то о пересылке в Находке известно лишь по немногочисленным воспоминаниям, одним из которых является «Горечь».

Также Павел Овчаренко был свидетелем крупнейшей катастрофы того времени — взрыва парохода «Дальстрой» в бухте Находка, который произошел 24 июля 1946 года. Разрушения в порту Находки оказались настолько серьезными, что после этого основные грузопотоки перенесли в порт Ванино. Обломки парохода «Дальстрой» представлены в экспозиции Музея истории ГУЛАГа. Кроме того, мы готовим масштабную выставку «Другая Находка», посвященную истории этого города в 1930—1950-е годы. Помимо архивных документов, на выставке мы хотим познакомиться с личными воспоминаниями как прошедших лагеря, так и обычных горожан, очевидцев той эпохи. В этой связи книга Павла Овчаренко очень своевременна. И теперь у нас есть такая возможность познакомиться лично с Павлом Григорьевичем, услышать его историю из «первых уст».

Роман Романов,
директор Музея истории ГУЛАГа,
руководитель Фонда Памяти

Трагическая история советских репрессий продолжает волновать российское общество. Уже давно у нас есть общее понимание, в какой страшной реальности существовали жители СССР в первых десятилетиях его истории. Однако национальная память формируется не сухими энциклопедическими статьями, а человеческими историями. Перед вами такая история. Обычно человека, молодого рабочего из многодетной украинской семьи. Может быть, и не совсем обычного (родители были баптистами). Но чья судьба абсолютно обыкновенна, если присмотреться внимательно?

Не стоит искать в воспоминаниях Павла Григорьевича Овчаренко литературных достоинств. Их ценность в живом (и даже, можно сказать, бесхитростном) свидетельстве о времени. Это голос той части общества, которая часто остается немой для историков.

В этом очень важная веха времени. Сегодня для нас не просто важен каждый человек, но каждый человек интересен. Новые медиа дали возможность высказывания любому, у кого есть самый простой смартфон и выход в Интернет. В ретроспективе тоже происходит нечто подобное, только не благодаря новым технологиям, а усилиями историков и активистов. Без каждого голоса, который сохранила для нас история, наше прошлое неполно. Каждая личная история помогает нам не просто узнать, но прочувствовать время, сопереживая горестям и радостям тех, на чью долю выпало в нем жить. Такую возможность нам дают воспоминания Павла Овчаренко.

Сергей Лукашевский,
директор Сахаровского центра

КНИГА ИОВА
Наталья Самовер

Эта книга столь же необычна, сколь типична судьба ее автора.

Павел Григорьевич Овчаренко родился 15 июня 1919 года в селе Базалиевка в 70 км от Харькова. Вслед за ним, старшим, на свет появились еще девять детей.

В 1926 году начинаются скитания. В поисках лучшей доли семья переселяется в далекую Семипалатинскую губернию (ныне территория Казахстана), оттуда на Кубань, но и там их настигает голод и гонит назад, на родную Харьковщину. Учиться Павлу приходится урывками; как старший из детей он подрабатывает — пасет деревенских коров. «Переводили меня из класса в класс потому, что я все учебники знал наизусть (1)», — вспоминал Павел Григорьевич.

«Родители-баптисты запрещали мне вступать в пионеры, носить красный галстук, запрещали слушать радио, как какую-то нечистую силу, а о кино (...) я мог только мечтать да с завистью слушать, как ровесники рассказывали о фантастическом чуде на экране сказочного вагона. Среди своих ровесников я всегда оказывался в одиночестве, и это больно отражалось на моем самолюбии. (...) я с той детской поры ненавижу баптизм и всякую иную веру в бога» (2), — признавался Овчаренко. И все же еще подростком он прочел Библию и Евангелие, заучивал наизусть стихи из баптистского сборника «Гусли». Вера родителей не дала ни им, ни их детям счастья, однако не из этой ли школы Павел вынес ту моральную стойкость и неподатливость злу, которые потом послужат ему опорой и спасением во тьме ГУЛАГа?

В 1933 году, в разгар Голодомора, 14-летний Павел покинул семью. Он выживал в одиночку как мог — беспризорником в Харькове. Его ловили, помещали в приемник-распределитель; он, напуганный слухами об отправке в детскую колонию, бежал оттуда, снова попадался и снова бежал... С горем пополам закончил только пять классов.

К своим родным он вернется только в 1936-м. К этому времени он уже практически самостоятельный человек — получает рабочую профессию и поступает на знаменитый на всю страну Харьковский тракторный завод. О чудовищной нищете барачного быта обитателей заводского Соцгорода

(1) Цит. по тексту главы «Детство» в редакции 1992 г. См. Приложение 1 к настоящему изданию. В редакции воспоминаний Овчаренко 1990 г. эта глава отсутствует.

(2) См. там же.

он не мог позабыть много десятилетий спустя, даже пройдя через ГУЛАГ, но тогда молодость берет свое, и новая жизнь — городская, советская — захватывает Павла. В пику родителям-баптистам он называет себя безбожником, однако свято верит в товарища Сталина и в те советские идеалы, которые для целого поколения заменили собой религию.

В начале 1939 года он добровольцем поступает на военную службу. Родина отправляет молодого харьковского рабочего на другой конец страны — на Дальний Восток. Павел Овчаренко становится краснофлотцем, «морячком», как он любил себя называть. Морячок, правда, не видал настоящего моря, служил на бронекатере, входящем в состав Амурской Краснознаменной военной флотилии. Все его плавания — по Уссури да по озеру Ханка. Бронекатер по сути — плавучий танк, и краснофлотец Овчаренко служит на нем комендором, т. е. матросом-артиллеристом.

Он комсомолец, отличник боевой и политической подготовки, готовый жизнь отдать за Родину, притом веселый и компанейский с друзьями, нравится девушкам... Сыт, одет, обут. Чего еще желать?

«Мускулистый крепыш чуть-чуть выше среднего роста. Грудь у него выпуклая, голова круглая. Редкие конопатинки на круглом розовом лице у самого носа вместе с маленькими пунцовыми губами вызывают симпатию, но какой-то настырный, колючий и упрямый взгляд карих глаз под густыми чёрными бровями придает ему не совсем приятное выражение», — таким он, не идеализируя, рисует себя тогдашнего. Донесения замполита дивизиона, полные недоброжелательного внимания к краснофлотцу Овчаренко, и показания товарищей, зафиксированные следователем (3), позволяют дополнить эти черты внешности некоторыми чертами характера. Из отдельных его высказываний, подслушанных политработниками и сослуживцами, складывается образ энергичного и неглупого юноши, склонного мыслить самостоятельно и делать подчас неожиданные выводы даже из строго отфильтрованных сведений, сообщаемых ему на политзанятиях, и в то же время настолько простодушного, что может вслух заявить, что в чем-то не согласен с Марксом.

Копятся, копятся свидетельства «антисоветских настроений» неугомонного морячка... Не забыто и происхождение из семьи баптистов. Тайно вскрывается письмо от брата из Харькова; там обнаруживаются строки, приводящие в ярость политработников: «Нас не считают за живых людей, мы стоим хуже скота, работать заставляют сколько влезет, а плотят на хлеб, сельдь и воду, нет ничего в магазинах. Многих в тюрьмы сажают, нельзя лишнего сказать, и как сделаешь брак, так за все высчитывают»... И наконец просто и обыденно постигает неблагонадежного такая же простая, обыденная катастрофа, которая до него и после него сломала жизни многих сотен тысяч.

28 июля 1941 года, через месяц с небольшим после того, как где-то бесконечно далеко началась война, краснофлотец Овчаренко арестован, доставлен в Хабаровск в следственный изолятор и уже 9 августа осужден военным трибуналом флотилии по статье 58-10 УК РСФСР (контрреволюционная агитация) на восемь лет исправительно-трудовых лагерей.

Он даже не успел толком понять, что с ним произошло.

Начинается новый период его жизни, который лучше всего характеризуется церковным словом «мытарства». Этим годам Павел Овчаренко в основном и посвящает воспоминания — книгу своей жизни. «Так как писать о себе трудно, неудобно и неприлично, я пишу от третьего лица», — предупреждает он. От себя автор оставил главному герою только имя — Павлик, изменив отчество и фамилию. И еще одно лицо он скрыл под вымышленным именем — любимую девушку. «Остальные все имена и фамилии подлинны», — подчеркивает Овчаренко.

Благодаря его невероятно цепкой памяти подлинны также места и события. Большинство реалий лагерной жизни, которые он упоминает, в той или иной степени подтверждаются документально. Он запомнил даже звучание непонятных для него слов на иностранных языках. С кем только ему не довелось столкнуться в ГУЛАГовском интернационале... Обрывки речи узбеков, румын, японцев, более или менее поддающиеся расшифровке, можно найти на страницах его воспоминаний (4).

(4) Ср. с аналогичными наблюдениями узника Освенцима, итальянского еврея П. Леви: «... даже через сорок лет я и другие выжившие все еще помним на слух слова и фразы, звучавшие тогда вокруг нас на языках, которых мы не понимали и не научились понимать; для меня такими языками были польский и венгерский. (...) Чужие слова записались в нашей памяти, как на чистой, пустой магнитофонной ленте; так голодный желудок быстро усваивает даже неудобоваримую пищу. Мы запоминали эти слова не благодаря их смыслу (для нас они не имели смысла), тем не менее, когда спустя много лет мы повторяли их тем, кто мог их понять, оказывалось, что они обозначают самые простые, обычные вещи: угрозы, проклятья, расхожие фразы типа «который час?», «я не могу идти», «оставь меня в покое». Это были разрозненные осколки среди непонятного, плод бесполезного и бессознательно-го усилия выделить смысл из бессмысленного, заглушить голод ума по примеру физиологического голода (...) Возможно, впрочем, это бесполезное парадоксальное запоминание имело иное значение и иную цель, было бессознательной подготовкой к потом, к не изведанному никем и никогда выживанию, когда каждый отдельный опыт мог стать недостающим фрагментом большого мозаичного панно». См. Леви П. Канувшие и спасенные. М., 2010. С. 38.

Вехи его жизни: Хабаровская тюрьма, кирпичный завод, пересылка, лагеря в Горной Шории, лагерь при Яйской швейной фабрике, лесоповал, еще одна пересылка в Бухте Находка и, наконец, Чукотка, а между ними этапы, подчас не менее чреватые гибелью, чем самые страшные лагеря.

Шаг за шагом, месяц за месяцем погружается Павлик Иванов — Павел Григорьевич Овчаренко — в новые и новые круги ГУЛАГовского ада, где в финале его, как Данте, ожидает замороженная бездна чукотского рудника Валькумей. Там ударным трудом он заслужит досрочное — на девять месяцев раньше положенного — освобождение «по зачетам» в октябре 1948 года.

На вечную память о ГУЛАГе ему остались увечья — сломано шесть ребер, перебита левая лопатка, выбито четыре зуба, нет пальца на ноге, голова в шрамах... (5)

Освободившись, Павел Овчаренко не смог вернуться домой — судимость по политической статье закрывала для него доступ в областные центры, среди которых был Харьков. Он уезжает в Донбасс, где есть применение его профессиональному опыту, полученному на Чукотке. И вот он снова шахтер, только теперь вольный. Там, в Донбассе, он женится, рождается сын...

Наконец в 1953 году, после снятия «паспортных ограничений» Овчаренко с семьей переезжает в Харьков, в домик, построенный его отцом в пригородном поселке Фрунзе еще в те годы, когда он служил на Дальнем Востоке. Снова, как в юности, поступает рабочим-шлифовальщиком в инструментальный цех Харьковского тракторного завода.

Проходят годы.

27 апреля 1967 года решением Военного трибунала Краснознаменного Тихоокеанского флота П. Г. Овчаренко был полностью реабилитирован за отсутствием состава преступления.

«25 лет, десять месяцев и двадцать восемь дней находился в списках *государственных преступников* СССР. Правда-то восторжествовала, да жить некогда», — напишет он позднее.

Между тем перед ним лежали еще десятилетия жизни.

В 1969 году, когда ему исполняется 50 лет, он выходит на пенсию — досрочно, благодаря большому «подземному стажу».

Его окружала кажущаяся непоколебимой советская действительность. Такие как он — реабилитированные, бывшие жертвы политических репрессий, — в этой жизни имели какой-то невнятный, промежуточный статус. Вроде бы они больше не считаются преступниками, но тень прошлого продолжает висеть над их головами. Никаких льгот им не положено, в официальной версии истории страны о них вообще не упоминается, их судьбу, их страдания тщательно обходят молчанием. Они выжили, но память о том, что на протяжении многих лет было их жизнью, сейчас, в благополучные времена, неуклонно стирается, превращается в ничто.

И Овчаренко начинает новую борьбу. На этот раз не за жизнь, а за память, за право правды на существование. Эта борьба, как когда-то борьба за выживание в лагерях, одинока и небезопасна.

Втайне от окружающих он работает над воспоминаниями о самом страшном (и самом главном), что ему довелось пережить и повидать на своем веку.

В советской литературе для него был единственный образец — «Один день Ивана Денисовича», опубликованный в «Новом мире» в 1962 году.

Украинец Овчаренко пишет по-русски, чтобы его книга стала доступна как можно большему числу сограждан. Свою книгу он назовет «Горечь. Воспоминания и размышления». Судя по подзаголовку, она замышлялась как классические мемуары, однако со временем беллетризировалась, обогащаясь художественными красками.

Его образования — пять классов, ФЗУ и семь с лишним лет лагерей — недостаточно для того, чтобы осилить масштабный писательский замысел, и он упорно дополняет его самостоятельным чтением и занятиями в литературной студии. Его многолетний труд становится подвигом — в духовном смысле этого слова.

Осенью 1970 года Нобелевская премия по литературе присуждается Александру Солженицыну; в ответ в советских газетах разворачивается яростная травля лауреата. Но именно тогда харьковский пенсионер Павел Овчаренко предпринимает дерзкую, едва ли не самоубийственную попытку прорыва к широкому читателю. Он посылает «Горечь» в Союз писателей СССР.

«Рукопись Ваша – впечатляющий и искренний человеческий документ. Перед читателем исповедь авторской души, биографически конкретное документальное повествование, в ход мыслей Вашего героя читатель верит» (6), — отвечает ему литературный консультант Союза писателей Илья Крупник. К счастью, «Горечь» попала в руки достойного человека, не стукача, но, конечно, ни о какой публикации в то время не могло идти и речи.

Лишь во второй половине 1980-х годов, с началом перестройки у Овчаренко появляется надежда быть услышанным. Он снова посылает свою рукопись в Союз писателей. На этот раз консультант попался другой. «Шансов на то, что Вам удастся поднять „Горечь“ на качественно иной, более высокий уровень, что позволило бы хотя бы с оговорками назвать ее повестью, у Вас нет», — жестко отвечают ему. Но Овчаренко не сдаётся, одно за другим перебирает несколько издательств, в ответ получая сдержанные похвалы и советы еще поработать над текстом.

Он ведь и правда не писатель; он свидетель, но тогдашняя гуманитарная мысль еще только осваивает это понятие. Когда-то в лагерях Павел Овчаренко просто выживал, не думая о будущем, не предназначая себя к чему-то большему, чем выживание. Но теперь он сознавал необходимость свидетельствовать о ГУЛАГе как миссию, как непреложный долг выжившего.

В конце 1980-х годов на страницы советской прессы выплеснулся огромный объем исторической информации. Обнаружение множества ранее неизвестных фактов и текстов побуждало к вписыванию своего личного опыта в «большую» историю — так в тексте «Горечи» возникает пространственный антисталинский монолог в духе перестроечной публицистики, вложенный в уста эпизодического персонажа (7), появляются некоторые анахронизмы и элементы художественного вымысла вроде упоминания о совместном концерте самых известных артистов-заключенных — Вадима Козина и Лидии Руслановой (8). Однако эта неизбежная дань времени (9) не отменяет общей достоверности и не снижает ценности этих воспоминаний в том, что касается самого автора.

(6) Здесь и далее отзывы консультантов Союза писателей СССР цитируются по подборке документов, приложенной к тексту «Горечи» в редакции 1992 г. См. электронную публикацию — <http://vini.orgfree.com/Bitterness/Bitterness00.html> (дата обращения: 25.05.2020).

(7) См. главу «Рудник Валькумей».

(8) См. прим. (715) к тексту книги.

(9) Подробнее о художественных особенностях лагерной прозы, создававшейся одновременно с «Горечью» Овчаренко, см.: Сафронов А. В. После «Архипелага» (поэтика лагерной прозы конца XX века) // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. Научный журнал. 2013. № 3 (40). С. 139—153.

Между тем общественная атмосфера меняется на глазах. В июле 1989 года журнал «Новый мир» начинает публикацию глав из «Архипелага ГУЛАГ».

4 октября того же года П. Г. Овчаренко пишет в Москву на имя председателя Общества «Мемориал» академика

А. Д. Сахарова, рассказывая вначале о себе:

«После 20-го и 22-го съездов КПСС, когда Н. Хрущев объявил на весь мир о культе личности Сталина и сказал, что многое останется тайной, зарыто во глубине сибирских руд (10), меня это задело за живое, и я решил описать от звонка до звонка свой срок, свою молодость, свое существование на третьем десятке своей жизни. И вот я больше двадцати лет стряпаю книгу „Горечь“; именно стряпаю, ибо взялся я за перо с пятиклассным образованием, правда, за время застоя я три года подряд сидел исключительно за грамматикой и литературой. Посылал в Союз писателей СССР, меня исповедовали, и я снова писал и переписывал. Последние годы я перепечатаваю в пяти экземплярах, беру в переплет, оглавление красиво пишут мне граверы, и пять книг готовых. Таким образом, у меня уже более 20 книг блуждают по свету (помогает перестройка) — на Сахалине, в Курске, Ворошиловграде (11), много в Харькове; подарил я Харьковскому «Мемориалу», лично Христиану Раковскому — внуку Христиана Раковского и сыну Валериана Раковского, замученных на Лубянке (12), а также подарил любимому поэту Евгению Евтушенко. (...) Клянусь жизнью, описано все правдиво, ну а печатать ее не берутся — уж много там горькой правды, и каждый думает: „Как бы чего не вышло! Лучше отказать!“ А выбрасывать и обесцветивать свою „Горечь“ я не намерен; что глаза видели, то и пишу, что ум запомнил, то и пишу» (13).

Однако цель этого письма не в том, чтобы заручиться поддержкой Сахарова для издания «Горечи». В том же письме Овчаренко рассказывает о своих тщетных попытках узнать что-либо о судьбах двоих врачей, с которыми ему довелось встречаться в лагерях в начале 1940-х годов. Осужденные, как ему запомнилось, по делу о смерти Максима Пешкова — сына Горького (14), на сроки от 15 до 25 лет, эти врачи и в ГУЛАГе продолжали пользоваться высо-

(10) «Во глубине сибирских руд» — скрытая цитата из одноименного стихотворения А. С. Пушкина, посвященного каторжанам-декабристам.

(11) Ворошиловград — город на Украине, которому в 1990 г. будет возвращено историческое название Луганск.

(12) Раковский Х. В. (1934—2014) — выходец из семьи потомственных революционеров, заслуженный деятель науки и техники Украины, разработчик космической техники, доктор технических наук, профессор, полковник в отставке, основатель Украинского отделения международного общества «Мемориал», основатель и президент Международного славянского университета в Харькове, внучатый племянник Х. Г. Раковского (1873—1941) — активного участника международного коммунистического движения, первого председателя Совнаркома Украины, расстрелянного в числе прочих политзаключенных Орловского центра, сын В. П. Раковского (1902—1939) — инженера-путейца, арестованного вслед за отцом и умершего в тюрьме во время следствия.

(13) Архив Международного «Мемориала». Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. № 3366. Лл. 10-11.

(14) Т. е., очевидно, в связи с делом правотроцкистского блока, в рамках которого Г. Г. Ягоде вменялось в вину убийство А. М. Горького и его сына.

чайшим профессиональным авторитетом. Доктор Шапиро спасла ему, доходяге, умиравшему от воспаления легких, жизнь; доктор Петров был его старшим приятелем, и общение с этим доброжелательным, интеллигентным человеком стало для молодого лагерника моральной отдушиной. Образы этих людей — одни из самых светлых в воспоминаниях Овчаренко; недаром и много лет спустя он не забывал о них, надеясь, что и для них восторжествует справедливость.

«Обращаюсь лично к вам, товарищ Сахаров, помогите найти группу врачей по делу сына Горького Пешкова М. А.» (15), — пишет он.

И еще одно тревожит, глубоко ранит и обижает бывшего краснофлотца Овчаренко: «Объявили на радио, что восстанавливают в ВЛКСМ реабилитированных, но это, вероятно, мертвых, а я, живой, взял да и написал в январе 89 года: „Прошу восстановить и меня в рядах ВЛКСМ. Тогда я буду считать себя полностью реабилитированным“. И ни ответа, ни привета» (16).

Для него, старика, членство в комсомоле, очевидно, много значило. Он вступил в ВЛКСМ в бытность свою на военной службе в конце 1939-го или в начале 1940 года. То были единственные во всей первой половине его жизни годы относительного благополучия — передышка между ужасом детства и юности и ужасом ГУЛАГа, а исключение из комсомола в начале 1941-го стало близким предвестием катастрофы. Вот почему без совершения этого странного, чисто формального действия реабилитация для него неполна. Он требует реабилитации политической, общественной, а не только уголовной. Он хочет вернуть себе свою жизнь во всей полноте — хотя бы символически.

О восстановлении в рядах ВЛКСМ ему сообщат уже вскоре — в январе 1990-го.

Павла Григорьевича Овчаренко не стало в декабре 1995 года.

Старость его была тяжела и омрачена конфликтами с близкими людьми. Но живы еще те, кто лично знал его и сумел оценить.

«С Павлом Григорьевичем Овчаренко я познакомился в 1988 году, в период создания в Харькове городской организации Всесоюзного исторического и правозащит-

(15) Архив Международного «Мемориала». Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. № 3366. Л. 11. Связь упоминаемых Овчаренко докторов с известным «делом врачей», скорее всего, представляла собой лагерную легенду. Об этом см. прим. (367) и (473) к тексту книги.

(16) Там же. Л. 11.

ного общества „Мемориал“, — рассказывает писатель, журналист Феликс Рахлин, отец которого сам прошел через ГУЛАГ. — Первое собрание по созданию этого общества состоялось в крошечном конференц-зале Харьковского отделения Союза советских писателей на ул. Бассейной (ныне ул. Ярослава Мудрого), куда набилось масса народу. Там меня включили в состав оргкомитета по созыву первой, учредительной конференции. Туда и принес П. Г. Овчаренко рукопись этих воспоминаний — толстый переплетенный том машинописи, чтение которого произвело на меня большое впечатление».

«Это был широкоплечий, невысокий, плотного телосложения старик лет семидесяти, державшийся спокойно, с достоинством, говоривший медленно, ясно, вполне логично. В беседе он был несуетлив, спокоен, степенен, умел слушать собеседника. У меня не возникало ни малейшего недоверия ни к остроте его памяти, ни к достоверности его устных и письменных воспоминаний», — таким автор «Горечи» запомнился Рахлину.

А вскоре состоялась важная для Овчаренко встреча с поэтом Евгением Евтушенко.

«В 1989 году в городском центральном лектории общества „Знание“ проводился под моим председательством вечер „Говорят жертвы сталинских репрессий“. Это была первая встреча такого рода в городе. Ее подготовка была поручена мне, и Павел Григорьевич был одним из выступавших с воспоминаниями, — продолжает Феликс Рахлин. — Вечер прошел при большом внимании всех собравшихся, много было принявших участие в обсуждении выступлений. В середине встречи на нее явился и сопредседатель (и инициатор создания Всесоюзного „Мемориала“) поэт Е. А. Евтушенко, то ли еще кандидат, то ли уже избранный харьковчанами на первых свободных выборах на Съезд народных депутатов СССР» (17). Очевидно, именно тогда Овчаренко вручил поэту экземпляр своих воспоминаний.

В эти последние годы «Мемориал» занимал важное место в жизни Овчаренко. С этой организацией он связывал надежду на историческую справедливость — не только в отношении себя и других выжив-

(17) На первых демократических выборах, состоявшихся весной 1989 г., Е. А. Евтушенко был избран народным депутатом СССР от Дзержинского территориального избирательного округа города Харькова. Кандидатом в депутаты его выдвинул Харьковский «Мемориал».

ших жертв репрессий, но и в отношении всех загубленных сталинским режимом. Неслучайно в тексте «Горечи» несколько раз встречается имя крупного советского дипломата, бывшего председателя Совнаркома Украины Христиана Раковского, осужденного в 1938 году по делу «Антисоветского правотроцкистского блока» и расстрелянного в 1941 году, внук которого, видный ученый Х. В. Раковский, в те годы был сопредседателем Харьковского «Мемориала».

Писатель, переводчица Наталия Виниковецкая встретила с Овчаренко уже на закате его жизни. «С Павлом Григорьевичем я познакомилась в 1994 году во время работы в Архиве харьковского филиала общества „Мемориал“, — вспоминает она. — Незадолго до этого он тоже сотрудничал в „Мемориале“, но „пересечься“ нам не удалось, потому что Павел Григорьевич ушел оттуда раньше, чем я пришла. Один из экземпляров его автобиографической книги „Горечь“ был подарен автором нашему Архиву и хранился среди других подобных материалов. На меня эта книга произвела чрезвычайно сильное впечатление.

Не помню, с каким именно поручением руководительница Архива Гайа Филипповна Каратаева послала меня к Павлу Григорьевичу. О моем предстоящем визите она договорилась с ним по телефону. Повесив трубку, Гайа Филипповна сказала: „Овчаренко согласен!“, из чего я сделала вывод, что его согласие не было изначально гарантировано.

Мы имели с Павлом Григорьевичем долгую доверительную беседу. Потом я еще бывала у него в доме, но, помнится, не больше двух раз. Помню, как получила от него в подарок трехлитровую банку компота его собственного изготовления, из выращенных в собственном саду слив. А в начале 1995 года я приходила к нему прощаться перед нашей репатриацией в Израиль. Тогда он подарил мне экземпляр книги „Горечь“.

После освобождения из лагеря, вернувшись в Харьков и работая на заводе, он занимался в литературном кружке. К сожалению, не помню, кто был руководителем кружка. Павел Григорьевич отзывался об этом человеке с уважением и признательностью (18).

В то время, когда я общалась с Павлом Григорьевичем, он был полон энергии,

(18) Литературная студия Харьковского тракторного завода — одно из старейших литературных объединений Украины, где получали первые уроки профессионального мастерства начинающие прозаики, поэты, драматурги, писавшие как на русском, так и на украинском языке. Очевидно, речь идет о поэте З. М. Каце (1911—2008), руководившем литературной студией ХТЗ в 1960-х гг., или о сменившем его в 1970-х литературоведе, критике и театроведе Г. М. Гельфандбейне (1905—1993).

активного интереса к жизни, к людям. Он не производил впечатления сломленного человека — скорее наоборот. Меня удивляло и восхищало то, что он остался «бойцом», я узнавала в нем молодого Павлика из „Горечи“.

К моменту нашего знакомства Павел Григорьевич был вдовцом, жил вдвоем с единственным сыном. С нежностью говорил о своей покойной жене...»

По свидетельству Наталии Виниковецкой, Овчаренко в целом закончил работу над текстом своих воспоминаний в 1989 году. «Ни одно издательство ее не приняло, — продолжает она, — но Павел Григорьевич и не думал сдаваться. Он организовал у себя дома „самиздат“ в полном смысле слова. То есть он сам печатал на ветхой пишущей машинке страницу за страницей, делал переплеты из подручных материалов и раздавал готовые экземпляры разным людям и организациям. Технология у него была следующая: он закладывал в машинку по четыре листа с копиркой (пятый лист получался нечитаемым, проверено). В результате выходило четыре одинаковых экземпляра. В следующий раз он обязательно что-то менял в своем повествовании, дополнял, исправлял и т. п. Экземпляр „Горечи“, который находится в архиве харьковского „Мемориала“, кое в чем отличается от подаренного мне. Тот авторский экземпляр, который находится у меня, „выпущен“ в 1992 году. Переплет — в полном смысле из подручных материалов, из того, что удалось раздобыть. Цветная бумага в обрезках, вырезанные из журналов картинки на обложке».

Небольшие фрагменты «Горечи» все-таки увидели свет при жизни автора. 17 августа 1989 года они были опубликованы в переводе на украинский язык в харьковской газете «Ленінська зміна» с предисловием Феликса Рахлина. «Не могу избавиться от мысли, что это будто сам Иван Денисович Шухов рассказывает о себе, — писал Рахлин. — Рассказ Солженицына — значительно талантливее, пусть даже гениален, и разве правильно было бы не выслушать и самого его героя? Журнал „Новый мир“ и сам Твардовский проявляли большое внимание к „солдатским мемуарам“; „лагерные мемуары“ не менее значимы. И сколько бы их ни было, ценность имеет

каждая отдельная работа, ибо сколько людей — столько и судебных, своих, неповторимых углов зрения...» (19).

Овчаренко в целом выстроил свою книгу к концу 80-х годов, однако и дальше продолжал работать над ней, внося различные изменения. Учитывая, что, по его собственному утверждению, в 1989 году уже существовало более двадцати экземпляров «Горечи», а также то, что в Сахаровском центре хранится экземпляр, созданный в 1990 году, а Н. Б. Винниковецкой был подарен экземпляр 1992 года, можно предположить, что в общей сложности им было создано не менее семи редакций текста.

В редакции 1992 года он, по совету Ф. Д. Рахлина, отказался от повествования в третьем лице. Там его герой уже не вымышленный Павлик Иванов, а сам Павел Овчаренко. Чисто литературные фрагменты, такие как реконструкция сознания упыря-вертухая, от скуки заманивающего жертву за «запретку», подверглись сокращению, и это привело к тому, что текст утратил часть художественной глубины; но в то же время в книге появилась дополнительная мемуарная глава, посвященная детству автора, а к приложению Овчаренко добавил фрагменты документов, связанных с историей своих многолетних попыток добиться публикации «Горечи».

Уже после его смерти Н. Б. Винниковецкая на своем личном сайте поместила полный текст «Горечи» в последней редакции по принадлежащему ей экземпляру, датированному 1992 годом (20).

«Горечь» П. Г. Овчаренко принадлежит к редчайшему типу воспоминаний о ГУЛАГе, авторы которых по происхождению были далеки от письменной культуры. По оценке исследователя лагерной мемуаристики И. Л. Щербаковой, общее количество воспоминаний, оставленных узниками ГУЛАГа, составляет 2–3 тысячи текстов, абсолютное большинство из которых написано представителями интеллигенции, партийной и советской номенклатуры (21). Между тем большинство населения «архипелага» составляли выходцы из самых массовых социальных слоев — крестьяне и рабочие. Их восприятие ГУЛАГа, их опыт выживания и по сей день в значительной степени остаются закрытыми для нас.

(19) Овчаренко П. Гіркота // Ленінська зміна. 1989. 17 серпня. С. 2.

(20) См.: <http://vini.orgfree.com/Bitterness/content.htm>

(21) Подробнее об этом см.: Щербакова И. Л. Память ГУЛАГа. Опыт исследования мемуаристики и устных свидетельств бывших узников // Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетии: Сб. статей. Челябинск, 2004. С. 168—185.

Отчасти аналогию «Горечи» можно найти в воспоминаниях Ивана Трифоновича Твардовского — смоленского крестьянина, младшего брата знаменитого поэта, который прошел все круги ада: раскулачивание, ссылку, фашистский плен и сталинские лагеря. Подобно Овчаренко, он окончил свою ГУЛАГовскую эпопею на Чукотке и так же после всего пережитого обратился к литературному труду (22).

Однако «Горечь» — это далеко не «наивные» мемуары. Временами Павел Овчаренко подчеркнуто расподобляет себя и главного героя книги — Павлика Иванова, прямо обращаясь к «уважаемому читателю» с авторскими комментариями. В то же время беллетризация помогает «зацепить» читателя, добиться от него эмоциональной вовлеченности в происходящее. Этой же цели служит включение в прозаическое повествование множества поэтических фрагментов. Свой текст Овчаренко обильно прослаивает чужими, по большей части хорошо знакомыми читателю, — отрывками песен (популярных советских, народных, революционных, блатных, бардовских) и стихами, которые иногда тоже зовет песенками. Часто его цитаты грешат неточностью; с первоисточниками он явно не сверялся, поскольку все это многообразие поэзии помнил наизусть.

Для Павла Овчаренко не было поэзии высокой и низкой, и потому так естественно для него и так невыносимо для читателя вплетаются в бесчеловечный лагерный контекст вперемешку с «жиганской» лирикой стихи Пушкина, Лермонтова, Шевченко, Некрасова, Есенина, Ахматовой... И вдруг открывается чудовищное родство меланхолического «Вечернего звона» Ивана Козлова с жалостным «блатняком». Арестантские песни двух столетий сливаются в единый стон.

Есть у его книги и еще одна характерная особенность — кинематографичность мышления автора.

Павлу Овчаренко мало, чтобы читатель воспринимал его повествование через призму слова. Он покадрово раскладывает свои главы, фиксирует кульминации яркими визуальными деталями и «озвучивает» свое повествование как в фильмах, где песни выступают продолжением видеоряда, развивают и обобщают то, что уже увидел

зритель, и то, что ему еще предстоит увидеть и осознать.

Как в кино, он замедляет время, чтобы читатель увидел-услышал-почувствовал всеми обостренными чувствами приговоренного то, что совершается в одно бездонное мгновение, — как делает первый шаг колонна заключенных, как кричит на возчика и бьет его лошадь озверевший начальник лагеря, как нехотя трогаются с места сани, как скользит, извиваясь, по талому снегу привязанная к ним веревка, которая вот-вот должна затянуться у него на горле...

Уделяя большое внимание диалогам, он старается графически передать даже интонацию речи своих персонажей, чтобы читатель мог услышать, как лениво-презрительно цедят слова блатные, как отрывисто лают конвоиры и как захлебывается рыданиями сам Павлик. Вот только нецензурщину, из которой в значительной степени состояла лагерная речь, он в свое повествование не пускает — заменяет неуклюжими, многосложными эвфемизмами.

Внешний сюжет «Горечи» — страшные приключения «морячка» в ГУЛАГе, своего рода адская «Одиссея», но есть в ней и особый нерв, который делает эту книгу чем-то большим, чем просто воспоминания, и выводит ее в пространство литературы.

Консультант Союза советских писателей находил, что как писатель Павел Овчаренко безнадежен, и его книгу никогда не удастся дотянуть до того, чтобы «хотя бы с оговорками назвать ее повестью». Однако Наталия Винниковецкая говорит о нем как о «человеке с творческой потенцицией Джека Лондона», тут же оговариваясь, что подобные испытания Джеку Лондону и не снились.

Она права.

За семь лет и два месяца своих мытарств Павлик испытал участь доходяги и благополучного «придурка», был лесорубом, шахтером, токарем, пекарем, банщиком, вязал носки в «слабосиловке», делал ложки и портсигары, кайлил окаменевшую от мороза глину и таскал тяжелые тачки с грунтом; побывал и простым работягой, и старостой барака, и бригадиром; наживал нехитрое эзковское добро и терял все до нитки. Он умирал от голода, от жажды, от болезни, замерзал, его рвали конвойные

собаки, он шагал полуживой, привязанный к саням с петлей на шее. Он чудом не попал на пароход, который у него на глазах взлетел на воздух. Он встретил любовь и отпустил ее, когда понял, что она его не дождется. Рвался на фронт и стал свидетелем «Сучьей войны» между ворами-«законниками» и теми из блатарей, кто не брезговал сотрудничеством с начальством. Бросал отчаянный вызов конвою и надзирателям и хитрил, выгадывая лишний день жизни. Не раз побывав на краю смерти, он повидал значительную часть ГУЛАГа — от Горной Шории до Чукотки.

Однажды на этом пути он проклял Бога.

«Если ты всемогущ и не желаешь добро человеку сделать, то я тебя проклинаю, отправь меня за это в ад!.. Ты хуже черта, хуже гориллы, зеленый ты крокодил, прокаженная твоя душонка, образина ты, в гробу я тебя видел... Не принимаешь?.. Ну-у-у... Если так!.. То хороню я тебя здесь на всю жизнь в суровой Горношории. Ты для меня больше не существуешь, аминь, аминь, аминь!!!»

Бог не отозвался, не заговорил с ним, как с Иовом, но... «Смотрите, что произошло на следующее утро, — замечает Наталия Виниковецкая. — Невероятные вещи! Начальник лагеря, само воплощение зла, еще вчера хотевший убить Павлика, вдруг неожиданно проявляет к нему милосердие. Милосердие! Через несколько дней жестокий надсмотрщик наносит Павлику удар дубинкой по больной ноге. Чудовищная боль! Но, как оказалось, этот удар привел к вскрытию гнойника и в результате к исцелению... Это ли не цепочка чудес? Я думаю, Бог все-таки ответил на молитву Павлика».

Жизнь, а с нею и мытарства, продолжилась.

«Убежден, что лагерь — весь — отрицательная школа, даже час провести в нем нельзя — это час растления. Никому никогда ничего положительного лагерь не дал и не мог дать. На всех — заключенных и вольнонаемных — лагерь действует растлевающим» (23), — утверждает Шаламов. Но его собственное свидетельство о бесчеловечии само по себе становится исповеданием человечности. То же относится и к «Горечи» Овчаренко.

золотом выполнена каллиграфическая надпись: «Овчаренко Павел Григорьевич. Горечь. Харьков. 1990 г.». Так же золотом от руки выполнена надпись на титульном листе, содержащая имя автора, заголовок с подзаголовком «Воспоминания и размышления», выходные данные и эпиграф из Солженицына. За титульным листом следует машинописный шмуцтитул со вторым эпиграфом, взятым из Гоголя.

Оформляя свою книгу, Овчаренко прибегает к использованию цветной копирки — красной и реже зеленой, выделяя таким образом заголовки глав и вставные элементы: планы, эпиграфы, фрагменты песен и стихотворений, целые документы. Заботится он и об украшениях — комбинируя всевозможные знаки, имеющиеся на пишущей машинке, создает бордюры и виньетки.

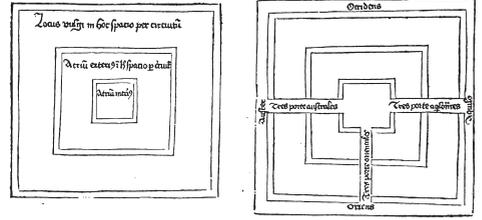
Свою книгу он снабдил тремя собственными портретами. На обороте шмуцтитула вклеена фотография 22-летнего Павла Овчаренко в форме краснофлотца, сделанная в 1941 году незадолго до ареста, а в конце текста помещены еще две фотографии — 1949 года, снятая через год после освобождения, и 1967 года, сделанная после реабилитации. Все листы с фотографиями защищены дополнительно вплетенными листами кальки.

Особенную ценность экземпляру из собрания Сахаровского центра придают схематические планы лагерей, через которые прошел П. Г. Овчаренко. Их десять:

- 1 Лагерь Хабаровского кирпичного завода;
- 2 Хабаровская пересылка;
- 3 8-й лагпункт Горной Шории на станции Чугунаш;
- 4 7-й лагпункт Горной Шории в поселке Таштагол;
- 5 1-й лагпункт Горной Шории в поселке Темиртау;
- 6 Швейная фабрика в поселке Яя;
- 7 Лесоповал от Яйской швейной фабрики;
- 8 Пересылка в бухте Находка;
- 9 Лагерь в поселке Певек;
- 10 Лагерь при руднике Валькумей близ Певека.

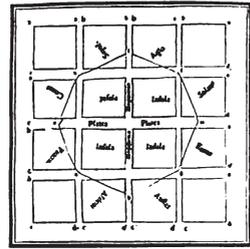
De edificatione templi

De edificatione templi... *[The text continues with a Latin inscription describing the construction of a temple, mentioning the use of a square and various architectural details.]*

Sequentes due figure ornatu potest representari

PRIM VS. 12

De edifice locor ad vltim etiam... *[The text continues with a Latin inscription describing the layout of the temple, mentioning the use of a square and various architectural details.]*

с однокетельным флажковым набором и крайне ограниченными возможностями внутритекстовых выделений и проч. И тут Овчаренко (возможно вопреки своим желаниям) за счет «сниженной» технологии, прямолинейности и обаятельного честолюбия удается пробиться сквозь формальные книжные каноны СССР 50-х годов напрямую к первоисточнику — книгопечатанию инкунабульного периода. Непорочное желание украсить свой труд, простота и ясность выразительных средств, — свойственны средневековому новатору книгоиздания в той же степени, что и советскому заключенному и совсем не типичны для большинства известных примеров самиздата. Наиболее ярко и объемно все эти составляющие проявили себя в оформлении схем-планов лагерей, которые приводит

Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ.

Для абсолютного большинства перечисленных объектов планы Овчаренко являются единственными изображениями.

Скрупулезно фиксирует он все объекты, находившиеся как на территории лагерей, так и за территорией, если они упоминаются в тексте воспоминаний. Как бывший моряк Овчаренко указывает даже стороны света. Графические планы виртуозно выполнены с помощью пишущей машинки и немного подрисованы шариковой ручкой. Каждый помещен на отдельном нумерованном листе, вплетенном в начале соответствующей главы.

В книге 442 нумерованные страницы, текст напечатан на обеих сторонах листа.

В конце, как положено настоящей книге, — оглавление и выпускные данные, согласно которым она была сдана в переплет 1 января 1990 г. (25) и вышла тиражом пять экземпляров, причем на экземпляре Сахаровского центра от руки проставлен номер 4.

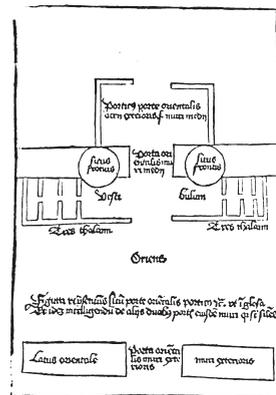
«Переплет — 3 руб., художественное оформление — 1 руб., бумага — 2 руб., лента и копировальная бумага — 3 руб., фото 3 шт. — 3 руб. плюс труд — два месяца» — такова лаконичная смета этой авторской книги.

С разрешения Н. Б. Винниковоцкой в качестве Приложения 1 к настоящему изданию книги П. В. Овчаренко «Горечь» помещается глава, посвященная детству автора, в редакции 1992 года. Из той же публикации заимствована фотография П. Г. Овчаренко, сделанная в 1948 году вскоре после освобождения.

В состав Приложения 2 включены фрагменты архивных документов, касающихся наблюдения командования за политическими настроениями краснофлотца Овчаренко в 1940 году — в период, предшествовавший его аресту, а в состав Приложения 3 — отдельные документы из его следственного дела.

Подготовка текста и комментариев — Н. В. Самовер.

Все опубликованные в настоящем издании тексты П. Г. Овчаренко подвергнуты минимальной литературной правке, не затрагивающей авторский стиль.

автор. Наивная картография и архитектура, будучи воплощены в условно-фигуративном наборе — все это буквально повторяет архаическую потребность запечатлеть мир в доступном материале. В результате мы можем наблюдать подлинное фактурное родство «Горечи» скорее с изданиями Альда Мануция, Петера Шеффера и палеотипами Плантена.

Sopra de questo superbo & Triumphale uectabulo, uidi uno bianchissimo Cysno, negli amoroosi amplexi di una inclita Nympha filioz de Theleo, di incredibile bellezza formata, & cum el diuino rostro oblectantif, demissile le ale, regeua le parte denudate della igenua Hera, Et cū diuini & uoluptici oblectamenti illa uano delectabilmente iucundissimi ambi conncxi, Et el diuino Olore tra le delicate & niuce coxe collocato. Laquale commodamente sedeuo sopra dui Puluini di panno dorato, exquisitamente di molliccia lanugine tomentati, cum tutti gli sumptuosi & ornanti correlarii opportuni. Et ella induta de uesta Nympha le subtile, de ferico bianchissimo cum trama doro texto praluccente

Agli loci competenti elegante ornato de petre pretiose.

Sencia defecto de qualunque cofa chead incremento

di dilecto uenustamente concorre. Summa

mente agli intuenti conspicuo & dele

tabile. Cum tutte le parte che

al primo fue descritto

dilaudē & plau

so.

*

Эти нюансы легли в основу оформления издания, которое вы держите в руках: по сути это документальный перенос наборных качеств оригинального издания на новый формат, бумагу, шрифт — с целью выявить и использовать плотность, простоту и аскетичность оригинального издания. Книга полностью перенабрана, вместе с «иллюстрациями» и декоративными элементами — это можно считать ключевым эпизодом оформления, расширяющим понятие документального воспроизведения до типографической репродукции (чтобы дать формальное представление о внешности оригинального издания, книга снабжена фотографиями). [Примеч. дизайнеров].

(25) Это не совсем точно, т. к. в подборке документов, приложенной к книге, присутствует справка из Харьковского обкома ЛКСМ Украины от 5 января 1990 г.

Благодарю Д. Г. Юрасова (Москва),
Управление СБУ в Харьковской области,
лично начальника Управления
Н. В. Найдича и сотрудника архива
О. Васину, И. Ю. Рапп (Харьковская
правозащитная группа, Украина),
Н. Б. Винниковецкую (Модиин, Израиль),
Ф. Д. Рахлина (Афула, Израиль),
А. Г. Козлову (Международный «Мемориал»,
Москва), Л. И. Неунывахину (музей-
заповедник «Трехречье», пос. Усть-Кабырза
Кемеровской области), Управление ФСБ
России по Хабаровскому краю,
Ю. А. Егорова, Я. В. Леонтьева,
А. Н. Мельникова, Н. В. Петрова,
Л. В. Садовникову, И. А. Фионова,
О. В. Эдельман (Москва), М. И. Розенфельда
(Харьков, Украина), И. А. Щекотову,
Т. А. Гнилицкую и Т. П. Громову, Л. Г. Холину
(Сахаровский центр, Москва), Р. В. Романова
и других сотрудников Государственного
музея истории ГУЛАГа (Москва), а также
читателей фейсбука Сахаровского центра
В. К. Любарскую, Н. Лычивек (Берлин,
Германия), А. Н. Пашаева (Гатчина),
М. Х. Сатторова, В. Ю. Токарева (Москва),
И. В. Ивановскую (Санкт-Петербург)
и других за многообразную помощь,
оказанную при подготовке этого издания.

Особая благодарность

Г. Г. Суперфину (Бремен, Германия).

ПРИГОВОР

Именем Союза Советских
Социалистических Республик
9 августа 1941 г., г. Хабаровск, База АКФ
Военный трибунал Амурской
Краснознаменной флотилии в составе:
ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩЕГО —
военного юриста 2-го ранга ФОНАРИКОВА,
членов: капитана ХАЛИМОН
и воентехника 2-го ранга САБАНЦЕВА,
при секретаре глав. старшине БЕЛОВЕ,

рассмотрев в закрытом судебном заседании дело по обвинению бывшего краснофлотца Н-ского соединения АКФ ОВЧАРЕНКО ПАВЛА ГРИГОРЬЕВИЧА, 1919 г. рождения, уроженца д. Базалиевка Печенежского района Харьковской области, по происхождению из крестьян, по соц. положению рабочего, по национальности украинца, беспартийного, образование в объеме 7 классов, на военной службе добровольно с 1939 г., ранее не судившегося, — в преступлении, предусмотренном ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР,

У С Т А Н О В И Л С Л Е Д У Ю Щ Е Е:

Подсудимый ОВЧАРЕНКО, будучи антисоветски настроен, систематически проводил среди личного состава части контрреволюционную агитацию, а именно: за период с августа по декабрь месяцы 1939 г., а также в феврале и апреле м-цах 1941 г. в разное время в беседах с военнослужащими выступал с контрреволюционными клеветническими суждениями, направленными против мероприятий ВКП(б) и Советского правительства по укреплению обороноспособности нашей страны, а также по укреплению трудовой и воинской дисциплины и возводил контрреволюционную клевету на условия службы в Красной Армии.

Также в ноябре м-це 1940 г. в разное время подсудимый ОВЧАРЕНКО в беседах с военнослужащими возводил контрреволюционную клевету на материальное положение трудящихся СССР, клеветал на советскую печать и восхвалял армию одного из капиталистических государств.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
ВСЕСОЮЗНЫЙ ЛЕНИНСКИЙ
КОММУНИСТИЧЕСКИЙ СОЮЗ МОЛОДЕЖИ
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
МОСКВА, ул. Богдана Хмельницкого, д. 3/13

№ 0-1927/а 14 апреля 1989 г.
310089, Харьков, пос. Фрунзе,
Днестровская, № 16-2.
ОВЧАРЕНКО П. Г.

Ваше письмо поступило в Комитет ЦК ВЛКСМ
по реабилитации комсомольцев.

После внимательного рассмотрения Вашей прось-
бы Вы будете проинформированы о принятом решении.

Зам. председателя Комиссии ЦК ВЛКСМ
по реабилитации комсомольцев.

ПОДПИСЬ
В. ХОРУНЖИЙ

На семьдесят первом году моей жизни собираются
меня восстановить в комсомоле, как жаль, что жизнь
коротка!

А я одной ногой шагаю с комсомолом,
 Второй давно уже в гробу.
 Зачеркнуть бы всю жизнь,
 Да начать все сначала,
 Да узнает ли Родина-Мать
 Одного из пропавших твоих сыновей.
 Так перебиты, поломаны крылья,
 Дикой болью мне душу свело,
 Кокаина серебряной пылью
 Все дорожки мои занесло.
 С ранних лет я не вижу отрады,
 Потерял я родимую мать,
 И с судьбой познакомился рано,
 Научила судьба тосковать (26).

(26) Контаминация песни
 Е. Д. Аграновича из кинофиль-
 ма «Судьба резидента» (1970)
 «Зачеркнуть бы всю жизнь да
 сначала начать» и блатной пес-
 ни «Перебиты, поломаны кры-
 лья», восходящей к кинофиль-
 му «Заклученные» (1936).

жожожожожожожожож
 хфхфхфхфхфх

На рассвете все это началось.
 Все летело и вертелось и рвалось.
 Ничего народ со зла не разберет,
 Кто вперед бежит, а кто наоборот.
 И поперла эта сволочь не вчера,
 Распроклятого июньского утра.

Неизвестный автор (29)

За далекими уральскими горами, за озером Байкал, там, где река Иман границей разделяет старый и новый мир, около железнодорожной ветки расположился заштатный городишко Иман (30).

Воскресенье под Новый 1941 год порадовало иманских краснофлотцев оттепелью. В казарме все чистятся, приглаживают до блеска форму, стремятся попасть в увольнение. Но отзвучали дудки (31), и ушли счастливики в город. Зимой весь плавсостав живет в портовой казарме, а рядом в заливе стоят замороженные бронекатера (32). В этом дивизионе служит комендором (33) Павел Иванович Иванов: мускулистый крепыш чуть-чуть выше среднего роста. Грудь у него выпуклая, голова круглая. Редкие конопатинки на круглом розовом лице у самого носа вместе с маленькими пунцовыми губами вызывают симпатию, но какой-то настырный, колючий и упрямый взгляд карих глаз под густыми черными бровями придает ему не совсем приятное выражение.

Во время боевой подготовки башни бронекатеров оживают. В сухом морозном воздухе раздаются команды, то «право на борт!», то «лево». Пройдут практические занятия, и снова замирает в первозданной красоте бело-снежный залив, окутанный сказочными золотисто-вафельными облаками. Лишь часовые и днем и ночью бдительно охраняют свои боевые корабли.

Краснофлотцы, свободные от вахты, устремились в портовый клуб, который расположен в казарме за стенкой. В клубе выступает самодеятельность дивизиона. Клуб заполнен до предела краснофлотцами, комсоставом и их семьями. Павлик участвует в спектакле

(29) Неточная цитата из песни М. Н. Ножкина «На рассвете» (1969), которая в исполнении автора распространилась в музыкальном самиздате.

(30) Иман — город в Приморском крае близ границы с Китаем при впадении одноименной реки (ныне Большая Уссурка) в Уссури. В 1972 г. переименован в Дальнереченск. Перед войной — место базирования Иманского отдельного дивизиона речных кораблей Амурской Краснознаменной флотилии (ИОДРК АКФ). В 1-м отряде этого дивизиона проходил службу краснофлотец П. Г. Овчаренко.

(31) Боцманские дудки, использовавшиеся для подачи команд экипажу судна. В данном случае сигнал, услышав который, краснофлотцы, свободные от службы, отправились в увольнение.

(32) В состав ИОДРК входили большие «амурские» бронекатера проекта 1124, снабженные двумя танковыми башнями с 76-миллиметровыми пушками и двумя малыми пулеметными башнями.

(33) Комендор — матрос-артиллерист.

(34) Драма Л. П. Карасева «Огни маяка» (1938) в то время шла во многих профессиональных театрах страны. В центре ее — разоблачение советскими моряками-дальневосточниками своего товарища — моториста Нефедова, оказавшегося японским шпионом, и борьба с японцами за маяк.

(35) Парторг — сокращенное от «партийный организатор», выборный глава партийной организации, в данном случае существующей по месту службы. В его обязанности входил надзор за политическими взглядами, бытовым поведением и лояльностью в первую очередь членов Коммунистической партии, но фактически высокий статус парторга позволял ему жестко отчитывать не только коммунистов, но и беспартийных краснофлотцев.

(36) С мая 1939 г. срок службы краснофлотцев составлял пять лет. Овчаренко, в отличие от своего товарища, служил только второй год.

(37) Имеется в виду заместитель командира дивизиона по политической части батальонный комиссар Яценко.

«Огни маяка». Вопреки его желанию ему навязали роль шпиона (34). Володя — друг по кубрику и расписанный по боевой подготовке в одной башне с Павликом — по ходу действия спектакля арестовывает этого шпиона. Еще до выхода на сцену друзья договорились между собой выкинуть номер — оживить скучный промежуток спектакля, виденный и перевиленный несколько раз присутствующими в клубе. Как только постановка подошла к роковому месту, в зале взбудоражились, зашумели, словно после спячки проснулись пчелы: «Володя, вяжи шпиона!», «За яблочко его!.. За яблочко!..»

Павлик и Володя забыли о сцене, о спектакле, в азарте увлеклись, не желая уступать друг другу, и, изрядно усталые, но довольные концовкой спектакля, под аплодисменты скрылись за кулисами, воображая себя артистами, сумевшими из ничего сделать что-то интересное, оживившее скучающий зал. Тут же появился гневный парторг (35) и грозно накинулся на переодевающихся самовольцев:

— Что вы за балаган устроили на сцене вместо спектакля?..

— А что плохого?.. Что, враг не будет сопротивляться? Ребят посмешили! Так же не бывает, что без сопротивления враг сдаётся... — потушив свою радость, отвечает Павлик.

— Да вы знаете, что комиссар дивизиона очень и очень недоволен вашей партизанщиной? — с гневом и упреком говорит парторг, ответственный за культурно-воспитательное мероприятие.

— Это все Павлик выдумал. «Давай, — говорит, — учудим на сцене, повеселим братву!»

— А ты куда же смотрел?.. Ты же по четвертому году службы (36)! Ну-у-у... Влетит вам за эту антисоветскую выходку! — пригрозил парторг, удаляясь объявлять следующий номер самодеятельности.

Как организатор культурно-массовой работы в дивизионе он переживает за свою собственную шкуру: кто-кто, а он прекрасно разбирается в политической ситуации тридцатых годов, которая сложилась в стране: абсолютно ни за что по воле сурового закона можно свою жизнь потерять или искорежить на всю жизнь.

Комиссар дивизиона (37) все время внимательно следил за каждым движением «шпиона», сидя в первом

ряду. В особом отделе дивизиона лежит заявление на Иванова как на чуждого элемента (38). А здесь, на сцене, да еще в сухопутной форме белогвардейца с погонами на плечах, настоящий шпион ему мерещился.

С этого дня Павлик приметил, что на вахту у бронекатеров его не назначают, лишь в казарме дневальным ставят. Павлик почувствовал, что над ним нависла черная туча. Но в казарме он несет службу исправно и беспрекословно подчиняется старшим по званию. Появление командиров он встречает громкой командой «Сми-р-р-ноо-о!!!», и казарма замирает, только слышны быстрые шаги дежурного старшины, бегущего по коридору отдать рапорт вошедшему командиру. Командиры, соответственно уставу, отвечают дневальному на приветствие приветствием, лишь один комиссар всегда гордо проходит мимо дневального к дежурному, не замечая Павлика, нанося горькую обиду своему подчиненному, несущему по уставу службу.

Через несколько дней после спектакля нарушителя мероприятия на сцене настойчиво пригласили на комсомольские собрание.

Собрание открыл комсорг (39).

— Товарищи! ... На повестке дня предстоит разобрать два вопроса: первый — о пребывании краснофлотца Иванова в рядах ВЛКСМ! Второй вопрос — о боевой и политической подготовке дивизиона! Какие будут предложения и добавления?..

— Утвердить повестку!..

— Утвердить!..

— Прошу для ведения собрания председателя и секретаря и для ведения протокола!

Секретарем избрали старшину мотористов Волошина из пятнадцатого бронекатера, а председателем, как и водится всегда, остался комсорг.

— По первому вопросу слово предоставляется командиру бронекатера № 25 младшему лейтенанту Абрамову (40)!

— Товарищи краснофлотцы!.. — начал командир бронекатера. — Краснофлотец Иванов напичкан антисоветскими бреднями и настроением, он недоволен всем тем, что нас окружает! Он говорит, что у нас в Советской стране нет в магазинах ни мануфактуры, ни продук-

(38) Документы, подтверждающие то, что замполит дивизиона Яценко вел наблюдение за краснофлотцем Овчаренко, собирая свидетельства его политической неблагонадежности, см. в Приложении 2 к настоящему изданию.

(39) Комсорг — сокращение от «комсомольский организатор», выборный глава комсомольской организации, в данном случае по месту службы. Комсорг и парторг вместе с замполитом (заместителем командира части по политической части) контролировали моральные и политические настроения офицеров и краснофлотцев.

(40) Абрамов С. И. — младший лейтенант, секретарь парторганизации 1-го отряда, командир бронекатера № 25, на котором служил Овчаренко.

(41) Камень-Рыболов — поселок на берегу озера Ханка, районный центр, где базировался отряд бронекатеров Амурской Краснознаменной военной флотилии.

(42) В Камень-Рыболове дислоцировалась 8-я отдельная кавалерийская дивизия.

(43) Принайтовать (морской термин) — закрепить что-либо при помощи веревки или троса.

тов питания. Он дошел до того, что даже восхваляет японских самураев...

— Такое, — вмешался комиссар, не поднимаясь с места, — о наших исконных врагах, комсомольцы, не только вслух произносить, но даже думать непозволительно!.. Продолжайте, товарищ младший лейтенант!..

—...Я как его командир предлагаю исключить его с рядов ВЛКСМ. У меня все! — и сел, устало вытирая пот с лица окаймленным белым платочком.

— Предоставляется слово Иванову! — приподнявшись, говорит комсорг. — Пусть он нам расскажет, как он дошел до такой мысли...

Огорченный Павлик встал. Ему очень обидно, что командир бронекатера спор превратил из мухи в слона. Подавляющее большинство краснофлотцев знает, что Павлик отбил у Абрамова девку в парке Камень-Рыболова (41), где свободные от вахты краснофлотцы проводят свой досуг по вечерам. Там играет духовой оркестр кавалерийской дивизии (42), и много камень-рыболовских девчат и ребят убивают там все свое свободное время. А парк совсем рядышком с пирсом, у которого принайтованы (43) бронекатера. Иванову всего двадцать второй годик, он молод и зелен, он не стремится еще ни к семейной жизни, ни к амурам, а просто от нечего делать то с одной девушкой проведет время, то с другой для разнообразия, безо всякой задней мысли. Он и не знал, что это зазнаба командира бронекатера. Командиру ведь все сорок лет, но шило в мешке не утаишь. Вся беда в том, что стали смеяться в дивизионе между собой краснофлотцы, младший комсостав и командиры. Дошел этот ехидный слух и к Абрамову, и затаил он смертельную обиду на своего подчиненного. Что ему нужно от Павлика? Ведь он женат, жена и дети находятся на базе в порту иманского дивизиона речных бронекатеров. И эта месть ох как дорого обойдется подчиненному рядовому Иванову. Но он ведь сосунок и ничего этого не подозревает, но чувствует, что над ним нависло какое-то непоправимое горе, особенно если выгонят из комсомола, и он невнятно залепетал:

— Товарищи!.. Товарищи!.. Да что же такое?.. Товарищи!.. Я об одном лишь прошу!.. Я очень прошу!.. — и сел на свое место, переживая момент.

— Что же ты просишь?.. — насмехается комиссар дивизиона.

Иванов снова поднялся.

— Не исключайте меня из комсомола! Я очень, очень прошу! Я исправлюсь! — голос у Павлика задрожал, глаза заблестели искренней слезой.

Хотя он говорит: «Я исправлюсь», но горе в том, что он не знает, как исправляться и в чем его вина. Говорил он, что в магазинах продуктов не хватает, — так это же правда. Говорил он, что кавалеристов в Камень-Рыболове плохо кормят — и это правда, ведь он сам, собственными глазами видел, как они кидаются в столовой на обедки. Ну какие же здесь вражеские действия? Не может он сообразить.

—...Я исправлюсь!.. Я исправлюсь!.. Я все!.. — окончил он тихим, беспомощным голосом и снова сел, как будто кем-то тяжело избитый.

Рядом сидят задушевные друзья, которые знают Павлика как шутника и весельчака, они уныло опустили головы, стесняясь взглянуть своему другу во влажные глаза.

— Кто желает выступить по данному вопросу?.. — нарушил воцарившуюся тишину председательствующий комсорг.

— Я хочу сказать несколько слов, — встал старшина второй статьи Храбров. — Товарищи!.. Я с Ивановым служу по третьему году службы. Я как старшина бронекатера по хозяйности могу охарактеризовать так Иванова: он отличник боевой и политической подготовки, он ведет себя хорошо и в быту. Я лично не замечал, чтоб он отнесся безалаберно к порученному ему делу. Там, где он выполняет задание, проверять нет надобности, кроме всего этого он с жадностью изучает, я бы сказал, «грызет» побочные специальности, что на бронекатере крайне важно — взаимозаменяемость! Он сегодня может полностью заменить рулевого, сигнальщика и даже моториста, и то, что всегда БЧ-2 (44) 25-го бронекатера первое в дивизионе, в этом не последняя заслуга краснофлотца Иванова...

— Вы покороче, старшина второй статьи Храбров! — перебил его дивизионный комиссар из заднего ряда. — Мы не характеристику ему стряпаем в институт благородных девиц, а ставим вопрос о пребывании его в рядах Ленинского комсомола!

Храбров полуповернулся, посмотрел внимательно комиссару в глаза и продолжил, закругляясь:

(44) БЧ — боевая часть (подразделение экипажа корабля), в данном случае артиллерийская.

(45) Рундук — ящик для хранения личных вещей на судне.

— ...Мое предложение: не исключать его с рядов ВЛКСМ, он ведь не имеет никаких взысканий и замечаний. Я предлагаю вынести ему строгий выговор с предупреждением!

— Кто еще желает высказаться по данному вопросу?

— Прошу мне слово, — поднялся наводчик Скворцов. — Мы с Павликом...

— Не с Павликом, а с Ивановым!.. Ну что это за панибратство на таком ответственном комсомольском собрании?.. — направляет комиссар Володю на официальный тон.

— ...Мы с Ивановым служим плечом к плечу, вместе в одном кубрике рядышком спим, рядышком наши рундуки (45) находятся, вместе расписаны по боевой тревоге, на берег вместе ходим с комсомольцем Ивановым, и я никогда не замечал за ним что-то такое, что компрометировало бы краснофлотскую честь и гордость... ну балагур, шутник, может подковырнуть неряху — так это же все по делу...

— Я бы сказал, товарищ Скворцов, — прервал его комиссар, — усыпив бдительность к нашим врагам, вы не заметили. Зато другие заметили и доложили в письменном виде, и мы обязаны вывести эти антисоветские выпады на чистую воду. Продолжайте, наводчик Скворцов!

— ...Я предлагаю оставить Иванова в комсомоле! Вспомните, — повернулся он к комиссару, — как месяц назад мы разбирали проступок Шалымова, как он нагло заявлял: «Можете выгнать меня из комсомола!», и его не исключили. А Иванов от всей души, со слезами на глазах просит нас оставить его в рядах Ленинского комсомола... Нет!.. И еще раз нет!!! Таких нельзя исключать!.. Он не заслужил этого... — вдруг Володя взглянул в сторону комиссара и что-то увидел в его глазах такое, что засуетился, съехался и невнятно забормотал: «Предлагаю объявить выговор, но не исключать!» — и сел, съездившись в комок.

— Больше нет желающих выступить по данному делу?..

«Мне дайте слово сказать!» — просит комендор с кормовой башни. «Я хочу сказать!» — тянет руку кверху командир отделения БЧ-2 Грицай. «Дайте мне слово!» — шумит старшина комендоров из 15-го бронекатера.

Соображая, что собрание отклоняется от намеченного плана, поднялся комиссар:

— Товарищи комсомольцы! Должен вам сообщить, что Матвеев, арестованный на 15-м бронекатере, которого вы, старшина, защищали, оказался врагом народа и получил по заслугам семь лет заключения! Вот вам, Разводовский, урок бдительности! Прозевали вы этого субчика! А этому... его дружку, видите ли, советская власть не по нутру!.. В магазинах ему не хватает. А что ему надо?.. Государство кормит и одевает... Шоколадов ему поднесите!.. А знаешь ты, — добывает он морально Иванова, — что один снаряд стоит столько, сколько твоя корова в колхозе? А нас окружают исконные враги... И мы обязаны неустанно крепить могущество нашего священного Отечества, ведь так и жди от презренных этих самураев, вот-вот полезут словно саранча! А он возвышает этих врагов, нашел геройство в харакири... Да вышвырнуть его немедленно из рядов Ленинского комсомола! Я кончил, товарищи комсомольцы!

— Кто еще будет говорить по этому вопросу? — обращается председательствующий.

Поднялся Гужва, комендор с 93-го бронекатера. По боевой подготовке его БЧ всегда на последнем месте в дивизионе из-за него, но он старается в иной области, даже в мертвый час умудряется зубрить политический материал, он считает его главнее боевой подготовки, задает комиссару очень легкие наивные вопросы, за что комиссар очень любит его и часто в пример остальным ставит этого тупицу. Вот и сейчас никто не додумался, а он высказал гениальную мысль:

— Я пропоную выключити його із рядів Ленінського комсомолу, а потім, як тільки він виправиться, тоді ми его знову приймемо до лав комсомолу! (46)

— Больше нет желающих выступить?.. — Воцарилась зловещая тишина. — Переходим к голосованию!..

На столе в кумачовой обложке лежит комсомольский билет. Для Иванова наступил решающий момент томительного ожидания, через несколько минут будет решен вопрос: быть или не быть Павлику комсомольцем.

— ...Голосуем! Кто за то, чтоб исключить Иванова с рядов ВЛКСМ?.. — отчеканил отдельно каждое слово комсорг и первым поднял руку.

За комсоргом поспешил Гужва, руки поднимаются еще и еще. В душе Павлика пробежала теплая искра

(46) Я предлагаю исключить его из рядов Ленинского комсомола, а потом, как только он исправится, мы снова его примем в комсомол (украинский язык, далее: укр.).

(47) Хутоу — город на китайском берегу Уссури напротив Имана, центр мощного укрепрайона. Перед войной там располагалась крупная крепость, построенная японцами в 1934—1939 гг. Лыжный кросс советских военных моряков по льду речного залива напротив Хутоу имел демонстративный характер.

надежды, что за то, чтобы оставить в комсомоле, будет больше голосов. В этот миг поднял руку комиссар, и Иванову показалось, что он взмахнул саблей; руки устремились ввысь одна за другой, образовав лесную чащу, даже старшина Храбров и задушевный друг Володя поспешили проголосовать, боясь своего запоздалого одиночества.

— ...Единогласно!.. — объявил председательствующий. — Переходим ко второму вопросу повестки дня.

— Иванов!.. Вы можете покинуть комсомольское собрание! — приподнявшись, заявил комиссар.

Павлик сидит, как закаменелая статуя, в груди образовалась какая-то снежная пустыня, по лицу катятся, поблескивая, крупные слезы. В этот миг Павлик понял, что в скором будущем его ждет какое-то суровое, непоправимое горе. Комиссар сообразил, что с этим непокорным краснофлотцем, находящимся в шоковом состоянии, невозможно нормально разговаривать, и дал команду:

— ...Продолжайте собрание!..

Что говорили на собрании, Павлик не соображал, внутри бурлила вьюга. Окунувшись в свое горе, он непрерывно горько, глубоко всхлипывал, слезы катились по бороде, залили щеки, висят на кончике носа, а Павлик стесняется поднять руку, вытереть лицо, ему кажется, если он поднимет руку, то все будут смотреть на него, и он ужасно стесняется показать свою мужскую слабость. Он все яснее осознает, что это только цветочки, а ягодки впереди. Ему так обидно за комиссара, что он при всех сравнивает его с врагами народа. Зачем же так жестоко и бессердечно оскорблять, ведь враги совсем не такие! И с комсомольского собрания выгоняет, а собрание открытое. Одно только понял Павлик — что из-за него отобрали переходящее красное знамя у 25-го бронекатера. Комиссар сказал: «По боевой и политической подготовке БЧ-2 25-го бронекатера лучшее в дивизионе за год, но ввиду такого ЧП мы не можем по политическим соображениям присудить и оставить там красное знамя!»

В выходной в дивизионе организовали лыжный кросс по замерзшему заливу в сторону маньчжурского пограничного города Хутоу (47). На серебристом просторе

залива стоит полный штиль. Морозик выдался градусов тринадцать. Хорошо в такую погоду дышится чистым, ароматным воздухом. У старта стоит комиссар, окруженный командирами всех восьми бронекатеров дивизиона. Комиссар объяснил: «Кто займет первое место в кроссе, тому будет вручен здесь же приз!» — и показал перед строем лыжников разрисованную красивую фарфоровую вазу.

Павлик поставил себе цель — выложить всю силу воли, всю энергию, но приз получить, ведь его будет вручать сам комиссар. Пусть посмотрит, кого он исключил!

С самого начала старта держится в первой пятерке. Без тренировки невыносимо тяжело, дух захватывает, ноги в коленках дрожат, даже снег как-то по-особому искрится в глазах. «Ничего... — шепчет он себе под нос. — Прорвемся! Все краснофлотцы без предварительной тренировки. Жми, Павлик! Жми!» И на пятикилометровом повороте, обливаясь потом, преодолевая усталость, прибавил ходу и вырвался вперед. Никогда бы он не выдержал, но здесь особое положение, это и придает Павлику источник энергии. Хотя трудно, но с настроением скользит он. До финиша осталось километра два, и не выдержал, торжествуя, оглянулся, — но что это? Дивизионный массовик, изнемогая, скользит метрах в десяти от Павлика. Посмотрел в глаза преследователя и прочел в них что-то такое, что все оборвалось внутри: «Так вот в чем дело! Опекуна поставили!.. Следят за мной! Так вот почему меня на вахту не назначают!» Все мигом оборвалось внутри, скорость и настроение быстро угасти, и только теперь он почувствовал во всем теле ужасную усталость. Массовик поравнялся и, ничего не говоря, поплелся рядом с Павликом шаг в шаг. «Да знаете ли вы, — думает Павлик, — если бы даже под пулеметами гнали бы меня к этим ненавистным самураям, и тогда бы я выбрал бы смерть, а не измену». И на этом двухкилометровом отрезке он пропустил всех лыжников и приполз на финиш последним.

Отошла зима. Еще заледенелая шуга (48) плавает в заливе, а команды бронекатеров перешли на свои бронекатера. Наступили золотые деньки навигации. Боевая

(48) Шуга — рыхлая масса мелких осколков льда, плавающая на поверхности воды.

(49) «Отличник ВМФ» — нагрудный знак, которым награждались краснофлотцы Военно-морского флота СССР за отличную боевую и политическую подготовку, отличное несение службы и примерную дисциплину.

(50) Вооруженные столкновения в районе озера Хасан на границе СССР с оккупированной японцами Маньчжурией в 1938 г. и локальный конфликт на реке Халхин-Гол на территории Монголии в 1939 г. закончились победами Красной Армии.

(51) Цитата из «Песни о Родине» («Широка страна моя родная») В. И. Лебедева-Кумача на музыку И. О. Дунаевского из фильма «Цирк» (1936).

(52) ЦК — имеется в виду Центральный комитет Коммунистической партии (ЦК ВКП(б)) — руководящий орган партии. Сталин занимал должность генерального секретаря ЦК ВКП(б).

подготовка и тревожная весна на маньчжурской границе захлестнули в свои объятия весь плавсостав. Японцы то тут, то там нарушают границу. Павлика, как перешли на бронекатера, тоже ставят на вахту, но командир бронекатера ночами приоткрывает люк и, как воришка, наблюдает за Павликом. Немножечко забыл Павлик о зимних неприятностях, иногда только засосет что-то внутри, заносит сердце от горькой обиды.

Старшина Храбров часто старается завести душевный разговор: «Что ты так приуныл? Вот осенью пошлем тебя учиться на командира отделения, ты же отличник ВМФ (49)!» Павлик отмалчивается, ведет себя в рамках устава, но на сердце какой-то тяжелый камень давит. Шутки, прибаутки исчезли из его юмористического арсенала.

В СССР никто не допускал мысли, что война ворвется в страну так внезапно, так беспощадно и жестоко. Все, в том числе и «отец народов», считали что она начнется с провокаций, постепенно. Усыпленные японскими предвоенными провокациями на Хасане и Халхин-Голе (50), забыв о том, что Германия, нагло захватившая под свое иго всю Европу, это не Япония.

Не знал двадцатилетний Павлик, что это всего-навсего только чудесная песня: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек!» (51), что в этой «свободолубивой» стране царят невиданный произвол и насилие. В Кремле правительство, ЦК (52) подчинены только одному «отцу народов»! Этот деспот, уверовав в свою непогрешимость, отошел от ленинских принципов и норм партийной жизни, допускал вопиющий своевольный произвол. Принимал он вызванных в парадную дверь только ночью, а возвращались не все в эту парадную дверь. Русские считались старшими братьями, а все остальные национальности многонациональной великой державы — младшими. Томский, Бухарин, Раковский Христиан, Каминский, Пятниц-

кий (53) пытались помешать этому своеволию «монарха», но были уничтожены «ежовой рукавицей», а когда «ежовая рукавица» совершила свое гнусное преступление, Ежова (54) убрали. Лично «хозяин» сам назначил своего верного пса Берия (55), продолжателя геноцида в стране. Этот тип опирался на ошибочную формулировку деспота «По мере продвижения к социализму классовая борьба будет все более обостряться в СССР» (56). В стране по вине Ягоды (57), Ежова, Берии, Вышинского, Ульриха (58) создавалась тяжелая атмосфера недоверия и подозрения друг к другу в народе. Каждый обязан был как патриот доносить в органы НКВД на всех, невзирая на ранги и родство. В ином случае сам подвергался [обвинению] по той же статье через 17-ю статью Уголовного кодекса РСФСР и иных республик («соучастие, подстрекательство и пособничество»), или через статью 19-ю («покушение на какое-либо преступление»). Был бы человек, а статья найдется!

В тридцать седьмом и восьмом годах погиб от рук этих сатрапов цвет командного состава Красной Армии: маршалы Тухачевский, Блюхер, Егоров (59), сорок тысяч командного состава Армии и Флота было уничтожено без помощи Ворошилова (60). А кто пытался из чекистов возражать против этого вопиющего произвола, то и их бериевская метла подмела — тридцать тысяч за эти годы произвола. Протестуя против массовых репрессий, начальник Харьковского областного управления НКВД С. Мазо в тридцать седьмом году застрелился (61). Потомки, снимите головные уборы пред этим честным, мужественным чекистом.

Павлик, как и миллионы патриотов своей страны, свято верил в свое правительство, в товарища Сталина. Он думал, что арестовывают настоящих врагов народа, ведь клеймили позором на митингах и собраниях «изменников Родины». И чтобы Павлика арестовали как «врага народа», он и мысли не допускал, ведь он предан своей Родине до последней капли крови. Вместе со всеми своими ровесниками распевал песни: «В бой за Родину, в бой за Сталина!», «Сталин наша слава боевая, Сталин наша юность и почет, с песнями, борясь и побеждая, наш народ за Сталиным идет!» (62). Вместе со всеми повторял: «Сталин мудрый! Сталин наш отец!» За что же его, Павлика, арестовывать?.. Хотя уже закрадывалась мысль недоверия о «врагах наро-

вперед сопротивление капиталистических элементов будет возрастать, классовая борьба будет обостряться, а советская власть, силы которой будут возрастать все больше и больше, будет проводить политику изоляции этих элементов, политику разложения врагов рабочего класса, наконец, политику подавления сопротивления эксплуататоров, создавая базу для дальнейшего продвижения вперед рабочего класса и основных масс крестьянства».

(57) Ягода Г. Г. (1891—1938) — с 1927 г. фактически возглавлял советские органы госбезопасности, занимая различные посты в этой системе. Руководил разгромом внутривластной оппозиции Сталину. Один из создателей ГУЛАГа и организаторов массового применения принудительного труда заключенных. В 1934—1936 гг. — нарком внутренних дел. Снят со всех должностей и расстрелян.

(58) Вышинский А. Я. (1883—1954) — в 1935—1939 гг. прокурор СССР, один из организаторов Большого террора и показательных политических процессов. Ульрих В. В. (1889—1951) — в 1926—1948 гг. председатель Военной коллегии Верховного суда СССР. Один из организаторов массовых репрессий.

(59) Тухачевский М. Н. (1893—1937), Блюхер В. К. (1890—1938), Егоров А. И. (1883—1939) — маршалы СССР, осужденные и расстрелянные.

(60) Ворошилов К. Е. (1881—1969) — советский партийный и военный деятель, один из вернейших сторонников Сталина, в 1934—1940 гг. — нарком обороны СССР.

(61) Мазо С. С. (1900—1937) — комиссар госбезопасности 3-го ранга, начальник УНКВД Харьковской области. Покончил с собой 4 июля 1937 г., т.е. еще до издания Оперативного приказа НКВД № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» от 30 июля 1937 г., который послужил отправной точкой Большого террора.

(62) Припев из песни З. Л. Компанейца на слова Л. И. Ошанина «В бой за Родину» (1939) и неточная цитата из «Песни о Сталине» М. И. Блантера на слова А. А. Суркова (1938).

(53) Томский М. П. (1880—1936), Бухарин Н. И. (1888—1938), Раковский Х. Г. (1873—1941), Каминский Г. Н. (1895—1938), Пятницкий О. А. (1882—1938) — советские партийные и государственные деятели. Большинство из них были осуждены и расстреляны. Томский покончил с собой, узнав о выдвинутых против него политических обвинениях.

(54) Ежов Н. И. (1895—1940) — в 1936—1938 гг. нарком внутренних дел, организатор Большого террора. Впоследствии снят с должностей и расстрелян. В связи с его фамилией было переосмыслено выражение «взять в ежовые рукавицы», которое стало означать массовые репрессии.

(55) Берия Л. П. (1899—1953) — в 1938 г. сменил Ежова на посту наркома внутренних дел. Организатор массовых депортаций народов и послевоенной волны террора. Расстрелян после смерти Сталина.

(56) Пересказ знаменитого тезиса Сталина, высказанного в его речи «Об индустриализации и хлебной проблеме» на пленуме ЦК ВКП(б) 9 июля 1928 г.: «По мере нашего продвижения

(63) Имеется в виду известный плакат Б. Е. Ефимова «Стальные ежовы рукавицы» (1937), на котором изображен нарком Ежов, сжимающий в руке многоголовую гидру, олицетворяющую «врагов народа».

(64) Свистун П. И. (1890—1938) — начальник строительства и первый директор Харьковского тракторного завода. 28 июля 1938 г. осужден Военной коллегией Верховного суда СССР и в тот же день расстрелян.

(65) XVII съезд ВКП(б), названный «Съездом победителей», проходил в Москве в начале 1934 г. В годы Большого террора больше половины его делегатов были репрессированы, вследствие чего XVII съезд получил второе неофициальное название «Съезд расстрелянных».

(66) Фанза — традиционный китайский дом.

(67) Сунгача — пограничная река, разделяющая территорию Китая и СССР. Вытекает из озера Ханка. Ее продолжением является река Уссури, протекающая вблизи Имана.

да», словно мода на них пошла. В тридцать седьмом году появился плакат на заборах, стендах в городах и селах: «ежовая рукавица» давит гаденыша (63), и если раньше были загадочные ночные аресты, то теперь люди стали массами исчезать. Но об этом боялись разговаривать, опасаясь «патриотов». Ежов, а потом Берия спускали на низы план: такое-то количество «врагов народа» нужно разоблачить. Когда был арестован директор завода ХТЗ Свистун Пантелеймон Иванович (64), Павлик совсем растерялся. Ну разве же могут быть такие врагами? Он часто появлялся в ночную смену в инструментальном цехе, где Павлик работал, и интересовался: «Как дела? Не голодный ли? Как идет работа с запчастями для тракторов к весенней кампании?» Даже эмульсию проверял в станке собственной рукой. Лично руку жал семнадцатилетнему юнцу, начинающему шлифовщику. Когда арестовали Свистуна, о нем легенды передавались из уст в уста: как он помогал обездоленным рабочим, особенно многодетным женщинам. Говорили и о том, что он в знак протеста объявил голодовку в камере и умер с голоду. Рассказывали, как тяжело жене Свистуна, Марье Израилевне, и что ее забирала в тюрьму вместе с дочуркой. В самом деле это легенда об этом славном директоре завода.

Довольно позже, когда блеснет просвет свободы над территорией Руси, выяснится, что Свистун Пантелеймон Иванович был арестован 25 мая 1938 года, осужден Военной коллегией 28 мая 1938 года на десять лет строгой изоляции без права переписки. Иные сведения есть, что он расстрелян в числе партийных и хозяйственных руководителей. Он был жертвой как делегат Семнадцатого съезда (65). На съезде перед «хозяином» лежал список делегатов, и он отмечал птичкой, кого считал необходимым отправить на тот свет.

Странным показался день 23 июня на маньчжурской границе: ни единого живого человека. Рыбаки, проживающие в фанзах (66) на самом берегу пограничной реки Сунгач (67), всегда ловили рыбу удочками, а некоторые даже, купаясь, доплывали к нашему берегу, но, увидев бронекатера, драпали, а в этот день как по команде куда-

(69) Цитата из поэмы Е. А. Евтушенко «Дробичские яблоки» (1987), посвященной памяти десятков тысяч харьковских евреев, расстрелянных нацистами в Дробичском Яру в 1941—1942 гг.

(70) Политрук 1-го отряда ИОДРК П. П. Зарецкий.

(71) Неточность. По-видимому, речь идет об А. В. Опутине (1915 г.р.) — бывшем краснофлотце Амурской Краснознаменной флотилии. В его учетно-послужной карточке отмечено, что он был призван в 1937-м, служил сигнальщиком, а затем «уволен досрочно в связи с переходом на работу в НКВД 20.5.38» (РГА ВМФ. Ф. Р-417. Оп. 15. № 70. Л. 156 об.).

(72) Неточность. Командиром 1-го отряда ИОДРК в то время был старший лейтенант Загаров.

(73) Статья 58-6 УК РСФСР («Шпионаж») предусматривала наказание в диапазоне от расстрела до лишения свободы сроком не менее трех лет. В политдонесении замполита дивизиона Яценко на имя начальника отдела политической пропаганды флотилии полкового комиссара Птицына от 11 ноября 1940 г. эта история излагалась несколько иначе: «При переезде с Камень-Рыболова команды бронекатеров 15, 25 с краснофлотскими вещами шла грузовая автомашина. С этой машиной ехал лейтенант т. Кузьмин из Гидроотдела АКФ, и ему поручил старший лейтенант Загаров свой чемодан, в котором находились: а) чистые бланки со штампом ИОДРК; б) навигационное описание озера Ханка с секретным грифом; в) копия доклада старшего лейтенанта Загарова на имя командира дивизиона с описанием поведения бронекатера в штормовую погоду и режим плавания; г) полевая записная книжка с записями учений и т. д. Утерянный чемодан 4 ноября с.г. найден и доставлен в особый отдел 66 с.д. Когда докладывал старший лейтенант Загаров об утере чемодана и полевой сумки, на вопрос капитана 2-го ранга т. Гудкова, были ли там секретные документы, старший лейтенант Загаров ответил, что секретных документов не было. Капитан 2-го ранга Гудков назначил расследование по данному случаю, и будут приняты меры воздействия к виновному» (РГА ВМФ. Ф. Р-1767. Оп. 1 № 13. Л. 64 об.).

Все мы — выпавшие
из своих колыбелей —
в расстрел.

Все мы — выползшие
из-под мертвых идей
и тел.

Е. Евтушенко (69)

29 июля выдался ясный, солнечный денек. Павлик приготовился к спуску флага, в это время и подошел к нему Володя и растерянно пробормотал: «Давай я тебя подменяю, тебя командир вызывает!» Павлик окинул взором друга с ног до головы и понял, что его не случайно снимают с вехты. Он видел, как на катер пришел штабной командир с нашивками политрука. Внутри что-то екнуло, засосало, вспомнил он зимние тревоги и переживания. Чувствуется, Володя хочет что-то сказать, но страх подавляет его желание. За Павликом еще в начале навигации приезжал следователь, но в то время еще не было войны, и никто о ней не мечтал и не догадывался. Тогда или политрук отряда (70) дал хорошую характеристику, или, возможно, командир отряда защитил его, но следователь Опутин (71) уехал. Но командира отряда старшего лейтенанта Загоруева (72) постигло непоправимое несчастье. Во время весеннего перехода по этой злополучной речушке Сунгач он развернул на комендорской башне стратегическую карту этого района, рассматривали ее вместе с политруком и командиром бронекатера Абрамовым и сопоставляли с местностью. Вдруг порывом ветра подхватило ее, и она мигом очутилась на маньчжурской стороне в двадцати метрах от берега. За это старшему лейтенанту трибунал присудил десять лет ИТЛ по статье 58-6 УК РСФСР (73). И сейчас некому защитить Павлика, да и смог ли бы он? Ведь второй месяц бушует проклятая беспощадная война (74). Павлик, бодрясь, спустился в кубрик (75) и четко доложил:

— Товарищ командир БК-25 (76), по вашему вызову краснофлотец Иванов явился!..

Командир сидит и растерянно блуждает глазами, ничего не отвечает на рапорт. А сидящий около стола

(74) В военное время применение уголовного законодательства резко ужесточилось, в особенности это касалось «контрреволюционных преступлений».

(75) Кубрик (морской термин) — жилое помещение для команды судна.

(76) БК-25 — бронекатер № 25.

береговик (77) сунул в руку Павлику бумажонку и повелительно, со знанием своего дела произнес:

— Читай!..

У Павлика в глазах букашки запрыгали, потом лезгинку заплясали фиолетовые кольца, ему не удается прочитать ни единого слова. А штабник после первой психической атаки еще сильнее ошарашил Павлика:

— Ты арестован!.. Где твоя койка?.. — и грубо вырвал бумажонку из рук. — Понятой лейтенант Бычков (78), присутствуйте при обыске!..

Командир БК-15 сидит и явно дрожит.

— Вот! — показал Павлик в открытую дверь каютки командира.

Следователь внимательно осмотрел койку, порылся под матрасом, под подушкой — все чистое, ничего лишнего. Но не это интересует опытного следователя, он настойчиво ищет что-то иное.

— Где твой рундучок?

Павлик выдвинул внизу койки набитый бельем рундучок. Зимняя одежда на хранении в Имане в дивизионной каптерке. Покопался следователь в вещах и принялся внимательно листать конспекты по боевой и политической подготовке — и, не найдя подозрительного, уныло закрыл тетради.

— ...Собирайся в путь! — Павлик стоит как заколдованный. — Ну-у-у!.. Кому говорят, собирайся!

— Я готов!

— Ты имеешь право забрать все свои личные вещи, постельную принадлежность и обмундирование.

— К чему они мне? — тихо и безразлично произнес Павлик, ошеломленный случившимся горем.

— Странный человек!.. Не к теще на блины едешь!

Взял он из рундучка белоснежную наволочку и принялся наталкивать ее вещами — переодеться на первый случай.

— ...Распорядитесь, — обратился он к командиру бронекатера, которые сидит вместе с Бычковым как оплеванный, — чтоб ему выдали двухдневный паек!

«Ага, — думает арестованный, — два дня попугают и отпустят». Он еще не верит в совершившееся, он это еще серьезно не воспринимает.

— Идем!.. — командует следователь.

(77) Береговик — моряк береговой службы (в отличие от плавсостава), в данном случае — следователь Особого отдела флотилии.

(78) Неточность. Имеется в виду лейтенант А. Бочков — командир бронекатера в составе 2-го отряда ИОДРК, кандидат в члены ВКП(б). Упоминается: РГА ВМФ. Ф. Р-1767. Оп. 1. № 16. Л. 51.

Словно во сне поплелся Павлик с бронекатера по сходне. На катере уже знают, что арестовали Павлика, но как кроты попрятались в кубрике, даже вахтенный Володя закопался подальше от трапа на баке (79). Вот и лесопарк, по которому, когда приехал первый оперативник, бегал он, высунув язык. Давали ему задание найти парторга отряда. Бегал и вернулся доложить, что парторга не нашел. Вспотевший, усталый опустил в кубрик, соображая, как же доложить, ведь по уставу не положено докладывать, что задание не выполнил. Только приложил руку к головному убору и произнес: «Товарищ командир...» — и запнулся, увидев политрука, который сидит себе спокойно в одной компании с командиром и штабным оперативником Опутиным. Озабоченное лицо Павлика мигом осенила улыбка, и он бодро доложил: «Ваше задание выполнил, парторга разыскал, он рядом с вами сидит!», и все трое улыбнулись приятной улыбкой.

— Можешь быть свободен! — ответил тогда командир.

После Павлик часто думал: с какой же целью его гоняли по лесопарку, а в разных уголках за кустами, как замаскированные, сидели — в одном месте старшина мотористов Макаров с 25-го бронекатера, а в ином Волошин с бронекатера Бычкова, в то время как парк был абсолютно пустой, и притом везде сыро на скамейках сидеть. Возможно, проверяли четкость выполнения приказа, а может быть, секретный обыск делали в вещах — для Павлика это осталось загадкой. Оглянулся Павлик на бронекатер и подумал: «А-а-а!!! Авось прорвемся! Выяснят и отпустят. Я не преступник какой-то!..»

В Камень-Рыболове расположена кавалерийская дивизия, здесь при штабе особый отдел, сюда и привел следователь Иванова. Несмотря на разный род войск, армейские и флотские оперативники быстро нашли общий язык и безо всякой волокиты уступили флотскому следователю кабинет.

— Ложи свои вещи! — усевшись за столом, командует следователь. — А сам подседай поближе.

Развернул следователь свою папку и углубился что-то писать. Павлик на обложке папки успел прочесть: «Дело» и еще прочел: «Следователь политрук Сиренко» (80). Мучительно долго проходят минуты томительно-го ожидания чего-то неизвестного. Наконец следователь оторвался от писанины, посмотрел в упор какими-то противными глазами и прорычал:

— Ты контра!.. Ясно тебе?

Стоградусным морозом жигануло (81) Павлика. Внутри что-то оборвалось, в голове зашумело, загудело, мысли заработали с космической скоростью, путая друг друга. После томительного ожидания он ждал вопросов, выяснения, а следователь так бессердечно ошарашил, что у Павлика в глазах чертики забегали. «Какой же я контра?.. Какой я же контра?..» — повторяет он про себя. Он ждет, что следователь скажет: «Ну, пошутил, попугал и достаточно!», а следователь сидит, злорадно глумится, довольный, что довел до отупения своего подопытного кролика. «Как же так? Как же так?.. Родился при советской власти, учился в советской школе, готов жизнь отдать за Родину — и вдруг! Ах, горе, горе!.. Контра... Нет, нет!.. Это ошибка!.. Опомнитесь!.. Это роковая ошибка!..»

Это противное слово так притеснило, что даже морская форма принялась бессердечно сжимать и давить. «Хоть бы сняли с меня эту форму, чтоб не позорить своих братишек морского флота. О-о-о, позор, позор!..» И вообразил Павлик стаю гусей, улетающих в теплые края, парящих высоко-высоко у самих ватных облаков, но одного гуся зацепила охотничья дробина и он, падая, отстает от стаи, и, замечтавшись, Павлик простонал: «О-о-о... братишки-морячки!..»

— Что ты там колдуешь? — прервал горькие обрывистые раздумья подследственного. — Во время политбеседы, когда командир бронекатера младший лейтенант Абрамов читал вам книги о легендарном герое Гражданской войны Чапаеве, о его мужестве и бесстрашии, ты сравнивал его с японскими самураями?..

— Я ведь только сказал, что каждая страна имеет своих героев, и что самураи в плен не сдаются, а делают самоубийство путем вспарывания живота, харакири по-ихнему называется. Нам об этом сам командир дивизиона рассказывал.

(80) Сиренко Г. Г. (1915 г. р.) — следователь Особого отдела Амурской Краснознаменной флотилии, по-видимому, бывший краснофлотец Амурской Краснознаменной флотилии, призванный в 1936 г. и служивший в должности старшего писаря. В его учетно-послужной карточке отмечено: «исключается с учета АКФ в связи с переходом в Особый отдел НКВД АКФ 7.09.40» (РГА ВМФ. Ф. Р-417. Оп. 15. № 88. Л. 153 об.).

(81) Т. е. обожгло.

— Значит, восхвалял японскую армию? Так и запишем!

— Да нет, товарищ сле-до-ва-а...

— Молчать!.. — бешено ударил по столу кулаком следователь с такой силой, что пузатая ручка скатилась со стола и запрыгала на полу. Даже накатная промокашка закачалась, как детские двухместные качели. А следователь схватил пистолет, который лежал рядом с папкой, и замахал им, пугая Павлика. «Я тебе не товарищ!.. Колхозные свиньи тебе товарищи!.. — выпучив глаза, рычит он. — Я тебе гра-ж-да-нин сле-до-ва-тель, а не панибрат какой-то! Ясно те-бе?..»

Павлик сжал зубы так, что они заскрипели, и застыл как статуя.

— ...Я спрашиваю тебя!.. Понятно тебе или нет?.. — Павлик молчит. — Да ты что?.. Вздумал номера мне выбрасывать? А-а-а!.. Застрелю как последнего гада!.. — направил он дуло пистолета на Павлика.

— Стре-ляй!.. — процедил подследственный сквозь зубы единственное слово и вновь выпятил застывшие скулы.

Следователь сообразил, что угрозами не запугаешь. Посидел, что-то молча соображая, встал, подошел, достал из кармана пачку «Казбека» (82), открыл ее и сует Павлику:

— Давай покурим! Брось сердиться! Ну погорячился!

Павлик вяло, но с каким-то огоньком в глазах посмотрел на папиросы, как будто он долго-долго спал и вот проснулся и ничего не поймет спросонья. Минуту назад перед ним находился хищный зверь, а сейчас совсем приятный тридцатилетний мужчина стоит рядом с Павликом. Как во сне взял он папиросы и прикурил от догорающей спички следователя. А он, садясь на свое место, отодвинул пистолет подальше от себя — смотри, мол, какой я добрый с тобой. Посмотрел внимательно Павлик на пистолет, и снова зубы сцепились: «Так вот какой ты добрый?.. Незаряженным пугаешь?.. А теперь подсовываешь? Думаешь, схвачу? На провокацию провоцируешь? Не на того попал! Не спровоцируешь! Я не виноват ни в чем! Выяснишь — отпустишь!» Посидели молча. Камень, давивший грудь, куда-то исчез. Приветливым душевным

обращением следователь расположил к себе по-детски наивного подследственного.

— А что у тебя с командиром бронекатера по поводу сахара получилось?..

— Да играли мы в шахматы с ним в его каюте, он мне проигрывал... Завели разговор, что в магазинах не хватает кое-чего... Это было как раз после Финской войны, а он мне доказывает, что всего хватает в достаточном количестве: «Вот, — говорит, — привезли в наш «Военторг» хлопчатобумажной мануфактуры (83), и моя взяла пятнадцать метров. Привезут еще, она снова будет вставать в очереди, чтоб еще взять. Вот какие ненасытные эти женщины, а еще и этой не израсходовала. Жадность наша — вот что делает нехватку товаров и продуктов в магазинах. А ты говоришь «не хватает!»» А я ему в ответ говорю: «Это в «Военторге» еще бывает, вам, военным, подбрасывают, да и то очередь была, сами же говорите! А пойдите в город, купите той же мануфактуры! Или вот пример: я полмесяца без сахара утром пью чай, а это же основной завтрак на флоте. Выдадут месячный паек на руки, я его, как ни экономлю, за полмесяца расходую.

— А ты, я вижу, как девица любишь сладенькое?

— ...А вторую половину месяца я завтракаю хлебом с маслом и запиваю кипятком, заправленным только заваркой чая. И для убедительности полез в карманчик рубы, достал десятку и говорю: «Если вы правы, если в магазинах всего хватает, возьмите вот деньги и купите мне на них сахару!» Командир разозлился, разбросал шахматы и ушел из собственной каюты. Я думал, что ему обидно за проигрыш партии в шахматы, а он заявление сострепал.

— Чудной ты парень!.. Наивный какой-то! Глупостей ты натворил! Хотел поставить себя умнее самого командира? Вот он тебе и устроил! — и снова принялся строчить дело.

— Ну вот!.. — оторвался он от писанины. — Все готово! Придется тебе годика два-три попыхтеть. Поучиться, как на свете жить. Здесь основных три вопроса:

1. Восхвалял одну из иностранных армий.
2. Клеветал на материальное положение трудящихся.
3. Проводил в жизнь политику Плеханова (84).

Но до Иванова все это еще не дошло. Если бы он серьезно подумал, то понял бы суть этих страшных обви-

(83) Мануфактура — ткань.

(84) Плеханов Г. В. (1856—1918) — один из лидеров русского марксизма, философ, социолог, экономист, с которым яростно полемизировал В. И. Ленин. В данном случае формулировка «проводил в жизнь политику Плеханова» означает обвинение в «правом уклоне».

нений, он бы сообразил, что ему грозит тюрьма. Хотя он два пункта понял своим детским умишком, а третий, как ни ломал себе голову, не в силах сообразить, какую же он политику Плеханова проводил между краснофлотцев, и чем она плохая?.. «Но ничего! Это следователь, вероятно, пугает меня».

— Вот и закончили мы с тобой следствие! Давай покурим!..

Иванову всего двадцать два годика, он еще зеленый, как весенняя трава, он еще надеется в своей юной душонке и ласково посматривает на следователя, ждет, что тот вот-вот скажет: «Иди на бронекатер, продолжай службу, ничего подозрительного следствие не находит». После перекура следователь протянул лист бумаги, исписанный мелким почерком:

— На, подпиши показания!..

Павлик, не раздумывая, подписался внизу.

— ...Вот еще! — подал он второй лист. — Только читай, а то на суде скажешь, что не читал и не слышал.

— Да что тут читать? Я вам верю! Вы же советский следователь. К чему вам фальшь и ложь?..

— Странный ты человек! Можешь отдыхать, если желаешь. А что постели нет, то привыкай, дорогой, осваивай целину пола.

Посмотрел Павлик на свои часы — полвторого. Взял свою наволочку, положил в углу кабинета и растянулся на чистом полу. А следователь сидит, пишет и пишет. Вереница мыслей одолели голову и мешают уснуть: «Удивительно, — думает он, — неужели командир дивизиона не заступится за меня? Как он всегда любовался в открытый люк башни, когда я пушку заряжал во время боевых занятий! А командир бронекатера какая шкура! Личную обиду превратил в контру. Где твоя совесть, душегуб? А теперь судить будут!.. О, позор, позор!.. У-у-у... и на родине узнают?.. Ой-ой-ой!.. Нет! Не бывать этому! Никогда не напишу на родину, пусть меня считают без вести пропавшим... А за что?.. За что судить?»

Все же молодость и усталость взяли свое, и он уснул. И снится ему, что он один рулит ветхим деревян-

ным корабликом в открытом разбушевавшемся море. Долго малютку бросало громадными волнами, и не выдержала ветхая посуда разгневанной стихии, потонула. Набежавшая мощная волна подхватила Павлика и, как пушинку, выбросила на песчаный берег. У самого берега, где очнулся, — пунцовые ягоды. Иванов, обессиленный, потянулся губами к созревшим плодам... В этот миг он почувствовал грубые толчки в бок.

— Вставай!.. Вставай!.. Что, зазноба приснилась, что часто целуешь во сне?.. О любимой забывай!..

Не проглотив ни единой ягодки, открыл глаза и увидел — его носком ботинка грубо толкает следователь.

— ...Ишь, разоспался! Как в гостинице! Поднимайся, поехали!..

У входа в штабной корпус кавалерийской дивизии поджидает рычащая трехтонка (85). Следователь сел в кабину к шоферу, а Павлику велел лезть в кузов машины.

За Камень-Рыболовом по оврагам и холмам движутся в полном боевом [снаряжении] в направлении маньчжурской границы пехотные части, сопровождаемые артиллерией и дымящими походными кухнями. Загрустил Павлик: «Значит, и здесь скоро вспыхнет потасовка, но, по всей вероятности, без меня».

Набежавшим порывом ветра рвануло с головы бескозырку, подбросило метров на пять, потом швырнуло на укатанную пыльную дорогу и покатило как колобок.

В томительном ожидании поезда на станции Манзовка (86) арестованному кажется, что на него все смотрят, особенно без головного убора. А тут как назло подошла к следователю знакомая, бывшая одноклассница, и он начал петушиться перед ней, что везет арестованного краснофлотца. А Павлику так стыдно слушать это кичливое хвастовство, что он готов сквозь землю провалиться, и он сидит не шелохнется. «О-о-о... какой позор, какой позор!.. Куда же он меня везет?.. — мучается в догадках подконвойный. — На базу флотилии, на гауптвахту или в штрафную?.. Там, говорят, очень тяжело, земляные работы, норму спрашивают, издеваются, бьют. А за что?.. За что меня преследуют?.. Я же ни чуточки не виноват!..»

— Ты бы купил себе махорочки, — предлагает следователь своему подследственному.

(85) Трехтонка — грузовик ЗИС-5.

(86) Манзовка — поселок и железнодорожная станция на Транссибирской магистрали. В 1972 г. переименован в Сибирцево.

Как дело измены, как совесть тирана,
 Осенняя ночка черна...
 Черней этой ночки встает из тумана
 Видением мрачным тюрьма.
 Кругом часовые шагают лениво;
 В ночной тишине то и знай,
 Как стон, раздается протяжно, тоскливо:
 — Слушай!..

И. И. Гольц-Миллер (88)

(88) Цитата из популярной революционной песни П. П. Сокальского на стихи И. И. Гольц-Миллера «Слушай!».

(89) Очевидно, речь идет о тюремном здании, построенном в 1911 г., ныне СИЗО № 1 г. Хабаровска (ул. Знаменская, 9).

Павлик успел рассмотреть большое кирпичное здание с деревянными козырьками над решетчатыми окнами (89). Только теперь он почувствовал тяжесть своего положения: «Так вот куда он меня вез! За что же так сразу в тюрьму? Я же невиновен! Я же совсем, совсем невиновен!..» Следователь показал какие-то уже давно заготовленные пропуска, и обоих впустили внутрь тюрьмы. В дежурном помещении он показал иные бумаги, по-приятельски отпустил реплику дежурному, как старому знакомому: «Принимай пополнение!», получил расписку о сдаче единицы и ушел. Дежурный завел Павлика в мрачный кабинет и сдал надзирателям-великанам. «Обработать и отправить в камеру политических», — приказал он. Губатый, смахивающий на гориллу надзиратель недобольно вырвал из рук Павлика наволочку, негодуя, что помешал играть в шашки на щелчки, выложил все на стол и принялся внимательно все осматривать и ощупывать. А те два двинулись на Павлика, один из них взял со стола большущий нож в руку. У Павлика сердце в пятках очутилось: «Сейчас будут ставить тавро или клеймо!», и теряется в догадках: где будут ставить? Читал он [об этом] в какой-то книге, а где и в какой — не запомнил. Великаны подошли вплотную. У Павлика в глазах помутилось, он так испугался, что не может даже рот открыть, чтобы возразить: «Как же так? Как же так?.. — хочется крикнуть ему. — Не ставьте это позорное клеймо! Может меня еще оправдают! А тавро останется на всю жизнь!..»

(90) Сигареты того времени не имели фильтра и были короче, чем папиросы, имевшие длинные бумажные мундштуки.

(91) Черепковая — керамическая.

(92) Форменка — летняя матросская форменная рубашка; белая, с отложным воротником, рукава с манжетами, застегивающиеся на пуговицы.

— Снять ремень!.. — услышал он грубый голос.
«Вероятно, на ягодицах! — мелькнула мысль в голове новичка. — Ну, это еще не беда!» И дрожащими руками робко и поспешно подал великану ремень.
— Снимай часы! — пробасил второй голос.

А третий, как мясник, теревит содержимое наволочки. Дико и странно кажется новичку: папиросы «Казбек» разламывает пополам, разворачивает мундштуки и внимательно их рассматривает, а половинки с табаком кладет в отдельную кучку, превращая их в сигаретки (90): «Неужели им не известно, кто я?.. Неужели они за шпиона меня принимают? И тот... тоже... называется следователь, а ничего не разъяснил здесь!» Покончив с папиросами, распечатал обе банки тушенки, которые сунул на бронекатере в наволочку старшина Храбров, и переложил в черепковую миску (91). Даже сливочное масло, которое превратилось в жижу, тоже переложил в черепковую миску, а красивую чашку ласково осмотрел со всех сторон и реквизировал в свою пользу. А эти два не собираются ставить клеймо к великой радости новичка. Они, как мясники, пообрезали ножом все пуговицы на брюках и форменке (92), отобрали форменный воротничок, деньги из кармана, заставили разуться, осмотрели внутри ботинки и долго просматривали каблуки, ощупали одежду сверху донизу, особенно с большим пристрастием прощупали пояс брюк. Павлик стоит как спутанная лошадь, обеими руками держит за бока флотские брюки, чтоб не спали с бедер. После тщательного обыска постригли наголо, потом принялись марать в черную тушь пальцы и прикладывать на бланк по одному, потом все рядышком и вдобавок большой внизу — вначале правую, а потом левую руку. Затем прикрепили номер на груди и сфотографировали в анфас и профиль.

— Все! — вздохнул великан. — Обработали, слава аллаху!

— Бери свою наволочку и следуй за мной! — велит надзиратель, сверля новичка противным взглядом.

— Я не могу! — за все время обработки облегченно выговорил Павлик, соображая, что все страшное, чего он с ужасом опасался, позади. — У меня руки заняты.

— Вот еще моряк в ракушках!.. Ха-ха-ха!!! — словно в бочку захохотал верзила.

— На бечевочку завяжи одну сторону своих задрипанных моряцких брюк! — отрезал он коротенький конец (93).

Одну сторону завязал, вторую затянул за пояс, взял наволочку в руку и тихо спросил:

— А часы и ремень?

— Ишь ты, какой грамотный!

— А на вид Алеша (94)! — ворчит зубатый

надзиратель.

— Сидоров, выпиши ему квитанцию, заткни ему глотку!

— Она ему нужна как мертвому припарка. Все равно пропадет все в каптерке (95). Салажонок...

В пустом коридоре в полумраке стоит жуткая тишина. В другом конце коридора вывели из камеры заключенного. Когда тот приблизился, сопровождающий Павлика зарычал: «Стать лицом к стенке!..» Новичок прилип к гладкой панели коридора, даже глаза зажмурил, чтоб не видеть, кого ведут. Ему кажется, это сопровождают великого преступника, и конвоирующий афериста наблюдает, будут ли арестанты тайные знаки подавать друг другу или моргать друг другу таинственно от конвоя. Уже провели того арестанта, а Павлик не отрывает лицо от шаровой (96) панели: «Следовать дальше!» — командует сопровождающий верзила. Не доходя до конца коридора, надзиратель повел своего арестанта на второй этаж. Подвел к камере, открыл дверь и грубо втолкнул новичка в камеру, захлопнув за собой тяжелую дверь. Павлик воображал себе, что в камере тюрьмы сидят заросшие, бородастые, грязные, голодные, полуозверевшие, тощие люди, смахивающие на людоедов или дикарей, и кормят их чем-то таким, что они все такие, как тени — истощенные и слабые. В этот миг, когда его втолкнул надзиратель в камеру, он ждет — вот-вот на него набросятся, как стая голодных, тощих волков, схватят эти жалкие харчишки и раскромсают в один миг, грызясь между собой, как бешеные собаки. «Нет! Дудки! Я не позволю над собой издеваться, у меня достаточно сил, я буду сражаться с ними до последней капли крови!» — с такой мыслью он влетел в камеру, еле удержавшись на ногах от внезапного толчка надзирателя, полученного в спину. Посмотрел камеру, все сидят на своих местах, никто никаких признаков не подает, что

(93) Конец (морской термин) — веревка, трос.

(94) Алеша — в переносном смысле «простофиля», «дурачок».

(95) Каптерка — склад личных вещей заключенных.

(96) Шаровый — синевато-серый цвет.

собирается напасть на вошедшего новичка, да и выглядят [все] чище и аккуратнее, [чем] их новичок представлял. Двое сидят, играют в шахматы, которые вылеплены из ржаного хлеба, кто лежит скучает, кто сидит грустит.

— Здравствуйте!.. — говорит, бодрясь, вошедший.

— Здравия желаем морскому пополнению! — оторвавшись от шахматной партии, ответил лет под шестьдесят боевой старикашка.

Павлик не спеша, осторожно подошел к столу, еще сомневаясь в увиденном собственными глазами. Выложил из наволочки все свои продукты на стол. В камере с интересом наблюдают: что это морячок вытворяет? Даже пожилой старичок отвлекся от своей печальной позиции в шахматной партии.

— Ну-у-у!.. — сверкнул новичок сияющими глазами. — Налетайте! Угощайтесь морским пайком!.. — И расплылся в блаженной улыбке.

К великому удивлению морячка никто не налетает.

— Не туда ты попал, морячок! — бросил играть в шахматы, поднялся с койки и подошел тот самый, что поздоровался с Павликом. К столу подошли и окружили почти все подследственные камеры. — Если бы ты попал к уголовникам, там бы тебя как белку обработали и наволочки не оставили бы, а здесь... — и не договорил этого страшного слова «контрики», глаза у него заблестели набежавшей слезой. — Побереги себе, морячок, харчишки, они тебе еще пригодятся, а сигареток мы закурим, а потом махорочкой с тобой поделимся.

И когда пожилой дядя-шахматист сказал: «А сигареток мы закурим!», все протянули руки к сигаретам и, что поразило Павлика, каждый строго берет по одной сигарете.

— Давненько мы не курили «Казбеку», да еще так коллективно, — говорит батя-староста. — Спасибо тебе, морячок!

— Расскажи, морячок, что там на воле? Как там на фронте? Остановили немчуру?

— Ой, братцы!.. Прет немчура!.. Захватывают наши села и города. Ежедневно «Совинформбюро» сообщают: сдали то тот, то иной город после кровопролитных боев. А что там творится на захваченных немцами территориях, ужас! Пишут в газетах, увозят в Германию хлеб,

скот, лес, оборудование, подростков — как мальчиков, так и девочек. Везут эшелонами, везут машинами, посылают посылками, обирают донага наших людей. Всё туда, пушки и смерть — оттуда. И здесь, братцы, беда! Меня везли сюда из Камень-Рыболова. Я видел вчера собственными глазами, как наши войска в полном боевом с артиллерией и походными кухнями движутся в направлении маньчжурской границы. На свободе не поймут, почему это немца до сих пор не остановили, ведь смотрели кино, пели песни: «Кипучая... могучая, никем непобедимая...» (97) и вдруг целые города сдают. Вот и все, больше я вам ничего не могу рассказать!

— Собери свои харчишки в наволочку, а то мы тут заболтались, и подбери себе место. Правда, койки все заняты, но ты будешь первым кандидатом на освободившееся место, — распорядился староста камеры.

В камере стоят железные кровати-одиночки, сдвинуты по две вместе, на них помещается по три человека. Кровати застелены байковыми казенными одеялами, матрасов и подушек нет, на кроватях вместо сеток сбитые доски, подстилают под себя у кого что есть.

Дядя Сережа, староста камеры, сидит в этой камере уже четвертый год. Еще в бурные годы произвола «ежовой рукавицы» его арестовали. Он был директором какого-то завода, ему приписывают вредительство и шпионаж, и, что удивительно, не японского или китайского шпиона ему преподносят, а итальянского и германского. Он на следствии твердил лишь одно: «Я коммунист, поэтому не могу подписать фальшивые и ложные показания, и никто меня к этому не принудит, даже смерть!» Частенько его с допросов приносили в камеру избитого до потери сознания, а иногда по два-три дня не попадал он в камеру подследственных — в карцере его морили. Частенько вместо лазарета с поломанными ребрами или травмой головы следователь отправлял его в сырой цементный изолятор (98), который обычно находится в сыром подвале, да еще с крысами. Кормили специально селедкой, а потом, как водится в таких случаях, не давали воды попить. За это время следователь поломал дяде Сереже четыре ребра, затавировал (99) голову шрамами, но ничего не смог добиться от своего упрямого подследственного, хотя это было невыносимо мучительное время для него. Убедив-

(97) Цитата из песни братьев Дм. Я. и Дан. Я. Покрассов на слова: В. И. Лебедева-Кумача «Москва майская» из документального фильма «Двадцатый май» (1937), посвященного 20-летней годовщине Октябрьской революции.

(98) Штрафной изолятор (ШИЗО) — внутренняя тюрьма для нарушителей режима в тюрьме или на зоне.

(99) Затавировал — от укр. «таврувати», т. е. ставить тавро, клеймить, помечать особым знаком.

(100) В период Большого террора жены арестованных по политическим статьям часто подвергались репрессиям как «члены семьи изменника родины». Основанием для этого служил Оперативный приказ НКВД № 00486 от 15 августа 1937 г., который предусматривал репрессирование жен «изменников родины», осужденных начиная с 1 августа 1936 г., но фактически жен арестовывали вслед за мужьями, не дожидаясь, пока те будут осуждены.

(101) Кратко пересказывается Постановление ЦИК и СНК СССР «О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик» от 1 декабря 1934 г., которым был введен особый порядок следствия и судопроизводства по делам «о террористических организациях и террористических актах против работников советской власти». Фактически этот порядок распространился на все политические дела.

(102) Начпрод — начальник службы продовольственного снабжения части или соединения.

(103) Шулюмка, шлюмка, шлюм — блюдо украинской кухни, густая, наваристая похлебка; в данном случае иронически означает тюремную пищу, баланду.

(104) Передачник — заключенный, получающий из дома передачи и, следовательно, располагающий ресурсами для обмена.

(105) Пайка, паечка — паек, казенная ежедневная порция пищи (прежде всего хлеба), положенная заключенному.

шись в бесполезности выбить из него «справедливые» показания, его перестали тревожить коварными допросами. Так он день за днем провел в камере подследственных до начала войны. Дядя Сережа местный, и раз в неделю жена приносит передачу. Она не богатая, он сам так велит своему верному другу и спутнику жизни: «Мне лакомства не нужны, носи мне сухарей, дешевеньких жиров, сахарку, луку от цинги и махорочки».

Это благодаря тому, что Дальний Восток далеко от Лубянки, не арестовали жену дяди Сережи (100) и не попал он пока под закон о массовом беззаконии:

«Постановление ЦИК СССР об изменении в Уголовном Кодексе Союзных республик:

1. Следствие не более десяти дней.
2. Обвинительное заключение вручать за один день до суда.
3. Дело слушать без участия сторон.
4. Кассацию не допускать.
5. Приговор «высшую меру» приводить в исполнение немедленно.

Декабрь 1934 года» (101)

Второй старожил в камере — Шевченко Иван. Ему лет тридцать пять. Служил в армии начпродом (102) в чине капитана. В тридцать седьмом году при массовых репрессиях арестовали и его, предъявили контрреволюционную агитацию (КРА). Вначале Ивана Ивановича и били, и в одиночках морили, и стукачей подбрасывали, но он упорно не признавал себя виновным и не подписал никаких показаний. Следователь и избивал жестоко, и умолял, чтобы он признал себя виновным: «Не могу же я тебя выпустить подчистую, садовая твоя голова, после того как ты уже четыре года просидел в тюрьме?» Но Иван, как настоящий русский Иван, на своем стоит: «Я невиновен!» За четыре года тюремной шулюмки (103) он так опустился, что даже променял свое место в камере богатому передачнику (104) за пайку (105) хлеба и расположился на полу между стенкой и крайней кроватью.

— Морячок!.. Морячок!.. Иди рядом со мной занимай место! Здесь хорошо, как в Крыму на пляже! Иди!.. Иди!..

Обидно морячку, что его на пол посылают, но ничего не поделаешь, люди хорошие, спорить и нахальничать

неприлично с ними. Подошел, положил свою наволочку, набитую пожитками, приспособил вместо подушки, прилег и после дорожных мытарств и кошмарных переживаний вскоре уснул как убитый. Проснулся уже ночью. Сосед Иван не спит. Бодрствует. Да и как тут уснешь: рядышком лежит простачок, не «тертый» (106) еще, только-только с воли, у которого полная наволочка вкуснейшей «бациллы» (107).

— Ну и дал ты храпака! — шепчет Иван.

— Да уснул крепенько, поспал сладенько. Неужели храпел? За мной такого еще не замечали ребята.

— Да не очень, но похрапывал. Ну, что же на новом месте приснилось?

— А-а-а... ни-че-го...

— Ты меня извини, — загадочно зашептал Иван, — хочу тебя предупредить, не болтай больше ни о войне, ни о чем-либо другом. У нас есть стукачи в камере, донесут куму (108), да еще в искаженном виде, и получишь лагерную статью (109).

— А что, эти стукачи специально подброшены, сыщики?.. А кто это — кум?

— Нет, это не сыщики, это из нашего брата, есть ведь такие типы на свете, что собакой родился, псом и сдохнет. А насчет кума, побудешь здесь — узнаешь. А пока ни с кем не говори на острые темы, а то влипнешь и за всю жизнь не расхлебашься!

— Ну спасибо тебе за предупреждение, — прошептал новичок.

— А ты выступал, как заправский агитатор!

— Я ведь был отличник боевой и политической подготовки, а не халамы-баламы. Ну, давай спать!

Не спится Павлику, все думает и думает: «Куда я попал? Что будет дальше?..» Так и уснул, ничего не придумал.

Разбудил его громкий крик:

— Подъем!!! На opravку!!! Шевелись!..

Все поднимаются и быстро выскакивают в коридор. «Куда же они как угорелые бегут? — соображает новичок. — Или там что-то хорошее раздают?»

Шевченко Иван и еще один истощенный поддели на палку парашу и понесли, сгибаясь под тяжестью. Новичок не может сообразить, что это творится. Но куда все,

(106) Тертый (блатной жаргон. Далее: блат. жарг.) — то же, что «битый», т. е. опытный заключенный.

(107) Бацилла (блат. жарг.) — питательные и вообще ценные продукты: мясо, сало, масло, соль, табак и т. п.

(108) Кум (блат. жарг.) — сотрудник оперативной части тюрьмы или лагеря, следящий за настроениями заключенных, в частности, опираясь на сообщения информаторов из их среды.

(109) Лагерная статья — обвинение в преступлении, совершенном во время нахождения в местах лишения свободы. Для заключенного повторное осуждение по «лагерной статье» означало существенное продление срока.

(110) Придурки (тюремный и лагерный жаргон. Далее: тюремн. и лагерн. жарг.) — обобщенное название заключенных, занимающих административные, хозяйственные, инженерные и прочие должности, не связанные с общими работами и, соответственно, более легкие физически. В данном случае «придурки тюремные» — заключенные следственного изолятора, выполняющие хозяйственные работы.

(111) Баланда — тюремная и лагерная похлебка, горячая жидкая пища заключенных.

(112) Упоминания о баланде (щак) из червивой капусты неоднократно встречается в старинных арестантских песнях (подробнее об этом см.: Лурье М. Л. Политические и тюремные песни в начале XX века: между пропагандой и фольклором // Русский политический фольклор. Исследования и публикации. М., 2013. С. 28, 36). Познакомиться с тюремным фольклором Овчаренко мог еще в детстве, когда беспризорничал в Харькове.

(113) Хлопнуть (благ. жарг.) — выпить.

туда и он направился. Загнали всех в большую туалетную и закрыли. Здесь воняет еще больше, чем в камере. Некоторые подследственные прячут что-то по щелям, а Шевченко, опрокинув кадку, быстренько поставил у самых дверей и тщательно ищет со своим напарником по таким же щелям чужие заначки.

После оправки работники тюремной obsługi, как их называют подследственные, «придурки тюремные» (110), занесли кадку кипятку и поставили посреди камеры: «Пол будут мыть», — подумал новичок. Но зажиточные перещадники принялись черпать этот кипяток из бочки и с сухариками хрупать. А когда принесли сахарок и староста раздал по столовой ложке, настал общий момент чаепития. Часов в десять принесли баланду (111). Шевченко рад стараться, получил себе и своему соседу. Павлик попробовал и не понял, что оно такое — то ли суп, то ли борщ с зеленой капустой, то ли еще что-то, приготовленное для свиней. После первой ложки на него напала невыносимая икота, и он поставил черепковую миску на пол. И вспомнил песню: «Как загляну я у миску, одна капуста и вода, а под эту капустой червяков одни стада...» (112). А ведь в этой баланде черви не заведутся, здесь мясом и не пахнет».

— Ты что, морячок, кривишься, как понедельник на пятницу?.. Что, баланда не нравится?..

— Нет! Она противная!

— Давай я хлопну (113)!

— Бери.

И Шевченко через край миски в один момент выпил всю жижу, а что осталось на дне миски, с величайшим наслаждением выскреб деревянной ложкой и с удовольствием вылизал по-псиному так, что мыть нет надобности. И торжественно посмотрел на новичка: «Вот, мол, как надо расправляться с баландой». В конце раздачи староста ему налил еще полную миску за парашу. Иван и с ней разделался, даже не моргнув. С диким ужасом наблюдает морячок за проделками соседа. «Неужели и мне придется так низко опуститься?» После баланды принесли паечки.

— Черти! — возмущается Иван. — Люди получают сранья паечки, а здесь пока дожدهшься, можно и дуба врезать.

Получил на себя и на наивного соседа и шумит на всю камеру:

— Получай горбушечку, морячок!..

Новичок в недоумении взял ее, рассуждая: «Чем же горбушка лучше серединки? Ведь все равно пятьсот грамм» (114). Но спросить об этом стесняется. А Шевченко доволен сегодняшним днем, принялся острить:

— Пусть мою КРА (115) заменят на карманную КРАжу!..

— А тебе не захорошит от этого?..

— Это его после седьмой порции шулюмки овевало вдохновением!

— Налейте ему добавку из бочки!

— Ой, не могу, братцы, дайте и мне шулюмки!

— Спокойно, спокойно, господа арестанты, я могу еще несколько мисочек врезать, не щадя живота своего. Ну, морячок!.. Теперь сходим на прогулку и будем ждать завтрашних птенчиков (116).

— А каких птенчиков будем ждать?..

— Ха-ха-ха-ха! Вот темнота!.. Что ты, не понимаешь, что ли? Ну и даешь!.. Паечек ненаглядных, миленьких наших кормильцев!

Павлик прилег и после кошмарных наблюдений уснул. На прогулку его не разбудили. Открыл глаза, камера пустая, только трое надзирателей шарят по койкам, ощупывают все вещи, что-то тщательнее ищут.

— Иголку нашел! — говорит один.

Павлик посмотрел — это у дяди Сережи забрали.

— Ты чего не ушел на прогулку?

— Меня не разбудили, — машинально ответил лежащий.

— А ты знаешь, что днем спать запрещено?

— Да это новичок, — смеется второй надзиратель.

— Побудешь здесь, нанюхаешься аромату с параши, без опоздания будешь бегать! Петров, обыщи его!

— Еще и каркать будешь: «Дайте мне прокурора, нам не дают возможности свежим воздухом дышать!» Знаем вас, арестантов! — жужжит надзиратель, обыскивая новичка.

После прогулки дядя Сережа позвал Павлика играть в шахматы.

(114) В тюремном и лагерном быту хлебная корка (горбушка) с точки зрения питательности ценилась выше, чем мягкая «серединка», в которой содержится больше влаги. В связи с этим слово «горбушка, горбушечка» в лагерном жаргоне использовалось в переносном смысле для обозначения любой хорошей, полновесной пайки.

(115) КРА — «контрреволюционная агитация», одна из так называемых «литерных» статей, которые применялись в практике Особых совещаний вместо статей Уголовного кодекса. Подробнее о «литерных» статьях см. прим. (453).

(116) Птенчик (лагерн. жарг.) — пайка хлеба.

— О-о-о, друг, да ты хорошо играешь в шахматик-ки! — после десятка ходов определил дядя Сережа.

— Да, пальцы в рот не ложите, откушу! — смеется новичок. Помолчав немного, добавил, вздохнув: «За что и попал сюда».

— Вот что, морячок, — тихо зашептал дядя Сережа, — парень ты простой, наивный, понравился ты мне! Так вот, слушай и запоминай, как говорят, мотай на ус. Пайку никому не отдавай, самому пригодится! Я вижу, ты парень простой и неопытный, а возле тебя как юла вьется Шевченко, подхалимничает, старается в душу к тебе залезть. Ты откуда сам?..

— Из Харькова.

— Вот видишь, помощи ждать неоткуда. В несколько дней твои крохотные припасы истощают, и потом будешь лапу сосать, как бурый медведь в берлоге. Я старше тебя и опытнее и от души предупреждаю: всего через несколько дней покушаешь свои запасы «за мое почтение». Учти, поначалу будет трудно переносить голод, ох как трудно, пока жирок спадет. На воду будет тянуть, потом втянешься, легче будет. Но учти, цыган свою кобылу приучал к малой порции сена до тех пор, пока она дуба не врезала. Вот такая это привычка. О-о-о, я тебе проиграл?.. Молодцом, морячок, сильно играешь! Ну-у-у, на сегодня хватит. Давай отдохнем. Вижу, ты не по мне, я люблю со слабыми играть, вот тогда я удовольствие получаю.

«Пойми их, — уже валяясь в своем уголке, раздумывает новичок, — и этот хорош, и тот неплохой. Разберись тут! Да-а-а... здесь надо ухо держать востро».

На третий день в камеру втолкнули рыдающего подростка лет пятнадцати.

— Я маме пожалуюсь, ее на нашей улице все боятся! Она и вас поколотит! Она сильная! Она и папку дубасит!

— Ну, перестань плакать, сынок! — хлопчет около него дядя Сережа. — Не надо! Вот придет твоя мама, и все уладится. Как тебя звать?

— Ваня! — горько рыдая, отвечает мальчик.

— А за что тебя сюда привели?

— На автобусной остановке, — хныкая рассказывает Ваня, — людей много собралось. А автобусы не ходят!

Я же не виноват. Гы-ы-ы!.. Гы-ы-ы!.. Гы-ы-ы!.. Я и говорю... — и снова Ваня заливается искренней слезой.

— Перестань, Ванюша! Перестань, деточка! — глядит его по головке дядя. — Все выяснится! Все уладится! Скоро твоя мама придет и вызволит тебя! Ах, изверги! Ах, людоеды, детей начали сажать в тюрьму!

— А я им говорю: «Автобусы ходить не будут». Меня крепко-накрепко схватил за руку лейтенант, пехота замурзанная, и в милицию привел. «Возьмите, — говорит, — паникера (117)!» А мильтоны меня в тюрьму привели. Гы-ы!.. Гы-ы!.. Гы-ы!.. Ой, мамочка родная, выручай меня! Гы-ы!.. Гы-ы!..

Когда Ваня успокоился, более шустрые ребята приглялись ехидно насмеяться над ним, разгоняя скуку:

— Ваня, а Ваня! А кассацию (118) будешь писать?

— Бросьте над ребенком глумиться! — прикрикнул дядя Сережа на остряков, любителей юмора.

— А зачем она, кассация? — спрашивает Ваня.

— Чтоб из тюрьмы выпустили! — говорит юморист.

— Проси бумаги у надзирателя, говори — на жалобу или на закрутку козьей ножки дяде Сереже! — смеется очередной остряк.

— Откройте! — стучится Ваня. — Дайте бумаги на кассацию или на закрутку.

— И чего вы смеетесь над ребенком? — возмущается давно попавший журналист. — Кассацию пишут осужденные.

— Да это же бесплатное представление, разрядка мозгов! Что нам, со скуки все время чахнуть? — говорит шутник.

— Да вы не на политиков, а на уголовников смахиваете! — бесится журналист.

— Ой-ой-ой!!! Я дарю тебе эту проклятую тридцать пятую украинскую статью (119)... Да я с величайшим удовольствием поменяю свою политическую на любую уголовную, даже на несколько уголовных статей! Слышишь, ты, политик! На л-ю-б-у-ю!!!

Ваня, несмотря на уговоры дяди Сережи и несмотря на угрозы дежурного надзирателя, стучит и стучит в дверь.

— Ну, чего барабанишь? — грозно шумит надзиратель в волчок (120).

(117) Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 июля 1941 г. «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения» для «паникеров» была установлена уголовная ответственность и наказание по приговору военного трибунала в виде лишения свободы на срок от двух до пяти лет. Однако, если действия обвиняемого признавались умышленными, ему могли вменить гораздо более тяжелые статьи — 58-10 (пропаганда или агитация, содержащая призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений) или даже 58-1а (измена Родине).

(118) Кассация, кассационная жалоба — жалоба осужденного на приговор, направляемая в высшую судебную инстанцию.

(119) Очевидно, речь идет о статье 35 УК РСФСР 1926 г., которая, в частности, гласила: «Удаление из пределов РСФСР или из пределов отдельной местности с обязательным поселением или запрещением проживать в других местностях или без этих ограничений, в соединении с исправительно-трудовыми работами или без исправительно-трудовых работ, может примениться судом в отношении тех осужденных, оставление которых в данной местности признается судом общественно опасным». В 1930-х гг. эта статья широко использовалась для «чистки» крупных городов, приграничных местностей и т. п. от разного рода «нежелательных элементов», в особенности представителей уголовного мира, которые подвергались репрессиям без предъявления конкретных обвинений. Последние в лагерях в первой половине 1930-х годов называли «тридцатипятниками». В данном случае статья 35-я именуется «украинской», по-видимому, в связи с тем, что в 1940 — 1941 гг. она стала применяться в массовом порядке при депортациях и репрессиях в отношении жителей недавно присоединенных территорий, в том числе Западной Украины. Благодарю Г. Г. Суперфина, поделившегося со мной этим предположением.

(120) Волчок (тюремн. и лагерн. жарг.) — глазок в двери камеры.

(121) Кандей (тюремн. и лагерн. жарг.) — карцер, штрафной изолятор (ШИЗО).

(122) Издевательская контаминация крылатого выражения «на деревню дедушке» из рассказа А. П. Чехова «Ванька», ставшего символом детской наивности и неспособности самостоятельно справиться с сложностью взрослого мира, и имени добродушного героя стихотворения Н. А. Некрасова «Дедушка Мазай и зайцы».

(123) Хлопнуть (блат. жарг.) — в данном случае то же, что «шлепнуть», т. е. расстрелять.

— Дайте бумаги, я кассацию писать буду!
 — Отойди, щеня, от двери, я тебе дам кассацию!..
 — Ваня, Ваня, иди ко мне!.. Иди скорее! — зовет

староста.

— Сейчас я тебе, щенок, дам кассацию! — звонко гремя ключами, шумит надзиратель. Открыл дверь и гневно вlepил звонкую пощечину мальчишке. — Вот тебе кассация, поросенок задрипаный! Заморю в кандее (121)!..

Ваня шлепнулся на пол, горько рыдая.

— Ну вот! Добились, задрипанные юмористы, сами в кустах, а юноша за ваше саркастическое веселье расплачивается своими боками! — осыпает журналист упреками весельчаков.

— Маменька родная, меня здесь бьют!

Ой-йой-йой!..

— Ванечка, иди ко мне! Иди, голубчик! — неустанно зовет дядя Сережа.

— Не пойду. Гы... Гы-ы... Гы-ы... Все вы здесь арестанты! Я домой хочу! Я буду кассацию писать! — и, непрерывно рыдая, вновь принялся стучать в дверь.

— Ну что, репей, еще просишь плюх? — сверкая злыми глазами, бесится надзиратель.

— Нет, я не плюх прошу, а бумаги на кассацию.

Все в камере грохнули бурным смехом, в том числе и журналист.

— Вот еще баран рогатый! Разуи глаза, это тебе не новые ворота, а тюремная дверь с волчком! Видишь, сморчок? — но смотрит, что в камере все хохочут, посмотрел на мальчишку и покровительственно пробормотал: «Сейчас принесу!»

Через несколько минут вбросил в волчок дежурившему у двери Ване чистый лист бумаги.

— Кому же ты будешь писать? — спрашивает юморист.

— Начальнику!

— Ванюха! Напиши прошение дяде Сереже, приложи поллитровку, он разберет!

— Или его разберет! Ха-ха-ха!!!

— Пиши прошение на деревню дедушке Мазая (122)!

— Написал, Ванюха? Вот за это тебя хлопнуть (123)!

— Так трах — и ваших нет!.. — и навел на Ваню активный шутник два пальца.

Ваня быстро порвал свою писанину и снова залился слезами. А Шевченко принялся подбирать клочья бумаги. С этого дня шутники каждый день устраивают увеселительные представления: то пайку отдай, она тебе большая, ты ребенок, а получаешь взрослый паек, она черная и невкусная; то покурить подsunут с серой в окурке (124), то, «зарабатывая освобождение», просидит часа два на параше в чем мать родила. Дядя Сережа сначала заступался за него, возмущался, а потом махнул рукой как на неуправляемого. После ему дали четырнадцать лет как антисоветскому агитатору и паникеру, а также за то, что он плевал в реку Амур, как диверсанту, который хотел отравить весь Хабаровский край.

На следующий день втокнули в камеру солдата, и кончилась спокойная жизнь в камере.

— За что, пехота, попал?

— Анекдот про Сталина рассказал.

— Ну, браток-солдатик, пахнет (125) тебе на полную катушку!

Потом вбросили сразу троих за один анекдот.

— Ах, ребята, ребята! Ужасно плохие ваши дела, — журит их дядя Сережа. — Групповая агитация вас ждет, 58-11, да еще в военное время, это не шуточки. Могут запросто в расход пустить (126).

Дальше с каждым днем принялись вбрасывать в камеру еще и еще новеньких: пехотинцев, артиллеристов, кавалеристов, рядовых в летной форме и морячков. Кроме рядовых иногда попадают и старшины. Уже под койками не хватает места, уже на двух койках по шесть подследственных помещается — и все за антисоветскую агитацию. Тот слово сказал, тот анекдот рассказал, а один морячок даже за антисоветский выпад влип на семь лет: «Играли в кубрике в домино, — рассказывает он. — У меня партнер был старшина второй статьи мотористов. Мне захотелось высморкаться, а у нас на мониторе (127), братцы, чистота, не чета этой. Я вынул из карманчика робы, на котором пишутся номера боевой части, так вот, вынул из карманчика брошюрку, в которой написано: паникеров под ногу, очистить армию и флот от чуждых элементов (128),

(124) Сера от спичек, подложенная в табак, ярко вспыхивает, пугая курильщика.

(125) Пахнет (что-либо) — блатное выражение, означающее вероятную, ожидаемую неприязнь. Например, «пахнет срок».

(126) Неточность. Речь идет о ст. 58-10 (пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений). В военной обстановке подобные действия могли караться расстрелом.

(127) Монитор — военное судно, фактически плавучая артиллерийская батарея.

(128) Очевидно, речь идет об отдельном издании текста выступления Сталина по радио 3 июля 1941 г., в котором, в частности, говорилось: «Необходимо (...), чтобы в наших рядах не было места нытикам и трусам, паникерам и дезертирам (...) Великий Ленин, создавший наше государство, говорил, что основными качествами советских людей должны быть храбрость, отвага, незнание страха в борьбе, готовность биться вместе с народом против врагов нашей Родины. Необходимо, чтобы это великолепное качество большевика стало достоинством миллионов и миллионов Красной Армии, нашего Красного Флота и всех народов Советского Союза».

(129) Шлепка — высшая мера наказания, смертная казнь через расстрел. От жаргонного «шлепнуть» — расстрелять.

(130) Статья 206 УПК РСФСР 1923 г. определяла условия передачи уголовного дела в суд: «Следователь направляет дело для предания обвиняемого суду после того, как установлены: событие преступления, имя, отчество и фамилия виновного, его возраст, обстоятельства, дающие основание для предания обвиняемого суду, судимость, классовая принадлежность и социальное положение, место и время и мотивы совершения преступления, если установить их было возможно».

(131) Речь идет о выступлении Сталина по радио 3 июля 1941 г., в котором, в частности, говорилось: «Нужно немедленно предавать суду военного трибунала всех тех, кто своим паникерством и трусостью мешают делу обороны, не взирая на лица».

культурно высморкался в нее и спокойно выбросил в иллюминатор. Поверьте, братцы, без всякой задней мысли я это сделал. На следующий день меня арестовали по доносу старшины мотористов за то, что я плевал в речь Сталина. Ох, как обидно, братцы!

— А я сказал, что неправильно назвали улицу Советская, другим-то улицам обидно, что их не назвали Советскими.

— Ну, голубчик, за это и шлепку (129) могут преподнести в военное время! — говорит знаток Уголовного кодекса Шевченко Иван.

На восьмой день вызвали Павлика в дежурку и дали подписать 206-ю статью (130). С величайшей радостью он ее подписал. Наслушался в камере о 58-й, а тут такая фортуна улыбается: «Пусть любую преподнесут, только бы от этой проклятой откарabкаться».

— Девятого суд, — сообщил исполнитель.

— Дядя Сережа! Дядя Сережа! Какая радость, я иную статью подписал! Ура-а-а! Прощай, украинская тридцать пятая, статья проклятая! — сообщает с порога камеры наивный Павлик.

— Какую же иную ты подписал? — сомневается староста.

— Двести восьмую! Ура-а-а!

— Эх вы, зелень, зелень! — и глаза его заблестели влагой. — Зачем вас столько собрали здесь? Контрики вы мои, контрики! Мальчишки вы мои дорогие! Как же с вами жестоко расправляются! Наивные вы, дети мои! Это ты подписал статью об окончании следствия, и не двести восьмую, а двести шестую, к этим вещам надо внимательно относиться, а то подпишешь что-то такое, что всю жизнь будешь кашлять. А пятьдесят восьмая, к сожалению, осталась в силе.

Загрустил Павлик.

— Иди, в шахматишки сыграем, разведем грусть-печаль. И послушай мой совет: тебя все равно осудят, положишься на мой опыт. Сейчас военное время, и не для того вас сюда столько собрали, чтобы отпускать назад. Вспомни воззвание Сталина: «Болтунов под ногу!» (131). В мирное время не очень-то разбирались, а теперь тем более. Я тебе советую на суде признать себя виновным, это на срок не повлияет, наоборот, это смягчающее обстоя-

тельство, а когда отсидишь одну треть срока, будешь иметь право писать помилование. Учти, к тому времени война кончится и будут по-иному смотреть на новоиспеченных контриков, а кто не признает себя виновным, тот не имеет права писать о помиловании.

— Добро. Я подумаю над вашим советом.

— О-о-о! Да ты сейчас не в форме! Мат тебе! Подсидел я тебя! Подсидел! Эх ты, «Рассеянный с улицы Бассейной!» (132). Иди, отдыхай. Вижу, тебе не до шахмат! Учти, впереди тебя ожидает много тяжелых минут, но не унывай, будут и положительные денечки, какие твои годы?

В конце дня забрали из камеры солдата, который с азартом рассказывал о войне, что скоро с такими темпами отступления наших войск немчура захватит Москву.

— Странно, — шепчет Иван, — никого из камеры не вызывали за время нахождения солдата в камере, а донесли. Вот, морячок, подумай хорошенько, как легко можно загреметь в режимные лагеря!

Долго Павлик не спал в ночь на 9 августа: «Завтра суд. Какой же будет приговор? Что день грядущий мне готовит (133)? А может, оправдают? Ведь я же не виноват ни в чем! Нет! Засудят! Как пить дать засудят! Прав дядя Сережа — вон сколько нагнали за эти дни болтунов, даже и контриками уже не величают. О, проклятый Гитлер! Сколько горя ты принес в нашу страну, не только там, на фронте, где солдаты гибнут, защищая Родину, но и сюда это горе заглянуло, аж на Дальний Восток, и мы твои жертвы, проклятый динозавр (134)! Вон, Иван рассказывает, что с 39-го до самого начала войны 41-го года контриков запрещали называть фашистами, они же были друзьями Сталина, а сейчас поносят не только фашистами, но и фрицами и гансами, геббельсами и герингами нашего брата-контрика».

— Ваня, а Ваня! Ты спишь или нет?

— Нет, не сплю.

— А что будет тому солдату, которого из камеры забрали?

— Что? Или шлепнут, или, в лучшем случае, лагерную статью пришьют и в режимный лагерь отправят. А там, брат, не мед, конвой невыносимо жестокий, всех зэков нумеруют (135), работа адски тяжелая, нормы лошадиные, да лучше об этом не говорить, еще и нас подслушают, здесь и стены проклятые уши имеют, уж одного того,

(132) Крылатое выражение из детского стихотворения С. Я. Маршак «Вот какой рассеянный» (1930).

(133) Цитата из арии Ленского «Куда, куда, куда вы удалились?» из оперы П. И. Чайковского «Евгений Онегин», часто звучавшей по радио.

(134) Динозавр (блат. жарг.) — пожилой человек, старик.

(135) Ошибка. Обязательной нумерации подвергались заключенные каторжных отделений ИТЛ, которые начали создаваться позднее в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР № 39 от 19 апреля 1943 г. «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников». Для осужденных устанавливались усиленный режим охраны и изоляции, особая одежда с нашитым личным номером, вводился десятичасовой рабочий день, при этом предписывалось использовать заключенных-каторжан на наиболее тяжелых работах.

(136) Птюшечка, птюха, птюха (лагерн. жарг.) — то же, что птенчик, горбушечка, т. е. пайка хлеба.

(137) Заключенный, имеющий деньги на своем лицевом счете (для находящихся в тюрьме это средства самого заключенного и перечисленные родственниками с воли), имел право раз в месяц заказать в специальном магазине («ларьке») продукты или предметы обихода на ограниченную сумму. Лишение ларька — распространенное наказание нарушителям тюремного и лагерного режима.

(138) Здесь: ироническое обозначение заключенного, культивирующего высокие моральные стандарты, добросовестно выполняющего все правила, а в лагере работающего в полную силу. В другом значении «честняга» — блатной, строго придерживающийся воровского «закона».

что мы с тобой шушукаемся, достаточно, чтобы намотать десятку. Такое время, дорогой. В общем, его ждет 14-й пункт 58-й статьи Уголовного кодекса РСФСР, одним словом, саботаж.

— И откуда ты весь кодекс знаешь? И о всех лагерях, и о режимных, и о штрафных?

— Ха-ха! А меня освободить — и без всякой подготовки можно следователем или прокурором ставить. А ты думаешь, я только парашу способен носить? Да у меня высшее образование! Эх, милок, когда-то в моем распоряжении находилось много обмундирования и продовольствия. Ох, харчишки вы, харчишки, сколько тушенки было, целые ящики, а сейчас хотя бы одну баночку! Теперь получишь эту птюшечку (136), и такая она вкусная, влажная, тюремная, ржаная, пополам с отрубями паечка! Я на воле шоколаду не пробовал вкуснее этой паечки. Что ты хочешь? Только меня посадили, жена отказалась: «Не желаю, — говорит, — знаться с врагом народа!» И хотя бы, мерзавка, одну передачку принесла. А прожили вместе пятнадцать годиков, сыну четырнадцать сейчас. Поэтому я не подписываю никаких бумаг. Я не враг народа! Никому я не враг! Я не контра, как меня поносит следователь! Пусть меня сгноят, умру я здесь, но не подпишу сам на себя ложных показаний. Чтоб не падало в будущем пятно на моего сына. Эх, сыну, сыну, знал бы ты, что твой отец тюремную парашу таскает за миску баланды... — и отвернулся от Павлика, горько рыдая.

Павлик не знает, что ему делать, как успокоить своего тюремного друга. И он молча лежит, переживая. Иван немного успокоился, продолжил:

— Люди ларек получают ежемесячно, а у меня на лицевом счете ни шиша нет (137). Все жене до копеечки отдавал. Был честнягой (138), таким же как ты. «Не надо мне обмундирования, оно мне в коленках жмет!» — передразнивает Павлика Иван. — Вот побудешь здесь, полежишь на голом полу, похлебаешь баландочки, узнаешь, нужно ли обмундирование или не нужно.

Помолчали. Потом снова продолжил изливать свое наболевшее, а Павлик молча слушает.

— Четыре года: птюшечка, птюшечка, птюшечка! Да разве тебе понять все это? Это все надо пережить, на своей шкуре испытать, прочувствовать, вот тогда поймешь.

Ты вот и на прогулку не всегда еще изволишь ходить, ты еще не осознал, что такое свежий воздух, а я до того пропитался этой вонью, что выйдешь во двор тюрьмы (и то на полчаса этого блаженства, даже свежим воздухом арестанта ограничивают), и еле ноги назад тащишь, а по телу разольется действие кислорода. Вернешься в камеру, и как пьяный сделаешься от влияния прозрачного, чистого воздуха, который блаженно вдыхал. Заползешь в камеру, ляжешь и думаешь: «До чего же ты дорога, воля-волюшка!»

— Ваня, если я не вернусь сюда после суда, получишь мой ларек, на который я записался, у меня там есть рублей пятьдесят на лицевом счету.

— Вернешься, вернешься! Куда ты денешься? И вещички не забирай с собой, и паечку оставь. Знаешь? Получишь срок — невыносимо тяжело будет на душе, и хотя червячка заморишь в виде похмелья после приговора.

— Да я и сейчас проголодался, что буханочку съел бы не оглядываясь, да вот вопрос, где ее взять?

Помолчали.

— А чего тебя, Ваня, так долго не судят? Неужели из-за того, что ты не подписываешь показаний?

— Я же не такой, как некоторые: не успел попасть в кабинет следователя — уже раскис, подписал показания и через десяток дней суд... А меня не за что судить! — не на шутку разозлился Иван, словно в чем-то и Павлик виноват, что его здесь маринуют. — А сию я потому, что много бюрократов, подхалимов, кляузников, бумагомарак и всякой дряни на свободе раздольно разгуливает.

— Тише там нойте, раскудахтались! Спать не даете, уже полночь! — проворчал кто-то недовольно во мраке дежурной лампочки.

— Вот видишь, я тебе говорил, что мы договоримся до саботажа. Спать, спать!

Немного позже для разгрузки тюрьмы в военное время всем этим, кто не подписывал показаний и не признавал себя виновным, без разбора и вызова в трибунал дали заочно какую-то чудную статью (ОСО), потому что в 58-й не хватило четырнадцати пунктов (139). Всем преподнесли по десять лет, по пять поражения и пять ссылки. И узнали они о своем сроке, что приговорены, только тогда, когда их отправляли на дальний этап:

(139) Особое совещание при НКВД СССР (ОСО) — внесудебный орган, выносивший решения заочно, без присутствия обвиняемого и без участия защиты. В частности, по сложившейся практике на рассмотрение ОСО передавались дела, по которым следствию не удалось собрать достаточно доказательств вины для осуждения подсудимого обычным судом. В подобных случаях взаимность вины для осуждения нередко применялись так называемые «литерные» статьи (см. прим. (453)). Служившая основным инструментом массового политического террора статья 58 (контрреволюционная деятельность) УК РСФСР в редакции 1926 г. состояла из 14 пунктов с рядом подпунктов.

(140) Неточная цитата из «Песни о Сталине» Ю. Алешковского («Товарищ Сталин, вы большой ученый...», 1959).

(141) Шмутки (блат. жарг.) — вещи, одежда. То же, что «тряпки».

(142) Черный ворон, воронок — автозак, спецмашина для перевозки арестованных. Обычно черного цвета.

То дождь, то снег, то мошкара над нами,
А мы в тайге с утра и до утра.
Вы здесь из искры возводили пламя —
Спасибо вам (т. Сталин), я греюсь у костра.

Юз Алешковский (140)

Еще что-то бормотал Иван, изливая чувство обиды на свою судьбу, но Павлик уносился своим сознанием куда-то далеко-далеко, и лишь в пять часов его кошмарный сон потревожил противный оклик:

— Подъем! На opravку! Шевелись!

Это наступил день суда. За эти десять дней, проведенных в следственном изоляторе, Павлик успел изрядно отдохнуть после напряженных боевых и политических занятий на бронекатере, дневных и ночных тревог и бесконечных вахт на катере и камбузе коком. Успел и надумать за эти дни так обо всем увиденном, услышанном и пережитом так, что глубокая морщина, изгибаясь, как кривая дорога, пролегла по лбу на двадцать третьем годике жизни. Уже не противна тюремная баланда, но еще хватает силы воли оставлять пайку и съесть после двенадцати. Долго тянутся минуты в ожидании вызова в суд. Уже сахарок проглотил и баланду похлебал, а паечка лежит в наволочке, хочется и ее съесть, но «После суда будет как похмелье!» — так сказал опытный тюремный друг Ваня, и Павлик его слушает беспрекословно.

Во втором часу после полудня открылась дверь, и появился долгожданный надзиратель.

— Ни пуха, ни пера тебе, морячок! — напутствует дядя Сережа.

— Спасибо вам, дорогой батя, будьте здоровы, — ответил Павлик.

Павлик не теряет надежду, что его освободят. «Пусть все мои шмутки (141) Ивану останутся, он много горюшка хлебнул, а я на воле как-нибудь выкарабкаюсь!» — и перешагнул порог камеры с улыбкой навстречу своей злодейке-судьбе.

Во дворе тюрьмы поджидает, рокоча, черный ворон (142). Втолкнули подконвойного из общего коридорчика в открытую конвоирами камеру, посадили на сиденье и захлопнули дверцу. Машина зарычала, словно ей бензину не хватает, и покувыркала по ухабам мостовой.

В камере тесно, темно и невыносимо жарко. Пот обливает лицо, плечи, грудь и в скором времени одежда напиталась влагой собственного пота, а машина трясется и трясется по дорожным выбоинам. Порой подконвойный ударяется головой в крышу будки и ничего не может поделывать, негде зацепиться для устойчивости, да и не знает, где тряхнет, а когда плавно будет катить, ведь в камере даже крохотного окошка нет. Кажется, этой тряске конца и края не будет: «Неужели задохнусь? Где же конвоиры? Хотя бы чуть-чуть дверцу приоткрыли». Наконец машина стала. Приоткрыв дверцу, конвоир скомандовал:

— Подконвойный, выходи!

От переутомления, жары и спертого воздуха в этой собачьей будке помутнели глаза, и только когда протер их, то рассмотрел, что это штаб Амурской Краснознаменной флотилии, а рядышком — учебный отряд, в котором он проходил подготовку к плавсоставу.

— Предупреждаю!.. — зычно зашумел конвоир, который при нагане, а тот, что молчит — с трехлинейкой. — В пути следования никуда не отклоняться, по сторонам не рассматривать, шаг влево, шаг вправо считаем за побег и применяем оружие без предупреждения!..

Метрах в двадцати от штаба флотилии стоит длинная скамейка, на нее и посадили подконвойного. Старший конвоир ушел доложить, что подсудимого доставили. Солнце жжет по-августовски. Небо прозрачное, изредка ветерок доносит приятный прохладный воздух с Амура, нарушая царивший покой зеленой листвы в кронах деревьев. Арестант вытер мокрым рукавом фланелевой блузы пот с лица, одежда тоже заметно парует. Рядом со штабом флотилии стоит длинный одноэтажный кирпичный корпус, смахивающий на барак. Оттуда что-то адски приятное, до потери сознания ароматное приковывает к себе внимание голодного подконвойного, неповторимым запахом щекочет чувствительный нос. «Там, вероятно, сейчас заправляют жареным луком флотский борщ. С каким бы наслаждением я сейчас чистил бы по наряду картофель, как, бывало, заставляли всем отделением чистить в учебном отряде, лишь бы дали похлевать флотского борща, а на закуску рисовой каши». По утоптанной дорожке между штабом и скамейкой, на которой сидит арестованный, беспрерывно спуют береговики. Стыдно

Павлику сидеть под надзором конвоя и под осуждающими взглядами моряков. А дымящий камбуз так раздражает разгоревшийся аппетит, что желание утолить голод даже стыд поглощает. Арестант мысленно собирается остановить прохожего морячка и попросить хлебушка и табачку. «Вот этого спрошу! Нет, вот этого...» Но и конвоя страшно, и просить уж больно стыдно. Так печальным взором, не меняя позы, он глазами встречает и провожает прохожих краснофлотцев.

Рядом на заросшей заброшенной клумбе алеют разнообразные усыхающие цветочки, и никто за ними не ухаживает, и никто их не поливает, здесь тоже отражается эхо пожара войны. Но Павлика влекут совсем не цветочки, его свежий ветерок иногда так пьянит, и как магнитом тянет смотреть на злополучный камбуз. «Какой же я лопух, надо было съесть свою паечку, не так бы казнил этот камбуз. О-о-о... про-к-ля-тье!!! О, мамочка родная!.. Какая казнь... Скорее бы увели с этого места, здесь можно рассудок потерять от этого несносного аромата флотского борща».

Наконец появился второй конвоир, и казнь кончилась. Подсудимого завели в небольшой кабинет на первом этаже, только сел, раздалась команда:

— Встать!!! Трибунал идет!!!

Тройка трибунала чинно прошла за нарядный стол, покрытый бархатной скатертью, и пристойно уселись рядом, а за маленьким столиком уселся главный старшина, вероятно, секретарь.

— Вы знакомы с делом?.. — обратился средний к воентехнику второго ранга.

— Да. Да!.. — утвердительно помотал он головой.

После того как средний прочитал состав трибунала, по какой статье и пункту обвиняется подсудимый, обращается к подсудимому:

— Вы не отрицаете своих показаний, подписанных вами на следствии?

— Не отрицаю! — ответил Павлик.

— У товарища капитана будут вопросы?

— Нет!..

Что-то писал средний, потом пошептались между собой, и военюрист второго ранга предоставил последнее слово подсудимому.

Павлик встал, гордо выпрямился, ему дико

и странно кажется — еще не было суда, а уже последнее слово предоставляют. «Почему они не выясняют, как это получилось? Умышленно или нет? Почему именно так, а не иначе?.. Хотя бы для приличия зачитали, за что же меня обвиняют, за что меня гражданства лишают... А то: «Товарищ воентехник второго ранга, знакомы с делом или нет?» А может, он и незнакомился с этим делом, может, с похмелья некогда было? Вон, нос красный, следовательно, бухарик (143). А теперь подпишется, и кашляй, Павел Иванович, в каторжных лагерях! Эх вы!.. Люди, люди!..» — и зашекотали нервы, взбудоражились какие-то внутренние силы. И вообразил Павлик себя несправедливо обиженным: «Нет!.. Я не буду просить пощады у этих вельмож. Не дождетесь, пусть хоть в бездну бросят меня!..»

— Я прекрасно понимаю, вы меня несправедливо засудите! Вы даже не опрашиваете меня, как я умудрялся проводить политику Плеханова среди краснофлотцев. Сколько вы дадите — два или три года, мне все равно! Я не хочу жить на свете врагом народа! — конвоиры встрепенулись, зашевелились, разгоня дремоту. А подсудимый, войдя в роль, продолжает еще в камере бессонными ночами заученную цитату: «Жизнь я люблю! Жить я хочу! Но существовать не буду! Прошу дать мне расстрел!.. Я сказал все!..» (144) — и сел, не ожидая разрешения.

В это время, когда Павлик садился, тройка трибунала подхватила, как ошпаренная кипятком, и стоят все в замешательстве. Последнее слово подсудимого ошарашило их, как гром в ясный день. Но недолго находились в шоковом состоянии, опомнились, сели, неприятно переглядываясь между собой. Посидели. Пошептались, и военюрист 2-го ранга объявил:

П Р И Г О В О Р
ИМЕНЕМ СОЮЗА СОВЕТСКИХ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
9 августа 1941 г. г. Хабаровск, База АКФ

Военный трибунал Амурской Краснознаменной флотилии в составе: Председательствующего — военного юриста 2-го ранга ФОНАРИКОВА,
Членов: капитана ХАЛИМОН и воентехника юриста 2-го ранга САБАНЦЕВА,

(143) Бухарик — пьяница, алкоголик.

(144) В данном случае под «цитатой», очевидно, подразумевается заранее заготовленная эффектная речь.

при секретаре глав. старшине Белове, рассмотрел в закрытом судебном заседании дело по обвинению бывшего краснофлотца Н-ского соединения АКФ Иванова Павла Ивановича, 1919 г. рождения, уроженца д. Базалиевка, Печенежского района, Харьковской области, по происхождению из крестьян, по соцположению рабочего, по национальности украинца, беспартийного, образование в объеме семи классов, на военной службе добровольно с 1939 года, ранее не судившегося, — в преступлении, предусмотренном ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР,

УСТАНОВИЛ НИЖЕСЛЕДУЮЩЕЕ:

Подсудимый, будучи антисоветски настроенным, систематически проводил среди личного состава части контрреволюционную агитацию, а именно: за период с августа по декабрь месяц 1940 года, а также в феврале и апреле месяцах 1941 г. в разное время в беседах с военнослужащими, направленными против мероприятий ВКП(б) и Советского правительства по укреплению обороноспособности нашей страны, а также по укреплению трудовой и военной дисциплины, и возводил контрреволюционную клевету на условия службы в Красной армии.

Также в ноябре месяце 1940 г. в разное время подсудимый Иванов в беседах с военнослужащими возводил контрреволюционную клевету на советскую печать и восхвалял армию одного из капиталистических государств.

На основании изложенного военный трибунал признал ИВАНОВА виновным в контрреволюционной агитации, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР, а потому, руководствуясь ст.ст. 319 и 320 УПК РСФСР,

ПРИГОВОРИЛ:

ИВАНОВА ПАВЛА ИВАНОВИЧА на основании ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР лишить свободы сроком на восемь (8) лет, с отбытием в исправ.-трудовых лаге-

рях, с поражением в правах, предусмотренных ст. 31 п. «а» УК РСФСР, сроком на три (3) года. Срок наказания осужденному Иванову исчислять с 29 июля 1941 года, т. е. с момента предварительного заключения под стражу. Приговор может быть обжалован в кассационном порядке в Военную коллегия Верховного суда Союза ССР через военный трибунал АКФ в течение 72-х часов с момента вручения выписки из приговора осужденному.

п/п ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ
ВОЕННЫЙ ЮРИСТ 2-го РАНГА ФОНАРИКОВ (145)
Члены: капитан — ХАЛИМОН, воентехник
2-го ранга — САБАНЦЕВ

Капитан юстиции
ПОДПИСЬ
ПЕЧАТЬ

В. ФАДЕЕВ

После суда Павлик, убитый горем, не просил на руки приговор трибунала и не получил его. Он его получил на семьдесят первом году своей жизни, и то после того, как затребовал.

Он не ожидал такого большого срока, хотя в камере и говорили, что по этой статье чеканят восемь-десять лет, но Павлик этому не верил, он свято верил своему следователю. Но все же Плеханова отбросили, зато присобачили «клевету на Красную Армию и печать». А по поводу разбирательства полковник МГБ Железов так сказал: «Мы ему (арестованному) и не будем трудиться доказывать его вину. Пусть он нам докажет, что не имел враждебных намерений» (146).

В обратном кошмарном пути арестованный не замечает ни темноты, ни жары, ни пота, льющегося градом по лицу: «Уже осужденный! О-о-о, позор! Позор! Восемь лет! Отсижу, дядей буду! Прощай, молодость! О, горе, горе!» — и принялся биться головой о дверцу своей конуры.

(145) Фонариков Н. С. (1902 — не ранее 1985) — впоследствии заместитель председателя Военного трибунала Тихоокеанского флота, председатель Военного трибунала Военно-воздушных сил Краснознаменного Балтийского флота, в 1943 — 1945 гг. — председатель Военного трибунала Кронштадтского морского оборонительного района.

(146) Цитата из художественного исследования А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» (Т. 1. Ч. 1. Гл. 3).

А мы не виноваты,
 Что не автоматы.
 Мы мятые, мы жатые,
 Но мы не виноватые.
 Мы только тварь живая
 У барского крыльца.
 И ржавые трамваи
 Ведут нас до конца.
 Владимир Адмони (148)

(148) Неточная цитата из стихотворения В. Д. Адмони «Мы не виноваты», написанного в 1938 г. и впервые опубликованного в журнале «Нева» в 1988 г. (№ 7, с. 113).

(149) Сплошные нары — дощатый настил без разделения на индивидуальные спальные места.

(150) Шпилить (блат. жарг.) — играть в карты.

Машинально выполз осужденный из будки черного ворона, не обращая внимания, куда его ведут. Не обратил внимания, как конвоира сменил надзиратель и как он подвел и втолкнул в камеру. Вонь параши резко ударила в нос. Пестрый хаос какой-то изможденной орды, грязь и теснота и неистовый шум в огромной камере, а зэки гудят, как в улье пчелы: «Жу-жу-у, жу-жу-у, жу-жу-у!» Это заставило осужденного насторожить слух и зрение. Только теперь он понял, что это не та камера, из которой его забрали. Там была нормальная публика и воздух чище, а здесь сбор блатных и шайка нищих — большинство уголовники. Камера огромная, по обе стороны направо и налево сплошные двухъярусные нары (149), до предела забитые заключенными, а кому не досталось места на нарах, ютятся под нарами и на проходе камеры вплоть до самой параши, которая стоит у самой входной двери. От нее и жигануло новичку в этой тухлой камере; людей много, а выносят ее один раз в сутки. Вонь пота и смрада, дым как в тумане неподвижно стоит.

Ни с кем не здороваясь, прошелся новичок, перешагивая лежащих, вдоль камеры, подыскивая себе взглядом место. У окна на верхотуре свободнее, только закрыл надзиратель дверь, там продолжили «шпилить» в карты (150). «Лучше не связываться с ними! — думает осужденный. — Это блатные!» И принялся присматриваться в противоположную сторону. Но везде как селедки в бочке. Вдруг облюбовал себе местечко и с краснофлотской ловкостью вскарабкался в считанные секунды на верхотуру.

(151) Мужик (лагерн. жарг.) — заключенный, не принадлежащий к блатной среде.

Обитатели этого места на мгновение растерялись, ошеломленные наглостью морячка.

— Потеснитесь, мужички (151)! — настырно требует осужденный.

— Тут занято! Тут негде!

— Здесь некуда, морячок! — вторит сосед.

— Кому тесно, валяй под нары, там свободнее! — сквозь зубы цедит морячок, агрессивно настроенный.

Мужички покорно смирились, недовольно поглядывая на кряжистого морячка. Павлик лег, припал лицом к нарам и неподвижно замер, переживая необоснованный приговор. Соседи полежали несколько минут, потом заговорили:

— Кузьма, а Кузьма! Давай перекусим!

— Можно и перекусить! — отвечает Кузьма.

А Павлик лежит между ними неподвижно, как неотесанный чурбан. Развернули мужички мешок, отрезали ниткой по куску сала, аккуратно очистили луковицу и так же ниткой разрезали на две ровных половинки. Достали сухарей и принялись противно чавкать сало и хрюкать лук с сухарями. Это противное чавканье заставило осужденного вспомнить, что в следственной камере осталась наволочка, а в наволочке — кое-какие вещички и самое главное — паечка (на похмелье). Он слез с нар и постучал в дверь. В камере пчелиный шум утих, всех интересует: что это морячок вытворяет?

— Ты чего это, полундра, барабанишь в дверь? — спрашивает дежурный надзиратель.

— В следственной камере остались мои вещи и паечка! Разрешите, пожалуйста, забрать их оттуда!

— А домой или на свое разбитое корыто не желаешь возвратиться? ... Ха-ха-ха!!! В какой камере?

— В политической!

— В какой, я спрашиваю?

— Номера я не знаю!

— Сейчас, полундра, выясню! — и закрыл волчок.

Прошло некоторое время, надзиратель вбросил на грязный пол у параши наволочку с пожитками. Ощупал осужденный ее — паечка исчезла, нет и запасной тельняшки: «Так вот вы какие, друзья тюремные, товарищи! Вот почему ты, дружок Ваня, убеждал не есть паечку! Ты ведь прекрасно знал, что я больше не вернусь к вам в камеру».

А соседи, сообразив, что у морячка-шляпачка (152) съели паечку, в открытую злорадствуют. Закурили самосаду и пускают дымок на незваного поселенца, ехидно перемаргиваясь между собой. А дымок такой приятый, такой ароматный. Павлик в жизни не курил такого табачку. «Выжить задумали отсюда, а дудки не хотели? Держись, одинокий морячок, не унижайся, не проси докурить, они все равно не дадут. Это тебе первое тюремное испытание».

Невыносимо долгим показалось ожидание следующей паечки, внутри невыносимо сосет и жжет, и ночью голод не дает покоя. С верхотуры удобно наблюдать, как замерла вся камера во сне, как шики-брики (153) шныряют по камере, подыскивая поживу. Нервно спят и зажиточные мешочники (154); только приляжет рядом отдохнуть шкодник (155), а его уже гонят: «Иди, иди отсюда!.. Нечего тебе здесь моститься! Ишь ты, присоседился!»

Под нарами, при тусклом свете дежурной лампочки, всю ночь играют в буру, стос, рамс (156) — ищут удачу в картах. Уже давно проиграно все то, что можно проиграть, вот и проигрывают за неделю вперед пайку и баланду. А кому удалось выиграть, лезет в свободный уголок на верхние нары и там свой выигрыш быстро проигрывает так называемым законникам (157). Тощему шкоднику, несколько дней не пробовавшему во рту крошечки хлеба, удалось расположить мешок с сухарями, но мужичок вовремя подхватился и поймал шкодника за руку, а он второй рукой быстро засовывает в рот сухарики и глотает почти не прожевывая.

— Петро! А Петро, вставай! У меня мешок расположил вот этот сявло (158)!

Петро встал, и принялись избивать шкодника. Взбудоражилась камера.

— Ой, братцы! Мешочники самосуд устроили! — вопит напарник шкодника, увильнувший под нары.

— Эй, вы!.. Козлы неотесанные! — раздался грозный голос из свободного уголка. — Бросьте фитиля (159)!

— Вы видите, какой он прозрачный? Три дня в рот хлебушка не брал, честно платит проигрыш!

— Нет бы поделиться с нуждающимся! — гнусавит из-под нар Чума. — Так вы вместо дележки самосуд устраиваете...

— Что здесь за шум устроили среди ночи? — спрашивает надзиратель.

(152) Шляпак (укр.) — разиня, шляпа.

(153) Шики-брики, чики-брики — в переносном смысле ловкачи, шустрые мелкие ворюшки.

(154) Мешочник — мелкий спекулянт, промышленный незаконной торговлей нормированными продуктами.

(155) Шкодник, шкода (блат. жарг.) — блатной, ворующий у своих и делающий мелкие пакости.

(156) Бура, стос, рамс — азартные карточные игры, популярные в уголовной среде.

(157) Законник (блат. жарг.) — вор в законе, авторитетный блатной. В более широком смысле — человек, принадлежащий к преступному миру, живущий по его законам. То же, что блатной, босьяк.

(158) Сявло, сявка (блат. жарг.) — мелкий ворюшка.

(159) Фитиль (лагерн. жарг.) — слабосильный заключенный, то же, что доходяга.

(160) Закосить — здесь: утанть (лагерн. жарг.).

(161) Дневная хлебная порция (пайка) на тюремном жаргоне именовалась «кровной» нарядом с такими предметами первой необходимости, как нательное белье, верхняя одежда и подушка. По классическим арестантским «законам», все это не могло служить ставкой в игре, но на практике этот запрет часто не соблюдался. «Так называемое «заветное», или «кровь» (...), настоящими жуликами не проигрываются, — отмечает Д. С. Лихачев в статье «Картежные игры уголовников», написанной в 1930 г. — Старые воры уверяют, что в их время, если бы они заметили, что играют «заветное», они имели бы право избить и выигрывающего, и проигрывающего. Теперь «кровь» бережется самим играющим. На Соловках среди «вшивок» и вообще «дешевых людей» проигрывание самого «заветного» слишком распространено. В общих ротах бывают случаи проигрышей — паек хлеба на месяц вперед и больше» (Лихачев Д. С. Статьи разных лет. Тверь, 1993. С. 50—51. Далее: Лихачев).

(162) Парашники (тюремн. и лагерн. жарг.) — люди, занимающие самое низкое положение в иерархии заключенных; в переполненной камере им отводится худшее место — возле параш. В их обязанности входит выносить и очищать парашу.

— Да у меня мешок разрезали сывки, — ищет мужик защиты у надзирателя.

— Я тебе, харя небритая, нарушу ночной распорядок! Собирайся в кандей, там тебе никто мешать не будет!

— За что, гражданин хороший? Ведь у меня...

— Топай, топай, не каркай, как ворона! Там покормишь крыс своими сухариками, наберешься ума!

— Отдай лучше нам, чем крыс кормить таким добром!

— А вы, фитили, спать! Ни гу-гу, а то тоже в карцер упеку!

«За что же его в карцер? — думает Павлик. — Ведь он же не виноват. Я ведь все видел. О-о-о... какое же здесь беззаконие! Как же мне жить между такого сброда?»

Утром после оправки принесли в эту огромную камеру пайки. Воцарилась тишина, даже дыхание соседа слышно в этой тиши. Два надзирателя стоят у ящика с пайками часовыми, а староста с помощником раздают их. Когда дошла очередь под нары, те, кто получил, зажужжали: «У меня горбушечка сегодня!» — «А у меня с довесочком!» — радости нет предела. Проигравшийся паренек попытался под нарами перелезть на иное место, чтобы закосить (160) паечку. Староста и надзиратель вытащили из-под нар нарушителя, наградили тумачами и вытолкали в коридор.

— Погодите! Погодите!.. Я паечку отдам!.. Я должен! Я проиграл!.. — доносится из коридора голос нарушителя.

— Иди, иди!.. Я тебе отдам, я тебе закошу паечку так, что тошно будет! — шумит надзиратель.

А нарушителю этого и нужно, его ведь не наказали, в изоляторе он самостоятельно съест проигранную паечку.

А раздача продолжается, из-под нар, как суслики, выглядывают с протянутыми руками истощенные.

Только надзиратели закрыли за собой дверь, потянулись должники в свободный уголок со своими кровными паечками, накануне проигранными (161).

После паек принесли сахарок, староста раздал каждому по столовой ложке. Горсть осталась после дележки.

— Что, братцы, по ложечке парашникам (162) выделим?

— Выделяй!.. — шумят с верхотуры.

— Не выделяй!.. — завопили из-под нар.

— Будут тут шеи наедать за наш счет!..

— Баланду хавают и будя с них!..

— Тихо, шакалы (163)! — шумит староста. —
Остальной сахарок на общий котел! — и бросил остальной
сахарок в стоящую посреди камеры кадку с водой.

Словно по команде, обгоняя друг друга, кинулись
к кадке тощие, вооруженные черепковыми мисками. Это в
основном бывшие солдаты, а сегодня контрики-болтуны.
Из свободного уголка посыпались насмешки:

— Давай, Индия (164), калории пропадают!

— Пейте воду, она жирная!

— Вода сильная, она мельницы ломает!

— Ведро воды заменяет килограмм сливочного
масла!

— Напирайте, напирайте, задним не достанется!

— Чума, а ты чего отстаешь?..

— А-а-а, ну-у их!..

Так и потекли в спертом воздухе день да ночь — сут-
ки прочь... Новичок притаился на своем месте тихо, мир-
но, спокойно, замкнуто. Не с кем и словом переброситься,
соседи дуются на него, что он нахально втесался, как незва-
ный гость, а больше ни с кем он и знакомства не ведет.
Все ему кажется диким, варварски чужим, временным.

На пятый день существования в этой противной
камере вбросили высокого, бравого, красивого и стройно-
го пограничника, килограммов под сто весом. Его фигура
напоминает богатырскую силу героя из поэмы «Титарів-
на» Т. Г. Шевченко, который вернулся в свою деревню бор-
цом и требует:

«Горілки! Меду! Де отаман?
Громада? Соцкій? Препогане,
Мерзенне, мерзле парубоцтво
Ходіте битись! Чі боротись,
Бо я борець!..» (165)

Прошелся он вызывающей полустроевой-полужи-
ганской походкой по камере, озорно перешагивая лежа-
щих на полу, поскрипывая до блеска начищенными хро-
мовыми сапогами, и с наглым, вызывающим гонором зая-
вил на всю камеру:

(163) Шакал (тюремн. и лагерн.
жарг.) — презрительное наиме-
нование жадного и трусливого
человека, не брезгующего
попрошайничеством и мелким
воровством.

(164) Индия — категория заклю-
ченных, униженная и презира-
емая, состоящая из проиграв-
шихся — истощенных, разде-
тых, вечно голодных и готовых
на все ради утоления голода.

(165) Цитата из поэмы Т. Г. Шев-
ченко «Титарівна» («Дочка
ктитора»):

«Эй, водки! Меду!
Два стакана!
Где сотский?
Нет ли атамана?
Начнем бороться!
Погань, падаль,
Борца сегодня
вам не надо ль?
Борец пред вами!»
(пер. с укр.
С. И. Липкина).

(166) Очевидно, эвфемизм, сконструированный Овчаренко для замены нецензурного выражения. Намек на сходство пограничника на наблюдательной вышке с лагерным караульным, которого блатные называли «попкой», «попугаем», и на зеленый цвет его фуражки.

(167) «Господин удав» или «господа удавы» — шутовское обращение к собеседникам в блатной среде.

— Эй, шпана!.. Освободить мне место на верхних нарах!..

После минутной тишины камера дружно взорвалась язвительными насмешками и злой иронией.

— Под нарами твое место! Козел! — это сказал Жорка, вожак всей камеры, вор в законе.

Откуда пограничнику знать, нахватавшемся верхушек и блатных жаргонов в маленькой следственной камере уголовников, где он сидел, что этот саркастический смех вожака камеры равносителен приговору судьи.

— Давай сюда, «попугайчик» с зеленым хвостиком (166)! — вопит комично Чума, который первый сорентировался в этой ситуации.

— Да это, братцы, Змей Горыныч свалился на наши бедные головушки. Айя-яй-я-я! Разнесчастные наши нары! Сейчас он разнесет их в щепки и развеет по тюремному двору! Что вы, пан Горыныч, будете делать? Вы очень голодны? — и Мустафа изобразил комический вид и плач, кривя свое лицо. — Ой-йой-йой-йой!!! Помилуйте, ваша светлость, пан удав (167)!..

— Братцы, братцы! Да это же подброшенный стукач, уступите ему место безо всякого сопротивления, а то он настроит куманечку донесение!

— Да это черт, чистый черт, присмотритесь к нему внимательно — и глазки, и носик, и ушки, как у черта. А ну, солнышко, разуйся. Посмотрим, какие у тебя копытца, черные или серые?

Пограничник продолжает шествовать по камере величавой поступью, словно эти шпильки ничуть не касаются его, упрямо нащупывает слабое место своим орлиным взглядом. После такого тарараму он решил доказать всей камере, что он не шутит. И вдруг остановился напротив Павлика. Решил: играть — так по крупной. Он приметил, так же как Павлик несколько дней назад, удобные ступеньки на верхотуру.

— А ты, ракушник с разбитого корыта, чего заливаешься смехом? Ты же воды боишься, а морскую форму нацепил на себя! А ну, слазь с нар! Полежал немного, уступи другому место, теперь я полежу.

В камере в один миг наступила гробовая тишина, так он всех озадачил своей смелостью. Павлик опешил;

куда и смех девался. Он и не думал, и не гадал, чтоб так получилось, но после мгновенного замешательства у него все закипело внутри какой-то жгучей яростью, лицо кровью налилось: и срок бесконечный всунули, и пайку дружок тюремный съел, и этот баклан (168) пристаёт. Нужно не на жизнь, а на смерть драться и защищать свое «я» и свой матросский мундир. Павлик и мысли не допускал, что пограничник именно с ним, морячком, вздумает помериться своей силой и ловкостью. Если бы знал пограничник, с кем он связался... Павлик еще подростком атаманил среди своих ровесников, был первым заводилой драк. «Ну, гад, держись! Здесь тебе не на ринге, — думает Павлик, — здесь судьи нет и правил нет. Здесь любой приемчик любого вида спорта и не спорта, и выше пояса, и ниже пояса, пройдет за первый сорт».

— Дай ему, морячок, прикурить! — кричит кто-то из-под нар.

— Полундра, покажи свою удаль пехоте! Не позорь морячков! — усердствует Жорка-вожак.

До сих пор Жорку уважали, слушали, трепетали перед ним в камере, и вдруг появился какой-то забулдыга и пытается подорвать его, вора-одессита, авторитет, доказать, что ему наплевать на вожака. Какая наглость, какое кощунство! А соседи Павлика оживленно зашевелились: «Вот, мол, сейчас морячку попадет за нахальное вторжение на нары. Нашлась, мол, и на тебя внушительная сила».

Пограничник схватил с параши крышку и швырнул в морячка. Павлик, как ошпаренный кипятком, мигом вскочил на ноги, на лету поймал скользкую, вонючую деревянную крышку и, не помня себя, с огромной силой рухнул с верхотуры на пограничника. Кругом лежащие заключенные шарахнулись в стороны, побросав пожитки свои, образовав круг. Не успевшему отскочить слабачку задела ногу, и он заохал. Если бы морячок промахнулся или пограничник увильнул, то сам бы разбился. Но он не промахнулся, а тяжеловесы не имеют дара быть увертливыми, вот и получился такой силы удар, что пограничник упал, как подкошенный стебель, фуражка с зеленым околышем (169) слетела, а постриженную голову заливает кровь. В бешеной ярости, не помня себя, Павлик под одобрительные возгласы шпаны подхватил свою жертву за ноги и мигом затащил под нары.

(168) Баклан (блат. жарг.) — заносчивый, агрессивный хулиган не из блатных.

(169) Неточность. Фуражка пограничника образца 1935 г. имела зеленую тулью и синий околыш.

(170) Кошка П. М. (1828—1882) — матрос Черноморского флота, легендарный герой обороны Севастополя 1854—1855 гг. Железняков А. Г. (1895—1919), более известный как матрос Железняк, — балтийский матрос, анархист, участник Октябрьской революции 1917 года, герой Гражданской войны. Прославился своей фразой «Караул устал!», которая поставила точку в работе Учредительного собрания.

(171) Романы (благ. жарг.) — увлекательные рассказы, пересказы литературных произведений или собственные сочинения, импровизации, слушание которых составляло одно из излюбленных тюремных и лагерных развлечений. См. очерк В. Т. Шаламова «Как „тискают романы“» из «Очерков преступного мира».

(172) Т.е. сыграем в карты «на интерес». От «стиры» (благ. жарг.) — самодельные карты.

— Вот твоё место, пехота, а не на верхотуре! — заорал на всю камеру морячок.

В камере ещё сильнее одобрительно зажужжали, загалдели, начали вспоминать, какие морячки отчаянные, вспомнили морячка Кошку, а в другом месте вспомнили Железняка (170) — вообще язык без костей, вспоминают и быль, и волшебные сказки.

— Молоток морячок! — усердствует Жорка-вожак.

— Что за шум? — раздался голос надзирателя.

Павлик моментально сел на нижние нары, даже дыхание затаил. Вероятно, сейчас в кандей поведет.

— Да здесь одного за пайку проучили! Подлец, украл кровную горбушечку! — шумит кто-то из-под нар.

— Чужую паечку, гад, проглотил, вот и подкинули ему чуть-чуть! Для профилактики, гражданин начальник! — отвечает шустрым истощенный.

— Молодцы, за пайку надо учить! Только без шума у меня! Я этого не потерплю! — и закрыл волчок.

Смех и шутки не утихают. Только Павлику не до смеху. Затаив дыхание, он наблюдает за пограничником: жив ли он? Только когда зашевелился, облегченно вдохнул и полез на своё место.

— Морячок, на, закури! — сует готовую скрутку мужичок, возле которого Павлик снова лег. — Крепенько ты его, чтоб знал, как нахальничать!

— Полундра, забирай свои шмутки и переходи к нам! — зовет Жорка.

Павлик с радостью переселился. Здесь и воздух чище у разбитого окна, и увлекательные романы (171) по вечерам рассказывают. Да и вообще, попробуй не подчинись Жорке, вся камера будет против упрянца.

— Может, постираем что-нибудь на что-нибудь (172)?

— Нет Жора, в карты у меня нечего ставить, да ещё с таким асом, как ты!

— Как хочешь, тебе жить! Молодчина ты! Не подкачал, не опозорил флотской славы! С какой быстротой ты с ним разделался! Ну просто как повар с картошкой! Я ожидал, что продолжительный поединок будет, смотри, какой верзила! Ну просто никакого удовольствия мы не получили от вашей потасовки. Я сам одессит, морячки напоминают мне далекую Одессу-мату. Но есть между вашим братом и такие мямли — наденет форму с гюйсом морской вол-

ны (173), а за себя постоять не может. Таких я презираю. Держись, полундра, около меня. Наблюдай и учись играть в стирь, это пригодится в лагерях. У тебя какой срок?

— Восемь лет.

— О-о-о... на честную не прокоротаешь этот срок, вот и присматривайся, запоминай и мотай себе на ус помаленьку, на старость кусок хлеба будешь иметь. Ха-ха!

— Живи, морячок, своим умом и имей свой характер. На первый случай скажу от себя: молодчина ты, проучил наглеца! — говорит рядом лежащий приятный интеллигентный мужчина средних лет в старой, но опрятной комсоставской форме.

— Тоже из вашего брата, политический! На пересуждение (174) из лагерей привезли. Шишка, будь спок! Первый секретарь маршала Блюхера, три годика уже отбухал, а теперь оказалось, малый срок ему тисканули (175), вероятно, шлепка его поджидает. А голова будь спок...

— Жора, ты не очень загибай, я не люблю свиста (176).

— В картишки стирает я тебе дам! Особенно в тэрс (177). Одним словом, голова. Эй, Студент! Давай по маленькой перекинемся от скуки, что-нибудь на что-нибудь!

— Иди, шкары (178) проиграю, — говорит двадцатилетний высокий, худощавый паренек.

— А я китель морской поставлю.

У Жорки лежат выигранные шевровые новые сапоги, желтая кожанка, три новеньких добротных костюма, много рубашек и всякой разнообразной мелочи, матрас, подушка, одеяло; всегда у него лежит несколько паек хлеба в запасе, килограмма три сахару — и никто у него даже не пытается воровать. «Вот, — думает Павлик, — кому война, кому тюрьма, а кому мать родна».

— Только без финтов, не темнить (179)! — предупреждает Студент.

— Будешь, полундра, считать! — велит Жорка. — Я из тебя академика сделаю!

И все поблизости захохотали.

Морячку не по себе. Еще не начали играть, а уже и бога, и мать вспомнили. «Неужели они подерутся?» А они то хохочут, то плутуют, то ужасно психуют. «Что здесь

(173) Гюйс — форменный матросский воротник, отложной, синий с тремя белыми полосками по краю.

(174) Пересуждение — пересмотр дела.

(175) От «тискать» (блат. жарг.) — рассказывать, врать, доказывать, утверждать. В данном случае означает вынесение приговора.

(176) Свист (блат. жарг.) — вранье, выдумки.

(177) Тэрс, терц — азартная карточная игра.

(178) Шкары (блат. жарг.) — брюки.

(179) Финтить, темнить (блат. жарг.) — обманывать, пытаться запутать собеседника.

(180) Подрезать колоду — после тасовки разделить колоду картой на две части и поменять их местами.

(181) Фраер (блат. жарг.) — человек, не принадлежащий к преступному миру.

(182) Вариант известной «жиганской» песни «Течет реченька да по песочечку», восходящей к одноименной казачьей песне.

(183) Прохоря (блат. жарг.) — сапоги.

(184) Отмазаться (блат. жарг.) — отыграться.

(185) Неточность. В действовавшем в то время Уголовном кодексе РСФСР в редакции 1926 г. все воинские преступления были сведены в единую статью 193, состоявшую из 19 частей. Наказание за мародерство устанавливалось в соответствии с частью 17-й в диапазоне от высшей меры наказания до лишения свободы «со строгой изоляцией» на срок не менее трех лет.

(186) Здесь: занимал хорошее место. Обычно «кантоваться» (блат. жарг.) означает «находиться на легкой работе».

(187) Цинга — распространенная среди заключенных болезнь, вызванная недостатком витамина С в пище. Свежие овощи и в особенности репчатый лук считались одним из лучших средств для предотвращения цинги.

кроется? Какой секрет?» — не может новичок сообразить, где в шутку, а где серьезно они бранятся.

У Жорки карты в руках так и шепчут: «Проиграеш-ш-шь, проиграеш-ш-шь, проиграеш-ш-шь!..» Подрежет Студент колоду (180), а Жорка снова положит в первоначальное положение, где уже подготовил «свинью» своему сопернику. Заметит Студент — и азартно ругает блатным жаргоном и снова заставляет тасовать колоду. А когда Студент отвлекся, заказывая покурить, Жорка смял в колоде соперника карту, еще и Павлику дружески подморгнуул, учись, мол, мошенничать, — и по ходу игры старается подрезать противнику эту карту. Не прошло и полчаса перебранки, и Жорка выиграл брюки. На следующий день Студента потянуло отыграться, и он проигрался до кальсон. Слез с нар и пошел, перешагивая лежащих на полу фраеров (181), напевая потихоньку:

Ты начальник, ты начальник!

Отпусти до дому!

Больно скучился,

Я измучился,

Эх, по милому дому...

Народная песня (182)

— Слушай, змеёк, — обратился он к лежащему на полу интеллигенту, тебе твои прохоря (183) не жмут? Дай на отмазку (184). Я отмажусь и с лихвой верну их тебе!

— На-а-а, только верни, — дрожащими руками снимает сапоги растратчик.

Жорка как цыганский вожак, его сам староста боится. Донесли Жорке и о том, что пограничник осужден за мародерство по военной статье 193 пункт 28, на десять лет (185). И что в следственной маленькой камере он на верхних нарах кантовался (186), воображал, что и здесь горлом и наглостью возьмет. Он ведь не знал, что вожаку Жорке, словно дань, носят со всех уголков камеры долю с передач. С этой доли иногда попадает и Павлику. «На, поцингуй (187), полундра!» — протягивает он луковицу. Павлик грызет, а лук слезы выжимает. И никак не может понять, к чему это «поцингуй» и какой толк с этого горького луку, но спросить стесняется, чтоб не смеялись, как над профаном.

Как-то надзиратель объявил:
 — Кто желает поработать?..
 Изможденные толпой кинулись к дверям: «Я!.. Я!..
 Начальник, возьми меня!..»
 — Не напирать!.. Какая статья?.. — показал он на того, который назвал его начальником.
 — Семьдесят четвертая (188)!
 — Хулиган? Давай, выходи в коридор!.. Ты!.. —
 показал надзиратель на рядом стоящего солдата.
 — Сто пятьдесят третья (189).
 — Ха-ха-ха-ха!!! — залился он грубым смехом. —
 Вот рожа! Кого же ты изнасиловал?.. У нее разрыв сердца не получился от твоей образины?.. Ну-у, вы-хо-ди!..
 — Меня, меня возьмите!.. — расталкивая близстоящих, пробился к выходу шустрый солдат.
 — Статья?..
 — Пятьдесят восемь дес-с-с...
 У надзирателя доброжелательное лицо мигом налилось синевой, словно он съел горькую пилюлю, и он с силой ударил солдата в ухо, не дав договорить «десять».
 — Фашист!.. Бежать вздумал? Я тебе побегу!..
 Усталые, но довольные, вернулись счастливики в камеру часика через три.
 — О-о-о... братцы, нам по полной миске перлового супчику за работу отвалили. А супчик — что каша!
 — Не мешало бы ежедневно кандалы солидольчиком (190) смазывать от ржавчины.
 — Какие кандалы?.. Что ты мозги паришь? В семнадцатом году порвали кандалы и цепи!
 — Рассказывай своей бабушке такие сказочки! Эх, темнота, темнота!.. Это только в песнях поется, что порвали кандалы да цепи, да долго нас голод томил, вышли мы все на свободу! (191) А в самом деле вон, весь чердак тюрьмы завален этой драгоценностью — и оковами, и наручниками разной системы — еще царские хранятся. Мы своими руками щупали, смазывали, а ты «нет да нет кандалов»!
 Между нового пополнения контриков Павлик увидел однокатерника — моториста Калинина (192). Это тот самый моторист, за которого по боевой тревоге Павлик всегда снимал с башни чехол и надульник с оружия, ведь

(188) Ст. 74 УК РСФСР (хулиганство).

(189) Ст. 153 УК РСФСР (изнасилование).

(190) Солидол — техническая смазка.

(191) Ироническая перефразировка текста известной революционной песни «Смело, товарищи, в ногу!» на стихи Л. П. Ради-на. В оригинале:

Вышли мы все из
 народа,
 Дети семьи трудовой.
 «Братский союз
 и свобода» —
 Вот наш девиз
 боевой.
 Долго в цепях нас
 держали,
 Долго нас голод
 томил;
 Черные дни
 миновали;
 Час искупленья
 пробил.

(192) В учетно-послужной карточке моториста бронекатера В. А. Калинина указано: «Исключен из списков личного состава Амурской Краснознаменной флотилии как осужденный Военным трибуналом АКФ в ИТЛ на 8 лет 9.08.41» (РГА ВМФ. Ф. Р-417. Оп. 15. № 36. Л. 219 об.).

(193) Шпандюрить, шпандорить — прикреплять, цеплять. От «шпандырь» — ременное приспособление для натяжения или крепления изделия во время обработки.

(194) Намордник (тюремн. и лагерн. жарг.) — поражение в правах.

(195) Авторский эвфемизм, замещающий нецензурное выражение. Клотик (морской термин) — верхушка мачты.

(196) Травля (блат. жарг.) — болтовня, разговоры.

(197) «Дедушка Калинин» — распространенное ироническое прозвище «всесоюзного старосты» М. И. Калинина (1875—1946), который в качестве председателя Президиума Верховного Совета СССР был формальным адресатом всевозможных жалоб и ходатайств осужденных о помиловании.

(198) Жена М. И. Калинина Екатерина Ивановна (урожденная Лорберг, 1882—1960) была арестована в 1938 г. и осуждена по ст. 58-6, 58-8 и 58-11 УК РСФСР на 15 лет исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ) и пять лет поражения в правах по обвинению в участии в контрреволюционной правотроцкистской организации. Отбывала наказание в Акмолинском лагере жен изменников Родины (АЛЖИР). Помилована в 1945 г.

(199) Овчаренко излагает легенду, очевидно, переносящую судьбу жены Калинина на одну из его дочерей. На самом деле жизни дочерей Калинина Юлии, Лидии (в замужестве Талановой) и Анны сложились благополучно.

если не снимешь чехол, то и колпак с прицела не уберешь, а это в инструкции Павлику полагалось, вот он и снимал этот злополучный чехол. Павлика не стало, и сразу башня покатила на последнее место в дивизионе, а с ней и бронекатер. Никто за ленивого Калинина не проявлял желаний выполнять его обязанности, у каждого достаточно своего расписания. Вот и убрал командир бронекатера нерадивого тунеядца, а как убирать, он уже опыт имел: достаточно кляuzu накатать в особый отдел — и нет человека.

— Здравствуй, Калинин! За что ты попал, дружище?

— «За что же, дружище?» — передразнивает он Павлика. — За анекдот, вот за что!

— А сколько вклепили?

— Странный вопрос. Что, не знаешь, как сейчас шпандюрят (168) нашему брату? Десять лет, пять ссылки и пять намордника (169).

— Как там на фронте, Миша, остановили немчуру?..

— Да пошел ты на клотик чай пить (170) со своим немчурую, а мне достаточно и этого срока безо всякой травли (171). Пусть теперь другие болтают о войне, а я буду пятнадцать лет о баланде вести разговор: тебе как сегодня, хоть одна картошечка попалась или одна зеленая капуста?

— Не унывай, Калинин, напишешь дедушке Калининину кассацию (172), мол, я твой однофамилец, выручай! Он черкнет единственное словечко «освободить» — и ты на воле.

— Да, жди... — вмешался в разговор шустрый солдат. — Он и своей жене подписал приговор. Она себе шубку дорогую за границей купила, а кого-то зависть взяла там, в Кремле, вот ей и состряпали там пятьдесят восьмую статью, да еще не простую, как нам, «болтунам», а с «гарнирчиком» — террор, пункт восемь, и нюхает она парашу вместе с нами. Говорят, что ей приписали режимные лагеря (173). Вот такие-то делишки там в Кремле творятся.

От автора: после и одна из дочерей Михаила Ивановича Калинина отсидит в лагерях, испытает на себе адские работы, освободившись, будет работать даже стрелочницей, а пойдет на пенсию — будет получать мизерную подачку и нигде не сможет добиться справедливости (174). Такова жизнь.

Однажды принесли неожиданно Павлику ларек, на который он записывался в следственной камере: хамсы (200) двести грамм, хлеба килограмм и пачку махорки «Кварчели» (201).

— Почему нас на ларек не записывают? — шумит Чума.

— Ларек запрещен заключенным! — отвечает надзиратель.

— А полундре не запрещен? Что он, стукач?

У Павлика замерло все внутри: стукачом называют! «О-о-о... лучше б не приносили этот ларек. Сегодня взяли из камеры солдата, который о жене Калинина рассказывал. Еще меня начнут подозревать!» И Павлик засуетился:

— Братцы, закуривайте махорочки! — предлагает он всем соседям по нарам.

Вечерком к Жорке подполз истощенный из-под нар и таинственно сообщил:

— Я видел ночью — вон тот солдат что-то писал, а потом как будто к параше подошел, оглянулся по сторонам и бросил в волчок записку.

— Чего же ты, лопушенция, молчал? Надо было сразу сообщить! Так... тихо... ни слова никому... ни гу-гу! Иди и наблюдай за ним, а то он может еще дров наломать!

Когда истощенный удалился, Жорка собрал свой «цвет» (202) на совещание.

— Братва! В камере стукач появился. Надо ему темную сыграть (203). Ты, ты и ты!.. Ночью одеялом накрыть и кык-к-к!.. — показал он пальцем на горло.

Жорка ведет связь с соседними камерами. Он знает, что во всей тюрьме творится. В какой камере «законники» находятся, по какому делу, у кого какой срок. Приложит кружку к стенке и выстукивает морзянку. Когда взяли из камеры секретаря Блюхера, сразу вся тюрьма узнала. А на второй день Жорка во время прогулки показал вверх:

— Смотри, видишь, из-за каркаса висит спичечная коробочка? Вон, на самой верхотуре. Это там наш секретарь под вышаком сидит (204).

(200) Хамса — морская рыба (европейский анчоус). Соленая хамса — один из самых дешевых сортов рыбы.

(201) Махорка «Кварчели» (очевидно, искаженное название абхазского города Ткварчели) не раз упоминается в воспоминаниях Овчаренко. Абхазия с довоенных времен была одним из центров табаководства в СССР, однако, по информации Всероссийского научно-иссле-

довательского института табака, махорки и табачных изделий, марки курительной махорки с таким или подобным названием никогда не существовало. Таким образом, мы имеем дело с индивидуально-авторским словоупотреблением, по-видимому, тесно связанным с биографией Овчаренко. Город Ткварчели был основан только в 1942 г. и получил известность отнюдь не благодаря табачному производству, а в качестве центра угольной промышленности.

Учитывая это обстоятельство, ироническое уподобление дешевого курева элитным абхазским табакам и одновременно сравнение его по цвету с углем, который добывался в Ткварчели, не могло появиться в речи П. Г. Овчаренко в годы его пребывания в ГУЛАГе; по-видимому, оно возникло позднее, когда он после освобождения работал на угольной шахте в Донбассе.

В. Т. Шаламов называет курение «единственным великим арестантским удовольствием» (из рассказа «Домино»). Герой его рассказа «Посылка» радуется получению с воли посылки с «настоящей» махоркой хорошего качества. Заключенным полагалась пайковая махорка, однако фактически курево выдавалось в качестве поощрения за ударную работу или производилось в лагерьном «ларьке», доступ к которому имел далеко не каждый. В результате махорка в ГУЛАГе была дефицитным товаром, играющим наряду с хлебом роль универсальной валюты. Зачастую заключенные были вынуждены вместо махорки использовать различные эрзацы — сухую листву, солому и т. п.

(202) Цвет, цветные (блат. жарг.) — обобщенное наименование блатных в отличие от других заключенных.

(203) Темная — коллективное избивание, при котором жертве на голову накидывается одеяло, одежда и т. п., чтобы избитый, если выживет, не смог опознать напавших на него.

(204) Т. е. находится в камере приговоренных к высшей мере наказания («вышаку») и ожидающих исполнения приговора.

(205) Основным местом расстрелов в Хабаровске была внутренняя тюрьма УНКВД. Здание по адресу: ул. Волочаевская, 146 сохранилось.

(206) Реплика «покурим», обращенная к курильщику, означает просьбу разделить курево на двоих. Когда выясняется, что половина уже обещана Васятке, Павлик переадресует свою просьбу ему. Таким образом, он надеется, что ему достанется хотя бы половина от половины, т. е. четвертая часть первоначального количества курева. «Двадцать» в данном случае и означает «четверть» (подробнее о ритуале дележа курева см. прим. (361)). Однако ни курильщик, ни Васятка не идут навстречу «контрику», предпочитая разделить табак в своем кругу с третьим приятелем — Юрчиком. Примечательно использование частицы «он» в речи курильщиков. «Словарь русских говоров Сибири» под ред. А. И. Федорова (Новосибирск, 2002) описывает «он» как указательную частицу (аналогичную «вон»), характерную для уроженцев некоторых районов Новосибирской области.

Только в камеру загнали с прогулки, понеслось по тюремным камерам: «Секретарь Блюхера под вышаком! Секретарь Блюхера приговорен к расстрелу!» Это случилось числа 15—20 августа 1941 года.

После отбоя, кто ближе к решеткам, вслушиваются в загадочный шорох ночного мрака. Там, во дворе, фыркают и рокочут моторы «черных воронок». Однажды какой-то смертник изловчился и вырвался из рук палачей, вынул кляп изо рта и бешено, по-звериному зарычал:

— Прощай-те!!! Брат-цы!!!

От такого прощального рыка кого в жар, кого в озноб бросило. Жутко, страшно и тягостно в камере во мраке дежурной лампочки. Несмотря на отбой, сотенная камера зашумела; те, что под нарами, спрашивают друг у друга: «Ты слышал?..» — «Нет!» — «А я слышал!» — «Ох и жуткий вопль!» — «Дикий вопль!»

— Жора, где их шлепают?..

— Ты знаешь, полундра, НКВД пока мне не докладывает о своих грязных делишках (205).

— Покурим, братишка! — нарушая тягостную тишину после дикого крика во дворе тюрьмы, обратился Павлик к курящему на нарах.

— Он, Васятке оставляю!

— Двадцать, Васятка!

— Он, Юрчику оставляю! (206)

Хотя Павлик морячок, все же уголовники недолюбливают контрика. Да и за что его уважать? Пайку он не проигрывает, как некоторые, на табачок не меняет. Одним словом, фраер. А как тянет после этого кошмарного крика обреченного, так жадно желающего жить, хотя бы разок затянуться голубым дымком...

Ровно через месяц, как Павлик перешагнул порог тюрьмы, 29 августа 1941 года, принялись вызывать на этап из переполненной до предела постылой камеры. Каждый вызванный отвечает фамилию, имя, отчество, год рождения, статью, срок, и под надзором конвоя проходит во

двор тюрьмы. Когда вызвали Павлика, во дворе уже скучает человек восемьдесят этапников. Здесь выдают вещи, подал и Павлик свою квитанцию.

— Ты, что, полундра, часов захотел?.. После отбывания срока получишь! Ха-ха-ха!!! — залился ехидным смехом каптер (207).

— Отдай хотя ремень, если часы нельзя. Вон, пехоте отдаешь же! Что, для меня отдельная инструкция писана?

— Иди, иди!.. Нашелся грамотный! Ишь, ремня захотел! — грубо отталкивает его каптер. — Что я тебе, квитанцию на части должен рвать — на часы кусок, на ремень другой?

— Отдай полундре ремень! — шумит Жорка, окруженный жульем, одетым в его одежду.

— Произвол творят! — вопит Васятка.

Никто бы Павлика не поддерживал так солидарно, если бы не Жорка, а раз он сказал, то вся его капелла (208) подняла шум на весь тюремный двор.

— Отдай морячку ремень! Мародер!.. — кричит с противоположной стороны солдат. Тот самый, которому не посчастливилось тюремные цепи солидольчиком смазывать.

— Отдай, бурбон (209), ремень полундре! — шумит Студент, как-то странно, со щегольством одетый — в темно-синем костюме, при галстукке, и хотя не по сезону, но в фетровой шляпе, а на ногах черные валенки, — и все это чужое.

— Что за бунт?.. — пугает конвоир страшным словом. — Вот я вам!..

Но, опасаясь, что на шум нагрянет начальство, старшина приказал каптеру отдать ремень.

Сто двадцать заключенных построили по пятеркам, несколько раз пересчитали, окружили со всех сторон и открыли тюремные ворота. Начальник конвоя громко объявил:

— Предупреждаю!.. В пути следования соблюдать строго порядок: шаг влево, шаг вправо — считается побег, и конвой применяет оружие без предупреждения!.. Вперед!.. Не растягиваться!..

(207) Каптер — заведующий складом (каптеркой).

(208) Капелла (блат. жарг.) — здесь: сплоченная группа блатных.

(209) Бурбон — грубиян, солдафон.

(210) Рисовать жучков — здесь: рисоваться, демонстративно подчеркивать свои блатные повадки.

Пасмурно встретили этапников улицы Хабаровска, рваные тучи окутали небо. Свежий воздух безмерно пьянит истощенных не только голодом, но и спертым воздухом, особенно тех шатает, кто проигрывал паечки, их словно ветром качает. Ноги, как будто налитые свинцом, не повинуются, подкашиваются, от такого блаженства тянет сесть и уснуть. Но бессердечный конвой непрерывно напоминает о себе, собаки тоже не отстают от своих повелителей — им дай порвать. А жулье как рыба в воде, откуда у них и силы берутся? Ломая пятерки в строю, все перебрались в первый ряд и чинно шествуют во главе с вожаком. Что-то непонятное для морячка кроется в этом ложном ухарстве и рисовании жучков (210).

На пути следования этапа конвой останавливает гражданское население и отгоняет подальше от строя. Пожилые женщины вытирают слезы платочками, а иные трудовой шершавой ладонью. Вынимают из сумочек съедобные продукты и бросают в толпу идущих заключенных. Истощенные, ломая строй, бросаются за кусками. Конвой, негодуя, шумит и грозит, пугает гражданочек тюрьмой. Но все происходит внезапно, стихийно, и строгий конвой не в силах помешать сочувствующим женщинам.

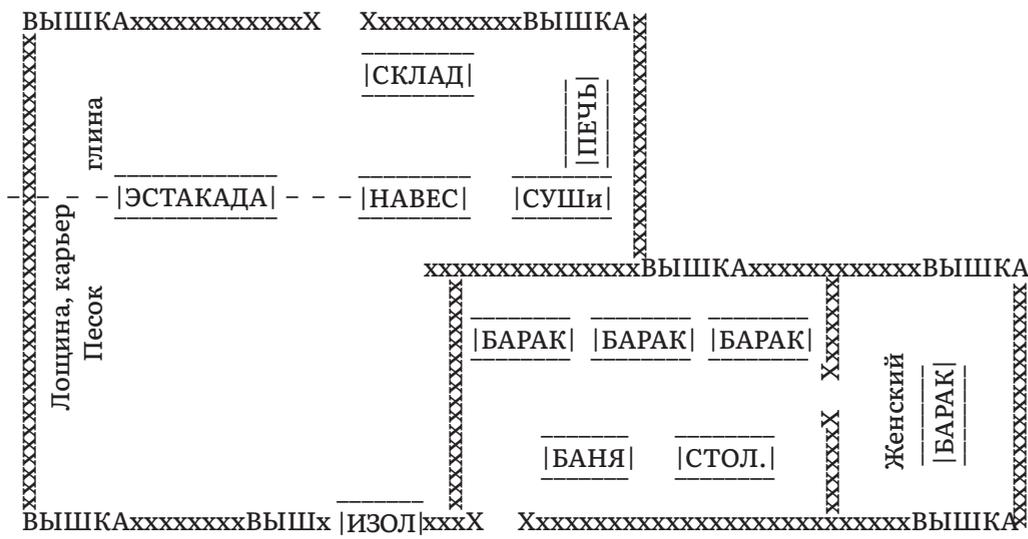
Павлик идет в середине строя, его тянет присоединиться к Жорке, но что-то внутри удерживает, отталкивает от жулья. Сильное желание и руку протянуть за куском хлеба, кинутым в толпу идущих заключенных, а они, как назло, кидают поближе к морячку. Одна симпатичная девчонка специально попала в Павлика яблоком и улыбается приветливо, словно майская роза. Но и форма морская удерживает, не позволяет нагибаться как за хлебом, так и за яблоком, и он еще выше поднял голову: «Нет! — думает он. — Не видать вам, как морячки кланяются и унижаются из-за ваших подачек». А девушки тыкают пальцами:

— Смотрите, морячка ведут!.. А вон еще один! И вон! Какое же они преступление совершили?.. Ой-й... де-вочки!.. Да это же романтично!..

Павлику хочется сквозь землю провалиться от этой романтики: «Скорее бы закончился этот невыносимо тяжелый маршрут по улицам Хабаровска». Ноги все сильнее и сильнее подкашиваются. Собаки кругом: «Гав!.. Гав!.. Гав!..» Конвоиры кричат друг перед другом. Того, кто приустал и отстает, травят собаками: «Ату!.. Ату!.. Ату!..»

СЕНТЯБРЬ 1941 г.

Восточная сторона

Павлик побывал в десяти городах и пересылках. Горькая академия жизни, врагу не желаю такой академии. Испытал на себе тяжесть одиннадцати этапов, четырех пеших, один в трюме больше месяца, один в столыпинском вагоне, два в пассажирском вагоне, два в рыжих телячьих и один в грузовой машине.

Я с вами шел в те злые годы,
И с вами был не страшен мне
Жестокий титул «враг народа»
И черный

Номер

На спине.

Анатолий Жигулин (214)

У вахты лагеря тщательно проверили по картотеке, старательно обыскали каждого, загнали в баню, гигиенически обработали, прожарили одежду в дезокамере (215) — и направили в барак. Уголовников к старым лагерникам, а контриков — в огромный пустой барак.

В лагере всего несколько бараков. В этой же зоне кирпичный завод (216), а в противоположной стороне за барак-столовой приютился к колючей проволоке один барак для женщин — они свободно разгуливают по мужской зоне.

Новенькие рассыпались по зоне, как саранча, меняют у старых лагерников съедобные продукты на добротные вещи. Павлик выменял на свой ремень буханку хлеба и две пачки махорки. Хлеб сразу же съел. В лагере работает ларек, его еще не успели запретить в связи с войной, но у новеньких денег нет, их отобрали в тюрьме на лицевой счет.

В бараке на новеньких набросились клопы, и никакой защиты от них нет. Коля Махов попросил морячка завязать его в пустой матрас, а через несколько минут прогнусавил из своего убежища:

— Развяжи, полундра! Эти людоеды и сюда добрались!

Павлик думает: «И нары не страшны, и клопы меня не любят, только неприятно щекочат нервную систему. Не беда! Жить можно! Не пропадем!»

Утром после раздачи паек и шулюмки новеньких вывели на субботник — чистить территорию кирпичного завода. Рядом с Павликом попал работать лет тридцати пяти мужчина. Он словно нехотя набирает на лопату слезавшийся мусор и без усилия выкидывает из метровой

(214) Из стихотворения А. В. Жигулина «Вина» (1962—1963). Осужденный на 10 лет ИТЛ строгого режима за участие в подпольной молодежной антисталинской организации, Жигулин с 1950 по 1955 г. находился в лагерях в Сибири и на Колыме.

(215) Дезокамера — помещение, где одежда подвергается воздействию высокой температуры и пара для уничтожения вшей.

(216) Лагпункт Хабарлага при кирпичном заводе располагался близ поселка городского типа Красная речка (ныне в черте города Хабаровска).

(217) Съём с работы — окончание рабочей смены.

(218) Имеется в виду матерная ругань.

канавы. Павлик старается не отставать от соседа, но ничего не получается: пока он одну лопату наберет — мужчина уже две выбросил. Если бы кто-нибудь заглянул в этот миг в душу морячка, то увидел бы, что там творится, как это молчаливое соревнование беспощадно ранило сердце наивного новичка. А мужчина, как заводная машина, кидает и кидает мусор. «Нет, не выдержу я восьми лет такой каторжной, адской работы!» — но отставать от мужика не в его духе. Ему кажется, что этот труженик презирает его как тунеядца. А лопата, как назло, все чаще и чаще застревает в беспорядочно спрессованном, слежавшемся годами мусоре. Пасмурное небо принялось моросить, пропитывая влагой насквозь одежду. Но никто не бросает работу — все ждут съёма (217).

Вспомнил Павлик о суде, проклиная трибунал за то, что не дали ему расстрел. «Нет, не буду я так существовать!» — думает он. Только в час пополудни, когда сняли с работы, Павлик обратил внимание на свои руки, на первые в своей жизни водянисто-кровянистые мозоли.

После обеденного перерыва всех распределили по бригадам. Контриков направили на самые тяжелые работы в карьер, в бригаду Жданова, а уголовников на более легкие работы. Бригадир поставил Павлика на бункер.

— Твоя обязанность — глину с песком равномерно мочить водой, делать замес и равномерно бросать в этот бункер, — бригадир нажал на кнопку, и в бункере непрерывно закрутился металлический червячный винт, который своей спиралью, вращаясь, молчаливо просит: «Давай!.. Давай!.. Давай!..» Если будешь равномерно загружать бункер, внизу получится кирпич-сырец. Замешаешь замес жиже или гуще — кирпич не получится. Смотри, полундра! На тебя вся страна смотрит!..

Павлик принялся усердно трудиться, но часто получают перебои у неопытного бункериста: то глину с песком не успеет равномерно смешать, то без навыка жиже разведет раствор — и часто бункер вхолостую крутится. Бригадир раз за разом поднимается на эстакаду и беспощадно вульгарно склоняет бункериста по всем падежам, особенно достается восьмому падежу (218). Приписывает срыв плана, что именно он, полундра, задумал оставить бригаду без горбушек, грозит заморить в кан-

дее на трехсоточке (219). Снова показывает, как надо делать замес, и удаляется. У Павлика болят мускулы, на ногах поджилки трясутся и невыносимо ноют прорвавшиеся на ладонях кровянистые мозоли. Тянет упасть и уснуть. «Красота была в тюрьме, — думает он, — и какой это дурак доказывал, что в лагерях лучше? Это же каторга. Хотя бы полчаса отдохнуть. А он, проклятый давайло, непрерывно крутится и крутится, не дает и минуточки отдохнуть!» Павлику с эстакады видно бригаду, она работает в рыжей лощине: слева суглинок, справа песок. Здесь, на деревянном помосте, хотя [бы] под покрытием, а там дождь моросит — запачканные глиной, мокрые непрерывно копают и копают, нагружая вагоны. Смотрит бункерист в ту сторону, и в голову лезут «Декабристы»:

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье... (220)

«Они в рудниках томились за политику, у них была идея свергнуть самодержавие, свергнуть монарха с престола, у них была цель. За что же нас так жестоко, так бесцеречно и несправедливо репрессировать?.. За что?..» — думает он, и в сотый раз не находит себе ответа.

С эстакады видно и двор кирзавода. На складе кирпича-сырца под навесом работают женщины, большинство молодые девчата: на вагонках, под бункером, в сушилке. Голенастые девчата еще довоенного набора выкрикивают, шутят, хохочут. Уже узнали, как звать матросика, и принялись заигрывать:

— Павлик, жми!..

— Павлик, дави меня!.. Ха-ха-ха!!! — и бегом погнала вагонку.

А морячку совсем не до амуров. Никто не замечает, как ему тяжело, как он отдает последние силы, ведь он только из вонючей тюрьмы и еще не акклиматизировался на свежем воздухе. Едва дотянул до вечернего звонка. Приплелся медленно в барак и упал на нары, уснув непробудным сном, даже вечернюю баланду проспал.

(219) Трехсоточка — штрафная пайка, составлявшая 300 г хлеба в день.

(220) Цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Во глубине сибирских руд...», в то время известного под названием «Декабристы».

(221) Поверка — пересчет количества заключенных, ежедневно утром и вечером производимый в тюрьме и в лагере.

— Тебе, флотонарец, что, особое приглашение? Вероятно, не голодный? — накинулся после проверки (221) бригадир. — Почему вовремя пайку не получаешь? Учти! Я тебе не каптер!

Быстро разделался с паечкой и снова прильнул к родным нарам, никакие клопы не в силах помешать дрыхнуть переутомленному бункеристу.

Утром выпил баланду через край черепковой миски и, как побитый, поплелся на свое рабочее место. До обеденного перерыва как будто год прошел, прорвавшиеся мозоли невыносимо болят. О чем только новичок не передумал, и какого только великомученика из себя не вообразил!

Подошел Жорка в чистом костюме, пижон пижонном; он свободно разгуливает по всей рабочей зоне. Ему, видите ли, не положено работать, он ведь вор в законе.

— Что, полундра, вкальваешь? — добродушно смеется он.

— Да, Жора, пашем.

— Давай, давай, работа дураков любит... — и пошел жиганской походкой осматривать иные объекты работы.

В обеденный перерыв бункерист получил поллитра кислых щей, выпил быстро — и в барак, на родимые нары, и крепко-накрепко уснул. Разбудил его староста зоны, сердито тормоша за ноги:

— Вставай, полундра! Твой корабль тонет, ишь как разоспался, уже давно все в карьере!

— А я не хочу работать! Пусть меня за это расстреляют! — протирая заспанные глаза, пробормотал Павлик.

— Да ты что?.. Того, что ли?.. — показал он пальцем на висок. — Если заболел, то иди к врачу!

— Не больной я! Здоров! Только жрать хочу! Нечего мне делать у вашего врача!

— Пойдем, пойдем!.. Пусть посмотрит! — растерянно бормочет староста, с опаской посматривая на ненормального морячка.

В лагерьном маленьком медпункте сидит, скучает в белом халате пожилой упитанный врач.

— Вот!.. Отказывается работать!.. Говорит, пусть меня шлепнут за это!.. И как будто нормальный, а прет какую-то дикую чушь! Да сейчас, дорогой, военное время, не очень разбираются, хлоп — и ваших нет!

— На что жалуетесь, молодой человек?..
 — Ни на что, я здоров!..
 — Снимай рубашку, посмотрим и послушаем!
 — Нечего меня смотреть и слушать!.. Сказал: здоров! Чего же еще надо?..

Медицинское светило не стало настаивать на осмотре своего пациента, опасаясь и крепко физически сложенного морячка, и его агрессивного ответа.

— Так и запишем!
 — Вот так и пишите!

Написал справку и отдал старосте, разводя руками, мол, медицина здесь бессильна. И староста отвел Павлика в изолятор, который расположен под вышкой на границе между лагерем и зоной кирпичного завода. Все произошло в субботу. В этот же день вызвали начальника лагеря в высшие инстанции. К отчаявшемуся бункеристу пришел лагерный воспитатель с нашивками политрука и принялся переубеждать морячка:

— Брось ты все это... Что ты прешь?.. Мы переживаем такое время. Вот кончится война, всех вас распустят по домам, а ты хочешь лагерную статью заработать? Ты, я вижу, еще не испорченный и не потерянный парень, иначе я бы и не стал тебя уговаривать. Лагерная статья не по тебе. С этой статьей держат в закрытых лагерях... Опомнись, морячок!.. Ты еще молод, тебе еще жить и жить! А ты встретил на своем пути трудность и скис. Эх ты!.. Моряк, моряк!.. Неразумно и необдуманно ты поступаешь!

Но никакие доводы, убеждения и уговоры не тронули ожесточившегося морячка: «Валяй, валяй, тебе идет! — думает он. — А я не желаю так существовать и опускаться, как Шевченко Иван в тюрьме. Хорошо тебе — набил брюхо до отвала и рассуливаешь: «Потерпи, вас освободят!» А попал бы ты на мое место, залез бы в мою шкуру, что тогда бы ты запел?.. Если бы ты понял, что меня мучает! Я никогда уже не буду краснофлотцем, никогда меня уже ленточки бескозырки не будут хлестать своими золотистыми якорями в лицо, никогда девушки уже не будут провожать меня взглядами в парке Камень-Рыболова. Что ты в этом понимаешь?..»

В воскресенье в лагере выходной (его еще не успели отменить в связи с войной). Воспитатель снова посетил отказчика.

— Здорово, морячок! О-о-о... Да я вижу, ты официально отвечаешь? Значит, вчерашний разговор ничего тебе не дал?..

— А что он может дать?.. — спокойно ответил штрафник.

— Эх ты, морячок, морячок!.. Просто не знаю, с чего и начинать с тобой разговор!.. Не пойму, где здесь собака зарыта? Как же ты служил?

— Я был отличником боевой и политической подготовки!

— О-о-о... Это уже кое-что! А за что же ты попал?

— Что вы мне голову морочите? Там в деле все известно. Вы его, вероятно, уже на память выучили, тем более что оно маленькое.

— А я в деле не копался! Я верю тому, что ты скажешь. Я догадываюсь, что ты, наверное, осужден, как многие болтуны сейчас сидят, которым вместо срока ремнем бы задницу нахлестать, да и отпустить по своим местам, вот и у тебя на сердце горькая обида на такую несправедливость трибунала.

«Врешь ты, — думает Павлик, — на то ты и политрук, чтобы головы морочить таким как я. Следовательно тоже говорил «два-три года», а шарахнул восемь лет». Но своим задушевным подходом [он] снял тяжесть, давившую грудь, а когда дал закурить и по-дружески покурили вместе, совсем расположил к себе. Павлика тронуло то, что он откровенно, как человек человеку, рассказал подробно о положении на фронтах.

Их на горло и на совесть не возьмешь,
Красноречьем назад не повернешь.
Нужны только пуля, только штык или приклад,
А для этого надобен солдат.

И тогда-то о солдатах наконец
Вспомнил наш «учитель и отец»
И сказал: «Солдаты, жизни не щадить!»
Чтоб его и власть Советов защитить!

А солдаты за Россию хоть куда,
Ни огонь ему не страшен, ни вода.

А солдату за Россию умереть,
Что раз плюнуть и два раза растереть.

(222) Неточная цитата из песни М. Н. Ножкина «На рассвете» (1969).

А солдаты, оторвавшись от земли,
В штыковую врукопашную пошли.
И кричали: «Маму вашу так!» и бросались,
Кто на дот, а кто под танк,

(223) Перефразировка высказывания одного из лидеров компартии Испании Долорес Ибарури «Испанский народ предпочитает умереть стоя, чем жить на коленях», прозвучавшего в ее выступлении на митинге в Париже 3 сентября 1939 г.

У солдата на войне короткий век.
А солдат, он тоже человек.
А солдата, может, дома тоже кто-то ждет.
А солдат с войны возьмет и не придет.

Неизвестный автор (222)

И захотелось Павлику иметь крылья, взлететь
высоко-высоко в заоблачную даль, чтоб не достала
пуля охранника, и полететь туда, на помощь своим ровес-
никам, которые истекают кровью, и не в силах пока оста-
новить фашистскую нечисть. А политрук продолжает уго-
варивать и поучать малоопытного морячка:

— Мы должны все как один работать не покладая
рук, помогать фронту.

«Какая это, в черта, помощь — кирпичи делать?
Кому они нужны?» — думает штрафник. А воспитатель
продолжает:

— ...Ведь там положение не из легких, но, как ни
тяжело, враг будет разбит на голову. Что же ты не показал
свои руки врачу? Он бы тебя освободил!

Наивный Павлик не знал, что в заключении могут
и освобождать от работы, он думал, каторжане есть катор-
жане, и он должен работать до могилы, а ответил так:

— Не в освобождении дело! Что ж он меня, на
восемь лет освободит?.. Не выдержу я этого ада! Да и к чему
выдерживать? Чем жить лежа, лучше я умру стоя! (223)
Так я решил!

— Вот так загнул! Извини меня, но это сумасброд-
ная дурь. И эта поговорка совсем неуместна к этому слу-
чаю, уважаемый морячок. Трудно тебе будет, пока втя-
нешься в работу, а привыкнешь — все встанет на свои
места. Ты, я вижу, физически никогда не работал, вот тебе
и дико, и тяжело. Давай, морячок, выбрось все опилки из
головы. Я сейчас дам команду, тебя выпустят из изолято-

(224) Афоризм, восходящий к античной литературе. В СССР получил известность благодаря тому, что Карл Маркс в 1865 г. в своих ответах на шутовскую анкету-исповедь назвал его своим любимым изречением.

ра, врач освободит от работы на несколько дней с этими язвами на руках, а там переведут тебя на легкую работу, пока втянешься, — и все это, о чем мы говорили, останется между нами.

— Нет, не могу я так жить, да разве это жизнь? Вечный голод, лошадиный труд — и это восемь лет? Да пусть лучше шлепнут! Я человек, и ничего человеческого мне не чуждо! (224)

Воспитатель порывисто поднялся со сплошных нар, побагровел и сердито заявил:

— Опять чушь порешь?.. Интеллигентшишка паршивый, напичканный чуждыми нашему обществу фразами!.. «Ничто человеческое!..» Да разве расстрел — это человеческое?.. А-а-а?.. Башка твоя, соломой набитая! Трудный ты и упрямый человек. За саботаж сейчас шлепают, но я положу весь свой авторитет, чтобы тебе вместо расстрела лагерную статью преподнесли! Ты морально разложился и напичкан фантастическими бреднями. А жизнь она штука посложнее, чем ты думаешь. Но это со временем пройдет. А о том, что ты проявляешь близорукость и упрямство, будешь еще вспоминать в своей жизни и горько-горько раскаиваться, что не послушал вовремя старшего наставника. Будь здоров!..» — и обиженно удалился из изолятора.

В щели изолятора и в маленькое окошко видно, как хмурые, пестрые тучи спешат куда-то на запад. Ветер просачивается в щели и свободно разгуливает по деревянному изолятору. Мрачно вокруг изолятора, печально и в изоляторе, а в душе двадцатидвухлетнего штрафника еще мрачнее и пасмурнее, как будто сто чертей там справляют торжество. Курить и жрать невозможно хочется. Решетчатой металлической дверью отгорожен коридорчик изолятора, в коридорчике стоит кирпичная печка с плитой, а на плите лежит табачок, бумага и спички, отобранные у штрафника охранником при шмоне. На глазах лежит, но не закуришь. Снял штрафник шнурки с ботинок, связал их, скинул носок с ноги, уже протертый на пятке, наскреб в него разного хламу, который валяется в изоляторе в достаточном количестве, утрамбовал хорошенько,

привязал к шнуркам и принялся сквозь решетчатые двери удить свое курево. Прошло изрядно времени упорного кропотливого труда, и курево оказалось в камере. Надежно попрыгал в хитроумных щелях и только после этого спокойно закурил. Потом наломал щепы из досок нар при помощи металлической миски и принялся разводить костер, чтобы чуть-чуть погреться. Едкий дым наполнил изолятор, просочился в щели и окутал вышку часового, а пламени от «цыганского костра» нет, щепы тлеют, но не горят, в миске нет поддувала. Караульный с бранью открыл дверь и как ястреб накинулся на штрафника, который, спасаясь от едкого дыма, лег на пол.

— Да ты что, хочешь меня с вышки выжить, что ли?.. Застрелю как собаку!..

— Сделай одолжение!.. Пожалуйста, кокни!.. — встал штрафник и выставил грудь. — Я же этого добиваюсь! Сократи мое ожидание! Но бить!.. Только притронься хотя пальцем... и пушка твоя не поможет!

Охранник взглянул на печку и снова залился лаем:

— Выкладывай махорочку!..

— А ее уже нет! Сгорела махорочка!

— Стань в угол, я шмон произведу!..

Покопался для виду, ничего не нашел, а морячка обыскать побоялся. Взял закопченную эмалированную миску, швырнул в пеструю траву, которая растет около изолятора, и удалился. Через часок открыл дверь и сунул дрожащими руками две папиросы.

— Кури, только чтоб никто не знал, что я тебе давал. Узнают — и мне сидеть с тобой рядом.

— А чего, заходи, веселей будет! Не переживай!

Морячки не продают хороших людей!

— А кто же это тебя, не морячки ли сюда заложили?..

Под вечер, когда на лагерь опустились сумерки, но еще прекрасно видно все в буром тумане, пришел Жорка. Вахтер пустил его в середину изолятора, а сам стал у двери и подслушивает.

— На, полундра, подкрепись, — подал он пайку хлеба, — а вот махорочка на несколько закруток. Начальник, дай нам поговорить с глазу на глаз, вот так надо, — и провел пальцем по своей шее. Охранник отошел от двери. — Слушай, полундра! Правда, что ты просишь шлепку себе? В лагере об этом только и говорят!

(225) «Не для меня придет весна» — начало популярного старинного романа на стихи А. Молчанова, распространенного во множестве народных вариантов, в том числе в блатном.

(226) Підлабузник (укр.) — подхалим, прилебатель.

— Да, Жора, чистая правда!

— Ну, таких хлюпиков и ослов поискать надо! — повысил он голос. — Вот фраер! Чего ты испугался?.. Работы?.. А ты бей баклуши! Эх ты!.. Покажется бригадир — шевелись, он с глаз — сиди, отдыхай минут сотенку! Такая лагерная жизнь!

— Спасибо, Жора, за совет, но я так не могу. «Не для меня придет весна...» (225)

— Ну смотри, тебе видней! Только учти, сейчас за саботаж шлепают нашего брата как раз плюнуть! Пока!.. — отойдя метров на двадцать от изолятора, оглянулся и крикнул: — Опомнись, полундра!

Охранник, закрывая дверь, тихо прошептал:

— Ну и даешь ты всем подумать! У нас тоже разговор о тебе. Правильно он тебе, морячок, советует. Это истинный друг, подумай хорошенько, он тебя не оставит в беде, в трудную минуту — принес и хлеба, и покурить, таких друзей мало сейчас.

Только Жорка ушел, вкинули в камеру седого коренастого паренька. Уже совсем стемнело в камере, а он ползает на четвереньках по полу, словно ловит блох. Павлик с опаской посматривает на него, не чокнутый ли он, и недоуменно спрашивает:

— Эй ты!.. Что ты ищешь?.. Что ты, клопов или блох вылавливаешь, чтоб крепче спалось?..

Парнишка приподнял голову, удивленно посмотрел мутными глазами на собеседника, словно увидел его в первый раз.

— Ищу здесь разбросанный табачок!

— А-а-а!.. Ну-у-у... да-вай ищи!.. И много уже собрал?..

— Три табачинки... — и снова нагнулся, кропотливо всматриваясь в темноту пола.

— Ну а как тебя звать?..

— Андрей.

— А может, ты, Андрюха, опилки собираешь?..

— Нет!.. Нет!.. Табачок!

— А за что тебя в кандей посадили?..

— Да пробрался я на кухню с черного хода, схватил головку зеленой капусты и ходу назад. Вдруг повар засек меня и поднял хай: «Держите!.. Держите крохобора!» Там его подлабузники (226) кинулись за мной, догнали, ото-

брали кочан, свалили, морды, били, били и сдали коменданту зоны, а он меня сюда привел, говорит: «Посиди здесь, и мне, и тебе будет спокойно».

— Так ты и не попробовал кочанчика капусточки?

— Да я на ходу, как гнались, несколько раз грызнул, а остальное отняли, собаки.

— Ясно! Как двенадцать часов ночи! А волосы от переживания за кочанчик у тебя поседели?

— Не смейся, — с обидой отвечает Андрей. —

Я сорок восемь дней под вышаком просидел. В камере сидело иногда двое, а иногда и по восемь смертников, и часто по ночам открывали, морды, двери и кого-нибудь вводили на расстрел. Ноченьку напролет трепетно ждем, вот-вот откроют двери, засунут палачи кляп в рот и поведут на вечный упокой. Иногда голова отказывалась что-то соображать, температура по ночам поднималась. Попробуй пожаловаться, таких плюх подвешат, что не захочешь и пилюль от головной боли. А днем подбрасывали новеньких смертников. Но однажды открыли, морды, дверь и прочитали, что дедушка Калинин заменил мне высшую меру десятью годами, и меня, рыдающего, потерявшего сознание, перетащили в общую камеру, и опомнился я уже под нарами.

Незаметно Павлик вынул из щели закрутку и в полумраке с наслаждением закурил. Андрей приподнялся с пола, тихо залез на нары, уселся рядом с морячком и беспрерывно водит своей головой за дымящей сигаркой. Павлик с нетерпением ждет, когда же Андрей попросит покурить, — но он молчит, даже голову ни разу не поднял, взглянуть в лицо другу по несчастью, только провожает в темноте догорающий окурок головой то вниз, то вверх. «Нет, не допущу я себя до такого состояния, — мыслит морячок. — Пусть шлепают!» Вот дурак, чего он боялся да дрожал ночами?.. Даже поседел! Что там страшного? Страшно вот так жить на свете. Опустился до первобытного состояния дикаря. Нет, я буду настойчиво просить шлепнуть, все равно жизнь собачья!»

— Что, Андрюха, может, дать покурить?..

— Дай!.. Дай!.. А я тебе завтра, как получу, паечку отдам! — бормочет Андрей.

Утром в понедельник староста рано выпустил Андрея. И вновь невыносимая скука одолела штрафника.

(227) Вариант блатной песни «Начальник Барабанов дал приказ», исполнявшейся на мотив «Гоп со смычком».

(228) Цитата из революционного похоронного марша на стихи А. А. Архангельского «Вы жертвою пали...».

Девчата, проходя мимо изолятора на рабочее место, со смехом и прибаутками зовут на работу:

— Морячок, идем с нами на кирпичики!..

— Выходи, золотко, хватит тебе клопов пасти!..

— По тебе кирпичики стонут и рыдают!..

— И Зиночка тоже!..

Павлик бодрится, кичится и нараспев отвечает подхваченную в тюрме, в Жоркином уголке, песенку:

А в субботу мы не ходим на работу,

А у нас суббота каждый день...

Лагерная песня (227)

В обеденный перерыв, возвращаясь, снова девчата устроили перекличку:

— Милочек, идем кирпичики сушить, без нас с тобой они не сохнут!

И все девчата грянули задорным смехом.

А штрафнику не до смеха, ему не только паечки, но и воды еще не приносили. За девчатами прошли бригадники — усталые, грязные, замученные, с поникшими головами, так и хочется спеть песенку Некрасова:

Идите, усталые, цепью гремя,

Закованы руки и ноги,

Спокойно и гордо свой взор устремя

Вперед по пустынной дороге... (228)

Мучительно долго тянется время после обеда, что-то на работу заключенных не ведут. Часа в три открыл староста дверь и говорит:

— Вот тебе твоя паечка, полундра, не говори, что староста ее у тебя закосил, и выходи на этап!

— Да что я, шучу с вами, что ли?..

— На этап выходи! Что, не доходит, что ли?.. — шумит часовой с вышки.

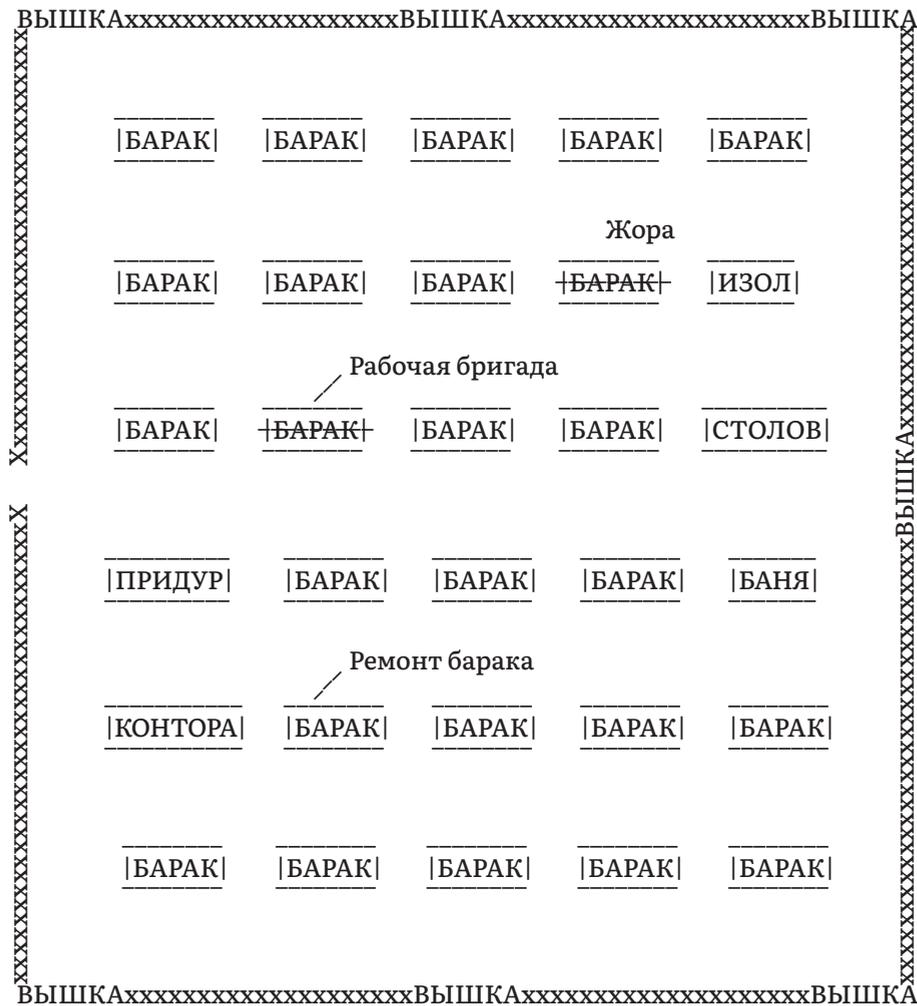
Вышел штрафник, глянул во двор лагеря: «Матушка моя родная!» — там уже стоят распределенные по пятеркам все лагерники.

— Легко ты отделался, полундра! — говорит комендант. — Кирзавод закрывают. Всех на пересылку отправляют.

Сентябрь 1941 г. ноябрь 1941 г.

Восточная сторона.

Западная сторона

Смотри, читатель:

Вьюга злится.

Над зоной фонари горят.

Тряпьем прикрыв худые лица,

Они идут

За рядом ряд...

А. Жигулин (229)

Деревянный забор пересылки с наружной и внутренней стороны огорожен колючей проволокой. После маленького лагеря пересылка кажется огромной (230). Времени свободного уйма. Этапники собираются то тут, то там — обсуждают будущий этап, гадают, куда пошлют. Среди пересыльников есть по второму и третьему сроку — они себя величают «битыми лагерниками».

— О-о-о... я был в Комсомольске, — говорит худой, мускулистый паренек. — Доходиловка, братцы... Мы сейчас, ребятки, сидим, палец о палец не стукнем и паечку-пятисоточку получаем, а там вкалывали дай боже, по десять часов мерзлую землю ковыряли... ох, братцы, лучше не вспоминать! Придешь с работы в холодный барак, а птюшечка маленькая-маленькая, четырехсоточка. Морозы, братва, выжимали все!.. Пополнение приходило всю дорогу, наш брат ээки дуба врезали, как мухи по осени! Клянусь вам родной мамочкой, на костях нашего брата заключенного этот город выстроен. Да и смерть приму, но туда больше меня не загонят.

— А что вы там делали? — спрашивает новичок.

— О-о-о... а кто строил этот городище? А кто на лесоповале вкалывал?.. Я, например, с сотнями таких же заключенных корчевал пни в мерзлой глине. Кому попался участок глинозема — тех величали смертниками. Даже страшно рассказывать об этой работе, она мне по ночам часто снится, братишки. Скажу одно: на шулюмке с зеленой капустой там нечего делать, а отбивные мы получали только под ребра.

— А как же ты выжил?

— А у меня срок детский был, всего полгода.

— Эх, братцы!.. На Колыме тоже могила, — подклю-

(229) Из стихотворения А. В. Жигулина «Вина» (1962—1963).

(230) Хабаровская пересыльная тюрьма располагалась в пригороде Хабаровска в районе поселка Кругосветка (ныне улицы Кубяка, Комитетская, Краснореченская). По данным 1955 г., периметр ограды тюрьмы составлял 614 м, площадь — 3105 кв. м. Одновременно в стенах Хабаровской пересылки могло содержаться около 1 тыс. заключенных (для сравнения — Ванинская пересылка была в десять раз больше). В настоящее время постройки тюрьмы не сохранились.

(231) Касситерит — минерал, оловянная руда.

(232) Кранты (блат. жарг.) — неизбежная гибель, смерть.

(233) Неточная цитата из «Песни о Сталине» Ю. Алешковского («Товарищ Сталин, вы большой ученый...», 1959).

(234) Не вертись, говорю тебе, и все тут! А то буду стрелять! (укр.)

чается второй лагерник. — Рудники, прииски, а то так и открытые карьеры, добывали золото, серебро, касситерит (231) — работа лошадиная... и там, братцы, двенадцать месяцев зима в году, а остальное лето!.. Одним словом, кранты (232)!

— А я был в овощном лагере под Иманом. Вот где, братва, житуха!.. Сыр в масле... баландочка — ложка стоит. Идем с работы и тащим в лагерь кто картофель, кто капусту, кто морковку... Эх, братцы, сейчас бы этой морковочки... Красота... Поднесем к вахте, здесь шмон, вахтеры с бранью почти все отбирают, сбрасывают в одну кучу. Выберут себе, паскудники, что получше, а остальное на нашу кухню сдают. Только повар, негодник, недоволен был, все шипел, что работы ему много... Одним словом, житуха была! Морковки, капусты — так этого добра вдоволь наедались, а иногда и помидорчики, огурчики попадали. Да что там говорить, житуха была!

— Да, ребятыё, — продолжает следующий заключенный, — норильские лагеря тоже плохие, холода ву-у-у... — и ежится от воспоминания. — Гранитные рудники, цинга-злодейка. Одним словом, кранты. Настоящая душегубка...

— Там, говорят, и Сталин отбывал ссылку?

— Слыхал ты звон, да не знаешь, где он. Сталин был в Нарыме. И вообще, на эту тему давайте не будем, братцы; такие разговорчики вышаком попахивают.

Довольно позже Юз Алешковский так напишет:

Дымите тыщу лет, товарищ Сталин,
И пусть в тайге придется сдохнуть мне,
Я верю: будет чугуна и стали
На душу населения вполне (233).

— А на Воркуте ужасные пласты угля, даже в открытых карьерах его добывают. Вылазишь из шахты, как негр черный, только зубы блестят белизной, а помыться, братцы, мыла не выдают, так и ложимся арабами спать...

— А я был на лесоповале в том краю!

— А конвоиры какие?! Вятичи, злые как собаки, а то еще почище попадаются — хохлы: «Не вэртухайся, кажу тобі, і всє тут!.. А то стрілятє буду!..» (234) — передразнивает рассказчик украинца.

— Ух и злющие мазеповцы!.. Страх!.. — дополняет предыдущий рассказчик.

Но самый приятный разговор, когда переключаются на кулинарию: как кашу варить, котлеты жарить — все опытные повара, кулинары, и каждый голодный часами готов слушать болтовню о вкусной пище.

Проходят дни за днями, наслышался Павлик разговоров, что сидеть в тюрьме и на пересылке гораздо хуже, чем работать в лагере. Понял он и то, что в лагере закон: кто не работает или проигрывает паечку, тот «доходит» до анемии и «деревянного бушлата».

Однажды поплелся Павлик поработать в зоне, еще раз проверить себя на физической работе. Внутри пересылки производится ремонт бараков, сюда и привел комендант троих добровольцев. Павлика прикрепили к печнику: «Твоя обязанность — подносить воду, песок, глину и готовить раствор», — объяснил строгий, высокий, худощавый мастер-печник. Работа показалась сносной и несложной, и Павлик приступил потихонечку шевелиться. В обеденный перерыв один из специалистов принес густой баланды и раздал по две полных миски. Вечером снова накормили. За долгие томительные дни впервые носит Павлик в кармане паечку и мучается, что на нее выменять — табачку или лист бумаги да написать письмецо родным. Но как вспомнит он, кто он такой на сегодняшний день, и сердце кровью обливается. «О-о-о... Нет!.. Никогда!.. Отдам концы здесь, но не напишу. Какой позор! Какой позор!.. Пусть думают, что я погиб где-то морячком, а не врагом народа».

Три дня ходили помогать ремонтникам, и настроение стало совсем иное. Во время работы подружился с солдатом-пехотинцем Петром Свистулой; очень шустрый парень, словно метеор.

На пересылке этапы то прибывают, то отправляют в разные места, только контриков не тревожат; их развелось так много, что тесно в бараках, а не отправляют их потому, что они кассационники (235).

Свистула и Павлик записались в рабочую бригаду — работать за зоной. Скомплектованную бригаду повезли

(235) Т. е. ожидают ответа на поданные ими кассационные жалобы на приговор.

(236) Нарядчик — лагерная должность, человек, распределяющий заключенных на различные работы. Часто нарядчик сам был заключенным.

(237) Т. е. подает жестами условные сигналы, принятые на флоте.

машинами за город копать картофель в совхозе. Поначалу бригада была разношерстная: и уголовники были, и контрики в ней, но так как уголовников часто выдергивают на этап, нарядчик (236) сформировал только политическую бригаду, их ведь не тревожат на этап. Директор совхоза видит, что заключенные вяло шевелятся, привез два ведра и разрешил варить картофель, и работа сразу оживилась.

— Ты будешь водой снабжать! — велит конвоир Павлику. — Да смотри не учуди, не вздумай бежать. Здесь, на Дальнем Востоке, все кругом на охране и пропусках, далеко не уйдешь! Попытаешься бежать — только горе себе наделаешь! Вас все равно скоро распустят по домам или на передовую заберут. Какие из вас контрики...

«Куда бежать? — думает водонос, спускаясь в балку километра за два от бригады. — Если бы фронт поближе, можно бы и рискнуть пробиться на помощь своим...»

Ходить в ту балку голодная братва посылает по три-четыре раза в день. Иногда и неохота, но Павлик помнит рассказ пересыльщика о поваре-негоднике, который шипел из-за того, что много работы, и спускается в очередной раз в балку за свежей родниковой водой, ведь охранник больше никому не доверяет отлучаться от бригады.

Десять дней возили в совхоз трудиться, ребята чуть-чуть окрепли и, самое главное, духом воспряли после ареста и срока. Потом бригаду перевели в порт на погрузку и разгрузку пароходов, барж. Увидит Павлик прохожего морячка и вызывает по семафору (237).

— Что ты жонглируешь? — спрашивает Петро.

— Вызываю морские силы на переговоры, — смеется Павлик. — На Амуре все краснофлотцы владеют семафором.

«Братишка, выручай — курить и хлебушка!». Краснофлотец дал отмашку, что принял сигнал, ответил «Добро!» и удалился.

— Что, ничего не получилось? Куда же он так быстро зашагал? — спрашивает любопытный Петро.

— Он ответил «Добро!» В переводе на ваш пехотинский язык это значит «Да, согласен, разрешаю!»

— Тхы-ы-ы... пойми тут: «Да, согласен, разрешаю!» Это точно так, как у немых, показал на лоб и догадывайся, какое это слово: мозги или голова, волосы или лоб — все

в них обобщено, так и это. Если бы он ответил «Принесу хлебушка или сухариков», вот это было бы ясно.

Спустя часок краснофлотец принес буханку хлеба, большую соленую горбушу и две пачки махорки. Долго он наблюдал, как непрерывной цепочкой зэки носят на баржу груз. А два друга уединились в уголку баржи на юте (238) и с жадностью терзают удачную добычу.

— Братишка, за что попал? — спрашивает краснофлотец.

— А-а-а!.. Уж больно правду рассказывать!

— За язык он попал! — вклинился в разговор Петро, аппетитно смакуя горбушу.

— Как за язык?..

— Ну, короче говоря, контрик он! Понял, морячок?

— Что там за переговоры?.. — строго шумит конвоир. — И ты, полундра, сюда захотел?.. А ну вы... марш работать!..

Морячка как ядовитая змея жиганула — он быстро зашагал подальше от баржи.

— Что ты наделал?.. Что у тебя в голове — солома или опилки?.. — накинулся на Петра Павлик. — «Контрик он!» Соображать надо, возможно, он еще бы принес пожрать или ребят послал бы. Ты ведь, пехота, не знаешь, какие морячки дружные, а теперь пиши все пропало!

— Брось читать мне мораль, пехота не хуже ваших ракушников, только они сами голодны, пехоту же не так кормят, как моряков, не тот паек: а тут как набегаешься на полигоне за день: «Встань!..», «Ложись!..», «Бегом!..», «По-пластунски, марш!» Да ты хотя понимаешь, что это такое — «по-пластунски»?.. Наползаешься, так быка бы съел с рожками и ножками после такого марш-броска. И вообще, давай не будем из-за этого дружбу терять!

Но Павлик не унимается:

— Да лучше бы ты ему сказал, что я убил кого, ограбил или зарезал, а то... «За язык!» Тьюу-у-у!.. Что, до тебя не доходит, что он сейчас где-то дрожит, бедняга, не видал ли кто из знакомых, не припишут ли ему связь с врагами народа, ведь это же чистеньких десять лет человеку пахнет! Как будто и парень шустрый, сообразительный, а промычал ослом.

— Давай лучше покурим! Ну виноват! Его теперь, как пел Утесов:

(238) Ют (морской термин) — кормовая часть палубы судна, кормовая надстройка.

(239) Из дуэта Ольги и Павла из оперетты И. О. Дунаевского «Золотая долина» (1937), слова М. О. Янковского и Я. Левина.

(240) Т. е. из чистой муки без добавок.

(241) Здесь: нестабильность.

(242) Здесь и далее не совсем точная цитата из популярной песни не И. О. Дунаевского, а М. И. Блантера «Катюша» (1938) на слова М. В. Исаковского.

Даже в шутку, на минутку,
Не воротишь, не вернешь... (239)

— Да, Утесова-то ты знаешь! — и засмеялся Павлик.

Из порта бригаду перевели в огромный продуктовый городской склад. Здесь никто не голодает. Бригада сортирует слежавшийся годами в мешках горох, сою, чечевицу, перловую крупу, муку. Каждый месит себе тесто из нулевой муки (240), чуть-чуть присушивает на солнышке, а когда нахмурится небосвод, то и сырое поедают, все же гораздо лучше, чем пересыльная баланда, во сто крат питательнее. Ахмет, узбек килограммов под сто, наестся до отвала гороху, нагрузит на себя большущий мешок и ходит, громогласно воздух портит.

— Как дела, Ахмет? — спрашивает Свистула.

— Ну-р-ма-л-но-о! — отвечает он.

На пересылке у бригадников завелись вещевые мешки. Павлик в зоне пересылки за муку и горох наменял много вещей. Оделся уже не как рядовой краснофлотец, а как старшина (продвинулся по службе). Ха-ха!.. У бригадников появился запас съедобных продуктов. В зоне рабочей бригаде выделили уютное маленькое отделение за перегородками, староста старается угодить работягам, а работяги старосте несут кто чего может, вот и нет воровства в этом уголке пересылки, а в остальных бараках временщина (241) и хаос.

На работу бригада идет бодро, стройно, словно и не заключенные. Все бывшие солдаты, а среди них, как черный ворон, один матрос. Конвоиры сносные, даже руками разрешают двигать, лишь бы в ногу шли.

— Споем, ребята! — раздается голос в толпе идущих.

— Запевай!.. — командует конвоир.

И грянул дружно хор в строю:

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег на крутой...

Дунаевский (242)

Прохожие останавливаются, провожают доброй улыбкой: «Вот они — лишённые свободы, под конвоем, но не унывают. Нет!.. Не победить нас фашистскому супостату с таким богатырским народом». А старухи, как всегда, слезу пускают: «Им бы винтовки в руки да на немчуру проклятого!» — доносится разговор из толпы прохожих. А бригадники рады стараться, чеканят шаг под ритм любимой песенки, аж мостовая гнется:

(243) Лудить — играть в азартные игры.

(244) Здесь: новиспеченных, неопытных.

(245) Теленок — слабак, легкая жертва.

Выходила, песню заводила
 Про степного сизого орла.
 Про того, которого любила,
 Про того, чьи песни берегла...

У уголовников бурлит иная жизнь, да и не только у уголовников, и у контриков, ищут что-то новое, какой-то выход из создавшегося положения, и, не находя его, садятся за карты и иногда безвозвратно проигрываются до ниточки, а по-русски говоря, до кальсон, а иногда и кальсоны проигрывают. Такие уж контрики в это время пошли. А у уголовников тем более, как и в тюрьме, — у Жорки беспроигрышные карты, и он живет, горя не знает. Павлика очень тянет к нему. Зайдет в свободное время и наблюдает: тот сидит в одних трусах, точно как в тюрьме, или в кальсонах, тот в хромовых сапогах, но без рубашки, те шпильят в буру. Там сидят шумливой гурьбой, с величайшим увлечением слушают трепача-романиста, а он на ходу составляет вечные фантазии и небылицы. И хотя романист явно врет, но слушатели ему все прощают и даже поощряют свистуна — в первую очередь покурить ему оставляют, словом, пользуется авторитетом.

— Ну что, полундра, приделся? Что, моя школа, вероятно, помогает? А-а-а, полундра?.. — спрашивает Жорка. — Что, в картишки после моей академии лудишь (243) всех контриков, испеченных в пепле (244)?

— Нет, Жора, я работаю за зоной пересылки и имею кое-что!

— Ну давай перекинемся что-нибудь на что-нибудь!

— Да нет, Жора, никогда у нас не будет на эту тему разговора, я никогда не буду твоим теленком (245).

Мертвецами мы были завалены.

Труп — на труп,
ну а сверх всего
придавило нас
трупом Сталина,
еле выбрались
из-под него.

Евгений Евтушенко (248)

В середине ноября две бригады контриков тщательно проверили по документам и повели к железнодорожной станции. Дорожный конвой часто останавливает этапников, пересчитывает с вульгарной бранью, пинает, награждает затрещинами и натравливает дрессированных собак. Мигом исчезла этапная радость и надежда на что-то лучшее.

— Братцы!.. Да это же столыпинский вагон (249)! — раздался голос бывшего в переплетах этапника.

— Кто там митингует? — рычит строгий конвоир.

У вагона произвели общий шмон, отобрали запасы муки, гороху, крупы и принялись вызывать по карточке и отправлять в вагон.

В вагоне с одной стороны сквозной коридор с решетчатыми окнами, вторая сторона купейная, на полвагона нормальная, а четыре купе загорожены дюймовыми вертикальными железными прутьями, из таких же прутьев и двери сделаны в купе. Натолкали в это купе восемнадцать человек, и под полками, и на проходе позанимали места. Всего в четырех отсеках поместили семьдесят два этапника. Во второй закрытой половине помещается конвой со своей кухней. Один из этапников рассказывает, что нам ужасно повезло, что решетчатые купе, он попадал в закрытые, там и воздуха не хватало.

На следующий день вагон прицепили к товарному составу и повезли в направлении Сибири.

И днем и ночью по коридору прожигается, гремя ключами, дежурный надзиратель, осматривая заключенных, словно кроликов, запертых за решеткой. Дневной рацион — пятьсот граммов хлеба, вместо приварка выда-

(248) Неточная цитата из поэмы Е. А. Евтушенко «Дробыцкие яблоны» (1987).

(249) Столыпинский вагон — традиционное название вагона, оборудованного для перевозки заключенных (вагонзака). Часть вагона занимал конвой. Несколько купе без окон, предназначенные для арестантов, отделенные от коридора решеткой, перекрывались сплошным настилом в три яруса, и заключенные всю дорогу вынуждены были лежать или сидеть согнувшись. Такая «камера» была рассчитана максимум на 12 человек, но зачастую эта норма не соблюдалась.

(250) Приварок — вареная пища, выдаваемая заключенным помимо хлеба. Этапный паек состоял из невареной пищи; селедка включалась в его состав как нескоропортящийся продукт.

(251) Здесь: унитаз.

(252) Деревянные молотки на длинных рукоятках — необходимая принадлежность железнодорожного конвоя. Для предотвращения побегов конвойные на остановках простукивали ими вагоны в поисках подпиленных досок. Теми же молотками конвой зачастую избивал заключенных.

ют селедочку (250) и по поллитра воды два раза в сутки. От такого питания мучает запор — все лежат или сидят, и это очень влияет на организм. Раз в сутки — получасовая прогулка по коридору. Из коридора в решетчатые окна видно снег и вековую, замшелую, одетую в белую пушистую шубу дику сибирскую тайгу. Во время прогулки производят поверку и оправку. Беда в том, что в вагоне одна раковина (251), запор у тебя или не запор, «думать» над раковиной долго не позволяют — подгоняют. Постукивают по голове деревянным молотком: «Быстрей! Быстрей!.. Чего расселся? Что это тебе, у тещи на блинах?..» Конвоиры обстукивают деревянным молотком пол, потолок, борта вагона, проверяют: не готовятся ли заключенные к побегу? Попадает и этапникам увесистого молотка: заговорил кто-либо с соседним купе — получи порцию, опоздал выполнить команду — угощайся тумачком. Потом еще особо попадет при счете, когда загоняют в купе (252).

Как-то не выдержал тяжеловес Ахмет жесткого расписания, прижало его «по-легкому» до поверки. Подошел он вплотную к решетке и принялся умолять жестокосердечного надзирателя на полурусском языке:

— Си-ти-ри-люк!.. Си-ти-ри-люк!.. Вода писюн бросать хочет!.. Си-ти-ри-люк!.. Писька шиб-ко мочить жи-лает!..

Дежурный ходит себе по длинному коридору туда-сюда, заложив руки за спину.

Не выдержал Ахмед — уж очень его прижало, — и принялся он мочиться в общий коридор.

Встрепенулся «блюстителю порядка»: какая наглость! Какая дерзость! У него на смене нарушают порядок, установленный инструкцией. И поднял тревогу трелью противного своего свистка. Этапники замерли, терпеливо ожидая какого-то жестокого наказания. Тяжело стуча сапогами, выскочили из дежурки четыре скупающих от безделья верзилы и с гонором принялись бессердечно избивать нарушителя порядка, разгоня серую дорожную скуку. Ахмет только ойкает, зубами скрежещет, по-своему что-то вульгарное бормочет — это понятно по тому, что он часто русскую мать вспоминает.

— Давайте наручники наденем!.. — предлагает один надзиратель, насытившись избиением.

— Да на такую гориллу разве действуют наручники?

— Тогда давайте рубашку наденем! — предлагает самосудчик:

— О-о-о!.. Это более-менее!..

— Неси, неси рубашку!..

— Сейчас... — подает кто-то голос из каптерки.

Вынесли грубую, новенькую, ни на ком не опробованную брезентовую рубашку. Раздели Ахмета и натянули на него, старательно завязали завязками, но Ахмет не реагирует.

— Эй вы! Бусурманы! — говорит каптер. — Надо же водой смочить ее! (253)

— Мы сейчас наверстаем упущенное! — говорит один самосудчик.

Вынесли ведро воды, постепенно набирают в кружку и обливают Ахмета с вульгарными шутками и прибаутками, а конвоиров собралось полный коридор, даже в поварском колпаке стоит, глазееет.

— Ну что, чушка, якши (254)?

— Якши начальник, якши ... — старается угодить своим мучителям Ахмет.

— Давайте вон того еще вытянем! Это он подговаривал своего земляка, чтоб он коридор осквернил.

— Да, да, я слыхал, это он калякал ему по-татарски: «Шуры, муры, дуры!» — лукаво дурачится надзиратель.

— А ну иди сюда, цыпленок! — и вытащили тощего узбека Акрочая.

— Нашалника, ты моя ны обыжай, моя ни шуры-муры! Моя узбека, мина ни болтай, мина сиди тихо.

— Давай руки, фитиль, перед прокурором будешь тискать последнее слово, а у нас не пройдет твое мычание! — и защелкнули на худые руки Акрочая наручники, которые как только шевельнешь рукой, а они щелк да щелк, зажимают и зажимают кисть руки.

Минут десять терпел Ахмет, а конвоиры тешатся и глумятся, словно соревнуются между собой, кто больше похабных слов скажет. Мокрая рубашка сжимает и сжимает, создавая впечатление, что вот-вот задавит. И не выдержал Ахмет, завыл, словно зверь в лесу, жутким голосом:

— Пи-ро-щай-й жи-на ба-ба-а-а!!!

А конвоиры : «Ха-ха-ха!!! Хи-хи-хи!!!»

(253) Смачивание смирительной рубашки водой — пытка, превышение полномочий со стороны конвоя.

(254) Чушка (тюремн. жарг.) — презрительное наименование грязного, опустившегося заключенного. Якши (яхши) — во многих тюркских языках, включая узбекский, означает «хорошо».

— Что, будешь, свиное ухо, мочиться на коридор?..
 — Нэ буду, нашалнык, не буду!
 — Смотрите, кролики!.. — показывает «укротитель» притаившимся заключенным. — Каждого ждет рубашка, кто нарушит инструкцию дорожного конвоя в вагоне!

Этапники прилипли к своим местам, как мухи по осени, ведь для потехи могут любого зэка выдернуть в коридор, они здесь самовластные боги, жаловаться здесь некому, сам начальник конвоя стоит, наблюдает и ржет как жеребец — у них есть и «Ату!!! Ату!!!»

А поезд мчит и мчит, разрезая зимний туман и метель, по необъятным просторам Сибири. Вот уже третий день не останавливается, и три дня не дают воды. А жажда пить разгорается все сильнее и сильнее. Раздадут утром пайки и селедочку — хлеб черствый, его получают в больших городах, выдают меньше нормы. Пробовали возражать, но несколько человек получили вместо добавки наручники. Мол, хлеб усыхает, а вы тут бунт устраиваете. Мало вам этого сроку, что ли? На этом и успокоились этапники. А селедка ржавая, соль так и выступает на ней, уже изрядно усохшей и припахивающей гнилью. Но истощенные отверженные не в силах воздержаться, немедленно съедают свой порцион, даже пальчики тщательно обсаывают, не задумываясь о последствиях, и еще больше жгучая жажда пить гложет и палит тело, всю внутренность изрядно замороженных этапников. Переборов страх перед своими «укротителями», более слабые принялись вопить хриплыми голосами:

— Дай-те во-дич-ки!!!

— Во-дич-ки!..

— Ой-й-й, пить охо-та-а-а!!!

— Тихо! Не голосовать (255)! Что за ропот? Что за бунт?.. Рубашки захотели?..

Но зэки еще дружнее заныли:

— Во-ды-ы-ы!!!

— Во-ди-че-чки-и-и-и!..

— Ой, долюшка ж наша, долюшка, ой мамочка, моя мамочка, — причитает Коля Махов. — На свете существу-

ют моря и океаны, а здесь хотя бы парочку глоточков этой водичечки родимой!..

— Да морская же горько-соленая, — говорит Бакиров.

— Да я бы сейчас хлебал бы и помой!

— Э, дорогой Коля, у тебя губа не дура, — говорит Петро Свистула. — Да у меня мамаша такие помой давала свиньям, что лучше любой лагерной шулюмки. Ой-й-й...

— Хотя бы глоточек водички! Во-ды-ы-ы!!!

Выволокли конвоиры двоих активных просителей, надели наручники, но это не помогает. Все машинально подключились, хором и в разноречивой просят безжизненными голосами водички.

— Да наденьте вы наручники, только дайте глоточек водички!..

В коридоре доходяги потеряли сознание. Сняли наручники, вволокли в купе-камеру, а здесь и в соседних купе солисты подпевают:

— Во-ди-чки-и... во-ди-че-чки-и-и!!!

Видит начальник конвоя, что угрозы здесь бессильны, принялся по-хорошему объяснять:

— Мы трое суток не останавливаемся, у нас вышел весь запас воды. Ну где я ее вам возьму?.. Сегодня мы даже бойцам обед не готовили.

Но это до обреченных не доходит. Все хотят пить и только пить — и больше ничего на свете. Тогда начальник забежал у решетки, пиная, пугая пистолетом: одному засунул в рот и кричит:

— Молчать!!! Иначе навеки заткну глотку!!!

Подбежит к одному купе, там немного умолкнут, а в соседнем полуоткрыв рты, с закрытыми глазами скулят, прислонившись друг к другу, словно обиженные кем-то щенята. Нестройным хором просят: «Воды... Воды... Водичечки, миленькой, родименькой водичечки!..»

Конвоиры не отстают от своего начальника, пинают носками у решетки, а вульгарными выражениями даже превосходят своего начальника. Жутко в вагоне, вот-вот взбесятся подконвойные и друг друга начнут кусать, как бешеные собаки. Даже бывалый конвой растерялся от такого дикого, тягостного, нечеловеческого стона и рыка подневольных арестантов. На голове волосы дыбом поднимаются. Собаковод привел свою псину, она кромсает

(256) Лекпом (лекарский помощник) — лагерная должность, фельдшер или врач; часто из заключенных.

(257) Чушка (чўчка) — свинья (узбекск. яз.). Чаман — искаженное узбекское слово «ёмон», означающее «плохо».

у решетки одежду этапникам, и они, спасаясь от нее, сбились в комок подальше от решетки.

— Я не могу больше смотреть на такой произвол! — закричал один конвоир. — Спишите меня на передовую немцев бить! Это же варварство прошедших веков! Они же тоже русские!..

Его подхватили и утащили в кабинет охраны.

Уже многие не подпевают и не стонут, потеряв сознание. А поезд идет и идет, выстукивая на металлических рельсах своими колесами: «Воды-воды!!! Воды-воды!!!» И начальник конвоя взял на себя величайшую ответственность военного времени: остановил поезд в степи около небольшого замерзшего озера. Он сделал вывод, что иначе он доставит на место назначения этап трупов. Так как ломика не оказалось, прорубили топором отверстие во льду, набрали быстро воды вместе со льдом, чуть-чуть подогрели и всем раздали по полкружки мутной жижи. Этапники ожили, приободрились, обездоленным показалось, что это самая счастливая минута в жизни. Такая она вкусная — озерная полугрязная водица! И хотя жажду не утолили, но этапники заговорили, посыпались шуточки и прибаутки, даже суровый надзиратель разрешает вслух балагурить:

— Хорошо, что лекпома (256) у нас нет, он со своими медицинскими понятиями запретил бы пить эту водичку, — мол, на вас, Кузьма Кузьмич, дизентерия нападет...

— Или горлышко простудите, Иван Кирпич.
Ха-ха-ха!!!

— Да я такой, что и литровку этой водички хлопнул бы не моргнув.

— А вы, Литор Литрович, добавочки попросите.

— Ну-ну! Лежите, бунтари!.. Я вам дам добавки!
Остановимся, сполна получите!

— Ребятё!.. А Акрочаю устрица попалась, так он ее с лапками хруп-хруп! Ох и вкусная, говорит!

— Шайтан твоя! Моя нэ кушай лагушка!

И понесся смех из купе в купе:

— Нет, братцы, ему не лягушка попала, а целый поросенок, а он его хрумал и приговаривал: «Чушка якши!.. Чушка якши!..»

— Свиной ты жеребец! Чушка чаман (257)!

— Наели холки калорийной водичкой? Ха-ха-ха!!!

— басит надзиратель, подстраиваясь под зэков-юмористов. — Теперь шайтаните? Прекратите бузотерить, а то, чего доброго, обратно начнете бунтовать! Вон у нас один слабак не выдержал вашего арестантского душераздирающего стога, на фронт просится, интеллигентшишка чертов.

А поезд все дальше и дальше удаляется от основной сибирской магистрали. Все выше и выше ползет к надвигающимся цугом ватным облакам и тучам. Это встречает своими непроглядными тучами суровая Горношория (258). Уже все завшивели в этом курятнике. Уже и селечки не выдают, только маленькая паечка хлеба да прозрачная водица. Поначалу было тесно, переворачивались с боку на бок по команде, но теперь так истощали, что стало свободно в купе-камере.

На двадцатый день, в начале декабря сорок первого года поезд остановился с живым грузом на станции Чугунаш (259). Через двойные решетки в окно блестит пушистый снег. Здесь уже капитально побывала незваная гостя — седая вьюга, и одела в белое покрывало матушку-землицу. Погода здесь стоит на редкость тихая, ясная, тучи где-то попрятались.

Как и везде, один конвой сдает — второй принимает. Если бы это были овцы, то принимающий предъявил бы претензию: мол, этот товар не годится, сильно заморенные, но так как это не бараны, а заключенные, то никто и полслова протеста не выразил.

Только ступил Павлик на подножку вагона, белый снег, искрясь, ослепил и ожег зрачки, и он закрыл глаза и грохнулся с подножки. Но долго лежать не дали, два конвоира подхватили под руки, словно пушинку, потащили и посадили в пятерочный строй. Посидел немного, приспособился к солнечному яркому свету Павлик и почувствовал, что мерзнет. Осмотрелся — этапники трут уши, руки, а у кого есть одежонка, то и ноги окутывают.

А из вагона вызывают и вызывают, и каждый при выходе зажмуривается и падает с подножки вагона, развлекая конвоиров. Но заключенным почему-то ничуть не смешно. Взглянул Павлик на этапников — и сердце замер-

(258) Горная Шория — регион на юге Кемеровской области (в 1941 г. в составе Новосибирской области), горно-таежная местность, отличающаяся суровым климатом. Коренное население — шорцы.

Употребляемый Овчаренко вариант названия «Горношория», очевидно, был усвоен им от местных заключенных, привыкших к наименованию Горношорского ИТЛ, который существовал в этих местах с 1938-го до начала 1941 года.

(259) Чугунаш — железнодорожный разъезд и поселок в 12 км севернее Таштагола. В Чугунаше располагался лесной участок Темиртауского рудника, снабжавший рудник крепью и древесиной для иных нужд.

В морозной мгле дымились трубы,
По рельсам били на развод.
И выходили лесорубы
Нечетким строем из ворот.

Звучало: «Первая!.. Вторая!..»
Под строгий счет шеренги шли.
И сосны ругань повторяли.
В тумане прятались вдали...

А. Жигулин (261)

(261) Неточная цитата из стихотворения А. В. Жигулина «Вина» (1962—1963).

(262) Карантин, обязательный по прибытии в лагерь.

(263) Очко — карточная игра, то же, что «двадцать одно очко» или «двадцать одно». Колхозная игра — коллективная.

Станция Чугунаш, как и все сибирские избы, выстроена из рубленого леса. Кругом растет молодняк кедра и пихты. Из-под снега торчат пни прошедшего лесоповала да стоят высокие, стройные осины и березы — их не разрешают валить, это лес нерентабельный. В четырех-пяти километрах от станции за лагерем, который расположен в двух километрах от этой станции, тянется бесконечный стройный лес.

Этапников повели в направлении барачков, огороженных колючей проволокой. Это и есть восьмой лагерьный пункт Горношории. В 1937 году здесь, в Горношории, было шестнадцать лагерей, а сейчас осталось всего три, в которых Павлику придется в свое время побывать и похлебать шулюмки. В зоне десятков барачков.

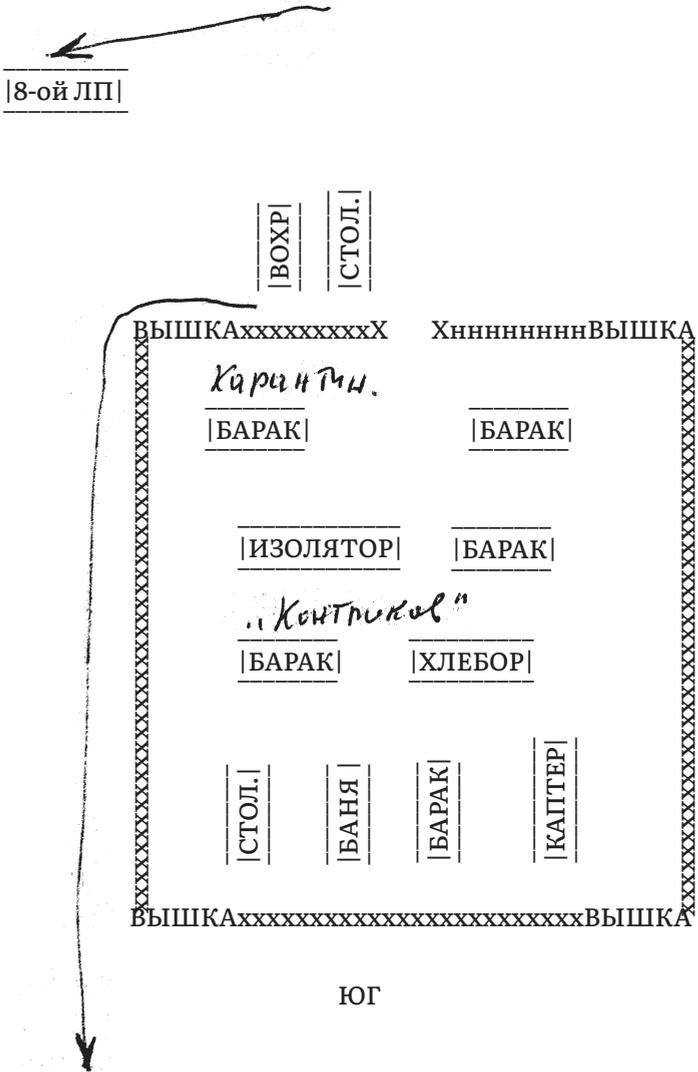
Семьдесят два новичка изолировали на семнадцать суток, согласно инструкции НКВД об этапах (262), в огромном бараке со сплошными двухъярусными нарами. Павлик подсел в колхозную игру в очко (263). Увлечшись игрой, никто не заметил, как всех играющих окружили блюстители порядка и отвели в изолятор Царева, Махова, Салдина и Павлика. В изоляторе только одни стены стоят, крыши совсем нет, в темной пелене неба звезды блещут. Попытались штрафники выкарабкаться из этого холодильника, но бесполезно. Уж очень высокими кажутся стены изможденным изнурительным этапом. А горношорский мороз невозмутимо прощупывает косточки фитилям. Первый не выдержал слабый Коля Махов, да еще в одной гимнастерке, — зарыдал горькими слезами.

ЛЕСОПОВАЛ, 1941 г. декабрь 42 г. февр.

На 7-ой лагпункт

Лесозавод

(ЖЖЖЖЖЖЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА ст. ЧУГУНАШЖЖЖЖЖЖЖЖ)

ЛЕСОПОВАЛ

— Ой, мамочка родная, я замерзаю!..

Мороз уже прихватил Салдину щеки, Павлику — уши. И они принялись безалаберно голосовать, прохожих по зоне на помощь звать. Но проскрипят по снегу, то приближаясь, то удаляясь, рысящие шаги по утоптанной дорожке и обрываются у жилых бараков. И начали штрафники дикий концерт. Подняли такой вопль, что, если бы услышал эту белиберду великий баснописец Крылов, он не такую бы басню состряпал о квартете. Даже лагерные придурки не выдержали, открыли дверь знаменитого изолятора.

— Чего раскудахтались, цыплята?..

— Будете еще играть в карты, сосунки?..

— Дядечка, я не буду, только отпустите! — лязгая зубами, невнятно лепечет посиневший Коля.

Этим «дядечкой», Коля рассмешил «придурков».

— О-о-о... Да вы еще зеленые!..

— Да, да!.. Уже посинели! — доверчиво шутит Коля, стуча зубами.

— Ну, марш в барак, фраера! — топнул комендант ногой.

Штрафники рванули, только их и видели.

— Ну конец света! — шумит нарядчик. — Фраера из фраеров, а к картам тянутся!..

Прибежал Павлик в барак, стуча зубами, а Петро ждет с горбушкой и баландой, да еще выменял одну паечку на двоих за выигранные вещи.

Во время карантина выдали всем зимнюю ватную одежду: брюки, телогрейки, бушлаты, шапки ватные, хлопчатобумажные рубашки — только валенки получили, как в песне, «подшитые старенькие» (264). Больших размеров в каптерке в наличии нет. Кому не подходят валенки, выдают прорезиненные неуклюжие ботинки на подошве из автомобильных скатов (265).

Востриков Борис сгруппировал старую хабаровскую бригаду. А вторую организовал Соколов. На работу повели по глубокому неутоптанному, пушистому снегу. Дорогу прокладывает на лыжах конвоир, а за ним цепочкой движутся две новеньких бригады.

(264) Неточная цитата из старинной народной песни «Валенки», получившей популярность в 1940-х гг. в исполнении Лидии Руслановой.

(265) Подобные ботинки с подошвами из старых покрышек, широко распространенные в ГУЛАГе, заключенные называли «ЧТЗ» (Челябинский тракторный завод) или «трактора».

На объекте работы вольнонаемный десятник показал бригадирам делянки лесоповала и ушел до вечернего замера. Начальник караула проехал на лыжах вокруг отведенного участка кольцом и громко объявил:

— Кто за лыжную зону зайдет, считается побег и будет применяться оружие без предупреждения! Зарубите себе сначала на носу, а потом рубите лес! Это ваша рабочая зона.

Бригадир объявил: «Сегодня знакомство с повадом, а завтра нужно норму выполнять!» Он объявил: «Куда дерево имеет наклон, туда его нужно и валить!» Бригадники подбираются работать, кто с кем желает, по два и три в звене. Свистула Петро отказался работать со своим другом Павликом и организовал себе звено слабосильных. К Павлику присоединились Бакиров Фатфи и Васька Царев — оба физически здоровы и горят желанием выполнять норму на большую пайку. Дали друг другу слово работать честно и добросовестно, друг на друга не надеяться. И принялись пилить пихту. Изнемог один, его подменяет отдыхающий, мало-мальски отдышался — меняет третьего, и так работа движется без остановки. Торжественное ликование охватило дружное звено, как только загремела заваленная лесина, ломая свои и чужие сучья и молодняк, утонула в снегу, только чуть-чуть ветки видать.

— О-о-о... братцы!.. — шумит Царев, вытирая пот. — Смотрите! Да мы же неправильно допиливали, вот она и сыграла у нас!

— Но главное, ребята, вперед — на сучья!..

Двоем обрубил сучья, а третий собрал ветки в кучу и принялись поджигать. Но не так-то просто разжечь костер из сырых веток. Все трое стараются, а огонь воспламенится, чуть-чуть погорит и проваливается в тающий снег. И лишь после того как показал бригадир, зажгли собранные ветки. Оказалось, их надо поджигать не снизу, а сверху собранной кучи, да побольше нужно мелочи для начала. Сероватый столб дыма поднялся ввысь, поглощая чистый воздух с хвойным ароматом. Постояли в торжественном молчании, зачарованные лаской пламени, вдруг Бакиров говорит:

— Эх, братцы, сейчас бы по такому случаю, в эту торжественную минуту закурить бы, хотя бы на троих одну закруточку.

— А зачем остановка? Вон у Свистулы можно выменять на вечернюю пайку, вот и будет похмелье! — злится Павлик. — Петро уважает таких вахлячков (266)!

— Вот что я предлагаю: давайте договоримся раз и навсегда — кто будет менять пайку на курицу, вон со звена к едреной бабушке! — говорит Царев.

Вместо курицы накинулись с возбуждением распиливать пихту-красавицу на шести- и четырехметровые бревна.

Норма, сто процентов на девятисотку, — четыре кубометра, а на большую пайку, кило сто, — нужно валить по пять кубометров на каждого эка. Работа закипела у трио лесорубов. Звено валит подряд и пихту, и кедр, и кряжистую, и тонкую.

У бывшего друга, Свистулы, совсем по-иному проходит работа. Он говорит: «От работы кони дохнут, а я тем более ноги вытяну или грыжу получу. Я и на четырехсоточке как-нибудь проживу, а ты, мой милый друг морячок, давай вкальвай, у тебя на лбу написано: «Ишачить! Получать баланду, большую горбушку и дополнительно полселечки за лишней кубометр сваленного леса». Я тебе ничуть не завидую». Павлик удивляется: парень как парень и неглупый, а какую-то чушь порет. Завел он коммерцию со стройбатовцами (267), работающими рядом, трелюющими лес (268) на лесозавод. На брюки и на телогрейки меняет хлеб и табачок, а в лагере наоборот. Мечется из барака в барак. Он знает, какая бригада в это время паечки получила, а какая баланду, и везде успеваает. Не успели получить, а он тут как тут. Знает, кому надо стакан табаку, кому спичечную коробочку, кому и закрутку. У выигравших уголовников он за бесценно меняет на табачок нужные вещи. Завел знакомство с поваром, и тот за табачок его подкармливает баландой, даже иногда приносит селедочку и картофель. Примостится за штабелями у чужого костра и варит в котелке картофель, а сам покрикивает для отвода глаз конвоиру: «Раз-два, взяли!.. Еще раз, взяли!..»

(266) Здесь: дураков.

(267) Стройбат — части тылового обеспечения, где проходили службу «неблагонадежные элементы», которых не посылали на фронт, — бывшие раскулаченные, лишенцы и т. п.

(268) Трелевка — транспортировка срубленного леса волоком.

Звено Павлика получило в бригаде кличку «мушкетеров». Они приспособились валить лес крест-накрест. Это дает большую экономию времени. Одна-две лесины с

(269) Окучивать — складывать лесоматериалы после черновой обработки в штабеля для последующей транспортировки.

грохотом врезаются в снег, а остальные поваленные деревья ложатся на весу, встряхивая с себя снег. С них очень легко обрубать ветки, кучно жечь хвою, удобно распиливать и окучивать (269). Звено мушкетеров обрабатывает пятнадцать-шестнадцать кубометров за восемь часов, это зависит от того, какой лес попадет. После выполненной нормы трио сваливает сухостой, распиливает на метровые чурки и чинно усаживается вокруг пылающего костра. И к съёму с работы мало-мальски отдохнули и просушились.

Бывает, наступает ненастный день, небо разгневется, ветерок спускается с крон деревьев все ниже и ниже, деревья уже не шумят и не поют приятную мелодию, а гнутся, стонут и скрипят, а кроны печально плачут, сухостой устраивают самоповал, создается впечатление, что черти гуляют, танцуют и устраивают свои бесовские свадьбы, наводя дикий ужас своей демонской мелодией. Начинает порошить метель, и в скором времени бушует в лесу злодейка-пурга. Конвоиры беспокойно сгоняют эков к одному костру. И начинается мучительное ожидание съёма с работы. У костра уже не ароматный запах, а горький — от сгорающей сырой хвои, а противный дым так и лезет заглянуть в глаза, рот, нос — везде ему дело. Передняя часть тела греется, а задняя мерзнет, и мучительно тянет ко сну. В это время никому не охота подниматься, идти пилить и валить сухостой для поддержки костра. У костра невыносимо тесно, собранная на скорую руку хвоя трещит, стреляет, безбожно кидает на сидящих вокруг костра свои горящие искры и тлеющие угольки с сырых веток, и беспощадно эти угольки жгут ватную одежду, шапки и даже валенки полусонным, расслабившимся у костра экам.

В нормальную погоду тех, кто не выполняет норму (а их больше чем полбригады), бригадир и конвоиры гонят от костра, не позволяют сушиться перед съёмом с работы, пугают карцером и саботажем, а в лагере они получают маленькую паечку и один раз в сутки баланду. Появилась у ослабевших бригадников дизентерия, и слабые на глазах тают.

В бригаде Соколова ребята неправильно пилили лесину, она «сыграла» и зацепила Конькова, содрала шкуру на голове, и теперь он сидит в бараке, подвязали ему голову полотенцем за верхние нары, и он беспрерывно машет головой и повторяет единственное слово: «Давай, давай, давай!!!»

В бригаде работают интеллигенты-москвичи. Вдвоем они и лес валят, и в зоне они тоже неразлучны. Лес без дискуссии и полемики не валят, все стараются по-научному трудиться.

— Скажите, Иван Иванович, куда это дерево смотрит?.. — начинает Сидор Поликарпович (270).

— По моему мнению и соображению, Сидор Поликарпович, вот сюда! — и показывает рукой направление.

— Нет, Иван Иванович, я с вами частично не согласен!.. О-о-о!.. Мушкетеры, сорванцы, уже свалили кедрушку! Давайте и мы будем валить!

— Ну как же мы будем валить, когда мы не выяснили, куда ее нужно валить? Она же может сыграть и нас обоих укокошить или в лучшем случае татуировку отпечатает на память о лесоповале, как Конькову у Соколова.

В это время падает лесина, уже вторая, заваленная мушкетерами, взметнув вокруг себя пушистый снег, который достаёт своим поцелуем интеллигентов, прекративших на время дискуссию о своем злополучном дереве.

— Ну и молодцы!.. — восхищается Иван Иванович. — Так куда же мы будем валить эту пихтушку?..

— Давайте, Иван Иванович, прикинем, сколько в ней кубиков и на сколько процентиков она потянет?..

Вечером интеллигенты получают пятисот-шестисотграммовые паечки. Как-то Иван Иванович приболел и с проходной сразу ушел в лагерный медпункт, но освобождения не получил, несмотря на то, что беспрерывно капает из носа водичка. Грустно его встретил напарник:

— Иван Иванович... Вы уж извините меня! Пока вы ходили... Мне показалось, вы отсутствовали долго-долго!.. Ну, как будто целый век... Лучше б вы не ходили! Извините меня!.. Я получил вашу паечку... понимаете...

— Ну что вы тянете... Где моя паечка?.. Говорите!.. — предчувствуя что-то недоброе, взволновался Иван Иванович. — Давайте, коллега, ее сюда!..

(271) Очевидно, отсылка к уличной песне «По улице ходила большая крокодила, / Она, она зеленая была», героиня которой ведет себя по-хулигански.

(272) Прокаженный — то же, что прокаженный. Здесь: негодный человек.

— Я... я ее съел... не удержался!..

— Ой-йой-йой, какой же вы бессовестный!

Я заболел, а вы меня, как йога, решили подлечить?

На сорок восемь часов без хлебушка оставили?

Ах вы ж негодяй такой!.. Ах вы сукин сын!.. Вот кто

вы! Как же я буду без паечки? Я вас спрашиваю, Сидор

Поликарпович!.. Ха-ме-леон вы!.. А еще образованный

человек! Всемирный позор всему прогрессивному

человечеству! Вы не ученый, а зеленый крокодил (271)!

Откуда вы взялись на мою разнесчастную головушку?

Ну какой из вас профессор? О горе мне, горе!.. Прокажен-

ник (272) вы!..

— Ну это уж слишком, что вы себе позволяете?..

— «Позволяете, позволяете»! Я голодный, отдайте мне паечку!..

Вокруг интеллигентов собрались остряки и юмористы со всего барака, и каждый ехидно, зло, по-арестантски подтрунивает ученых и отпускает в адрес научных светил омерзительные анекдоты.

— ...Иван Иванович, помилуйте меня, не поднимайте, пожалуйста, шуму, — плачущим голосом просит Сидор Поликарпович. — Разве вы не видите, абитуриенты собрались около нас и над нами хохочут. Завтра вы мою паечку получите, съедите сразу две горбушечки.

С той поры, как интеллигенты побыли по сорок восемь часов без хлебушка, уже не под силу валить им лес, скатились на четырехсоточки, превратились в изможденных доходят и вскоре оба умерли от поноса. Но первым из столыпинского вагона умер Акромчай. Никто его в напарники не брал — кому охота другого обрабатывать, ведь здесь закон «Умри ты сегодня, а я завтра!» Только насмеялись над ним: «Акромчай! Утром чай, в обед чай, а вечером ничего не получай!»

Мушкетеры постепенно жилистей стали. Основная трудность начинается утром, когда валят с корня лес и нужно свалить без выбора подряд двенадцать-четырнадцать лесин в смену, а потом, когда свалили, пошла работа легче: обрубывать, распиливать, окучивать и в конце концов жечь хвоей и сучья, греться и сушиться.

Догорает день, и конвой снимает с работы.

По протоптанной дорожке движутся бригады к теплу. Иногда и труп в зону приходится тянуть на само-

дельных санках; того прибило, тот от истощения преста-
вился, так и не закончил дневную норму повала. Бригад-
ники несут в зону по чурке сухостоя, пусть накаляются
докрасна обе печки-«сибирячки» (273) и греют огрубевшие
и промерзшие до костей истощенные тела лесорубов.
С работы пришли в девять, заняли свои места на нарах
и с нетерпением ждут торжественной минуты в сутках
заклоченного. В бараке слабо мерцают две маленькие
электролампочки, свет косым потоком падает тускло на
нары, маскируя копоть и грязь.

(273) Имеется в виду самодель-
ная печь, изготовленная из
металлической бочки.

(274) Здесь и далее слово «при-
торный» Овчаренко использует
в значении «неприятный,
отвратительный».

Бригада Вострикова занимает место в центре бара-
ка — верхние и нижние сплошные нары у самого входа
в барак. Дверь беспрерывно поскрипывает и хлопает.
Незванный холодный воздух непрерывно врывается в
барак, атакует бригадников противным поцелуем, а стоя-
щие невдалеке печки-«сибирячки» посылают с обеих сто-
рон встречное горячее дыхание, создавая на нижних
нарах невыносимый сквозняк. Над печками на деревян-
ных перепонках приспособлена сушилка валенок, тело-
греек, брюк, рубашек, портянок, у кого они есть. От этой
сушилки несет невыносимой вонью и угаром: то пригоре-
ло что-то, то испаряется что-то и распространяется по
бараку приторный (274) запах воздуха. Но и этот жуткий
хаос, эта вонь пота и смрада мила всем промерзшим до
предела в лесу — пятнадцать часов в сутки с дорогой
туда-сюда. «Лучше плохо отдыхать, чем хорошо работать
в таких условиях!» — повторяет каждый заключенный.

Звено мушкетеров захватило себе место рядышком
на верхотуре, здесь сквозняк не сильно донимает, можно
терпеть. Разделись, подстелили под себя уже сухую ват-
ную одежду, блаженствуют по сравнению с нижними
нарами. Дружно звено живет, как одна семья, даже брига-
дир побаивается этого звена и старается не обострять
отношения.

Бригадир с двумя помощниками взяли ящик и
бегом к хлебобрезке. Кто ушел с бригадиром, получит на
выбор горбушку и, возможно, удастся незаметно снять
довесочек с какой-либо паечки. А помощник бригадира
отправляется с добровольцами за баландой.

Принесли суточный рацион — получили одновременно пайки, баланду и, кому положено на сто двадцать пять процентов, дополнительную селедочку. Поели. Чувствуется желудок полный, а глаза голодные; дай еще такую же порцию, и с ней любой мушкетер не моргнув разделается. Кто получает четырехсоточки, тем вечером баланды не положено, они получают «причастие» только утром. После торжественной минуты все ложатся в барак; успокоились, перестали шнырять туда-сюда, от печек понесло невыносимым смрадом, угаром, и, словно полуживые, дремлют лесорубы до самой поверки, набираясь калорий на грядущий день. В одиннадцать, а иногда и раньше забегает лагерная свита (275) обслуги, а за ними два надзирателя и оглашают:

— Всем подняться!.. Поверка!..

Бригадники друг друга будят и садятся на краю нар. Надзиратели сносные, не сгоняют с нар, считают на месте. Лишь когда не сходится количество по зоне, тогда всех будят и выстраивают босых на мокрый, невыносимо грязный пол, который никогда не моют. Обувка висит над «сибирячками», а большинство в ремонте.

Самый тяжелый — банный день. В этот день не выдают паек, пока бригадир не принесет справку, что бригада полностью прошла санобработку и дезокамеру. Дождется бригада где-то в двенадцатом часу своей очереди. Здесь существует порядок — «друзья народа» уголовники в первую очередь проходят санобработку, а «враги народа» — в последнюю очередь, да притом бригадир Востриков никаким авторитетом нигде не пользуется, вот и проходит бригада санобработку последней. А утром, как и всегда, звон чугунной рейки без опоздания голосисто возвещает, что нужно еще один денек отбыть срок наказания в невыносимо суровых условиях.

По лагерному звону поднимается невероятный гам и шум, а голова в угарном чаде трещит, как с похмелья. У того портянки пропали, тот валенки не находит, у того что-то пригорело. А бригадиры вновь спешат со своими помощниками получать и раздавать баланду. А разговоров сколько при раздаче: «У меня селедочки кусочек

попался!» — «А у меня только капуста зеленая!» — «Это тебе, чтоб не цинговал!» — «Эх, братцы, еще бы такой шулюмочки ведерочко!» — «А не задрьпал (276) бы ты лес от такой порции?» — «А ты проверь!..»

Даже здоровый и сильный Ахмет умер от дистрофии. То ли работа на лесоповале не пошла, то ли напарник попался слабый, то ли поотбили печенки в столыпинском вагоне, факт тот, что он отдал концы.

(276) От «задріпати» (укр.) — испачкать.

(277) Здесь: вестник. От «луна-ти» (укр.) — звучать.

(278) Анахронизм. Скрытая цитата (неточная) из песни О. Б. Фельцмана на стихи В. Н. Войновича «Комсомольцы 20-го года», написанной в начале 1960-х гг.

Бывает, выдается счастливый денек: еще до побудки вбегает в барак радостный лунатик (277) и громко объявляет: «Ура-а-а!!! Сегодня выходной!.. Ребятки, пурга полыхает за холодными стеклами окон (278)! Ура!!!»

Во время пурги, процедив сквозь зубы баланду, все ложатся одетыми на нары и, словно на иголках, в нервном ожидании тревожно посматривают и прислушиваются к скрипучим дверям, не появится ли нарядчик объявить: «Бригады выводить на развод!» Но время идет, а пурга не унимается. И когда прилично отдохнули в этот лагерный праздник, все вволю отоспались, начала щекотать нос вонь в бараке и пол кажется по колено в грязи. А бывает, с полдня забегает нарядчик и рычит противным голосом:

— Бригадирам бригады выводить и построить у вахты!..

Всех ведут на лесозавод сбивать ящики для снарядов, доски пилить, лес подносить поближе к пилораме, наводить порядок на территории завода.

Здесь, на территории завода, работают военнопленные, трелюют лес к железнодорожному полотну и грузят на платформы. Светлеет на душе. Значит, и наши войска имеют успех, коль пленные есть.

— Братцы!.. Обратите внимание, какие у пленных холки. Значит, их кормят лучше, чем нас?..

— Ох и Свистула! И здесь прогноз поставил, от него ничего не ускользнет! Вероятно, они тоже «друзья народа». Только мы враги! — говорит Царев.

А дни проходят своим чередом. У обездоленных теплится надежда, что скоро разобьют немцев, кончится война, «болтунов» распустят по домам.

Он ненавидел как умел —
Кроме разящего нагана,
Других отличий не имел
В теплушке возле Магадана.
В разбойном посвисте пурги
Он верил — крепче год от года,
Что он — народ, а «те» — враги
народа!

Валерий Краско (281)

Маленький паровоз-«кукушка» с двумя зелеными вагонами допотопного пассажирского типа в полдень остановился у седьмого лагеря Горношории.

В глаза бросилась неочищенная колючая проволока, которая опоясывает лагерь, только средний ряд торчит из-под снега; не чистятся и дорожки в лагере от барака к бараку, так притоптанный снег и лежит. В иных местах снегу навалило почти на уровне крыш барачных, не видно окон и дверей. Там, где живут заключенные, только входные двери, да кое-где окна для света в барак откиданы шурфом.

В зоне загадочно-жуткая тишина, словно вымерли все в этом лагере. Появится изредка какая-то изможденная тень, пробежит от барака к бараку, как-то странно согнувшись вопросительным крючком, даже не взглянет в сторону нового этапа и скроется в снежной норе. Эта-то тень и нагнетает тоскливую тревогу на новенького. Все это напоминает зону мертвецов. Только дым, который клубится над некоторыми бараками, вселяет надежду, что там кто-то есть живой.

Противный ветер все дует и дует в одном направлении, несет обветренный снег, который неприятно хлещет в лицо.

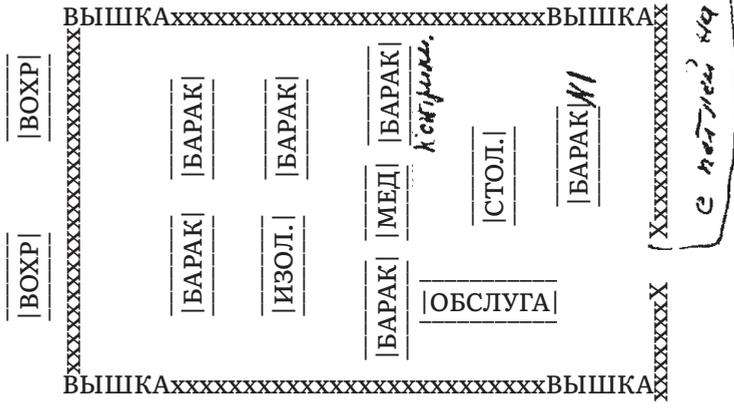
Конвой с вульгарной бранью не спеша принимает пополнение. На вышках звонким перебрякиванием чугунных реек раз за разом перекликаются между собой караульные: «У тебя порядок?.. Бум — динь — бум!!!» — «Да, порядок!.. Бум — динь — бум!!!» — «Не думают бежать каторжане?.. Бум — динь — бум!..» — «Куда им бегать, они ходить не умеют!.. Бум — динь — бум!!!»

1942 ГОД ФЕВРАЛЬ_1942 ГОД МАЙ

(БЕРЁЗОВАЯ РОЩА)

Посёлок ТАШТАГОЛ

На объект работы. На Темиртау, Ахпун.
(ЖЖЖЖЖЖЖЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА БЕЗ СТАНЦИИ ЖЖЖЖЖЖЖЖ)

ЮГ

Посиневшие этапники до предела напряжены, с нетерпением поджидают тепленького местечка. Но напрасные ожидания — лагерные придурки накиннулись на новеньких, как на стадо животных, и загнали палками в холодный, пустой барак.

Поплелись Бакиров и Павлик на разведку в барак, из которого вьется дымок из трубы. Еще в одном бараке дымит труба — у самой пропускбудки, но там живет обслуга лагеря. Друзья догадались по тому, что там очищен барак от снега.

В бараке вошедшим бросились в глаза сплошные двухэтажные пустые нары, только кое-где у стенки лежат маленькие, замусоленные узелки и комочки тряпья. «Это зажиточных лагерников», — с горькой иронией подумал Павлик. Вокруг раскаленной докрасна печки-«сибирячки» сидит восемь освобожденных от работы истощенных. Вошедшие друзья подошли к печке. Те, которые сидели спиной поближе к вошедшим, даже не повернули головы к новичкам, а те, которые за печкой сидят лицом к вошедшим, взглянули мимолетным затуманенным взором и снова потупились в раскаленную печку.

— Здравствуйте, братцы! — говорит Павлик. — Можно погреться после этапной профилактики на вахте?

Все молчат, сидят как заколдованные.

— Ассалам алейкум!.. Вы, что, по-русски не понимаете?

— Ну и светитесь вы, братцы!.. Все косточки видать!..

— Ми-ло-ч-ки-и!.. — чуть приподняв голову, вяло пропищал истощенный. — Не пройдет месяца, как и вы подравняетесь с нами, а некоторые присутствующие даже посетят небесную канцелярию. Вот что это за лагерь!

Не хочется верить друзьям, что это горькая правда. Фитили, мол, дошли и пали духом, видели мы таких «дежурных у печки» и на лесоповале, это не про нас.

В этот день пайки выдали в восьмом лагере, а баланду ни там, ни тут. И, не дожидаясь тружеников с работы, после тревожного этапного дня, после проверки все крепенько уснули.

В пять часов раздался звон чугунной рейки. В этот миг в барак вбежали три лагерных придурка:

— Ну, фашисты!!! Подъем!.. Пулей!!!

(282) Могар — крупа, напоминающая просо.

Плохое питание заключенных в Горной Шории отмечено в докладе ответственного инструктора политотдела ГУЛАГа О. А. Разиной начальнику ГУЛАГа В. Г. Наседкину о работе УИТЛК УНКВД Новосибирской области от 18 декабря 1941 г., где, в частности, говорится: «Почти во всех отделениях имеет место хищение продуктов до закладки их в котел, и в большинстве случаев заключенные не получают того, что им причитается по норме. (...) в результате плохой организации питания усиливается истощение, увеличивается количество пеллагрических и растет смертность» (См.: ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918—1960. Сост.: А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М., 2000. С. 503. Далее — ГУЛАГ. 1918—1960).

(283) Сокращение от «гидра контрреволюции» — презрительная кличка заключенных «контриков».

Кто опоздал подняться или недопонял, «воспитатели» принялись объяснять палками.

Как только получили в черепковые миски утренний рацион питания, сразу почувствовали и зловещую тишину в зоне, и безразличие ко всему доходяг у печки, и душевную тревогу за грядущий день. Наливает повар в миску на просторе вселенной у окошка кухни что-то такое, что даже не похоже ни на баланду, ни на шулюмку, — это светлый, приторный, горький, несоленый, помутневший кипяток. Лишь на самом дне миски, словно в море крохотная рыбешка затерялась, — как лапчатые пушистые снежинки, плавают от души разваренные крупинки могоара (282). Уже видели виды бригадники, но этой горькой водички никто не может выпить, уж такая она противная, словно морская вода, только разница в том, что та хотя бы соленая. Несмотря на холод, который подгоняет бригадников в барак, никто не уходит от кухни. Постепенно пьют глотками, ужасаются и повторяют страшное слово: «Могила!.. Могила, братцы!..» И еще не верят в действительность, чего-то ждут, думают, что над ними кто-то подшутил. А когда холод довел до сознания горькую правду, возвратились в барак и по старой привычке взобрались вновь на нары, переживая чаепитие. Кто изливает свое недовольство, а большинство лежат молча. Долго еще ждать вечерних паечек.

В шесть часов снова брякнула чугунная рейка. И только повторила свое курлыкание по лагерю — в этот же миг как из-под земли появились вновь те три «воспитателя».

— На развод, балбесы, вылетай!..

— Ты смотри!.. Да они мертвый час устроили после сытного и вкусного завтрака, чтоб жирок завязался! — издевается зав. изолятором. — Ну-у-у!.. Гидра (283)!.. Ше-ве-лись!..

— А ну, пни-пенечки, кончились ваши дни-денечки, у кедрухи да пихтухи, костра да солнца... Без последнего вылетай на развод!.. — шумит нарядчик.

На полу после того, как натопили барак, стало мокро и скользко и образовалась грязь, ведь у входа у дверей нет ни веника, ни метелки, чтоб очищать от снега обувь. Поэтому все так и несут в барак снег, который тут не тает. Вот и получается не пол, а настоящий каток.

По этому катку, соскакивая с нар, кто бежит, кто, поскользнувшись, падает, поспешно поднимается и вновь бежит к выходу еще быстрее, чем по тревоге в армии. А блюстители порядка раздольно гуляют в бараке, бегают из одного края барака в иной, «воспитывают» своими увесистыми палками всех, кто под руку попадает.

— А, вот последний!.. Говорили же тебе — «без последнего», а он, подлец, не понимает!..

— Нет, вот последний!.. — врезал комендант Калымову. — Мы вас научим свободу любить, политики вшивые!..

— Шевелись, гансы да фрицы!.. Предупреждали же вас, без последнего!..

У дверей образовалась паническая толкотня, давка — каждый старался избежать ударов, побыстрее выскочить из барака, а блюстители порядка все находят и находят последних, все избивают и избивают бывших лесорубов увесистыми палками. Видели уже жестокий дорожный конвой, но это похлеще.

У пропускбудки ждет тот самый паровоз-«кукушка», что привез новичков сюда. Словно подгоняет, пыхтит своей длинной черной трубой, иногда шипит, выпуская белый, как молоко, клубящийся пар на трескучем горношорском морозе.

Дежурный пропускбудки открыл большие, окутанные колючей проволокой ворота и принялся вызывать по картотеке заключенных. За зоной принимает конвой и собаководы. Пропустив за вахту, остановили и выстроили по пятеркам.

— Бригада Вострикова все тридцать выстроены! — шумит дежурный начкару.

— Разобраться по пяти!.. Первая, два шага вперед!.. А ты куда, пес, напиралась?.. Иванов! Проучи вон ту морду, ряды попутал!..

Иванов с наслаждением ударил Калымова. «Ага, — сообщает Павлик, — нужно всегда в середину становиться, чтоб избежать муштры».

— Кому сказано «по пятеркам проходить»?.. — старается начкар перед начальником лагеря, который стоит в стороне, кочегарит свою трубку. — Вторая!!! Третья!!! Стой, передние!.. Внимание!.. Предупреждаю: руки держать назад, не разговаривать!.. Вперед!.. Стой, передние!..

(284) Неточная цитата из книги В. А. Сухомлинского «Сердце отдаю детям».

(285) Сережкин — начальник Ахпунского отделения УИТЛК УНКВД Новосибирской области.

Ахпун — железнодорожная станция в поселке Темиртау. Прозвище «Трубка-палка» не только указывало на неизменные атрибуты начальника лагеря, но могло и косвенно намекать на всеобщего главного начальника — Сталина, которого в блатной среде именовали Гуталинчик, Ус, Трубка и т. д.

Подровняться по пятеркам!.. Первая, два шага вперед!.. Вторая!.. А ты куда, геббельсовая твоя душонка, шестым залез?.. — и ударил по затылку Колю Махова, а с иной стороны досталось Рузаеву. — Разобраться по пяти!.. Не напирать задним!.. Первая, вторая, третья!.. У-у-у!.. Гидра необученная!

Бригадники стараются, проходят, как на параде, стройно по рядам; все бывшие солдаты и матросы, но не могут угодить привередливому конвою.

— Стой, передние!.. — это слышится от соседней бригады, которую ведут ко второму вагону. И снова в который раз: «Первая!.. Вторая!.. Третья!..»

К вагону полста метров, пока подвели к нему, десятков раз пересчитали. Злоба и ненависть бурлит у подконвойных к своим воспитателям и преподавателям строевой подготовки: «Если человек не узнал, что такое горе, обида, страдание, он будет эгоистом» (Сухомлинский) (284). Чтобы не были эгоистами контрики, над ними продолжают глумиться...

— Стой, передние! — конвоиры явно издеваются над новенькими лагерниками в угоду начальнику лагеря Сережкину по кличке Трубка-палка (285). Этот подонок очень соскучился по «врагам народа», вот он и стоит в стороне, тешится, вспоминая давно прошедшие деньки произвола времен «ежовой рукавицы». — Не напирать!.. По одному в вагон!

В пассажирском вагоне без решеток встречают контриков два конвоира и два собаководы с противными псами. На полках уже давно разместились две бригады уголовников, их не муштруют, они ведь «друзья народа», они только посмеиваются над «врагами народа». Пришлось контрикам на полу приспособливаться. В дальнейшем в этом лагере так и будет всегда: «друзья народа» на полках размещаются, а «враги народа» — на полу. Процедура посадки окончена, собаководы увели своих псов в тамбур, «кукушка» дала свой протяжный сигнал, и колеса вагона застучали по рельсам свою обычную мелодию: «Первая-вторая, первая-вторая, первая-вторая!..» Только вагон тронулся, несколько уголовников принялись обрабатывать новеньких контриков, но бригадники дружно дали отпор раз и навсегда. В дальнейшем это издевательство у пропускбудки будет зависеть от начальника лагеря Сереж-

кина: если он будет присутствовать на разводе, то будут издеваться по заученному сценарию, а если начальника нет, то делают быструю посадку безо всякой муштры.

В семь без опоздания подвезли к месту работы. Зона огорожена деревянным двухметровым забором и с обеих сторон забора натянута колючая проволока, согласно инструкции.

Бригада Вострикова получила задание, и перед бригадниками стоит уже начатая подрытая шестиметровая суглинка возвышенность, которую нужно спланировать. Здесь запланировано построить гидроэлектростанцию (286). Недалеке лежат просто наверху мертвым капиталом глыбы железной руды (287), но без электроэнергии глыбы остаются глыбами.

На работу Павлик и те, кто еще не промотал (288), надели поверх телогреек бушлаты, но сквозь бушлат злющий ветер пронизывает тело, как иголки. Снял портянки — одну разорвал на две и обмотал мало-мальски ноги, а вторую приспособил вместо шарфа на шею, потому что начало выжимать водичку из носа.

Метрах в тридцати от места работы кое-где сверкает голубовато-прозрачным льдом, притаилась замерзшая река Кондома, по ней, как кавалерийская тачанка, врывается из-за этой возвышенности злющий холодный ветер и беспрерывно напоминает о себе: «Я здесь!.. Я здесь!..» Порой утихнет на миг — и с новой силой еще яростнее обрушивается своим невыносимо холодным дыханием, нащупывая себе очередную жертву в рядах полутора сотен заключенных.

С первого же дня появился у всех душераздирающий кашель. Норма — одному накайлить, погрузить и вывезти в отвал, метров за пятьдесят от места работы, двенадцать тачек. Звено мушкетеров по старой привычке рассыпалось по забою, захватив с собой инструмент, принялись усердно долбить, горя величайшим желанием выполнить норму и заработать большую горбушку. А скала мерзлой глины стоит неприступной стеной перед смельчаками, осмелившимися ее видоизменить.

— Ну как, Царев, берет кайло?..

— Да ни черта, отскакивает, как от резины, словно на клею эта проклятая скала!

— А ты попробуй клином!

(286) Очевидно, речь идет о работах по расширению электростанции, построенной в 1939 г. в устье реки Тельбес, впадающей в реку Мундыбаш недалеко от места впадения последней в Кондому. До настоящего времени не сохранилась.

(287) Имеются в виду расположенные поблизости Тельбесское и Одрабашское железорудные месторождения, поставлявшие сырье на Кузнецкий металлургический комбинат.

(288) Промотать — утратить какой-то предмет из вещевого довольствия заключенного — одежду, обувь, постельные принадлежности. Часто заключенные «проматывали» вещи, проигрывая их в карты или обменивая на продукты.

(289) Т. е. застревает.

(290) Балда — кувалда.

(291) Бытовик — заключенный, осужденный на основании не Уголовного кодекса, а разного рода указов и постановлений за хулиганство, мелкие кражи, прогулы и т.п. Отсюда другое название той же категории заключенных — указники. Они считались «социально близкими» для советской власти; в лагерях это сближало бытовиков с представителями преступного мира — блатными — и противопоставляло их «врагам народа», осужденным по политическим статьям.

— Да уже пробовал, не берет и клин, застряет! (289)

— А мне, братцы, повезло! — кичится Бакиров. — Я напал на глыбу гранита, вот, постукиваю балдой (290) и уже третью тачку повезу отмечать!

— Ну, такого везенья еще на час, а дальше что?.. — оба мушкетера устремили на Бакирова вопросительные взгляды.

— Я так понимаю, — говорит Царев, — если уж гранит слабее этой глины, то нам, братцы, запевать здесь!

Только теперь обратили внимание на объект работы: там, у бытовиков (291), взрывают глину, и одна бригада копошится, а остальные лагерники толпятся по несколько человек. Даже те лесорубы, которые получали на лесоповале приличную паечку, не работают.

— Что, мушкетеры, не берет ваша?.. Ха-ха-ха!!! Это вам не кедруха, здесь селедочкой не пахнет! — ехидно подковыривает Свистула. Он первым определил, что это за работа. Он уже успел побывать и у бытовиков на объекте.

В это время из обогривалки, где греются только конвоиры и бригадиры, выскочил Востриков и волком накинулся на бригадников:

— Вы что это митинг здесь устроили?.. Быстро по местам!.. Работать надо, а не ласы точить!..

— А ты покажи, как ее долбить! Ты же и здесь в курсе дела, как на лесоповале! — повышенным голосом напирал Свистула на бригадира. — Здесь на баланде далеко не уедешь! Быстро брюхо спадет! Ха-ха!.. А я там на четырехсоточке ехал всю дорогу, и здесь не пропаду.

— Здесь стройбатовцев нет! Некому по пять раз одни и те же брюки продавать! И вообще, давай, работай и не устраивай саботаж, а то с треском загремишь в кандей. Я быстро начкару сдам! Сколько можно с тобой чикаться?..

Свистула видит, что Востриков не на шутку разошелся, схватил первое попавшееся кайло и принялся стучать им в глину, как в стену горохом.

— Что же, братцы, давайте стараться, — говорит Царев. — Не может быть, чтоб за наш труд да нас не кормили.

Первые дни, выбиваясь из последних сил, «мушкетеры» накайливают и вывозят по три-четыре-пять тачек,

а вся бригада — двадцать-тридцать тачек. Этой кубатуры хватает на две большие пайки. Бригадир за первую трехдневку провел себе девятисоточку, а все бригадники получили четырехсоточки. Получили первые маленькие паечки и подняли такой тарарам, что бригадир убежал из барака и привел в защиту коменданта.

— Что тут за мятеж?.. Вы, что, обратно против Советской власти выступаете?.. А-а-а?.. Довесочки хотите получить? Да вы хотя бы соображаете, что преподнесут за групповое восстание в военное время?.. Саботаж устраиваете?.. А это вы не видели?.. — показал он свою палку.

Но никакие угрозы и никакие палки не в состоянии усмирить и запугать обезумевших голодных заключенных. Комендант, выслушав жалобы бригадников, быстро сообразил, что горлом не возьмешь до безумия озверевших голодранцев, и накинулся на бригадира:

— Не будь подлецом! Не приписывай себе лишнюю общебригадную кубатуру. Получай, согласно порядка, средний от бригады. С завтрашнего дня чтобы отрезал эти лишние пятьсот граммов от своей девятисоточки, разрежь на кусочки и делай добавки бригадникам к пайкам, согласны?.. — обратился он к взбунтовавшейся бригаде.

«Правильно!.. Верно!.. Ура-а!!! Вот это начальник!.. Даешь довесочки!..» И не нашелся в бригаде хотя бы один обездоленный, чтоб сказал: «Братцы, да ведь это же не выход из создавшегося положения!..» — все с воодушевлением кричат: «Ура!!!!»

Потянулись «веселые» деньки на четырехсоточках и никакого приварка. Эту шулюмку, где плавает могоарок, никто не именуется ни баландой, ни шулюмкой, именуя ее «цинготным чайком». От голода, рваной одежды и жгучих горношорских морозов бригада изо дня в день усиленно редеет. Всего несколько дней назад возили на работу в двух вагонах, а сейчас все помещаются в одном.

Пошел Коля Махов к лекпому, которому кличка Рассосётсё, пока очередь подошла, лимит на освобождение от работы кончился (292).

— Чово пришел?..

— Температура у меня!

(292) Имеется в виду лимит использования рабочей силы, согласно которому допускалось освобождение от работы по состоянию здоровья не более 5—6% лагерников.

(293) Фан Фаныч (блат. жарг.) — не имя собственное, а одна из презрительных лагерных кличек «фраеров» — заключенных, не имевших отношения к преступному миру.

(294) В переносном смысле «крупный, сильный человек».

— Ну на, по-ме-рей! — сунул он под мышку термометр. — Ну бу-дя! Бу-дя ме-реть, ящо инстру-мент ло-пне! — и выхватил термометр. — О-о-о! Три-д-цоть де-вять!.. И чо-во ты по-з-дно при-шел?.. У мя-ня ля-ми-ту ня-ма!.. Иди по-ра-бо-тай!.. Рас-сосё-тсё, ра-зо-м-нё-т-сё, так про-й-дет!..

У Фан Фановича (так его величает сам начальник лагеря Сerezкин (293)) от всех болезней одно лекарство — марганцовка, только по-разному разведенная: чирей он смазывал густой марганцовкой, а если открытая рана, то средней мусолит.

— На, по-по-ло-щи-ко го-р-ло ля-ка-р-ством, и пройдет твоя бо-ле-зне, — дал он Коле слабо разведенной водички. — И бя-гом на ра-з-вод, а то опоз-да-ешь, отве-чай тут за вас!..

Бригадники прекрасно понимают, что никакому борову (294) здесь не выработать норму, и отбывают время на объекте работы с утра до поздней ноченьки. В час раздается звонок на обеденный перерыв и поверку. К этому времени кипятят горсть могару и раздают по поллитра этой приторной горячей водички. И никто не отказывается, каждый выпивает, согревая свою внутренность. А мороз постоянно температуру свою держит; ему безразлично, что здесь тощие, полураздетые тени.

Павлик и Бакиров принесли в забой, где лежит Коля Махов, его порцию горячего кипятку. Выпил он и прошептал: «Спасибо, братцы, прощайте, я умираю». В это время прозвучал выстрел. Друзья оставили Колю и побежали посмотреть, что там случилось.

В свободное время «кукушка» затолкала пассажирские зеленые вагоны в зону объекта работы и укатила на Чугунаш, а ворота остались открытыми. Смотрел, смотрел Калымов и решил попытать счастья, невзирая на то, что на вышке дежурит жестокосердный конвоир Свиридов. Лет сорока пяти, шире лба синевато-бордовое лицо и щеки, конопатый, точь в точь как столовая свекла, не очищенная от кожуры, глаза блуждают, как у перепуганного зверька. На заключенных посматривает, как голодный на колбасу. Часто безо всякой причины глумится над подкон-

войными. Калымов тихо, не спеша, словно потерявший сознание, пошел к воротам. Вот уже поравнялся с ними, вот уже вышел за них и, не оглядываясь, поплелся дальше. В это время и грянул хлесткий выстрел, нарушивший тишину объекта. Калымов упал. Пуля прошла его насквозь. Но, что странно, кровь не хлынула из ран, а застыла черными комками и закупорила раны как на груди, так и между лопаток. Заключенные из всех уголков и забоев стремглав рванулись к воротам.

— Назад!!! — целкая затвором, до синевы побавровевший убийца наставил на скопившихся заключенных свою японскую винтовку (295).

— Разойдитесь по местам!.. — рычит выскочивший как угорелый из обогревалки начкар, а за ним и конвоиры, избивая на ходу собравшихся эзков.

Где-то взяли лошадку, положили Калымова на сани, крепко привязали веревкой к саням. «Все равно он отпетый! — беседуют между собой конвоиры. — У него легкие навывлет прострелены, да и кровью сошел». И повезли в сопровождении двух конвоиров. После этого кинулись к Коле Махову, а он мертвый лежит.

Бригадники уже видали виды, уже полбригады похоронили, но Колю все же жаль, каждый бригадник заглядывает в пещеру, где он лежит, и печально отходит в сторону, думая о своей участи точно такой же.

Тает бригада, словно лед по весне, движения стали ленивые и безжизненные. Подошел Павлик к Цареву Ваське, коченеющему от холода, толкнул его, а он зверем смотрит.

— Давай, Вася, погреемся!..

— Да иди ты к черту... не толкайся!

— Да ты же доходишь, давай разомнемся!

— А тебя что, щекочет?..

— Да ну тебя! — обиделся Павлик и направился к Свистуле. — Ну что, Остап Бендер, погреемся?

— Давай, рабочая лошадка! — и принялись друг друга толкать. — Видишь, в углу Алеша-шпион доходит?

— Ему хотя бы не обидно, пожил в роскоши, как обучался в шпионской школе. Хотя бы знает, за что срок дали. Сам рассказывал: в ресторане с девушками гулял, в кино с ними ходил, одним словом, есть что вспомнить. Он ведь еще в Финскую (296) попал в плен.

(295) Вследствие нехватки стрелкового оружия в начале войны части внутренней охраны и войск НКВД были вооружены японскими винтовками для ближнего боя «Арисака», снятыми с вооружения армии и хранившимися на складах со времен Первой мировой войны.

(296) Советско-финская (Зимняя) война продолжалась с 30 ноября 1939-го по 12 марта 1940 г.

(297) Вольняшка — вольно-наемный работник, не заключенный.

(298) Закурить может позволить себе только человек, имеющий собственный табак, а тот, у кого курева нет, обращается к нему с просьбой дать немного покурить.

(299) Пеллагрик — человек, страдающий от пеллагры — тяжелого системного заболевания, вызванного длительным неполноценным питанием с недостатком витаминов и белка.

— Так он же не шпионил, а честно и добросовестно явился в органы НКВД и чистосердечно заявил о себе, а все равно отчиляли на полную катушку. Вот тебе и «чистосердечное признание смягчает наказание».

— Кто ему мог поверить? Сейчас такое время — война. ... Не очень толкай, бугай! Ты же, Петро, не глупый, сам все прекрасно понимаешь... А нас, болтунов, за что? Петро Махорович! Может, у тебя есть закурить?.. Давай дымнем по старой дружеской памяти!..

— Э-э-э... проклятуший лагерь! Сюда не только вольняшки (297) не заглядывают, даже птицы облетают тридевятию дорогой этот лагерь! Ты заметил это или нет?.. Вон, смотри — там, твари, летают, за забором, а сюда ни одна не заглядывает!..

— Тихо! Тихо! Молчок! Салдин подслушивает... Э-эх! — повысил голос Павлик. — Сейчас бы картошечки, той, что в совхозе мы копали да пекли! Помнишь, Петя?.. Давно это было, кажется, век назад!

— Да с солью!

— Я бы и сырую ел!

— Хотя бы закурить или покурить (298), — закругляет разговор Свистула.

Время идет. Похоронили Царева и Бакирова, а Павлик все топает и топает ногами. Уже третье пополнение прибыло из новосибирской и кемеровской тюрем и так же быстро влились в семью изможденных пеллагриков (299), а иные давно в деревянном бушлате. Подходят долгожданные семь часов вечера — съём с работы. Когда заталкивают с утра в зону вагоны, то после съёма загоняют в них бригады, а когда увозит «кукушка» эти проклятые, драгоценные вагоны, то конвой собирает всех в одно место, построит по пятеркам, пересчитает несколько раз, произведется над беззащитными — и оставит в строю. Половина охранников идет в обогревалку, а половина остается караулить ээков. Это еще хуже, чем на объекте работы. Там свободно бегай себе по зоне объекта. А здесь расходиться не разрешают, ведь уже темно, а освещение в зоне очень слабое, вот и дрожат конвоиры, чтоб не убежал какой-нибудь фитиль, и заключенным приходится

дрожать на холоде. А сесть и посидеть так тянет, так тянет, что мочи нет терпеть, но садиться значит подписать себе смертный приговор. А «кукушки» все нет и нет, а морозик вечером все крепче и крепче прижимает; тело до того охлаждается, что уже не реагирует на холод, оно в шоковом состоянии.

Где-то далеко-далеко слышно: «Ку-ку-у!!!» Встрепенется на миг сердечко, пробежит тепло по телу и растает в самих пятках. Появляется надежда, что скоро кончится бесконечная мука на холоде и загонят в вагон, защищенный от противного ветра. Ежедневно из вагонов выносят уснувших навсегда, но все равно с нетерпением зэки ждут этих вагонов, как чего-то дорогого, необходимого. «Кукушка» вновь где-то прогудела. Все напрягают слух, определяя, где же она кукует. А жестокий конвой, погревшись, сменил дежурных, непрерывно противно кричит, не разрешает побегать, погреться.

Не выдержал такого «блаженства» контрик по кличке Архимед, побежал к забору, громко выкрикивая:

— Ку-ку-у-у!!! Ку-ку-у-у!!! И на волю отпускают, а я не хочу!.. Ку-ку-у-у!!! Милая!.. Я на волю не желаю... Ха-ха-ха!!! — и бегаёт вдоль колючей проволоки у самой запретной зоны. Коснется ее руками, а она колет, и опять бегаёт вдоль нее. — Пусть Трубка-палка на воле гуляет, а мне там нечего делать! Ку-ку-у-у!!! Ку-ку-у-у-у!!! Ку...

Первым из охранников зашевелился Свиридов (охотник на кукушек), щелкнул затвором и мигом уложил на вечный покой сошедшего с ума Архимеда.

А «кукушка» где-то ближе: «Ку-ку-у-у-у...» Вновь прилив надежды волной пробегает по телу. Но проходит двадцать-тридцать минут томительного ожидания милого голосочка, эти минуты кажутся вечностью... И вдруг: «Ку-ку-у-у-у!!! Ку-ку-у-у-у!!! Ку-ку-у-у-у!!!» Сердце словно оторвалось там, внутри, как будто кровь перестала поступать к нему. Ветер еще холоднее пробирает все косточки. «Кукушка» все дальше и дальше удаляется, посылая в морозном воздухе во все стороны горношорского простора свое «Ку-ку-у-у!!! Ку-ку-у-у!!!» Отойдет сердце и учащенно запрыгает, словно ему там мало места и оно старается выскочить наружу, на простор горношорского раздолья, вслед за милой «кукушкой». Откуда ей знать о сердцах лишенных свободы заключенных, [и] что здесь, у реки

Кондомы, около полутора сотен эков с нетерпением ждут ее, ждут, как поджидают голодные детишки родную маменьку, которая принесет с базара лакомый гостинец, напоит, и накормит, и уложит спать под колыбельную песенку «баюшки-баю».

Прикатила «кукушка» за горемыками, затолкала в зону вагоны, конвоиры, которые бодрствовали в обогревалке, теперь ватагой окружили эков:

— Подровняться по пятеркам!..

— Здесь один слабак не становится в пятерку!..

Дуба врезал!.. — шумит близстоящий нарушитель строя, страхуя себя от внеочередного тумака.

— Вот тоже заоченелый лежит!

— Тащите их в первый вагон! Да живет, фитили!

К вагону подтащили кое-как, а в вагон поднять нет силы.

— У-у-у... фитили!.. Марш в строй! — командует конвоир.

— Р-р-ра-зо-бра-ться по пятеркам!.. Первая!.. Вторая!.. Третья!..

Заключенным уже безразлично, первая или вторая, они до предела промерзшие, полуатрофированные.

Прошел всего месяц после третьего пополнения — триста человек, и вновь все эки помещаются в одном вагоне, на полки трудно взбираться, да и не в моде они, здесь прижимаются друг к другу и контрики, и уголовники, чтоб чуть-чуть согреться единой массой тел. Никто не обижается на давку и тесноту. Павлик ужасно боится ложиться, чувствует — если он ляжет, то, возможно, навсегда. И он ходит и ходит по вагону, пять шагов туда, пять назад, пять туда, пять назад, мало-мальски обогреваясь, хотя в вагоне тоже холодно. Топает Павлик, повторяя про себя: «Только не сдаться. Сесть значит сдаться. А умирать неохота, не съевши паечку».

Иногда удачно, часиков в восемь привозят с работы, а в лагере не окончена проверка. Выгонят из вагона, «кукушка» пропоет свое прощальное «Ку-ку-у!!!», и снова ожидание у вахты на открытом морозе и хмурым небосводе. В пропускбудке дежурят безграмотные инвалиды —

один хромой, второй косой, один принимает дежурство, второй сдает, то недосчитают, то пересчитают, то не хватает одного, то лишний оказался. Залез однажды освобожденный на чердак барака, прилег у дымохода, а он тепленький-тепленький, пригрел горемыку, и он незаметно уснул крепким сном, убаюканный воспоминаниями о далеком родимом очаге. До часу ночи длилась изнурительная проверка. И зону колючей проволоки тщательно осмотрели — ни признака, ни намека на побег нет, а единицы нет. А заключенные рабочего объекта мерзнут у вахты — их не пускают в зону. Уже больше десятка не дождались паечки и тепла — заоченели. Но кому какое дело, что они представились. Конвой отвечает за количество. Если это побег, тогда им не будет покоя, пока не разыщут беглеца. А что замерзли — еще лучше, на несколько контриков или уголовников меньше станет; их полтора миллиона в великой стране Советов развелось.

Наконец нашли виновника; как водится в таких случаях, избili его, вновь повторили проверку — и лишь после этого впустили в зону тех, кто еще тепленький.

Хищнее зверей ворвались в зону уголовники, и все пережитое страдание за зоной и злобу, и ненависть к конвою излили на виновника мучительного ожидания. Его вытащили из барака и убили.

Наступила весна. Из-за густых облаков часто стало прорываться ласковое солнышко. Погреет чуть-чуть и снова прячется за противные, надоедливые многоэтажные тучи. Снег постепенно влагой напитался, во впадинах лужи появились, то засверкают, как зеркало, под лучами милого солнца, то наводят озноб, отражая в себе серые, противные тучи. Конвоирам уже надоело гонять бригадников, чтобы шевелились, а зэки приспособились: появится конвоир поблизости — копошатся, скрылся в обогревалку — и лагерники замерли, сберегая калории.

Лагерники так истощены, что уже в вагон без помощи конвоиров не в силах подняться по ступенькам — дунь на любого бригадника, и он упадет. Конвоиры, помогая вскарабкиваться на ступеньки вагона, сопровождают резкими толчками в спину, бранью и пошлыми анекдотами.

(300) Лекальщик — высококвалифицированный рабочий-станочник, специалист по тонкой и точной обработке изделия.

(301) Левша — герой повести Н. С. Лескова «Сказ о тульском косом Левше и о стальной блохе (Цеховая легенда)». В переносном смысле «народный умелец, мастер-виртуоз».

От повседневной мокроты у Павлика назрели пять огромных фурункулов на правой ноге, где примороженный на лесоповале большой палец непрерывно гниет, в нем уже отгнила и отпала косточка первого сустава.

Распухла нога и в валенок не влезает. Освободил Рассосётсё на один день, а на второй выгнал из своей конуры, которая стоит посреди лагерной зоны:

— Чо-во это тя-бе, на ку-рор-те отдо-хать?.. Иди по-ро-бо-тай, рас-со-сё-тсё, ра-зо-мнё-тсё, так пройдет!..

А Павлик не может нормально на ногу встать, только на пятку с трудом опирается, и остался в зоне лагеря. После развода раздался по лагерю звон, извещающий об утренней поверке. Комендант и его сателлиты собрали всех поближе к вахте в холодный, пустой барак. В лагере дневальных и старост бараков нет, отапливают и дежурят освобожденные по болезни бригадники, а больной-то весь лагерь дистрофией. В бараке сплошная пустота, сторожить абсолютно нечего.

У начальника лагеря Сережкина — драгоценная трубка с вычурной, страшной и противной физиономией, похожей на черта-кривляку. Если ночью приснится эта образина, то, проснувшись, уж до утра не уснешь, все будет перед глазами эта противная морда. И знаменитая палка — кто ее только не пробовал из заключенных этого лагеря смерти... На этой палке — тысяча сучков, и все до блеска изящно отполированы. Сколько заключенных лекальщиков (300) и иных ювелиров и умельцев наподобие русского Левши Лескова (301) пролили пот над этой палкой в тридцать седьмом и в тридцать восьмом годах, вручную шлифуя и полируя, доводя каждый сучок до такого блеска, что самого Трубку видать в любом сучке. Она кофейного цвета, из какого она дерева, никто не поймет, но такая крепкая и так пристает к телу и костям зэков, ну просто как родная. Тысячи лишенных свободы перещелкала эта палка за свои пять лет существования, и еще как новая.

Начальник со своим неразлучным инструментом — трубкой и палкой — вошел в барак, а за ним его свита:

дежурный вахтер с картотекой, Рассосётсё и блюстители лагерного порядка. Выстроили всех собранных в одну шеренгу вдоль нар; больной ты или не больной — стой и жди указаний Трубки-палки. Нарядчик вычитал по списку освобожденных по болезни, и их отпустили по баракам. Отказчиков набралось сорок три человека — это сорок процентов личного состава лагеря (302). Как всемогущий бог среди своих святых ангелов, так и Трубка-палка среди своих подхалимов приступил опрашивать отказчиков, почему не вышли на работу. Каждый находит причину: у того то болит, а у того это. Начальник дает команду: «Проверьте, Фан Фанович!» Рассосётсё безо всякой проверки ставит диагноз, к великому наслаждению и радости Трубки-палки: «Может работать!..», и тощего отправляют в шеренгу на другую сторону нар для довода (303) на работу. Подошла очередь и Павлику.

— Почему не вышел на работу?.. — спрашивает Трубка-палка.

— У меня на ноге чирей. Нога распухла и в валенок не влазит!

— Айя-я-я-я!!! Как тебе не стыдно?.. Из-за какого-то прыщика на работу не вышел?.. Айя-я-я-я!!! В чулке не мог сходить день-два?.. Пришел же сюда, не умер?.. Айя-я-я-я!.. Из-за такой мелочи на работу не пошел?.. Марш доводом!.. — и грубо толкнул в шеренгу тощих. — Иди, иди, не оглядывайся! Не морочь мне голову своим прыщиком!!! По-работай!!! Рас-со-сё-тсё, ра-зо-мнё-тсё, так пройдет!.. — добавил Фан Фанович.

Трубка-палка никого не освободил. Нескольких тощих, до предела изможденных карцерной трехсоточкой, уже знакомых Трубке-палке как злостные отказчики, он для устрашения огрел своей знаменитой дубинкой. Окружили всех, чтобы не разбежались по зоне, и погнали к воротам вахты.

— Иванов Павел Иванович! — раздался голос вахтера. Заключенный обязан ответить статью, срок, но вместо этого он подумал: «Куда я в чулках с больной ногой?» и упал на снег.

— Не пойду!.. Не пойду!.. Убивайте на месте!.. Довольно издеваться!..

Подбежал упитанный комендант, схватил, как пушинку, лежащего за воротник телогрейки у затылка и

(302) Воспоминания Овчаренко о тяжелейшем положении заключенных подтверждаются документально. В упомянутом выше докладе ответственного инструктора политотдела ГУЛАГа О. А. Разиной констатируется, что в ноябре 1941 г. в Ахпунском лаготделении количество заключенных группы «А», т. е. здоровых, годных к любой работе, составляло только 31,5% от общей численности. При этом Ахпунское отделение отличалось и чрезвычайно высокой смертностью — до 4,4% в ноябре 1941 г. «По Ахпуну в настоящее время из списочного состава заключенных — 4723 человека — трудоспособных только 1641 человек, из коих 145 человек зачислены в слабосильную команду, 1500 человек по своему тяжелому физическому состоянию находятся под угрозой смерти», — говорится в докладе (См.: ГУЛАГ. 1918—1960. С. 501).

(303) Довод — принудительный вывод на работу под конвоем заключенных, не явившихся на общий развод.

(304) Пират (блат. жарг.) — опер, милиционер.

(305) Отсылка к известной народной песне «Дубинушка», описывающей тяжкий труд бурлаков.

поташил, словно санки, по влажному снегу. Павлик, зажатый воротником, задыхаясь, посинел. Комендант вытащил за ворота вахты и бросил в конце строя довода в лужу.

— Каждая тень будет тут вытряхиваться!..

Пропитавшись изрядно холодной талой водой, Павлик пришел в себя, отдышался. В последнем яростном усилии подхватился и ястребом набросился на близстоящего нарядчика. Нежданно-негаданно вцепился ему в лицо своими острыми когтями и процарапал сверху донизу, словно пропахал. Нарядчик схватился за лицо, залитое кровью, и завыл от боли сумасшедшим воем.

— У-у-у-у... осколок фрица!..

В этот миг комендант одним ударом сбил Иванова с ног в лужу, и вместе с начальником лагеря принялись безо всякого чувства жалости, как скотину, избивать свою беззащитную жертву. Комендант носками, а начальник — своей любимой палкой. Подхватился избиваемый и в последнем усилии кинулся на конвоира со звериным выражением лица:

— Стреляй, гад!.. Стреляй, пират (304)!.. Я уже нажился!..

Конвоир сноровисто повернул винтовку и ударил Павлика прикладом. Штрафник упал по инерции удара, как пушинка снега, которые кругом падают и сразу тают.

— Поживи еще, тень! — шумит громко конвоир, чтобы начальник оценил его усердие.

И беззащитный в дикой злобе зарыдал горькими слезами. Трубка-палка дал команду:

— Давай сюда лошадку!

Она запряжена в сани и стоит в стороне, управляемая стариком возчиком-конвоиром.

«Ага... хотя бы не пешему идти, повезут!» — сообщает лежащий Павлик.

Подъехал на санях конвоир.

— Разворачивай задом к нему! — распорядился Трубка-палка.

Хотя все отказчики — уголовники атрофированные, заморенные и их ничем не удивишь, но все же наблюдают с удивлением, что это за номер выбрасывает контрик. Что же будет дальше? Когда же его прикончат? Контрики ведь редко попадают в изолятор, они покорно влачат свою лямку: «Эх, ухнем!.. Тянем — потянем!..» (305)

Конвоир повернул сани к лежащему, привязал веревку к саням, завязал петлю на конце, и к великому огорчению штрафника, надел ему на шею (306).

— Трогай!.. — распорядился Трубка-палка.

Павлик тревожно наблюдает: уже кончили впереди считать, уже команда «Вперед!» прозвучала... Павлик лежит с веревкой на шее, уже задние зашевелились.

— Ну-у... ты!.. Что ты как баба с солеными огурцами на базаре!.. — шумит Трубка-палка на конвоира старика с вожжами в руках. — Говорят тебе, трогай!..

И ударил лошадь своей знаменитой палкой.

— Но-о-о!.. — хлестнул конвоир лошадь кнутом.

Лошадь старая-старая, она не очень-то реагирует на удары, но постепенно двинулась за колонной отказчиков.

«Сейчас смерть!» — веревка поползла змейкой по талому снегу, смахивающему на жидкую кашу. «Сейчас затянется петля на шее — и до свиданья, мама». Как вспомнил о маме, откуда и сила взялась у смертника, приговоренного самосудом [к казни] через повешение, — шустро подхватился и похромал в ватных чулках за санками, горько-горько рыдая.

А Трубкина свита торжествует, улюлюкает, издевается.

— Смотри — герой!.. Лезет на штык!.. Кричит: «Стреляйте!»

— А посмотри, как он петли боится!

— Шустро зашагал, контра недобитая!.. — горланит вслед Трубка-палка, активно поддерживаемый своими верными подхалимами.

Беспорывно подталкиваемый прикладом винтовки, с петлей на шее, не давая себе отчета, потеряв самообладание, горько причитает Павлик, плетясь по окраине гражданского поселка Таштагол (307): «Пираты, вампиры, укротители, опричники, гады ползучие, фараоны (308), козлы бородатые — стреляйте!.. Я уже готов!» Но конвоир попался добрый, он видел своими глазами, как издевались самосудчики, и не пожелал расправляться с доведенным до самого крайнего предела, хотя Трубка-палка и махнул рукой: «Ты его по дороге того...»

(306) Волочение лошадей или санями как метод показательной расправы с «отказчиком» было известно по всему ГУЛАГу. Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ» приводит несколько таких случаев (См.: Т. 2. Ч. 3. Гл. 2, 4, 16 и Т. 3. Ч. 5. Гл. 3). Подобная экзекуция обычно заканчивалась смертью жертвы.

(307) Таштагол — поселок (с 1963 г. — город), административный центр Горной Шории. В июне 1941 г. был введен в эксплуатацию Таштагольский рудник, поставлявший высококачественную железную руду на Кузнецкий металлургический комбинат.

(308) Фараон (блат. жарг.) — старинная кличка полицейских. Также употреблялось в значении «злодей» по аналогии с библейским фараоном, беспощадно преследовавшим евреев.

Прошли поселок, отказчик чуть-чуть успокоился, только горько-горько всхлипывает, ступая на пятку и ощущая боль в боку.

За поселком загнали отказчиков в березняк и заставили готовить метелки. Но какая с отказчиков работа? Беспредельно слабые, инструмента никакого нет, завязок тоже нет. На березу никто не в силах вскарабкаться. Некоторые начали грызть березу — мол, в ней есть питательный сок. Павлик палец о палец не ударил, все топает на одной ноге и пятке. Протопал себе в талом снегу кольцом дорожку. Весь мокрый, а снег беспрерывно идет и тает, идет и тает.

Но недаром гласит русская пословица: «Голь на выдумки хитра». Нашлись изобретатели и конструкторы между доходяг, выломали ветку с крючком, зацепляют оравой тонкую березу, нагибают ее, а остальные потрошат ее с шумом и визгом диких победителей.

В четырнадцать часов конвоиры принялись совещаться между собой: вести отказчиков на обед или повезет один из них метелки (их уже полные сани заготовлено) и привезет обед конвоирам. Договорились вести в лагерь — пообедать, переодеться, отдохнуть в теплом помещении, ведь конвоиры тоже люди. «А потом снова приведем рекордистов заготавливать метелки», — решили они.

У пропускбудки отказчиков встретили лагерные придурки — нарядчик, обмазанный марганцовкой, комендант и зав. изолятором.

— Не впускать их в зону лагеря! Они разбегутся!..

— Пусть за зоной ждут конвоя!..

Всех оставили у ворот вахты под надзором часовых с вышек и вахтера из пропускбудки. Все отказчики полны желания совершить побег в зону лагеря, в теплый барак. А снег идет и тает, идет и тает...

— Эх, братцы... сейчас бы приторной, горячей шулюмочки, червячка заморить! — подал голос мокрый, полуживой бытовик.

— Да ей заморишь, держи карман шире!

— Ну не заморить, так погреться!

Конвоиры пообедали, переоделись в сухое, прилично отдохнули часика два и вышли вести отказчиков обратно на метелки.

— Подъем!!! — уверенно командует старший конвоир, спокойно ковываясь в зубах спичкой.

Никто не поднимается, словно сговорились.

— Мы не обедали!

— Нас еще не кормили!

— Какой вам обед?.. Саботажники!.. Встать немедленно!..

Но никто не шевельнулся с места. Конвоиры защелкали затворами, начали стрелять по верх сидящих, разрядили по обойме патронов, пули так и жужжат над головами, но все словно крепко пристали к мокрому снегу.

Вдоль обрыва, по-над пропастью, по самому по краю
Я коней своих нагайкою стегаю, погоняю...
Что-то воздуха мне мало — ветер пью, туман глотаю, —
Чую с гибельным восторгом: пропадаю, пропадаю!

Чуть помедленнее кони, чуть помедленнее!
Вы тугую не слушайте плеть!
Но что-то кони мне попались привередливые —
И дожить не успел, и допеть не успеть.

Я коней напою,
Я куплет допою —
Хоть мгновенье еще постою
На краю...

Сгину я — меня пушинкой ураган сметет с ладони,
И в санях меня галопом повлекут по снегу утром, —
Вы на шаг неторопливый перейдите, мои кони,
Хоть немного, но продлите путь к последнему приюту!

Чуть помедленнее кони, чуть помедленнее!
Не указчики вам кнут и плеть!
Но что-то кони мне попались привередливые —
И дожить не успел, и допеть не успеть.

Я коней напою,
Я куплет допою
Хоть мгновенье еще постою —
На краю...

(309) В авторской книге Овчаренко, хранящейся в фондах Сахаровского центра, текст песни В. С. Высоцкого «Кони привередливые» (1972), напечатанный с помощью зеленой копирки на отдельном нумерованном листе, вклеен между страницами 128 и 129. Вклиниваясь в авторский текст, он создает дополнительный эмоциональный фон для описываемого эпизода.

Мы успели: в гости к богу не бывает опозданий, —
 Что ж там ангелы поют такими злыми голосами?!
 Или это колокольчик весь зашелся от рыданий,
 Или я кричу коням, чтоб не несли так быстро сани?!

Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!
 Умоляю вас вскачь не лететь!
 Но что-то кони мне попались привередливые...
 Коль дожить не успел, так хотя бы — допеть.

Я коней напою,
 Я куплет допою —
 Хоть немного еще постою —
 На краю...

Уважаемый читатель, обратите внимание, как будто бы Владимир Высоцкий для Павлика написал эту песню.

П. Г. Овчаренко (309)

— Мы голодные! — подает голос один.

— Зачем нас сюда вели? Мы калории тратили на переход из березняка сюда, теперь восстановите нам эти калории шулюмкой!

— Мы вкалывали, а нас за это не кормят, вон сколько метелок заготовили, хватит на год Трубке двор подметать!

— Не только двор, и в избе! Ха-ха-ха!!! — кисло смеется «тень».

— Дайте нам хотя горячей воды! — требует бывалый в переплетах уголовник.

На эхо выстрелов прибежали лагерные придурки, и Трубка-палка приплелся, держа в левой, сердитой стороне рта раскочегаренную трубку. Не раздумывая, пошел в психическую атаку, врезавшись в массу сидячих отказчиков, принялся воспитывать и переубеждать своей сучковатой палкой. Бьет одного, тот покорно поднимается. Трубка к соседу — а первый снова падает на место. Дубасил, дубасил, но видит, что никакие палки не в силах ожить этих заморенных живых трупов, и дал команду:

— Держать всех отказчиков у вахты, пока не привезут с объекта работы тружеников, потом всех в кандей отправить! — и ушел, пыхтя, как паровозом, своей трубкой.

Мучительно долго тянется время ожидания: когда же отведут в защищенное сухое место — изолятор? Какое это счастье — сидеть в изоляторе, но и туда не пускают.

— Начальник!.. — обратился к вахтеру сидящий поближе. — Дай покурить! Что-то сообщу по секрету!

— С Трубкой покуришь! — смеется дежурный. — Ну на, рассказывай, что там у тебя за секрет?..

— Да здесь один слабак не выдержал полит-массовой информации Трубки-палки, дуба врезал!

Дежурный ударил один разок в чугунную рейку, и на вахту явились придурки.

— Здесь один дошел. Заберите в первый барак!

— Замерзаю!.. — вопит тощий.

— А вот еще один не шевелится!

— Вот змей, он же мне паечку проиграл, так, тварь неумытая, заигранным (310) и представился.

«Ку-ку-у-у!!!» — сигналил машинист отказчикам, пуская пар, как ватные тучи. Это промчалась за лагерниками «кукушка». А снег идет и тает, идет и тает.

— Пускай в зону!.. — вопит сосед Павлика. — А ты что это, контра, я замечаю, не голосуешь?..

— Репетуй (311), если тебе охота горло драть! Это ведь бесполезно. Сам Трубка приказал держать всех у вахты, пока посинеем. Что, дежурный против начальника пойдет, что ли?..

— Ну начитанный кашалот (312)! Ты у меня сегодня паечку схавашь в кандее...

Павлику мороз все тело прошил. Еще когда заходил он в камеру тюрьмы, то опасался такого произвола. А теперь... «Чем черт ни шутит? — думает Павлик. — Уголовники дружные, накинутся — и будь здоров. Изолятор для них что дом родной, они из него не вылазят, надо немедленно бороться за свою пайку».

— А чего это я не съем свою кровную паечку? Не ты ли, тень, мечтаешь отнять ее у меня? Ты же в гроб смотришь!..

Уголовник с яростью набросился на контрика, и сцепились сидя, царапая друг друга, так как нанести удар ни у одного из забияк нет силы.

— Что там за драка?.. — кричит дежурный вахтер. — Вот я вас в изолятор отправлю, там и деритесь!

(310) Заигранный (блат. жарг.) — полностью проигравшийся человек, неспособный оплатить карточный долг.

(311) Репетуй (морской термин) — повторять.

(312) Кашалот (блат. жарг.) — презрительная кличка прожорливого человека, ничтожества.

(313) Ставить на выстойку — пытка, применявшаяся на следствии и в лагерях. Человека заставляли подолгу, иногда до нескольких суток, стоять без движения и без сна. Иногда жертву при этом избивали. В лагерях человек, выставленный на улице, летом страдал от солнца и насекомых, зимой — от мороза.

(314) Ахпунское лаготделение относилось к числу так называемых контрагентских, т. е. предоставляло рабочую силу на объекты сторонних подрядчиков. «Сплошь и рядом на работу выводят людей, которые по своему физическому состоянию или совершенно не могут работать, или могут быть использованы на более легком труде, в результате это часто кончается смертельным исходом», — отмечала проверяющая О. А. Разина (ГУЛАГ. 1918—1960. С. 504).

(315) Согласно официальной справке о смертности в системе ГУЛАГа за период 1930—1956 гг., число умерших заключенных составляло: в 1941 г. — 115 484 человека, в 1942-м — 352 560 человек, в 1943-м — 267 826 человек, что составляло соответственно 6,1%, 24,9% и 22,4% спящего состава заключенных (см.: ГУЛАГ. 1918—1960. С. 441).

«И меня!.. И меня!.. Начальник, и меня!..» — зашумели все отказчики.

— Ну-ну-у!.. Под вышку поставлю на выстойку (313)!.. — мигом исправился дежурный. — Там быстро опохмелитесь!.. Я вам не Трубка!

Пока привезли с работы бригадников, еще двоих оттащили в первый барак. Только в десятом часу отвели всех штрафников в изолятор под усиленным наблюдением конвоиров и «придурков».

В седьмом лагере свои законы: сидишь в изоляторе — получай грехсоточку, выходишь в бригаду — получай ту паечку, какую выписал бригадир за присутствие в бригаде. На трассе никто не вырабатывает и пяти процентов нормы. Но это начальника не тревожит, лагерь получает с производства, то есть с подрядчика, за количество присутствующих на объекте работы (314). А на производстве платят и молчат, с НКВД шутки плохие, юридически права не покачаешь.

По статистике, в 1941 году 100 тысяч умерло в лагерях, в 1942-м — 248 тысяч, в 1943 году — 166 тысяч. Но автор этих строк считает, что это далеко заниженные цифры. Если в 1941 году было полтора миллиона заключенных, в 1942 году — 1400 тысяч, в 1943 году — 983 тысячи (315), то половина из них умерли от истощения, разутости-раздетости и одиннадцатичасового рабочего дня.

Мокрые, полуживые прижались друг к другу, согревая свои тела в ожидании следующей муштры. А у Павлика ни товарищей, ни друзей среди этого сброда. Да он и не стремится к сближению с этой шантрапой уголовников.

В коридоре изолятора, где помещается зав. изолятором со своим дневальным, топится печка-«сибирячка», но теплый воздух попадает в камеру изолятора только через крохотное окошко, которое расположено у самого потолка. Под окошком в изоляторе стоит параша, накрытая крышкой из двух половинок; она совсем пустая.

А душок из коридора теплый-теплый просачивается, лаская обессиленные тела. Когда все улеглись, Павлик с трудом вскарабкался на парашу и встал у окна. Так и продремал стоя всю ночь на параше. После и сам не мог точно вспомнить: то ли он думу думал о своей обездоленной доле, то ли ему снилось, что он собственную ска-терть-самобранку имел и кушал очень вкусные пирожки с мясной начинкой. Утром, когда ворвались блюстители порядка с воспитательными палками, он чуть не загремел в парашу. Какое бы счастье сейчас остаться в изоляторе и ожидать своей кончины в уютном тепле, но нет, придурки не позволяют, бьют больно палками.

— А ну, шпана, без последнего на развод!..

— По бригадам, шантрапа!..

Два отказчика не подчиняются грозным крикам придурков, продолжают спокойно лежать.

— А вы что восьмерку гнете (316)?.. — накинута зав. изолятором на лежащих и огрел одного из них палкой.

— Они дуба врезали! — вынес диагноз комендант.

— Эй, вы, стойте!.. Захватите трупы в первый барак.

Павлик выбежал в зону и быстро к лекпому прихромал. Рассосётсё даже взглянуть не соизволил:

— У мя-ня ля-ми-ту ня-ма на утро! Иди по-ра-бо-тай...

«Что делать? — рассуждает Павлик. — Если и сегодня по-вчерашнему, то не сегодня, так завтра унесут и меня так же, как выносят тех уснувших навсегда. Надо идти на объект работы». И похромал к пропускбудке, пристроился в хвост выстроенной на развод бригаде. Все бригадники стоят хмурые, угрюмые, ко всему безразличные. Никто, даже лучший друг Свистула, не интересуется, где был, что делал. А проклятый лапчатый снег, как вчера, идет и тает, идет и тает, до предела насыщая мраком безотрадные души подневольных.

На объекте работы по-прежнему на вышке сидит жестокосердный охранник Свиридов. Он еще с тридцать седьмого года неразлучный с начальником лагеря Трубкой-палкой, он любимчик и сообщник этого деспота. И сегодня ему очень скучно сидеть на вышке без приключе-

(316) Гнуть восьмерку (блат. жарг.) — изображать больного, симулировать.

(317) Выдача местными жителями беглых заключенных представляла собой обычную практику в местах расположения лагерей. Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ» пишет об этом: «Враждебность окружного населения, подпитываемая властями, стала главной помехой побегам. Власти не скупилась награждать поимщиков (это к тому же было и политическим воспитанием). И народности, населявшие места вокруг ГУЛАГа, постепенно привыкали, что поймать беглеца — это праздник, обогащение, это как добрая охота или как найти небольшой самородок. Тунгусам, комякам, казахам платили мукой, чаем, а где ближе к жилой густоте, заволжским жителям около Буреполомского и Унженского лагерей, платили за каждого пойманного по два пуда муки, по восемь метров мануфактуры и по несколько килограммов селедки. В военные годы селедку иначе было и не достать, и местные жители так и прозвали беглецов «селедками». В деревне Шерстки, например, при появлении всякого незнакомого человека ребятишки дружно бежали: „Мама! Селедка идет!“» (Т. 1. Ч. 3. Гл. 14).

ний, никто даже намека не подает на побег — куда таким теньям бегать? Каждый еле-еле ноги волочит. Да и окрестные жители, шорцы, быстро ловят и сдают за вознаграждение (317). Грустит Свиридов, покуривая самосад, и вдруг его голову осенила идея — бросил он изрядный окурочок метра за три-четыре от себя, между высоким деревянным забором и рядом колючей запретной проволоки со стороны рабочей зоны. Проворный Ваня-уголовник заметил догорающий окурочок — он, сизенький, лежит и безбожно догорает, а дымок так и вьется спиралькой ввысь. И так хочется Ване душу отвести, хотя бы разок потянуть сизого дымку... Да не только Ване, многим хочется и многие уже наблюдают за этим догорающим окурочком, но боятся этого «динозавра» на вышке. Забыл Ваня о злом людоеде и о смертельной опасности, как заколдованный заяц, лезет и лезет прямо в пасть полосатого удава. Сидя подползает и подползает тем местом, где были когда-то ягодицы, а теперь остались одни мослаки. Посмотрит на Свиридова — тот отвернулся в другую сторону, о чем-то сладко мечтает. А Ваня все ближе и ближе пододвигается к запретной зоне. Свиридов давно наставил туда винтовку и поджидает удобного момента, как бывалый охотник с нетерпением поджидает зверька. Долго сидел Ваня в нерешительности у самой проволоки, посматривая с ласковой улыбкой то на Свиридова, то на вьющийся сизый дымок окурка, а он, как назло, безбожно догорает. И не выдержал соблазна Ваня, мигом потянул руки за колючую проволоку, но не успел дотянуться к окурку, как опытный стрелок нажал на спусковой крючок винтовки. Прозвучал выстрел, и Ваня даже не шелохнулся — лежит мертвый с рукой, протянутой за запретную зону. За проявленную бдительность, что на месте преступления часовой убил нарушителя при попытке к побегу, Трубка-палка Свиридову на разводе перед строем объявил благодарность.

Как только привезли с работы, Павлик, не дожидаясь паечки, похромал в очередь к Рассосётсё. Зашел в его кабинет и плюхнулся в последнем усилии на деревянный диван так, что одежда, напитанная влагой, пустила сок, и с дивана побежали грязные ручейки.

— Чо-во во-сьме-рку гнешь?.. — ехидно спрашивает медицинское светило. — Сю-да бе-жал, как рысь про-ка-жен-ная, а тя-пе-ри-чо тя-мнишь?.. Сня-май свой чулок, чо-во там у тебястряслось?..

Павлик пытается снять чулок, но он мокрый, плотно въелся в опухшую ногу, и Рассосётсё разрезал этот чулок ножом по шву и штанину по колено. Ногу разнесло, она посинела, как вареный куриный пуп, и блестит, как надутый синий пузырь, а на пухлом пузыре — отражение ватных брюк и чулка бордовыми разнообразными полосками.

— На завтра осво-бо-ждаю то-бя!.. Кто там яще? Зо-хо-ди!.. А ты чо-во рас-се-лся, как на ба-за-ре? Иди в ко-ри-дор там и оде-вай свой чу-лок!..

Но Павлик не может с места сдвинуться. «О-о-о... горе! Еще скажет, притворяюсь!..» И, сжав зубы, сидит, не проронив ни слова, а глаза уперлись в одну точку и застыли как у хищного зверя: «До чего же ты дошел, морячок? О-о-о... если бы была у меня сила, я живьем бы съел этого Рассосётсё». Фан Фанович поймал во взгляде своего незваного пациента что-то роковое, страшное, он своими глазами видел, как этот псих набросился на разводе на нарядчика. И хотя с этим слабеньким легко можно справиться, если он попытается наброситься на упитанного Рассосётсё, но у страха глаза большие, он своими руками смазывал нарядчика марганцовкой — и он испугался, ему стало страшно. Он быстро подхватился, открыл дверцу своей конурки в тесный коридорчик, где собралась очередь, и поспешно объявил:

— К-к-кто т-т-тут есть с яго б-бри-га-ды?..

— Я!!! — шустро, обгоняя своих бригадников, подскочил Салдин.

— Я то-бе осво-бо-жде-ние за-пя-шу, отвя-ди больно-го в барак! Как твое фа-ми-лие?..

В бараке Салдин посадил больного на свое место, он снял второй чулок с ноги, снял с левой ноги мокрые брюки, а с правой ноги хоть разрежай — не проходит штанина через раздутую ногу, а разрезать, [так] ни иголки, ни нитки потом не достанешь сшить. Проглотил четырехсоточку и баланду, которую принес ему друг Свистула. У Павлика не только нога болит, но и левый бок ноет так, что ни кашлянуть, ни дыхнуть, а кашель беспрерывно

(318) ВОХРовцы — охранники, военнослужащие Войск внутренней охраны Республики.

(319) Жучок (блат. жарг.) — здесь: блатной или прибрлатненный, имеющий повадки блатного.

(320) От укр. «глаголіти» — говорить.

мучает, но адская усталость последних двух суток заглушила боль и голод, и больной с одной мокрой штаниной на ноге крепко-крепко уснул.

Разбудил его удар палкой по больной ноге. Даже звезды заискрились от этой боли. Это придурки без последнего выгоняют бригады на развод.

— Ай-й-й!!! У-у-у-у!!! — завыл от невыносимой боли освобожденный.

— А-а-а-а... Гидра прокаженная!.. Это ты?.. — злорадствует поцарапанный нарядчик.

— Брось его! — вмешался комендант. — С ним противно связываться. Он и сам сдохнет. Видишь, у него гангрена. Еще заразишься от него!

И, к счастью Павлика, придурки удалились в другие бараки — щекотать своим воспитательным инструментом фитилей.

В этот же день из кемеровской тюрьмы привезли сто человек пополнения. Обслуге и ВОХРовцам (318) работы хватает: нужно распределить уголовников к бытовикам, а контриков — в политические бараки. Это распределение новеньких, возможно, и спасло Павлика от самосуда придурков за нарядчика, а возможно, в самом деле испугались, чтоб не заразиться от такого сомнительного больного, ведь на него даже смотреть противно.

Из новеньких, по-жигански одетый, походкой трехлетнего рысака, насвистывая, вошел в барак «жучок» (319).

— Что, фитили, догораете? — с блатным гонором обратился он к освобожденным, так же облепившим печку, как когда-то давным-давно, месяца два назад, [когда] заходили на разведку в иной барак два друга.

— А куда ты денешься? — отвечает шустрый Салдин, беспрерывно шмыгая носом. — Тоже здесь дуба врежешь!

— Фу-у-у-у-ты-ы-ы ну-ты-ы-ы!.. Я-то?.. Да у меня сроку полгода!.. Да я и на параше этот срок отсижу!.. Ха-ха-ха-ха!!!

— Не один так глаголил (320), — отвечает тот же Салдин, любитель почесать язык. — Только здесь на параше не разрешают отсиживаться, а гоняют доводом на

работу. Вон, видишь, лежит на нарах, доходит? Так ему два дня назад петлю на шею надевали и провели по Таштаголу за то, что не хотел доводом идти. Как проведут придурки политбеседу на тему «сколько у тебя ребер?», сам будешь бежать без оглядки на вахту, в законе ты или не в законе. Завтра, миленький, по звону чугунной рейки увидишь лагерных придурков с культурно-воспитательным инструментом в руках, и, если не дурак, сам все поймешь!

(321) Вариант «жалостливой» народной песни «Позабыт, позаброшен».

Прошел жучок по бараку из угла в угол, оценил нищету обитателей. Посмотрел на выставленную ногу Павлика, с сомнением свистнул, с веселого насвистывания перешел на похоронную мелодию в адрес павликовой ноги:

Ой, умру я, умру я,
Похоронят меня.
И родные не узнают,
Где могилка моя.

И никто не узнает,
И никто не придет.
Только ранней весной
Соловой запоет...

Народная песня (321)

«Что ты, собака, пришел хоронить меня? Я еще живой!» — думает беспомощный больной.

Когда бригадники улеглись спать, а отдохнувшему Павлику не дают покоя помятые на вахте ребра, он зашептал своему соседу Петру радостную весточку, услышанную от этапников, о наступлении Красной Армии на западном направлении. Свистула еще тише прошептал: «Слава аллаху, что проклятых фашистов бьют!», и еще тише, чтоб никто не подслушал, зашептал: «Запомни мое слово, мой верный друг Павлик. Доверяюсь только тебе, больше никому на свете не скажу этого: если немец дойдет до Урала, всех нас, контриков, пустят в расход».

Как ни пытался больной слезть с нар, чтобы сходить на прием к лектому, так и не смог. «Вероятно, подо-

(322) Неточная цитата из «Песни о Сталине» Ю. Алешковского («Товарищ Сталин, вы большой ученый», 1959).

шло время концы отдать тебе, бывший краснофлотец», — думает он. Когда пришла бригада с работы, он попросил бригадира сходить к лекпому сообщить, что бригадник не может на прием придти.

— Да ты в тепле просидел, а я на морозе дежурил пятнадцать часов, ты царствовал, а я в аду был. Теперь буду я из-за каждого трупа бегать, мерзнуть, лишние калории тратить! Все равно ты в гроб смотришь! Деревянный бушлат тебя поджидает. Вон как нога, словно надутый пузырь блестит, вот-вот лопнет, — до бескрайности роко-ча простуженным носом, поставил бригадир диагноз.

Вчера мы хоронили двух марксистов,
Тела одели ярким кумачом.
Один из них был правым уклонистом,
Другой, как оказалось, ни при чем...

Юз Алешковский (322)

Тревожно спится Павлику, думает, как завтра придурки по тающему снегу к вахте будут волочить. «Как же защитить себя, чтоб не задохнуться, когда будут тащить за воротник телогрейки? Хотя бы уснуть и больше никогда не проснуться! А что, если обратиться к господину богу?.. Чтоб он принял мою душу в рай или в ад — безразлично... только пусть прекратит это земное страдание. Настродался я на этом грешном свете предостаточно. О-о-о!.. Всемогущий Боже, прими мою душу к себе! Ну если я не заслужил к тебе, если есть у меня грешки земные, то к черту в ад направь, там ведь гораздо лучше, чем в этом трубкинском лагере. Прошу тебя!.. Умоляю!.. Прими меня!.. Я не хочу больше жить и страдать на этом грешном свете!.. О-о-о!.. Всемогущий!.. Сжался надо мной!.. Ты посмотри, я не живу, а только существую, неужели тебе не видать?.. Я же от всей души тебя прошу!.. Господи Боже!.. Ты посмотри, как я страдаю... О-о-о... го-спо-ди, дай мне смерть!..» И тут Павлик сцепил зубы, выставил худющие скулы и промывчал: «Не принимаешь, гад?.. Ну-у-у!.. Ги-дра-а! Если так... если ты такой... Можешь, да не желаешь навсегда избавиться от этого ада... Значит, ты злюка, такой как комендант, нарядчик, Трубка и его любимец — тот людоед Свиридов. Если ты не в силах этого сделать, то ноль тебе цена — душегуб!.. Если ты всемогущ и не желаешь добро чело-

веку сделать, то я тебя проклинаяю, отправь меня за это в ад!.. Ты хуже черта, хуже гориллы, зеленый ты крокодил, прокаженная твоя душонка, образина ты, в гробу я тебя видел... Не принимаешь?.. Ну-у-у... Если так!.. То хороню я тебя здесь на всю жизнь в суровой Горношории. Ты для меня больше <не> существуешь, аминь, аминь, аминь!!! Матушка... Родимая земляца!.. Прими меня хотя бы ты в свои объятия!.. Лейтесь, мои холодные слезы, рыдай, моя ничтожная душонка, — и родимая земляца не принимает, брезгует живым трупом... Сколько здесь испустило дух, а меня собачья смерть обходит... Что ж, буду ждать завтрашних издевательств и самого главного, самого дорогого — паечку».

Когда раздался по лагерю лающий звон чугунной рейки на развод, Павлик выставил еще больше опухшую ногу напоказ. Смотрите, мол, придурки, сжальтесь, не бейте, оно же больно! И его обошли, не тронули на этот раз, даже и разочек не ударили. А когда раздался самый страшный звон по лагерю, которого Павлик мучительно ждал всю ночь, как своего палача в красной рубашке, комендант забежал быстро в барак и объявил:

— Всем собраться в первый барак на поверку!..

Больной остался на месте в ожидании самосуда. Прошло минут пятнадцать бесконечно томительного ожидания. О-о-о... как время медленно тянется в таком бесконечном ожидании — минута кажется часом: «Вероятно, сейчас крышка тебе, бывший краснофлотец. Забегут озлобленные придурки, убьют и в первый барак уволочут, на другую половину. Там всегда трупы бывают, говорил вездесущий Свистула. А придурки скажут: «Ночью дошел!» Кто будет проверять, да и кому оно нужно? При том сам Трубка уже говорил конвоиру: «Ты его по дороге того!..» У них есть убедительная причина разделаться с этим беспомощным бунтарем за царапанье нарядчика. Да это и хорошо. Что не смог сделать бог со своей боготерью, без зазрения совести сделают лагерные придурки, им это что раз плюнуть».

В барак шумно вошли, топая ногами, начальник лагеря, дежурный вахтер, за ним Рассосётсё. Павлик замер в томительном ожидании кончины.

— Что придуриваешься?.. — спрашивает Трубка-палка.

(323) В вышеупомянутом докладе О. А. Разиной, побывавшей в горношорских лагерях в декабре 1941 г., в частности, отмечалось: «Неправильная, а подчас преступная работа санитарных частей по оказанию помощи ослабленным и больным заключенным приводит к истощению и увеличивает смертность, причем фиксируется большое количество смертельных исходов в бараках и на местах работы. (...) Наблюдается исключительно безответственное отношение со стороны руководителей лаготделений к судьбе заключенных, что играет немалую роль в истощении и смертности, причем эти факты проходят безнаказанно, хотя о них известно руководству лагеря» (ГУЛАГ. 1918—1960. С. 503, 504).

(324) Пагорок (укр.) — пригорок.

(325) Здесь П. Г. Овчаренко подводит память. Новые знаки различия, включая погоны, в войсках НКВД были введены только в 1943 г.

«Ну, все, запевай, Павлик, — думает он, — началось! Ну что ж, чему быть, того не миновать!»

— Не могу с места сдвинуться! — слабо простонал отказчик и подумал: «Сейчас начнет айяйкать...»

— Освободи его денька на два-три, — велит Трубка-палка Фан Фановичу, к великому удивлению больного. — Да зайдешь после поверки, смажешь ногу марганцовкой, а то ты такой дармоед — не скажи тебе, сам не придешь или лекарства пожалеешь! (323)

На пятый день освобождения нарядчик не выдержал, огрел палкой по больной ноге и ее прорвало — гноя вылилось стакана два. То, что не сумел сделать Рассосётсё, в один миг сделал нарядчик.

Солнышко уже изрядно пригревает. Освобожденные словно мухи прилипают к бараку с солнечной стороны. Рассядутся на досках, которыми обшит весь фундамент барака, подставляют себя под лучи солнышка и сидят неподвижно часами. Иной шьет из тряпок и разнообразных лоскутьев фуражку, тот тапочки мастерит.

Только на десятый день Рассосётсё выгнал обесиленного Павлика на работу.

Прошло несколько дней, весна в полном разгаре, везде ручьи бегут, на пагорках (324) сухие места появились, кое-где зеленая трава из-под снега показалась. Но почему-то еще больше стало умирать.

В первых числах мая 1942 года из Кемерово приехала внушительная комиссия, двое в шляпах при галстуках, а остальные сверкают только что введенными новенькими погонами войск НКВД (325). В этот день всем, даже освобожденным, выдали могоаровую кашницу — и голодные горемыки словно ожили, ласково друг другу улыбаясь:

— А, что, братцы, может, всегда будет такая кашка?

— Говорят, Трубку будут снимать!

— Ох и нажился он, братцы, здесь на наших крохах и трупах, страшное дело!

Комиссия уехала и ничего не изменилось, а Трубка-палка еще свирепее стал:

— Что-о-о... тени... нажаловались?.. Помогло?.. А-а-а?.. Да знаете вы, трупы, сколько я вас похоронил?.. Здесь под каждой шпалой по десятку зарыто контриков, — показывает он пальцем на железнодорожное полотно. — Когда в тридцать восьмом году проводили эту ветку... У-у-у... Фашисты!.. У-у-у!.. Писаки-мараки!.. — и со злостью принялся бить близстоящих своей любимой палкой.

Прошло полмесяца после нового этапа из тюрьмы, все подровнялись со старыми лагерниками худобой, а некоторые слабачки успели загробную жизнь посетить. К издевательствам и побоям привыкли как к должному и неотъемлемому: вперед так вперед, стой так стой, садись так садись. Гутарят заключенные между собой, что и в аду вначале так трудно, как в этом лагере, а потом привыкают и тысячелетиями живут. А рядышком с адом, через забор, так же как и через наш забор рабочей зоны, живут зажиточные святые, наподобие трубкиной свиты, пьют бокалы наливные и закусывают воблой и таранкой, а чтоб не бунтовали грешники, им тоже выдают бокалы, но без дна — и сколько бы ни черпал из этого чертового котла, а выпить не может: по губам бежит, а в рот не попадает.

Уже суглинкавая возвышенность оттаяла и сама просится на тачку, но нагрузят доходяги этой грязи, а вывезти в отвал ни у кого нет силы. Везут эту одноколесную тачку семь человек — один в середине, по два по бокам и два тачку страхуют, чтоб не опрокинулась (326). Со стороны посмотришь — даже бурлаки Репина «Эй, ухнем!» (327) ужаснулись бы, увидев эту артель. Домучили тачку к деревянному трапу, здесь, по трапу, легче, но уголовники там, где породу взрывают, все время копошатся, как муравьи, и получают пайки от семисот до девятисот граммов: так они лагерной бранью склоняют контриков: требуют освободить трап, чтоб не мешали нормально работать, и даже переворачивают тачку вместе с бригадниками. А упрямый учетчик, тоже из уголовников, не отмечает ту тачку, которую опрокинули бытовики.

(326) Для сравнения: деревянная тачка, которая в 1932—1937 гг. использовалась на земляных работах при строительстве канала Москва — Волга, при емкости 0,11—0,12 кубометра и собственном весе 32 кг имела грузоподъемность до 160 кг (в зависимости от плотности перевозимого грунта) и предназначалась для одного тачечника (подробнее см.: Веригин Ф. Н. Основы расчета тачек // Москвалогострой. 1936. № 6—7 (24—25). С. 45—46). Работа с подобной тачкой на Колыме в конце 30-х гг. подробно описана Шаламовым в рассказе «Тачка II».

(327) Имеется в виду известная картина И. Е. Репина «Бурлаки на Волге», служащая символом невыносимо тяжелого физического труда. В качестве ее названия Овчаренко использует припев знаменитой революционной песни «Дубинушка».

Бывает, яркое солнышко выглянет из-за туч, приятно пригреет прозябших заключенных, приспособятся обреченные на сухоньких бугорках, застынут, как статуи заколдованного царства из старинной сказки. Дремлют под лаской оттепели, пока начкар не подкрадется незаметно, бесшумно, как кошка к мышке, и не врежет отвесистую плюху по затылку, да так припечатает, что иной слабак день-два поохает, да и преставится от такого угощения. Ударит одного, а остальные, словно напуганная стая гусей: «Га-га-га-га!!! Га-га-га-га!!!» Повскакивают на ноги, возьмутся за черенки лопат, отбывая время работы, шутя, шутя, смотришь, уже тачка полная, вновь надо в отвал везти. Начкар скрылся — все вновь сели отдохнуть минут сто, а то так и все двести, под приятными лучами солнца, которое своими яркими лучами убаюкивает точно так, как родимая мамаша свое родимое чадо в колыбели. Еще не дают покоя появившиеся надоедливые мухи. Вероятно, хуже этих насекомых ничего нет на свете: еще кое-где снег лежит, а они уже ожили и летают, и летают, сядет на лицо и лазает, лазает, словно хозяйка на чужой территории. «Ух, — думает Павлик, — был бы пулемет, я бы вас всех перестрелял!» Малосильными, отекистыми руками и тяжело, и лень раз от разу отмахиваться то от одной, то от другой, от агрессивных паразитов. Сдует Павлик с носа эту образину, а она вмиг на лоб перелетит и ползает, ползает там, на нервах играя, как на расстроенной гитаре, все ищет на этом высохшем маслеке, где бы кровушки пососать. «Ну что ты, тварь насекомая, ко мне пристала?.. Что, чувствуешь, слабину надыбала?.. Уйди, тварь позорная!..» — молящим голосом просит муху слабачок, а она, скотина, русскую речь ни чуточки не понимает, ползает и ползает, не дает отдохнуть спокойно. Тут не только мухи, но даже собственные сопли, непрерывно капающие с кончика растертого докрасна носа, тяжело раз за разом вытирать оловянными руками.

Даже в мае не забывает посещать Горношорию противный снег: солнышко светит, светит, и вдруг неожиданно-негаданно нагрянет, запорошит, покроет своей белизной все земное. Но долго не задерживается, тает то

под натиском тепла, то под напором мрака (328), от которого очень тяжело дышать в этой двадцатипроцентной разреженной атмосфере Горношории (329). Особенно драпает снег, когда засмеется ласково солнышко; ох, как он боится лучезарных лучей, а бывает еще хуже снега — дождь на пятки снегу наступает и мочит, мочит, мочит.

В десятых числах мая приехала из области врачебная комиссия. Всех заставляют раздеться донага, присесть, потом встать, повернуться и нагнуться. Если ягодицы высохли или не может нагнуться — это уже пеллагрик, так выносит диагноз врачебная комиссия (330). Все четырнадцать человек вместе с бригадиром Востриковым с четырехкратным пополнением из Кемеровской и Новосибирской тюрем попали в пеллагрики, их присоединили к другой бригаде, к новому авторитетному, опытному и душевному бригадиру — еврейчику Файнбергу.

Пайки стали получать стационарные (331), да плюс двести граммов за выход на работу. Бригаду Файнберга отправили на поверхность этой сопки-возвышенности корчевать пни над объектом работы.

Попался охранник Свиридов, который прочертил штыком своей японской винтовки линию на поверхности, где будет бригада корчевать пни, и объявил:

— За зону ни пяди, нарушение будет считаться за побег и применяю оружие без предупреждения, согласно инструкции.

Наверху пробилась из-под земли сочная зеленая черемша. Это дикорастущий лук. Забыли все бригадники о злом Свиридове, обгоняя друг друга, накинулись, голодные, на зеленые растения и вмиг очистили отведенный участок от этого лакомства. Только теперь осмотрелись — рядом, за отведенной чертой, растет еще пышная черемша; вот они рядом — сочные, вкусные перья зелени. И здесь не обошлось без крови — Свиридов смертельно ранил Хамзаева за стебель черемши, которую он пытался вырвать за условной границей. Пока поднимался на возвышенность начкар, Хамзаев истек кровью и вскоре скончался.

(328) Здесь: тумана.

(329) В норме содержание кислорода в воздухе составляет 20,94%. Территория Горной Шории лежит в среднем на высоте 500–800 м над уровнем моря, что не оказывает существенного влияния на атмосферное давление и содержание кислорода. Затруднение дыхания, о котором неоднократно упоминает Овчаренко, было связано с непривычным для его организма климатом и истощением.

(330) Фактически описанное состояние человека характерно не для пеллагры, а для дистрофии, т.е. крайней степени истощения, вызванной недоеданием и непосильной работой. Однако врачи ГУЛАГа избегали постановки диагноза «дистрофия».

(331) Имеется в виду больничный паек или паек для пеллагричных больных — усиленный, по сравнению с обычным.

(332) Темиртау — поселок близ железнодорожной станции Ахпун. Основан в 1931 г. в связи с началом разработки крупного железорудного месторождения, снабжавшего сырьем Кузнецкий металлургический комбинат.

Во второй половине мая в лагере упорно поползли слухи: «Лагерь будут закрывать! Объект работы будут закрывать!..» Но Павлик не верит этим слухам, он себя давно уже похоронил здесь, в этом лагере, и ждет изо дня в день той же участи, какая постигла большинство этапников из столыпинского вагона.

Даже когда всех оставили в зоне 29 мая 1942 года и произвели генеральную поверку в присутствии незнакомого конвоя, все равно Павлик не верит в этап, он внушил себе, что он уже живой труп.

Всех сто двадцать трех оставшихся в живых, в том числе и обслугу лагеря, загнали в те самые вагоны, в которых возили на работу; поезд легко взял разгон и покатился из Таштагола в Темиртау (332), из Горношории в Горношорию.

Лишь когда в окнах вагона замелькали зеленые кроны деревьев, бархатная зеленая травка и прозрачное голубое небо, только теперь зажглась вдруг внутри какая-то искра, какая-то надежда, что-то зашевелилось где-то глубоко внутри, и Павлик ожил и поверил, что он еще живой, даже пощупал сам себя. Какая-то внутренняя струя пронеслась по телу, и он заплакал от нахлынувшей радости, от просыпающегося возбуждения. Слезы сами покатались по изможденному лицу крупными каплями из открытых глаз. И впервые в своей жизни Павлик не стесняется своих прозрачных, торжественных слез, он их ни от кого не скрывает. Он бесконечно повторяет про себя, заливаясь слезами: «Я еще живой!.. Я еще живой!!!»

— Ну что ты, Павлик, раскис?.. Ну как маленький ребенок! — тихо прошептал рядом сидящий Петро Свистула. — Эх ты, моряк, моряк!.. Бери пример с меня — с пехоты. Я ничуть не теряю бодрость духа. Вырвались из ада, это же надо понимать! Едем на новое место, веселиться надо. Если будет хотя маленькая связь с вольняшками, я не пропаду... Коммерция, коммерция, коммерция! На мой век вахлаков хватит. Радоваться надо, мой верный, единственный друг во всем лагере и этом этапе, сколько наших товарищей, ровесников погибло в этой душегубке, в этом лагере смерти, а мы с тобой живы остались, недаром я тебя еще в тюрьме приметил, когда ты пограничника

смял, и сказал сам себе: «Такого бы друга иметь!» А ты сырую погоду разводишь на своей фотографии. Посмотри, милый друг, в окно вагона — солнышко светит и, вероятно, вон в той рощице птички насвистывают песенки. Эх, Павлик, хорошо на волюшке!..

Но Павлик еще сильнее зарыдал:

— Какой я моряк, я осколок ракушки, валяющейся на берегу обширного моря, по которой топчутся люди!

И такая горькая обида принялась давить бывшего краснофлотца, и он, рыдая, выдал из себя: «Оставь меня в покое, мой верный друг Петя, а то я начну тебя склонять по всем падежам вульгарного склонения».

А колеса вагона: «Тук-тук-тук!!! Я еще живой!.. Тук-тук-тук!!! Живой еще!.. Тук-тук-тук!!! Живой!.. Живой!.. Живой!..»

— Может, Петя, я от радости плачу! Живой же остался! Ведь я себя уже похоронил! Да и ты меня уже отпел! Помнишь, с ногой я лежал? А вот живой же остался! Видишь, дышу еще!.. Охо-хо-хо-хо-хо...

Уже слезы стали реже катить по лицу, а виски стучат в такт колесам вагонов: «Тук-тук-тук!!! Ку-ку-у-у!!! Ку-ку-у-у-у!!! Живой!!! Живой!!! Живой!!! Тук-тук-тук!!! Ку-ку-у-у!!! Живой!!!»

Из хабаровского столыпинского вагона в живых остались кроме Павлика и Петра Свистулы Салдин и бригадир Востриков Борис, у которого животик давным-давно спал. Остальные похоронены, как животные, с биркой на ноге в восьмом и седьмом лагерях Горношории за прошедшие полгода.

В вагоне, словно пчелы в улье, жужжат этапники: о грядущей паечке, о густенькой баландочке и разнообразных вкусных деликатесах, да о таких, что и на волюшке не приходилось пробовать.

В углу вагона собрались гурьбой уголовники, там трекало (333) насвистывал роман о вкусной пище, да не простой, а с жаркой, с выпивкой дорогих вин: мадеры, шампанского и коньяку с двадцатью звездочками, хотя такого коньяку не бывает, но никто не мешает нагло врать. Из этой же капеллы бытовиков раздается раз за разом злой окрик то одного, то другого уголовника: «На развод!!! Без последнего!!! А вот последний!!!», и Петро Свистула из угла контриков подает свой голос: «Я научу

(333) Трекало (блат. жарг.) — разговорчивый человек, здесь: то же, что «романист».

В худых заплатанных бушлатах,
В сугробах на краю страны —
Здесь было мало виноватых,
Здесь было больше —
Без вины...

А. Жигулин (335)

В первом лагпункте к мужской зоне прижалось два барака женской зоны. У самой вахты расположен барак расконвоированных (336), в нем же помещается лагерная обслуга. Рядом — барак ширпотреба (337). В центре лагеря — барак-столовая, здесь для новеньких приятный сюрприз: столовая со столами и скамейками, с ложками и мисками. По левую сторону столовой от вахты — два барака уголовников и рядом барак тоже уголовников, но Индии; за Индией барак контриков, а там, еще дальше, у самой колючей проволоки стоит осиротело барак-стационар и слабосиловка (338) (да-да, уважаемый читатель, и стационар есть, и слабосиловка), а еще дальше за бараком контриков — баня.

Лагерь находится в километре от сопки средней величины, в нее прорыта штольня — это вход в рудник (339), а наверху этой сопки в огромной воронке добывают доломит — это минерал, содержащий кальций и магнезию (340). На добыче железной руды работают только уголовники, контрикам не доверяют работать под землей, чтобы они там не подстроили какой-нибудь контрреволюционный выпад. В это время по всей необъятной стране Советов в кинокартинах стало модно показывать, как враги народа злостно вредят именно в шахтах и на рудниках.

Бригадиром на руднике работает бывший горный инженер Генка-поляк. Он большой вес имеет, чем вольнонаемный начальник рудника. Тот просто приставлен к Генке как комиссар. Генку сам начальник лагеря ценит и уважает, а лагерная обслуга и его бригадники трепещут перед ним: он есть бог в лагере, почище вора-законника; кого желает — милует, кто не нравится — морит.

(335) Из стихотворения
А. В. Жигулина «Вина»
(1962—1963).

(336) Расконвоированные — относительно привилегированная категория заключенных, обладавшая специальными пропусками, которые давали право передвигаться за пределами зоны по определенному маршруту без конвоя. Осужденным по политическим статьям пропуска не полагались.

(337) Мастерские по производству товаров широкого потребления. Для заключенных работа в «ширпотребе» была более легкой, чем общие работы.

(338) Слабосиловка, слабосилка (лагерн. жарг.) — отдельное помещение для заключенных, признанных по состоянию здоровья негодными для общих работ. Слабосильные заключенные, объединенные в особые бригады, обычно использовались на хозяйственных работах по обслуживанию лагеря.

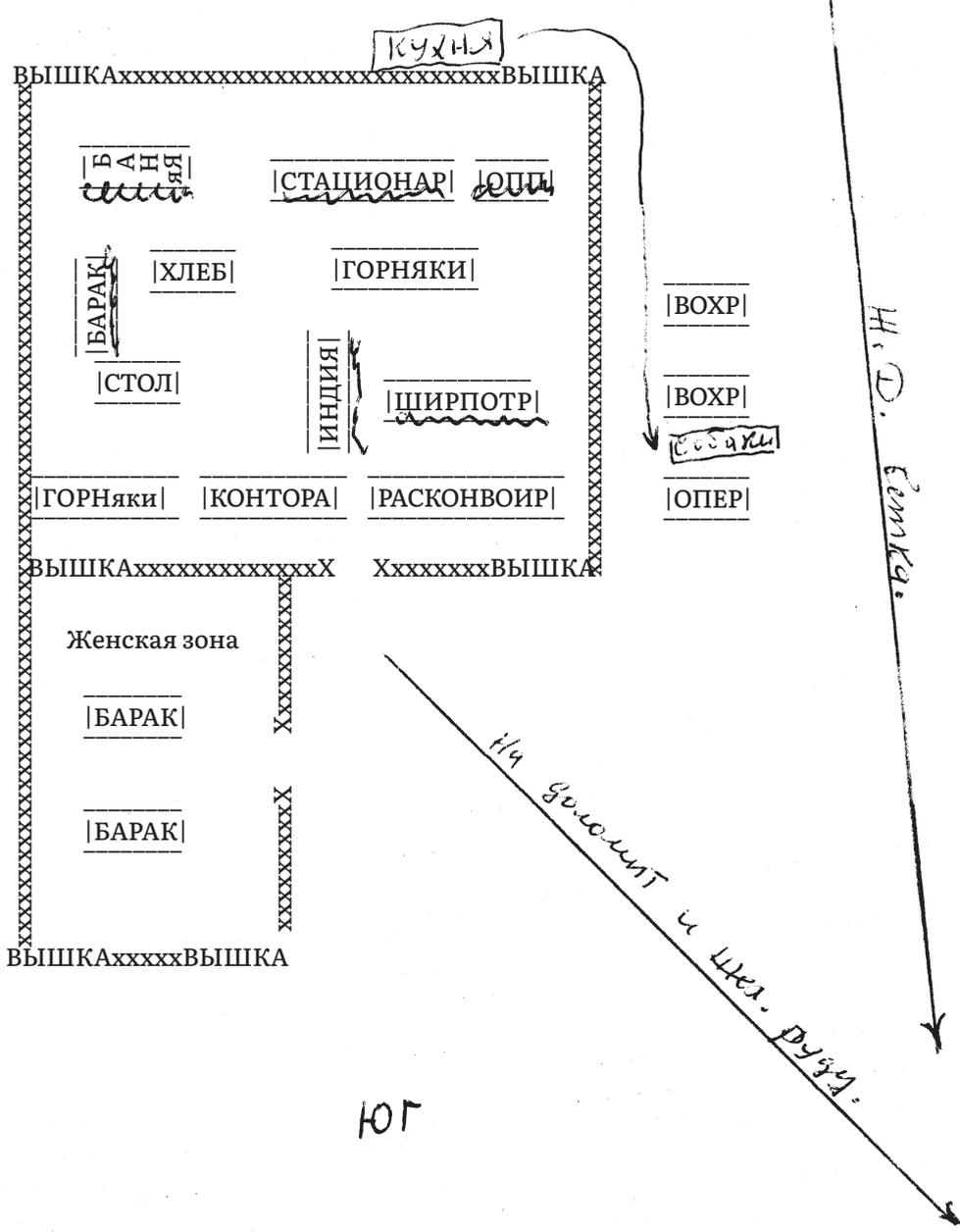
(339) Темиртауский рудник — основное предприятие поселка Темиртау. Рудник, введенный в эксплуатацию в 1932 г., снабжал Кузнецкий металлургический комбинат высококачественной железной рудой.

(340) Доломит — минерал, используемый в металлургии в качестве флюса — реагента при выплавке железа из руды. Для Темиртауского рудника добыча доломита — сопутствующее производство.

Май 1942 год - Ноябрь 1944 год

ПОСЁЛОК ТЕМИРТАУ

(- На Чугунаш На Яю—)
(ЖЖЖЖЖЖЖЖЖ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА СТАНЦИЯ АПХУН ЖЖЖЖЖ)

Вокруг лагеря раскинулся гражданский поселок Темиртау, а за поселком точно так же, как и в седьмом лагере, в какую сторону ни глянь, то возвышаются сопки, то опускаются овраги, отлоги, балки, лощины, покрытые, словно дымчатым хлопком, сизыми тучами, которые часами там стоят неподвижно.

После бани этапники прошли врачебную комиссию, и около сотни прибывших направили в Отдыхающий пеллагрический пункт (ОПП) (341). Павлик, Свистула, Востриков и Рассосётсё попали в бригаду Голубьева на сортировку и погрузку доломита. 750-граммовый черпак густой мучной затирки (342) два раза в день и 900-граммовая пайка быстро подняли дух новеньким истощенным теньям. Соли в лагере нет. За коробочку соли — пайка хлеба. Но новеньким после могоаровой приторной водички и несоленая затирка кажется манной.

Бригада Голубьева вместе с другими бригадами политических живет в полутемном, чистом, просторном бараке. Здесь новая мода в бараке — заходишь, на пороге разуваешься, берешь свою обувь в руки и идешь на свое место босиком по холодному и влажному полу.

В каптерке выдали всем новеньким матрасы, байковые одеяла, новенькие хлопчатобумажные брюки и рубашки. Из обуви кто что подобрал из БУ (343), то и получил. Павлик выписал себе сапоги сорок четвертого размера, Свистула получил пеньковые лапти с ватными чулками (344), надел и пританцовывает:

Лапти, да лапти мои,
Лапти липовые!..
Порву эти, порву те,
Тятя новые сплете... (345)

Володя Буханов — староста барака, лет сорока пяти, высокого роста, средней упитанности, смахивающий на коршуна, — смотрит своими серыми стеклянными глазами, как старый кот. Сидит он еще с тридцать седьмого года, именуется «битым лагерником».словно из-под земли, появился и мигом развеял ликование новеньких своим грубым голосом пропойцы:

— Вы что это мне в бараке насорили? Что это за кураж здесь устроили?.. А ну, ты!.. Танцор!.. — подбежал

(341) Имеется в виду оздоровительный пункт (ОП) или пункт отдыха, предназначенный для истощенных заключенных, которые на несколько недель освобождались от тяжелой работы и получали улучшенное питание.

(342) Затирка (укр.), по-русски «затируха», «саламата» — похлебка из муки.

(343) Б/у — бывший в употреблении.

(344) Такая зимняя обувь, представлявшая собой лапти, сплетенные из веревок, надеваемые на чулки, спитые из старых телогреек, носила название «чунни».

(345) Вариант припева русской народной песни «В деревне было Ольховке».

(346) Мусор — презрительная кличка, которая в устах блатного может означать как сотрудника милиции, лагерного надзирателя или оперативника, так и стукача из среды самих заключенных.

(347) Пентюх — увалень, неуклюжий человек, болван.

(348) Бармак — вилы с утолщением на концах зубцов, предназначенные для погрузки угля, картофеля, свеклы и т. п.

он к Свистуле и припечатал для первого знакомства увесистую затрещину. Бери, мусор (346), мне швабру в руки и немедля пройдишь по полу влажной тряпицей!..

Против силы не попрешь, да еще имея за спиной такую академию, как прошли в седьмом лагере под руководством Трубки-палки. Свистула без лишнего разговора взял швабру и принялся покорно вытирать пол.

— ...Да аккуратнее, пентюх (347)! Не мочи сильно пол, работяги босиком ходят!.. — горланит на весь барак Володя, не обращая внимание на то, что после ночной смены добычи доломита бригадники спят. А сам нагло голосует: «Ценить надо работяг!.. Фитиль необтесанный!..»

Большая бригада Голубьева — сорок пять человек. Бригадир одет в гражданскую одежду, при галстукке. Он имеет зазную вольнонаемную, она работает диспетчером в железнодорожной будочке здесь же, на погрузке доломита. Она носит ему поесть и табачку. Чтоб показать себя перед своей любовницей, какой он хороший, вышел из диспетчерской будки и прикрикнул на своего помощника Злобина:

— Чего ты их гоняешь? Разве ты не видишь, что их ветром качает?..

И тихим, наигранным голосом говорит: «Потихонечку, ребятки, пошевеливайтесь!.. Не переживайте, горбушечка в норме будет».

У самого обрыва цементного перрончика железнодорожной ветки выстроена цепочкой бригада. Тихо, не спеша, по силе возможности сортирует доломит. Большой отвал этого серого дробленого камня, смахивающего на мрамор, бригадники набирают на железные бармаки (348) и бросают на цементную площадку, выкладывая от железнодорожного полотна увесистыми глыбами. Мелочь, которая просыпается сквозь бармаки, грузится лопатой в двухтонную вагонку и по узкоколейке отправляется в отвал, за двести метров от места работы. Бригадники выглядят мало-мальски жилисто, а те, которые из седьмого лагеря, уже не очень отличаются своей истощенностью от голубьевцев. Рассосётсё уже подравнялся с бригадниками и доходит с каждым днем заметнее и заметнее. Его

с двумя бригадниками Злобин прикрепил гонять и выгружать в отвал эту вагонку с отходами. Как только погонят вагонку, бригадники начинают каламбурно вопить: «Рассосётся, ты тормозишь работу всей бригады!», «Рассосётся, не задерживай, давай быстрее вагонку!..», «Рассосётся, ты нас без горбушки хочешь оставить!..», «Как и в седьмом лагере, хочешь поморить нас с голоду!..» И тут выскакивает из диспетчерской будки заместитель бригадира Злобин и склоняет его по всем городам и селам.

— Охо-хо-хо-хо!.. — подсел Рассосётся к Свистуле как к самому шустрому в бригаде. — Чо-во оно будя, чо-во оно будя!..

Осознав, что он такой же, как и все бригадники, ищет сближения с ними. Свистула прекрасно помнит этого изверга по седьмому лагерю, и, наклонившись к нему, зашептал на ухо, издаваясь: «Ни-чо-во... рас-со-сё-тсё, ра-зо-мнё-тсё, так прой-дет!..», и тут же во весь голос комически завопил:

— Ой, бра-тцы, не могу!.. Дайте мне кусок вкусного доломиту, я его проглочу!.. Ха-ха-ха-ха!!! Держите меня!.. Держите!.. Дожил я до торжественной минуты!..

Даже охранник заволновался, из диспетчерской повыбегали, наблюдая за истерическим смехом Петра, не поймут и бригадники, что с Петром стряслось, не чокнулись ли он.

— Ой, братцы, миленькие вы мои, горношорцы, Коля Махов, ты слышишь? Наконец-то Рассосётся рецептик у меня просит от доходиловки!

И мигом поменял свой наивный тон на наглый и грубый: «Иди, псина, вкалывай!.. Вот тебе рецептик! Колода ты неотесанная! Доктор медицинских наук! Ха-ха!.. Пошлятина!» И так толкнул Фан Фановича, что тот распластался на мелких камешках доломита.

— Эй ты!.. Брянский волк!.. Берись за вагонку да утюжь за двоих!.. — шумит Степа-харьковчанин.

— У тебя на лбу большими буквами написано: вкалывать, пилить, долбить! — говорит Петро. — Сколько ты нашего брата в седьмом лагере на тот свет отправил?.. Да каких ребят!..

— Да если б...

— Молчи, тварь позорная! — кричит Востриков. — Один Коля Махов десяток таких как ты стоит, это был свя-

(349) Кошара — загон для скота.

(350) «Опятра... окулу...» — вероятно, искаженные румынские слова *piatra* — «камень», и *asolo* — «туда».

(351) Статья 58-8 УК РСФСР («террористические акты, направленные против представителей Советской власти или деятелей революционных рабочих и крестьянских организаций»).

той человек, а Царев, а Бакиров?.. Вон с глаз, падаль!.. — и покатались у Бориса по лицу слезы. — А то я за себя не отвечаю, от имени мертвых начну страшный суд тво- рить!.. Иди... по-ра-бо-тай!.. Рас-со-сёт-сё, ра-зом-нёт-сё, так пройдет!..

Рассосётся встал, взялся за вагонку, а бригадники окружили его, как тощого, голодного волка, пойманного в кошаре (349). Тот незаметно тормозит вагонку, второй камешек норовит положить под колесо — и пошли так издеваться ежедневно. Фан Фанович не только от голода, но и от окружающей атмосферы презрения стал похожим на прозрачный скелет. Он прекрасно осознает, что такие же отверженные презирают и гонят его подальше от себя, как прокаженного, и никакого просвета и перспективы в дальнейшем с бригадниками нет — его ненавидят.

В бригаде работают два румына. В начале войны они перешли незаконно советскую границу, спасаясь от преследования в своей стране, но переход недозволенным образом границы карается законом Уголовного кодекса — вот они и получили по три года исправительно-трудовых лагерей. Они уже свободно владеют русским языком, но под вечер, когда круглое солнышко покидает горизонт, их покидает дар русской речи, и они беспечно повторяют свои слова: «Опятра... окулу...» (350). Как ни стараются бригадники разгадать смысл этих волшебных слов, никак не могут прийти своим умишком, что это такое «опятра, окулу». То ли солнце низко, то ли пайка близко. А на самом краю цементного перрончика, в двух-трех метрах от цепочки бригады всегда отдельно уединяется финский офицер Туррулен. Он ненавидит всех бригадников, презирает конвоиров и даже сибирское солнышко ему не так греет. Еще во время Финской войны он попал в плен и за свою жестокость с подчиненными пленными, которые трепетали перед ним, и ранение советского конвоира при попытке к побегу из плена получил статью террориста (351). Дали ему десять лет ИТЛ. Часто бригадники разыгрывают Туррулена: «Помоги, мол, вбросить глыбу в вагон!» И он со злостью отвечает единственным словом: «Са-та-на!..» Бригадники на презрение отвечают насмешками и издевательствами:

— Попадись такому в лапы, он покажет, почем фунт лиха стоит. Он, гад, с нетерпением ждет фрицев да гансов, всем бы нам труба была бы от этого тирана, — говорит Степа-харьковчанин.

— Да разве мы допустили бы, чтобы такая гнида осталась живой? — говорит Свистула. — Сыграли бы ему темную, как, я видел, в тюрьме стукача задавили, — и концы в воду. Фашист он проклятый! Вон, смотрите на него, как он зверем на нас посматривает! Соображает, о ком идет речь!

По вечерам, когда силы уже на исходе у усталых доломитчиков, как назло, всегда подают под погрузку два вагона. В первый день, когда привезли из седьмого лагеря, вышел бригадир из своей диспетчерской берлоги и обратился:

— Братишки!.. Пошевеливайтесь! Не допустим простой вагонов ни на минуту! Я обращаюсь к вам, новенькие! Помните!.. Мы грузим доломит, который ждут домны! Его добавляют в руду для качества брони (352), а броня нам нужна как воздух. В броне, братцы, залог нашей первой победы и нашей долгожданной свободы!.. Если мы лишены возможности быть там, — показал он рукой на мнимый запад, — то давайте же здесь своим добросовестным трудом от чистой души помогать нашему родному фронту! Шуруй!.. Дружно, братцы!.. Вот так!.. — и нагнулся, взял увесистую глыбу и швырнул ее в вагон.

От души он это говорил или заливал (353), но на Павлика это обращение произвело такое впечатление, что он впервые за свой срок подумал: «Да и я ведь вношу свой вклад в общую победу над фашистским супостатом». И, несмотря на свою слабость, кидает и кидает в вагон соразмерные глыбы. А на Свистулу слова бригадира ничуть не подействовали. Он ищет повод познакомиться с машинистом паровоза, тайно от бригадира и конвоира. Прижавшись к борту вагона-пульмана (354), жестами и мимикой показывает [то] на свою новую телогрейку, то на рот одним пальцем — мол, поесть, а двумя пальцами — курить. И в конце погрузки залез в вагон планировать доломит и прикрыл свою телогрейку изрядной глыбой. На следующий день в поданном пустом вагоне Свистула нашел узелок с табаком и хлебом. Так пошла у него коммерция в новом лагере.

(352) Доломит использовался в процессе выплавки броневой стали из руды Темиртауского месторождения.

(353) Заливать — врать.

(354) Здесь: большой грузовой вагон.

(355) Овчаренко имеет в виду письмо А. И. Солженицына О. Л. Адамовой-Слиозберг от 27 декабря 1967 года. Адамова-Слиозберг в 1960-е годы работала над мемуарами о годах заключения и ссылки. Солженицын после прочтения ее воспоминаний написал ответ, в котором высказал свое замечание: «Не "3—4" сезона мог выдержать мужчина в забое, а 1—2 месяца (читайте Шаламова)». Письмо впервые было опубликовано в 1989 году журналисткой (а также режиссером-документалистом) Е. Л. Якович в «Литературной газете» (См.: Якович Е. «Кланьюсь им». За строкой «Архипелага...» // Литературная газета. 1989. 1 ноября. С. 6). В 1970—1980-е годы воспоминания Адамовой-Слиозберг «Путь» были широко распространены в самиздате. Официально были изданы лишь в 1989 году.

(356) Неточная цитата из «Архипелага ГУЛАГ» Солженицына. В оригинале: «Семь лагерных эпох будут спорить перед вами, какая из них была хуже для человека, — склоните ухо к военной. Говорят и так: кто в войну не сидел — тот и лагеря не отведал» (Т. 1. Ч. 3. Гл. 4).

Летние деньки проходят теплые, солнечные, горношорское солнышко по-особому ярко светит, растения не по дням, а по часам растут. А когда набежит сизая туча и мочит всех своим проливным дождем, никто не унывает, вскоре туча уплывает, ветер утихает, и показывается из-за седых облаков ласковое светило и быстро сушит промокшую хлопчатобумажную одежду — только пар идет. Бывает, из-за высоких гор выползают противные серые, хмурые тучи — пройдя над возвышенными серыми шапками гор, безбожно атакуют низменные места. Хотя какие они низменные? Две тысячи метров над уровнем моря. И что удивительно: здесь светит нормальное солнышко, а там, совсем рядом, где показались тучи, изредка пробьется светило, озарит и снова зябко скроется, а то как прорвутся эти тучи в светлую долину, которая ниже нас, — и как фужер шампанским наливают, так и они эту чашу заполняют. Нам солнышко нормально светит, а там, рядом, эти тучи уже не пропускают милых сердцу солнечных лучей. То, бывает, по балкам и оврагам изрядно хлещет дождь, но, к великому сожалению заключенных, случается обратное — у нас изрядные осадки, а рядом ясные, ясные, как рентгеновские, лучи освещают зеленую долину.

Павлик очень доволен, что не попал в слабосиловку. Он поправился, появилось веселое настроение, жизнерадостная бодрость в теле; конечно, еще далеко до своего нормального веса, но жилистую форму он уже набрал. А там, в слабосиловке, на пятисоточке все из седьмого лагеря остаются на своем доходном уровне и даже всячески стараются его поддерживать, боятся общих работ как пылающего огня. Читал я, одна пишет в своих мемуарах, что заключенный может выдержать в забое 3—4 сезона, а Солженицын возражает, — говорит, что 1—2 месяца (355). Я, автор этих строк, испытавший на себе, могу сказать следующее: это зависит от многих условий, и самое главное — питание: корми заключенного нормально, он и пятьдесят лет выдержит. Солженицын сидел после войны, и сам же он пишет: «Кто в войну не сидел, тот и лагерей не отведал» (356). Автор этих строк просидел всю войну в самых разнообразных лагерях и пересылках, так что прошу верить мне.

— Ну, как пайка? — спрашивает Павлик у Салдина.

— Хо-хо!.. Жить живем, но к девкам не тянет!..

В бригаде самый слабый, но жизнерадостный, с безгранично доброй душой зиновьевец (357) дядя Коля. Он из дополнительного фиктивного набора (358), их десять человек по этому делу. Ему даже тяжело бармаки в руках держать, но он никогда не падает духом, никогда никому не жалуется на свою слабость. Он был когда-то великой «шишкой». Если он достанет окурочек (а бригадир ему всегда оставляет покурить), то сзывает, словно наседка своих цыплят: « Степа, Павлик, идите, по разику потяните дымку, отведите душу ». Но таких как Свистула гневно осуждает и презирает, убежденно доказывает, что и на воле из-за таких шкурников нет житья. А Петро словно рожден для такой стихии, он как рыба в воде в этом хаосе.

Незаметно проскочило лето, хотя и в беспрерывном голодании, но в тепле. Но вот уже суровая холодная осень воровато подкралась со своими противными, надоедливymi горношорскими дождями. Увидел Свистула у домика, расположенного рядом с погрузкой, хозяйку и просит молящим голосом: «Тетенька, сорви, пожалуйста, кочерыжку, она все равно пропадет, вон уже увядшие листья безжизненно висят, прихваченные первым ночным морозиком, брось этим свиньям, — показывает он на себя, — я их погрызу. Дай возможность, тетенька, поцинговать, а то зубы шатаются ». И полез в рот показывать, как они шатаются. А охраннику подхалимно пропел: «Позволь, начальник!», и конвоир отвернулся: «Я, мол, ничего не вижу и не слышу».

Ежедневно норма одному бригаднику — двадцать четыре тонны погрузить в вагон или двенадцать тонн отсортировать на сто процентов. Все бригадники прекрасно понимают, что никто норму не выполняет, и беспрекословно подчиняются распоряжениям бригадира (359).

Работает Павлик везде на совесть. И когда приходят спецвагоны, бригадир посылает Павлика грузить из бункера, который расположен на противоположной стороне железнодорожного полотна. Как-то в бункере застряла изрядная глыба, а вагон стоит. Заволновался бригадир, шутка ли — в военное время задерживать вагон, это пах-

(357) Т. е. осужденный за то, что якобы являлся сторонником Г. Е. Зиновьева, расстрелянного в 1936 г. по делу «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра».

(358) Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ» называет отдельные волны репрессий, обильно пополнявшие лагерное население, «наборами в ГУЛАГ», и в данном случае Овчаренко, возможно, использует это выражение для того, чтобы подчеркнуть, что «зиновьевец» дядя Коля стал одной из случайных и совершенно невинных жертв репрессивной машины, которая, увеличивая количество посаженных «врагов народа», стремилась только к выполнению формальных показателей.

(359) В условиях фактической невыполнимости производственных норм выживание членов бригады полностью зависело от бригадира. Именно он контролировал «тухту» («туфту») — приписки, создававшие видимость выполнения или даже перевыполнения бригадой норм, что непосредственно влияло на размеры пайка бригадников.

(360) Расчистил глыбу, докопался до нее.

(361) «Сорок» означает просьбу разделить курево примерно пополам. Ж. Росси в «Справочнике по ГУЛАГу» поясняет: «Просить половину — нереально; но, претендуя на 40%, дают понять, что одной-двумя затяжками не удовлетворятся» (Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу в двух частях. Ч. 2. М., 1991. С. 373). Остальные слова — это более скромные просьбы, также обращенные к владельцу курева, в том числе «двадцать» означает примерно четверть, а остальные — просто несколько затяжек.

Примечательно, что такие очевидные меры, как половина и четверть, было принято именовать «сорок» и «двадцать», а не «пятьдесят» и «двадцать пять», как следовало бы в процентном измерении. Математическая неточность, по-видимому, отражала неизбежную неточность дележа в натуре и подчеркивала готовность просящего удовлетвориться меньшей долей.

нет саботажем. Тогда Павлик залез в вагон, откидал глыбу (360) в люке бункера, тронул ее ломом и в один миг очутился в пульмане, а доломит присыпал его мелочью. Отрыли храбреца быстро, он не успел задохнуться, отделался изрядными синяками, да ребро стало побаливать. Когда увезли вагоны, бригадир дал Павлику на радостях закрутку самосаду, и пострадавший почувствовал себя богаче и счастливее всех в бригаде, он даже и не помнит, когда он имел такое богатство самостоятельно. Окружили его бригадники, как именинника, и ждут: «сорок», «двадцать», «потянуть», «бросить» (361). И, как в восьмом лагере, боится Павлик обращаться к врачам со своими ссадинами, избегает освобождения и стационарной пятисотки, крепенько помнит закон, «Легко опуститься, но трудно потом подняться на ноги».

По стране пронеслась волна соревнования, заглянула она и за колючую проволоку и, когда появилось «рекордное» питание в лагере за триста процентов выработки (стограммовая булочка), попал и Павлик в списки рекордистов. В это время забыл рекордист и о слухе, что на Урале открывается богатейшая угольная шахта и, вероятно их перебросят туда. С этой шахтой он лелеет мечту, которую держит в величайшей тайне даже от самых близких друзей: как только перебросят на Урал, убежать из-под стражи и пробиться на фронт. Покуда будут искать, у беглеца будет или грудь в крестах, или голова в кустах. Не знал он жестокого закона, что, хотя Героя заработай, все равно от приговора не откарабкаешься.

Наступили беспрерывные осенние дожди, и вновь стало невыносимо тяжело, негде сушиться, и никому это не нужно. Бригадир с помощником живут в расконвоированном бараке и не заглядывают к бригадникам в барак. А дождь не знает пощады, ежедневно, без выходных то моросит, то хлещет как из ведра, тучи одна чернее другой беспрерывно атакуют, как отару овец, обездоленных арестантов. Иногда выглянет красное-красное, кем-то обожженное солнышко и мигом спрячется за тусклой массой многоэтажных облаков, густо движущейся, словно похоронная процессия.

Выданная старая одежда с заплатками не высыхает, обувь лезет на грубом долomite, как гнилая. Большинство заключенных носит пеньковые лапти и ватные чулки, которые ежедневно ремонтируют в бригаде слабосильных пеллагриков. Утром идут на работу в зашитых, а с работы в расквашенных лаптях. Володя, староста барака, не разрешает никому подходить к печке не только сушить одежду, но и погреться. А тут, словно одно к одному, вместо затирки стали выдавать баланду из зеленой капусты.

Павлик приспособился вместо отдыха по ночам топить печку в бараке через денек, за что имеет милость от старосты барака сушить свою одежду. Все равно мокрому собаке спанье. Доверяет староста такую роскошь не каждому. Павлику как земляку — по благу. Кроме топки этой огромной кирпичной печки с плитой, которая одна на весь барак и стоит посередине, он поручает еще сторожить ночью барак. Особенно частенько делает набегу шпана из Индии, которая проигрывается до основания. Сам староста спит, как бурый медведь в берлоге, укрытый четырьмя одеялами, он по желанию раза два поднимается, обходит свои владения, [проверяя,] не спит ли поверенный страж?

В бараке Павлик встретил Калымова, того самого, которому в седьмом лагпункте прострелили легкие.

— Да не во сне ли я?.. Да ты ли это, Калымов?..

— Я-я-я...

— А мы считали тебя преставившимся! Тебя же застрелил Свиридов!

— А меня доктор из Кремля спасла! Говорит, что я замороженным был, а сердце работало.

Павлик подумал, что Калымов помутился разумом насчет доктора из Кремля, и не стал на эту тему продолжать разговор.

— Так значит, нас из хабаровского этапа пятеро еще живых? Где же ты трудишься? В какой бригаде?

— В слабосиловке... По ночам вам валенки, лапти и чулки починяем.

Подошел Степа-харьковчанин:

— С кем ты разговариваешь? Он же девкой заделался, что ты, не знаешь?..

(362) Статья 154-а УК РСФСР 1926 года карала за мужеложство лишением свободы на срок от трех до пяти лет, а в случае применения насилия или если потерпевший находился в зависимом положении, срок увеличивался до восьми лет.

(363) Представление о распространённости гомосексуализма среди грузин — один из устойчивых ксенофобных стереотипов.

(364) Ой, болит!.. Ой, не бейте меня!.. Я больше не буду красть!.. Ну ей-богу, не буду! Простите меня, глупого цыгана! Это я последний раз в жизни крал! Ну, брат, не бей под дых, больно!.. Ой-ой-ой-ой! А, брат, не бей под дых, а то я родного дедушку никогда не увижу!.. Ну ей-богу, больно!.. (искаж. укр.).

— Как девкой?.. — удивился Павлик.

Калымов быстро ретировался.

— Очень просто!.. С учителем живет, как барышня ласкается, вместо ненаглядной женушки. Тот субъект числится инвалидом, сидит в бараке, плетет и вяжет перчатки, носки, шарфы и даже свитера, достает в обслуге у расконвоированных пожать и эту девку подкармливает. Этот учитель еще с воли имеет 154-а статью — за мужеложство (362). Такую гадость сам про себя рассказывает, что уши вянут, а ему хотя бы что. Вот такие учителя бывают в школе.

— Да подонков везде хватает. А что, он грузин (363)?..

— Да нет, в том-то и дело — русская тварь!

Как-то осенним сумрачным вечером клочковатые рваные тучи раз за разом оплакивали лагерную зону. Бригадники притаились по своим местам — дремлют в ожидании проверки. Лишь вездесущий Свистула рыщет по зоне, ищет удачи, ни на минуту не забывает свой святой закон «Волка ноги кормят». Он-то и объявил в бараке:

— Господа Шулюмкины и Баландины, внимание, внимание!.. Желаящие посмотреть очередное бесплатное представление цыганенка с Индии, прошу на выход! Спешите, спешите, спешите увидеть истребление цыганского рода на земном шаре!..

Вышел и Павлик посмотреть на дикое, бессердечное избиение цыганенка. У самой кухни лагерные придурки окружили малолетку и с яростным ожесточением «месят» его в грязи, а он, как вьюн на сковородке, аж подпрыгивает под бессердечными ударами носков.

— Ой, болит!.. Ой, нэ быйтэ мэнэ!.. Я бильше нэ буду красты!.. Ну-у ийбогу, не буду! Простіт<э> мэнэ, дурного цыгана! Оцэ я послідній раз в життіи крав! Ну-у, братка, нэ бый під дихало, воножж болит!.. Ой-йой-йой-йой!!! А, братка, нэ бий під дихало, а то я рідного дідуся ніколи не побачу!.. Ну-у ийбогу, болит!.. (364)

Полуживого, всего в ссадинах, так и бросили лежать в грязи.

— Долго не жить цыганенку после такой «исповеди». Вероятно, все печенки и селезенки поотбили, — возвращаясь со смотрин, толкует Степа.

— Ой, не бый, а то я рідного дідуса нэ побачу! — смеется Ваня-мясник.

— Это его наследственная стихия, он скоро, братцы, и лагерную лошадку уведет!

— Вот красота была бы, в баню не гоняли б, дров не на чем было б возить!

— А эти отъевшиеся на наших крохах повара бьют, как настоящие боксеры, никакой жалости.

Зашли в барак, уселись гурьбой и продолжали начатый разговор о злополучной лошадке.

— Я, братцы, разделал бы эту лошадку на славу, — продолжает мясник Ваня Володин. — Когда снимаешь кожу, туша делится так: разрежешь брюшину, выберешь все из внутренней части: кишки, конечно, требуху, легкие, сердце, печенку, потом начинаешь разрубку туши на полтуши...

— Эх ты, родимый ты мой Ванечка, — не выдержал Митя-кулинар. — Ну что ты о сыром мясе глаголешь?.. Ну просто противно слушать!..

— И правда!.. Давай о вареном рассказывай! — шумит Яша Чумовой.

— Вот попалась бы эта лошадка мне. Я бы вас всех накормил от и до. Сварил бы я ее большими кусками, — со сладкой улыбкой рассусоливает Митя. — Потом порезал бы я вареное мясо приличными порциями, так граммов по двести-триста, гарнирчик любой пройдет: морковный, картофельный или, там, вермишелевый — кушайте, пожалуйста, дядя Коля! Или вы, ваша светлость, конятину не употребляете? Она лошадиным потом отдает?..

— Ха-ха! Да я бы сейчас кошку съел и безо всякого гарнирчику, сырой. Так-то, маэстро кулинар!

— Ха-ха-ха!!! Вот дает дядя Коля!

— Эх, братцы!..

— Не мешай!.. Продолжай, Митя! Ну что же ты только дяде Коле выделил порцию и больше никому? Это с твоей стороны нечестно! Продолжай... дели... или ты что, как и все — не успел поваром заделаться, уже зазнался?

— Да выделю я тебе, Яша, не переживай, родимый... Или пожарить, залить соусом и сверху сметанкой с хреном, а можно и без хренку... — входит в раж Митя-кулинар.

— Можно!.. Можно!.. Конечно можно!.. — зашумели голодные слушатели.

— ...Собственным бульончиком полить, зажарить

(365) Каламбур, основанный на созвучии слова «кулинар» с фамилией знаменитого героя-летчика В. К. Коккинаки.

лучок и сверху посыпать... Объедение, братишки... Это, братцы, житуха!.. А сколько блюд можно еще приготовить из этой лошадки?.. Бифштекс рубленый по-домашнему с лучком, запеченный под слойкой... объедение, братцы, филе жареное на решетке... Не пробовал, Яша?.. — тот помотал головой. — Э-э-э... брат, много ты потерял! Антрекот на вертеле, хотя делают его из межреберного мяса говядины... не будь я подлец... между нами говоря, сейчас прошло бы за первый сорт и с лошадки...

— Эй вы!.. Повара, шеф-повара, кулинары и Коккинаки (365)!.. Марш по местам!.. Ишь ты, собрались!.. А то швабры вместо тефтелей получите!.. — зарычал на весь барак староста Володя, и все кинулись врассыпную, словно цыплята, спасаясь от налетевшего коршуна.

— А то, чего доброго, договоритесь да и в самом деле украдете да нарежете лагерную лошадку, знаем вас, арестантов! Отвечай тут потом за вас!.. — не унимается староста. — Ишь ты, в баню неохота ходить!..

А деньки осенние все холоднее, все дождливее, не дают покоя лишенным свободы ни ночью ни днем. Прижмутся ноченькой друг к другу Степа, Ваня и Павлик, согреются в мокром, поспят, а утром снова по лагерному звону на целый день под морозящий дождь. Володя-староста выгоняет бригады из барака к вахте на полчаса раньше. Прислонятся ребята к стенке расконвоированного барака, ну точь-в-точь как мухи по осени, а вокруг висит сумрачная мгла, окутывая мраком ждущих развода. Вдруг неожиданно-негаданно польется холодный дождь и косыми струями достает и безбожно хлещет свои жертвы, прижатые к стене плотной массой.

— Табачку!.. Табачку!.. Кому закуточку?.. — бегают, не обращая внимания на дождь, Петро Свистула.

— Да-а-а... — нарушает тишину Степа-харьковчанин. — Останемся жить и, если попытаемся рассказать своим правнукам, скажут: «Шутишь, прадедушка?.. Сказочки рассказываешь?.. Разве же может такое живой человек пережить?»

— И, что удивительно, никакие болезни к нам не пристают, — говорит Востриков Борис. —

Хотя бы заболеть да прокантоваться это времечко в слабосиловке.

Подошел Рассосётсё, ищет компании дружных ребят, но Степа, не задумываясь, быстро отшил его:

— Чеши отселе, тварь позорная, здесь каждый божий день пайки пропадают, не ты ли их воруеть?..

И Фан Фанович обиженно отошел, шумно втягивая простуженным носом воздух.

Павлик продолжает жертвой сна топить печку в бараке и высушивать свою одежду, а иногда и Степину успеваает. В одну зловещую ночь, как не силился бодрствовать истопник, а глаза словно песком засыпаны, невольно закрываются, щеки налились розовой краской у пылающей печки, а в голове как опилок кто посыпал после тяжелого одиннадцатичасового дня на хмуром горизонте сортировки. И истопник, ласкаемый шипом горящей березы, сидя прилично вздремнул. И снится ему чудесный сон, как будто он уже с крыльями, взмахнул ими и взвился ввысь, вот уже уральские горы внизу, а он летит быстрее стрелы туда, на выручку своим годкам (366): «Держитесь, дорогие годочки, я лечу к вам на помощь, будем вместе бить фашистского зверя и мстить за поругание нашей священной земли!» И кинулся он на большой немецкий танк типа «Тигр», и ударился с такой силой... В это время на голову Павлика опустилась резкая рука с такой силой, что он, находясь еще во сне, брякнулся как подкошенный на пол.

— Чегодохнешь?.. Для чего ты здесь поставлен?.. Курортничать у печки?.. Что это тебе, Эссентуки?.. Доходяга чертов! Брысь отсюда, тварь позорная! — и толкнул под бок валенком лежачего Павлика.

Горе-дневальный сноровисто подхватился, избегая повторного удара, подбежал с другой стороны печки, поснимал уже не свою, а Степину одежду и поплелся в свое гнездо.

В одну из ноябрьских ночей заметался Павлик в жару. То всегда было холодно, а вдруг появилась ломота во всем теле, мучительная головная боль и горячка, как будто его в горячую парную вбросили, где не хватает легким воздуха. Что дальше случилось, Павлик не помнит — он провалился куда-то в бездну. Проснулся и пришел в себя в лагерном стационаре.

(367) Убийство сына А. М. Горького Максима Пешкова, который скончался в 1934 г., было в ходе Третьего Московского процесса (1938) вменено в вину тогдашнему наркому внутренних дел Г. Г. Ягоде. Вместе с Ягодой в убийстве М. А. Пешкова и его отца М. Горького, умершего в 1936 году, были обвинены кремлевские врачи Д. Д. Плетнев, Л. Г. Левин, И. Н. Казаков. В конце 1980-х гг. обвинение в убийстве было признано сфабрикованным. Все, кроме Ягоды, были реабилитированы. Сведения о причастности к этому делу доктора по фамилии Шапиро найти не удалось. Кроме того, учитывая, что заключенные ГУЛАГа, особенно политические, старались никому не рассказывать о своих делах, такая осведомленность постоянного об обстоятельствах чьего-либо осуждения представляется крайне маловероятной. В то же время связь с громким делом, которое в свое время освещалось в газетах, считалась среди заключенных престижной. Таким образом, рассказывая о докторе Шапиро, Овчаренко, скорее всего, передает лагерную легенду, которая сопровождала эту женщину, подчеркивая ее высокую квалификацию и особенное уважение, которым она, сама будучи заключенной, пользовалась среди своих пациентов.

— До-ктор!!! До-ктор!!! Беспробудный пришел в себя!.. — словно психопат, закричал сосед по койке.

Седая женщина в белом халате мигом подошла к Павлику, приложила руку ко лбу, потом к сердцу, подсела рядом и принялась кропотливо прослушивать грудную клетку.

— Дыши!.. Еще дыши!.. Еще!.. — прозрачные капли выступили на лбу больного, уже хрипит что-то в правом и левом боку: «Ну чего она пристала ко мне как оса? Даже мне, больному, слышно, что в груди хрипит!» А она не отстает: «Дыши!.. Еще!.. Молодец!..» — похлопала она по щеке Павлика. «Санитарка!.. — санитарка подошла. — Идите на кухню, выберите из мерзлого картофеля серединок немерзлых. Скажите повару, я велела. Приготовьте тепленького картофельного бульончика и попеременно через каждые два часа давать этому больному по две столовые ложки картофельного бульону и по две ложки жидкой затирки, да смотрите не переиграйте, он очень слабый. Он будет жить!» Приподняв свою седую голову, чинно удалилась в свой ветхий кабинетик, бормоча себе под нос: «Ну и организм... же-лез-ный!..»

— Да, что же это, братцы, за врач? — прошептал слабым голосом оживший больной. — Она как принялась прослушивать меня, так даже я почувствовал, где рыпит внутри, как новые хромовые сапоги у деревенского парубка.

— Чудак ты, а не сапог! — шепчет тот сосед, который первый, паникуя, позвал врача. — Это же доктор Шапиро!!! Понимать надо! Да ее же все знают!

И еще тише прошептал: «Их здесь целая группа из Кремля. Говорят, еще по соседним лагерям разбросаны. Они по делу сына Горького Пешкова (367) сидят. Может, читал в газетах при Ежове?..»

— Да читать-то я читал! Но не может быть, она ведь такая добрая, внимательная, разве же могут быть такие враги народа? Я же слышал и в газетах читал, что Пешкова Максима Алексеевича отравили мышьяком враги народа. Я не верю...

— Цыц!.. Ни слова!.. Ты что, сдурел?.. Я тоже не верю... но молчок... — и еле слышно добавил: — И здесь стукачи есть.

Немного помолчали, потом сосед снова продолжал: — Золотой человек этот доктор Шапиро. Какое у

нее благородное женское сердце, ну настоящая родная мамаша! Посмотрел бы ты, как она за тобой, словно за ребенком, ухаживала, даже ночью не отходила от тебя. Сядет, возьмет за руку и гладит, гладит. А я не верил, что ты оживешь, думал, живой труп около меня лежит, даже жутковато бывало ночью. Да ты хотя знаешь, сколько ты спал?

— Сколько?..

— Ха-ха-ха!!! Да ровно недельку!

— Да ты что, сдурел, что ли?.. Не может этого быть!

— Вот тебе и не может! У тебя температура дня

четыре или пять держалась сорок один градус, а позавчера померила медсестра... между прочим, тоже врачом работала на воле; Шапиро себе плохую не возьмет в помощники... так вот, она померила температуру и подняла истерический крик: «Доктор!.. Доктор!..» Я аж испугался. Думаю: «Все, преставился сосед», а она кричит: «Тридцать восемь у больного!..» Шапиро сразу же пришла, послушала тебя и говорит: «Миновал кризис!..» А вчера уже тридцать семь и пять — и вот ты проснулся сегодня, а доктор тут как тут! Что же тебе наснилось за эти дни?..

— Ничего себе «Тут как тут...» Да ты же всех в палате напугал этим криком: «Доктор, беспробудный проснулся!» А насчет снов — ничего, дорогой, не помню, мне кажется, я где-то в парной и жаркой бане находился!

Прошло два дня, и Павлик уже получает нормальный стационарный паек, и того кажется мало. Доктор Шапиро выходила Павлика и в конце декабря 1942 года выписала его в слабосиловку (ОПП).

Здесь большинство пеллагриков отдыхают в одной летней одежде. Кому требуется выйти из барака, у выхода лежат три пары пеньковых лаптей. На сплошных нарах лежит по два сшитых матраса, каждому выдано байковое одеяло, но целых одеял нет, они напоминают решето. Получил и Павлик половину. Нитки из одеяла выдерживают все пеллагрики. Каждый имеет деревянный березовый крючок и рукодельничает, кто что умеет: носки, рукавички, перчатки, и готовые рукоделия меняют у горняков на хлеб и табак.

Павлик быстро научился вязать крючком носки наподобие лаптей. Из-под крючка они выходили толстоватые, теплые и крепкие. В бараке Индии у латыша за две-

(368) Ахтырка — город на Украине в Сумской области в ста километрах от Харькова.

(369) Внутренняя тюрьма Харьковского областного управления НКВД располагалась на перекрестке улиц Чернышевской и Совнаркомовской.

сти граммов хлеба выменял старое цветное шерстяное одеяло и постепенно распускает его — в два дня кропотливого труда носки-сапожки готовы. Выберет такое время, когда зажиточные горняки приходят с работы и получают пайки, надевает на босу ногу лапти и бегом по снегу к горнякам, воровато оглядываясь назад, чтобы не заметили. Заметят — немедленно выпишут на общие работы, а кому охота из тепла зимой в холод попадать? В бараке горняков с охотой берут эти носки вместо тапочек. Там ведь тоже такой порядок, как и в бараке контриков — босыми ходить по полу. Подрабатывая, Павлик через день употребляет лишнюю большую горняцкую паечку. Иногда у него появляется и табачок, а у кого табачок, то и друзья находятся. Закурит самостоятельно и пускает дымок вокруг себя, блаженствуя. Тут же быстро образуется кружок тощих, сидят друзья по несчастью и ждут покурить.

— Я, Павлик, твой земляк, — напоминает, поджидая «сорок», седой как лунь старик. — Ты из Харькова, а я из Ахтырки (368).

— Расскажите, дядя Алексей, за что вы на старости лет влипли в болтуны? Как будто по этой статье в основном была облава только на молодых, только на способных держать в руках кирку, а с вас никакого толку, — спрашивает Павлик.

— О-о-о, дело прошлое... Работал я архитектором, — охотно рассказывает дядя Алексей. — Приезжай, Павлик, после отбытия срока в гости ко мне. Посмотришь, какие красивые у нас места и дома — век бы жить и не тужить. Улицы что картинки — это моя работа. Я проектировал эти дома и улицы. А пришили мне вредительство в тридцать восьмом году. Посидел я годик под следствием, и меня выпустили из гробницы как невинного — в общем, полностью оправдали! У вас в Харькове сидел на Чернышевской (369)... Вот где крепостной каземат!..

— Ну, дядя Алексей, оставь же двадцать! — с молящим упреком просит рядом сидящий сосед.

— Фу ты, чертова цитадель, заговорился! Прости меня, Миша, держи, докуривай, извини старого высохшего сухаря!

Миша потянул пару раз, чуточку отвел душу и передал другому догорающий окурочок, а рядом сидящий готовит две палочки — щипцы, ведь в руках уже с трудом,

обжигая пальцы, держит не окуроч, а догорающую застывшую бумажку, но все же воняющую табачком.

— Так вот, эта тюрьма у вас...

— Дядя Алексей, пускай будет «у вас», вы же архитектор, тем более там сидели, вам карты в руки, — смеется Павлик.

— Не перебивай, земля, я и сам собьюсь. Знаешь, какая у нас, стариков, память? Говоришь, говоришь — и забыл, о чем речь вел. Так вот, эта у вас выстроена по последнему слову техники, — продолжает архитектор. — Коридорчик блестит, выкрашенный шаровой краской, дверей совсем не видать, все под один шнур, сплошной коридор и все тут. Поверь, я как архитектор разбираюсь в этих нюансах строительства. Нажмет надзиратель кнопку — дверь открылась... Когда я сидел, так говорили, что сам Балицкий Всеволод Аполлонович, который эту цитадель строил, будучи председателем ГПУ, а потом и сам туда попал, так он посидел пару дней и перевели его в Москву на Лубянку, он проходил по антисоветскому военно-фашистскому заговору. Так вот, есть поговорка: «Не рой другому яму, а то сам в нее попадешь». Вот и его хлопнули по решению комиссии НКВД СССР, Прокуратуры СССР (370), Председателя Военной коллегии Верховного суда 27 ноября 1937 года (371). Вот так-то, Павлик, собаке собачья смерть! А я, дурачина... Ох, какой я дурак! Поискать таких надо идиотов! — и ударил себя в отчаянии ладонью по лбу. — Стал, старый дурень и пеня неотесанный, законы искать, потребовал, чтобы мне заплатили в двойном размере за проведенный мной год в тюрьме. Мне и пришпандюрили 58-ю статью, пункт 10-й как антисоветскую агитацию и отмочили на полную катушку. А Ахтырка у нас красивая, — продолжает дядя Алексей, — вся в садах и зелени. Не забудь, Павлик, обязательно приезжай в гости.

В лагере подчистили в армию всех поляков. Формируют на территории Советского Союза дивизию имени Костюшко. А чуть попозже забрали и румын (372). Радуются заключенные, теплится надежда, что скоро и русских будут брать на передовую (373). И вскоре понеслась по лагерю весть: придет военная комиссия набирать в армию Рокоссовского (374). Он сам из политических

(370) Неточность. Комиссия НКВД и Прокурора СССР, так называемая «двойка», действовала в 1937—1938 гг. и выносила приговоры по «национальным операциям».

(371) Балицкий В. А. (1892—1937) — видный деятель ВЧК — ОГПУ — НКВД, в 1923—1931 гг. — председатель ГПУ Украины. В период Голодомора руководил мероприятиями ОГПУ по «безусловному выполнению плана

хлебозаготовок», впоследствии один из организаторов Большого террора на Дальнем Востоке. Расстрелян 27 ноября 1937 г. в Москве по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

(372) В мае 1943 г. на территории СССР была сформирована 1-я Варшавская польская пехотная дивизия им. Тадеуша Костюшко, в состав которой вошли польские граждане и граждане

Советского Союза, владевшие польским языком. Летом 1943 г. началось формирование 1-й румынской добровольческой пехотной дивизии (впоследствии им. Тудора Владимиреску), костяк которой составили румынские военнопленные.

(373) В соответствии с Указами Президиума Верховного Совета СССР от 12 июля и 24 ноября 1941 г., досрочному освобождению от наказания и передаче в Красную армию подлежали некоторые категории осужденных за незначительные преступления. В 1942—1943 гг. освобождение продолжалось по специальным решениям Государственного Комитета Обороны, однако на осужденных за «контрреволюционные преступления» эти указы и решения не распространялись. За первые три года войны таким образом было досрочно освобождено и направлено на фронт 975 тыс. человек. См. фрагмент доклада начальника ГУЛАГа В. Г. Наседкина Л. П. Берни о работе Главного Управления исправительно-трудовых лагерей и колоний НКВД СССР за годы Великой Отечественной войны от 17 августа 1944 г. (История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов. Т. 4. Население ГУЛАГа: численность и условия содержания. М., 2004. С. 95. Далее — История сталинского ГУЛАГа. Т. 4).

(374) Рокоссовский К. К. (1896—1968), с 1944 г. — маршал Советского Союза, в 1937 г. был арестован по ложному обвинению в связях с иностранными разведками. В ходе следствия подвергался пыткам, однако не дал признательных показаний и никого не оговорил. В 1940 г. он был освобожден в связи с прекращением уголовного дела и реабилитирован. С августа 1941-го по сентябрь 1942 г. командовал 16-й армией, затем получил повышение. В годы войны пользовался большой популярностью благодаря личному мужеству и гуманному отношению к подчиненным. Со слухами, что он сам испытал на себе участь заключенного, связана легенда о том, что «армия Рокоссовского» якобы была полностью укомплектована бывшими заключенными и военными штрафниками.

(375) В приводимой Овчаренко интерпретации легенды об «армии Рокоссовского» можно услышать отзвук получившего широкую известность подвига Александра Матросова, совершенного несколько позже описываемых событий — 27 февраля 1943 г. Матросов служил не в «армии Рокоссовского», и его официальная биография была совершенно «чистой»; тот факт, что он был судим и до того, как оказаться на фронте, отбыл наказание, не разглашался.

заклученных, побыл под «ежовой рукавицей», лично сам Сталин его реабилитировал. Это наш брат, у него даже зубы повыбиты в застенках Лубянки, но он вставил из драгоценного металла. Он все пережил за колючей проволокой, все знает, сочувствует нашему брату, и если солдаты идут в атаку с криком: «Ура-а-а!!!», а матросы кричат «Полундра!!!», то Рокоссовского войска, идя в атаку, кричат «Твою так!!!» и кидаются кто на дзот, а кто на танк (375). Дошел этот слух и в слабосиловку. Павлик купил за пайку лист бумаги, написал заявление и носит в кармане, как святыню, как неопенимую драгоценность, не знает, куда обратиться с ним, и никому не признается в своей задумке.

Во второй половине января 1943 года приехала в лагерь комиссия. Павлик воровато, чтоб никто не видал, убежал из барака слабосиловки и с ходу ворвался в комендатуру. Открыл волшебный кабинет, и взору начальника лагеря и трех военных предстал полураздетый, в пеньковых лаптях на босу ногу, полных снега, тощий двадцатичетырехлетний пеллагрик, держащий в руках грязный клочок бумаги. Все военные, сидящие рядом за волшебным столом, с удивлением и брезгливой иронией посмотрели на ворвавшегося без приглашения в кабинет.

— Как фамилия? — с чувством отвращения к этому горе-вояке, почти одновременно спросили два комиссующих.

— Иванов.

— Тебя вызывали?.. — спросил средний.

— Нет! — заторопился вошедший в суеверном волнении. — Но вот!.. — и положил на стол замусоленное, помятое, грязное заявление. Разве им докажешь, что это заявление ценой в одну паечку вкуснейшего хлебушка?

Военный развернул бумажонку и прочел:

З А Я В Л Е Н И Е

Прошу взять меня добровольцем на фронт!
 Жизнь отдам за Родину! Убедительно прошу!
 Не пожалею последней капли крови. И еще раз
 прошу — не откажите в моей просьбе!
 Январь 1943 года П. И. Иванов

А тощий спешит побольше сказать, на ходу соображая, что к нему относятся скептически, боится, что его не выслушают до конца. И начал путать все то, что зазубрил бессонными ночами.

— В штрафную (376) прошусь я!.. Возьмите меня в армию, — напряженно торопится проситель. — Дайте возможность хотя умереть человеком!.. Я кровью искуплю свою вину перед Родиной!.. Я!.. Я-я-я!..

— Какой у тебя срок?..

— Восемь лет! Но я уже два...

— Какая статья?..

Мурашки спину защекотали просителю. «О-о-о...! Проклятая статья!» — думает он.

— Пятьдесят восемь — десять... — упавшим голосом ответил Павлик, уже окончательно осознав, что его не возьмут, раз статью спрашивают.

— Мы эту статью не берем! — и подает средний комиссар обратно Павлику заявление.

Павлик к заявлению не притронулся, он встал на колени, слезы покатались по его худому лицу, лапти соскочили с ног; где он стоял, уже образовалась лужа на чистом полу от снега, тающего на ногах и лаптях. Босые, мокрые ноги так и оставляют следы на полу своими пальцами и пятками, но он, убитый горем, ни на что не обращает внимания, жалобно просит комиссию, в голове жаринь поднялась, и очень часто виски стучат и давят на темя. Павлик силится что-то новенькое сказать, но голова в шоковом состоянии ничего не соображает, а изо рта вылетает одно лишь слово:

— Возьмите!.. Возьмите!.. Возьмите!.. — наконец прорвалось что-то внутри, и он залепетал: — Не на курорт прошусь, а в штрафную!.. Возьмите!.. Умоляю!.. Прошу вас!.. Вы можете!.. — и протянул обе руки вперед. — Я кровью...

— Не имеем права мы тебя взять! — сухо отчеканил один из комиссующих. — Статья не позволяет!

— Возьмите!.. — в последнем усилии беспомощно простонал Павлик, падая на пол.

Начальник лагеря вызвал из соседней дежурки двоих надзирателей, и пятидесятикилограммового пеллагрика, как пушинку, вытащили в коридор и выбросили вслед лапти. Павлик посидел немного, приподнялся — в коридоре

(376) Т. е. в штрафную роту, куда направляли на службу досрочно освобожденных заключенных.

(377) Буряк — свекла;
«бурякова морда»
означает «краснорожий».

холодновато, здесь не поваляешься, — и тихо, шатаясь, поплелся в свою слабосиловку. «Наплевать теперь на все, — думает он, — и на холод, и на снег, и на злющий ветер, который задувает под рубашку и брюки, и на то чихать, что заметят в слабосиловке и вышвырнут на общие работы за зону, все равно здесь могила моя!» Но, к счастью, отлучки оскорбленного никто не заметил. Зашел пеллагрик в барак, залез на нары, окутал ноги решетчатым одеялом, свернулся калачиком и в горьких слезах уснул.

Ненапрасно конвоиры с недоверием и подозрением смотрят на контриков, как на животных. На разводе их ежедневно инструктируют и нашпиговывают, напоминают: «Товарищи бойцы! Охраняйте зорко! На вас страна смотрит! Помните, вы охраняете отбросы общества! Среди охраняемых вами заключенных находятся враги советской власти, рецидивисты, аферисты и прочие чуждые субъекты! Если убежит кто-нибудь из них, может много вреда принести нашей любимой Родине. Так будьте бдительны, и при малейшей попытке к побегу применяйте оружие без предупреждения!»

Топлива в лагере мало, и через сутки более надежные на вид слабосильные отправляются в лес по дрова. В один из погожих деньков тихо шли слабосильные в лес. Вдруг Павлик увидел среди конвоиров Свиридова, того самого людоеда из седьмого лагпункта: «Братцы, горе нас охраняет!.. Среди конвоиров волк появился!.. Он сзади, бурякова морда (377)! Остерегайтесь его, он щелкает нашего брата как семечки. Передайте по цепочке: строго держаться проторенной дороги, никому не отставать, первым не спешить! Я знаю этого кашалота по седьмому лагерю», — продолжает напутствовать своих слабачков Павлик.

Карымов, бывший сынок бая, отбывает срок с тридцать третьего года, ему до конца срока осталось два дня. Он очень слаб, отекающие ноги не слушаются его, под глазами синевато-водянистые мешки, он бесконечно жалуется на горношорскую разреженную атмосферу, на одолевшую его цингу. «Какая там в черта цинга, — думает Павлик. — Дай ему хорошее питание, позабудет он и о

климате, и о цинге». По дороге Карымов рассказал свой страшный сон:

— Биратцы, мина ноцу синился болсой, болсой собака кусай, кусай, кусай мина!..

— Я тебе могу отгадать этот сон! — отозвался идущий за Карымовым Погодин Ваня.

— Через два дня у тебя конец сроку. Отгадал?..

— Это твоя и так снала!

— Слушай дальше! Тебя вызовут в УРЧ (378) и скажут: «Распишитесь, Карымов, о том, что вы задерживаетесь в лагере как особо опасный государственный преступник до особого распоряжения!» (379) Ты распишешься и будешь хлебать вкусную баландочку до самого окончания войны, а возможно, и дольше.

— Тьфу!!! Тьфу!!! Нехолосый слова твоя моя говолы! Все идущие поблизости захохотали.

— Что там за смех?.. — грозно подал голос Свиридов с хвоста цепочки пеллагриков.

С трудом свалили горе-лесорубы сухую лесину. Увязали по две чурки: одну назад, вторую вперед через плечо, и двинулись в обратный путь. Карымов вскоре стал отставать от цепочки идущих, но остальным, еле передвигающим ноги, не до Карымова. Свиридов все время подталкивает отстающего прикладом, а у Карымова, как назло, развязалась веревка и чурки попадали на снег. Не успел он нагнуться за ними, как грянул выстрел. Все оглянулись и увидели Карымова, лежащего на чурках мертвым. Некоторые слабосильные бросили свои дровишки и ринулись к Карымову, но Свиридов зарычал:

— Назад!.. Я вас, подопытных кроликов, всех перещелкаю! Что вы думаете, я чикаться с вами буду?..

«Вурдалак! Людоед! Убийца!» — закричали из цепочки слабосильные.

— Кто там еще не доволен?.. Выходи сюда!..

— Кровопийца!..

— Сесть!.. — командует Свиридов, а остальные два конвоира только посматривают на этого людоеда. — Я вас, зверьков-хорьков, больше сотни перещелкал! У меня сотни грамот за бдительность, мне скоро орден за вас дадут, и не мычите напрасно!

Расстояние до лагеря километра два. На эхо выстрела двинулись от лагеря три конвоира на лыжах.

(378) УРЧ — учетно-распределительная часть лагеря; подразделение, ведавшее распределением рабочей силы.

(379) Освобождение из лагерей, тюрем и колоний «контрреволюционеров и других опасных преступников», отбывших свои сроки, было прекращено в соответствии с совместной директивой Народного комиссара внутренних дел и Прокурора СССР № 221 от 22 июня 1941 года. Аналогичная директива № 185 от 29 апреля 1942 г. разрешила формально освобождать «задержанных» таким образом людей, но требовала оставлять их для работы в лагерях «на положении вольнонаемных без права выезда и с прикреплением до конца войны к районам работ лагеря-стройки». Осужденных «за измену Родине, террор, шпионаж, диверсии, троцкистов, правых и бандитов» эта директива не касалась; им объявлялось, что они «оставлены под стражей до окончания войны».

— В чем тут дело? — спрашивает начальник караула.
— А вот при попытке к побегу!
— Где же «при попытке»? Он же на дорожке лежит.
— Собирался, соби́рался бежать, — панически заторопился Свиридов. — Он и дровишки бросил!
— Да ты, я вижу, пьян...
— Нет! Нет!.. Я только стаканчик сивухи дернул для храбрости!
— Оно и видно! Давай сюда свою винтовку! — взял и вынул затвор и положил себе в карман. — Вот так будет лучше и надежнее. А то еще начнешь палить вслед нам «при попытке»! Оставайся охранять своего беглеца, мы вышлем лошадку из лагеря. Остальным подъем!.. Вперед!..
Два дня не дожил горемыка Карымов, чтобы стать равноправным гражданином с убийцей.

Весь мир для них — преступник.
Они превыше всех.
Любые стены треснут
Под взглядом этих глаз.
Убьют! — Они воскреснут,
Но выполнят приказ.

Мир разделен на части,
В нем властвует тоска,
Пока во власти власти
Конвойные войска.
Пока во власти власти
И сила и приказ...

Михаил Дудин (380)

Подошли к лагерю. Весь конвой собрался у лагеря. В зоне тоже повыскакивали из бараков заключенные. Только вошли слабосильные с дровишками, их окружили, каждый спрашивает: «Кто убил? За что убил?» Чума из ширпотреба организовал поход своих шики-брики к вахте, и хотя здесь и расстояние всего пятьдесят метров, но все дружно взялись за руки и плотной массой подошли к пропускбудке, скандируя: «Убийцу судить!!! Убийце смерть! Произвол!»

Дежурный пропускбудки зашумел:

— Брысь, шпана, от вахты!.. Эй, на вышке, дай слово «товарищу Максиму» (381)!..

Зарокотал пулемет, и липовые демонстранты только пятками засверкали, убегая от вахты. Однако в ширпотребе, куда они все спрятались, разговоров не занимать:

— Я бежал, а пули у самого уха — шик-к, шик-к!!!

— А у меня тоже — тюх-х, тюх-х!!!

Но в самом деле у страха глаза большие. Пулеметчик дал очередь выше крыши бараков, в воздух.

— Ну как его, сразу наповал?.. — спрашивает Павлика сосед по нарам.

— Ну а как ты думал? Приложил вплотную винтовку и ахнул, тварь пьяная.

В феврале 1943 года советские войска ликвидировали окруженную в междуречье Дона и Волги группировку немецких войск. 147 тысяч фашистских войск перестало существовать, и 91 тысяча во главе с фельдмаршалом Паулюсом сдалась в плен. В бараки лагерникам даже газеты принесли, ведь это всенародная радость. Правда, не всем слабосильным пеллагрикам и доходягам из Индии посчитали нужным даже словечко прочесть, но все узнали от работяг. Сколько торжества, ликования с этой прилетевшей весточкой, дошедшей из-за Уральских гор: «Теперь наши пойдут! Теперь фашистам капут!..» — ликует братва за колючей проволокой.

Битте, фрицы, в баню мыться,
Вот вам, фрицы, русский душ —
Огневой гремящий дождик
Ослепительных «катюш».

Автор — фронтовик Леонид Дударин (382)

После этой победы Павлик окончательно потерял надежду попасть на фронт: «Если обошлись без нас в тяжелое время отступления, то теперь, [чтобы] собирать урожай, обойдутся и без нас, заключенных. Нужно хотя здесь помогать фронту, а мы здесь сидим трутнями. И вообще, нужно поскорее ретироваться отсюда, это един-

(381) «Товарищ Максим» — контаминация, образованная соединением крылатого выражения «Ваше слово, товарищ маузер!» из стихотворения В. В. Маяковского «Левый марш» и названия известной марки пулеметов «Максим», которое, в свою очередь, было созвучно с именем главного героя популярной историко-революционной кинотрилогии 1930-х годов «Юность Максима», «Возвращение Максима» и «Выборгская сторона».

(382) Источник текста не установлен.

(383) Овчаренко по ошибке использует современное название главной улицы Харькова — Сумская. Между тем его персонаж, призванный в армию из Харькова в 1939 г., должен был знать ее как улицу Карла Либкнехта (такое название она носила с 1924 по 1941 г.).

Площадь Дзержинского (ныне площадь Свободы) — главная площадь города, отличающаяся громадными размерами и окруженная монументальными зданиями.

Госпром (Дом государственной промышленности) — комплекс высотных административных зданий на площади, построенных на площади Дзержинского в 1925—1928 гг.; выдающийся памятник архитектуры конструктивизма.

(384) Улица Свердлова (ныне Полтавский Шлях), одна из главных улиц Харькова, ведущая от железнодорожного вокзала в центр города к площади Розы Люксембург (ныне Павловской).

Харьковский государственный цирк — эффектное здание в стиле модерн на площади Национальной гвардии (до войны — площадь Красного Милиционера), известное как Старый цирк; расположено рядом с улицей Полтавский Шлях.

ственное место в лагере — слабосиловка и стационар, откуда выносят мертвецов, а я еще хочу жить. Уж много я пережил за этот срок и не имею права умереть, не рассказав обо всем самому дорогому человеку — родной мамаше. Эх, мама, мама! Какой ты стала дорогой для меня, самый милый, самый лучший друг на всем белом свете». И на первой же врачебной комиссии Павлик бодрился, улыбался, уверял комиссию, что здоров, выпаливая грудь вперед, и добился направления в ширпотреб. Комиссующие сказали: «Одежду где оставил свою, там и получай». Поплелся слабосильный в старый барак. Володя-староста куда-то отлучился. В ожидании старосты Павлик подсел к старому другу Степе, земляку:

— Ну какие здесь новости, рассказывай, земляля...

— О-о-о... за твое отсутствие произошло много интересного и печального. Ну, первое — из твоих вещей ничего не осталось. Тебя ведь считали на том свете. Кажись, староста Володя забрал все твое. Мы с Ваней твоей одеждой как сменкой пользовались, ох и красота была, придешь с работы мокрый, а тут сухая одежонка, оденешь — и словно в рай попадешь; но в один из холодных днейков пришли с работы, а нары наши очищены подчистую, и Володя-староста перевел на твое место с нижних нар Мишу Конопатого. Только ты молчок, не говори Володе, что я тебе сказал, знаешь, какой он?.. К тому же вдобавок стукач. Заложит за милую душу. Ну а Ваня уже давно в деревянном бушлате.

— Не переживай, не перенесу стукачу.

— Ну а слышал ты, земляля, что 16 февраля наши войска освободили Харьков? Так что можно писать письмо родным.

— О, любимый город!.. Степа, а какая тебе улица больше всего нравится в нашем городе?

— Ну что ты спрашиваешь? Как будто не знаешь! Конечно, Сумская с ее великолепной площадью Дзержинского, а чудесный Госпром (383), который виден со всех концов города, как маяк в море...

— А еще, Степа, улица Свердлова мне очень нравилась, начнешь идти от вокзала к площади Розы Люксембург или наоборот. Пройдешь — и еще охота вернуться поглазеть направо, налево по разнообразным магазинам, ателье... а цирк (384)... о-о-о... как я любил подростком

бывать в нем, по пять раз одну и ту же программу смотрел, и не надоело.

— Ну ты, земля, мастак врать, я и не замечал за тобой такого. «По пять раз одну программу смотрел!» Загибаешь, загибаешь земляку! Ха-ха!.. А деньги где ты брал?..

— Ни граммочки не загибаю, дорогой земля! Неохота старое ворошить, но придется. Знаешь, в тридцать третьем году страшная голодовка была (385)! Бросил я школу, в четвертый класс тогда ходил. Между прочим, когда я попал в детдом, то сразу в пятый перешел, и, что удивительно, учителя говорили мне, что я скрыл, что мне надо в седьмой ходить, «а ты в пятом дурака валяешь». Ну, не в этом дело... Так вот, когда я ходил в четвертый класс... Ну какая там могла быть учеба, когда кишка кишке похоронный марш играли? И торговал я, Степа, в день на самом главном Благовещенском базаре (386). Наберу, бывало, чайник воды в реке Лопань, которая рядом протекает, и бегу, кричу: «Есть свежая криничная (387) вода!..», и пили за мое здоровье по пятаку стакан. Наторгую два-три рубля — покупаю папиросы; трудягам папирос не было, а нам, барыгам, — пожалуйста, только мы переплачивали за каждую пачку по пятаку продавщице. И вот я бегу на Южный вокзал; конечно, не бегу, а на трамвае, иногда на левой стороне, иногда на буфере (388) прибываю. И бегаю, кричу: «Есть „Аначка“, пятак штука, рубль пачка! (389) Навались, у кого деньги завелись!» А попозже на Павловской площади у ресторана, здесь бегаю, кричу: «Есть „Северная Пальмира“ (390)!» Бегаешь, шумишь, а сам по сторонам, как барсучок, посматриваешь, нет ли поблизости мильтона (391) или еще страшнее — агента в вольной одежде. Отбирали, паскуды, до последней пачечки. И снова надо было начинать с криничной воды. Бывало, за день натргуешь рублей двадцать-тридцать, а буханка хлеба стоила сто рублей, да и то можно было купить утром на базаре, а по магазинам вечером хоть шаром покати, ничего съедобного не купишь. Вот и бегу в цирк в такую позднюю пору. Беру билет на галерку, а в цирке в буфете дешевые коржи продавались. Знаешь, голодовка кругом, так что всем не до цирка, а эти коржи — приманка была: не возьмешь билет — не купишь коржик. Они ржаные, черные-черные, на патоке. Вот возьмешь

(385) Имеется в виду массовый голод 1932—1933 гг., особенно поразивший Харьковскую область.

(386) Благовещенский базар (Благбаз) — исторический центральный рынок Харькова.

(387) От укр. «криниця» — колодец или природный родник.

(388) В конце 1920-х гг. трамвайное хозяйство Харькова было укомплектовано вагонами типа Х — двусторонними, т.е. имевшими двери как с правой по ходу, так и с левой стороны. Посадка и высадка пассажиров производилась справа; левые двери оставались закрытыми, но безбилетники ездили на подножках, держась за поручни и рискуя при этом попасть под удар встречного трамвая. Несколько более безопасной была езда на заднем буфере вагона.

(389) Название папирос происходит от «анач» — листья табака с верхней части растения, представляющие собой высококачественное сырье для табачных изделий. Поговорку «Е «Аначка» — п'ятак штука, рубль — пачка», вспоминает и ровесник Овчаренко, крестьянин из-под Харькова А. А. Зуб (см. электронный ресурс: www.golodomor.kharkov.ua/stories.php?page=5&story_id=18. Дата обращения: 2 марта 2017 г.).

(390) «Северная Пальмира» — дорогая марка папирос.

(391) Милтон (блат. жарг.) — милиционер.

(392) Камса (укр.) — хамса, см. прим. (200).

(393) Реплика Сталина «Сын за отца не отвечает» была брошена в ходе совещания передовых комбайнеров и комбайнерок в Москве 1 декабря 1935 г. в ответ на выступление одного из участников, признавшегося в том, что он является сыном кулака. Получила широкую известность в печати.

билет, не пропадать же ему, и смотришь столетнюю программу, а там раз в месяц ее меняют, а иные номера и весь сезон показывают. Я это крепенько изучил, мне там каждый уголок знакомый. А рыжего клоуна да я каждый божий день смотрел бы, и мне бы ничуть не надоело бы любоваться этим чудиком. Клянусь, Степа, это чистейшая правда! А писать домой я все же не буду.

— И не будешь просить: «Милые сухарики, вышлите мне родителей?..» Ха-ха-ха!!!

— Стыдно мне писать, Степа... Родным я бы еще написал: «Так и так, сижу в заключении», а ведь узнают товарищи, знакомые девушки... Они меня знаешь, кем представляют?.. Э-э-э... дорогой друг... Героюм ждут с войны! Я был вожак и заводила повсюду и везде среди своих сверстников. А теперь... О-о-о... Позор!.. Позор!.. Ты знаешь, что я расстреля у трибунала просил, а они, гады, не дали мне шлепки? Да это позор на всю Европу... «Враг народа», горюшко мне, горе!..

— А причем тут Европа?.. А доходить и умирать с голоду, по-твоему, не позор?..

— О, земля, у нас была большая семья, мы только перед войной и поели досыта хлеба с камсой (392), а тут проклятущая война... Видишь, как здесь люди питаются: на брюкве да картошке живут, так это же в глубоком тылу. А там если не немец, то наши, вероятно, все под метелку подчистили, так что я, с них последнюю шкуру буду снимать?.. Милые родители, радуйтесь — ваш сынок, ваше родное чадо в тюрьму угодило, и не так-то просто, а государственный преступник ваш сыночек. Ну как я им объясню, что я невиновен? — и слезы покатились по щекам. — Да ты знаешь, какое сейчас время?.. От соседей не будет житья ни отцу, ни матери, ни братьям, ни сестрам из-за этой проклятой статьи! А на свете еще не перевелись подлецы. Вот они-то и будут колоть глаза родителям.

— Да отец за сына, а сын за отца не отвечает — так сказал товарищ Сталин (393).

— «Сказал, сказал, закон, закон!.. Ты слышал, месяц назад охранник Свиридов ухлопал узбека Карымова со слабосилочки, которому оставалось два дня до окончания срока?.. Так вот, в то время, когда я бегал по базару, продавал мутную воду пятак стакан, он служил в армии, защищал наше Отечество. А отец его был бай, ну, его раз-

баили, а по-нашему просто раскулачили. С их места жительства, не знаю, как там в Средней Азии называется, кишлаксовет или иначе как там, а у нас сельсоветом именуют, вот и сообщили из этого сельсовета в армию, что Карымов — сын бая, и его в срочном порядке отчислили из рядов Красной Армии (394). Только приехал он на родину, а ему преподнесли как сыну бая 58-10 — десять лет ИТЛ, пять поражения в правах, пять ссылки. Ну как?.. Отвечает сынок за отца или нет?.. Все это туман для наших простых людей!

Помолчали.

— А возможно, от родителей там, в Харькове, и духу нет. Наш завод ХТЗ эвакуирован куда-то сюда поблизости (395). Короче говоря, ничего не говоря, лучше рассказывай новости, каких я не знаю. Знаешь, там, в слабосиловке — что в тюрьме; сестра-хозяйка злющая как ведьма; вдруг заметит, что отлучился куда-нибудь, сразу на общих очутишься. Так что там не гульнешь шибко.

— Через несколько дней, как ты заболел, однажды рано подали вагоны под погрузку. Мы с Петром и замаскировали в доломите Вострикова. «Братцы! — упрасивал он. — Мне б только из-под конвоя, а там моя забота». И что ты думал?.. Еще не кинулся конвоир, а его уже шорцы в лагерь привели. Ох, и били его, беднягу... А нас с той поры по десять раз на день проверяли.

Вскоре я заболел, а после болезни меня перевели на добычу доломита в ночную смену. Условия против погрузки ухудшились, ночь — не день. Кстати, я в стационаре лежал, там тебя не видел. А забрали тебя без сознания, вот мы все и думали, что ты в деревянном бушлате.

— А я в это время, дорогой ты мой друг, находился уже через стенку в том же бараке, в слабосиловке.

— Быстро ты выздоровел!..

— Ха-ха!.. Да там такой врач, что и мертвого на ноги поставит, да что тебе говорить — ты же прекрасно ее знаешь, раз там был, а я ей своей жизнью обязан. Если б не она, то мне бы крышка. Шутишь, семь дней не просыпался! Я даже не верю. А что с Востриковым дальше случилось?..

— Точно не знаю, мы его больше не видели. Говорят, его с довесочком и лагерной статьёй отправили в Искитимский штрафной лагерь (396), а там, брат, отправляют и

(394) «Изъятие», т.е. увольнение из Красной армии военнослужащих, принадлежавших к «классово чуждым элементам», в том числе сыновей раскулаченных, происходило на основании совершенно секретной директивы Реввоенсовета № 065652/сс от 16 июля 1928 г. После этого чистки армии повторялись неоднократно.

(395) Харьковский тракторный завод был эвакуирован в город Рубцовск Алтайского края.

(396) «Довесочек» — срок, добавленный в результате осуждения по «лагерной статье» (в данном случае — за побег). Штрафной лагерь в поселке Ложок в 9 км от города Искитим Новосибирской области, заключенные которого работали на добыче известняка и мрамора и на производстве извести, был известен убийственно тяжелыми условиями труда.

(397) Тискать романы (блат. жарг.) — пересказывать литературные произведения, содержание кинофильмов и т. п. или импровизировать занимательные рассказы для развлечения других заключенных.

добывают известь, больше полгода никто не выдерживает, а если бригадир злой на тебя, то загонит в вагон работать, и за денек будешь кровью харкать. Вот где каторга!..

В барак вошел Свистула.

— Приветствую старого друга, воскресшего из мертвых! — подошел вплотную и подал руку.

— Здорово, старый друг! Ты, как всегда, ищешь удачи, а она, бессовестная, все мимо и мимо проскакивает. А котелок у тебя богатырский, с капитальной крышкой!

— О крышке я тебе, Павлик, целую историю расскажу. Месяца два назад, вернее, больше — это дело было под Новый год, залез я потихоньку на кухню с черного хода. И что ты думаешь? Итя его мухи!.. В узенькой кладовочке стоят, красуются маленькие фарфоровые тарелочки, а в тарелочках полузастывший холодчик поблескивает из-под слоя жирку... — облизался Петро, как кот, съевший мышку, и продолжил: — Что ты думаешь, итя его мухи? О-о-о!.. Да ты, я вижу, ухмыляешься, и Степа тоже. Мол, тискает Петро! Нет, дорогие мои братишки! Я романы не привык сочинять, мне их некогда тискать (397). У меня тогда у самого на лоб полезли шары... нет, нет, друзья мои, я вам нистолечко не заливаю, — и показал щепоть, сделанную двумя пальцами. — И не сон я вам рассказываю, а чистейшую быль моих походов в этом лагере. Под Новый год начальник лагеря сдал варить на нашей кухне холодчик. Их величество госпожа его жена не желали утруждать себя стряпней к новогоднему празднику, а возможно, не умеет варить такие деликатесы. Эх, братцы мои дорогие, как увидел я холодчик, затрепетал — шутка ли?.. Глаза разбежались, как у узкоглазого япошки, даже тарелки стали двоиться, но я не дрогнул, только немножечко вспотел. Такая добыча и во сне не приснится. Смело двинулся на фарфоровые тарелочки, как Петро Первый на шведов под Полтавой... Ха-ха-ха!!!

— Вот тут-то я тебе, Петя, верю! По салу на ВОХРовской кухне припоминаю, назад не отступишь!

— Фу-у-ты, чудак! А чего отступать перед холодчиком? И вообще, не мешай, а то рассказывать не буду! Принялся [я] моментально освобождать эти тарелочки в свой замусоленный котелок. Нагрузил, братишки, полнехонько, а сам на седьмом небе — шутка ли, такая удача? И, чертов неуклюжий медведь, в радости и спешке, поворачива-

ясь в той тесной конуре, задел полой бушлата уже пустые тарелочки, и они со звоном загремели на пол. Почуяв беду, рву когти (398). Выскочил повар и его прихлебатели, и за мной. В третьем бараке в фундаменте есть дыра, я давно ее приметил, все проверяю, не спрятано ли там что-нибудь, и, пробегая мимо, на ходу — бах туда котелок! А сам что есть духу дальше бегом. Догнали меня и давай колотить. Били, били и отвели в изолятор. Сижу день, сижу второй, а в голове одна мысль — котелок-то без крышки. О-о... братцы, я думал, поседею от этого переживания: «Крысы холодец пожрут». Спрашивали меня о холодце и по-хорошему, и били, а я одно твердил: «Повар мерзавец потрескал, а на меня все шишки валит, я там на кухне и близко не был». И теперь, братцы, этот повар на общих вкалывает. Ха-ха!.. Знай наших! На третий день меня выпустили, и с ходу в заначку — холодец-то целый, и я его трамбанул (399), но с тех пор дал себе клятву — всегда иметь крышку при котелке...

Вразвалку в барак вошел Володя-староста. Чуть-чуть смутился, увидев Павлика, постоял в замешательстве, потом, справившись с волнением, наигранным голосом сказал:

— А-а-а!.. Здорово, земля!..

«В брянском лесу твои земляки» (400), — мелькнула мысль у Павлика.

— Откуда ты явился? А говорили, что ты представился.

— Хоронить меня, Володя, еще рановато, я живучий! А пришел я за шмутками. Где мои вещи?

— Ты, ты!.. Гляди на него... Что, хочешь, чтоб я тебе сторожем был?.. Да-а-а?.. А дудки не хотел?.. Его полгода нет! Исчез в небесную канцелярию, а я ему вещи должен хранить! Ха-ха!!!

— Ты не смейся! Оно ничуть не смешно! Меня сюда послали за одеждой. Она же здесь осталась.

— Каждому промотчику (401) я должен сторожить?.. — подбежал он к слабому Павлику, вцепился в рукав летней рубашки и потащил из барака. — Чтоб и духу твоего не было в бараке! — затопал он в бешенстве ногами у порога дверей.

Поплелся Павлик в кошмарном раздумье к коменданту лагеря. Комендант помещается недалеко от пропускной будки в бараке расконвоированных, в отдельной

(398) Рвать когти (блат. жарг.) — бежать.

(399) Здесь: съел. От «трамбовать».

(400) Вариант идиомы «Волк в брянском лесу (тамбовский волк) тебе товарищ».

(401) Промотчик — заключенный, который «промотал», т. е. утратил вещевое довольствие. См. прим. (288).

(402) Должность коменданта лагеря обычно занимал расконтрированный заключенный, пользовавшийся доверием администрации.

(403) Одежда «последнего срока» — сильно изношенная, ветхая.

(404) Т. е. «ставлю на карту ворованные лапти». Темный (блат. жарг.) — добытый незаконным путем.

(405) Мустафа — чумазий оборванец, персонаж популярного кинофильма «Путевка в жизнь» (1931).

(406) Вариант старинной блатной песни «Когда я был мальчишкой».

комнатушке (402). Выслушав жалобу, подумал, посмотрел на тощего, почесал затылок и повел Павлика в каптерку.

— Выдай этому промотчику одежду, бывшую в употреблении!

Каптер нашел брюки ватные в заплатках и в дырах, телогрейку, ватную шапку, замусоленные ватные чулки, пеньковые лапти, записал все в карточку и заставил за каждую вещь расписаться. После этой процедуры комендант завел Павлика в барак Индии, показал на пустые сплошные нары и сказал:

— Определяйся! Здесь твои собратья промотчики живут!

В бараке собраны все мелкие воришки, шkodники, разного рода шики-брики, промотчики — все тонкие, звонкие и прозрачные. Кое-где на нарах, как диковина, лежит матрас или одеяло. Странно новенькому показалось: голодные, полураздетые, до предела истощенные, но, что удивительно, никто не унывает. Здесь царит какой-то дикий смех и шутки: тот пляшет, тот поет, и даже пляшут не так, как нормальные люди; какие-то чертовские танцы — коварные, вульгарные и злые. Последнего срока одежонку (403), даже рваные пеньковые лапти, нельзя с себя снимать, а если они не годны надевать, то на сдачу годятся, здесь ничего не выбрасывается. Чуточку зевнул — уворуют и поставят на карту. И не станет скрывать, что проигрывает ворованное, — наоборот, с гордостью заявит: «Иди темные лапти проиграю!» (404) Мустафа, точь-в-точь такой как в кинокартине «Путевка в жизнь» (405), собрал вокруг себя шумную ватагу шики-брики и запел:

Когда я был мальчишка,
Носил я брюки клеш,
Соломенную шляпу,
В кармане финский нож...

И тут же несколько тощих приняли уркаганский вид и подхватили припев:

Одесса, Одесса,
Стубила ты меня,
Пропал я, мальчишка,
Навек сирота... (406)

«Что же, — думает Павлик, — в волчью стаю попал, по-волчьи и вой». Вспомнил Жоркину школу в тюрьме и решительно направился к играющим тощим, поставил на карту неоконченные носки, выиграл две спичечные коробки махорки «Кварчели». Встал и важно заявил: «На сегодня игры больше не будет!» И не унес табачок, а обратился к изумленным сидящим (откуда, мол, появился такой знаток стога?): «У кого есть бумажонка? Покурим!» Один вынул замусоленную, отодранную от желтой картонки, и чинно протянул Павлику, после чего принял самостоятельный вид чуть ли не турецкого султана, а ему посыпались заявки: «Двадцать», «покурим», «бросим», «пососем».

На работе в ширпотребе бригадир поручил новичку прожигать накаленной докрасна проволокой отверстия в березовых мундштуках, выструганных и до блеска отполированных стеклом. Хорошо сидеть все время у пылающей печки, но мастер увидел, что дело в руках у новичка спорится, и через два дня послал вырезать ложки из березы. Потом перевел делать сапожные колодки по образцу, а через месяц перевел на сложную работу — вырезать из березы портсигары. Здесь, на работе, в теплом, уютном месте Павлик готов и ночевать, но ширпотреб работал только в одну смену.

В апреле 1943 года в барак веселых и нищих зашел охранник и повел Павлика к оперативнику в особый отдел.

— Братцы, что за чудо? Неужели у нас стукач завелся, что к куму вызывают?..

— За довесочком его ведут! — кудахчет еще один уголовник.

По дороге на зону тревожные мысли одолели Павлика: «За что к оперативнику? Кажись, ничего лишнего не болтал. А может, за Петю, — теряется он в догадках. — Только поселился в этот барак — и подружился с этим скромным пареньком. Подстелим телогрейку под низ, лапти — в голову, его шинелькой укроемся, прижмемся ночью друг к другу, и теплее становится. Но на днях проснулся утром, а Петя мертвый лежит. Ну, взял на себя грех, присвоил его

шинельку, все равно она пропала бы, кто-то иной прибрал бы. Хорошо хотя шинель с собой не взял, соседу по нарам поручил. Но, возможно, пока вернусь, он ее проиграет».

За зоной конвоир завел в маленький домик. В аккуратном кабинете, обставленном стульями, которых Павлик давным-давно уже не видел, давным-давно не сидел на таких стульях, — стол, покрытый кумачовым покрывалом, которого Павлик давным-давно не видел. А тепло в сухом воздухе получше, чем у печки в ширпотребе, оно так напоминает что-то далекое-далекое, домашнее, родное...

Оперативник сидит за столом, что-то пишет. В тягостном ожидании Павлик незаметно размечтался. Мысли уплыли далеко-далеко, в родимый край детства, и подследственный сам того не заметил, как глаза наполнились влагой и прозрачные капли покатались по щекам. Кабинетное сухое тепло блаженно разлилось в худом теле тощего. А слезы словно почували слабость, добрались к кончику носа и оттуда непрерывно: кап, кап, кап.

— Ну-у-у!.. — приподнял следователь голову от писанины. — Рассказывай!.. Где ты промотал всю свою одежду, обувь и постельную принадлежность?..

«Так вот в чем дело! — пронеслась облегчающая мысль в голове подследственного. — Ну, это не беда!»

— Я лежал в стационаре, гражданин капитан, с воспалением легких, меня туда забрали из барака без сознания еще осенью. Потом перевели в слабосиловку, а когда выписали через полгода, в бараке моей одежды, постели и сапог не оказалось, а староста барака Буханов заявил: «Я мертвецам не сторож!» Меня ведь считали на том свете.

Посмотрел оперативник в сторону подследственного, потом взглянул в дело, еще раз посмотрел на сидящего перед ним изможденного и сказал:

— Из морячков?..

Чтоб расслабить все натянутые до предела нервные струны, для подследственного хватило одного лишь ласкового слова. И у него вместо ответа вырвались клокотание и боль, и сквозь горькое болючее (407) рыдание он невнятно пробормотал: «Да-а... был когда-то морячком!» — и слезы потоком полились из очей.

— Ну ладно... ладно!.. Успокойся!.. Отведи его, Панов, обратно в зону! — велит оперативник конвоиру.

О-о-о... как ему неохота покидать этот теплый, уютный кабинет. В Индии вновь поджидает холодный, пропитанный сыростью барак, в котором, как в аду, дико пляшут и поют.

За одежду сроку не добавили как промотчику, но выдают всегда бывшую в употреблении.

В весенний день зашел в ширпотреб лет шестидесяти грузин и обратился к мастеру:

— Душа лубезный, выдели на мой баня один ишак работяга.

Бригадир показал на Павлика:

— Вот тихий, исполнительный малый!

— Лубезный, будешь на мой баня ишачить?..

— Буду! — не скрывая радости, ответил Павлик.

— Идэм, душа лубезный, идэм!..

В противоположной стороне ширпотреба, за барак-ком контриков, у самой колючей проволоки расположен барак-баня, куда водят, как на каторгу, раз в десять дней заключенных мыться. Сюда и привел своего нового «ишачка» заведующий баней Цоцория. Завел он в средние двери, по краям барака есть еще входные и выходные двери для моющихся бригад. У черного высокого котла стоит пожилой кочегар, топит свой котел щепой.

— Вот твоя, Вано, замэстытэля. Научи его ишачить!

— Давай знакомиться! Меня зовут дядя Ваня! — и протянул трудовую, в морщинах, руку.

— А меня Павлик.

— Ну вот и отлично! Пойдем, Павлик, пилить дрова! Видишь, дожили — котел щепой топлю!

У дверей котельной лежат кряжистые трехметровые бревна, все как одно березовые. Тяжело водить немощной рукой за пилой, пот заливает лицо. Кочегар прекрасно видит, что помощник очень слаб, но молчит. Только когда распилили один кряж, он сказал:

— Пока хватит. Теперь мало-мальски отдохни, потом порубаешь и переносишь к котлу. Здесь оставлять нельзя — поворачуют в бараки ночью, как пить дать. Это привезли на три дня. А завтра еще подвезут. Так что сегодня

(408) Правильно «дезинсектор» — работник бани, в обязанности которого входило уничтожение вшей в одежде заключенных.

(409) Питательные качества баланды существенно зависели от действий раздатчика (баландера). Если он добросовестно размешивал баланду до однородности, то всем — и тем, кто подходил за своей порцией в первых рядах, и последним — доставалась баланда одинаковой густоты. Но при желании он мог либо зачерпнуть одну жижу сверху котла, либо захватить побольше гущи со дна. Шуточные просьбы налить «со дна пожиже» или «сверху погуще» отражают именно эту важную особенность процесса раздачи пищи.

ня надо попилить, порубить и переносить все к котлу. Послезавтра банные деньки начинаются. К этим дням надо заготовить, чтобы были дрова. Когда моем бригады, там некогда пилить, это самое тяжелое время в нашей работе. Дровами нас, Павлик, тоже ограничивают, — беспрерывно тараторит разговорчивый дядя Ваня. — На весь лагерь одна лошадка возит дровишки, она обеспечивает и нас, и кухню, и ВОХР. Я вижу, ты очень слабый. Ничего, дорогой юноша, здесь поднимешься мало-мальски на ноги, здесь гораздо легче, чем на общих работах. Кончил носить? Молодец!.. Отдохни малость, и пойдем на кухню за баландой. У тебя есть котелок?..

— Нету, дядя Ваня!

— Ничего, займешь! Пока вот моим запасным будешь пользоваться, — показал он на трехлитровый котелок.

В столовой подошли к раздатчику. Дядя Ваня обратился к повару:

— Это наш новый дезинфектор (408)! Прошу любить и жаловать.

И зашептал, хотя никого поблизости нет:

— Ты его поддержи, там со дна пожиже (409)!

Видишь, какой он прозрачный? — и, улыбнувшись, показал движением руки, как надо зачерпнуть баланды «со дна пожиже».

Повар насыпал почти полный котелок. По дороге назад новоиспеченному дезинфектору не верится, что это правда. Попробуй в бригаде попросить хотя бы немного добавить — получишь черпака, а здесь...

Наступили банные деньки. Тяжело. Порою Павлику кажется, что он не выдержит этого ада, но дополнительная баланда шепчет ему: «Держись, дружок!», и он продолжает шевелиться.

Бригада раздевается, дезинфектор принимает одежду, связанную и подвешенную на специальных крючках, и вешает в адски жаркую дезокамеру. Хлопчатобумажная одежда на дезинфекторе мигом становится мокрой. Дезокамера загружена, закрыта и пущен пар. Теперь заведующий посылает в моечную сидеть у крана и отпускать толь-

ко по две шайки горячей воды: одну — обмыть грязь, а второй ополоснуться. Залез на длинную скамеечку, на которой поставлена маленькая табуреточка специально для дезинфектора. В банном пару дезинфектор восстанавливает мало-мальски силы, откручивая и закручивая кран с горячей водой. Кто здесь уследит, в этом адском пару, кто сколько наливает шаек, ведь нагие, тощие, подстриженные под машинку все одинаковые, но заведующий велит, надо сидеть. Проходит десять-пятнадцать минут — все помылись и вышли одеваться. Дезинфектор закрывает на крючок банный отдел и отправляется в отделение дезокамеры. Он имеет возможность немножечко подсушиться, прислонившись к горячему котлу. Прошло сорок пять минут, наступила пора выкинуть одежду из адской камеры. А в раздевалке уже иная бригада нагих ждет очередной процедуры мойки. Так четыре дня в декаду с семи вечера до двух часов ночи. Не успел уснуть — заведующий будит привести в порядок баню. Убийственно неохота вставать молодому дезинфектору, но надо, иначе заведующий выгонит.

Преодолев все тяжелое, дезинфектор пошел на поправку, и работать стало совсем легче.

Один день в декаду моются женщины от семнадцати до тридцати лет. Заведующий так же безжалостно гонит дезинфектора к крану отпускать воду. Стыдно сидеть перед нагими девчатами, а они выстроятся в очередь за горячей водой в чем мать родила и «Ха-ха!.. Хи-хи!.. Хи-хи!.. Ха-ха!..» Тут же, в парилке, заведующий устраивает лагерным придуркам стыковки с девчатами. Даст сигнал, и та шмыгает за дверь, а остальные девчата поднимают дикий вопль, смех, вульгарные тары-бары, пристают к банщику под общий смех отпетой капеллы девчат, нагло приглашают пойти попариться. Поначалу дезинфектор стеснялся этой наготы, да и неспособен был, ведь насквозь светился. Потом стал набирать вес и на шутки и наглость отвечал взаимно: «Куда тебе баловаться? Ты же доходная, а вдруг рассыплешься и паечку не заработаешь?» — и все в моечной взрываются саркастическим смехом. Иной дезинфектор отвечает: «Была не была! Пойдем, согрешим, ты девка в соку!» — и та, стесняясь своей наготы, прячется за других; а те, которые сильно тощие, спокойно себе моются, им не до смеха и не до амуров.

(410) Жуковатый (блат. жарг.) — хитрый, расчетливый; человек, связанный с преступным миром.

(411) Хлеб с подмесьями, в качестве которых могла выступать мука из могоара, отруби и т. п. В частности, широко практиковавшаяся замена части муки картофелем приводила к увеличению влажности хлеба.

Прошло два месяца работы в бане, дезинфектора не узнать — поправился, посвежел, щеки налились румянцем, на человека стал похожим. Работа горит в его руках. Заведующий и кочегар очень довольны усердием помощника. Уже заведующий не будит его утром, он приводит в порядок баню сразу после мойки бригад. Успевает он и в Индию сбежать, поставить на карту, что попадет лишнее, и за короткий срок выиграл столько одежды, что можно троих заключенных одеть, обувь и постелью снабдить. И все это с жадностью копит в большущем вещевом матрасе. Теперь он спит на своем матрасе и укрывается новеньким байковым одеялом.

Хлеборез, выдавая пайки, воровато оглянулся кругом и сунул Павлику лишнюю горбушку:

— Это лично тебе! Подойдешь ко мне в обед, мне надо с тобой покалякать на неотложную тему!

Когда дезинфектор подошел в обеденный перерыв к хлеборезу, тот зашептал: «Когда приходят мыться девочки, ты мне весточку давай в тот момент, когда они раздеваются, чтоб я успел в душевую раньше них заскочить, а потом направь Зиночку жуковатую (410) ко мне.

— Все будет, Миша, на мази! Это для меня сущий пустяк! — задорно горячится Павлик.

— Ты что, за баландой?..

— Да, Миша!

— Давай сюда свою посудину!

Павлик подал в окошко хлеборезки чистый, новенький, самостоятельно приобретенный двухлитровый котелок. Миша насыпал полнехонький влажных, как и весь хлеб, крошек и обрезков ржаного суррогатного хлеба (411).

— ...Наедай шею! — лукаво говорит Миша.

— Все в порядке будет, Миша, я не подведу!

За невыносимо долгое время заключения наконец-то Павлик досыта наедается. По телу давно забытое блаженство рассосалось, оно по ночам спать не дает. При очередном купании девочек Павлик шепнул Клаве, и та осталась помогать убирать парную.

— Замечаю, Павлик, у тебя пошли дела да делишки! — восхищается своим помощником дядя Ваня.

Павлик, покраснев, просит дядю Ваню, смущаясь:
— Дядя Ваня, не говорите заведующему, я вас
прошу!

— Давай, давай, дело молодое! Когда я служил под знаменами Военно-морского флота, тоже девкам покоя не давал! Только учти, кто с бабами связывается, быстро на «общие» работы попадает. Это закон моря!

В ненастный осенний день Клава приболела и не пришла с бригадой купаться. Павлик шепнул Аллочке на ухо, и та осталась в парной.

Но кончилась сытная, шаловливая жизнь. После осенней врачебной комиссии дезинфектора отправили на общие работы. Павлика определили в самую худшую бригаду в лагере в ночную смену. Бригада Колосова располагается в том же бараке, где староста Володя Буханов.

— Здорово, земля! — лукаво улыбается своими бесстыжими глазами. — Ты смотри, какой он сидор шумток притаранил (412)! Вот так земля! Иди, вот свободное место, поселяйся около меня, чтоб никто не шопнул (413) ничего.

Уже стоят морозы, в Володином углу мокрые стены покрыты, как белым бархатом, сказочными снежными иголками.

Бригада Колосова работает ночью по 12 часов в смену с часовым перерывом, он не заключенным нужен, а для отпалки (414) воронки. Воронка, где добывают доломит, напоминает большой котлован пятьсот метров в диаметре и сто пятьдесят в глубину.

— Будешь, парень, бурильщиком у меня! — распорядился бригадир. — Иди, получай перфораторный молоток (415), бур и опускайся в воронку, там я тебе покажу, где и как бурить!

Спустились бригадники в котлован, конвой занял кругом воронки свои места и работа началась. Бригадир подключил к прорезиненному шлангу бурильный молоток, к которому от компрессора поступает нагнетаемый воздух в шесть атмосфер. Наметил, где бурить шпур (416), показал, как забуриваться, в каком направлении бурить, и удалился, на ходу давая бригадникам указания.

(412) «Сидор» — вещмешок, «таранить» — нести, тащить (жарг.).

(413) Шопать (блат. жарг.) — красть, выхватывать из рук.

(414) Отпалка — дробление породы взрывом. От «отпалить» — взрывать породу на карьере или в шахте.

(415) Перфораторный молоток, перфоратор — ударно-сверильный инструмент, предназначенный для пробуривания отверстий в породе.

(416) Шпур — скважина, пробуренная в породе для закладки взрывчатки.

(417) Грохот — механическое приспособление, вибрирующее решето для разделения кусков породы по размерам.

Новобранца молоток трясет во все стороны, порой бурильщику кажется, что этот молоток вот-вот кишки вымотает наружу, особенно при забуливании — конец бура мечется во все стороны, но никак не попадает в нужное место. Новичок не знает, что ему подсунули самый худший пневматический молоток, со сработанным поршнем, который при работе еле-еле достает к концу бура, и вдобавок подсунули кривой бур лагерному придурку. Бригадники исподтишка наблюдают за работой банщика и самодовольно посмеиваются, а новоиспеченный бурильщик в этом не разбирается. Вот и вытряхивает из него молоток душонку. Бригадир несколько раз подлезал по уступам, подгонял, бранил и наконец подлез с взрывником:

— Сколько у тебя готовых шпуров?..

— Двенадцать!

— Ну, катись наверх, сдавай молоток.

В молоточной собралась вся бригада, снятая конвоиром на время отпалки. Иные бригадники подходят к бачку с кипятком и выпивают кто сколько желает, согревая внутренности, — это и есть ночной обед, за который час отнимают драгоценного времени на горношорском морозе.

После отпалки бригадир не заставляет бурильщиков работать, и все они от безделья бродят по воронке, а бригадники бездельничали до отпалки, им просто нечего было делать, а теперь отгребают со всех концов и уголков отпаленный доломит на грохота (417), которые расположены в центре воронки. Если попадает большая глыба, отгребка прекращается, и молотобойцы долбят эти глыбы, чтоб прошли в решетчатые грохота. И хотя бригадники слабосильные, но доломит легко колетса по слоям. Из грохотов дробленый доломит проваливается в бункер, а оттуда по подземному ходу, по узкоколейке в вагонах направляют руду на погрузку и сортировку в бригаду Голубьева.

Вместо банной пайки-пятисоточки бурильщик получает девятисоточку, но перфораторный молоток и крепкие ночные горношорские морозы, снежные бури неумолимо выжимают запас накопленного жирку, и новый бурильщик тает как восковая свеча.

В бригаде отбывают срок отец и сын, статья у них 58-я пункт 11-й — это не простая, а групповая антисоветская агитация (418). Получили они ее по вине наивного отца, который пришел в следственные органы поручиться за свое родимое чадо. «Мой сын не враг народа, я его воспитывал и хорошо знаю, а если он враг, то и я враг!» «Молодец, что сам пришел и чистосердечно признался! — подхватил его слова следователь. — Зайди в пустой кабинет и изложи все на бумаге!» И больше папашенька не вышел из каталажки. Следователь обоим состряпал «групповую контрреволюционную агитацию». В лагере живут они семейно, кушают вместе, но до чего же голод доводит честных людей! «Иди, сынок, получай на меня баланду, а я паечки постерегу!» — командует отец. Частенько бригадники замечают и хохочут между собой, как сынок, получив баланду, отпивает из котелка, забегает в соседний барак и недостачу пополняет кипятком, а папа в бараке тоже продельывает омерзительную процедуру — маленьким самодельным ножичком надрезает полученные паечки и лишки съедает. Страшное дело этот систематический голод, это систематическое истощение.

Не выдержал и Салдин повседневного голода, принялся ежедневно разводить баланду кипятком, крошит туда свою пайку, обманывая свой желудок, раз в сутки наливая брюхо водой. Увидел Павлик — и сердце кровью облилось, как за родного брата, и принялся азартно переубеждать:

— Что ты делаешь, братишка, опомнись! Ведь ты же прекрасно знаешь, что вода мельницы ломает!

— И плотины рвет! — зло отвечает самогуб (419).

— Ой, дружище, не доведет это до хорошего.

— Быстрее сактируют (420), в слабосиловку попаду, хотя звезды по морозным ночам не буду считать! Я их уже выучил наизусть, могу после освобождения безо всякой подготовки астрономом поступать работать, не ошибусь, где Рак, а где Гидра (421).

— Пока дождешься активировки, расштатаешь свое здоровье этим аш-два-о, и будет тебе вместо слабосиловки деревянный костюмчик [с] пуховой подушкой.

(418) Статья 58-11 предусматривала «всякого рода организационную деятельность, направленную к подготовке или совершению» преступлений контрреволюционного характера, «а равно участие в организации, образованной для подготовки или совершения» одного из таких преступлений.

(419) От укр. «самогубець» — самоубийца.

(420) Активировка, комиссование — процедура признания заключенного негодным к физическому труду по состоянию здоровья без возможности излечения, о чем врачебной комиссией составлялся акт. Активированные заключенные направлялись для дальнейшего отбывания наказания в инвалидные подразделения.

(421) Рак и Гидра — смежные созвездия, особенно хорошо наблюдаемые в зимние месяцы.

— А ты что, только меня увидел? Вон, полбригады разводят шулюмку и в кипяток пайку крошат, чтоб как-то обмануть этот проклятый, назойливый желудок. А твой закадычный друг Степа глушит чистенький кипяточек, даже соли выменял на паечку и подсаливает водичку для аппетита, только прячется от тебя. Вот какой у тебя дружок! А ты что, думаешь срок отбыть?.. Да не видать тебе твоего Харькова как своих ушей. Тебе сколько лет? Насколько я понимаю в лошадах, ты мой годок, нам обоим по двадцать четыре. А ты знаешь, что с восемнадцати до двадцати пяти лет — это самые цветущие годы в жизни нормального человека? А как у нас с тобой они проходят, эти безвозвратные годочки?.. И за что?.. За что?.. Ответь мне, мой милый Павличок, за что?.. В лишениях, голоде, адской, непосильной работе! И никакого просвета в дальнейшем на улучшение не предвидится!.. Никакой перспективы вперед! Мы же не люди!.. Да я б согласен, накормили бы до отвала — и пусть к стенке ставят!..

— Милый Сережа, я ведь тоже голодный как шакал, проглотил бы сейчас целую лошадь... но воды... кипятку... спаси меня аллах... ни граммушки лишнего, ни капельки... зачем свой слабый организм еще больше ослаблять?.. А ты знаешь, я тоже согласен, пусть шлепают! Только прилично покушать с выпивкой. Наелись бы... напились бы... и не страшно умирать! Еще б и запели: «Даешь семиграммовую, свинцовую, неотразимую!..»

— Да что ты ко мне равняешься? Что ты ко мне лепишься? Ты, вон, попал в придурки, хотя [бы] немного досыта поел. А какой паспорт (422) из бани принес?.. А я, как привезли из Хабаровска, еще ни разу досыта не наедался! Все время голод, голод, голод — все время сосет и сосет вот здесь, — и показал на живот. — Да будь она проклята, такая жизнь!.. Да разве это жизнь?.. А вообще, каждый по-своему с ума сходит... Короче... оставь меня в покое!.. Тоже мне, воспитатель нашелся!..

Уже проел Павлик все лишнее, принесенное из бани, только матрас да одеяло бережет. Хотя они и не числятся на нем — он ведь промотчик, но сознавал, что без них в далеком, холодном углу барака заоченеет в один из морозных деньков. И еще беспокоит: вот-вот подойдет 31 декабря, день генеральной поверки, общей инвентаризации. В этот день выгоняют из барака всех и запускают по

картотеке, переписывая все вещи, а что лишнее — отбирают. Павлик ломает голову, как сберечь матрас и одеяло.

На работе начало ноги подкашивать под тяжестью тридцатикилограммового перфораторного молотка «Победа». В одну вьюжную ночь небо окутал мрачный, непроглядный туман, закрыл астрономические часы заключенных — Большую Медведицу. Долго шатался Павлик по воронке, тело перестало реагировать на холод, словно замерзли нервные жилки, ноги, как бесчувственные колодки, одеревенели. Ночное время в такую ненастную погоду мучительно долго тянется. А снег как будто бы места больше нигде не находит, только в этой страшной воронке, подгоняемый порывами шквального ветра, все сыпет и сыпет в этот гигантский котел, ровняя все выступы и щели. Его сгребают бригадники на грохота, грузят в вагонки и отправляют на погрузку доломита. Как ни старался Павлик сопротивляться вялости своего тела, согреваясь движениями, но усталость и слабость взяли свое, и он, прислонившись к лебедочной, сколоченной из досок, уснул. Разлилась по телу теплота, и снится маменька родная, в дальний путь провожая, платочек беленький в карман сует: «На, родненький сыночек, пригодится в твоей кошмарной дороге, будет тебя, сыночек, судьба носить, как осенний листок, ты побудешь там, где не пахнут цветы, не блестит луна отраженьем в зеркальной воде, где солнце на полгода скрывает свой лик от человеческого глаза, и за окурок готов будешь полжизни отдать, лишь бы потянуть разок сизого табачного дымку, ты узнаешь, сынок, тоску лагерей, законы белых медведей». А сон все слаще и слаще, все приятнее и приятнее чувствует себя Павлик. Появились белые лебеди и изумительно танцуют вокруг Павлика, взявшись за крылышки, как за руки. Увидел вдруг Степа, что уснул его земляк стоя, подошел и толкнул в плечо, а друг оторвался от досок лебедочной и, как будто подкошенный подсолнечник, беспорядочно повалился на присыпанный снегом доломит. Принялся Степа усердно теревить своего друга: под бока толкает и по побелевшим щекам хлещет, а Павлик спит приятным сном.

— Павлик, земля!.. Да проснись же, чертяка ты! Бригадир!.. Бри-га-дир!.. Ко-ло-сов!.. Павлик замерз!..

Подошел Колосов, принялись вдвоем тормошить, искусственное дыхание делать, ноги сгибать, бессердечно

хлещут по щекам, подхватили под руки, принялись водить по ухабам воронки, а воронка обуривается и отпалавается кольцевыми уступами, так что можно пройти кругом воронки и на то же место возвратиться. Пришел в себя — и такой мороз, такой холод обдал горе-бурильщика, что зуб на зуб не попадает. По телу большие, как клопы, мурашки поползли, ему обидно стало, что спасители прервали такой прекрасный сон. А когда окончательно пришел в себя и осознал, что до смерти оставались считанные секунды такого сладкого, приятного сна, он уже не прекращает бегать и топтать по воронке до самого съема с работы.

Вечером, отправляясь за баландой, Павлик всегда прячет пайку под матрас. «В уголке старосты надежно, никто не полезет воровать, — думает он. — А если с собой захватить, пока получишь баланду, незаметно по крошечкам съешь ее, как съедают все бригадники, и никакого тебе удовольствия, как будто и не получал паечки. А как приятно после выпитой шулюмки вернуться в барак, залезть под одеяло, достать кровную паечку — и торжественная минута началась. После этого легче и развода на работу ждать. Однажды после выпитой баланды подошел Павлик к постели, засунул руку под одеяло, сердце на миг замерло, холодный пот на лбу выступил, а сердце после минутной остановки запрыгало, затрепетало, а дрожащие руки щупают и щупают пустое место шершавых досок под матрасом, а паечки-кормилицы нет, кровную паечку похитили. Еще и еще ощупывает ротозей жесткие, холодные нары, но паечки нет. Кто-то подкараулил и съел. Но голодному не верится, что это правда, и из помутневших глаз закапали крупные, холодные слезы смертельной обиды. «Нет!.. — со звериной злостью сцепил он скулы, — не надо плакать! Тот, кто съел мою паечку-кормилицу, злорадно наблюдает за мной и смеется надо мной, торжествуя свою победу над вахлаком (423)». Залез Павлик на нары, укрылся одеялом, презирая в эту минуту все на свете. А впереди ждет длинная, суровая ночь в презренной воронке. С этого дня он окончательно ослаб, не может поднять молоток на плечи, он его валит с ног, и бригадир перевел горе-бурильщика в отгребку на семисотграммовую паечку.

Ужасно позорные минуты наступают, когда Павлик у пропускбудки встречается с бригадой девчат. Конвоиры, как назло, приводят утром с работы в тот момент, когда выводят женские бригады на работу. И эта процедура вызова на работу по картотеке длится очень долго. Лишь после того, как отправят женщин, заводят в зону и ночную смену.

— Девочки!.. Девочки!.. Смотрите, как наш банщик дошел!..

Клава безразлично посматривает на своего бывшего, а неугомонная Аллочка проявляет сочувствие и умиление, и это еще сильнее унижает и оскорбляет тощего Павлика.

— Мой симпопончик, — шумит она, — он и сейчас красючок (424)! Павличок! Соколик ты мой ненаглядный! Целую тебя тысячу раз!..

И посылает воздушные поцелуи. О, как тяжело, больно и унижительно слушать в окружении бригадников эту болтовню! Девчата и бригадники хохочут до упаду, даже конвоиры посмеиваются и не запрещают по такому случаю балагурить. В такое время Павлик готов сквозь землю провалиться от такого унижения и позору.

— А сгорбился вопросительным крючком, как дед Мазай!.. Ха-ха-ха!!! — злорадствует доходная девчонка.

В очередной раз Павлик, приближаясь к вахте, стараясь залезть в середину бригады, прячется, как страус, втягивая голову в плечи. А здесь еще бригадники, злые на лагерных придурков, не дают покоя. Балагурят на ходу:

— Видал, какая краля ему воздушные поцелуи посылает?..

— Они, эти ненаглядные красючки, всех лагерных придурков обслуживают, — с обидой говорит Коля, который, вероятно, когда-то в нормальных условиях знал себе цену в обществе девчат. — «Соколик мой ненаглядный, как я влюблена в вашу паечку...». Ха-ха-ха!!!

— Дешевки! — говорит рядом идущий. — Дал горбушечку — «любимый», «ненаглядный»!..

— Он и сейчас красюк! Ха-ха-ха!!! Дед-крючок, вопросительный значок!..

(425) Неточная цитата из стихотворения М. А. Дудина «Марш победителей» (1989).

Павлик молчит, он понимает, что его многие бригадники презирают как лагерного придурка. Заведись только разок, проходу не дадут.

— Чего вы к нему пристали? — защищает друг Степа-харьковчанин. — Знаете, что он с начала войны сидит? Многие его «однопольчане» в гробу лежат! Да вы салаги против него, а скулите! Не унывай, земля, прорвемся!

— Да он в седьмом лагере выжил, — подключается Салдин. — А вы, нахалы, пилите его! Дай им, Павлик, по мордам!..

На работе медленно тянется время в мраморном большом котле. Подойдет Павлик к заветному местечку (а время приспособился определять только с одной точки — подорвут взрывники это место, и уже Павлик ошибается в астрономических часах минут на пять, а то и на все десять), а Большая Медведица, как неповоротливый медведь, лениво продвигается по сизой воронке... То, что забурили и отпалили, уже давно погружено и отправлено на сортировку доломита, а до съёма с работы еще целый век. В мучительном ожидании утра расселись бригадники по воронке. Хотя в воронке нечего делать, но жестокий конвой не снимает с работы до положенного времени, конвоиры и рады бы снять, но они ведь люди подневольные, они действуют строго по инструкции:

Весь мир объемлет сразу
смертельная тоска,
выходят по приказу
конвойные войска.
Идут железным строем
с редута на редут,
а время под конвоем
в историю ведут...

Михаил Дудин (425)

От безделья кто дремлет, кто упорно выковыривает остатки после отпалки, согревая движением свое тело. Чуть выше Павлика Ваня-мясник ковыряет накло-

ненную взрывом глыбу доломита: «Куда тебе, редкозубому, галушек (426)? — думает Павлик и спокойно сидит себе ниже Вани-мясника. — Ты и жижу не укусишь!» И вдруг неожиданно Ваня оторвал ломом огромный обломок и не удержался, покатился за глыбой вниз: «Бе-регись!!! — заорал он паническим голосом. — Убьет!!!» Но было уже поздно. Павлик попытался хотя мало-мальски отпрыгнуть в сторону, но слабое тело не повинуется хозяйину, и вместо прыжка откатился чуть в сторону в овалину (427), зацепившись рукой за острый выступ. Глыба, продолжая свой путь, настигла Павлика, стукнула в бок и по руке и покатила на грохота. Вслед за ней, ударяясь об уступы и выступы, безалаберно покатались Ваня-мясник и Павлик. Поцарапанные и обшарпанные, задержались у огромного выступа в метрах пятнадцати от грохотов.

— Смотрите, смотрите!.. Придурак сорвался! — злорадно кто-то шумит.

— Живой, Павлик?.. — спрашивает Ваня, придя в сознание.

— Пошел к черту! Что ты, не видишь?.. — со злостью отвечает поцарапанный. — Нужно было ее тебе трогать?.. Что-то у меня с рукой, и бок сильно болит. Вероятно, ребро зацепило.

Взглянул на руку — безымянный и средний палец облипли ломтями запекшейся черной крови, но холодная рука не ощущает никакой боли, и кровь не сочится. Только когда конвоир привел в лагерь и врач принялся обрабатывать руку, кровь стала неудержимо струиться из ран отогревшихся пальцев, и врач наложил жгут, появилась адская боль в поцарапанном боку. Теперь вспомнил и проверил слова Калымова, что замороженное тело задерживает кровотечение. После обработки Павлика направили в слабосиловку. Кроме искалеченных двух пальцев надколоты два ребра на левой стороне. Это случилось на пороге весны сорок четвертого года.

В это время на фронтах Запада войска Второго Украинского фронта вышли на реку Прут — государственную границу СССР с Румынией:

(426) Галушки — блюдо украинской кухни, отваренные в кипящей воде кусочки теста.

(427) Овалина — гребень, насыпь, отвал породы.

...Будем мстить за слезы вдовьи,
 За страданья стариков.
 Ты ответишь черной кровью
 За руины городов.

Думал ты, что мы покорно
 Примем рабство, мрак и ночь.
 Но бесславно и позорно
 Сам бежишь ты нынче прочь...

Лейтенант И. Мишенков (428)

ф\$ф\$ф\$ф\$ф\$ф\$ф\$ф\$ф\$ф

В слабосиловке самый добродушный и наивный — китаец Ван-фу. В сороковом году в районе маньчжурской границы он как контрабандист перешел советскую границу. Очень любит Ван-Фу, когда его величают русским именем Ваня. Шустрый, правдивый и честный, старается дружить с русскими ребятами. Частенько попадает впросак, обманутый пройдохами.

— Ваня, как же ты сплеховал на этот раз, что тебе пришили шпионаж?..

И Ван-Фу с охотой рассказывает:

— Сиясто моя носи на васа сторона кокаина. Сизу на белег усенькой леки Сунгац, либа лови на удочка. Либя лови на састава смотли. И смотлела моя, где сиклета плячица, где дозола ходи. Си-мо-тле-ла, си-мо-тле-ла, ноцу блала моя сумка с налкотика на васа столона. Переблалась на васа столона, полезла, полезла, а собака меня нухай, нухай, нухай: «Гав!.. Гав!.. Гав!..» Моя вида дела палсыва, совсем палсыва, лила, лила яма и плятала кокаина. Бес кокаина моя плоха дела, совсем плохо, хозяин отдавай долг несем, корми семья совсем несем. Полезла моя в столона. Собака: «Гав!..Гав!..» Плибесала солдата: «Луки велха!..» — моя подняла, искай, искай калмана, нисего не находи и на састава меня веди. Следователь немя говори: «Сипиона?» Мина думала холосо, цто налкотика ни спласывай: «Сипиона!» — говолы моя. «Кито твоя посылай?» — «Моя сама потихоньку себя посылай на васа столона». «Дулака валяес?..» — килицала следователя. Моя не дулака!

Моя сама симотлела, симотлела и посла на васа столона. Била мина, била следователя, а моя думай: «Побей мала, мала, отпусти мина, моя ветлай на то место, сабилай налкотика, плодавай и семя кусай будет». А она мина десять лета сипиона дала. Нихолосо, сибко нихолосо!..

В слабосиловке находится и «великий комбинатор» Петро Свистула. Не помогли ему никакие ухищрения. Под нажимом горношорского мороза и пурги опустился и он до пеллагрика. Завел он дружбу с наивным китайцем Ван-Фу и околпачивает его на каждом шагу. Когда Петро достанет что-нибудь съедобное, то прячется от китайца, но когда Ван-Фу достанет что-то, то друг Петро появляется как из-под земли. Жаль ребятам наивного китайца, и направили они его на хитромудрого Петра в тот момент, когда «великий комбинатор», прячась, съедал самостоятельно добычу. Опечалился Ван-Фу оборванной верой в дружбу. Но стоит его вновь назвать ласково «Ваня», как он преобразуется в добряка. Прошло немного времени, и Ван-Фу притащил в слабосиловку целую конскую ногу, вероятно, какая-то собака затащила ее в зону лагеря, грызла, грызла и бросила. У Ван-Фу необычный пир — шутка ли, целая конская нога. Остальные истощенные сидят по своим местам и с жадностью и завистью голодных следят за каждым движением Ванечки, глотая собственные слюнки, не пропуская ни одного движения: как китаец смолит у печки добычу, окутывая весь барак щекочущим запахом горячей шерсти и припаленной шкуры ноги. А Свистула тут как тут.

— Ну и молодчина, Ванюша! Такую ножищу достал! Ох и заживем мы с тобой, мой верный друг Ванечка! Ах, как приятно пахнет! Сейчас мы ее разделаем!.. — и протянул руку к ноге, как равноправный хозяин добычи.

Но китаец замахал руками:

— К цолту такой Вана! .. К цолту Вана!.. Нога есть: «Вана!.. Вана!». Нога нета, не нусен Вана? К едреной бабуске такой Вана!..

И поплелся Петро искать новых приключений.

Пока весенняя погода не выпускает из барака, слабосильные сидят по своим местам по нарам. Жутко быть

(429) Делать мастырки (лагерн. жарг.) — искусственно вызывать у себя болезненные симптомы. К мастыркам прибегали заключенные, надеявшиеся избежать тяжелых общих работ.

(430) Здесь — мастерить, изготавливать.

невольным свидетелем, как слабосильные делают себе мастырки (429) перед комиссией, чтобы не выписали на работу. А комиссия ежемесячно проверяет, поправился или нет, видать маслаки или нет. Один тощий собрал на нитку из собственных зубов налет и пропустил иглой под кожу собственной руки. На второй день он скончался, освободив себя навсегда и от общих работ за зоной, и от лагерных страданий сурового режима.

Прошел год с той поры, как Павлик просился со слабосиловки на общие работы и попал в ширпотреб, но теперь какая-то апатия напала на него, он чувствует себя неспособным работать на долomite. Да он пошел бы и на сортировку долomite, и в ширпотреб, но боится, вдруг пошлют снова в ночную смену в котлован, в гробницу. А долгожданная весна в полном разгаре, солнышко достает в самые укромные уголки, даже на заре, в белой пелене тумана, неумолимо тает снег. Слабосильные пеллагрики переквалифицировались на весенние рукоделия. Носки потеряли цену, начали мастырить (430) тапочки, фуражки из хлама. Пеллагрики, как муравьи, облепили барак, подставляя себя под лучи ласкового солнышка. Потерявшие самообладание рвут траву и цветочки и едят, более грамотные обосновывают теорией, как будто у этих растений есть необходимые организму калории. Но эта теория многих приводит к смерти, поэтому весной умирает много истощенных, не дождавшись милого лета.

— Я болел на гражданке катаром желудка. Кушал только белый хлебушек да булочки...

— Подайте Алексею Александровичу белую булочку! — смеется Свистула.

— Да я с удовольствием, но где ее взять?.. — поддерживает юмор Андрей-бытовик, которому нравится эта группа контриков и он всегда в этой компании околачивается. — Я вашу черную паечку получу сегодня, с вашего разрешения, при раздаче и с вашего согласия съем, а то она вам и вашему желудку очень вредит!

И все подняли смех из-за удачного юмора.

— ...Не мешайте, братцы, рассказывать... Несносно изжога меня мучила, а здесь и черный ржаной хлебушек с аппетитом съедаю, как церковную просвиручку. И вот утоляю голод цветочками ромашки — и хотя бы тебе что, желудок ничуть не болит.

— А на полях, братва, сейчас пашут и сеют! — говорит Свистула. Видно, стосковалась его крестьянская душонка по земле, на которой он вырос. — Я получил письмо из-за Урала. В колхозах одни бабы да старики остались. Трудно им, братцы, одним непосильные работы шуровать. Техники нет, братцы... на своих горбах таскают и плуги, и бороны, и сеют вручную точно так, как когда-то в начале тридцатых годов было нарисовано на тридцатке (431), так-то и мужик здоровый сеет, а то бабы. Вот, братцы, до чего этот идол довел со своей фашистской свастикой.

— Все русские бабы как казачки, — подает свой голос теоретик Алекмейчик. — До революции казачки все сельские работы выполняли сами, а мужик наденет свою фуражку набекрень, выставит свою шевелюру из-под козырька, сел на коня и лето напролет на воинском сборе в своем курене (432) проводит. И никто не подсказал, чтоб зимой делать сбор куреней, а летом паши, миленький, землицу.

— Вот жаль, что тебя там не было, ты бы им утер нос, — смеется Андрей-бытовик.

— Золотые руки у наших женщин, — говорит старожил слабосилки, сидящий в кругу, седой архитектор из Ахтырки.

— Зо-ло-тые... зо-ло-тые... Да баба не успеет обернуться, как пять раз соврет мужику! Эти золотые ручки и волшебные глазки заложили меня с потрохами на десять лет баланду хлебать! — говорит уголовник Федя Иванюшкин.

— Может, она по недопониманию продала, как мать у Горького предала Павлика (433), — подает голос Алексейчик. — Или изменял ей на каждом шагу, а женщины, Федя, страшно не любят измены, они тогда злее тигра делаются. Не только продать, а и зарезать сонным может.

— А что ты, деда, на себе испытал? — язвит Федя.

— Какие вы все грамотные! — включился в разговор сидевший в стороне Юра Волошин. — Горький потому-то написал хорошую книгу о матери, что ее выстрадал бессонными ночами. Когда он был еще подростком, мамочка его бросила и уехала с любовником (434), а ему, сироте, очень хотелось, чтобы его мама была именно такой, как он описал в своем романе «Мать».

(431) Имеется в виду банкнота номиналом три червонца образца 1924 г., на которой был изображен крестьянин, сеющий зерно вручную.

(432) Курень — традиционное наименование подразделений казачьих войск, формировавшихся по территориальному принципу.

(433) По-видимому, контаминация романа А. М. Горького «Мать», где сын главной героини носит имя Павел, и истории Павлика Морозова — мальчика, убитого своими родственниками, которую писатель неоднократно упоминал в своих выступлениях 1930-х гг.

(434) Мать писателя, В. В. Пешкова, овдовев в 1871 г., отдала трехлетнего сына на воспитание своему отцу В. В. Каширину, а сама ушла из семьи и впоследствии вторично вышла замуж.

(435) От «ляскати языком» (укр.) — болтать.

(436) Зоценко М. М. (1894—1958) — писатель, в 1930-х гг. пользовавшийся большой популярностью как сатирик. Перу Зоценко также принадлежал рассказ «История одной перековки» из сборника «Беломорско-Балтийский канал им. Сталина» (1934), посвященный приключениям бывшего вора, который «перековался», т. е. перевоспитался в советском духе, оказавшись в качестве заключенного на строительстве Беломоро-Балтийского канала.

(437) Лещенко П. К. (1898—1954) — эстрадный артист, популярный певец, известный, в частности, исполнением блатной песни «Чубчик». Не имел музыкального образования. Записи Лещенко в СССР официально находились под запретом, поскольку он, будучи уроженцем России, имел гражданство Румынии и считался эмигрантом.

(438) Дикорастущую черемшу официально разрешалось использовать в рационе заключенных в качестве замены репчатого лука. Сбор черемши для нужд лагеря был одним из видов работ для слабосильных.

Слабосильные каждый знает свое место в компании, у контриков своя свита, где проводят ежедневно свой досуг, тут же ежедневно несколько штатных уголовников присутствует. А кто подходит новенький, просто гонят от себя. А Рассосётсё никто в компанию не принимает.

Кончили склонять Горького, перешли на Есенина. Некоторые говорят, что его повесили НКВДисты, чтоб не ляскал язычком (435), что не угодно правительству. Потом перешли и разобрали по косточкам Зоценко (436), самородка певца Лещенко (437), потом снова на поле перебрались:

— Выгнали б нас поработать в поле! — говорит Вовка. — Сколько б пользы принесли!

— Или вреда! — зло бормочет Петро Свистула. — Знаю вас, работничков, не бей лежачего! Вон за черемшой ходим (438) — не столько приносим в лагерь, сколько поедаем, вот так и приготовленное на посев зерно потрескали бы все с голодухи! А какая польза от вас, фитилей?.. — обвел он сидящих ревнивым взором крестьянина-хлебороба.

Павлик впервые увидел таким Петра, как будто они собираются его собственное зерно «потрескать».

— ...Всех ветром качает, а там трудиться надо! Да еще как трудиться! Землица, мои любезные друзья, кропотливый труд уважает, пот и любовный уход, вот тогда, милейшие, и горбушечка будет! Понимать надо, господа удавы!..

— Вон, братцы, собакам жрать понесли, подле зоны!

— Значит, дожили до трех часов!

Все затихли. С жадностью и завистью провожают взглядом сидящие тени полные ведра собачьей похлебки. Наконец охранники скрылись со своими привлекательными ведрами.

— Попасть бы туда, к собачкам, там, братцы, балан-дочка — ложкой не провернешь. С мяском, не то что нам дают, у них армейское питание...

— И где ее набрали, этой зеленой проклятой капу-сты? Голову каруселит от нее! Как только весна, так и принимаются силосом давить!

— От цинги нас, дружище, оберегают!

— Вот холеры, придумали б еще что-нибудь!

— Нам от цинги бациллу подавай, что оканчивается на хохляцкое «о»: сальцо, мясцо, яйцо, чтоб курсак (439) полный был, — говорит Андрей-уголовник.

— Да-а-а... с собачками пожрать бы, это да! Это наслаждение было б!

— Ну как ты, Миша, с ними похаваешь? Они тебя загрызут к черту.

— А может, наоборот — я их? Допусти меня до ведра горячей, густой собачьей похлебки, сука буду, озверел бы похлеще всякой хищной зверюги.

— Да, братцы, — продолжает рассусоливать дядя Алексей, старожил слабосилочки, — и в самом деле, с каким наслаждением мы ели б из одного ведра с ВОХРОВскими псами, но и этого удовольствия мы лишены.

— Отгадайте загадку, — говорит Андрей. — Зима-лето, зима-лето, зима-лето, сроку нету (440)!

Так проходит теплое лето сорок четвертого года в болтовне на самые разнообразные темы, кроме политики. Иные говорят: «Кто останется живым после срока, — академиком будет, ведь мы прошли академию жизни». Второй развивает эту мысль: «Представьте себе академиком Андрюху — при галстукке, в фетровой шляпе, идет с тросточкой в руке и никого не узнает из своих бывших отверженных друзей. А Ван-Фу, братцы, директором табачной фабрики с наркотическими сигаретами метровой длины будет».

— К цолту!.. К цолту!.. Дилектола! Моя рыкша будет! Я семя поеду колми!

За лето Павлик десяток раз ходил со слабосильными по черемшу. Набивал себе желудок до отвала, но трава есть трава, и от нее не поправишься. Такой он и остался — тонкий, звонкий и прозрачный.

Советские войска уже перешли границу Польши, Румынии. Союзнички наконец-то открыли второй фронт. Дело безвозвратно идет к окружению фашистского логова в Берлине:

(439) Курсак (искаж. татарск.) — желудок, живот.

(440) «Зима, лето — и сроку нету» — лагерная поговорка.

(441) Фронтальная песня — переделка популярного городского романа (существующего также в блатном варианте) «Ах вы, кони мои вороные» («Начинаются дни золотые»), в котором, в частности, фигурируют нарядные сани, уносящие влюбленных от погоны. Источник текста не установлен.

Начинаются дни золотые,
И по телу проносится дрожь.
Где вы, кони мои вороные,
Как из Ялты теперь удерешь?

У меня есть разбитые сани,
Угодил в них советский снаряд,
Эх, ни кони, ни сани, ни сами
Не вернемся мы, видно, назад.

Гвардии краснофлотец Н. Смуток. 1944 г. (441)

Павлик и в баню бегал на разведку.

«У нас здесь работает на твоём месте один инвалид, — ответил дядя Ваня. — Такой ленивый, такой неповоротливый, не сравнить с тобой. Ты был парень-огонь в работе, я с тобой не работал, а отдыхал. А этот так и смотрит, как бы я ему помог, да и помогаю загружать в дезокамеру вещи, а то весь пар выпускает из камеры. Такая лень, страшно сказать: где приляжет, там и уснет. Везде грязь, недоделки, заведующий его ежедневно ругает и по-нашему, и по-грузински, но к нему это не пристаёт. В бане сороконожки завелись, так что имей в виду, если будешь купаться, будь осторожен, а то придётся керосинчиком их выводить».

Осенью, когда солнышко перестало согревать теплом слабосильных, а дожди загнали в барак тощих, в Горношорию приехала загадочная комиссия. Всех переписали по специальности.

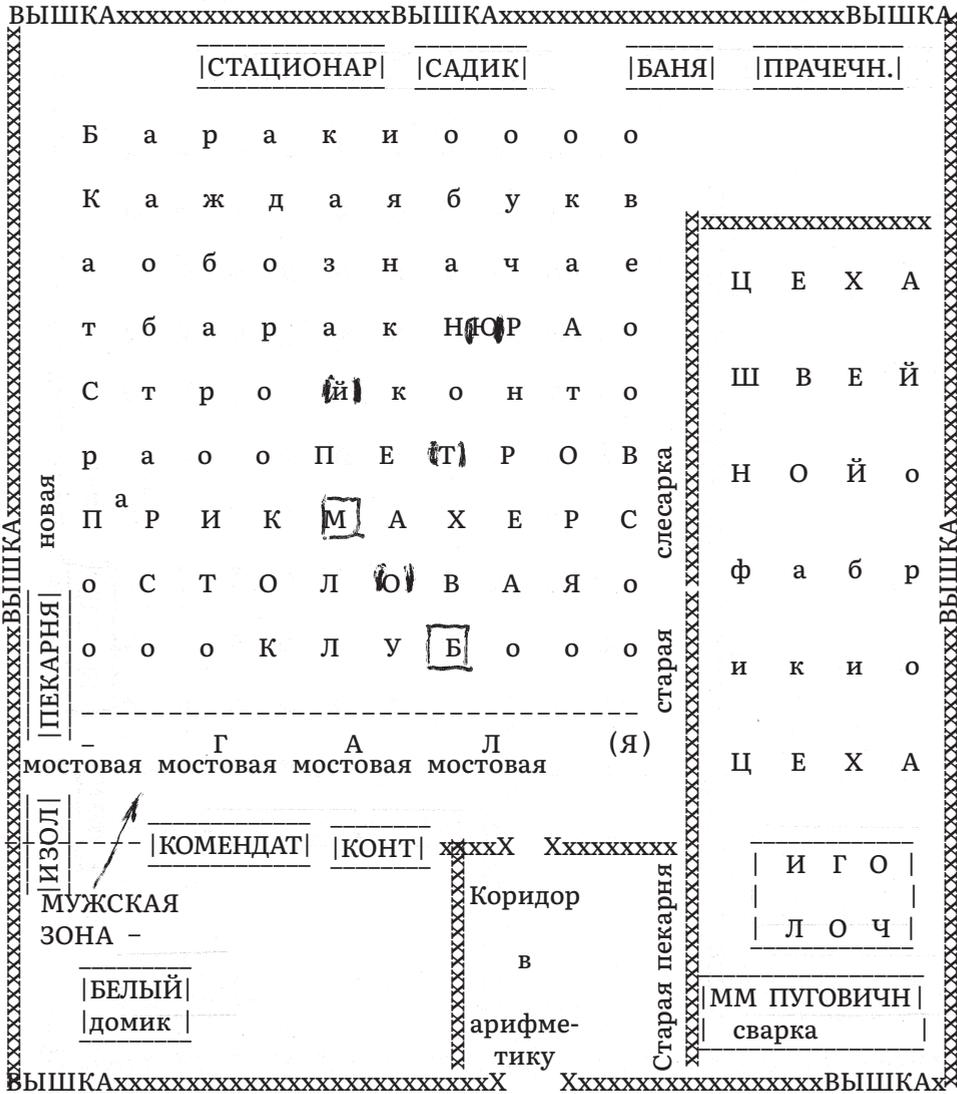
В конце октября 1944 года специалистов погрузили в красные вагоны, и поезд покатился все ниже и ниже к уровню моря.

Возможно, никакого воспоминания не осталось бы у Павлика от этой ужасной Горношории, если бы не гудки: «Ку-куу-у!.. Ку-ку-у-у!..», заставляющие бешено трепетать сердце, напоминая о холодных зимах, о голоде, о жестоком конвоире Свиридове, о людоеде Трубке-палке, о петле на шее, о доломитовом склепе в ночное время, как замер-

НОЯБРЬ 1944 ГОД   МАРТ 1946 ГОД

(КОБЫЛЬИЙ ДВОР)

ЮГ На Дальний Восток

ЖЖЖЖЖЖ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА СТАНЦИЯ ЯЯ ЖЖЖЖЖЖ

Не слезы, а огненный дождь,
 Когда невзначай вспоминаешь:
 «Встречать ты меня не придешь...
 А если придешь — не узнаешь...»

Вячеслав Кузнецов (442)

Глубокой ночью этапников высадили из вагонов на станции Яя Кемеровской области (443). Еще не покрытую снегом землю, размокшую под осенними дождями, чуть-чуть прихватил морозец. Темно-голубое небо, усеянное светло-желтыми горошинами, вместе с желтым месяцем безразлично встречает голодных этапников. В полукилометре от станции огромный лагерь окутан высоким, двухметровым деревянным забором и, как везде, колючей проволокой. Новеньких загнали в длинный просторный коридор метров двадцать шириной и сотню метров длиной, сделанный из колючей проволоки в клеточку. Юмористы немедленно присвоили ему кличку «коридор в арифметику». Справа через ряд проволоки — выстроенные в несколько рядов бараки. Это цеха швейной фабрики (444). Слева в конце этого коридора через проволоку в «арифметику» расположена сотня бараков — это женский лагерь, а через мостовую и деревянный тротуарчик — мужская зона. У каждого барака мужской зоны открыты обыкновенные въездные ворота из колючей проволоки. В женском лагере-городишке размещены общины для мужчин и женщин баня, парикмахерская, стационар, столовая, клуб, пекарня, комендатура и даже слесарно-механическая мастерская.

После генеральной поверки по картотеке новеньких построили по пятеркам и провели через огромные проволочные ворота в женскую зону лагеря. Здесь присоединилось к конвою больше десятка лагерных блюстителей порядка. Такого огромного лагеря этапники еще не видели — это настоящий городок. В лагере около десяти тысяч заключенных женщин и около тысячи мужчин.

Стоит глубокая ночь, по закону природы все должны крепко спать, но лагерные девчата, услышав о новом мужском этапе, будят друг друга и бегут встречать иду-

(442) Из стихотворения В. Н. Кузнецова «Колымская песня» (опубликовано в журнале «Нева». 1989. № 3. С. 70), включающего, в свою очередь, цитату из известной песни колымских заключенных «Ванинский порт».

(443) Яя — рабочий поселок (ныне поселок городского типа, центр Яйского района) на севере Кемеровской области, получивший название по реке, рядом с которой он расположен.

(444) В описываемый период в поселке Яя располагалась ПромИТК № 1 Яйского отделения ОИТК УНКВД Кемеровской области. В предвоенные годы Яйская швейная фабрика являлась самым крупным собственным производственным предприятием ГУЛАГа. Большинство заключенных лагеря составляли женщины, которые работали на фабрике, выпускавшей швейные изделия для нужд самого ГУЛАГа. С началом войны Яйская фабрика переключилась на изготовление армейского обмундирования и предметов снаряжения. Также производилась вата и швейная фурнитура — пуговицы, крючки, петли, пряжки, красноармейские звездочки. В годы войны объемы производства и интенсивность труда на фабрике были очень велики. О Яйской швейной фабрике см.: Гвоздиков Л. И. История репрессий и сталинских лагерей в Кузбассе. Кемерово, 1997. С. 323—324. В настоящее время на базе бывшей ГУЛАГовской фабрики действует ГУП Яйская швейная фабрика «Восход».

(445) Здесь: плохо кормили, довели до истощения. Силос — зеленая масса, заготавливаемая на корм скоту путем заквашивания в ямах.

(446) Шалашовка (блат. жарг.) — то же, что шалава, проститутка. Шалаш — место на нижних нарах, прикрытое спущенным с верхних нар одеялом.

(447) Алеша — жаргонная кличка дурака, простака.

щих в карантин пеллагриков, смахивающих на мужские тени. Смешно и жутко новеньким, что их встречают как что-то путевое. Девчата нагло распределяют между собой новеньких, как стадо баранов:

— Это будет мой соколик!

— А вот тот красючок мой!

Иные посмотрели и уходят, махнув рукой:

— Фу-у-у-ты-ы... Я думала, в самом деле привезли

мне мужчину, а это в штанах настоящая чертовщина!

— Пойдем, Муся, спать! — говорит подруга. —

Может, хотя во сне приснится настоящий армяшка с горбатым носом, а это мужские тени, ни одного подходящего.

— И где их только силосовали (445)? От них не дожدهшься амуров! — скулит девка.

Но иные совсем иного мнения, им не до сна в двадцать лет. Взбудораженно ликуют, провожают все дальше и дальше от огромных ворот, все ближе и ближе к изолятору. На ходу знакомятся. Каркают, как воронье перед дождем:

— Из какого лагеря, лапочки?

— Где вас, касатики, так приморили?..

— Мы из Горношории!

— Разойдитесь, дешевки! — гонят лагерные придурки девчат. — Что это вам, представление, что ли?.. Еще успеете выбрать себе утешителя! Дайте им придти в себя!

А девчата, как надоедливые осы, не отстают и не обращают никакого внимания на оскорбления и угрозы блюстителей порядка.

— Из Кемерово есть, котики?

— Я из Кемерово! — отвечает Андрей-уголовник.

— Ой, землячок!.. Ой, котик ты мой ненаглядный!

Я тебе помогу подняться на ноги!

— А что это за лагерь, кошечка?

— Швейная фабрика, мой ненаглядный!

— Да отвались ты, лагерная шалашовка (446)! — грубо отталкивает ее староста мужского барака.

— Как тебя звать, миленький? — спрашивает девка Павлика.

— Алеша! — грубо ответил Павлик (447), и та отвязалась.

Новеньких загнали за высокий деревянный забор. Это и есть карантин, в котором предстоит провести сем-

надцать суток изоляции. Большой барак огорожен под изолятор. По длинному коридору первая комната зава, а потом идут одиночки, дальше идут огромные общие камеры. В некоторых одиночках сидят провинившиеся девчата.

— Сюда, сюда!.. Подбрось, начальник, хотя одного!

— Гражданин надзиратель, толкни вот этого ко мне пошалить!

— Да он же неспособен! — смеется надзиратель.

— Да я как поддам, и мертвый зашевелится!

Вбрось, начальничек!

— Не положено, дорогуша!

Разместили полторы сотни новеньких специалистов в трех огромных камерах. Двери камеры открыты. На второй день, после того как сгоняли в баню, разрешили выходить даже во двор изолятора. И, что самое удивительное, за время препровождения в изолятор, в баню и обратно и здесь, и в изоляторе, — ни конвой, ни придурки ни разу не угостили тумачком или ошарашили окриком «Стой, передние! Подтянись, задние!..»

Сквозь щели высокого забора более подробно узнали у «землячек», что это огромный лагерь военного назначения, и называют его между собой «кобылий двор» (448), а шьют здесь обмундирование для солдат на фронт. Большинство — деревенские девушки из Кемеровской и Новосибирской области. Сидят они «по Указу» за побег с производства в военное время под крылышко родимой мамыши, и все имеют срок от пяти до восьми лет (449)... Лишь процентов двадцать политических, расхитителей государственной собственности, простигуляющих, воровок и прочих уголовниц. Процентом двадцать лагерниц зажиточно живут: та передачи получает от предков, та посылочки, иная работает на тепленьком местечке — вот они и подыскивают себе самцов. А те, которые живут на паечке, они тоже такие же тощие, как и прибывшие горношорцы, здесь ведь считается легкая промышленность, поэтому самая большая пайка — семьсот граммов, а это очень и очень мало для здорового организма.

С первого же дня закипела череззаборная любовь. Андрею-уголовнику повезло — «землячка» попалась богатая, подкармливает его череззаборными передачами: хлебом, салом, луком, а иногда и сметанки приносит. А он

(448) Кобылий двор — распространенное жаргонное название женских зон и женских общежитий.

(449) Указом Президиума Верховного совета СССР от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» работники предприятий военной промышленности и обслуживающих военную промышленность на период войны были объявлены мобилизованными и закрепленными для постоянной работы за своими предприятиями. Самовольный уход приравнялся к дезертирству, виновные подлежали суду военного трибунала и тюремному заключению на срок от 5 до 8 лет. Фактически осужденные по этому указу направлялись не в тюрьмы, а в лагерь.

сквозь почерневший под дождем деревянный забор заливается соловьем: «Мы были там, где и дождя нет, а мокрый весь от росы. Черные тучи блуждали, как демон, ниже нас, а мы выше туч находились. Где кормили шулюмкой прозрачнее воды, а невыносимо жестокий конвоир щелкал нашего брата, как белочка зерна спелых орехов». Она в ответ вздыхала, охала, смахивала набегавшую слабую женскую слезу. Так пролетели блаженные деньки у Андрея. Он так поправился, что стал похож на человека.

Кто признался, что не имеет специальности, а записался, чтоб уйти из этого горношорского ада, попал в стройчасть. А остальным приказано по утрам являться на работу в слесарно-механическую мастерскую.

Заволновался Андрей-бытовик:

— Ой, братцы, ну как я буду с этой кикиморой расчитываться? Она же на шимпанзе смахивает!..

— Ха-ха!.. Глядите на него, какую он холку наел!

— Бациллой не делился, а теперь: «Братишки, помогите!.. Спасайте, погибаю!»

— Фу-у-ты-ы... про-бле-ма!.. Да, как знакомился, так и расставайся!

Поутру, еще не выпустили из изолятора, а уже оборвалась череззаборная «пламенная любовь».

— Дешевка!.. Обманул доверчивую, слабохарактерную, беззащитную девчонку! — бесится обиженная «землячка».

— Попомни мое слово, — показывает она свои настоящие хищные когти. — Не будешь со мной крутить, не дам и с другими волочиться! Еще тошно тебе будет от моей сметанки!

И залилась горячими слезами обиды.

— Сама не ела, ему, пеллагрику, носила, подняла на ноги! — и, горько-горько рыдая, удалилась от забора, продолжая скулить: — Соком выйдет моя сметанка!..

Перешагнул Павлик порог жилья с горношорскими тенями, и сердце трепетно забилося. Обвел он нары

взглядом и мигом сообразил: «Если это не сказка, и не фантастика, и не во сне я, то мы попали к зажиточным лагерникам. Значит, и я как-то приспособлюсь жить по-человечески». В бараке чистота, светло, двухъярусные нары вагонной системы (450), точно такие, как в армейских казармах. И не заставляют обувь снимать у входа. Нары почти все завешаны синей, зеленой, желтой, красной марлей. Получают на фабрике упакованные марлей мешки материала, мануфактуру используют, а марля остается — вот девчата и приспособились красить ее и украшать нары своим лагерным самцам. Всех новичков поселили на верхние нары. Если в иных лагерях вертухай (451) в почете, то здесь наоборот. В этот же день новичкам выдали новую зимнюю одежду, постельную принадлежность. Кто числился промотчиком в Горношории, все осталось похороненным в архивах, как и лицевой счет (452), если он у кого был. Большинство жильцов в бараке престарелые — это совсем не те контрики, которые сотнями гибли в горношорских лагерях. Большинство — старые лагерники, еще из-под «ежовой рукавицы». У них и статьи какие-то странные:

КРА (контрреволюционная агитация),
 КРД (контрреволюционные действия),
 СОЭ (социально опасный элемент),
 ПШ (подозрение в шпионаже),
 АСА (антисоветская агитация) — и много таких статей, что и в Уголовном кодексе не сыщешь (453). Все образованные, не чета нашему горношорскому малограмотному контрику. Большинство работает поварами, каптерами, мастерами, механиками, и лишь небольшой процент простых рабочих. Освоившись в бараке, Павлик ушел глазеть в женской зоне.

В зоне девчата, как кобылицы, пристают с разговорчиками. Но Павлик высматривает, где столовая с черного хода, хлебобрезка, пекарня — где можно достать съедобного, как можно подработать. Слоняясь от барака к бараку, Павлик увидел потасовку лагерниц, которые не поделили Андрея-уголовника. Он нашел себе уже другую «землячку» — красивую, белокурую, с толстыми русыми

(450) Нары вагонной системы, вагонка — нары, представляющие собой индивидуальные спальные места, как в плацкартных вагонах. Более удобные и гигиеничные, чем сплошные нары в виде единого настила, где заключенные спали вповалку.

(451) Здесь: человек, занимающий место «на верхотуре», т. е. на верхних нарах. Ср. с «вертухай» (лагерн. жарг.) — охранник на вышке или надзиратель вообще.

(452) На лицевом счете заключенного аккумулировался остаток его лагерного заработка после отчислений за питание, вещевое довольствие, охрану и проч., а также деньги, поступающие переводом от родственников с воли. Раз в месяц заключенный мог использовать средства со своего лицевого счета для приобретения в лагерном «ларьке» по безналичному расчету продуктов или предметов обихода, потратив на это установленную сумму. Остаток средств на лицевом счете обналичивался и выдавался на руки при освобождении.

(453) Имеются в виду так называемые «литерные статьи», которые применялись вместо статей Уголовного кодекса при осуждении Особыми совещаниями, т. е. во внесудебном порядке: КРА — контрреволюционная агитация (приблизительный аналог ст. 58-10 УК РСФСР), КРД — контрреволюционная деятельность (аналог ст. 58-1), ПШ — подозрение в шпионаже (аналог ст. 58-7), АСА — антисоветская агитация (аналог ст. 58-10), СОЭ — социально опасный элемент.

(454) Токарно-револьверный станок отличается наличием особой головки, куда устанавливается несколько режущих инструментов, которые можно использовать последовательно. Это позволяет токарю экономить время на замену инструмента и повышает производительность станка.

(455) Имеется в виду станок, произведенный на «номерном» оборонном заводе. В данном случае на патронном заводе № 60 в Ворошиловграде (ныне Луганск), который помимо патронов выпускал оборудование для патронного производства, включая токарные станки.

(456) Зенкер — инструмент для обработки отверстий в деталях — расширения, подготовки к нарезанию резьбы и проч.

косами по пояс. Ходят себе спокойно по зоне, разводят тары-бары и не заметили, как появилась старая знакомая. Коршуном набросилась на новую «землячку», вцепилась в длинные косы, свалила на деревянный тротуарчик — и завязалась дикая женская потасовка. Первая, одолевая вторую, приговаривает: «Я тебе, сука, покажу, я тебя научу, как старых знакомых отбивать! Разлучница ты эдакая! Аль не ведаешь, что я его темной ночью захватила! Вот тебе, потаскуха! Вот тебе, сучка!» Избитая поднялась и шустро убежала под улюлюканье собравшихся лагерниц. Андрей тоже быстро ретировался, чтобы ему «землячка» не напомнила о калорийной сметанке фонарем под глаз. Ни надзорслужба, ни староста из барака такие мелочи стараются не замечать.

Утром вместе с сорока восьмью специалистами явился и Павлик в слесарно-механическую мастерскую.

— Будешь работать токарем?.. — спросил похожий на Коцея Бессмертного мастер-зиновьевец.

— Я шлифовщик, я не токарь!

— При желании научим! Токаря не рождаются! Вот тебе станок! Освоишь его, великим специалистом будешь!

Револьверный станок (454), к которому прикрепил мастер новичка, — старый, разболтанный, как скрипучая телега.

— ...Будешь делать шпульные колпачки для швейных машинок, фабрика простаивает из-за них, — объясняет он новичку.

Работа не ладится, и опыта, и навыка нет, и станок — старая «дрезина» типа «Завода 60» (455), давным-давно просится на свалку. Ремни из-за плохой смазки вращающихся частей непрерывно рвутся и рвутся. Мастер молча сшил один раз и пробормотал себе под нос: «Видал, как шьют?.. Будешь сам всегда сшивать! Здесь тебе няньки нет!» Отпустит на день два-три зенкера черновых и чистовых (456), а они, будучи из некачественной инструментальной стали, трескаются, как семечки на сковородке. Пройдет два-три часа, горе-токарь успеет два-три раза ремень перешить, успеет и зенкера поломать, а годных колпачков — пять-шесть штук, которые немедленно заби-

рают на дальнейшую обработку, и плетется уныло горе-токарь, низко повесив голову, к жестокосердечному мастеру:

— У меня зенкеров нет!

— А я что тебе, инструментальная кладовая, что ли? У меня тоже нет зенкеров!

— Как же мне паечку выработать? Я ведь жрать хочу!

Оглянется мастер-зиновьевец воровато вокруг, потом наклонится к уху и шепчет:

— Захочешь в туалетную, обязательно штаны спустишь!

— Переведи меня на иной станок, я хочу работать! Я не могу на маленькой паечке сидеть! Дайте возможность мне заработать нормальную паечку!

— Обращайся к начальнику СММ (457), я таких вопросов не решаю!

Знал бы новичок, отчего это зиновьевец так грубо ведет себя: он ведь бывший директор завода, а здесь такое унижение — мастером работать, ремни сшивать, таких неучей, как Павлик, токарному делу обучать.

Доколенко Вадим Васильевич — бессменный начальник слесарно-механической мастерской. Будучи на свободе какой-то великой шишкой, в тридцать седьмом году попал под «ежовую рукавицу», получил десять лет исправительно-трудовых лагерей. Начальник лагеря ценит его как большого специалиста и организатора производства. У Вадима Васильевича имеется лагерная подруга жизни, с которой он нажил двоих детей, которые находятся в детских яслях за женской зоной около стационара. В этом огромном лагере отведен целый барак под ясли с отцом и без отца нажитых детей (свободных граждан СССР за колючей проволокой). Как только мамы отлучают малюток от груди, их направляют в детдом (458). Подумайте, мой уважаемый читатель, как эти мамы переживают расставание навсегда со своим ребеночком, ведь не все же здесь, за колючей проволокой, прокаженные, есть и люди. Но Вадиму Васильевичу всегда делают исключение при очередной отправке — его детей оставляют до следующей комиссии.

Слесарно-механическая мастерская расположена у самой фабрики на окраине женской зоны. А более про-

(457) СММ — слесарно-механическая мастерская.

(458) На практике дети оставались в лагерных яслях до двухлетнего возраста, после чего подлежали передаче вольным родственникам, если те соглашались их принять, или отправлялись в детдом.

(459) Скрытая цитата из популярной блатной песни из репертуара Петра Лещенко «Чубчик». В оригинале:

«Чубчик, чубчик,
чубчик кучерявый,
Ты не вейся, чубчик,
по ветру».

(460) Имеется в виду так называемое «премблюд», выдаваемое сверх пайка в качестве поощрения за высокий процент выполнения нормы.

(461) «Второй фронт» — традиционное собирательное название для американского продовольствия, в годы войны поставлявшегося в СССР по ленд-лизу. Среди таких продуктов были тушенка, яичный порошок, сахар и даже готовый хлеб из кукурузной муки.

(462) Птуха — см. прим. (136).

(463) «ДИП-200» — один из лучших советских токарно-винторезных станков, выпускавшийся московским заводом «Красный пролетарий» с 1932 г. Название представляло собой аббревиатуру лозунга советского машиностроения «Догоним и перегоним <капиталистические страны>!»

(464) Хитрый базар — нелегальный внутрилагерный рынок, где заключенные обменивались между собой вещами и продуктами, часто крадеными или выигранными в карты. В данном случае Павлик меняет котелок собственного изготовления на талон на дополнительное питание.

сторная строится на территории швейной фабрики. Зашел токарь-револьверщик в маленький фанерный кабинет начальника и принялся просить:

— Вадим Васильевич, убедительно прошу вас, переведите меня на иной станок, у меня на этой «дрезине» ничего не получается!

Посмотрел он на подчиненного безразличными стариковскими усталыми глазами и ответил:

— Мне нужны шпульные колпачки. Швейные машинки из-за них простаивают на фабрике... Обмундирование Красной Армии нужно, а ты мне голову морочишь о переводе... Иди работай... Старайся... На этом станке твоя горбушка зарыта.

Ушел Павлик несолоно хлебавши. Выданные на сегодняшний день зенкера уже давно поломаны. Подошел к Орехову с горношорского этапа. Там, в слабосиловке, он был доходной, совсем незаметный парень, а здесь ожил. Стружка у него из-под резца змейкой вьется, словно чубчик кучерявый на ветру (459). Получает он семисоточку и дополнительный талончик на омлетик (460) из американского яичного порошка, так называемого «второго фронта» (461). С завистью наблюдает токарь-револьверщик за этой работой, а он счастливо улыбается, шутит: «Даем стране металла, а страна нам хлеба птушечку (462) и ни кусочка сала!» Разве сравнить его «ДИП-200» (463) с разбитой телегой — револьверным станком? Обшарил горе-токарь все уголки в мастерской, взял тонкой жести, смастырил котелок в обмен на талончик на хитром базаре (464) и ушел бродить по лагерной зоне, где лежит уже снежок, режущий глаза.

В бараке контрики очерствелые, грубые, ехидные, прошедшие лагерную жизнь, приспособились жить по теории «только для себя, а там трава не расти». А токарь-револьверщик придет с работы, залезет на свою верхотуру и наблюдает, как кругом несут в свое гнездо кто что может, с разных уголков лагеря-городка. Новоиспеченный токарь по-прежнему голодный, тощий как былинка, глотает только свои слюнки, раздражая еще сильнее чувство мучительного голода. И, гонимый

пустым желудком, уходит рыскать по зоне, в который раз мечтает где-нибудь подработать лишней черпак баланды и каждый раз уныло возвращается с пустым котелком в барак.

Однажды только занес отекающую ногу лезть на свою верхотуру, вдруг услышал голос соседа с нижних нар:

— Смотрю я на тебя, земляк, я ведь тоже из Харькова, на Клочковской проживал...

Это бывший белогвардеец сидит в заключении с тридцать седьмого года за сокрытие прошлого.

— ...Так вот, смотрю я на тебя и думаю: «молодой парень, а дошел. Еле-еле ноги на нары заносишь! Ты же парень что надо! Закрутил бы с богатой лагерницей, с такой, которая и кормила бы, и поила! Например, с сестрами маршала Тухачевского (465). Они в конторе работают и тебя поддержат... Хочешь, я вас познакомлю? Я рядом с ними работаю. Они же живые женщины.

Молча залез Павлик на верхотуру. Только после этого ответил:

— Мне, дорогой дяденька, не до амуров сейчас!

— Ерунда! Поддержат чуть-чуть, запрыгаешь, как молоденький жеребенок. Вон, бери пример, как Поликарпов живет: она ему и мясца, и молочка, а он ей улыбочку, кнопку (466) и квиты. Ха-ха-ха!!!

— Это, дядя, не по мне! Я не могу своим телом торговать, не такой у меня характер!

— Ты скажи, у него характер... Тело! Смотри, со своим характером, не обмочи меня ночью с верхотуры!

— Пошел бы ты, гидра, ко всем чертям! Беляк! И не похлопали вас в Гражданскую... Кусты, вероятно, спасли?..

Даже ночами не спит Павлик, все думает и думает, где приспособиться подрабатывать добавочку к паечке.

Удивился, когда получил с лицевого счета пятьдесят рублей. В Горношории все шло в Фонд обороны (467). На хитром базаре сразу подорожали паечки, то были по пять рублей, а теперь за семь нигде не возьмешь... А на следующий день в слесарной мастерской все взбудоражились, побросали работу: здесь, в мастерской, выдают ларек, по ведру выдают примороженной картошки, по килограмму хлеба и по паечке махорки.

В бараке у печки все варят свободно. Поставил и Павлик свой котелок, но подходят с работы и его котелок

(465) Четыре сестры маршала СССР М. Н. Тухачевского были осуждены в 1937 г. за родственную связь с братом. Две из них — Ольга (в замужестве Гейман, 1903—1995) и Мария (в замужестве Владимировна, во втором браке Фадеева, 1897—1995) — отбывали наказание в лагере в поселке Яя. По воспоминаниям вольнонаемной работницы Яйской швейной фабрики П. Е. Пономаревой, одна из них работала механиком швейных машин, другая — швеей в цехе № 8 (см.: Лепихин С. Ударники Сиблага // Наши земляки. Кузбасс. 2015. № 16. 17 апреля. <http://kaltan21veka.ru/udarniki-sibлага.html> (дата обращения — 25 мая 2020)).

В 1945 г. по отбытии срока сестры Тухачевского были освобождены, но в 1948-м повторно арестованы и приговорены к ссылке на Колыму.

(466) Кнопочка — здесь: ласка.

(467) Речь идет о принудительном перечислении заработка заключенных в Фонд обороны. В целом по стране поступление средств от заключенных ГУЛАГа в этот фонд составило в 1941 году более 250 тыс. руб., в 1942 году — более 2 млн руб., а в 1943—1944 гг. — 25 млн рублей (см.: ГУЛАГ. 1918—1960. С. 282).

(468) Фосфористый металл (т. е. со значительным содержанием фосфора) обладает повышенной хрупкостью, тогда как сталистый металл, по своим качествам близкий к стали, достаточно пластичен и при обработке резанием дает длинную стружку. При этом фосфористое железо более устойчиво к коррозии, что позволяет на глаз различать свойства металла по степени заржавленности.

двигают и двигают — и отодвинули на самый краешек ПЛИТЫ.

— Куда же ты отодвигаешь?.. — возмущается горе-токарь. Посмотрел, нахал, как пятак подарил прилипшему к печке Павлику и показал на соседа:

— Вот, спроси у Ивана Кузьмича. Я занимал очередь!

— Да-да... Петр Иванович занимал! — подтвердил Иван Кузьмич.

Пыша гневом и презрением к этим упитанным боровам, стоит Павлик у печки, поджидает, пока все переvarят свою стряпню. Он, оказывается, еще на работе занял очередь, у всех них здесь круговая порука. Что может сделать обесиленный против упитанных наглицов? А они... поставит котелок и спокойно уходит в свой цветной шалаш. И еще сообщи ему, когда закипит и сварится эта стряпня. Кузьмичу некогда следить, он со своей «отрадой» там, в цветнике, любит. Их таких сидит, притаившись, в марлевых цветниках больше десятка. «Напустить бы на вас горношорскую Индию, — с ненавистью смотрит Павлик на блестящие котелки, сделанные из консервных банок из-под американской тушенки. — Они бы вас проучили, сытых кабанов». А картофель примороженный очень плохо поддается варке и какой-то сладкий делается на вкус. С нежностью вспоминает он Индию, — там были все равны, а здесь каждый с десятого этажа на тебя смотрит! О-о-о!.. Подняться бы только на ноги... Я бы вам припомнил, борова!

Уже горе-токарь соображает, что многое при обработке металла зависит от свойства и структуры его. Иной прут попадет — и стружка, как у других токарей, вьется змейкой из-под резца, и зенкера не ломаются. Начал различать по стружке, где фосфористый металл, а где сталистый. Теперь часто бродит он по всей зоне швейной фабрики, разыскивает покрытые коррозией прутья (468). Но в каком бы уголке он ни искал, под конец поисков оказывается у пекарни. Запах печеного хлеба влечет к себе как магнит. Однажды вышел из черного хода пекарни коренастый мужичок лет под сорок среднего роста, которого Павлик часто видит в своем бараке, и позвал:

— Эй ты, парень! Иди сюда! — Павлик покорно подошел. — Помоги нарубить дров! Вон, бери колун и руби! — показал он большой топор.

Горе-дровосек позабыл о пруте, который нашел, подошел к огромной куче напиленных дров, рубит и рубит чурки, изнемогая от слабости. Как токарь-револьверщик он уже выполняет норму, получает семисоточку и ларек раз в месяц, и то котелочек сделает, то замочек выточит в обмен на талончик на шулюмку, и хотя немного поправился против горношорского веса. Но это слабая поддержка здоровому организму в расцвете лет, и он всегда ощущает голод.

Афоня, дровосек при пекарне, — деревенский мужчина. Получил он срок по статье КРА — семь лет. Когда-то он был честным, вспыльчивым и справедливым. В тридцать седьмом году работал в колхозе бригадиром и со вспыльчивым азартом защищал своего бригадника, к которому применили «Указ от 7-08 32-го года» — за колосья, собранные для своих домашних птиц на колхозной стерне после уборки урожая (469). Афоня своего бригадника не защитил, его судили за расхищение государственной собственности, а Афоне как активному защитнику расхитителя преподнесли статью за «контрреволюционную агитацию». Ему осталось отбывать один годик лишения свободы, и он с жадностью скупого крестьянина копит деньги.

Заметил он, что случайного дровосека ветром качает, его сердце смягчилось, и он вынес килограмма полтора чего-то, смахивающего на запеченную горбушку. Во время посадки в печь пекари опрокинули форму с тестом, и получилась изуродованная на угольках и вымаранная в пепле жаркой печи неуклюжая коврига.

— На, подкрепишь!.. — сверкая добрыми глазами, протянул он дровосеку эту пригорелую, припудренную пеплом, зажаренную с древесными угольками ковригу.

Дровосек с жадностью принялся грызть со всех сторон этот хлеб, поглядывая с недоумением на дверь: не выйдет ли он снова, не раздумает ли, а может, он ошибся или, может, я не так его понял? — и, чуть-чуть прожевывая, глотает и глотает. Когда справился с ковригой, во

(469) Имеется в виду Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности», известное также как «указ 7—8» и «закон о трех колосках». Предусматривало крайне суровое наказание за любое, даже самое мелкое хищение социалистической собственности.

всем теле появилась вялость и невыносимая жажда. Но где возьмешь воды? Кругом дрова да снег, почерневший от копоти и дыма из трубы пекарни, а бросать колоть дрова нельзя: «Что он скажет, этот добрый человек? Наелся и ушел?» Превозмогая усталость и жажду, Павлик глотнул грязного снега и продолжал колоть дрова, а они словно слабость нащупали — плохо колются. Вдруг дровосек почувствовал невыносимую резь внутри. Мигом весь обмяк, последние силы покинули его; он прилег, и покатились по щекам слезы обиды за себя. Попался момент пристроиться подработать, и так невовремя заболел живот. «Зачем я ел эту корку? — казнит он себя. — Ничего, ничего, держаться надо, только немножечко отдохнуть, покуда не видать этого доброго человека». И принялся глотать уплотненный грязный снег, уголяя невыносимую жажду.

— Что, фитиль, лежишь?.. За работу получил, а колоть дрова дядя будет?..

— Афонечка... я только отдохну немного, ну-у самую малость. У меня живот схватило. Я буду колоть, вот только отдышусь чуточку.

— Катись отсюда колбасой! Доходяга! Сдохнешь здесь еще, потом кум за тебя тягать будет...

— Я сейчас!.. Я буду колоть! — еле встал горе-дровосек.

— Валяй, валяй! В гробу я видел таких дровосеков!..

Павлик, стараясь угодить и не раздражать разъяренного благодетеля, уныло поплелся от пекарни. Он прекрасно знает этого психа по бараку.

В бараке выпил с литровку воды, еще часа два сильно корежило горе-дровосека на постели — порой такие рези появлялись в животе, что он громко стонал, потом постепенно легче стало, и к утру боль и резь в животе прекратились. И когда почувствовал себя легче, принялся казнить себя за то, что сплеховал: «Теперь он и на пушечный выстрел не подпустит к дровам. А сколько хлеба дал?.. Трехдневную паечку, не меньше». Пришел утром на работу, а мысль все там, у пекарни. Проточил десяток шпульных колпачков, попрятал годные зенкера, — мол, нечем работать, — вместо них положил на виду поломанные. Никому ничего не говоря, как воришка, оглядываясь по сторонам, помчался аллюрным шагом к заветной пекарне.

У пекарни ни души. Холодный зимний ветерок порывами гонит сухой снежок, перегоняет с места на место. Подошел токарь-дровосек к куче дров, нашел спрятанный под чуркой колун и принялся по мере возможности колотить дрова. «Наколю и уйду, пусть знает этот добрый человек, что я не зря съел ту корявую горбушку. Два часа прошло, уже изрядная куча лежит дровишек, только теперь выскочил со своей конуры, как разъяренный бугай (470), Афоня.

— Ты снова, фитиль, пришел?.. — накиннулся он на дровосека. — Вон отсюда!.. Смойся с глаз, чтоб я тебя не видел!..

— Афонечка, прошу тебя!.. Умоляю тебя, не гони меня, пожалуйста. Я за вчерашнее рассчитаюсь и уйду! Только за вчерашнее, сегодня мне ничего не надо за работу. Совесть меня мучает. Ты такой был добрый ко мне, позволь мне отплатить трудом за твою доброту.

Афоня звериным взглядом метнул на большую кучу нарубленных дров и обмяк, ушел в пристройку пекарни, сколоченную из досок и прикрытую толем (471), где аккуратно сложены порубленные дрова. Сел там и сидит, как хорек, сурово наблюдает из-подо лба за работой тощего дровосека. А токарь-дровосек рубит и рубит дрова, только щепки летят, старается, из последних сил выбиваясь. И не выдержало доброе сердце Афони, подошел, протянул граммов шестьсот хлеба и три талончика на ужин.

— Хватит, парень, молодец! Бери вот!..

— Не надо, Афонечка! — замахал руками дровосек. — Я ведь за вчерашнее!

— Бери, дурачина!.. Не жаль!.. Дают — бери, а бьют — беги! Как тебя звать?..

— Павлик.

— Ну вот и хорошо, Павлик, приходи и завтра помогать!

— Хорошо, Афонечка, спасибо тебе! — и побежал, ликуя, в столовую.

Большущая столовая в Яйском лагере: огромный барак отведен под зал, а пристройка буквой Г пристроена для кухни и раздачи баланды. Бесперывная очередь девчат в несколько окошек раздаточной. Под маркой мужчин

(470) Бугай — бык.

(471) Толь — дешевый кровельный материал, картон, пропитанный дегтем.

(472) Игра «на высадку» с нечетным количеством участников предполагает, что проигравший партию выходит из игры, уступая место товарищу.

(473) Подробнее про дело о смерти М. А. Пешкова см. прим. (367). По-видимому, связь доктора Петрова с этим делом так же легендарна, как и сведения о причастности к нему доктора Шапиро.

и девчата в штанах с короткой прической — это «он», «она», «оно», а, выражаясь медицинским термином, это гермафродиты. Они нагло лезут без очереди: «Пропустите мальчика!.. Нас так мало!» — бессовестно заявляют они.

В столовой стоят рядом длинные-длинные столы со сплошными скамейками. Но большинство девчат получают баланду в собственный котелок и несут свою шулюмку в барак. Кто сухариками, а кто и жирком приправляет. У входа в столовую толпятся ребята и девчата. Это хитрый базар. Здесь все продается и меняется из-под полы: котелочки, замочки, талончики, паечки... Здесь же шастают надзиратели и отбирают все.

В этот день токарь-револьверщик не явился в мастерскую убрать станок, и мастер выписал четырехсоточку. Но что ему четырехсоточка, если он наладил связь с пекарем? Афоне нравится трудолюбивый дровосек, а Павлик из шкуры лезет, старается угодить Афоне. Все свободное время отирается у пекарни: поколет, переносит, аккуратно сложит в пристройке, а когда у Афони плохое настроение или дрожжей сверх нормы хлебнет, то Павлик даже к печке подносит чурки дров.

Чуть приподнялся на ноги — и друзья завелись в бараке, стали примечать его. Новый партнер по шахматам Кучеренко Алексей повел коротать время на высадку в шахматинки (472) к доктору Петрову. Он осужден на двадцать пять лет по делу сына Горького — Пешкова. В этом лагере отбывает наказание часть его однодельцев, а остальные разбросаны по всей Сибири, это одноделец той Шапиро, которая спасла Павлику жизнь в Горношории при воспалении легких (473). Живет Петров в отдельной пристройке-лачужке к одному из барачных женской зоны. В комнатухе стоит односпальная кровать, на кровати — набитый соломой матрас, аккуратно застеленный байковым одеялом, на стене вместо ковра висит обыкновенное одеяло. У кровати стоит тумбочка, чуть выше ковра-одеяла прикреплен громкоговоритель. Это единственный заключенный в лагере, кому разрешили такую роскошь — слушать радиопередачи. С искренней радостью встретил их пожилой, тучный мужчина.

— А-а-а... Какая радость!.. Заходите!.. Заходите, коллеги!.. Не стесняйтесь!.. Садитесь, пожалуйста, в моем комфортабельном купе! Не стесняйтесь!.. — обратился он к Павлику на вы.

Попав к такому интеллигентному человеку из Кремля, Павлик растерялся и не соображает, куда же его приглашает сесть этот добрый человек. Да еще этим «вы» доктор совсем огорошил Павлика. Табурет уже успел занять шустрый Кучеренко, а больше некуда и садиться. Петров, наблюдая замешательство и растерянность новенького шахматиста, силой усадил на кровать.

— Ну-у... коллеги, чем же вас угостить? Чай будете пить?..

— Не откажемся! — смело басит Кучеренко.

— Хотя угощение неважноецкое... — поставил Петров на тумбочку блестящий котелок с крышкой, полный холодного чая, принесенного из кухни. А вот кружка у меня одна, но ничего, по очереди будете пить!

Достал из тумбочки две ржаных зачерствелых пайки.

— Извините меня, но чем богат, тем и рад!..

— Ни-че-го!.. — как со старым знакомым ведет беседу Кучеренко. — По гусю и вилка!

— Ха-ха-ха-ха!!! — чуть не уронив пайку, залился неудержимым смехом доктор Петров. — Охо-хо-хо-хо!!! Да вы не представляете себе, дорогой коллега... Ха-ха-ха-ха!!! Вы не только опорочили мое угощение, но и сами себя оконфузили! «По гусю вилка!» Ха-ха-ха!!! — заливается до слез добродушным смехом Петров.

Друзья ничуть не обижаются, даже довольны, что доставили хотя минуточку радости этому знаменитому врачу, а что они себя оконфузили, это до друзей не доходит. Начальство лагерное ценит и уважает Петрова; кто где в области заболел, его отправляют в командировку, конечно, под охраной.

Игра в шахматы проходит мирно, с азартом и на высадку. Петров играет сильнее своих горе-коллег. Он не любит зевков (474) и часто возвращает зевнувшую фигуру: «Запомните, коллеги, шахматы — благородная игра, как искусство, и никому не позволено эту игру опошлять».

Бывают у Петрова деньки, когда он бесконечно крутится вокруг тумбочки; он объясняет это неспортивной формой. Но «коллеги» примечают, что это за неспор-

(474) Зевок — грубая ошибка шахматиста, ведущая к потере фигуры или к поражению.

(475) Неточная цитата из арии князя Игоря из оперы А. П. Бородина «Князь Игорь». В оригинале:

«О дайте,
дайте мне свободу!
Я свой позор
сумею искупить!».

тивная форма... Как только зазвучит на радио оперная музыка, он весь устремляется туда, в динамик. В такт музыке поминутно меняется его облик, словно его влечет туда, в эфир невидимая волшебная сила; он воображает, что он на сцене вместе с исполнителями ролей. Называет каждого исполнителя по фамилии. Порой точно прорвется в нем что-то, и он рассказывает «коллегам» об искусстве, в котором «коллеги» ни бэ ни мэ. А он декламирует, изливая душу, о музыке, кто ее написал, и рассказывает об артистах, как будто он видит их в динамике. Особенно он любит повторять, да еще не как-нибудь, а с напевом: «О дайте, дайте мне свободу! Я искуплю свой грех!..» (475). В этот миг «коллегам», никогда не видевшим оперы, кажется, что они видят перед собой настоящего, живого русского богатыря князя Игоря. О-о-о... сколько в этом голосе боли и страдания! Как больно и тяжело смотреть на Петрова! Но кончили транслировать оперу, и снова Петров вошел в форму и беспощадно гоняет своих «коллег», повторяя: «В спорте друзей нет. Надо, милейший, умом да умением побеждать!»

Покидают друзья доктора Петрова поздно, даже, бывает, часа в два, но довольны, словно на воле побывали. В этом лагере надзиратели редко напоминают о себе — и только в том случае, если зэк нарушил режим и ему положено спать в изоляторе. В лагере проверка бывает два раза в неделю: выстроят в одну шеренгу присутствующих в бараке, дадут команду «По порядку номеров рассчитайся!..» Потом зачитывают перед строем приказ или распоряжение в таком духе: «За сожительство Ивановой и Загуменной водворить в изолятор на десять суток каждую с выводом на работу. Предупредить всех женщин, что спать под одним одеялом категорически запрещается и впредь будет рассматриваться как сожительство женщины с женщиной!»

На досуге в бараке Афоня спрашивает Павлика:

— Ты чего никогда не пишешь писем? Все пишут, а ты сидишь, скучаешь? Что, некому писать?..

— Были родные в Харькове, да он два раза из рук в руки переходил. Завод наш, ХТЗ, эвакуировали сюда, в Сибирь, так что, вероятно, некому писать! Да и вообще, у нас была большая семья, так что писать и просить помощи не буду.

— На, возьми листок бумаги, накатай треугольничек (476), хотя весточку о себе дай! Бессовестный!.. Сколько времени прошло, уже сорок пятый год пошел, они думают, тебя и в живых давно нет. Эх ты... сынок, сынок!..

Зная Афонин нрав, понимает Павлик: стоит ему психануть — и прощай, пекарня. Невольно взял бумагу и написал: «Жив. Здоров! Нахожусь в заключении!»

(476) Письмо в виде свернутого треугольником листа бумаги — обычная форма письма заключенных ГУЛАГа, не имевших доступа к конвертам.

(477) Здесь: искоса бросает выразительные взгляды.

Прошел месяц знакомства с Афоней. Павлик словно на дрожжах набухает, поправляется. И работа со шпульным колпачком наладилась. Был голодный, все валилось из рук, а теперь приспособился на своей задрипанной «дрезине» выполнять норму на самую большую пайку. Уже ему мало шпульных колпачков — приступил точить шатуны, кривошипы для швейных машинок. А тут посылочку получил от родной мамы. Принес в барак, сияя; кажется, что в эту минуту счастливее нет никого на свете, в глазах даже зарябило, пока он добрался к своим нарам. Разложил посылку на постели (он успел перебраться поближе к Афоне), а тот волком смотрит, копается рядом в собственной постели, словно что-то там потерял, и мечет на Павлика убийственные взгляды. Его крестьянская душонка не скрывает зависти к бесконечно счастливому Павлику. «Неужели не угостит?.. — мучается он. — Я его на ноги поставил, и письмецо заставил написать, и бумаги дал. Неужели он, как и другие, зазнается?» А Павлик рассматривает присланное, рассуждая про себя: «Сальцо это да!.. Колбаса — ерунда, можно за один приемчик хлопнуть ее в концы! Лучше я Афоне половину отдам, больше пользы будет! А может, мало ему этого?.. Смотри, как он мечется... Какие косяки подает — как рублями одаривает (477) ...Пшено тоже — да, кашу буду варить да сальцом заправлять, о-о-о... это да, мечта!» Только выделил Афоне маленький кусочек сала и изрядное кольцо домашней колбасы, Афоня моментально преобразился, перестал искать клопов в постели и терзаться душонкой; чуть не плача, взял он угощение. Павлик тоже торжествует, что мигом переменяет настроение своему благодетелю. И оба не скрывают своего торжества: Афоня — что не ошибся в Павлике, а дровосек — что поднял дух этому безгранично

(478) Нормировщик — должностное лицо на производстве, занимающееся расчетом выполнения нормы каждым работником. В лагерях эта должность, которую обычно занимали заключенные, считалась весьма влиятельной, т. к. от нормировщика зависело, какой процент выработки будет зачтен работнику, а значит, и размер его пайки.

доброму человеку. Афоня не остался в долгу и на этот раз вечером принес целую буханку хлеба. Павлик молодой, организм здоровый, после продолжительного истощения желудок с удвоенной ненасытностью требует пищи. И вскоре перевалил за свой нормальный вес. Афоня после первой буханки принес ночью две четырехкилограммовые и зашептал: «Одну разрежешь на пайки и продашь, а вторая тебе для поддержки штанов!»

Завелись у Павлика деньги в кармане, и два деревянных чемодана под нарами лежат с замочками собственного производства... Теперь он заглядывает к уголовникам в барак играть в карты. Заимел, как и все лагерники, себе «бабу». Гале семнадцать лет. Заходит в барак — все таращат глаза на нее, а она, сознавая свою привлекательность, гордо проходит в обвешанный розовой марлей уголок: в гражданском черном плисовом жакете, который обтягивает ее тонкую талию и высокую грудь.

Слесарно-механическая мастерская с Нового 1945 года перешла в новое выстроенное здание на территории швейной фабрики.

Нормировщица (478) в СММ Анна Ивановна отбывает срок с 1937 года, статья у нее СОЭ. Упрямая она, но добродушная. Частенько Павлик обманывает ее, пользуясь слабостью:

— Вы мне неправильно расценили вот эту деталь! — с гонором бросает горе-токарь фиктивный наряд.

— Нет правильно! — не взглянув на наряд, отвечает Анна Ивановна.

— А я говорю — неправильно! — шумит Павлик. — Наденьте очки, посмотрите!..

— Мне нечего смотреть, грубиян такой! Я с тобой разговаривать не желаю!..

А Павлику этого и надо — вывести ее из терпения.

— Ну и черт с тобой, черепаха! — резко поворачивается и уходит, ожидая завтра навару от этого скандала.

На второй день нормировщица приходит и крутит-ся около станка, а Павлик, углубился в работу, которую он обрабатывает тупым резцом на малых оборотах и, чтоб резец не сломался, подает малую подачу. Тупой резец кро-

шит стружку, словно кожуру семечек подсолнечника, а токарь-револьверщик согнулся над станком в три погибели — как-нибудь старается выжать с этой «дрезины» все, что только можно.

Через некоторое время распред (479) приносит наряд, и сразу же начала стружка нормально виться спиралью из-под резца. Начальник мастерской Доколенко понимает, что у горе-токаря липовые проценты, на этой «дрезине» нельзя выработать двести процентов, но ничего не в силах поделаться, он не может понять, где здесь собака зарыта. Он не допускает мысли, что из-за слабости нормировщицы у Павлика дутые проценты выработки.

Подходит весна 1945 года. Отдыхая за своей цветной ширмой, Павлик услышал разговор старых лагерников у плиты:

— Наконец-то Гитлеру капут! — начал дядя Сережа, бывший обкомовский работник из Сталинграда.

— Да-а... уже ясно!.. Крах неизбежен гадам! — поддерживает разговор кто-то другой.

— Скоро дождемся амнистии! — говорит серьезный и пунктуальный пекарь, бывший флотский старшина второй статьи Стравинский.

— Нет, дорогой!.. — подчеркнуто картавит каждое слово республиканский работник Армении Саркисян. — Нэ буде нам амныстыя, попомнытэ моэ слово.

Сердце у Павлика замерло. Он всегда с великим уважением прислушивается к этому «бывшему». Павлику кажется, что он и здесь, в заключении, носит на груди билет настоящего коммуниста. А Саркисян спокойно, с армянским акцентом разит сердце Павлику:

— ...Когда страна истэкала кровью, она вынуждэна была эщо и отрывать полноцэнных лудей для охраны вот таких, как мы, «чуждых элемэнттов». Лучшие сыны нашей Родины жизни свои отдали, защищая Отэчэство. А кончитэ война, и нам, «чуждым элемэнтам», откроют широко ворота? Будэтэ, товарищ Стравынский, пожинайтэ послевоенные плоды? Поймытэ мэня правыльно, нэ будэ нам амныстыи. В настоящий мынута даже отбывших срок наказания по нашей статье нэ отпускают на свободу,

(479) Распред, распределитель работ — рабочий, в данном случае помощник начальника мастерской, в обязанности которого входит, в частности, выдача нарядов работникам.

(480) Ст. 58-14 УК РСФСР («Контрреволюционный саботаж, т. е. сознательное неисполнение кем-либо определенных обязанностей или умышленно небрежное их исполнение со специальной целью ослабления власти правительства и деятельности государственного аппарата»).

а оставляют до особого распоряжения... Прокурор СССР Вышинский требует, чтобы нэ только врагов народа судили, но и их родителей, соседей, знакомых. Вот вам результат моих убеждений и выводов бессонными ночами. Нэ-э-э-т!.. Нэ будэ нам амныстыя! Попомните мое слово!..

— Да, товарищ Саркисян, я с вами абсолютно согласен! — выступил в разговор хромой, седой Кныш, которому следователь при допросе сломал ногу, добиваясь чистосердечного признания. — Не будет политическим амнистии!..

Слова Саркисяна врезались в голову непоправимой правдой: «Нэ будэ нам амныстыя! Нэ будэ нам амныстыя!..» Вся надежда на амнистию, которую он ждал долгие, тяжелые годы, рухнула в один миг, как мыльный пузырь. Что-то наподобие этого ему самому иногда закрадывалось в голову, но он эти мысли беспощадно гнал от себя, не хотел и не желал здраво думать об амнистии, а теперь так убедительно заявил этот кумир: «Нэ будэ вам амныстыя!»

— Но мы всегда должны даже в этих временно тяжелых условиях помнить, что мы советские люди, и всегда должны ориентироваться на наших гениальных вождэй и учитэлэй: Карла Маркса, Фридриха Энгельса и Владимира Ленина. В ином случае и жить незачем на свэте!..

— И Сталина! — добавил Стравинский.

— И Сталина, — торопливо и виновато проговорил Саркисян.

— Сталин — тиран и монарх! — вставил свое словечко Марков из горношорского этапа.

Как ошпаренные кипятком, словно от гремучей змеи кинулись от печки по своим местам все присутствующие, и Марков остался один у плиты.

На следующий день после беседы старых, битых, тертых лагерников у печки Маркова забрали в «белый домик», пришпандюрили 58-14 (480) и с новым сроком отправили в изолированный режимный лагерь. Кто донес на Маркова, осталось тайной, потому что в бараке контриков стукачей больше, чем клопов.

С этого злополучного дня размышления об амнистии преследуют Павлика и днем, и ночью, и на работе, и в часы досуга. И токаря-револьверщика как подменили —

на работе липу за липой подстраивает, в зоне отвратительнее уголовников откальвает номера. В бараке преследует и мстит Ивану Кузьмичу и Петру Ивановичу, которые отодвигали его, доходного, котелок с мерзлым картофелем на край плиты.

В бараке уголовников живут скромнее, чем контрики; большинство нар открыты напролет. Павлик ходит к ним как свой. Как только пришло пополнение из тюрьмы, он прихватил с собой лишнюю телогрейку для раскрутки (481), зашел попытать счастье в стос. Только выиграл у слабачка американскую новую рубашку, которая очень модная не только в лагере, но и на воле: спереди короткая чирвой, а сзади длинный хвост тоже полукругом болтается (482), как вдруг услышал за спиной знакомый голос:

— По-лун-дра!.. Я тебя не узнаю!.. Что, лудишь всех подряд?..

Павлик оглянулся. Сзади стоит, улыбаясь, как всегда прилично одетый Жорка, тот самый, который обучал тонкостям картежного мотовства и шулерства в хабаровской тюрьме.

— Здорово, Жора!.. — радостно шумит Павлик. — Какими судьбами нас судьбина-злодейка свела?.. Вот так встреча!

— По новой подзалетел!..

«Да, — размышляет Павлик, — тебе тюрьма что дом родной. Ты, вероятно, умышленно зарабатываешь 162-ю статью (483), чтоб избежать мобилизации на фронт, а я тут полжизни готов отдать за то, чтоб попасть на передовую...» А сам ответил:

— Я, Жора, уже прошел Рим, Берлин и медные трубы (484)! Был там, откуда мало кто возвращается живым. Правда, Андрюха?

— Ну-у и что, честнягой был? Вкальвал?..

— Говоря на шахматном языке, разные варианты были! Ну такого простофилю, какого ты уговаривал на кирпичном в изоляторе, я похоронил навсегда!

— Где же ты отбывал?

— Горношория, Жора, Горношория!..

(481) От «раскрутить» — обыграть в карты.

(482) Речь идет об одежде, которая поставлялась в годы войны из США по ленд-лизу наряду с оружием, техникой и продовольствием. Часть этой гуманитарной помощи попадала в ГУЛАГ.

(483) Статья 162 УК РСФСР 1926 г. — кража. Осужденные за это преступление получали небольшие сроки лишения свободы, максимум до пяти лет.

(484) Искаженный и осовремененный в связи с войной с Германией вариант поговорки «Пройти огонь, воду, медные трубы, чертovy зубы, Крым и Крым».

(485) Потретим — приглашение сыграть в карты, производное от названия игры «третья» — разновидности стоа.

(486) Босяк — то же, что «законник», «правильный» блатной, следующий воровскому «закону»; бугор — бригадир; суки — блатные, которые нарушили закон преступного мира, запрещавший «честному вору» работать, а также в любой форме сотрудничать с государством (все — блат. жарг.). К числу тяжелейших нарушений «закона» принадлежало занятие должностей бригадира или какого-либо лагерного «придурка» (нарядчика, коменданта, канцелярского работника и проч.) и в особенности исполнение блатными обязанностей надзирателей на зоне, т. е. прямое пособничество лагерной администрации. («По воровскому закону, вор не должен в заключении занимать какие-либо административные лагерные должности, выполнение которых вверяется заключенным. (...) Этим он как бы вступает в ряды тех, с кем вор всю жизнь находится во вражде. Вор, занявший такую административную должность, перестает быть вором и объявляется «сукой», «ссучившимся», объявляется вне закона, и любой блатной сочтет честью для себя зарезать при удобном случае такого ренегата», — писал Шаламов в рассказе «Сучья война».

Хлябать за законника (блат. жарг.) — здесь: вести себя как блатной, притворяться блатным.

Жора-законник сетует на упадок блатной морали, связывая это с тем, что слишком многие стали притворяться блатными, не будучи таковыми на самом деле. Не зная и не уважая блатной закон, такие люди легко преступали его.

(487) То же, что «полез в бутылку».

(488) Цветной (блат. жарг.) — то же, что блатной, законник.

(489) Бобочка (блат. жарг.) — рубашка. Используя для обозначения этой вещи не жаргонное, а общепринятое слово, Павлик подчеркивает, что не пытается прикидываться блатным.

— Знаю, слышал я об этих лагерях. Почисте режимных и штрафных! Век мне свободы не видать! Прокурору своему не желаю туда попадать! Ну так что, полундра, может, потретим (485) что-нибудь на что-нибудь? Проверим картишки, как они шумят? — и взял у Павлика колоду карт. В руках Жорки она мелодийно запела и зашумела: «Проиграеш-ш-шь, проиграеш-ш-ш-шь, проиграеш-ш-ш-шь». Потом внимательно осмотрел и ощупал почти каждую карту отдельно и, лукаво улыбаясь, произнес: «А все же моя школа не прошла даром, молоток ты, хорошая у тебя память!

— Жора, я еще в хабаровской тюрьме дал себе слово никогда с тобой не играть!

— О, я вижу, ты не пропадешь в лагерях!

— А как твои дела?..

— Ты знаешь... Крах босякам подходит! Законников по лагерю развелось больше, чем мусоров! Бутром работает законник! Придурком работает законник! До войны между нами, ворами, такого не было. Мы их как клопов давили! А сейчас сук уйма по лагерям развелось, потому что законником очень легко заделаться. Вот ты тоже здесь, смотрю, хлябаешь за законника (486).

— Слушай, Жора, и не говори, что ты не слушал. Это я твои слова повторяю, как видишь, твоя школа. Так вот! Я не лезу ни в какие законники. Я живу, как мне погода позволяет. Советских законов меня лишили по суду, а ваших я недостоин! А чем я хуже других?.. Что, твои законники в пеленках родились? А-а-а?.. Как дворяне по наследству?.. Чего же ты молчишь?..

— Да, я вижу, ты стал говнистый... Ни с того ни с этого полез в пузырь (487)! Не поднимай шибко хвост! Не о тебе речь! На иного посмотришь — вчера лаптем щи хлебал, а сегодня корчит из себя цветного (488), особенно по таким лагерям, где нет людей в законе!

— Игры больше не будет сегодня! — сказал Павлик своему сопернику. — Имею с тебя рубашку! Скажи «бобочку», так вон законник Жора скажет: «В цветные свои лапти прешь?» (489) Ха-ха-ха-ха!!!

— Чего ты вывошиваешься, как гнида в кожухе?..

— Ладно, ладно, не буду, Жора! Ребята, что нового в бараке? — переменял пластинку Павлик, пряча в карман колоду собственных карт и вынимая махорочку.

— Дай мне, полундра, свои стирки, ты же знаешь, в чужие я не играю, — объясняет Жорка.

Павлик без лишнего разговора с удовольствием отдал своему кумиру карты.

— Бери, Жора, они по твоему рецепту кованы (490)!

— Да, вижу, моя школа!

— А новости у нас такие — оставишь «сорок», расскажу. Слыхал, как Андрею парашу миленькие девчонки на голову надели?

— Андрюха, что это, правда?..

— Да пошел ты к армяшке шашлык на вертеле ворочать (491)!

— Ну, покурим, покурим, давай, тискай...

— Закрутил он любовные романы или романсы, я братцы, не очень сильно разбираюсь в этих любовных отношениях или сношениях, как там у них в шестнадцатом называется? Да не простые... В бараке много ненаглядных цыпочек, у Андрюхи глазенки и разбежались от такого ассортимента — и стал он, братцы, вы мои, темными ночами блудить по нарам, в бараке-то темно, как поскользнулся, так куда-то и наткнулся... Правда, Андрюха?..

— Ну, ты поаккуратней трекай (492)!.. Свистишь, тварь позорная, и предела не знаешь! — меняясь в лице от неприятного разговора, шипит Андрей.

— Сегодня на те нары попадет, завтра на соседние, послезавтра еще через нары — и все в том же шестнадцатом бараке. Сговорились между собой ненаглядные цыпочки или лапочки, не знаю, братцы, как он их величает! Вон, спросите у Андрюхи, он точно знает!

— Да пошел ты...

— ...Так вот, стали они его поджидать, своего пригожего, незаменимого Дон-Жуана. И что вы думали? Только он в коридор вошел, после отбоя по лагерю...

— Ты!.. Прокаженная твоя душонка, ты перестанешь свистеть?.. Что, по сопатке хочешь схлопотать?.. Юхой хочешь умыться (493)?..

— Давай, давай, тискай! — хохочут ребята.

Хотя некоторые уже по несколько раз слышали эту историю, но рассказчик каждый раз что-то новое добавляет.

— Вот это покоритель дамских сердец! Поискать таких надо!

(490) Кованные (о картах) — крапленные, тем или иным способом помеченные шулером (блат. жарг.).

(491) Эвфемизм, заменяющий нецензурное выражение. «Шашлык» — жаргонное наименование полового члена.

(492) Трекать (блат. жарг.) — болтать.

(493) Т. е. «Хочешь умыться кровью?»

(494) Здесь: шлепать губами, т. е. болтать.

(495) Цитата из частушки:
Девки по лесу
ходили,
Любовались на ель.
Какая ель, какая ель,
Какие шишечки на
ней!

(496) Неточные цитаты из русской народной песни «Я на горку шла», получившей широкую известность в исполнении Лидии Руслановой.

— ...Только он в коридор во...

— Кому говорят, перестань губами квасить (494)!

Тварь неумытая! — шумит Андрей.

— ...Ну вот — говорит, что я неумытый! Да я, братцы, с мылом сегодня умывался, а он запрещает выводить чистую правду на чистую воду.

— Давай, давай, не обращай на него внимания!

А ты, Андрюха, если не желаешь слушать, закрой, солнышко, глазки! Поверь мне, не так будет стыдно! — говорит Ваня Чумовой.

— ...Как только зашел он в коридор, а ему на голову ведро туалетных отходов — шарах вместо шляпы, так и обкатили с ног до головы! Представляете, братцы, такой момент?.. Я, например, не могу представить. Это надо на себе почувствовать, потом легко представится! Правда, Андрюха?..

— Силы небесные!.. — притворно подпускает шпильки Гриша Весельчак. — Какой аромат!

— Какая ель, какая ель (495)...

Ваня Чумовой пошел приплясывать по бараку, припевая: «Уморила, уморила, уморилася!.. Ах, ты, Филюшка, простофилюшка!..» (496)

— Ну а сейчас, Андрюха, не разочаровался в любимых, ненаглядных цыпочках? — спрашивает Жорка.

— Теперь он перебрал свои дон-жуанские силы на поварих и раздатчиц баланды в столовой! — говорит Ваня Чумовой.

— Ну, что ж, правильно, Андрюха, вполне питательные бабенки, это все равно что молочница в колхозе.

Нравится Павлику у бытовиков — всегда выходит оттуда веселым, насыщенным жизненным эликсиром, не то что в бараках контриков, где не слышно ни шума, ни смеху — все покрыто тайной за цветными ширмами, все угрюмые, деловитые и серьезные. И, самое страшное, почти ни с кем нельзя говорить на щекотливые темы — кругом стукачи. А Павлик еще молод, ему хочется и пошалить мало-мальски.

В обеденный перерыв Павлик сел у входа в барак, за продольный старенький стол писать письмецо. Лагер-

ники раз за разом торопливо снуют с котелками за обедом и назад. Крадучись, как воришка, на цыпочках, незаметно вошел в барак молоденький сержантик из надзорслужбы. Подкрался по-кошачьи к ширмам нар и принялся заглядывать за цветники. Приоткрыл четвертую марлю — и отскочил, как перепуганный зайчик, налившись кровью. Придя чуть-чуть в себя, захлопал в ладошки, напоминая подростка, играющего в жмурки, или шалуна, который повторяет: «А ладушки, ладушки, где были? У бабушки...» Но он напевает свою мелодию: «Лы-сый, лы-сый, лы-сый!!!» Снова подбежал к этим нарам, и опять отскочил на несколько шагов, как кузнечик. И обратился к пишущему письмо Павлику, продолжая нелепо хлопать в ладошки, подыскивая у Павлика моральной поддержки: «Да они там вдвоем с ней...» — и вновь налившись юношеским румянцем, захлопал в ладошки.

Павлик давно сообразил, в чем дело. «Какой ты глупый ребенок, — думает Павлик. — А где же им встречаться? Ведь холодно на улице, а они-то живые люди, даже муха с мухой ищет встречи», — и грубо оборвал сержантика:

— Отойди, пионер, дай людям придти в себя! Тоже мне, Шерлок Холмс объявился! Подвиги совершают там, на фронте, а здесь, в цветниках, как ни старайся, шпиона не поймашь! Так-то, многоуважаемый юноша!

Пристыженный старший сержантик отошел на несколько шагов, краска покинула лицо, но, боясь упустить свою добычу, снова подошел к ширме и, не открывая, сказал:

— Вставайте!.. Одевайтесь!.. Идемте в комендатуру.

Это попался каптер лет сорока и красивая лет двадцати блондинка. В комендатуре им дали по трое суток изолятора с выводом на работу.

Надзиратели — в мужской зоне мужчины, а в женской женщины, — ходят всегда, согласно инструкции, парами. Мужчины так еще в сопровождении дневального надзорслужбы Гука. Дневальной обязанность в комендатуре — мыть полы, отапливать печки, подать, убрать,

(497) Бульдоги традиционно, еще с дореволюционных времен, использовались в качестве розыскных собак — помощников полиции, а затем и милиции.

(498) Пролет — здесь: проход между нарами.

(499) Васыр, вассер (блат. жарг.) — восклицание, сигнал тревоги.

позвать. Но он приспособился к более легкой работе — подглядывать за мужскими бараками, куда девка зашла, где в карты играют, кто из мужчин в женский барак потянулся — все высматривает и доносит надзорслужбе; лагерники ему присвоили кличку «Бульдог» (497). Даже некоторые рядовые надзиратели бояться этого Бульдога, он ведь самому куму докладывает о нарушении режима в лагерьной зоне, а стрелочникам потом попадает. Зайдут два надзирателя в барак, чинно проходят по пролету (498), заложив руки назад. Восемнадцатилетний Гук — в чистой гражданской одежде, отобранной у картежников, в барашковой кубанке набекрень, в хромовых до блеска начищенных сапогах, в белой рубашке, симпатичный, как девица-красавица из сказки. Рыщет в бараке впереди надзирателей, как охотничья ищейка, все вынюхивает и высматривает. Не один лагерник и лагерница ночевали в изоляторе по доносу этой ищейки. В бараке уголовников поговаривают, что по Бульдогу колун плачет.

Зазноба Илюши-механика принесла обед, чтоб семейно покушать. Вдруг сигнал «васыр!» (499). Что делать? Заметался Илюша. Положил он ненаглядную в постель, прикрыл быстренько одеялом, а сам метеором под нарами очутился. Подбежал Гук, приоткрыл цветную ширму, смотрит — из-под одеяла торчит русая коса. Нагло схватил он за косу обеими руками и поднял тарарам на весь барак.

— Тпру-у-у-у!.. Иго-го-го!.. Кобылка молоденькая попалась!.. Ты чего забралась в чужую постель?.. Красавица южная!.. А где Илюша?.. Чего же тебя бросил твой ненаглядный соколик — лет под семьдесят дитяtko! — голосит на весь барак Бульдог.

Лиза поднялась и села. Подошли на шум надзиратели.

— Где твой милый-ненаглядный?..

— Почему молчишь, дорогая?..

— Не знаю, — тихо прошептала Лиза. — Вероятно, на работе.

— О-о-о!.. А фуражка здесь? Значит, и он недалеко!

— Отвечай, шалашовка! — вопит Гук. — Молчишь? Сейчас найдем! — и кинулся искать за ширмами соседних нар. Потом встал по-псиному на четвереньки и принялся высматривать под нарами. Илюша лежит, даже дыхание затаил, вблизи своих нар.

- Ты что там делаешь?.. — спрашивает Гук.
 — Газетку читаю! — растерянно пробормотал

(500) Буровить — говорить ерунду.

Илюша.

«Ха-ха-ха-!!! Хи-хи-хи!!!» — заливаются надзиратели смехом, а Гук на восемнадцатом этаже от счастья после успешного розыска.

— Ну и комик!

— Ну, что там пишут? Как там на фронтах? Бьют немчуру?..

— Ну и выбрал место для просвещения!.. Ха-ха-ха!!!

Слишком много будешь знать, если под нарами будешь диссертацию сдавать.

И повели обоих на исповедь. В комендатуре Илюшу отпустили, а Лизу заставили мыть полы в кабинетах комендатуры. Это была специальная облава, чтобы найти поломойку.

С той поры, как у Павлика был разговор о сестрах Тухачевского, прошло не так-то много времени. Но Павлик уже не слабак. Беляк, торжественно улыбаясь, вновь обратился с ехидной подковыркой, глаза так и светятся коварством:

— Как дела, свояк?..

Посмотрел Павлик недоуменно на неприятную физиономию собеседника и спрашивает:

— Какой я тебе свояк? Все твои свояки уничтожены настоящими героями Гражданской войны, давно тлеют в гробу.

— А по Гале!.. А по Гале!.. — как ребенок ликует беляк.

— Что ты, дед, буровишь (500)?.. Гидра недобитая!.. Да я тебя!.. — и врзает ему в неистовом порыве открытой ладонью в лицо.

У беяка хлынула кровь одновременно изо рта и носа.

— Смотри на него!.. Смотри!.. Взбесился!.. — отступая, завопил «сваяк». — Сумасшедший!.. Ты... того... рукам воли не давай!.. Не веришь? У нее самой спроси! Она недорого за удовольствие берет! Лично сам за два талончика в пустой барак водил. Тебе говорят, тебе говорят,

(501) Рогатик (блат. жарг.) — человек, который притворяется блатным, ведет себя как блатной, фактически не будучи таковым.

а ты, бугай этакой, дерешься! — Удаляясь на солидное рас- стояние, продолжает он бормотать: — А что нам делать, старикам? Приходится платить симпатичным кралечкам! Она голодная, ее кормить надо, а не соловьиные песни напевать, от них сыт не будешь!

— Замолчи, дедуган!.. Задавлю как клопа!

Беляк трусливо скрылся в свое гнездо, непрерывно вытирая кровь. Возбужденный «мавр» мигом очутился у первого барака, где живет его отрада. Время обеденного перерыва, и Отелло обратился к девчатам, которые несут в барак похлебку в котелках:

— Нюся, вызови Галю!

— Да заходи сам, что тебе, впервой?

— Нет, нет, позови!..

Галя вышла спокойная, и прилив гнева и переживания покинул ревнивую голову «мавра».

— То правда, что ты с беляком ходила в пустой барак за два талончика?

— А ты что, мной распоряжаешься, что ли?..

— Так значит, гидра не врет?..

— Собственно говоря, кто ты мне такой, что запрещать собрался? Муж, что ли?.. Боров ты толстый!

Павлик в приливе гнева ударил Галю, и она как подкошенный стебель упала, потеряв сознание, заливаясь кровью, а ревнивец обернулся и ушел, горько переживая измену коварной любимой. «Ну что я наделал, дуралей? — шагая к себе в барак, думает рогатик (501). — Может, вернуться, извиниться? Я же ее, чертяку, люблю! Ах ты, зазнобушка моя! Нет... она не простит... А как врзал! Мигом с копыт брыкнулась!»

«Ой, Галочка ты моя дорогая, солнышко мое ясное... что я наделал? — уже лежа на нарах, думает, ворочаясь с боку на бок. — А может, талончиков принести ей?.. Может, простит?..» Вдруг открывает цветник Галина соседка по нарам Оля. Еще когда Павлик ходил к Гале в барак, она пожирала его жгучими взглядами. Родители Оли живут поблизости от этого лагеря, систематически носят богатые передачи, срок она проводит сытно. Только одного ей в двадцатилетии не хватает. Она ведь давно уже поспела, и, как ягодка на вишне, и просится, и манит к себе, чтоб ею пользовались, так и Оля полна желания использовать момент раздора.

— Ты свободен, соколик? Пойдем, погуляем, проверимся на свежем воздухе.

Еще не опомнившись, переживая измену коварной подруги, Павлик ищет поддержки в постороннем человеке. Думает, что Оля пришла и принесла утешительную весточку от Гали, и с радостью согласился. Вышли в женскую зону. Снег еще лежит нетронутым, но уже, напитанный влагой, поджидает лучезарного солнышка. Первая зима в заключении, которую Павлик не заметил, как она прошла, первая зима в заключении, когда он не истощал, а, наоборот, по весне в состоянии проводить время вот так, шагая рядом с Олей, как настоящий мужчина на двадцать шестом году своей жизни, вернее, своего существования. У Оли волосы, брови — черные-черные, лицо румяное, глаза агатовые, стан словно выточенный. Девка — первый сорт. Но «мавра» что-то отталкивает от нее. То ли потому, что сама пришла навязываться, то ли что она жадно хватается за рукав и тянет к пустому бараку, без лишнего разговора — даже не дождавшись темноты. А когда речь зашла о Гале, она с нескрываемой злостью склоняет ее по всем падежам. А Павлик ведь по-настоящему любит Галочку, и эта любовь еще не угасла в нем, она бурлит и жжет внутри. И это плохо замаскированная женская подлость отталкивает «ревнивого мавра» от Оли. Ему стало скучно с ней, и они расстались. Отелло угрюмо поплелся в барак, переживая измену любимой со стариком.

Весеннее время незаметно пролетает, земля, напитавшись досыта влагой, больше не в силах принимать ее, и вода по капельке собирается в ручейки и настойчиво под сверкающим солнышком игриво журчит, прокладывая себе путь к рекам.

В теплую весеннюю пору в слесарной мастерской еще протапливается печка, расположенная рядом с револьверным станком, на котором трудится Павлик. Частенько он стал примечать девчонку, прижимающуюся к печке в одной розовой кофточке, и удивляется, почему она так легко одета. Она изредка бросает свои лукавые взгляды голубыми как небо глазами в сторону токаря-револьверщика.

(502) Крылатая фраза из популярного фильма «Путевка в жизнь» (1931), где эти слова произносит вор-карманник Мустафа.

— Что, рыбочка, замерзла?.. — улыбаясь, спрашивает ее Павлик.

— Да нет! Гляжу, как ты работаешь! У тебя как у артиста получается с фокусами.

— Ловкость рук и никакого мошенства (502)! Раз и готово! — и повернул голову револьверного станка на следующую операцию. — Тебя, голубоглазая, как звать?..

— Нюра!

— А меня — Павлик.

— Да знаю!

— Откуда ты знаешь?

— Все знают, вот и я знаю!

— Да не может быть, что все знают!

— Да-а-а... Все-е-е...

— Ты скажи, какая знаменитость! — улыбнулся Павлик. — А где ты работаешь? Что-то я тебя не видел в слесарной мастерской...

— А я механик по швейным машинкам.

— Ты скажи!.. Начальство!.. Голой рукой не трогай! Где же перчатки достать?.. — И усмехнулись друг другу. — Пойдем, Нюрочка, сегодня в кино?

— Пойдем!

У лагерного клуба Павлик купил два билета, один отдал Нюрочке у всех на виду. В этом лагере диковина, что парень купил девушке билет. Большинство «кобылиц» поджидают своих ненаглядных самцов с билетами, и некоторые с завистью, иные с презрением смотрят на счастливую парочку, третьи шепчутся между собой, мол, это не модно, что парень покупает билет. Лагерный клуб расположен против комендатуры. В единственные двери этого клуба-барака стараются попасть все зажиточные лагерники. Общими силами оттеснили от дверей навал толпы, Павлик одним из первых ворвался в зал и занял два приличных места.

Кинемеханик прокручивает на своей шарманке потрясающий сборник. Первым появился на экране Максим из фильма «Юность Максима». В кожанке, при нагоне на боку, как он ласково всем улыбается, как хорошо поет! Начал он о Гражданской войне:

В рваных шинелях,
В дырявых лаптях
Били мы немцев
На разных путях!.. (503)

Потом запел о Великой Отечественной войне:

Крутится, вертится Гитлер-бандит,
Зная, что скоро он будет разбит.
Кинулся было в атаку он вновь —
Зря пролилася арийская кровь.

Тысячам немцев березовый крест
Киев готовит, Полтава и Брест.
Враг от расплаты не может уйти,
Немцам спасения нет и не найти.

Только в могилу свободен им путь —
Фрицам придется туда повернуть.
Знаем, силен, но не страшен нам враг,
Мы наступаем — уверенный шаг!

А. Забузов (504)

И продолжается киносборник о Геринге, Геббельсе, как этих матерых волков будут судить и вешать. Все с ликованием смотрят и воспринимают как должное падение супостатов и вурдалаков; уже все сознают, что близок крах гитлеровской своры. Зал раз за разом взрывается бурным ликующим хохотом и неудержимыми аплодисментами. Павлик и Нюрочка и киносборник смотрят, и друг другу сердечное внимание уделяют. Слово на седьмом небе они, друг к дружке жмутся в этой крошечной тьме, непрерывно шутят и хохочут. Посмотреть со стороны — можно подумать, что эти сердца не первый день встречаются, а давным-давно спаяны великой, пламенной любовью.

После кино Павлик уверенно, как и с Галей, направился в пустой барак, но Нюрочка заупрямилась, как упрямая козочка.

— Да ты что, шутить со мной вздумала?..

— Павличок!.. Роденький!.. Нельзя вот так с первого дня знакомства!..

(503) Из «Песни Максима» Н. Н. Крюкова на слова В. И. Лебедева-Кумача, которая в исполнении актера Бориса Чиркова звучала в финале агитационного «Боевого киносборника» № 1 (1941). Песня представляла собой переделку старинной эстрадной песенки «Крутится-вертится шар голубой», которая ассоциировалась с героем историко-революционной кинотрилогии «Юность Максима» (1934), «Возвращение Максима» (1937) и «Выборгская сторона» (1938), заглавную роль в которых также исполнял Чирков.

(504) Источник текста не установлен. В том же «Боевом киносборнике» № 1 звучат другие слова:

Пушки и танки
фашистов громят,
Летчики наши запад
летят,
Черного Гитлера
подлая власть
Крутится-вертится,
хочет упасть.

Известны несколько аналогичных фронтовых песен-переделок:

Крутится-вертится
Гитлер-бандит,
Нос разбивая
о красный гранит.
Крутится-вертится
пьяная рать,
Но как ушей им
Москвы не видать.

(См.: Бредихина С. Блокнот фронтовика Дубошина Василия Ивановича // Память пылающих лет. 1945 — 2013. Сборник творческих работ учащихся школ, студентов образовательных учреждений среднего профессионального образования Самарской области. Самара, 2013. С. 42).

«Крутится-вертится
Гитлер-бандит,
Крутится, вертится,
крепко избит.
Он понапрасну
о Волге мечтал,
Даром победы
к весне ожидал».

(См.: Титова И. В. Песенная сатирическая поэзия защитников Сталинграда (по страницам фронтовых газет) // III Сталинградские исторические чтения: Сборник научных докладов и сообщений Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 73-й годовщине контрнаступления советских войск под Сталинградом (г. Волгоград, 19 ноября 2015 г.) под ред. Д. В. Полежаева. М., 2016. С. 294).

— Да что ты мне Америку открываешь? Смотри, сколько их кругом ходит! К любой пойду сейчас, приглашу, и она будет счастливой себя считать, поиметь с таким соколиком удовольствие, а ты ломаешься, как ржаной пряник!

— Хоть убей, не пойду! — упрямится Нюрочка.

Так ни с чем и ушел Павлик, печально обдумывая непонятное поведение своей подружки.

Заведующая пекарней в лагере — вольнонаемная тридцатилетняя стройная, симпатичная женщина. Частенько в свободное время подсаживается к Павлику и подолгу болтает с ним о всякой всячине.

— Ты, Павлик, бросай свою мастерскую, переходи к нам пекарем работать!

— Да я прошусь у начальника мастерской, но он пока не отпускает, говорит: «Что я буду без тебя делать?»

В самом деле Вадим Васильевич и Павлик ежедневно грызутся как бешеные собаки. Заходит токарь-револьверщик в кабинет начальника и просит, чтоб он его отпустил из мастерской. Начальник отвечает: «Не могу я тебя отпустить, только наладилось нормально со шпульным колпачком, из-за которого я не знал покоя ни ночью ни днем! Ночами не спал! Знаешь, какое сейчас время? Пришьют вредительство, и загорай здесь в лагере всю жизнь! А теперь, когда тебя выучили, отпустить?.. Н-е-е-т, до-ро-гой, извини, ни за что на свете!.. И чем тебе плохо у нас? И послушай, что ты вытворяешь? Ежедневно двести двадцать! Двести двадцать процентов выработки у тебя! Липовый ты рекордист, вот кто ты такой! Создается впечатление, что на твоём станке необходимо нормы резать, где твой сменщик и сто процентов не вырабатывает!»

— Завтра будет триста! — обернулся проситель и хлопнул дверью.

После смены в бараке Митя Дрокин говорит:

— Что ты вытворяешь, дружище?.. Доколенко сегодня собрал всю свиту, накинулся на нас, как пантера: «Ищите, — говорит, — «липу» у этого хлюста (505)! Иначе я вас всех в стройчасть позагоняю! Что он нас всех дурачит?»

— Павлик, дружище, разве этим ты докажешь что-нибудь? Проси лучше, и он отпустит!

— Да я к нему ежедневно хожу как на молебен, а он как пень дубовый на своем стоит: «Не отпущу! Не отпущу! Мне нужны шпультные колпачки!» А я бы их век не видал!

Работая на второй смене с Нюрочкой, Павлик, после того как выспался, направился к своей подружке. Между барakov женской зоны к нему пристал сержантик, которого он зимой назвал «пионером».

— Чего ты бродишь по женской зоне? Идем в комендатуру!..

Павлик подошел к нему и припечатал пощечину:

— Вот тебе комендатура! Свидетелей нет, и не докажешь, что я тебя ударил!

Сержантик отскочил метров на десяток и заскулил:

— Тебе попадет за это! Идем в комендатуру!

«Идем!» — говорит Павлик. И приближается к сержантику. А сержантик драпает, Павлик от него, а он за Павликом. И начали играть в кошки-мышки. Часа два ходили, плетя по зоне кружева, пока не наскочили на начальника лагеря — капитана госбезопасности, который отмочил Павлику десять суток изолятора без вывода на работу.

Начальник надзорслужбы старший лейтенант Цыганков (506) встретил Павлика ласковым взглядом; он почему-то уважает Павлика и снисходительно относится к его непутевым шалостям.

— Что, влип?..

— Да влип в скверную историю, да еще как по-дурному!

— Вот что — топай в барак, подготовься, и через час чтоб был в изоляторе!

— Ясно, гражданин начальник! Можно идти?..

Прибежал штрафник в барак, сдал старосте на хранение постельную принадлежность, два чемодана и побежал на работу к Нюрочке.

— Милая Нюрочка, я заработал десять суток изолятора без вывода на работу. Вот тебе ключи от чемоданов, они у старосты барака, я ему велел пускать тебя к ним.

(506) Возможно, имеется в виду Н. П. Цыганов, в 1938 г. окончивший Новосибирскую межкраевую школу НКВД со званием сержанта госбезопасности. В 1945 году он должен был находиться в звании старшего лейтенанта госбезопасности. Сведения о нем см. в электронном справочнике «Кадровый состав органов государственной безопасности СССР. 1935—1939» — http://nkvd.memo.ru/index.php/Цыганов,_Николай_Петрович (дата обращения: 25 мая 2020 г.).

(507) Вариант блатной песни
«Гоп со смычком».

(508) Вариант песни «Перебиты, поломаны крылья» из кинофильма «Заклученные» (1936) по пьесе Н. Ф. Погодина «Аристократы», посвященной перевоспитанию уголовников и вредителей на строительстве Беломорканала. Песня, в оригинале написанная Ю. А. Шапориным на слова С. Я. Альмова, приобрела популярность в блатной среде.

— За что же тебя, миленький, наказали?
— С начальником лагеря покусался!
— Ох и отчаянный ты, дуралей!
— Сам знаю, Нюрочка!

Заведующий изолятором, тридцатипятилетний тучный Борис, определил Павлика в угловую камеру-одиночку, в которой можно разместить двадцать человек. Рядом в такой же одиночке сидит дневальный комендатуры Гук. Есть поговорка: «Кто не был молод, тот не был глуп». Он ударил носком сапога заместителя начальника лагеря — капитана госбезопасности... А еще дальше сидит в одиночке Юрок по кличке Петух, он распорол лагернику лопатой живот. Не успел как следует познакомиться перекличкой из камеры в камеру, как прибежала Нюрочка с котелком горячей каши.

— Когда же ты успела, сизокрылая моя ласточка?
— А я отпросилась на работе.

Проводив Нюрочку, наевшись досыта пшенной каши, штрафник принялся горланить вульгарные песни:

Дрын дубовый я достану,
Всех чертей глушить я стану... (507)

Но что-то внутри противоречит, возражает, подсказывает, что не в свои сани ты, милоч, садишься: «Ты же контрик, а не уголовник». И Павлик запел:

Так перебиты, поломаны крылья,
Дикой болью мне душу свело.
Кокаином серебряной пылью,
Все дорожки мои занесло...

Неизвестного автора (508)

В первый день посетили штрафника и Нюрочка, и староста двенадцатого барака — земляк Нюрочки. А на второй день никто не пришел. Апрельский холод донимает сквозь незастекленное окно. Клопы беспрерывно щекочут неприятно тело. Под ритм погоды и мысли копошатся в голове: «Так вот какие вы, лагерные подруж-

ки!.. А я и деньги ей доверил все!» И снова зябкий рассвет заглянул мутными глазами в маленькое окошко. И полилась из глубины души печальная песенка, и понеслось эхо этой песенки за забор изолятора:

(509) Вариант блатной песни
«Холодный зимний ветерочек».

Холодный зимний ветерочек,
Зачем ты так дуешь холодно?
Гуляй, моя детка, на свободе,
А мне за решеткой все равно... (509)

«Павлик!.. Павличок!.. Это я... Ньюра!..» —
«Послышалось, — думает Павлик. — Ух, изменщица!..
Все они такие! Отсижу, ты у меня попляшешь!.. Душу
вытряхну!..»

«Павличок!.. Отзовись, родненький!» — плачущим
голосом шепчет за забором Ньюра.

— Что такое?.. — зло, но с какой-то надеждой отве-
тил штрафник.

— Родненький!.. Борис передач не принимает!
Говорит, если буду крутиться около изолятора, то и меня
посадит!

— Ньюрочка!.. Ангел ты мой, радость ты моя! —
воспрянул духом штрафник. — Подожди немножко,
солнышко ты мое ненаглядное! Я сейчас организую!..

О-о-о... женщины!.. Сколько вы силы придаете
мужчине! Они ради вас на смерть и на подвиг идут, не
оглядываясь назад, ради вас преступления совершают,
не задумываясь о последствиях, и не каются потом, пото-
му что все было сделано во имя любви. Вот и штрафник
как на крыльях, ястребом слетел с верхних нар и принялся
громко стучать в дверь.

Встревоженный неожиданным тарарамом зав. изо-
лятором мигом открыл дверь. Павлик в припадке безумия
выскочил на коридор, схватил Бориса за горло, одним
рывком свалил его на пол и принялся душить, стуча его
затылком об пол.

— Не будешь Ньюрочку с передачами пускать,
удаплю, как клопа, и не пикнешь!..

— Пу-с-т-и... пу-с-т-и... я бу-ду при-ни-мать
пе-ре-да-чи!..

Павлик отпустил, Борис мигом приподнялся
и стремглав кинулся из изолятора, но быстро вернулся:

— Только пусть одна она носит, а то и староста приносил. Народ такой: здесь принесет — такой добренький, такой миленький, а там, в комендатуре, с потрохами заложит. Знаем этого брата!

— Вот так бы и давно! Договорились! Только без финтов у меня! Сам должен соображать, что такое побыть десять суток на трехсоточке. Хочешь довести? Да еще где — в женской зоне, где меня все знают!.. Девчата засмеют! Да я уже имею такой горький опыт. Не-е-ет, до-ро-гой!.. Да скорее я тебя удавлю, получу по новой срок на полную катушку, чем дойду. А пожалуешься — сам Цыганков тебе не поможет! Беги тогда без оглядки отсюда!

— Да я понимаю, у тебя с ним вась-вась! Он звонил, что ты сам придешь в изолятор. Я сейчас... Я быстро... — И выскочил из изолятора как с цепи сорвался.

Еще не было в лагере побудки, но в камерах-одиночках штрафники взбудоражились, прильнули к волчкам и с интересом наблюдают небывалый поединок лагерного придурка со штрафником.

— Павлик!!! Павлик!!! — слышно голос Гука.

— Кто-то что-то промычал, кажись?..

— Это я, Гук! У меня закурить есть, передать тебе?..

— Сиди там, псина, или как там тебя в лагере величают — Бульдогом, что ли?.. Я и к тебе доберусь, садист неотесанный. Дайте время, дайте срок, доберусь и к тебе, милоч! Пока цел, просись, задрипанный гусь, на этап, в этом лагере тебя, паскудина, кранты поджидают!

«Дай ему, Павлик, и от моего имени!» — «И от моего!»

— А я лично сам с ним разделаюсь! Я здесь из-за него не раз клопов развлекал. Он уже сто лет лишних живет! Да где там сто, больше! — шумит Петух. — Ах, братцы, как я ошибся! Вот по ком лопата плачет, а я, дурак, не то брюхо пропорол!..

Вошел Борис, и все утихло, с интересом наблюдают, что же дальше будет. За ним Нюрочка шагает легкой поступью, с золотистым котелком в руке.

— Ну вот твой Павлик, дуручка, — отсапываясь (510), говорит Борис. — А ты убегаешь, как лань... С полчаса можете посидеть в камере, поболтать, — заискивающе бормочет Борис, удаляясь во двор изолятора. — А я там постерегу, чтоб надзиратели не наскочили!

— Так ты что? Убегала, только пятки сверкали?..

— Да, тебе смешно... А я хожу, хожу около изолятора и слышу, как ты поешь, а сердце екает от переживания за тебя. Думаю себе: он же, бедненький, голодный там! Тебе ведь тоже не до сна?.. Ночь, а поешь!

— Да я совсем иное дело, у меня двадцать четыре часа в сутки ночь, так что когда-то же надо же петь? А ты, ясное солнышко, что, всю ночь ходила, что ли?..

— Да я как услышала песенку: «Гуляй на свободе, а мне за решеткой все равно!» Где и смелость взялась, сразу начала кричать тебе, и чего ты раньше не запел эту песенку?..

Проходят дни за днями, штрафной срок убавляется. На восьмой день изоляции у входа в изолятор послышался шум голосов и топот ног. Штрафник насторожился. Начальник лагеря обещал: отсидит Павлик десять суток — еще добавят. Снял штрафник с себя телогрейку и прикрыл в этой просторной камере на верхних нарах, в самом углу, котелок с кашей. По голосам штрафник понял, что это большое начальство, и между ними нет основного неприятеля — начальника лагеря. Штрафник шустро слез с нар и встал у средней стойки, где ступеньки на верхние нары. В камеру вошли заместитель начальника лагеря, которого Гук ударил носком сапога, начальник надзор-службы Цыганков, главврач лагеря, одноделец доктора Петрова, а два надзирателя и Борис остались в коридоре.

— Ну-у, что делаешь?.. — обратился капитан к Павлику, улыбаясь.

«Странный вопрос, — думает штрафник, — что можно делать в одиночке?» Вдруг пришло в голову ответить: «Газетку читаю!» — как когда-то ответил в бараке Илюша надзирателям из-за нар. Но воздержался от очередной неприятности.

— Отсиживаю! — весело ответил штрафник.

— А за что отсиживаешь?..

Соображая, что все идет нормально и капитан доволен, Павлик ответил:

— За непочтение родителей, гражданин капитан госбезопасности!

— Да ты, я вижу, юморист.

— Да здесь, гражданин начальник, как посидишь в одиночке, так не только юмористом, а и цирковым клоуном заделаешься!..

Цыганков добродушно засмеялся и по-кавалерийски вспрыгнул на верхние нары. «Сейчас найдет кашу!» — пронеслась неприятная мысль в голове штрафника.

— Ну-у, как оно сидится на трехсоточке, хорошо?.. Или ты передачи получаешь? — допрашивает капитан. — Ну-у-у... Чего молчишь, словно в рот воды набрал?

«Что ответить? Да или нет? Ведь сейчас Цыганков разоблачит посудину с кашей, и по новой десять суток пахнет!»

Цыганков спрыгнул с нар и похлопал рукой по животу штрафника, с напряжением ждущего его последнего слова.

— Здесь еще на месяц хватит накопленного жирку!

— Никто мне не носит передач! — облегченно вздохнул штрафник.

— Окно застеклить! — приказал Цыганков дрожащему в коридоре Борису.

— Будешь еще обижать родителей?.. — смеется капитан.

Павлик понимает, чем и как можно подзадорить капитана, и отвечает:

— Подкиньте мне Гука в камеру, я из него салат сделаю или говядину отбивную!

С самодовольной улыбкой повернулся капитан и двинулся с сопровождающими в соседнюю камеру.

— Ты чего расселся на нарах?.. — слышит Павлик из соседней камеры голос капитана. — Тебе трое суток изолятора за то, что не следишь за этим типом. — Это он Бориса наказывает изолятором. — А этого... как его... Павлика — немедленно освободить!..

Смешно Павлику: сколько зла капитан накопил на Гука в своей душонке, если даже такое нелепое приказание отдает — в одиночке отвести один угол, — это же не Лубянка!

Что там творится в соседних камерах, Павлик не прислушивается, его это ничуть не интересует, он уже мечтает о встрече с любимой Нюбочкой.

Только ушла эта свита, а Нюбочка тут как тут.

— Павличок, что нового? Я все наблюдала из-за соседнего барака. Я принесла подкрепление тебе!

— Нюрочка! Золотко ненаглядное! Беги в барак! — радостно лепечет Павлик. — Я сейчас приду! Получил амнистию от начальства, от самого заместителя начальника лагеря, красота!.. Один наказывает, второй милует — не жизнь, а малина! Ха-ха-ха-ха!!! Иди, солнышко, не мучай себя! Послушай, я тебе песенку спою, ту, которую ты слыхала на заре:

Не плачьте, глаза голубые,
Не плачьте, не мучайте меня!
Вы знали, кого вы полюбили?
О чем же вы думали тогда?..

Изрядная борода выросла за восемь дней. Только принялся наводить гигиену, а Нюрочка тут как тут.

— Нюрочка, подожди минуточку, я наведу порядок на фотографии, и пойдем вместе.

В бараке знают, что наши войска замкнули кольцо вокруг Берлина, а на Эльбе советские и американские войска вошли в соприкосновение. Но ведут себя как кроты, молчат, даже эту радостную весточку бояться пересказать друг другу.

Нюрочка по дороге к ней рассказала эту долгожданную весточку. Шагая с милой подружкой, как будто стало легче и воздух вдыхать, и тучи посветлели. Уже прошли в Нюрочкин барак, там дальше кончается женская зона.

— Ой, Павличок!.. — вскрикнула Нюрочка и побежала за барак.

Из-за угла барака бодрой походкой с банной принадлежностью под мышкой вышел старший лейтенант Цыганков. Павлик встретил его ласковой улыбкой.

— А-а-а... субчики-голубчики... попались?.. — смеется Цыганков. — Что, это твоя баба?

— Да, гражданин старший лейтенант!

— Это она приносит тебе кашу?

— Да, она!..

(511) Молодята (укр.) — молодые, т. е. жених и невеста на свадьбе.

(512) Из хороводной песенки для дошкольников «Маленькие затейники».

(513) Пригорнул (укр.) — прижал.

— Молодец бабенка! И не боялась попасть за это? Как же она передавала тебе? Небось, в разбитое окно?..

— Э-э-э... ну, что вы, гражданин начальник, спрашиваете? Это же секрет!.. Похлеще военной тайны! — смеется Павлик.

— Ну, будь здоров! Я спешу в баньку.

— Спасибо вам за все, гражданин начальник! Желаю приятного парку! — шумит вдогонку Павлик.

Из-за барака вышла Нюрочка:

— О чем он тебя спрашивал?..

— Спрашивает: «Это твоя баба?» — А я говорю: «Да!» — А он говорит: «Вы обвенчаны или нет?» — разыгрывает Павлик свою подружку, — а я говорю «нет!», он записал мою и твою фамилии и пообещал устроить венчание.

— Обманщик ты такой! Я знаю, что заключенных не венчают и не расписывают!

— Шучу, моя зоренька, шучу! А вообще — ты что, не слыхала, как в комендатуре венчают?.. В комендатуре и дежурке как раз посередине расположена печка-«сибирячка». Заводят туда парочку молодых (511) и командуют: «Новобрачным взяться за руки!» — они берутся, и раздается команда дежурного надзирателя: «Кругом печки шагом марш!» — и песенку заставляют петь:

Кругом, кругом, кругом,
Ходим друг за другом,
Мы здесь весело живем,
Громко песенки поем!.. (512)

— Я не буду такой позор терпеть, детские песни распевать!

— А кто не подчиняется, трое суток изолятора дают с выводом на работу.

— Ну и пусть! Я лучше отсижу!

— То-то, дорогая! Любовь требует жертв! Ну, не переживай, моя дорогая зоренька ясная, авось прорвемся, — и пригорнул (513) ее к своей груди. — А вообще, моя лапочка ненаглядная, в комендатуре серьезно так венчают, так что учти: попадем — или — или... Я своими глазами видел такую комедию.

— Я знаю, ты меня в обиду не дашь! Тебя все уважают и боятся!

— Ты такое, Нюрочка, скажешь — все!..

— Ты думаешь, я ничего не понимаю? Вон, в изоляторе сам Борис тебя боялся и вилял перед тобой, как пес хвостом. А этот? Какое начальство? Я бы боялась и слово ему сказать, а ты с ним как ровня разговаривал. Я же все видела из-за барака.

— Эх ты, Нюра, Нюрочка!.. Золотко ты ненаглядное... я уже отбоялся!.. Ох, трудное это дело, Нюрочка, держать свою марку так, чтоб заставлять одних уважать, а перед иными поставить себя так, чтоб тебя боялись. Я никогда не забуду, как был доходным да мне отставляли на плите с горячего места котелок, не давали сварить мою жалкую мерзлую картошку! И ждал, пока все Иваны Ивановичи да Сидоры Поликарповичи переварят свою стряпню. Да каждый тебя толкает, пинает... А теперь я в силе — пусть меня бояться и трепещут — как фитили, так и боровы!

— Ой, Павличок, я тебя не видела еще таким злым!..

— Не видела, так посмотри, а ты думала, что я ангел небесный, что ли?

В этот же день, не теряя времени, распрощавшись с Нюрочкой синеокой, Павлик побежал в контору к нарядчику.

— Дружище!.. Меня выписали досрочно из изолятора. Амнистию получил! Меня на пекарню берут работать — и сунул ему пятьсот рублей, а сам продолжает парить ему мозги: — Я первоклассный пекарь, на воле не такие баранки гнул...

— Лады! Выходи завтра на пекарню. Я тоже пойду. Поговорю по поводу тебя!

— Да можешь не беспокоиться, там все на мази!

— Э-э-э... дудки!.. Есть предлог лишний раз дрожжей хлебнуть!

На пекарне все работы производятся вручную. Новичку показалось, что он не выдержит этой адской работы, но страх за завтрашний день заставляет выбиваться из последних сил. Первая и вторая смены работают по десять часов. Кроме этого, первая смена через день в три часа ночи ставит опару. Поставили, вздремнули часок на большущей горячей печке, и начинается трудовой день с замеса и топки печей. Пот градом льет со всех четырех пекарей, капли его скатываются в замес, руки по локти в тесте, и нет возможности вытереть пот с лица, а он зали-

ваает глаза и мешает нормально смотреть. Замес готов, смазывая формы солидолом, пекаря чуть-чуть отдыхают и просыхают. И вновь нужно быстро заполнить формы ровными порциями ржаного липучего теста, и без передышки — посадка в адски жаркую печь, и спецодежда становится такой мокрой, что можно выжимать влагу из нее. Хлеб посажен, печется. Пекаря — тот муку подносит на опару и новый замес, тот воду, тот над дрожжами колдует. За это время хлеб выпекся. При выемке еще жарче становится у печки, она пышет жаром, вынутый хлеб, разложенный кругом печки, тоже очень горячий — и так все десять часов.

Как на крыльях по лагерю разнеслась долгожданная весточка: советские войска под командованием маршалов Жукова и Конева после упорных уличных боев завершили разгром берлинской группировки немецких войск и сегодня, 2 мая 1945 года, полностью овладели столицей Германии городом Берлином — центром немецкого империализма и очагом немецкой агрессии.

Радости нет предела. «Наконец-то Гитлеру капут!», — ликуют заключенные.

Вышел токарь-пекарь на крыльцо пекарни в свободную минутку, сел на ступеньки и впервые за свой срок не от горя, а от бурной радости горько, горько зарыдал. В висках застучало, он как безумец повторяет одно единственное слово: «Дожил!.. Дожил!.. Дожил!..» Немного успокоившись, размечтался снова об амнистии, о далекой-далекой свободе, как они с Нюрочкой замечательно заживут семейной жизнью. Но Катя прервала сладкие мечты:

— Идем, Павлик, месить тесто! — и стала у корыта лоб в лоб.

Амнистия не заставила себя долго ждать, но большую половину заключенных она разочаровала: контриков, 59-ю (бандитизм), указников от 7-08 32-го года (расхититель государственной собственности) и тех, кто осуж-

ден по два-три раза, амнистия не коснулась — мимо обошла. За преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности — снимается только половина оставшегося срока. Указники за уход с работы в военное время (514), хулиганы, карманные воры и воинские преступления, за исключением политического пункта, — освобождаются полностью из-под стражи. Счастливики безгранично торжествуют. А кто не подлежит амнистии, заговорили, что это совсем не та амнистия: настоящая еще будет, когда кончится война с Японией (515).

Из лагеря хорошо видно, как состав за составом, груженные пушками, танками, самолетами, и длинные эшелоны теплушек с воинскими частями движутся непрерывным потоком на восток. Снова закопошились в голове слова Саркисяна: «Контрикам нэ будэ амныстыя!» И все это проклятый Берия виноват. Превратиться бы в комара, как в сказке «Князь Гвидон» (516), прилететь бы в Кремль, в самую приемную товарища Сталина, снова превратиться в человека и сказать: «Не бойтесь меня, товарищ Сталин, наш учитель, вождь и отец! Около вас пригрелась и ютится коварная, ядовитая, очкастая змея, затаившая свое ядовитое жало, способная не моргнув глазом, без совести и стыда подписывать документы о злодейском уничтожении и содержании в тюрьмах и режимных лагерях ни в чем не повинных людей, как видных деятелей коммунистической партии, так и беспартийных, честных, преданных Родине простых людей». И повыпущал бы товарищ Сталин, наш мудрый отец, в первую очередь всех болтунов. Ну какие они контрики, какие они враги народа? Большинство даже не понимает, что это за слово! Потом по-большевистски пересмотрел бы все остальные дела. Не знал малограмотный Павлик, что даже более образованные попадали в лапы этим извергам, Сталину и Берии, что одна это шайка. По их воле творилась в стране дикость, варварство в эти зловещие тридцатые-сороковые и в начале пятидесятых годов.

Откуда было знать малограмотному Павлику, что виноваты в этом вопиющем произволе не только Сталин да Берия, но и все за кремлевской стеной, да и не только за

(514) Т. е. осужденные в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий». См. прим. (453).

(515) В рамках амнистии в связи с победой над гитлеровской Германией, объявленной Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 июля 1945 г., освобождению подлежали только осужденные на сроки не свыше трех лет и еще некоторые категории. Для других осужденных предусматривалось также сокращение остающегося срока наказания вдвое и снятие судимости, но все эти меры не касались «осужденных за контрреволюционные преступления, хищения социалистической собственности (Закон от 7 августа 1932 г.), бандитизм, фальшивомонетничество, умышленное убийство и разбой». Таким образом, «политические», в очередной раз приравненные к самым опасным преступникам, не могли рассчитывать на какие-либо послабления.

Победа над Японией и окончание Второй мировой войны, вопреки ожиданиям, не стали поводом для дополнительной амнистии. Следующая амнистия в СССР была объявлена только в 1953 г.

(516) Имеется в виду «Сказка о царе Салтане» А. С. Пушкина.

(517) Блюхер В. К. (1890—1938) — военный, государственный и партийный деятель, маршал СССР. В 1937 г. входил в состав Специального судебного присутствия, которое вынесло смертный приговор группе высших военачальников по «делу Тухачевского». Осенью 1938 г. был арестован, на допросах признался в участии в «антисоветской организации правых» и в «военном заговоре». Умер во время следствия. Посмертно был признан виновным в шпионаже в пользу Японии и приговорен к смертной казни. В 1956 г. реабилитирован.

(518) Здесь: яркая, как маков цвет.

(519) Телячьи вагоны — вагоны для скота, обычно окрашенные в светло-коричневый или красно-коричневый цвет. Использовались для перевозки людей.

(520) Из популярной народной песни «По морям, по волнам».

кремлевской стеной, но и низы топили себя и друг друга. «Хозяин» подбирал свое окружение по принципу безграничной преданности и угодничества, держал это окружение в постоянном страхе физического уничтожения. Как правило, у каждого из приближенных Сталина кто-нибудь из самых близких содержался в тюрьме или режимном лагере как заложник. Тяжелое это было время на Руси. Вот пример: маршал Советского Союза Блюхер в 1937 году допрашивал участников «заговора в Красной Армии», а через год сам очутился в застенках Лубянки (517). На всех видных деятелей страны в НКВД было заведено дело о вражеских действиях, и спасла некоторых только смерть деспота в 1953 году. Не успел он всех уничтожить, а его палача Берию арестовали и поспешно расстреляли, не допросив как следует, и о чем успели допросить, держится в величайшей тайне от народа.

Тяжело Павлик переживает прощание с Нюрочкой в последний день. А она, как маковка (518) в выданной красной косыночке. В лагере швейной фабрики видно, как на запад в рыжих телячьих вагонах (519) везут амнистированных девушек со всех лагерей Сибири.

— Что ты, родненький, опечалился, радоваться надо, мой голубчик ненаглядный, я ведь близко здесь живу, буду на свидание к тебе приезжать, так незаметно и срок пролетит.

— Скажи честно, зоренька ненаглядная, будешь меня ждать или нет? Знаешь, какая моя участь:

По морям, по волнам,
Нынче здесь, а завтра там... (520)

— ...Подумай хорошенько, не спеши с ответом, Нюрочка! Как мне тяжело с тобой расставаться! Ты одна мне была поддержкой в тяжелые минуты. Без тебя и солнышко будет по-иному светить, и проклятуций срок на волах будет двигаться!

— Родненький мой, Павличок, буду, буду, буду ждать! Только ты не зарабатывай больше сроку! Ты ведь такой! А ты ведь не забудешь меня? Ты ведь не утратишь!

— Ну что ты меня мучишь? Никого мне не надо!
Ты лучше всех на свете, зоренька ты моя ненаглядная!

(521) От укр. «воркотати» —
ворковать.

До поздней ноченьки воркотали (521) в зеленой травушке-муравушке. А ранним утром, когда по линии горизонта начала пылать заря, Павлик ушел на пекарню опару ставить, а Нюрочка чуть позже ушла за зону навсегда. Но влюбленные назло чародейке-судьбе не желают здраво мыслить об этом, им кажется, что они принадлежат друг другу на веки вечные.

Лагерь заметно поредел. Несколько швейных корпусов закрыли. Во время работы пришла повидаться Надя, двоюродная сестра Нюрочки.

— Ой, Павлик, как ты похудел!

— А ты тоже похудела и похорошела! Что нового от Нюрочки?

— Она дорвалась до воли и забыла о нас с тобой!

— А-а-а!.. Уже любовь в сердечке загорелась? — шаловливо шепчет с порога заведующая. — Одобряю твой выбор!

— Да нет... Что вы?.. Что вы?.. Нет, София Павловна!.. — краснея, оправдывается Павлик. — Это Нюрочкина сестрица Надя!

— Ох, знаем этих сестричек!.. — лукавит заведующая, подойдя вплотную. Ей нравится, что Павлик краснеет, а Надя налилась кровью, как роза, распустившая свои лепестки.

— Ну-у... София Павловна! Поверьте, я серьезно говорю!

— Я пойду, Павлик! — поднялась со ступенек Надя.

— Не спеши, Надя! Ты, вероятно, голодная? Дома со дня на день ждут тебя и передач не везут, а на казенной баланде далеко не уедешь! Можно, я отрежу хлеба Наде? — обратился Павлик к заведующей пекарней.

— Сиди, сиди, Надя, я пошутила, можно, можно, отрезай, котик!

Павлик быстро вскочил с места и проворно направился в пекарню.

— Хотя подожди минуточку! — Павлик в недоумении остановился. — Я сама принесу.

(522) Выкатка — технологическая операция при производстве белого хлеба, многократное раскатывание теста вручную скалкой.

(523) Угорка (венгерка) — сорта сливы, имеющие фиолетово-красный цвет плодов.

(524) Набираться сеансу (блат. жарг.) — искусственно возбуждать похоть.

Вынесла она большой кусок белого хлеба и завела Надю в пристройку дровосека.

— Кушай здесь. У нас даже пекаря не носят этот хлеб отсюда; вдруг попадешь по дороге надзирателям — большая неприятность ждет и тебя, и нас. Всех судить будут. Вот такой этот хлебушек!

— Пока, Надюша! Я побежал, работа ждет, надо уже выкатку (522) делать! Вон смотри, как Катька косяки подает! Вишь, какая у меня работа? Потей да потей!

Катя-пекарь красивая, стройная, но из-за того, что безбожно таскается с мужчинами в свои двадцать пять лет, краса ее поблекла, губочки посинели и появились синие отеки под глазами. Она изо дня в день настойчиво добивается сношения с новым пекарем, но он изменять Нюрочке не намерен, нахальных не переносит и думает, что она старуха для него. Он почему-то считает, что его девушка должна быть моложе годиков на три-пять. И всячески отнекивается от нее, как от надоедливой горношорской мухи.

— Давай сегодня опару поставим на пару, — покрасневшись, как переспелая слива-угорка (523), лоб в лоб мяся уже не в первый раз тягучее тесто, настырно бубнит она.

Если б она знала, как противно слушать Павлику ее шептание! А рядом Петрович и Данилович — лет по пятьдесят мужчины — ехидно перемаргиваются между собой.

— Да ты же с Денисовичем ставишь!.. — а сам думает: «Лезешь, сова, лоб в лоб месить, тут и так жарко, а она липнет, сеансу набирается (524), что ли?..»

— Да ну его к черту! Он ни рыба ни мясо! Ха-ха-ха!!! — раздался на всю пекарню не по годам хриплый голос, смахивающий на смех. Пекаря поговаривают между собой, как будто Катька после работы исподтишка ворует дрожжи и скрытно лакает, как наркоман.

— У тебя же Николай есть, попадет мне от него! — тихо шепчет Павлик.

— У-у-у!!! Испу-га-лся!.. Ха-ха-ха!!! Я не боюсь, а тебе чего дрейфить?.. Да ты же не из таких, я тебя знаю. Да пусть твой Николай молит господу бога бородатого, что я его кормлю, а то он давно бы фитилем был! Поставим опару, а потом до утра на тепленькой печке будем кантоваться, красота, простору там хоть отбавляй, ух-х-х... и проведем же времечко на славу!

Токарь-пекарь ничего ей не ответил, ему не до Кати. Он получил наконец-то долгожданное письмо от Нюрочки и им поглощен. Он горит желанием дать почитать Софии Павловне, но стесняется. И раз за разом повторяет про себя: «Павличок, миленький... дорогой... я тебя как любила, так и люблю! Боюсь, что ты найдешь себе другую. Как долго тебя ждать? А мне уже двадцать годиков! А что, если разлюбишь меня в конце срока?.. Знаешь, после двадцати лет говорят про девушек: «Старая дева». Это вам, ребятам, и в тридцать лет все парень. Привет тебе и Наде от моей мамы. Я ей все рассказала, она не одобряет нашу с тобой связь, говорит: «Все это, девочка, временное увлечение!» Я скоро устроюсь работать, заработаю собственную копеечку и привезу тебе передачу». Павлик чувствует всем своим существом, что не суждено им соединить свои судьбы, но все же на что-то надеется. Он Нюрочку по-настоящему любит, и эта любовь заглушает и отодвигает на задний план здравый рассудок. И ответил ей: «Век тебя буду любить. Приезжай на свидание, я очень по тебе тоскую, моя чайка сизокрылая, и жду тебя, как соловей лета ждет, а передачи не надо, ты не беспокойся, я живу по-прежнему хорошо, работаю на пекарне, так что не голодаю. Живу только одной мечтой — увидеть тебя, голубка моя ненаглядная, синичка ты моя желанная, зоренька моя ясная, целую тебя бесчисленно раз, раз, еще и еще раз».

Глубокой звездной ночью, когда молодому организму крепко спится, разбудил его сторож пекарни.

— Вставай, Дон Жуан, тебя Катя зовет опару ставить!

— Зачем? — спросонья пробормотал Павлик, ничего не соображая. — А-а-а!.. Пошли ее к грузину на этот, как его, шашлык! Не моя смена! Я вчера ставил! — и бухнулся головой на ватную подушку.

Сторож подсел у ног:

— Эх, Павлик, и заведующая неравнодушна к тебе, и Катя по ночам гоняет меня... Берегись... эти бабы до хорошего не доведут... Пойду Даниловича будить!

Спустя два дня после ночной истории Павлика вызвал лагерный оперуполномоченный. Когда он зашел к нему в кабинет, несмотря на поздний час, там кроме оперативника присутствует вечно улыбающийся своей доброй улыбкой старший лейтенант Цыганков.

— Садись! — приказал оперативник.

Павлик сел и подумал: «На сколько же лет садиться?»

— Как твои дела, пекарь?..

— Спасибо, начальник, нормально!

— Так вот, чтобы они и дальше были нормальными, ты будешь нам помогать! — Павлик насторожился. — Ты живешь в бараке контрреволюционных элементов. Я знаю, ты случайно попал между этих отбросов общества, тебя тянет к уголовникам, ты там их обдираешь как сидорову козу. Ну, это тебе считается.

«О, собака, — подумал Павлик, — и об этом знает, не даром хлеб жрет!»

— Ты имеешь возможность доказать, что ты не как эти контрики, ты будешь сообщать лично мне, как услышишь неблагоприятные разговоры или что-либо подозрительное наподобие антисоветской агитации, особенно за этими старыми хрычами следи, которые из-под «ежовой рукавицы», это особый сорт контрреволюционеров!

Если бы не Цыганков, то у Павлика получился бы грубый разговор с оперуполномоченным вроде такого: «За кого вы меня принимаете? Я не сука и не пес, и тем более не стукач!» Но в присутствии этого доброго ровесника Павлик тоже старается казаться таким же добрым, спокойным и самостоятельным, как Цыганков. Поэтому он ответил, по его убеждению, очень вежливо и деликатно:

— Я понял, гражданин начальник, вы мне кляузником предлагаете заделаться?

— Ну к чему такие громкие слова, просто будешь информировать нас, помогать нам честно и добросовестно, как настоящий патриот.

— Ог-г-го-о! Пат-риот?.. Ха-ха-ха!!! Зэк-патриот! Это звучит сильно! Нет уж, извините... в джунглях свой закон: «В волчью стаю попал — по-волчьи и вой!» Иначе тебя волки разорвут!

Цыганков сидит, слушает и ни на минутку не перестает лукаво улыбаться, как будто он хочет сказать: «Молодчина, так держать!» А оперативнику: «Ага, съел? Я же тебе говорил!»

— Придется тебе с тепленьким местечком распрощаться! — угрожающе повысил голос оперативник. — Так что, будем работать на пекарне или нет?..

— На пекарне будем работать, а стукачом — повременим. Не подходит мне такая арифметика.

— Можешь идти! Подумай, надумаешь — приходи! «Это работа Катьки, — плетясь в барак, обмозговывает токарь-пекарь. — Ненапрасно в ту ночь сторож колдовал: «Бабы тебя погубят!» Они, эти черти-старика, все знают!»

Утром прибежал нарядчик и сообщил, что Иванова переводят в стройчасть. Заведующая азартно начала защищать молодого специалиста: «Почему такого хорошего пекаря забираете, я буду жаловаться!» Но нарядчик что-то шепнул ей на ухо, и она тихо присела в своем уголке, словно кем-то избитая.

На новом рабочем месте сговорился с бригадиром-уголовником, что он не будет тревожить его строительной работой, за что будет ежедневно получать липового строителя пайку и баланду. И принялся пекарь-строитель за старое ремесло: сторож и Федя-пекарь воруют хлеб, а Павлик сбывает споловины (525). В свободное время зашел к уголовникам.

— Где ты пропадал?

— Ты смотри, животик спал!

— Что это тебя не видно было? — спрашивает Жорка. — Что, в кандее пыхтел, что ли?..

— Нет, Жора! В душегубке работал! Пекарем заделался. Работа адски тяжелая. Отработаю десять часов, доберусь к нарам и сплю до следующей смены.

— И что, с твоей силой не выдержал?.. Убежал?.. — смеется Жорка.

— Нет, не ушел бы я, хотя и каторжная работа. Ведь работенка с наваром! Кум вызвал меня и предложил стукачом заделаться. Я вежливо отказался, и меня куль-

(526) Тугрики (блат. жарг.) — деньги.

(527) Т. е. боишься. От «очко жим-жим» (блат. жарг.).

турно попросили с горячего местечка и сказали на прощание: «Если передумаешь, придешь!» Вот теперь-то я убежден, что везде на тепленьких местечках исключительно все стукачами работают.

— А ты только узнал? Ха-ха!.. Так, говоришь, наваристое местечко? Подкопил тугриков (526)? Может, потрагитим, токарь-пекарь?..

— Жора, ищи себе жертву в другом месте. Мы же с тобой хорошие друзья, а друзья разве лудят друг друга?..

— Вот, учи на свою голову! Значит, жим-жим (527)?

— Выучил ты меня, Жора, неплохо! За школу спасибо. Но твоим кроликом я не желаю быть. У меня лишних тугриков нет. А на твою карту ставить — это все равно что из моего кармана в твой переложить! Правильно я говорю?

— Не приbedняйся... Я наблюдал, как ты заметываешь, спускаешь и передергиваешь картишки. Просто экстракласс, не каждый и законник так чисто работает!

— Но у тебя же это не пройдет? Поэтому давай лучше перевернем пластинку.

После пекаря отвратительно заниматься грязным делом, продавать ворованный хлеб. Но появилась ненасытная жадность, хочется запас иметь на ближайшее грядущее время. А дрова пойдет рубить — там Катька нагло издевается, глумится и колет глаза, а тронуть ее нельзя, она ведь стукачка под защитой самого кума. Все унижения переносит токарь-пекарь, все терпит, помнит один старый закон горношорского друга Петра Свистулы: «Волка ноги кормят!» Бригадир стройбригады так увлекся лишним порционом, что ежедневно выводит Иванову рекордные проценты и получает самую большую горбушку. У конторы стройчасти на доске почета появилась новая фамилия — рекордиста Иванова. Но недолго продолжалась «липа» — недовольные бригадники донесли десятнику о «рекордисте», которого они не видели никогда в лицо. Бригадир очутился в режимной бригаде, а «рекордиста» привлекли работать. В бригаде он избил активных доносчиков, склоняя их «стукачами». Любому заключенному не нравится такая кличка, даже штатные стукачи только ночью тайно бегают к куму. А с новым неуступчивым бри-

гадиром пришлось изрядно повозиться в темном уголке без свидетелей. Он боится брать себе пайку, а Павлику по-прежнему хочется иметь свободу действий. В душе нового строителя бурлит что-то непонятное. Ему не дали возможности трудиться лошадиной дозой в аду, и он бесится. Иногда он накидывается на работу, как голодный на пайку, месит вязкий густой раствор для кладки кирпича, набирает по два полных ведра и в напряженном усилии бегом тащит на место кладки стены, да еще с юмором обращается к рабочему мастеру: «Кушайте, второе подано! Вы, маэстро, любите с гарнирчиком или с подливочкой?» — и дарит мастеру дружескую улыбку. Если кто месит раствор или делает иную какую тяжелую работу, «рекордист», как фанатик, вырывает у тощего лопату из рук и, как заводная машина, сам продолжает готовить этот замес, а доходный бригадник с благодарностью посмеивается над безумцем. То внезапно бросает лопату из рук, какая-то печаль тучей находит на него: «За что?.. За что такое наказание мне выпало?.. Я же ни чуточки, ни граммочки не виноват перед тобой, Родина!.. Почему я должен быть врагом народа?..» То как взбесившийся мчится в пекарню, на ходу проклиная себя за опоздание. Там, вероятно, Федя приготовил уже буханочку в условленном месте, ее нужно с пекарни унести, разрезать на паечки и продать. И на хитром базаре надо быть юлой, надзиратели повышенное внимание уделяют «рекордисту», уж больно он часто продает хлебушек, подозревают в нем спекулянта или вора, но поймать не могут.

На пекарне заведующая спрашивает:

— Как у тебя идут дела на новой работе?

— О-о-о... я там рекордист! — нагло врет липовый строитель. — Вот уже полторы нормы выполнил. Бригадир мне и говорит: «Можешь быть свободным!» — пережевывая хлебушек, заливает Павлик. — Но я под конец смены еще подскочу, процентиков на пятьдесят поднажму, пусть бригадир отстающим слабачкам запишет, мне не жаль, они ведь тощие, им тяжело норму выполнять.

Поел на пекарне строитель и ушел бродить по зоне. В парикмахерской его заметил десятник, а парикма-

херская здесь, как для вольнонаемных — стригут и бреют только за деньги. Пока «рекордист» дал круга за бараками, десятник ему отрезал дорогу на объект работы в ремонтируемый барак и накинулся на бригадира. «Рекордист» залез в окно с тыльной стороны, выхватил у фитиля лопату, набрал раствору и спешит показаться на глаза десятнику, прорабатывающему бригадира:

— Так ты говоришь, он здесь?.. Сейчас проверим!.. Я его только что видел, он выскочил из парикмахерской. А что мне, моим глазам свидетеля искать?.. А-а-а?..

— Да вот же он!..

Десятник спрашивает у бригадников, откуда он появился. Все хором зашумели, что он никуда не отлучался, работает и даже помогает другим. Затаив смертельную обиду на бригадников, он ушел. На этот объект работы он стал редко заглядывать, бригада стала отстающей. «Рекордист» прекрасно понимает, что это его вина. Но изменить он не может ничего.

Знал бы «рекордист», как эта бравада дорого ему обойдется... Пора бы ему в двадцать шесть лет, да и перенесшему столько тяжелого за время заключения, позабросить эту теорию — «Хотя день — да мой!»

Проходит лето в заботах и тревоге, в неопределенном ожидании чего-то неотвратимо-печального и злого. Он прекрасно понимает, что скоро этой свободе и разгулу по зоне конец. Да еще Нюрочка, словно горячими угольками, подогревает — с каждым новым письмецом от нее веет прохладой: она в каждом письме напоминает, что долго ждать не будет, что он, Павлик, ее разлюбит. И он начал с болью в сердце отвечать, что она свободна, никто ее не обязывает так долго ждать. Значит, не судьба нам вместе жить.

-----

8 августа Советское Правительство опубликовало заявление о вступлении СССР в войну с Японией. А 2 сентября 1945 года положен конец жестокой кровопролитной войне. Заключение ждут новой амнистии.

Пришел новый этап девчат из тюрьмы. Жорка с Андреем-горношорцем зашли в барак, выбрали самых красивых малолеток и повели якобы в столовую [и] с рабо-

той знакомиться. Завели в пустой барак, опомнились девчата, но было уже поздно.

Днем прибежал малолетка к Павлику в барак и позвал его к Жорке. По дороге оголец рассказал, что Жорка лежит, избитый надзирателями.

— Что с тобой, Жора?.. — кинулся Павлик к своему кумиру.

— Какая-то псина стукнула в комендатуру о нашем ночном номере с девчатами. Ой, болит!.. У-у-у!.. Псы!.. Андрею не очень попало. Он там кричал, как чушка, когда ее чеканят (528). А я «опричниками» их назвал. Все болит и палит внутри. Вероятно печенки или селезенки поотбили, гады... Я позвал тебя предупредить. Они собираются и тебя перепустить (529), говорят: «Чтоб не гулял по зоне, и надзирателей чтоб не бил».

— Черта с два!.. Через мой груп перешагнут... потом перепустят! Спасибо, что предупредил!.. Ну-у-у, гады!

— Слушай, милоч, не говори гоп... не таким буйволам сворачивали рога на сторону! Лучше кричи, как вон Андрей! Андрюха, потренируй его... Ой-й, болит... Что ты можешь поделаться?.. Их пять-шесть отъевшихся рыл, а ты один в глубокую ночь, они ведь свет выключают и тасуют на темную (530), по чем попало... Да у них припасены и мешочки с песочком на такой случай... Ох-х-х... га-ды-ы!.. Болит и палит внутри невыносимо.

Павлик смотрит на своего тюремного друга, на его болевые страдания и дает сам себе слово: «Подлец буду, хотя одного гада, но удавлю, за себя и за Жорку».

— Так, говоришь, сильно перепустили?..

— Страшно сказать, Полундра, не жилец я на этом свете! Вот ослы, мало того, что по зоне девки сами вешаются, чуть ли не насилуют, так нам подавай свежатинку, молоденьких!.. Тьфу ты!.. И куда мы влезли? Они молоденькие, да ранние, там и пробы негде ставить!

— Я схожу, организую, чтоб в стационар тебя положили!

— Напрасные хлопоты! Здесь ведь лагерь особого назначения. Не старайся, не возьмут! Уже ходили! Боятся, что надзорслужба недовольна будет.

— Я сейчас пойду к шишке из Кремля, к доктору Петрову.

(528) Чеканить — забивать свинью.

(529) Здесь: коллективно избить.

(530) Т. е. избивают так, что жертва не видит, кто ее бьет.

— Что случилось, мой коллега?.. На тебе лица нет. Словно десять партий подряд проиграл в шахматишки в азартном темпераменте! — острит Петров.

— Здравствуйте!.. — еле выговорил, задыхаясь, Павлик. — Еще хуже, чем проигрался! Там в девятом бараке лежит избитый товарищ! Я к вам никогда не обращался ни с какой просьбой... А теперь убедительно прошу вас... Определите его в стационар!

— Это и все? Похвально, похвально, что ты так азартно просишь за своего товарища, такое в лагере я еще не встречал. А кто его избил?..

— Ночью надзиратели в комендатуре!

— Да-а-а?.. И что же?..

Павлик рассказал доктору, как два друга использовали девушек с нового этапа.

— ...Вот шельмецы!.. И ты с ними дружишь? С такими шарлатанами?

— Он хороший парень! Очень хороший!

Знал бы Павлик, что пройдут годы, и он будет такого же мнения, как и Петров, но пока у него еще не высохло молоко на губах.

— Да уж, вижу, какой хороший! Ладно, не переживай! Уладим! Приходи вечером, поиграем в шахматишки!

Но Павлику не до шахматешек сегодня, и он не моргнув глазом соврал: «Да сегодня я во второй смене работаю!» «Может, завтра, дорогой коллега, за мной придется носилки посылать, — копошится мысль в голове у шахматиста. — Нет, ни за что на свете!.. Пусть лучше убьют, но отбивать себе потроха не дам». Ночью разбудил его огромный надзиратель.

— Идем в комендатуру, тебя вызывают расписаться! — нагло врет верзила.

Павлик не спеша встал, подумал: «Час расплаты настал!» Надел телогрейку, хотя на улице тепло, и поплелся, на ходу обдумывая: как оно все получится? Он целый день мозговал, пропуская в голове разные варианты встречи с «укротителями». А ноченька стоит теплая, иногда шаловливо прошепчет что-то ветерок, в черно-голубом небе высыпали «бронзовые стихи» маленькими горошинками. Нигде ни души. Только надзиратели не спят, ожидают, словно вампиры, когда смогут насладиться избиением беззащитного заключенного. Уверены в себе,

в своей победе. «Может, драпануть сейчас, спрятаться в женской зоне, а утром явиться: «Здравствуйте!.. Это я, Кырыл<л>о! Не будут же они в день дубасить? Или к Петрову в шахматы сходить поиграть — мол, со второй смены иду». Но я же никогда в жизни не убежал! Я же не трус! Пойду навстречу злодейке-судьбе! Чему быть, того не миновать! Как говорил князь Игорь: «Иду на вы!..» (531) Что ж, каждому свое». Перешагнул он порог коридора комендатуры в напряженном ожидании, а коридор кажется бесконечным. Осторожно ступает каждый шаг, ожидая с минуты на минуту, с секунды на секунду внезапного нападения из любой двери: вот из этой двери выскочат, нет, вот из этой; нападут шумной толпой, свалят и приступят безжалостно, жестоко избивать. И все время вызванный остерегается, чтобы задний надзиратель не врезал внезапно между лопаток, и напрягает до предела свой слух. Так дошли до дежурки. В кабинете дежурки, приоткрыв дверцу фанерной перегородки, которая чуть выше пояса, стоит, поджидает низенький, коренастый, вероятно, главный заводила в этих пиршествах. Он резким ударом шарахнул приведенного подопытного кролика кулаком в лицо. Кровь у вошедшего хлынула мгновенно изо рта и носа. «Ого-о!.. Освоенный приемчик!» — прошла мысль Павлика. И в этот же миг стукнул в ответ рыжему тоже своим любимым приемчиком — ладонью правой руки. От мощного неожиданного удара обидчик влип в противоположную стенку дежурки, он ведь совсем не ожидал сопротивления, даже фуражка слетела с молодецкой шевелюры. А Павлик ненапрасно провел тревожную ночь. Избегая удара конвоирующего сзади тяжеловеса, дикой кошкой отпрыгнул в угол прихожего коридорчика и занял оборонительную позицию для защиты. За перегородкой стоят остальные три боксера, агрессивно настроенные. Только дежурный сидит за своим столом, ожидая дикого представления. В тот миг, как упал рыжий, нокаутированный ударом заключенного, надзиратели, еще будучи за перегородкой, все как по команде, чуть полупагнувшись вперед, сжали кулаки, приняли нападающее положение боксеров, а тот, который привел Павлика, встал в дверях, как истукан, и стоит, спокойно наблюдает, что же дальше будет. Но и остальные так и застыли в том положении, как в финале гоголевского «Ревизора» (532).

(531) «Иду на вы» — слова князя киевского Святослава Игоревича, которыми он, согласно «Повести временных лет», обычно предупреждал противника о начале похода против него.

(532) Имеется в виду некая сцена в конце комедии Гоголя «Ревизор», когда все персонажи замирают в выразительных позах.

(533) Белый домик (иначе «хитрый домик») — отдельное помещение оперчасти, место пребывания «кума» — лагерного оперуполномоченного, — которое обычно располагалось вне зоны.

Раздался дикий рык загнанного в угол полужверя:

— Нападайте!!! Дино-зав-ры!!! Первому попавшемуся глотку перегрызу!!!

Взглянули они в угол, занятый приведенным, и замерли — перед ними стоит не человек, а наежившийся, загнанный в угол хищный зверь, со страшно сверкающими злыми глазами, растопыренными пальцами, словно хищными когтями, в любую секунду готовый броситься в смертельную схватку, защищая свою неприкосновенность. У надзирателей воинский порыв мигом иссяк, и они опустили руки. Первым подал голос пришедший в себя дежурный надзорслужбы:

— Так что?.. Вольнонаемным глотки надумал грызть? Так я тебя понял?..

— Я вас не трогаю! И не вызываю вас ночью к себе, а вы меня вызывали, чтобы устроить самосуд и полжизни отобрать! Так вот!.. Для защиты своей жизни я готов не на жизнь, а на смерть сражаться!.. Вы думаете, я не знаю, как вы избили прошлой ночью Жорку-уголовника? Так вот!.. Через мой труп!..

— Пиши на него акт, пусть он узнает, как на вольных граждан набрасываться! — вопит надзиратель с рыжей шевелюрой, вытирая кровь из-под носа и разбитой губы.

Павлик тоже стоит весь в крови, только ему некогда вытереть свою физиономию, он стоит в напряженном ожидании нападения своих укротителей, с готовыми растопыренными пальцами, которые, кажется, превратились в металлические, и со звериной напряженной, вымазанной кровью мордой.

— Пиши акт, пусть в «белом домике» (533) покажет свое ухарство куму!

Что самое интересное, великан, который привел Павлика, стоит в дверях и не шелохнется, словно он там замер навечно.

Три листа исписал дежурный и обратился к все еще стоящему в углу Павлику:

— Подпиши!..

— Ха-ха! А что там подписывать, почитайте?..

Может, там смертный приговор ваша коллегия вынесла? А я буду подписывать?

Дежурный прочитал.

— На, подписывай!..

— Мне мать не велела такие фальшивки подписывать!

— У-у-у... Духарь (534)! Давай мы подпишемся, пусть довесочек ему подбросят!

— И без тебя обойдемся! — протянул второй треть-ему ручку.

— Вот так!.. — с усердием промокнул дежурный накатной промокашкой (535) акт. — Был бы человек, а статья найдется (536)! — утешает он соучастников дикого несостоявшегося банкета. — Можешь быть свободен! — распорядился дежурный.

Утром, ликуя, побежал Павлик в стационар. Принес Жорке сахарку, кусочек сала, пайку хлеба, табачку. Но его уже ничего не радует. Рассказал о своей «пирровой победе».

— Ну и полундра! Ну и молоток! Я в тебя еще в тюрьме поверил, когда ты пограничника под нары в момент затащил! И еще нравилось, что ты не унижался, не просил покурить у каждого ффраерка.

— Да, Жора, то случайно с пограничником получилось!

— Да в тебе много я таких случайностей замечал! Но, когда Жорку-законника, которого знает весь преступный мир «от Москвы до самых северных окраин» (537), пропускают вампиры, а тебя дрейфят (538), — то в моем кумполе (539) не укладывается! Но все же я радуюсь, что не ошибся в тебе, полундра.

— Это спасибо, Жора, тебе, что предупредил! Я ведь почти не спал, все думал, как избежать побоев. И решил вусмерть сражаться за свои ребра. А так, знаешь, внезапно вызвали б да встретили б так, как меня рыжий ошарашил, конечно б, растерялся. Я не верю, что железные или бесчувственные люди есть на белом свете. И вот ошарашили б меня так внезапно, пока б я опомнился, они бы начали меня месить, и били б, и тешились бы, как только вздумалось бы. А ты, как себя чувствуешь?..

— Вероятно, концы отдам!

— Что ты, Жора!.. Что ты, мой друг хороший!..

Крепись, Жорочка!.. Жить надо! Карабкайся, у тебя ведь срок детский! Жора... а какой у тебя срок по счету?..

— Шестой канаю (540).

(534) Духарь (лагерн. жарг.) — дерзкий человек, ведущий себя вызывающе.

(535) Накатная промокашка — пресс-папье с полукруглой нижней частью, обтянутой промокательной бумагой.

(536) «Был бы человек, а статья найдется!» — крылатое выражение, возникшее в советское время как переделка народной поговорки «Была бы спина — найдется и вина». Его авторство дочь летчика В. П. Чкалова Валерия приписывает генеральному прокурору СССР А. Я. Вышинскому. По ее словам, эту фразу Вышинский произнес в разговоре с Чкаловым в марте 1938 г. во время Третьего московского процесса (процесса «антисоветского правотроцкистского блока»). См.: Орел Т. А вместо сердца пламенный мотор // Бульвар Гордона. 2008. 9 декабря. № 49 (189). http://bulvar.com.ua/gazeta/archive/s49_62568/5017.html (дата обращения: 25 мая 2020 г.).

(537) Искаженная с намеком на ГУЛАГ цитата из популярной «Песни о Родине» («Широка страна моя родная») И. О. Дунаевского на стихи В. И. Лебедева-Кумача из кинофильма «Цирк» (1936). В оригинале: «От Москвы до самых до окраин».

(538) Пропускать — то же, что «перепускать», т. е. коллективно избивать; «дрейфить» — трусить, опасаться (блат. жарг.).

(539) Т. е. в голове.

(540) Канать срок (блат. жарг.) — здесь: отбывать наказание.

Умер Жора спустя три дня, не спасли его и кремлевские доктора. А Павлика, эту неугомонную, хмельную, буйную голову, а точнее, дурную, впереди ждут новые нелепые, тяжелые невзгоды, приключения, на которые он сам частично напрашивается, как Вася из-за реки.

С десятником играл в кошки-мышки до тех пор, пока он не всунул его на очередной этап на лесоповал. Промотчиков, режимников и прочих штрафников — отбросы яйского лагеря — одели в новую ватную одежду, завели в столовую перед отправкой, выдали пайки, покормили на дорогу жиденькими щами из зеленой капусты, и десятник объявил:

— Всем этапникам собраться с вещами у вахты!..

Павлик ушел из столовой не в барак за вещами, а в направлении слесарно-механической мастерской, на ходу оглядываясь, не шпионят ли за ним. В конце слесарной мастерской, в пятидесяти метрах от пропускбудки, где коридор «в арифметику», из кабинета электросварщика окно выходит прямо на вахту. Здесь и расположился новый этапник. Собрали этап, а одного недостает. Проверили по картотеке, вывели этап за ворота вахты, а одного нет и нет. И направились надзиратели во все концы лагеря на поиски исчезнувшего. Проверили в бараке — постель, вещи на месте, а этапника нет. А скрывшийся рядом с улыбкой наблюдает за безалаберной панической беготней надзирателей. Забежали двое в слесарно-механическую мастерскую, спросили электросварщика: «Нет ли кого в мастерской?» Но ведь это же заключенные! Не добиться надзирателям, чтоб зэк зэка продал. Парень совершает дерзкий поступок, отвечает: «Никого здесь нет!!!» — и принялся беспечно жечь двухмиллиметровые электроды, которых так не хватает в мастерской, создавая адские лучи для незащищенного глаза, и надзиратели ушли.

Прошло полчаса безуспешной беготни и поисков беглеца, и этап двинулся от зоны лагеря. Не медля, Павлик явился в комендатуру. Чего доброго, еще припишут побег из лагеря, это контингент такой. Надзирателей — мужчин и женщин — собралось в этом коридоре коменда-

(542) Из стихотворения
А. В. Жигулина «Воспоминание»
(1962—1963).

Там петухи с зарей не пели,
Но по утрам в любые дни
Ворота громкие скрипели
На весь поселок тот — одни...

А. Жигулин (542)

(543) Отсутствие нормы выработки связано с фиксированным размером пайки. Заключенные-штрафники не имели возможности заработать себе улучшенное питание за счет большой выработки.

В режимной бригаде остались только девчата. Ребят подчистили на этап. Но прошло несколько дней — и бригада начала набухать и пополняться нарушителями порядка в лагере. Это те, кто любит поставить на карту свою кровную паечку и баланбочку. Режимная пайка пятьсот граммов и один раз в сутки горячая шулюмка. На работу водят километра за три от лагеря. Нормы нет (543).

Пролетело теплое лето, морозы с каждым днем все крепче и крепче, небо серой пеленой окутали мериносные тучи. Снег уже спрятал землю. Кончается ноябрь. В тупике железнодорожной ветки лежат большие штабеля леса. Если улизнул Павлик с этапа, где валят этот лес, то здесь приходится с режимниками подносить этот же лес к самому железнодорожному полотну, а когда подают платформы, то и грузят этот лес.

Страна после военной разрухи восстанавливается, залечивает раны, нанесенные этой проклятой бойней. Лес нужен повсюду. Девчата в режимной бригаде работают наравне с ребятами. Павлик не унывает, и в режимной по сравнению с другими он живет намного лучше. Друг Митя ежедневно приносит табачку и пайку хлеба пятисоточку. Денег у штрафника спрятано от шмонов около трех тысяч, здесь, как и в зоне, редко проводят обыски, и штрафник крепче чувствует в кармане поддержку. Хотя и голодные, но килограмм хлеба ежедневно съедают, а шулюмка такая жидкая, что штрафники ее за чаек считают, но все же Павлик держится в жилистом состоянии, имеет два полушубка, выигранных у уголовника еще летом, и ему зима не так-то и страшна: бывает, пригонят с работы мокрых, сушилки здесь нет, а у Павлика сухая сменка есть.

Здесь же работают пленные немцы и японцы из Квантунской армии. Если русские и американцы соединились на Эльбе, то немцы и японцы — в Сибири на Яе. Немцы работают и ведут себя как самостоятельные люди, а японцы не по-русски работают, с хитрецей, они несут одну лесину, облепив ее, как муравьи, стараются друг на друга свалить тяжесть ноши, каждый нагибается все ниже и ниже, создавая самим себе неудобство в работе. А над русскими насмеваются, скандируя обидные слова: «Тур-р-рма-а-а!!! Тур-ма-а-а!!!» (544) Но русского Ивана только расшевели, и сам не будешь рад, что тронул, каждый старается вставить свою шпильку:

— Что, замурзанные самураи, завоевали сибирскую тайгу до самого Урала?..
 — Нравится вам строевой лесок?..
 — А вкусный русский плов?.. Ха-ха-ха-ха!!!
 — О-о-о... риса нэта!.. Нэ холосо!.. Еста иго-го!..
 — У нас и овсяночка вкуснее вашего рису!
 — Что завоевали, то и получайте, не ждите, льгот не будет!..
 — Ты смотри, какие сдобные! Их на диетпитание перевели, а они недовольны, букашки ползучие!
 — Овсяночка калорийная, а вас, поросят, что-то ветром качает!
 — Что вас, манной кашей кормить, что ли?
 — Смотрите, платками позавязывались, хуже наших матрешек да кацапушек (545)!
 — Верно, Зинуха! Дай им понюхать!..
 — Да я их и на пушечный выстрел не подпущу!
 — Осваивают Сибирь до самого Урала, гниды паршивые!

Режимник Володя Гвоздев убежал из-под охраны поезда штабелями разбросанного по-над железнодорожной веткой леса. Обнаружили охранники побег, подняли тревогу, построили по пятеркам после долгой и нудной проверки на шквальном ветру. И хотя здесь один контроль между уголовниками, но все равно конвоиры склоняют режимников «троцкистами», «фашистами», «бандюгами». В этот же день беглеца поймали на станции Яя и «при попытке к побегу» застрелили. В это время на

(544) Очевидно, искаженное русское слово «тюрьма». В отдельной зоне на окраине поселка Яя содержалось около четырехсот японцев. Будучи военнопленными, они подчинялись своим офицерам, сохраняли воинскую дисциплину и сознавали свое отличие от советских заключенных, хотя и работали рядом с ними. В настоящее время на бывшем кладбище японских военнопленных в Яе в память о них установлен памятник в виде каменной стелы с иероглифической надписью.

(545) От укр. «кацап» — пренебрежительное прозвище русских. Здесь: сравнение с русскими женщинами, закутанными в платки.

(546) Вариант блатной песни
«Не плачь, подруженька».

(547) Сокращенная цитата из
стихотворения Пушкина
«Измены».

станции был какой-то великий чин, и охранника арестовали и увезли в кемеровскую тюрьму. Понеслась по лагерю весть: «Кончилось время произвола!» В этот же день принесли в лагерь умершего истощенного режимника.

Утром режимников выгоняют в коридор «в арифметику». Мороз заставляет всех плясать в ожидании охраны. Зина-режимница тоже сидит по пятьдесят восьмой статье. Она стройная, красивая двадцатилетняя девица. Все в ней дышит Русью. Она не доходит, в норме держится. Зина напоминает казачку, о которой как-то в слабосилровке в Горношории рассказывал Алексейчик, у которой муж ушел летней порой на учебный сбор, а ей, казачке, предстоит все лето пахать, сеять, молотить. За что в режимную угодила Зина, это овеяно тайной: кто говорит — за распутство, а иные говорят — за расхищение в цехе государственного имущества. Танцуя с Павликом, она говорит: «Давай закрутим мы с тобой!» Павлик высокомерно отвечает: «Этого мне только не хватало в режимной бригаде!» Продолжая танцевать, Павлик дружески спрашивает ее: «Чего ты так низко опустилась, что с режимной бригады не вылазишь?» Она отвечает: «По той же причине, что и ты». Помолчав, добавила: «Все равно жизнь дала трещину!» — «Зинуля, твое еще все впереди!» — «Эх, Павличок!.. Впереди никакого просвета. Я ведь человек грамотный, я ведь понимаю, что это за пятьдесят восьмая, нас на каждом шагу подстерегает голод, холод и вечная доходилка». И запела:

Все равно наша жизнь теперь пропащая,
А тело женское так проклято судьбой... (546)

— Построиться по пятеркам!.. — раздался голос конвоира, шагающего от пропускбудки.

— Вот это наше, Павличок! Пушкин сказал так:

Так до могилы, терном увиты,
Цепи влачи! (547)

За этим конвоиром показались еще три, окружили, сосчитали и повели заниматься трелевкой рядышком с «букашками».

Кончается декабрь 1945 года, а Павлика не выпускают из режимной бригады. Снова он испытывает на себе сибирскую холодную зимушку. Похудел. Запасные деньги экономно расходует, хотя чертовски охота есть, но он продолжает прикупать только по особой пайке в день. Иногда Митя приносит ведро картофеля за двадцать пять рублей, и тогда у штрафника праздник, но, чтоб сварить у Бориса, тоже надо долю дать, а тут соседи — Юра, Петя, Женя, которые все время отираются около Павлика насчет покурить, смотрят голодными глазами.

— Женя, будешь есть сырую картофелину?..

— Давай, с удовольствием сожру!

— И я! — говорит Юра.

— Я тоже съел бы! — подает голос Петя.

«Держись, Павлик! — подбадривает он себя. —

Не позволяй душе расслабляться, изморозь и ветер пролетят, не оставив следа, а что сердце обдаёт холодом — не беда, не ты первый, не ты последний. Веселей вьюге назло! Ну, улыбнись!.. Не такое видел! Да посмотри же на своих собратьев: вот он только в одной телогреечке гнется, возможно, до конца смены не дотянет, а ты надел еще и шубу, так чего же тебе унывать?.. Шевелись! Грейся! Прорвемся!»

В режимной бригаде окончательно померкла надежда на амнистию. Да какая тут амнистия, когда даже отбывших срок наказания по пятьдесят восьмой статье вызывают в управление рабочей части (УРЧ) (548), предлагают расписаться, что в связи с напряженной международной обстановкой задерживают в лагере до особого распоряжения (549)... Только болтунов 58-10 отпускают на волю, а пятьдесят восьмая статья имеет четырнадцать пунктов да еще подпункты:

Первый пункт: Измена Родине

(и подпункты: а, б, в, г).

Второй: Вооруженное восстание.

(548) УРЧ — учетно-распределительная часть лаготделения, ведавшая всеми делами, связанными с учетом и перемещением заключенных, в том числе контролировавшая их сроки.

(549) «Пересидчики» или «сверхсрочники», которые на основании совместной директивы народного комиссара внутренних дел и Прокурора СССР № 221 от 22 июня 1941 г. были «задержаны» в лагерях после истечения срока заключения (см. прим. 379), получили возможность выйти на свободу только в 1947 г. (если не получили тут же новый срок).

(550) Повторное осуждение заключенного, уже отбывающего наказание в лагере, по статье 58-14 влекло за собой «довесочек» — увеличение срока.

(551) НШ (недоказанный шпионаж) — одна из так называемых «литерных» статей (см. прим. 453), приблизительный аналог ст. 58-7 УК РСФСР.

Третий: Сношение в контрреволюционных целях с иностранным государством.

Четвертый: Оказание помощи международной буржуазии.

Пятый: Склонение иностранного государства к объявлению войны.

Шестой: Шпионаж.

Седьмой: Подрыв государственной промышленности.

Восьмой: Террор.

Девятый: Экономический террор.

Десятый: Антисоветская агитация.

Одиннадцатый: Групповая контрреволюционная агитация.

Двенадцатый: Недонесение о контрреволюционном выступлении.

Тринадцатый: Активная борьба против революционного движения.

Четырнадцатый: Саботаж, т. е. сознательное неисполнение кем-либо определенных обязанностей или умышленное небрежное их исполнение со специальной целью ослабления власти правительства и деятельности государственного аппарата. Это самая страшная статья в Уголовном кодексе, лагерная статья (550).

И это еще не вся контрреволюция, давали еще:

- КРА Контрреволюционная агитация.
- КРД Контрреволюционные действия.
- СОЭ Социально опасный элемент.
- АСА Антисоветская агитация.
- ПШ Подозрение в шпионаже.
- НШ Недоказанный шпионаж (551).

Эти статьи, как правило, тоже отправлялись в режимные лагеря.

«Павлик, ты же отлично знаешь все эти статьи и пункты, опомнись, голова ты два уха, еще не поздно, в этом лагере можно жить и срок отбывать», — подсказывает ему здравый смысл, а гордость твердит свое: «Держи свою марку». «Что тебя, буйная голова, заставило дойти до режимной бригады, ведь ты же не дурак? Еще есть выход, еще не поздно! Скажи только Мите, своему другу, что ты согласен работать на старом месте токарем-револьверщи-

(553) Неточная цитата из «Песни о Сталине» Ю. Алешковского «Товарищ Сталин, вы большой ученый...» (1959).

(554) Анахронизм. Перефразированная строка из песни О. Б. Фельцмана на стихи Е. А. Долматовского «Порядок в танковых войсках» (1960), которая стала крылатым выражением.

(555) Источник не установлен. Пробуцать — здесь: прогулять, бан — вокзал, шмара — любовница вора (блат. жарг.).

Вы снитесь нам, когда в партийной кепке
И в кителе идете на парад,
Мы рубим лес по-сталински, а щепки,
А щепки во все стороны летят...

Мы наш нелегкий крест несем задаром
Морозом дымным и в тоске дождей
И, как деревья, валимся на нары,
Не ведая бессонницы своей.

Юз Алешковский (553)

Теперь собирают этап в изоляторе. Во время
вывода этапа за зону подошли самостоятельно со своими
вещами добровольцы-бригадиры. Среди них Кучеренко.

— О-о-о... Будет с кем время коротать в
шахматешки.

— Ты что, бугром заделался?.. Порядок в наших
частях (554)! — подтрунивает Павлик. — Начальство свое!
Горбушка будет! Можно и дурака повалить!

— Где ты пропадал? О тебе Петров спрашивал,
а я ответил, что ты на этап ушел.

— Дорогой друг, я в режимной бригаде клопов
развлекал.

— Тебя, я вижу, и режимная не берет.

— Да там тоже был свой бригадир, по блату паечку
выписывал, — заливает своему другу Павлик.

Девяносто новоиспеченных лесорубов двинулись в
трудный и далекий путь. Их окружили лыжные конвоиры.
В конце хвоста этапа лошади на двух санях везут вещи.
Из матрасов заставили выпотрошить солому. С постелью
набралось человек тридцать, а остальные, как в той песне:

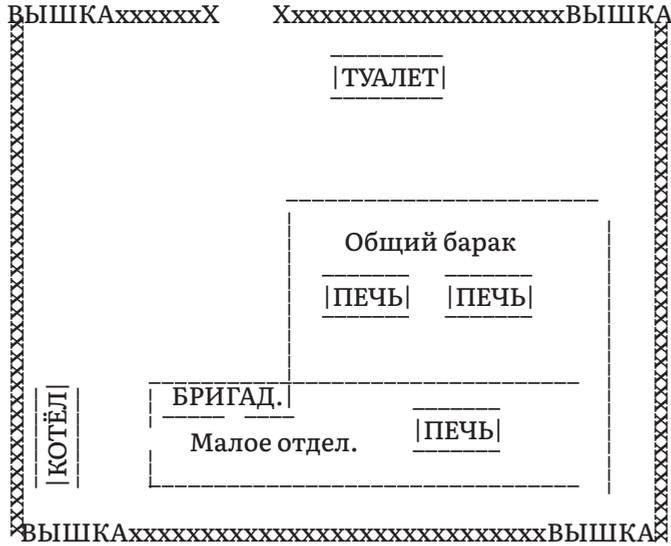
Пропил, пробуцал
Последние шкары,
А потом пошел на бан,
К своей шмаре (555).

ЯНВАРЬ 1946 ГОД   МАРТ 1946 ГОД

ВОСТОК

| КОЗЁЛ |

Дорога на лесоповал ----->>>>>>

| В О Х Р |

(556) Полуцвет (благ. жарг.) — то же, что прилагательные, заключенные, не принадлежащие к преступному миру, однако тяготеющие к «цветным», т. е. блатным (по аналогии с правилами игры в стос «третьими», где карта, приносящая понёру выигрыш в размере полной ставки, называется «цветной», а та, что выигрывает только две трети ставки, — «полуцветной»).

Вышли на простор снежной равнины, морозец прощупывает, кто во что одет, как у кого кровь циркулирует. Ветерок порывами подхватывает снег, еще не спрессовавшийся после прошедшей накануне метели, и игриво гонит зигзагообразными веерами. Одна волна не кончилась, за ней гонится вторая, третья — метет, метет, словно цепи солдат движутся в наступление, и конца и края этим цепям не видать. Километров десяток этап прошел сносно, а морозик все крепче и крепче поджимает. Появились слабосильные. Этап все замедляет и замедляет движение. Конвоиры подбадривают:

— Веселей, братва, веселей!.. Осталось недалеко!..

— Давай, давай, шики-брики! Скоро дойдем при таком медленном движении! — бубнит конвоир лет под шестьдесят.

Солнышко, спрятанное целый день за пеленой равных туч, на закате показало свое красное-красное лицо и скрылось за горизонтом. Впереди показались ровные столбы сизого дыма, потом, как грибы, — заваленные снегом крыши, почерневшие под дождями избушки. Хотя и слабо мерцают красные огоньки в маленьких замерзлых окошках лачуг, но они вселяют надежду и поднимают бодрость духа идущим к ним невольникам. Крепче и крепче поскрипывает снежок под выданными серыми валенками.

«Бодрись, фитили! Ножками, ножками!.. Левой — правой! Ать-два!.. Ать-два!..» — подбадривают отстающих более выносливые ребята.

— Из-за вас, трупов, здесь дуба врежешь!.. — орет Минин на обессилевших. — Веселей передвигайте свои ходули, доходяги! — толкает в спину ослабевшего соседа так, что тот пропахивает лицом снег.

— Помоги, братишка, не дойду! — умоляет Минина Васек, вытирая лицо рукавом холодного бушлата, который еще не успел проиграть.

— Вот еще, тварь позорная!.. — шумит Минин. — А пайку проигранную кто за тебя будет платить?.. — и потопал, пробиваясь вперед к полуцветной (556) капелле.

В небольшой, разбросанной деревушке вдали от железнодорожной линии в одну из просторных изб загнали дрожащих от холода этапников. Это колхозная изба-читальня. В ней натоплено. Вероятно, предварительно договорено с яйским начальством. Председатель колхо-

за разрешил кладовщице продать заключенным картофеля по двадцать рублей ведро. Кладовщица здесь же достает картофель из погреба, который расположен под полом этой избы-читальни. Десятка два заключенных-лагерников купили кто ведро, а кто и два, а остальным не на что покупать. А Минин заработал ведро у кладовщицы тем, что набирал в подвальчике, а когда она ушла, он еще высыпал из-за пазухи, из хитрых карманов бушлата, которые у него бесконечные, почти целое ведро.

Как только ушла кладовщица, шкодники тихо скрутили замок и принялись загружаться. Как выяснилось потом, такой банкет бывает в этой избе-читальне каждый год, и каждый раз заключенные сворачивают замок. Председатель колхоза по какой-то таинственной причине сочувствует лишенным свободы и преднамеренно создает условия голодным отверженным, чтобы хотя бы раз, да наедаться досыта. Поговаривают, что у него погиб сын как враг народа в 1937 году.

До утра не прекращался банкет. Особенно для тех, кто в проигрыше, это настоящий праздник. Беспрерывно варили картофель в двух ведерках и недоваренным поедали, припекали чуть-чуть на плите, в поддувале и мало-мальски припеченный жадно хрупали. Некогда обращать внимание на невыносимо тяжелый смрад в этом культурном помещении. Даже конвоиров выкурили.

Утром конвой прервал этот жуткий сабантуй, и погнали этапников дальше вглубь необъятных просторов сибирской глуши. Только за деревней показалась вековая тайга. Долгий и тяжелый путь к лагерю лесоповала. Не обошлось и без примороженных. А картофель, кто с голодухи не успел сварить, сырым погрызли. При подходе к лагерю в передние ряды подтянулись даже доходные жу-жу (557). Ваня Баламут запел под свою неразлучную семиструнную гитару:

А мы к лагерю подходим,
Телеграмму подаем!
Приготовь, начальник, карцер,
На работу не пойдем!.. (558)

(557) Здесь: «жучки», т. е. мелкие жулики и приبلатненные.

(558) Аналогичная лагерная частушка запомнилась узнику ГУЛАГа Д. Е. Алину, который услышал ее весной 1941 г. См.: Алин Д. Е. Мало слов, а горя реченька... Невыдуманные рассказы. Томск, 1997. С. 128.

(559) Калькулятор — заключенный, в обязанности которого входил ежедневный расчет количества продуктов, необходимых для приготовления пищи с учетом количества едоков и выполнения ими нормы выработки.

Этап подвели к заметным снегом двум баракам. Напрасно жу-жу «рысовались» — всех встретил холодный, пустой барак с тремя отделениями: комнатка на четыре человека для бригадиров, у самого входа — помещение человек на тридцать, где Павлик и захватил себе место, вопреки блатному закону, внизу. В этом отделении нары вагонной системы. Около Павлика поселились режимные друзья — Женя, Юра, Петя. А в огромном бараке сплошные нары. Посреди барака стоят две заржавленные печки-«сибирячки». В пяти метрах от входа вмонтирован огромный ржавый котел — это кухня новоиспеченным лесорубам, а позади барака стоит осиротело туалетная. Начальник лагеря заявил:

— Бригадирам записать себе в бригады по тридцать человек на лесоповал, на трелевку — остальные заключенные. Дрова лежат у пропускбудки, организуйте топку в бараке. Не сидите как в гостях, здесь вам няньки нет! И выделить из бригады трелевщиков повара. Утром всем на работу! Повару и калькулятору (559) получить продукты у нашего каптера, хранить продукты в комнате бригадиров. К утру чтоб баланда была готова лесорубам!

В двух-трех километрах от зоны лагеря лес плотной стеной опускается в ложину, а там, далеко-далеко, кроны деревьев выбираются на сопку и сливаются с горизонтом.

Кучеренко струсил записать в свою бригаду друга-шахматиста. Но бывалому лесорубу работа не страшна, пекарни здесь нет, надеяться не на кого. Подобрал он себе помощнее напарника и окунулся в тяжелую работу.

Уважаемый читатель, возникает вопрос: зачем Павлик наговорил на себя такую белиберду, что даже друг-шахматист, с которым ночи проводил, отказался записать его в свою бригаду как тунейдца? И зачем все время ищет наш герой приключений на свои ребра, на свою дальнейшую и так горькую судьбу, усугубляя ее кочками и извилинами?

В погожие деньки к лагерю приходят женщины из ближайших сел, вероятно, жены охранников, приносят и привозят даже на лошадке картофель, хлеб, и Павлик живет с запасом. Частенько к нему заглядывают в котелок

шкодники и, если остается что съестное, то бессердечно очищают посудину. Павлик с юмором объявляет на весь барак:

— Господа удавы и шкодники! Сегодня произвели ревизию в моем котелке и паечку кокнули! Молодчики!.. Умеете воровать!.. Но учтите!.. Пре-ду-пре-ждаю!.. Кого поймаю — за все ответит!.. Так-то, шики-брики!

Павлик посвежел после режимной бригады — в бараке его, борова, все боятся. Но голод не знает страха, и тайная ревизия продолжается. Павлик обсыпал порошком химического карандаша паечку (560), положил на виду и ушел из бригады на повал. После работы вошел в барак и с порога видит — паечки нет. Когда проверил он всех подозрительных шкодников, накануне проигравших свои паечки, его взяло сомнение: никакого следа от химического порошка и признаков нет. «Может, меня завели в заблуждение о волшебстве химии?» Кругом все презрительно насмеяются, а Павлика зло берет.

— Что, цингу проверяешь?

— Братцы, а говорили у нас лепилы (561) нет!

— Сейчас я буду всех подряд проверять!..

И отправился вдоль нар заглядывать в открытые рты: «Открой, соколик, ротик!.. Следующий!.. Ты, фитиль! Покажи зубки, дружок!.. Не стесняйся, не стесняйся, золотко ненаглядное! Ты, доходяга!» — так он проходит шаг за шагом вдоль нар.

Никто не знает, почему Павлик каждому в рот заглядывает, ведь съеденной паечки и след простыл, каждый думает, что смешно и глупо он делает, а некоторые недруги стараются поострее подковырнуть этого борова:

— Братцы, да это же профессор медицинских наук появился в нашем бараке!.. Проверьте, доктор, у меня хрыпит внутри! Ха-ха-ха!!!

Павлик всей внутренностью чувствует: если он не найдет шкодника, то потеряет свой авторитет у недругов, и настойчиво продолжает проверять рты с наигранной веселостью:

— А чего, дайте мне только эту... ну-у... как ее фамилие?.. А-а-а!.. Вспомнил!.. Трубка с резинками в уши. Я мигом! Кто там на кашель жаловался, занимай очередь! Открой, миленький, ротик, ну-у, ве-се-ле-е, — обратился он на верхние нары к пожилому лагернику, смахивающе-

(560) Красители синего или фиолетового цвета. При увлажнении дает яркое и стойкое, несмываемое окрашивание. Человек, съевший хлеб, осыпанный порошком такого грифеля, неминуемо должен запачкать себе рот краской.

(561) Лепила (лагерн. жарг.) — лекарь, врач.

му на забитого хлебобоба из глуши. Тот приспособился работать пыльщиком при зоне лагеря.

— Ха-ха-ха-ха!!! — разразился неудержимым смехом проверяющий. — Не жмись! Не жмись!.. Открывай!.. Открывай!.. Ха-ха-ха!!!

— Ах, милочок! — торжествует проверяющий. — Надо же было хорошенько прожевывать мою кровную паечку, вон, крошки в зубах застряли!

Раскрыл хлебобоб рот, а у него... Губы, зубы, язык — все в чернилах.

— Так вот кто ко мне в гости зачастил!.. Пусть бы работяга, пусть бы проигравший паечку, но не лагерный придурок. А все шишки сыплются на шики-брики!

Васютин и Сериков работают в зоне, распиливают доски по распоряжению начальника лагеря. Конвоиры, нанятые на лесоповал из окрестных сел, потом забирают эти доски себе на хозяйство — преступление за счет преступников. Пыльщиков подкармливают на ВОХРовской кухне. Лесорубы завидуют и злятся на этих счастливицков. Подошел Жаворонков, посмотрел и тоже залился неудержимым смехом — он ведь думал, что Павлик и в самом деле ищет крошки в зубах. А Васютин своим синим языком раз за разом облизывает воображаемые крошки, вызывая у собравшихся эков бурный смех.

— Ну и артист!.. И придумает же!.. — говорит сосед Васютина. — Да он, братцы, не медик, а химик!

У нар все больше и больше собирается братвы посмотреть, что там за диковина, с чего они все гогочут.

— У-у-у... лапоть! Да знаешь ты, тварь позорная, что по тюрьмам за пайку бывает?.. Убивают и концы в воду! — сквозь зубы цедит Минин.

На Павлика, окруженного лесоповальским цветом, нашло чувство снисходительности: «Пайка-то кровная, когда заключенный исключительно живет этой паечкой, — думает он, — а если со стороны имеет поддержку, то это уже не кровная». И он с наигранным форсом обратился к Васютину:

— Ну-у-у, до-ро-гой!.. Так что с тобой делать?.. А-а-а?.. Признайся при всех, как на исповеди в церкви, как ты подкрадывался, стащил и жадно давился чужой паечкой, по-волчьи оглядываясь по сторонам? Поделись опытом с братвой, и я тебя прощу.

— Ну ты, деревенский лапоть! Открывай свою пасть! — шумит Юра.
 — Я не брал никаких паек! — упрямится Васютин.
 — Ты кому мозги паришь? — кричит Вовка.
 — Кто тебе поверит? — шумит гитарист.
 — Я не брал никаких паек! — твердит Васютин.
 — Ну что ж, тварь позорная, подумай до проверки,
 — сказал Павлик и ушел на свое место.

(562) Вариант старинной цыганской песни «Расскажи, расскажи, бродяга».

А лесорубы до самой проверки подходили, заглядывали в рот, насмеявшись вдоволь, отходили, балагуря о волшебстве химии.

После проверки в зону лагеря охранники не заходят. Неохота Павлику избивать Васютина, но лагерная мораль давит его: не побей — не будет уважения от лагерной братвы, мол, контрик есть контрик, его можно обворовывать. А тут Ваня Баламут выворачивает душу. Настроил гитару, прошелся по струнам своими волшебными пальцами и заиграл, подпевая:

Ах, расскажи, расскажи ты, бродяга,
 Откуда родом и чей ты есть... (562)

В это время Павлик вспомнил обидчика из Горношории, как у него украли действительно кровную паечку, и после этого он долго-долго не мог подняться на ноги, вспомнил страшную ночь, пережитую в доломитном огромном котле-склепе. И он решительно направился к вору:

— Ну-у-у!.. Ты-ы-ы, кро-хо-бор!.. Признавайся, как ты давился чужой паечкой?..

— Не брал я твоей паечки! — кисло повторяет Васютин.

Павлик стянул виновника с нар. Взял березовое бревно у печки и бессердечно избил шкодника.

Утром начальник лагеря, хилый старикашка, узнав об избиении пильщика, заскулил:

— Ты бы мне сказал, бугай этакий! Я бы тебе отдал эту паечку! Теперь доски некому пилить!

— За пайку не то бывает! — поддерживает Петя.

— Это он еще легко отделался! — добавляет напарник Павлика по работе.

— Да я вижу, как легко! Бандиты вы!..

(563) Т. е. крупные, толстые деревья, валя которые, лесоруб быстро выполняет норму, исчисляемую в кубометрах древесины.

(564) Здесь: наглец, беспардонно присваивающий чужое.

Павлик ликует — весь цвет лагеря его поддерживают. Вот что такое сила! И вспомнил момент у печки в бараке контриков, когда его котелок Фан Фановичи отставляли на край плиты. «Нет, больше не допущу себя до такого состояния, — думает он, — покончу с собой. Ведь заключенные есть заключенные, могли бы сказать совсем противоположное: «Самосудчик, мол», но никто не желает с этим бугаем ссориться, так как можно и по мордам схлопотать».

В этот день доски пилить некому, и Серикова, напарника Васютина, погнали вместе с бригадой пилить лес. Сериков — уроженец этого края, ему часто носят передачи, и деревенские охранники наперебой его поддерживают харчами как специалиста-пильщика, и он быстро поднялся на ноги и стал похожим на нормального человека. Чтоб показать на лесоповале, что он бывалый лесоруб, взял Сериков лучковую пилу и принялся самостоятельно валить деревья, выбирая по зоне повала стройные, как восковые свечи, самые кражистые и кубатуристые (563).

— Эй, звездочет, или, вернее, звездохват (564)! Это моя лесина! — закричал Минин. — Занимай себе поляну и валя все подряд — и кубатуристую, и молодняк! Такой у нас порядок, дорогой новатор стахановского движения!

Так как Сериков чувствует поддержку охранников-земляков, то он чихал на эти порядки. Он принялся сливки по зоне повала пожинать. Хотя эти сливки я бы своему трибуналу пожелал бы: председательствующему Фонарикову, его помощникам Халимон и Сабанцеву, а если они сдохнут, то их детям пусть достанется мой привет. Но увы, вам открыта дорога за кремлевские стены, а мне прозябать до могилы чернокожим в своей стране, хотя я бледнолицый, но это от того, что большинство своей жизни я провел в подземелье. Сериков, не обращая внимание на возмущение Минина, приспособился и свалил то дерево, которое облюбовал. Павлик с Ваней еще с утра предварительно рассчитали, сколько нужно свалить стоящих на корню деревьев на большую пайку. На глазок определили кубатуру до самой лыжной зоны и заняли себе участок рядом с соседними звеньями. Никогда они не ссорились за бесконечную тайгу ни с соседом Мининым, ни с соседом Юрочкиным; валя столько, сколько твоя душа

желает, но знай порядок, вали все подряд. Конечно, мелочь валить никому неохота, работы много, а кубатуры ноль-три, но заставляют, иначе не примут работу. Сериков, после того как разделался с лесиной Минина, перешел на участок павликова звена и принялся очищать снег от стоящей, как свеча, красавицы-пихты. Таковую лесину свалить — одно удовольствие для лесоруба: веток мало, а кубатуры подходяще.

— Сериков, уйди!.. Сериков, это моя лесина!.. В моей зоне! Ты что, хочешь без горбушки нас с Ванюхой оставить?

Сериков спокойно продолжает очищать снег кругом вечнозеленой красавицы-пихты, словно это не ему говорят.

— ...Уйди от моего дерева, садист! Гад я буду, голову оттяпаю! — схватил Павлик колун и, утопая по пояс в снегу, решительно покарбался к захватчику.

Когда Павлику до Серикова осталось метров десяток, конвоир, наблюдавший эту перебранку, паническим голосом закричал:

— Гриша, Гриша! Сериков!.. — а тот спокойно себе копается, нагнувшись спиной к Павлику. — Быстро ко мне! Этот бандюга зарубит!..

Разогнулся «звездохват», увидел беду рядом с собой — и что есть духу, как зайчик, напуганный охотником, попрыгал под охрану конвоира, даже инструмент свой побросал у пихты. Несколько минут стоял в шоковом состоянии конвоир, соображая, что же предпринять для своего авторитета. В конце концов опомнился, когда «бандюга» принялся работать на своем участке, как будто бы ничего не произошло.

— Это тебе не в бараке гулять! Я тебя шлепну, и копыта задерешь!.. — и защелкал затвором винтовки.

Знал бы конвоир, сколько сроку этот «бандит» отбыл и сколько горя он перевидал. Еще на Яе прошел слух, что за режимника, убитого на станции Яя, охраннику дали десять лет ИТЛ. Зная об этом, Павлик храбро по-матросски выпятил грудь, взялся за петли воротника телогрейки руками и закричал громко, на весь повал:

— Стреляй, гад!.. Стреляй в матросскую грудь!.. Мне безразлично, в бараке или здесь учить ффраеров!

Уважаемый читатель, обратите внимание: это не

(565) Неточная цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Золото и булат».

(566) Рыпеть — скрипеть.

(567) Переделка песни соловейских заключенных «С утра до темной ноченьки в лесу», которая исполнялась на мотив «Гоп со смыком».

блатной, не законник, а обыкновенный контрик. Почему он так уверенно заявляет: «Мне безразлично, в бараке или здесь учить фраеров»? Да потому, что здесь он диктует, и он командует парадом; во-вторых, он и сам того не замечает, как злополучный стос, преподанный законником Жоркой в тюрьме, уже вьелся в его печальную лагерную жизнь. И хотя он сейчас не играет, но эта игра его преследует. Он и борется, и отнекивается от этой игры, а она тут как тут, он же живет в этом окружении, она, как зараза, преследует его, одна мысль говорит да, вторая нет. Однажды при серьезной игре в стос один грузин заметил, что Павлик шулерничает, вынул финку и сказал: «Смотри, я не законник. Но мой закон на карман!..» И Павлик понял, что кроме законников есть превыше — булат. Так и Пушкин сказал:

«Все мое», — сказала злато;
«Все возьму», — сказал булат. (565)

После того как по лесоповалу пронесся зловещий крик «Стреляй, гад! Стреляй в матросскую грудь!», на лесоповале воцарилась зловещая тишина. Кто пилил или рубил, прекратили работу.

Охранник — всего-навсего деревенский мужик, он не испытывал на себе ни войны, ни голода, ни холода, и он обмяк, чувствуя свое бессилие. Зловещая тишина недолго продолжалась, после какого-то периода молчания снова стало слышно постукивание топоров о мерзлые комья да где-то слышно запоздалый певучий визг пилы. С остервенением накинулся Павлик на поскрипывающий лес, словно на нем можно согнать злость, а он рыпит (566): «И меня вали!.. И меня вали!.. И меня вали!..»

— Эх, братцы!.. — после нудного молчания подал голос Ваня Баламут. — Жаль, что по такому случаю нет гитары, а то я такую мелодию спел бы:

С утра до темной ноченьки в лесу
Мы пилим здесь кедру и пихту.
Пилим, колем и складаем,
Серикова Гришу проклинаям,
И со злостью держим за пилу...

Автор неизвестный (567)

— Цыц, сявота!.. — закричал не своим голосом конвоир, который, может быть, впервые слышал такую песню.

— Не буду, начальник! — и ударил себя рукой по ватной шапке, которая в нескольких местах прогорела и в нескольких местах лезет кусками вата. — Цыц, дура!.. Сделайся шапкой-невидимкой!.. — и все кругом захохотали.

По окончании работы, как и всегда, к конвоиру подошла подмога. Собрали лесорубов вместе, как водится в таких случаях, пересчитали несколько раз. Павлик уже третий лагерник — чтобы не убили «при попытке к побегу», встал в середину бригады. Они с напарником всегда в конце смены валят сухостой и распиливают на посильные чурки дров — чтобы бригадники несли в лагерь. Подошли к развилке, где сходятся дороги трелевщиков и лесорубов, остановили бригады, пересчитали несколько раз — чувствуется, что-то коварное затевает конвой. Вдруг заметили, что «бандюга» идет в лагерь без дров.

— Возьми, морда, дров! Ишь, какой бугай!.. Доходяги несут в зону, а он боится подорваться!

Павлик сразу сообразил, что здесь готовится что-то коварное. «Вероятно, они сговорились между собой, как только отделюсь от бригады за поленом, прикончить меня «согласно инструкции». Нет!.. Дураки поженились, а я еще холостой!»

— Не положено носить дровишки, в норму не входит! Надо лошадкой возить, отапливать нас и себя, а не надеяться на дармовую силу. Хитромудрые комбинаторы лошадкой себе доски развозят по домам! Богатеете все за счет нас?

— Мы претензий к Павлику не имеем! — шумит Минин.

— Он заготавливает эти чурки, потому и не носит! — поддерживает Петя.

— Сесть!.. — командует конвоир. — Покуда он не возьмет вон ту чурку, — показал он на занесенный снегом пень метров за пятнадцать от бригады, — не пойдем в зону!

Павлику передали чурку дров.

— Вот, смотрите — полено у меня в руках!

— Отдай назад фитилю, а сам возьми вон ту!..

(568) Т. е. не вчера родился, бывалый, опытный человек.

(569) Тунгус — презрительная кличка представителей северных и дальневосточных малых народов. Здесь: нарочито самоуничижительное вроде «недоумок».

(570) Т. е. в группу заключенных, охраняемую данным конвоиром.

— Не ходи, Павлик!.. Не ходи!.. Они тебя шлепнуть задумали!

— Не вчерашний (568), сам понимаю!..

— Так что же, так и будем сидеть?..

— А нам срок идет! Год, так мы и год просидим! — говорит Юра, сосед по нарам.

Подвели бригаду трелевщиков.

— Стой, передние!.. В чем тут дело у вас?.. — спрашивает автоматчик, который выделяется жестокостью среди охраны. Он кичится тем, что у всех японские винтовки с кинжальным штыком, а у него одного на весь лагерь автомат.

— Вот этот боров дров не хочет нести в зону!..

— Застрелю, как дикого кабана! — навел он порывисто свой автомат на непокорного заключенного. — Сейчас же бери полено, бандюга!..

— Ой... дя-де-чка!.. Да я больше не буду!.. Простите меня, грешного тунгуса (569)!..

Лесорубы и трелевщики грянули бурным смехом, а Павлик, подогретый общей поддержкой эзков, еще азартнее входит в роль:

— ...Дя-де-чка, а он у вас заряженный? Вам патрончики доверяют?..

Заключенные беспрерывно хохочут. И бравый автоматчик под ехидные насмешки опустил свой автомат. Знал бы Павлик, что ему будет стоить эта минута идиотской бравады, как он дорого заплатит за этот кошмарный пир, за это детское бахвальство.

— Попадешь ко мне в подотчет (570) — шлепну! Я найду причину! Смотри у меня, ворюга!..

«Вперед, первая!» — гневно скомандовал своей бригаде.

И запустил очередь из автомата, чтобы доказать этой сямке, что автомат заряженный и что ему доверяют патроны. А пули трассирующие, каждая пятая оставляет после себя светящие следы. Вслед за трелевщиками подняли и повели лесорубов.

Белый пушистый снежок крупными хлопьями лениво опускался на заключенных, идущих к желанной, долгожданной паечке. У лагеря на эхо автоматной очереди собрался весь личный состав охраны при полном боевом снаряжении во главе с начальником лагеря.

Тревожно в эту ночь спалось Павлику. Кошмарные сны вьюжили голову: то в глубокий шурф его сталкивают, направляя в грудь окровавленные японские штыки, то поезд мчится по синему небу, расталкивая на своем пути черные тучи и светящиеся звезды, но вот паровоз-«кукушка» вместе с чугунашскими зелеными вагонами проваливается и летит в бездну, и Павлика поджидает неминуемая Смерть в черном одеянии.

Утром конвой отказался брать на работу «бандюгу». Тяжело сидеть без дела, день годом длится: «Да это второй срок!» К вечеру густой снежок повалил. Пришедшие с повала расправились с паечкой и ждут поверки. В зону забежала ВОХРовская собака. Минин со своим другом Толиком Жаворонковым приласкали ее и удавили в углу. Затащили в барак, сняли шкуру, а проигравшимся не терпится, на ходу кромсают и грызут сырое мясо. В это время часовой на вышке ударил в чугунную рейку, и мигом ворвалась в барак охрана. Выгнали всех из барака на территорию зоны лагеря и принялись тщательно шмонать. Нашли под нарами останки собаки. Начальник лагеря дал команду вытащить ее из барака. Боец брезгливо взял ее за кончик шкуры и потащил, как санки, оставляя следы крови на грязном полу. Вытащил и бросил у двери барака, а сам ушел снова продолжать шмон.

Накинулись голодные, кромсают кто чем может. Кузькин показал движением руки Жаворонкову на лежащий у дров около котла колун, потом провел пальцем около своей шеи, показал на собачатину и котел. Толик схватил колун, мигом очутился у туши собачатины, одним взмахом отделил туловище от головы и вбросил в общий котел.

Вышли ВОХРовцы, а от собаки осталась голова, да и та обгрызенная, на кишках весь жир пообдирала — да еще шкура лежит, до нее очередь не дошла. Рассвирепел начальник лесоповала, в бешенстве даже пену изо рта пускает. Это невиданная наглость: в его охраняемом объекте бесследно исчезли останки собачатины! «Искать и найти!» — приказал он. Обозленные охранники принялись загонять в барак озябших зэков, безжалостно избивая всех подряд, но останков собачатины не обнаружили,

(571) Ст. 58-14 УК РСФСР («Кон-трреволюционный саботаж, т. е. сознательное неисполнение кем-либо определенных обязанностей или умышленно небрежное их исполнение со специальной целью ослабления власти правительства и деятельности государственного аппарата») — одна из «лагерных» статей, которая широко использовалась для наказания заключенных преимущественно за отказ от работы и за неповиновение администрации; ее применение грозило новым сроком.

один только котелок с мясом нашли, замаскированный в снегу. Обыскали крохотную зону, спросили часового на вышке, но и он за этой метелицей и огромной толпой эзков ничего не видел. Выгнали лесорубов снова на холодную снежную вьюгу и снова обыскали жилой барак, но безрезультатно, собачье мясо как в воду кануло, а котел снегом запорошило, поэтому никто и не додумался туда заглянуть. Да разве нормальному человеку придет в голову, что собачатину спрятали в котле для пицци?

— Что, мы будем всю ночь здесь шмонать? А утром на дежурстве киснуть под морозящим снегом? — возмущается автоматчик. — Может, эти монголы сырое мясо потрескали! Это же не люди, а дикари!

— Вон, смотрите, собакоед сырое лопает! — показывает второй охранник.

— И вон грызет!

— Отдайте хотя котелок! — выкрикивает Минин из толпы.

— Чей это котелок? Иди, забери! — приподымает его охранник над головами лесорубов.

— Выходи, возьми, отдаем! — шумит начальник.

— Поставьте и уходите! — слышен ответ из толпы девяти десятков заключенных.

— Дураки пьют чай с вареньем из самовара!

— Да я вижу, тут собрались все умные, поэтому и жрете собак! — говорит начальник.

— А ты нас заморил, вот мы и хрюскаем что попало!

— Мы работаем, а ты нас не кормишь!

— Отправь нас в режимную бригаду, там, на Яе, хотя бы нормы нет!

— Что, бунтовать вздумали? Да я вас всех под саботаж подведу (571)! — горланит начальник лагеря. — Старшина, установишь усиленный надзор за объектом зоны лагеря!

На рассвете вышел повар готовить баланду для лесорубов, вьюга, как назло, утихла, а вокруг усиленный надзор бдительно следит за действиями стряпухи. Покрутился-покрутился у котла и, не вынимая собачатины, залил водой; а проигравшимся не спится, выглядывают, шепчут повару, как там можно отрезать хотя бы кусочек, но повар засыпал нечищенный картофель, зажег дрова и

принялся кромсать на ходу мясо ножом, хотя там его уже мало осталось, а чуть попозже Минин и Жаворонков вытащили недоваренный собачий скелет и раскромсали, оставив тощим только кости.

Настроение в этот день у лесорубов превосходное, только и разговоров о вкусной собачатине, а некоторые и на работу прихватили кости, жгут у костра и грызут. И с работы пришли, о ней только и глаголят. Баламут даже «оду» под гитару посвятил собачке:

Собачка лаяла
На дядю-фраера.
Она кусаяла,
Ах, дядю-фраера... (572)

— Миша, как у тебя, собачка не скулит в курсаке?

— О-о-о... дорогой ты друг лубэзный! Побольше бы такой баландочки, знаешь, мне граммов двести мяса перепало.

— А Володе trebuха попала, говорит, кишка никаких калорий не выделяет.

— Болтай, болтай, тебе идет! Требуху ВОХРовцы на колбасы забрали! Это же дефицит — понимать надо! А если бы попалась, я бы не отказался, за милую душу проглотил бы и требуху, и кишки.

— Да кишки вкуснее, чем кедровые шишки! — говорит Мишанька.

— Братцы, да мы теперь на сто лет застрахованы от туберкулеза и всяких там бронхитов (573). Жаль, что только одна заблудилась к нам, — говорит Миша Жуковатый.

— Ну ты, паря, может, в медицине и силен, а в этих трокеуровских бульдогах (574) не разбираешься. Не заблудилась, а пожаловала в гости к нам.

— Сейчас они на карцерном режиме, их теперь охраняют усилнее, чем нас. Ох и попадет же дедугану-начальнику за эту собаку!

— О-о-о... братцы, вы посмотрите на него, какое сочувствие! Ха-ха-ха!!! Сейчас Минька наденет цилиндр и пожалует на прием к их светлости господину начальнику лагеря и от имени ста тысяч рогатиков принесет соболезнование по случаю кончины трокеуровских собачек на необъятном сибирском просторе.

(572) Вариант блатной песни «Собака лаяла на дядю-фраера».

(573) В народной медицине собачий жир традиционно считается лекарством от болезней органов дыхания, в том числе туберкулеза и бронхита.

(574) «Бульдоги», т. е. служебные собаки, именуются «трокеуровскими», очевидно, с намеком на повесть Пушкина «Дубровский», по мотивам которой в 1936 г. был снят кинофильм. Собакам на псарне у помещика Трокеурова жилось гораздо лучше, чем людям — его крепостным.

— А может, персонально собачкам принести соболезнование?..

— Там их всего две и осталось!

В лагере ежедневно остается двадцать-тридцать отказчиков. Начальник лагеря ничего с ними не может поделывать. На вопрос «Почему не вышел на работу?» все дружно отвечают: «Отправьте нас на Яю в режимную бригаду! Здесь нас заморили! Здесь произвол творится!» Утром после развода в тот день, когда утихли страсти о съеденной собачке, начальник лагеря позвал к себе Павлика:

— Слушай, Иванов!.. Ты здоровый, сильный парень, тебя в бараке все уважают и боятся... Я тебе скажу по секрету, даже наш человек боится на тебя доносить, говорит: «Доберется до меня и мокрого места не оставит, лучше от такого подальше держаться!» Вот такие дела! Почему я к тебе обратился? Впереди тебя ждет печальное будущее. Тебя ждет довесочек и режимные лагеря. Ты не смотри, что я старый хрыч, — я старый волк, я в НКВД всю жизнь работал, а сейчас на пенсии, но попросили меня сезонно поработать. Так вот, помоги нам, а я тебя постараюсь защитить. Наведи порядок в бараке! Больше четверти повальщиков и трелевщиков не ходят на работу. Если бы ты мог представить, какой это убыток государству!.. Страна после колоссальной военной разрухи залечивает тяжелые раны, нанесенные неслыханно жестокой войной. Каждый кубометр леса или дров нужен стране как воздух, который мы вдыхаем... А эта шпана устраивает здесь забастовки. Ты человек с понятием... Подумай!.. Я о тебе хорошего мнения, потому и обратился к тебе!

— Знаете!.. Это так неожиданно! Ведь стану старостой — и авторитет, как мыльный пузырь, лопнет. Зэки — это такой народ. В общем, я подумаю!

Целый день лежал на нарах, ворочаясь с боку на бок в кошмарном раздумье: «Не соглашусь старостой быть — на этих днях отправят на Яю за довесочком и лагерной статьей. Так ведь не будут держать, конвой ведь наотрез отказался брать на работу «бандюгу». А срок на вторую

половину перевалил, и снова начинай все сначала? Ой ты волюшка ты, воля!.. Голова ты моя полна опилок, до чего ж ты меня довела? Сколько грехов накопилось... А Сериков... откуда ты взялся на мою вьюжную голову?.. Да-а... Иного выхода нет! Это, может, спасет от второго срока! Я буду хорошим старостой, не таким, как Володя Буханов в горношорском аду (575)».

На разводе начальник лагеря прочитал распоряжение по лагерю о назначении в зоне лесорубов старосты. Как гром с ясного неба ошеломил лагерников этот приказ. Кто мог подумать — вчера активно помогал собачку прятать, под пулю охранника храбро становился, считали уголовники его своим в доску, и вдруг — староста.

После развода начальник лагеря со старостой зашли в барак, в котором осталось двадцать три отказчика.

Начальник лагеря опросил выстроенных в ряд изможденных до предела трехсоточкой теней. Староста молча наблюдает бессилие начальника; в его распоряжении нет обуви, а где и как промотали или проиграли эски эту обувь — до начальника это не доходит. Поговорил он впустую, взывая к сознательности тощих, на том и кончилось. Новый староста, сопровождая начальника из зоны, говорит:

— Гражданин начальник, а они правильную претензию предъявляют. Не имеете вы права их держать как отказчиков, им надо выписать паечку по разутости-раздетости. У вас же нечем их обуть и одеть?

— У меня в запасе ничего нет, кроме заактивированных (576) разбитых валенок, которые я держу для ремонта.

— Давайте так договоримся: вы выписываете четырехсоточки, а кто выйдет завтра на работу, тем в первый день выпишите самую большую паечку для поднятия духа, да и поддержка им нужна, уж очень они заморены. Договорились?

— Я-то согласен, — ответил начальник, — только из этого почина у тебя ничего не выйдет! Они привыкли уже лодырничать, их сейчас и пушкой не выкуришь из теплого барака.

— В общем, я объявляю, что с сегодняшнего дня вы прибавляете по сто граммов хлеба к пайке.

(575) Сомнения Павлика связаны с тем, что в среде заключенных старосты барачков считались пособниками администрации и стукачами, доносившими в оперчасть обо всем, что происходит в бараке. Кроме того, начальственное положение старосты давало ему возможность притеснять остальных обитателей барака. К старостам, как и к бригадирам, рядовые заключенные относились со смесью страха и презрения.

(576) Заактивированный — спиленный по акту.

(577) Цитата из песни соловейских заключенных «Ах, Москва, Москва, Москва, сколько ты нам горя принесла».

Когда начальник ушел, староста по-своему начал принимать меры. Собрал отказчиков вместе и заявил:

— Так, братцы! Что проходило сегодня — больше не пройдет!

— У-у-у!.. Сука появилась! — зашипел Толик.

— Да и самим вам неинтересно ежедневно получать трехсоточку как отказчикам.

— Трекай, трекай, знаем, куда гнешь!

— Молоток ты, Толя, много знаешь! Посмотрите, братцы, на кого вы похожи? Фитили разлюбезные! Каждого ветром качает. Так вот, братцы, есть выход! Кто ходит на работу — все на ногах стоят, меньше семисоточки никто не получает! Братишки, от чистой души вам говорю. Я сам доходил, ох как, братцы, доходил, ветром качало, через губу плюнуть не мог, знаю, как дорога крошка хлеба. Кстати, сегодня получите не трехсоточки, а четырехсоточки...

— Ура-а!!! Ура-а-а!!! — закричали отказчики.

— А что вас ждет впереди, до чего вы можете досидеться?

Ветер буйный там гуляет,

Мама родная не знает,

Где зарыт сыночек навсегда... (577)

— ...Большинство не ходит на работу по разутости-раздетости, свои шмутки вы продули в картишки, а теперь догораете. Я вам помогу найти выход... Вы прекрасно знаете воровской закон, что выигравший не имеет права оставить нагим и босым, без сменки... Так поступают настоящие законники. А с вами как поступили?.. Вы об этом подумали?.. Так вот, братцы, я беру на себя ответственность: подбирайте себе одежку и обувь по нарам! Я авторитетно заявляю — ничего вам не будет. А кто завтра пойдет на работу, получит самую большую горбушку. Ну а отказчикам остается в силе трехсоточка.

Большинство кинулось наперегонки копать в обогащенных одеждой уголках, находят свое проигранное и с радостью надевают. Но полуцветные не желают возвращать назад свои проигрыш.

— Ты за это ответишь, паскудина! — вопит Толик.

— А завтра, соколики, за большой паечкой!

Пришли с работы вантажисты (578) и подняли дикую кутерьму. Со злостью накинулись на нового блюстителя порядка, требуя возврата вещей, но староста заявил:

— Всю выигранную одежду и обувь я возвратил обратно проигравшим.

— Да ты знаешь, что ты на себя берешь?.. Пень неоскуренный!.. — рычит Вовка, у которого больше всех забрано вещей. — Да тебе кранты будут в порядочном лагере!

— Знаю, дорогой Вовочка, знаю, я не первый день замужем... Если у кого забрали лишние вещи или что числится, заявляйте — я прикажу немедленно вернуть! Они забрали свое! Ты же ходишь на работу и получаешь приличную паечку, а зачем же ты лишаешь своих братьев по несчастью такого удовольствия, пораздевал их? Карты-то кованные (579) у тебя, дай посмотрю!..

— Я каждой суке не доверяю свои картишки!

— Мы с тобой поговорим в ином месте! — шумит Толик.

— И еще, милые господа удавы... Предупреждаю!.. В дальнейшем запрещаю играть в карты под интерес!

— Слишком много на себя берешь! — вскипятился Минин, который до сих пор молчал.

Володя подошел к Павлику вплотную и вызывающе похлопал по животу.

— У-у-у... падло! Наел пузцо... чикнуть бы отсюда килограммчика два жирку.

— Топай отселе, замухрышка! Если тяпну разок между рог, за упокой твоей души панихиду будем справлять! А наел пузцо не за твой счет, и не на лагерной баланде отъелся, усек?..

Все те, кто корчит из себя цвет лагеря, отошли в угол, шушукаясь между собой. Посоветовавшись, разошлись по местам. Вовка и его младший брат затеяли между собой игру в карты на верхотуре нар, демонстрируя свое неповиновение новому блюстителю порядка. Старосте отступать некуда: попусти чуть-чуть — и все предприятие списывай насмарку. Он подошел к братьям, в бараке воцарилась мертвая тишина, все ждут, что же получится из этого поединка между вожаком блатных лесоповала и новоиспеченным старостой.

(578) Вантажисты (блат. жарг.) — шулера.

(579) См. прим. (490).

(580) Вариант этой притчи см. в песне В. С. Высоцкого «Притча о Правде и Лжи» (1977).

— Вовка, отдай карты!.. — настойчиво протянул староста руку к старшему брату.

— Эх ты, пес... мы же от скуки!.. Что же я, с родным братом под интерес буду играть?.. Лапоть ты ободранный!..

— Этот лапоть видел в своей жизни, как папа сыночка, а сыночек папу ложкой друг друга обыгрывали! Так вот!.. Не отдашь, будете оба бледный вид иметь! Обещаю карцерную пайку по трое суток за игру в карты в общественном месте, на первый случай. Поняли, лапти новые мои?..

— Ладно, — пряча карты, отвечает Вовка, — карты я не отдам, но играть больше не будем! Выть сейчас будем!

— Лады! Договорились!.. Только учти, я хохол, шуток не люблю и не признаю!

— Вижу, настоящий бульдог из тебя получился! А мы-то считали тебя за своего, а ты как был контрой, так и остался гидрой — в общем, сука ты!

— Ну, это как кому! А кто завтра вместо трехсоточки получит большую паечку и поймет, что это моя работа, совсем другого мнения будет обо мне. Вон, сегодня получили отказчики не трехсоточку, а четырехсоточку — это моя работа. А ты за свои тряпки держишься, как вошь за кожух. Как, бригадиры, верно я говорю насчет паек?..

— Да, да!.. — отвечает Кучеренко. — Есть распоряжение начальника лагеря: кто из отказчиков выйдет на работу, первый день выписать паечку кило сто, а там кто сколько заработает!

— Слыхал?.. А тряпки твои все с потрохами не стоят большой горбушки, правильно я говорю? А-а-а? Ну кто тебе за них кило сто даст?..

— Я в гробу видел твою правду! Ты забыл, что в лагере каждый как может борется за свое существование!

— Эй, ты, праведник! — говорит Толик. — Слушай: однажды правда крепенько уснула; подкрался вор в законе, раздел правду, а свои тряпки правде оставил. Проснулась она, покрутилась, покрутилась, делать нечего — надела тряпки. Законник ходит пижон-пижоном, а правда бегаёт по судам, ищет правды, но ее в тряпках никто не признает (580)! Понял ты, что такое правда?..

— Я понял, что эта правда на тебя смахивает! Ха-ха-ха!!!

Балагур Ваня хотя и не играет в карты, но он тоже против резких изменений в бараке, да у уголовников и не положено поддерживать всяких там придурков, да еще контрика. И он протестует песней:

Но если на работу мы пойдем,
От костра на шаг не отойдем!
Жгем и палим рукавицы,
Перебьем друг другу лица,
На кострах все катанки пожгем (581)...

— Иди, Павлик, в шахматишки поиграем! —
первый раз на лесоповале предложил Кучеренко.

— Давай одну партийку сыграем, больше не могу,
видишь, смотри да смотри за этими «полувцветными».

— Ты парень ого-го!.. Прижал этих «гоп со смыком». А наговорил ты на себя тогда на проходной Яи, что я подумал, ты тоже «жу-жу».

Во время игры бригадиры предложили перейти в их кабину: «А то, чего доброго, по сонникам тебя срабуют (582)!» — говорит бригадир-трелевщик, опытный, битый, старый лагерный волк.

— Нет, дорогие генералы! Нельзя мне уходить из барака в вашу конуру. Только уйди, сразу скажут: «У старосты поджилки затрепетали!» Пусть лучше меня боятся, поэтому я остаюсь на старом месте. Пройдет десяток дней, и все перемелется и переживется.

К великому удивлению начальника лагеря, на следующий день большинство отказчиков вышло на работу. То, что не в силах сделать он, сделал лагерный придурок. Осталось в лагере трое обмороженных, избитый пильщик да четверо жучков во главе с Толиком. Они не желают надевать проигранную одежду, так как это, по их убеждению, противоречит воровскому закону. Ушли лесорубы на повал, и староста принялся одевать непокорных отказчиков. Трех одел с горем пополам и отправил пилить дрова у вахты. Только Толик упрямо сопротивляется — то слишком рваная телогрейка, то валенки тесны и дырявы, то вообще ему не положено работать, то «давай я надену твою шубу, тогда на работу пойду, у тебя же их две и обе выигранные в карты!» Староста ответил, что это гражданская одежда, а не лагерная. И когда вытолкнул его к пильщикам, он начал выступать:

(581) Вариант блатной песни «Начальник Барабанов дал приказ», исполнявшейся на мотив «Гоп со смыком». Катанки — валенки.

(582) Т. е. нападут на спящего (блат. жарг.).

(583) Из песни соловецких заключенных «Ах, Москва, Москва, Москва, Москва, сколько ты нам горя принесла».

(584) Здесь: отвечает, огрызается. От морского термина «репетовать», означающего «повторять услышанную команду или сигнал».

Про это знает только один лес,
Сколько там творилось чудес!
На пеньках нас становили,
Раздевали и лупили,
Ну а больше вам не расскажу... (583)

Но понял, что его слушает только холодный зимний ветерочек с трескучим морозом, неумолимый часовой на вышке и еще такие же горемыки, как он, которые покорно пилят, колют и складывают, и не прокурора, а свою судьбу да старосту проклинают, и присоединился к работающим ребятам.

Староста подошел к избитому пильщику и протянул ему свою паечку хлеба.

— Я брат, тебя изрядно избил... извини меня! Я бил тебя, а имел в виду совсем иного обидчика из Горношории. Однажды меня смертельно обидел шкодник, да так, что я еле-еле в бушлат не сыграл. Долго не мог тогда я на ноги подняться. Признался бы сразу, и я бы тебя простил, я же тебе говорил.

— Растерялся я! Окружили меня... все смеются, а я же понимаю почему, на голове волосы шевелятся, ведь крошек на зубах не было, это точно я знал, а о чернилах я не подозревал. А тут как будто против меня весь честной мир взбунтовался, шутка ли? Вот я и оробел, думал: чего они гогочут? В глазах даже зарябило. Ну ничего, заживет.

Вечером, когда пришли с работы лесорубы, снова под руководством Толика собрались жу-жу на совещание.

— Ты что, пятисоточкой сегодня недоволен?.. Так отдал бы ее вон Юре. И вот послушай: я видел таких духарей в Горношории!.. И вот что, милые законнички, разойдитесь по своим местам! И усеки себе, дорогой Толик, — мне даны огромные права. Если я их применю, тошно будет, так что давайте дружно жить!

— В брянском лесу тебе серый волк друг! — снова репетует (584) Толик.

Ваня Баламут завел грустную песенку:

Заболеешь, братишка, цингою,
И посыплются зубы твои!
И в больницу тебя не положут,
Потому, что больницы полны... (585)

(585) Из блатной песни «Кто про Север далекий не знает».

(586) Т. е. «да или нет»?

(587) Косить (лагерн. жарг.) — здесь: добывать обманным путем.

На третий день старостования жулье организовало саботаж — никто не принес с объекта работы дров.

— Господа удавы! Вы не принесли дровишек!..

Сегодня я организую отопление барака, но если и завтра не принесете с объекта работы дров, то будете спать в холодном бараке, не буду штопать и латать вам заплатки, тогда посмотрим, чей козырь будет старше. А вы, бригадиры, куда смотрели? А-а-а?.. Что, я вам тоже как бельмо на глазу? Что, вам плохо, когда работяги сухими идут на повал? Скажите!.. Я быстро сдам портфель!..

— Сдавай!.. Катись!.. Не воняй здесь!.. — зашумели жучки.

— Что ты! Что ты!.. Мы довольны тобой! И большинство бригадников так говорит.

— Ну, а раз правильно я вас понял, то прошу принести не только дровишек, но и трехметровых жердей с руку толщиной, желательно березовых. Я хочу устроить в бараке сушилку работягам, по-над печками и нарами повесим, и сушилка готова.

— А как ты подвесишь?

— Да дырки пробью или просверлю в потолке — и крепление готово. Проволоки шестимиллиметровой вон достаточно у трелевщиков.

— Ну ты рационализатор! Мы тоже калякали между собой насчет сушилки, а до жердей не могли додуматься! Ну ты голова!

— Да какая там голова? Америка давно уже открыта. Просто житейский опыт, братцы. Так сушили у нас одежду на лесоповале в Горношории. Я же не вчерашний! Ну а Вовочка что скажет? Голова или хвост (586)?.. — подначивает его Павлик.

— Да пошел бы ты, сука, в шашлычную!..

У котла при раздаче баланды был хаос, все лесорубы толпились вокруг, при раздаче косили (587) баланду, часто более слабые оставались без законной порции, а кто

смел — тот две съел. Это нравилось тем, которые проиграли свой рацион; они умудрялись получать по два и три раза. Приходилось повару следующего дня поживе разводить баланду и рассчитываться с теми, кому не хватало. Староста приказал повару раздавать побригадно и соблюдать очередь строго цепочкой, а повару выдавать порции по количеству бригады.

Калькулятор Ваня Козлов живет с бригадиром в отдельной комнатухе. Когда бригады ушли на повал, он позвал к себе в уютное гнездышко старосту и таинственно зашептал:

— Смотрю я на тебя и думаю: смелый ты парень... Колыхни (588) вот эту калькуляцию, посмотри в отчетные ведомости! Нам выдают только половину тех продуктов, что выписывают.

— А бригадиры об этом знают? Чего же они молчат?

— Да ты же не маленький, сам понимаешь: скажи — и на общие загремишь, а кому охота доходить?..

— Так вы решили стрелочника найти? Так я вас понял? — психует Павлик.

— Да ты не кипятись! Ты смелый, правдивый, и тебя, я вижу, начальник уважает!

— Оказывается, много ты видишь и знаешь. Дорогой Ванечка, у этого смелого, у этого праведника большой хвост прицеплен. Я не могу от него отделаться. Мне второй срок пахнет. А ты «колыхни»! По секрету тебе признаюсь, только из-за этого и согласился старостовать. Понял?..

— Да что тут непонятного, все ясно!

— Вот и отлично, что ты парень сообразительный!

Текли деньки тихо, мирно, спокойно. Есть сушилка, две скамейки, стол между печек. Любители забивать козла сделали себе домино, шашки, только лагерное жулье косится на старосту, им не по нутру новые порядки. Но как ни следит староста, а Вовке продолжает поступать дань: то пайку, то баланду несут — и здесь староста бессилен что-либо предпринять, ведь это же по обоюдному согласию, вмешаться — в дураках останешься.

Через месяц старостования приехал из Яи за Павликом старшина, похожий на гориллу. Начальник лагеря еще до назначения старостой подал рапорт: об избиении пильщика и о том, что охрана отказалась конвоировать неисправимого «бандюгу». Но начальник лагеря уже пере-

думал отдавать своего верного пса и написал в третью часть (589) объяснительную записку. С ней и уехал надзиратель-великан.

Ночью напролет не спит староста, все думает и передумывает: в нем живут и борются два Павлика. Один думает, как себя оправдать за то, что он изменил своему убеждению «В волчью стаю попал — по-волчьи и вой!» Он мучается, переживает. Не так давно он сам презирал и ненавидел всех лагерных придурков, а теперь? А другой Павлик говорит, что он делает только хорошее, выгоняя на работу изможденных. Он им жизни спасает — вместо ежедневной трехсоточки и один раз жиденкой шулюмки они получают систематически не менее семисотки и два раза в сутки баланду. Староста чувствует, что его старостование в тягость, он чувствует свою вину перед жульем, которое он безбожно зажал. С другой стороны, он сам любитель поставить на карту. И какое-то упрямство в нем живет и торжествует. «Пайка — это кровь лагерника, — заявляет он, — и ее должен съесть только тот, кому она выписана бригадиром».

— Подумаешь, теоретик нашелся! — злится Вовка. — Шел бы к себе в конуру к бригадирам и не портил бы здесь воздух!

«Я не такой жестокий, как Володя Буханов из Горношории, — все думает и думает во мраке ночи староста. — Стараюсь высушить одежду, обувь. Надо встать, подкинуть дровишек в «сибирячку» и посмотреть, чтоб мокрой одежды не осталось, чтоб шли на повал сухими ребята. Потом надо разбудить помороженных, освобожденных от работы ВОХРовским врачом, пусть починяют рваную одежду. О горе, горе мне, опять заноят: «Мы освобожденные, и не имеешь права! Караул! Произвол!» А тем, кто не освобожден, им что, легче, что ли?.. Работяги по объявлению старосты повешали на краю нар свое рванье и спокойно спят, надеются, что староста не подведет. По правилу, начальник должен выделять людей на ремонт, но он жульничает, а лишённые свободы расплачиваются своими ребрами и журчанием желудка. Надо еще выпросить у этого мародера заактивированных простыней или мешков для портянок братве, совсем полунагие ходят на работу. Если бы этот мародер не грабил продукты у заключенных-лесорубов, существование и здесь было бы сносное. Какой

(589) Третья часть — оперчасть лагеря, которая занималась, в частности, расследованием внутрилагерных преступлений.

(590) По-видимому, анахронизм. Маловероятно, что в начале 1946 г. рядовой заключенный мог иметь представление о катастрофических последствиях атомной бомбардировки Хиросимы.

(591) Сланце-кварцевый гранит — несуществующая горная порода, контаминация, образованная смешением названий двух твердых пород — кварцевого гранита и кварцевого сланца.

позор: вор у вора баландочку ворует. Вот это и я понимаю — вор в законе! Ворует, а на свободе, да еще командует тобой... «Стране нужен лес!..» Ах ты гнида паршивая!.. О-о-о!.. Если б не большой хвост!.. Наплевал бы я на все с девятого этажа и спокойно валил лес. О-о-о... Па-ра-зи-ты!.. Даже этого удовольствия лишили меня! Да-а-а... брось только старостовать — и новый срок как из пушки преподнесут! Что делать?.. — сидит у пылающей печки, рассуждая сам с собой. — Не с кем и посоветоваться... Где вы, мои друзья?.. Митя Дрокин, Нюрочка синеокая... А она тоже хороша — привезла передачу, а ее не приняли в режимную бригаду и даже в свидании отказали, и она крылышки опустила. А теперь за все время только два письмеца прислала. Что же она, не знает — посылкой послала бы, назад не вернули бы. Все собирается приехать... Но как сюда в зимнюю пору доберешься? У нее до поезда, сюда от поезда больше суток надо топтать на своих воронях. Нет, я прав, что написал: «Не беспокойся, дорогая, я живу неплохо по сравнению с другими заключенными». Если бы она знала, что я старостой заделался, презирала бы или нет?»

То мелькнет в голове мысль, чтоб не дойти до такого состояния, как в Горношории доходил.

— О-о... это была бы настоящая Хиросима (590). Но надо остаться жить, чтобы поведать мамаше, самому дорогому человеку на всем белом свете, о муках, перенесенных в каторжных лагерях. Пройдут годы, настанут дни такие, когда нас оправдают и назовут «великомучениками двадцатого столетия». Что же не дают возможности трудом зарабатывать пайку?.. Проклятый Сериков, это он виноват в моем ухарстве... И не отлупишь, не к лицу старосте этим заниматься. О, проклятая уздечка, надели все же на строптивца, хотя бы уснуть, черт возьми! Недаром говорят: «Чтоб спокойно спать, поступай справедливо и честно днем». Но как?.. Как?.. А может, так и надо с этими шики-брики, за ними нужен надзор и надзор. Брось только старостовать, и снова на вред себе будут от работы увиливать, проигрывать всю одежду с себя. До уголовников не доходит, что, только работая на сто процентов,охранишь себе жизнь».

Но это ночные мытарства, ночные муки и страдания, а утром староста становится твердым в своих поступках и распоряжениях, как сланце-кварцевый гранит (591).

В марте 1946 года из Яи явились два вооруженных конвоира за Павликом.

— Тебя вызывают в УРЧ, пришла какая-то бумажонка из Москвы, распишешься и вернешься назад.

«Что за бумага? — думает староста. — Я же никогда в жизни никаких жалоб, никаких кассаций не писал. А может, из дому прошение подавали о помиловании? Может, срок сократили?» Захватив с собой один чемодан, отправился под конвоем в далекий снежный путь. С Павликом на подводе едет и Ваня-калькулятор — для отчета и за продуктами. Почерневший снег лежит еще нетронутый, но солнце дает о себе знать, что идет весна, — это не свежий снег, а какой-то рыхлый, напитанный влагой, словно мокрое одеяло, хоть бери да выжимай — и потечет вода.

К той пересыльной деревушке, которая на пути между лесоповалом и Яей, пришли к заходу солнца, и вновь пустили ночевать в избу-читальню.

— Давай руки назад, наручники наденем! — говорит конвоир.

— Что такое? — возмутился Павлик. — Я не позволю себе наручники надевать!.. Если вам угодно, можете так убивать! Мне жизнь — копейка! Странное дело, нас двое заключенных, а наручники одному. В честь чего это такое внимание мне?..

— Да калькулятор расконвоированный, мы за него не отвечаем! Никто тебя, дурачок, не собирается убивать. Но мы же тоже люди, должны же отдохнуть ночью? А от тебя, субчика, всего можно ожидать!.. Ты же такой, что побить нас запросто можешь! Вон, на Яе пять гавриков не справилось с тобой!

— А как вы вдвоем хотите справиться?.. Там стоял вопрос для меня: «Жизнь или смерть!» Так вот, дорогие мои укротители или, вернее, надзиратели, никуда я не побегу, даже если гнать будете. У меня уже срок на вторую половину перевалил. Я мечтаю отбыть срок и хотя немножечко пожить на воле. Я же еще ни грамочки не жил на загадочной свободе и не представляю, как там живут... Вот такие-то колюасы (592), охраннички мои дорогие! А вообще, за мой срок у меня много было благоприятных моментов для побега, но я не дурак, я не побегу!

(593) Кармелюк У. Я. (1787—1835) — украинский крестьянин, беглый солдат, предводитель ряда крестьянских восстаний на Подолье в 1814—1835 гг. Прославился многочисленными побегами из тюрем. Популярный персонаж народных легенд. В 1938 г. режиссером Г. Н. Тасиным был снят художественный фильм «Кармелюк».

— А ты давно сидишь?..

— Ха-ха! Да вам, вероятно, больше моего известно, сколько я просидел! Вы же, отправляясь сюда, от корочки до корочки проштудировали мое дело! Но я знаю, что далеко не убежишь, на каждого заключенного имеется НКВДист и впридачу по надзирателю, а на таких как я — два сразу, я, конечно, пальцем не буду тыкать!
Ха-ха-ха-ха!!!

— Тогда вот что, дорогой, имей сознание — давай хотя бы на одну руку наденем наручники, а второе кольцо прикрепим вон к той гире. Тюрин, неси ее сюда!

— Ну ладно, черт с вами... спите спокойно... Вероятно, за меня дня по три отгулов заработаете. А вообще, я не из тех, кто бегаёт!

— Ага!.. А на Яе с этапа?.. Не ты ли драпал?.. Шестидесять надзирателей искали и не нашли! Где же ты прятался, интересно?

— Так я вам скажу! А вообще, сравнили шило с мылом... Это же было дело в лагере! Какой же это побег?..

Наручники, видать, еще царского происхождения, кованные каким-то кузнецом-умельцем, возможно, еще крепостным, замки внутренние, соединительные кольца с контрфорсами. «Да-а-а, — думает Павлик. — Может, эти наручники на руках Кармелюка (593) побывали? Их еще хватит на тысячу лет! Сколько же каторжан перевидели, пережили и угробили эти наручники?.. А теперь мне достались! Достукался, Павел Батькович?.. Великий государственный преступник...»

— Наш начальник Цыганков на политзанятии в пример тебя ставил, говорил: «Не рассматривайте в нем только отрицательные стороны, у него есть и положительные. Ему предложил оперуполномоченный доносить на своих жильцов в бараке, а он ответил: «Я не стукач»! И держали его в стройчасти под усиленным наблюдением десятника, несколько месяцев в режимной бригаде на пол-литровой похлебке, которую и свиньи не будут хлебать, и пятьсот граммов хлеба на сутки, и мы специально наблюдали за ним, — говорит Цыганков, — и он не просился, хотя оперативник говорил ему: «Надумаешь, придешь!» Наш начальник Цыганков пари выиграл у оперуполномоченного. Так он нас предупредил: «Смотрите, — говорит, — в целости и сохранности доставьте его на Яю».

(594) Из стихотворения

А. Д. Клещенко «За что?» (1989).

За месяц доплывали на работе
 Так, что не поднимались после с нар,
 Кандея нам давали трое суток.
 Потом, чтобы не врезали, без шуток
 Тащили на руках в стационар...

Анатолий Клещенко (594)

В бараке Павлик представился старосте и занял место на ночлег. До отбоя еще порядочно времени, и лесоруб по старой привычке побежал к уголовникам. Весело вошел он в барак бравой походкой и по старой памяти зашумел:

— Здорово, братцы-кролики!

В бараке гробовая тишина. Кто взглянул в его сторону, отворачивается. У Павлика, что-то оборвалось внутри. Прошел в бараке, никто не обращает внимания: «Неужели знают о моем старостовании на лесоповале? Но как они узнали?.. Ни один лесоруб не попадал на Яю после моего старостования». И вдруг голос:

— А-а-а!.. Это староста собственной персоной явился!.. Мое вам с кисточкой!.. — нарушил тишину Мустафа. — Очень рад вас видеть!.. Братва, прячьтесь под нары, а то он куму сейчас донесение пошлет, кто в карты играет! Сдайте ему карты!..

— А мы за тобой лапоть послали! — шумит кто-то. — Не встречал его по дороге сюда?..

— Не воняй здесь, псина! Уходи из барака!..

— Тебе здесь делать нечего, контра недобитая!..

— Подумаешь!.. Законники нашлись, — иронически говорит Павлик, соображая, как отсюда ноги унести без приключений, он ведь убежать не привык. — Тоже мне, шики-брики! Будут учить, как мне жить! Поутюжьте с мое в лагерях, потом учите!

А ропот усиливается и даже переходит в сумасбродное негодование.

— Корчил там из себя туза козырного!

— Позажимал всех наших, гидра ползучая!..

— Топай отселе, пока рога целы!

— Тоже мне, вшивота, вздумали права качать!

Ну и до свидания!.. Я таких духарей видел под нарами в порядочных лагерях!..

Напустив на себя спокойствие, направился к выходу, ожидая с секунды на секунду догоняющего удара какого-нибудь увесистого предмета. Расстояние до ветхих дверей показалось длиннее, чем с лесоповала до Яи. Уже открыл дверь, уже перешагнул порог — наконец закрыл и с огромным напряжением облегченно вздохнул, вытирая холодный пот с лица и лба. Только закрыл дверь, в бараке поднялась такая кутерьма, такой тарарам, что страшно оглянуться назад. «Дела... — соображает Павлик, возвращаясь в барак болтунов. — Ну и наплевать!» «А что, если догадаются? — лезет печальная мысль в голову. — Тогда меня ждет тяжелая участь гонения, презрения, издевательства — почище, чем у Рассосётсё из Горношории».

Вошел в барак контриков, навстречу идет лучший друг Митя Дрокин.

— С приездом тебя, дружище! — весело улыбаясь, протянул он руку. — Какими судьбами?..

— Здорово, парнище! — и крепко-накрепко пожали друг другу руки. — Говорят, из Москвы что-то пришло в УРЧ. Пригнали расписываться. Но я удивляюсь, что может прийти? Я ведь никакой жалобы никогда не писал!

— Да-а-а... интересно... Ну что, давай по старой памяти на сон грядущий сразимся в шахматишки?

Когда партия перешла в миттельшпиль (595), повели задушевную беседу два друга.

— Рассказывай, как там на лесоповале, тяжело или нет, какая норма? Как ты там жил? Вообще, выглядишь неплохо. Говорят, ты там старостой заделался?..

— О-о-о... И здесь уже знают? Эх, Митя-Митя, как часто я тебя и Нюрочку вспоминал! Где вы, мои задушевные друзья?.. Не с кем было и душу отвести, излить наболевшее, не с кем было и посоветоваться! Кругом уголовники, кругом жулье, так и смотри, чтоб паечку не потянули. Один был контрик — Кучеренко. Помнишь, такой мощный, неуклюжий? А как стал бригадиром, нос задрал там поначалу и про шахматы забыл. Лишь когда я старостой стал, то играли. А до этого боялся со мной якшаться. Ну, ты знаешь, Митя, опять же я сам виноват, наговорил я на себя, что я первым лодырем буду в бригаде, мол, «от работы кони дохнут». Вот он и избегал меня, чтоб я не попр-

(595) Миттельшпиль — основная стадия шахматной игры, следующая за дебютом.

(596) По-видимому, речь идет о строительстве будущего города Находки, который связывался с именем секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Жданова, поскольку по его докладу на заседании Политбюро весной 1939 г. было принято решение о строительстве на базе поселка Бухта Находка нового портового города.

(597) Вариант блатной песни «Зачем я встретился с тобою?».

сился к нему под крылышко. Ой, Митя-Митя, мало того, что я здесь натворил, еще и там добавил, голова ты моя два уха, а в голове-то мозгов нет. Доходит до меня только тогда, когда наделаю сам себе шкоды. Возможно, пригнали меня сюда за довесочком. Там у кума на меня уйма рапортов.

— Говорил я тебе: «И иди в слесарную мастерскую на старое место»! Не послушал, а у нас и сейчас плохо обстоит дело со шпульным колпачком. Миша, твой сменщик, освободился, а новеньких никак не приучат их делать. А сколько ты так, по-честному, между нами говоря, делал в смену колпачков?

— Митя, это зависит от структуры металла — если хороший металл, то мог шестьдесят штук в смену сделать.

— Да-а... слушай, идет слух, что этап в изоляторе собирают на Дальний Восток, строить новый город Жданов (596).

— Может, меня туда и назначили. А в слесарку мне нельзя, там надо по одной досточке ходить. Это не по мне! Да знаешь, сколько у меня завелось врагов в этом прекрасном лагере? Все уголовники, вся надзорслужба — всем я прилично насолил. А Цыганков, начальник надзорслужбы, как он меня поддержал, как он меня выручил! А теперь, я уверен, он разочарован во мне и будет при каждом удобном случае мстить за то, что ошибся во мне. Нет, дорогой мой милый друг, мне край нужно уйти на этап из этого хорошего лагеря, если еще не поздно. Это единственный выход для меня. Да еще эти чудачки Цыганков и оперуполномоченный поспорили на меня, как на подопытного кролика, и оперативник проиграл Цыганкову какое-то крупное пари из-за меня. Ты представляешь, что это значит для меня? Это мне конвоиры по дороге из лесоповала рассказали. Митя, да он же из меня душу вытряхнет! Так-то, дорогой ты мой дружище, Друг с большой буквы, спасибо тебе за все. Знаешь такую вот песенку:

Пройдет весна, настанет лето,
В полях цветочки зацветут,
А мне, несчастному бродяге,
Цепями ноги закуют.

Возьмет конвой меня жестокий
И повезет в далекий край... (597)

— Ну ты не напускай на себя траур!.. Прорвешься! Ты знаешь, нашли твой склад шпульных колпачков после токарной обработки. В станке, в станине (598) подполье у тебя было. Вот почему ты сдавал по триста процентов, когда хотел! Вот смеху было! Там была почти месячная норма спрятана. А Доколенко говорит: «Ну и артист!» Что-то плохо ты стал играть в шахматешки, дружище, никакого сопротивления с твоей стороны. Вторую партию продвнешь! Это на тебя что-то непохоже...

(598) Станина — массивное основание станка.

— Настроение, Митя, печальное... Зашел я по старой памяти к уголовникам, так меня с треском и улюлюканьем проводили оттуда. А как уважали, я же у них свой был!

— Друг ты мой милый! Ты с этим омерзительным сбродом не якшайся! Я тебе говорю как лучшему другу. Твоя связь с ними — основная причина твоего ухарства и буянства. Оно тебе не к лицу, такое бесшабашное поведение. Смотри, как я тихо, спокойно работаю, и срок потихоньку продвигается. Подрабатываю: то зажигалочку сделаю, то портсигарчик смастерю — и прибавочка к паечке. Изредка посылочку получаю из дома от родителей. Так у меня ведь срок десять лет, не то что у тебя восемь. Получишь лагерную статью — забывай тогда о свободе, здесь и могила твоя! Давай спать ложиться, все равно, я вижу, ты сегодня ни одной партии не выиграешь.

— Я с тобой, Митя, согласен, только что я могу с собой поделаться? Натура у меня такая паршивая! В общем до завтра, Митя!

Среди ночи поднялся невероятный тарарам в бараке.

— Держи ее!.. Держи!.. — кричит кто-то спросонья.

— Улю-лю-ю-ю!..

— Что украли?..

— Ха-ха-ха!!!

Приоткрыл Павлик спросонья глаза и видит бегущую к выходу девку в одной грязной нательной рубашке, смахивающей на комбинацию, а вдогонку ей летят один за другим сырые валенки.

— Что случилось, Петя?.. Чего воюешь с девкой?..

— Обворовала, что ли?.. — спрашивает Кныш.

— Да ну ее, замучила! Ломается, ломается, как ржаной пряник! Я и так, я и сяк, а она ни в какую, говорит:

«Раз побаловались и будя!» Чего же она приходила, клопов давить, что ли?.. Или честной себя поставить после седьмого аборта?

Долго еще после этого не утихали шутки и прибаутки в адрес «ненаглядных цыпочек». Оказывается, и в бараке шептунов иногда веселятся сухари.

В комендатуре дежурит тот самый старшина-великан, который приезжал за Павликом на лесоповал.

— А, староста собственной персоной явился! Назначили тебя, дорогой, на этап. Отведи его, Петров, в изолятор, а то это такая птица, что может улететь и явится, когда этап отправим!

— Ни на какой этап я не пойду! Зачем меня обманули, что в Управление рабочей частью вызывают расписаться? Мой чемодан с собственными вещами остался на лесоповале и полностью постельная принадлежность! Что, вы хотите меня промотчиком сделать? Как это все называется?.. А-а-а? Я вас спрашиваю!.. Белая дубленая шуба и прочие шмутки!..

— А это что на тебе?..

— Надень, милый, очки — это черная дубленка гражданская, а то белая армейская... личная собственность! А личная собственность законом защищается!

— Да ты как нэпман!

— Нэпман не нэпман, а все мое, без отца нажитое! Да я через день кровную паечку не ел, все копил, а вы хотите обманом отобрать. Что, ВОХРовцев нечем одевать?..

В этот миг начальник надзорслужбы приоткрыл дверь собственного кабинета:

— Иванов, зайди ко мне!..

Новый этапник зашел агрессивно настроенный, не ожидая ничего хорошего от предстоящего разговора. У старшего лейтенанта, как и всегда, светятся добротой глаза.

— Садись вон на свободный стул, — у вошедшего мигом гнев куда-то рассеялся. — Слушай меня внимательно! Вещи твои, я распоряжусь, — привезут! Сегодня туда поедут за собакодами...

У Павлика мигом пронеслась мысль: «Калькулятор — стукач, больше некому. Это он и уголовникам раззвонил о моем старостовании. У, гнида двуличная! Подонок! Как же я выпустил из виду: он же расконвоированный, следовательно, обязательно стукач, и каждый божий месяц ездил на Яю за продуктами. Как же передать на лесоповал? Да он же, паскудина, все на меня свалит там, на лесоповале. Вот уж верная поговорка: «На кого бог — на того и люди!»

— Советую тебе, не выбрасывай никаких коников (599)! Пойми меня... У оперуполномоченного скопилось на тебя столько разнообразных дел, что на три срока хватит. Тебя спасло только одно то, что ты навел порядок на лесоповале. Иди!!! Собирайся в изолятор, там скучать не будешь, там уже сидят в ожидании этапа злостные рецидивисты. Короче говоря, постарайся свои последние дни на Яе вести [себя — примеч. ред.] тихо, чтобы было незаметно, что ты существуешь. Особенно не избивай никого, не твори самосудов! Надеюсь на твою выдержку, самостоятельность и на твой разум! Через два часа чтоб был на месте. Давай, жми! Думаю, с марухами не будешь прощаться — это не в твоих интересах! Кстати, как там твоя бабка?

— Освободилась она, гражданин начальник.

— Ну-у, будь здоров и не кашляй!..

— Спасибо за совет, начальник! И вообще, за все большущее вам спасибо! Будьте здоровы!..

«Наконец-то я его раскусил, — шагая в барак, рассуждает этапник. — Доброта его — это тактика его работы. Он воображает, что таким подходом к заключенным превосходит остальных своих сослуживцев по работе. Возможно, оно и так... иной бы и не поверил заключенному, да еще такому, который дикие номера выкидывает, и отправил бы под усиленным надзором в изолятор, а он уверен, что сам пойду туда, да еще через два часа».

В изоляторе уже собрано человек пятнадцать мужчин в одной огромной камере и десятка два девчат. Камеры смотрят друг на друга своими открытыми дверями. Девчата, собранные на этап за плохое поведение и воровство. Особенно строго — за хищение государственной собственности на фабрике.

Среди этапниц старая знакомая, режимница Зина.

— Павличок, а тебя и лесоповал не берет, каким ты

(599) От украинского выражения «викидати коника», означающее неожиданную выходку.

(600) Из блатной песни. См.: Фрид В. С. Женитьба Гоголя. Сочинение Островского // Театр ГУЛАГа. Воспоминания, очерки. Сост. М. М. Кораллов. М., 1995. С. 107.

(601) Пройти бортом — не получить желаемого, потерпеть неудачу (блат. жарг.).

(602) Тити-мити (жарг.) — деньги.

был, таким и остался, даже пополнел и посвежел... А этап-то на север собирают, мой ненаглядный милочок... — восторженно лепечет Зина.

— Чему же ты, дуреха, радуешься?..

— А там нашего брата мало, не жизнь будет, а малина! Пока не отказываю, не теряйся! Пользуйся моей девичьей красотой, а там, знаешь:

Начальничку надо дать,
Помощничку тоже... (600)
А ты бортиком пройдешь!.. (601)

— Зинуха, ты тоже в режимной полгода, а в форме держись. Если не секрет, дай мне рецептик от доходиловки!

— Какой тебе еще рецептик? Ты и так дай боже! Ну какой здесь секрет? Я ежемесячно получаю от «милых сухариков своих родителей»! Ха-ха-ха!!! На фабрике я работала кладовщицей, я же технически грамотная, отпускала обмундирование на фронт. А там никакой ревизии, никакого контроля за мной не было. Из охраны кому лень, тот только у меня не брал. А если они берут, то и я не терялась. Одному снабженцу-жулику, майору НКВДисту, за бесценку отпускала всегда лишней тюк-два обмундирования, вот и накопила несколько тысконок и позашивала в нескольких местах от надзирателей и шмонов. Во время свидания с мамашей передала ей пять тысяч рублей, так что там есть на что передачи носить. Даже на фабрике у склада зарыто пять тысяч рублей. Но все равно никому не признаюсь, где они, пусть лучше сгниют.

— Майор — жулик, а ты жулька! — смеется Павлик со своей подружкой.

— Не мешай, Павличок, врать, одному только тебе открываюсь, как на исповеди. Вот как я тебя люблю, мой ты ненаглядный соколик, а я же еще ни разу тебя не поцеловала, ну держись, я к тебе доберусь! К сожалению, меня разоблачили как расхитительницу — и вот я клопов угощаю своей кровью уже несколько месяцев. Я же не человек, а заключенная, мне и бог велел воровать. Нормально кормили бы — и грамма не тронула бы! Но запас не безграничен, сначала я ежедневно прикупала по две паечки, а сейчас уже тити-мити (602) подходят к концу. Это благода-

ря такому лагерю, где не шмонают как следует, я продержалась полгода в режимке, вот тебе рецептик.

— Так вот почему тебя в режимке бессрочно маринуют, а я думал, за твои похождения в мужской барак.

— Какие похождения? Какие похождения? Тебе наговорят! Кум сказал: «Чтоб тебя не судить за расхищение государственной собственности, притом по военной статье (603), промаринуем мы тебя в режимной бригаде до первого этапа». Он был уверен, что я невинная овечка, я дурочкой прикинулась. Вот такие-то бублики, миленький Павличок. Здесь, в этом проклятущем кобыльем дворе, мужчинам лафа — на какую показал, та и идет с ним, а нам какво? Полно красючек, которые еще и сами кормят своих утешителей, чтоб поиметь удовольствие... Павличок!.. Ми-лень-кий! Род-нень-кий!.. Может, мы в последний раз встречаемся с тобой вот так... Пойдем в пустую камеру, побалуемся, ну чем я плохая?.. Посмотри на меня, соколик!..

— Да не плохая ты, Зинуха! Даже в жены взял бы тебя! Ух, каких бы ты богатырей мне нарожала, ты при здоровье, я тоже! Но о тебе плохая слава же по лагерю идет!

— Ой, соколик, как обидно от тебя такое слушать, любимый ты мой котик! Там, в двенадцатом бараке, куда я ходила, один кашалот, ну чистый зеленый крокодил, всю дорогу приставал ко мне. Ну, я отказывала горилле, вот он и конфузил меня. Я к Грише — а он с доносом в комендатуру, я к Грише — а он к надзирателям. Я говорила Грише, чтоб он проучил этого кашалота, а он отвечал мне, нюня чертова: «Буду я из-за бабы бузу поднимать! Да меня засмеют!» Это тот кашалот и пустил по лагерю слух, что меня в очередь пропускают. Одному я была верна, но он освободился. Так-то, миленький, пригоженький, буза все это на постном масле! Я, Павличок, давно с мужчинами не была! Ты же знаешь, я же в режимной всю дорогу, а здесь одни старики да фитили, не с кем здесь грешить, да разве это грех? Это жизненная необходимость! Павличок, я никогда в жизни никого не просила, а тебя прошу, идем в пустую камеру!.. Да ты мне по ночам снишься, милый соколик!

«Да, — думает Павлик, — вот скоро угонят за тридцатое царство снега и пурги, и запевай, Павел Иванович, возможно, там в деревянный костюмчик приоденут!»

(603) Речь идет о Постановлении ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» (оно же «указ семь-восемь», «закон о трех колосках»), применение которого расширилось и ужесточилось в военное время.

(604) Рога как символ воли, наглости и агрессии присутствуют во многих блатных поговорках.

— Пойдем, Зинуля, сообразим что-нибудь.

У каждого богатого этапника имеются по два чемодана или солидный вещевой мешок, набитый вещами и продуктами. В этот же день вбросили в камеры изрядное пополнение. Среди них Стравинский-пекарь и Андрей-горношорец, который кинулся в атаку на Павлика:

— А-а-а!.. И староста здесь?..

— Да, здесь! А что, плюх подбросить?.. Так я могу! Я за это дорого не беру! Мало тебе тогда в комендатуре перепало? Вспомнил?.. А меня-то не тронули! Так вот, усеки своим кумполом, какая между нами разница! — отпарировал староста наскок уголовника.

— Ну-ну-у!.. Потихе на поворотах со своими рогами (604), на этап идем! Учти это, милоч!..

— А ты учти, что меня два надзирателя боялись конвоировать с лесоповала. Обманом меня пригнали сюда, говорили, что из Москвы что-то пришло в УРЧ, и надо расписаться. Я оставил там большинство своих вещей и ушел с одним чемоданом...

— Когда я сидел по второму сроку в Новосибирской пересылке, у нас был такой случай, наподобие твоего, — говорит Гуров Игорь. — Собрали этап на Колыму. Один законник (не помню его фамилию, чтоб не соврать, кличка у него Тузик была) дал «слово вора»: «Не пойду на этап!» И что вы думали он учудил?.. Начали вызывать из камеры по картотеке, и, когда подошла очередь к нему, он закопался в своих шмутках. «Не готов!..» — шумит он. Его карточку переложили под низ и продолжили вызывать следующих этапников. Когда же дошла очередь к нему, последнему, он встал на верхних нарах во весь рост, в руках у него оказался колун: «Не подходи, фараоны! — закричал он дерзким голосом. — Зарублю!.. Меня обманом сюда привезли, а шмутки мои в лагере остались!.. Это произвол!.. Не пойду на этап без своих собственных вещей!..» Принялись его пугать пистолетом, а он шумит: «Стреляйте, опричники!..» Направили собаку — не помогает, а отпустить с поводка боятся, чтоб не зарубил! Для них собака дороже, чем какой-то задрипанный зэкашка. Уж больно хорошую позицию он занял — он наверху, а «укротители» снизу. И что вы думаете они придумали?.. Вызвали пожарную машину, разбили стекло в маленьком решетчатом

окошке, закрыли дверь в камере и направили внутрь струю холодной воды. Что там, братцы, творилось!.. Как открыли дверь — в душу, в кровь, мать честная!.. Стены мокрые, штукатурка по полу киснет, он весь с ног до головы мокрый. Мамочка родная... «Выходи!..» — командует начальник караула, а он свое: «Отдайте мои личные вещи, тогда пойду на этап!» Да и как ему было уже идти? Весь мокрый, а морозик на улице был подходящий, и до станции не дошел бы, в кочерыжку превратился бы. Так и ушли мы без него (605).

— Так ты что, мне предлагаешь повторить такой трюк? Нет, извини-подвинься! За мной давно срок плачет в этом лагере, и я с радостью уйду на этап без оглядки и без шмучок не только на Север, но и к черту в зубы, спрятать свой хвост. А шмучки... Сколько я наживал за свой длинный срок, и сколько их пропало! Ужас!..

— Да куда тебе выбрасывать такие номера — это ведь законник прогастролировал, а контрикам это недоступно!

— Не заведешь меня, дорогой!

На лесоповале жу-жу уже успели разделить между собой вещи. С трудом собрали половину при помощи бригадиров и начальника лагеря. Шуба, новенький костюм, три американские рубашки с хвостиками и правилка-ми (606) исчезли.

С прибытием собаководов этап в количестве полсотни мужчин и женщин полностью в сборе и готов к отправке. Уже отобрали постельную принадлежность и валенки.

Мужчины по вечерам романы рассказывают. У девчат романы не в моде, им подавай живого Романа с поцелуями. Они раз за разом заглядывают в двери мужской камеры, спрашивают на близкое сношение: «А вот тот, средний — симпопончик неплохой, с ним можно и шашлык попарить (607)» — и удаляется, заливаясь смехом. За ней вторая подкрадывается и прелестным голосочком зовет: «Эй, мальчики, не теряйтесь, пока есть возможность! На Колыме:

Коль поспешишь,
То в результате ты получишь шиш!..»

(605) Аналогичный случай, имевший место в Яйской колонии в 1947—1948 гг., вспоминала заключенная Н.А. Вайшвиллене. Тогда целую группу блатных, отказавшихся отправиться на этап, так же «вымывали» из их укрытия водой (см.: Вайшвиллене Н.А. Судьба и воля. Магадан, 1999. С. 41).

(606) Правилка (блат. жарг.) — жилет. По воровской моде жилет полагалось носить поверх рубашки навывпуск. Такой костюм отличал авторитетного заключенного.

(607) Шашлык парить (вариант — шашлык жарить; лагерн. жарг.) — совершать половой акт.

(608) Здесь: хахалем, любовником.

(609) «Я вас люблю, и вы поверьте» — первая строка из старинной цыганской песни «Когда цыганка говорит».

(610) Совгавань — разговорное наименование города-порта Советская Гавань на берегу Татарского пролива в Хабаровском крае.

(611) Т. е. до идеальной чистоты, проверяемой белым носовым платком.

— Закройте, кобылицы гулящие, дверь! — возмущается суровый боцман Стравинский, которому жена изменила и со своим хохарем (608) и посадила его как врага народа, вот он и злится на всех «телок», как он их поносит.

— Разве же можно так, уважаемый боцман? — говорит уголовник Андрей, покоритель дамских сердец. — Женщина — она хрупкая, как хрусталь, нельзя с ними так обращаться! Ты возьми, к примеру, петуха; замечал, как он курочку обхаживает? — Стравинский молчит, а Андрей продолжает инструктировать: — Сначала позовет: «Кур-кур-кур-кур!!!» И клювом что-то для виду долбит около себя, она подойдет, а он ей что-то на ушко по-куриному шепчет, вероятно, как в опере: «Я вас люблю, и вы поверьте!..» (609) А потом кругом нее на одной ноге: «Кр-р-кр-р-кр-р-р!!!» Одно крыло прижмет, а второе веером распушит, тут тебе курочка и тает, а петушок зря время не теряет, только курочка от удовольствия присядет, а петух насядет и свое удовольствие справляет. Вот и вся петушинья хитрость. Вот так-то, дорогой старшина, и женщины любят ласку. Прижмешь ее, она тает, говорит: «Я твоя навеки!» Конечно, пока удовольствие получит. А ты как заорешь: «Закройте, кобылицы, дверь!..»

— Ты бы еще крикнул: «Построиться по две в ряд! И ать-два! Ать-два! Кругом!..» — говорит Игорь Гуров.

— Конечно, от такого подхода любая будет рожки наставлять и убежать за тридевятиое царство.

Стравинский, который все время молчал, не выдержал, вырыгнул из себя каскад морских терминов:

— У-у-у... бимсы, топы, реи, мачты, кнехты! Попались бы вы мне в Совгавани (610), я бы вас научил палубу драить под носовой платочек (611)!..

И вся камера грянула таким смехом, что и голод на время позабыли, а девчата группами стали заглядывать, что же там происходит такое смешное у мужчин.

Перед отбоем Павлик заглянул в женскую камеру. А девчата как на подбор подобраны на этап. Особенно на верхних нарах одна красивее другой, как цветущие маковки в цветнике, полунагие, а иные совсем в чем мать роди-

ла. Увидели Павлика и подняли такой концерт, что даже мурашки забегали под кожей: та свои красивые, словно выточенные на станке, ножки задирает: «Сюда, сюда, миленький!.. Я первая заявку даю!..» Та свои стройные сиськи выставляет напоказ: «Набирайся сеансу, котик!..» — «Да, — думает Павлик, — попадись таким нахальным — не выпустят». Вспомнил, в кобыльем дворе однажды после кинокартины встретили киномеханика «кобылицы», схватили, и опомниться не успел, как очутился в пустом бараке, и насильовали его до тех пор, пока в тряпку не превратили. И здесь никто из девчат не возмущается, хотя бы одна пикнула: «Закрой дверь!.. Мы нагие!.. Мы спать ложимся!», — а они наоборот:

— Иди ко мне, мой ненаглядный! — щемящим голосочком зовет лет семнадцати дитя. — Иди, пошутим, миленький, с тобой! — сама ребенок, а манит пальчиком Павлика, как юнца.

Смотрит Павлик на пышную розочку, и нет сил отвести глаза от этой неземной красоты. Она сознает свое превосходство над своими подружками и сидит между ними, ничуть не стесняясь своей наготы. Даже наоборот — старается выпятить на показ свои прелести, смотрите, мол, какая я красивая. Она уверена, что Павлик ослеплен ее нагой красотой и вот-вот пригласит в пустую камеру. Оно так и было бы, но вышла Зиночка, грудью пошла в атаку на своего дружка и оттерла его в угол коридора.

— Иди, иди, а то ослепнешь! — молящим голосом ревниво спрашивает она. — Что же ты, соколик ненаглядный, меня избегаешь, а на других глаза пялишь? Аль не угодила тот раз?..

— Все в порядке, Зина! Только ты же знаешь, нас ждет изнурительный этап, вот и надо силы беречь. Я же бывал на этапах, знаю, почем фунт лиха.

— Ну и дружок! Меня избегаешь, калории копишь, а на молодят глядишь? И калорий не жаль?

— А что, нельзя посмотреть? У нас, Зинуля, равноправие мужчин с женщинами! Вы заглядываете к нам, а я к вам, вот и квиты.

— А когда ты видел, чтобы я заглядывала?..

— Ну не ты, так другие!.. Зиночка, а что это за ландыш голенькая, на верхотуре окружена ровесницами?

Ты не пришла провожать,
 Поезд не стал тебя ждать.
 С детства знакомый перрон,
 Больше тебя нет на нем... (614)

(614) Неточная цитата из популярной в 1960-х гг. песни Р. Островского на стихи Ф. Теуша «Перрон» («Стук монотонный колес»).

(615) Неточная цитата из той же песни.

Закрыли конвоиры за яйским этапом дверь. Поезд тронулся, настукивая мелодию: «Трах-пих, трах-пих, вот-так, вот-так, и вот-так, и вот-так, и вот-так!!!»

Стук монотонных колес
 Будет мне петь до зари.
 Песню утраченных грез,
 Песню о нашей любви... (615)

По обе стороны вагона пристроены двухъярусные нары, посередине печка-«буржуйка», в полу маленькое отверстие, обитое крепкой, толстой жостью. На верхних нарах расположился цвет и полуцвет другого лагерного этапа. Сразу же за места поднялась кутерьма:

— Так, братцы, не пойдет! Что это вы все нары позанимали?.. Распределим по-жигански! Одна сторона вашему лагерю, а вторая — нашему! Ну-ка, очистите эту сторону!..

Командует Павлик, поддерживаемый не только контриками, но и уголовниками яйского этапа, никому же не охота лезть под нары. Лишь только Жаворонков Толик зло косится на этого контрика — кипит в его душонке жгучая обида за произвол на лесоповале, творимый старостой, и за донос о собачке. Он уверен, что о собачке стукнул куму староста — так его калькулятор информировал.

А гордый Павлик не желает оправдываться перед каждым фитилем. Но Толик одинок и не может ничего серьезного предпринять против этого борова. За свой долгий срок Павлик впервые организовал так, что контрики командуют уголовниками в вагоне и заняли верхотуру, а яйские бытовики — нижние, остальные шики-брики обоих этапов разместились под нарами и на полу вагона. А поближе к печке чуть не с боем захватывают место.

(616) Неточная цитата из стихотворения Есенина «Вечер черные брови насопил».

(617) Неточная цитата из вышеупомянутой песни «Перрон» (см. прим. (614)).

(618) Речь идет о конвойных войсках НКВД. Повседневные погоны рядового и сержантского состава изготавливались из сукна крапового (тускло-красного) цвета и имели характерный васильковый кант, свидетельствовавший о принадлежности к ведомству госбезопасности.

Кроме десятка стаканов табаку Павлик ничего из еды в запас не имеет. И с первого же дня голод напоминает о себе. Валяясь часами на нарах, упершись взором в потолок вагона, он думает и думает о своей свободе: «Голова ты моя раздурная, до чего ты меня довела?..» (616) А колеса вагона беспрерывно напевают монотонную мелодию: «Трах-тах, трах-тах!.. Вот-так, вот-так!..»

Долго я буду в пути,
Буду вдали от тебя.
Разве так можно найти,
Счастье, родная моя?.. (617)

После Нюры была уже и Зина, но это было что-то временное, а Нюру он не может забыть.

Мчится по необъятным просторам Сибири длинный, красный, необычный эшелон. То окунется в хвойные зеленые бесконечные леса, то вынырнет на равнинные просторы. На крышах вагонов прикреплены пулеметы системы «Максим», во всех тамбурах — вооруженная охрана. Что же так зорко охраняют солдаты в красных погонах войск НКВД (618)?.. Это собранные для отправки на Север со всех лагерей Сибири сливки преступного мира. Иногда обгоняют такие же эшелоны с красными вагонами заключенных — это везут из Европы власовцев, бандеровцев, изменников Родины и шоколадниц, им почему-то зеленый свет на всех станциях.

Прощай, любимая Нюлочка, прощай навсегда!
Стало быть, не судьба нам идти рядом по жизни, милая моя, хорошая!

А поезд все мчится и мчится, разрезая зимнюю мглу, минуя села и города: «Трах-пих, трах-пих! Вот-так, вот-так!..» Почему так тревожно и томительно в душе Павлика? Что же ждет впереди эту забубенную головушку?..

Когда на остановке вбросили пайку и баланду, а также кадку с водой и ящик угля, самозванец-староста из первого этапа принялся по старой привычке раздавать баланду в первую очередь своей шпане направо и налево, а остальным изможденным наливает по полчерпака.

— Э-э-э... ты-ы... Остап Бендер! Так дело не пойдет!.. А ну, быстро давай сюда черпак! — отнял Павлик поллитровое мерило у наглого раздатчика. — Я тебе пота-

сую здесь, это тебе не колода карт, а шулюмка!

— Становись, Павлик, раздавай! — басит

Стравинский.

— Нет братцы, старостой будет Володя Пивоваров.

Дорогой, торжественно вручаю тебе это мерило.

Фитили шумят: «Правильно!..» А духари грозят, они уже объединились в одну капеллу. Андрей, Минин, Толик, Гуров перешли на другую сторону (рыбак рыбака видит издалека). Образовалось две враждующих группировки в вагоне. Контриков группа помощнее, и уголовники ретировались перед ними, не заводят шумных баталлий. Во время стоянки поезда они ведут переключку с соседним вагоном. В заднем пульмане (619) находятся законники, их слышно по жаргону:

— Что там у вас в вагоне, есть что похавать?..

— О-о-о... У нас бобры (620) едут!..

— Ну, вы там охмуряетесь (621)?..

— Здесь такие бакланы собрались, что не

проханже (622)!

— Передайте приветик их уважаемым сухарикам от нашей прабабушки и от волчьей стаи брянских и гомельских лесов! Ха-ха-ха-ха!!!

Один раз в сутки с грохотом открывают дверь, в вагон шустро вскакивает человек десять конвоиров, в руках у них деревянные молотки. Заключение с молниеносной быстротой ланей соскакивают с нар, из-под нар, станут и ждут — та и другая сторона вагона. Старший конвоир показывает взмахом руки, в какую сторону вагона нужно перебежать сквозь выстроенную посреди вагона цепь конвоиров. Бегущих этапников избивают увесистым градом деревянных молотков (623).

Среди конвоиров выделяется вандализмом рыжий заводила. Ежедневно он затевает какое-то новое кощунство и глумление над беззащитными отверженными. Этот варвар, вероятно, и ночью не спит, разрабатывает каскад мерзких трюков. Проверяют одну сторону вагона и перергоняют всех в противоположную сторону, барабанивая молотками. После проверки начинается развлечение. Это представление зависит от стоянки поезда.

(619) Здесь: пассажирский вагон, переоборудованный в «стольпинский», для перевозки заключенных, в отличие от грузового «телячьего» вагона, в котором везли Павлика и его товарищей. По соображениям безопасности «воров в законе» перевозили, разделив на мелкие группы, запертые в отдельных купе-камерах.

(620) Бобер (блат. жарг.) — зажиточный заключенный, имеющий запас продуктов.

(621) Здесь: «наводите свои порядки». От «охмуряться» (блат. жарг.) — проявлять неудовольствие.

(622) Не проханжé (блат. жарг.) — невозможно.

(623) Ср. с описанием процедуры проверки на этапе в «Архипелаге ГУЛАГ» Солженицына: «На некоторых остановках распахиывается дверь вагона. Свет фонарей или даже луч прожектора: «Проверка!» Это значит: вспрыгивай на ноги и будь готов, куда покажут — в левую или в правую сторону всем перебегать. Вскочили внутрь конвоиры с молотками (а другие, с автоматами, ощерились полукругом извне) и показали: налево! Значит, левые на местах, правые быстро перебегай туда же, как блошки, друг через друга, куда попало. Кто не проверен, кто зазевался — тех молотками по бокам, по спине — бодрости поддают! Вот конвойные сапоги уже топчут ваше нищенское ложе, расшвыривают ваши шмотки, светят и простукивают молотками — нет ли где пропала. Нет. Тогда конвойные становятся посредине и начинают со счетом пропускать вас слева направо: «Первый!.. Второй!.. Третий!..» Довольно было бы просто считать, просто взмахивать пальцем, но так бы страху не было, а наглядней, безошибочней, бодрей и быстрее — отстукивать этот счет все тем же молотком по вашим бокам, плечам, головам, куда придется. Пересчитали, сорок. Теперь еще расшвырять, осветить и простучать левую сторону. Все, ушли, вагон заперт. До следующей остановки можете спать» (Т. 1. Ч. 3. Гл. 3).

(624) Заключенные при проверке обязаны точно называть свой срок. До отмены смертной казни 26 мая 1947 г. 25-летний срок лишения свободы встречался относительно редко, и особо опасные преступники, осужденные на 25 лет, должны были находиться не вместе с другими заключенными, а в отдельном вагоне. Бравада блатного, который, находясь в общем вагоне, приписал себе завышенный срок, расценивалась конвоем как намек на нарушение порядка перевозки заключенных.

— Какие у вас срока? — спрашивает ехидный рыжий.

— Двадцать пять лет! — кричит Чума с первого этапа.

— Кто это ска-зал?.. Два-дцать пять лет?.. — выламывается рыжий садист.

Конвоиры смотрят на заводилу, ожидая коварной потехи.

— Так кто сказал «двадцать пять лет»? — раздражительно каркает рыжий.

Втянув голову в плечи, вся сотня замерла, прижавшись друг к другу плотным комом.

—...Ты сказал? — показывает он на Стравинского рыжим пальцем, обросшим рыжим волосом, как и вся конопатая рука.

— Не, не я!..

— Выходи сюда, тварь неумытая! Мы тебя выведем на чистую воду, мы тебя умоем в Каспийском море, ракушник берегового плавания!

«Ха-ха-ха!!! Хи-хи-хи!!! Ой, умираю, хо-хо-хо!!!» — веселятся конвоиры.

Шагнул Стравинский своим строевым шагом, и еще сильнее стали смеяться дурносмехи.

— Ты сказал? — показывает заводила на Володю.

— Подай, светик, голосочек, мяукни!

И снова все конвоиры захохотали.

— Я ничего не говорил, гражданин начальник! — трусливо бормочет Володя.

— Выходи сюда! Суд вынесет справедливый и окончательный приговор, который обжалованию не подлежит!

Володя покорно стал около Стравинского.

— И ты, морда, выходи! — ткнул заводила пальцем на Павлика.

Все вызванные ждут самосуда. Конвоиры организовали коридор, как муштровали солдат при царском строе.

— Ты пытался обмануть и завести в заблуждение славный и бдительный конвой (624)?.. — спрашивает рыжий Володю.

— Нет, гражданин начальник, это не я! Вот ей-богу, не я! — чуть не плачет Володя.

— Ну, брысь отселева!.. — топнул он ногой.

И Володя побежал шустро сквозь строй «штурмовиков», а они — каждый старается побольше нанести ударов волшебным молотком, испытывая неповторимое блаженство. Каждый каркает: «Не ври конвою!» — «Не нарушай порядок, установленный вашим уважаемым дорожным конвоем!» — «Хи-хи-хи!!!» — «Не болтай зря!» — «Прежде чем болтать, подумай, что глаголишь!..» — «Мы вас научим конвоиров любить и почитать!» — «Ха-ха-ха!!!»

— Это ты сказал? — допрашивает рыжий

Стравинского.

— Я не мог такую глупость произнести! — чеканит каждое слово боцман.

Конвоиры хором захохотали от его басистого голоса.

— Давай его сюда! — каркает конвоир.

— По морским ракушкам огонь!

— По корме пли!

— По шкиперу право, лево!.. Хи-хи-хи!!!

Стравинского избивают, а он даже не уклоняется от ударов, гордо проходит «барабанный бой» «укротителей».

«Чтоб вам отразилось на ваших ребрах», — думает, поджидая своей очереди, Павлик.

— Так это же ты говорил, а мы невинных из-за тебя наказали? В заблуждение заводишь честный и справедливый конвой?.. — ехидно допрашивает последнего невинного виновника.

— Я не говорил!

В противных колючих глазах своей жертвы рыжешерстый читает безумную ненависть и презрение к себе, и это его очень бесит.

— Он, он!.. Я его по голосу узнал! У нас такой номер не пройдет, мы в один момент разоблачим! Это войска органов НКВД, а не какие-то там задрюпанные ракушники! — лицемерно заявляет рыжий вандал, показывая на избитого Стравинского.

— Давай его сюда! — прорычал кто-то около вагона.

— Из вагона его, из вагона!.. Мы его научим пяткой сморкаться!.. — Не успел Павлик опомниться, конвоиры накинулись на него, как каркающие вороны, и безо всякого сопротивления мигом вышвырнули из вагона.

(625) Семафор — железнодорожное сигнальное устройство, по положению подвижной части которого машинист определяет, разрешено ли движение или запрещено.

(626) Точнее «Фас!». Команда собаке «Ату!», применяемая во время охоты, означает «лови, хватай» и направлена скорее на удержание добычи, чем на нанесение ей повреждений, тогда как «Фас!» означает «кусай». Солженицын замечает, что конвойные собаки, «смотря по команде, умеют душить человека, умеют кусать, а умеют только рвать одежду, раздвигая догола» («Архипелаг ГУЛАГ». Т. 1. Ч. 3. Гл. 14).

(627) Т. е. с приготовленной для заключенных баландой и хлебом в соответствующих емкостях.

Падая, он заметил во мгле тумана столпившихся у вагона конвоиров. «Этим не досталось билетов в цирковой партер, из-за кулис наблюдают представление», — думает штрафник. Упал он лицом к длинному составу и на мгновение потерял своих опекунов из виду. Приподнимаясь, он рассмотрел под собой притоптанный солдатскими сапогами, почерневший под солнечными лучами апрельский снежок. Со всех сторон его окружил лес солдатских сапог, не давая свалиться с насыпи. Поезд, пыхтя, стоит у семафора (625) на подходе к какой-то одинокой станции. Вдали сквозь туман просматривается роща с голыми кронами деревьев. Павлик шустро вскочил на ноги, не соображая, что же делать дальше. В этот миг услышал злой рык собаки и грозный голос: «Садись!..» Павлик присел на корточках и увидел рядом, около себя большую псину и собаковод, держащего на поводу эту образину. Собаковод моментально направил пса на подопытного кролика, командуя: «Ату!.. Ату!..» Огромная псина накинулась на сидящего на корточках, выставив зубы, как настоящие клыки. Павлик для устойчивости присел на пятки, защищая лицо, сунул навстречу огромной разинутой пасти локоть. Ключья ваты от новой телогрейки полетели в разные стороны, подхваченные зябким поддувающим из-под вагона ветерком: «Так вот где погибель моя!» — мелькнула мысль в голове истязаемого. А собаковод рад, что добрался к своей жертве, продолжает тренировать своего волкодава. С перепугу Павлику слышится не «Ату!.. Ату!..», а «Фат!.. Фат!..» (626) Вновь и вновь летят ключья с рукава телогрейки в разные стороны от зубастой псины. Рядом стоят вооруженные конвоиры и неудержимо заливаются злорадным смехом. Чуть в стороне стоит дорожная обслуга с двумя кадками и двумя ящиками (627), им ничуть не смешно... «Хотя бы один «укротитель» имел каплю человечества, хотя бы одно словечко сказал в защиту. Им веселье, а мне похуже, чем в аду. Накинуться бы на эту псину в последнюю смертную схватку! Да-а!.. Если б один на один... но вон рядом вооруженные «жандармы» стоят с наганами да винтовками наготове. Неравны силы. Ведь один в поле не воин, в один момент ухлопают и спишут «при попытке к побегу». А собака порвала рукав и к рубашке добралась. Павлик упал лицом вниз: «Может, не убьют, хотя лицо останется целое, а спину пусть грызет! Были б

кости, а мясо нарастет». Не знал Павлик, что собак тренируют только одежду терзать, а тело она не тронет. Собака принялась наводить марафет на спине. В это время из вагонов повыпрыгивали, как козлы, один за другим «укротители».

И тут «Отставить собаку!», — задиристо командует рыжий заводила. «Теперь он нам признается, как на Лубянке. Ты кричал «двадцать пять лет»?.. Нас не проведешь! Вы все старые лагерники, тогда по двадцать пять лет давали только троцкистам, а сейчас бандеровцам, а вы бандюги!»

Павлик изрядно струсил: кокнул — и концы тебе, бывший краснофлотец, ведь у дорожного конвоя безграничные права, это ведь хищники в образе человека.

— Я не кричал и не знаю, кто кричал, я стоял спиной к тому, кто кричал.

— Ну ладно, на этот раз я тебя прощаю! — издевается рыжий. — Лезь в вагон, баклан оборванный!

Павлик поднялся, но не успел схватиться рукой за переносную металлическую лестницу, как посыпался град ударов. Каждый конвоир пытается достать, кто молотком, кто кулаком, а кто носком сапог пинает. Собака тоже не желает отставать от двуногих собак, нетерпеливо рвется с поводка собаковода. Павлик рухнул на притоптанный снег, спасаясь от увесистых ударов: «Собаку давай! Собаку!.. Пусть она его еще пощекочет!..» Павлик в невероятном порыве (такие рывки, вероятно, бывают только у чемпионов мира, когда они идут на побитие мировых рекордов), под шрапнелью ударов вскочил в вагон, под свист, тюканье, улюлюканье и злорадный хохот своих воспитателей. Быстро подали кадки и ящики и с грохотом закрыли дверь вагона. Раздался протяжный гудок паровоза. Эшелон, постукивая буферами, тронулся в путь. «Ну, — думает Павлик, — еще одна смерть мимо проскочила!»

С диким ужасом смотрят все заключенные на жуткий облик оборванца с синими подтеками под глазами.

— Ну-у... братцы, возвратился с того света!..

Андрей-уголовник набросился на Чуму:

— Что тебе, лунатик, язык оторвать, чтоб он не глаголил понапрасну? Что он, мешает тебе? Так сдай в каптерку на хранение. Ты знаешь, чума неумытая, что мы с ним с Горношории канаем срок?..

— У, бычок сопатый! — кричит Стравинский, у которого тоже уйма синяков. — Суешь свой нос, а потом в кусты прячешься?..

Все прекрасно понимают, что такая участь могла постигнуть любого, лишённого гражданства (628). Некоторые принялись колошматить провинившегося.

— Кончайте самосуд, ребятки, он не виноват! — подал голос Гуров. — Конвоирам нужна была увеселительная дорожная разрядка, вот они и нашли повод придраться. Они с таким же успехом могли сказать, что вот у Володи пуговица неаккуратно пришита, и перепустили бы всех подряд... Короче... Володя, начинай «веселую минуту».

— Шуруй, Володя!

— Черпай со дна пожиже!..

Разговоров много, процедили сквозь зубы баланду и паечку вмиг.

— И на тебя нашлись укротители? Ха-ха-ха-ха!!! — торжествует Толик. — Это тебе не в кобыльем дворе гулять! Ах как разукрасили!.. Ну как, крепенько дрейфил?..

После такого переплета Павлику кажется и Толик другом, и он чистосердечно ответил:

— Да, Толик, думал, что пустят в расход! — И обратился к соседям Володе и Стравинскому: — Сижу на цыпочках у вагона, собака кромсает вату, а я думаю: «Зачем я, дуралей, поддался вышвырнуть себя из вагона, побили б там и отпустили, а теперь — концы. Ухлопают и спишут». Ничего, братцы, бывает и хуже.

Проходят дни за днями, под стук колес остаются позади за шпалами шпалы, за километрами километры, поезд упрямо движется к Дальнему Востоку.

— Иди, по маленькой потретим что-нибудь на что-нибудь! — приглашает Павлика Гаврик, богатый личными «тряпками».

— Да я и играть не умею! Ты меня сразу вусмерть уделаешь. А они у тебя не кованные? — махнул Павлик на колоду стареньких карт. — Дай я посмотрю.

Просматривая, незаметно сжал валета бубнового со всех сторон.

Гаврик поставил темно-синий костюм, а Павлик — черную гражданскую шубу. «Весна идет, лишний баланс (629) на лето».

Гаврик настырно произнес:

— Десять по кушу!.. (630)

Павлик не спеша перевернул колоду, сделал выдержку на первой карте и принялся отчетливо метать: «Нам! Вам! Нам!»

— Что ты, колхозную корову доишь, что ли?.. — нервничает Гаврик.

— А куда ты спешишь? Дорога длинная, успеешь еще проиграть, а то скажешь, заметываю (631)!

Карта, поставленная Гавриком для гадания, вышла нечетной (632).

— Вот видишь, а ты спешил куда-то, — выводит Гаврика из нормальной колеи Павлик.

Психика тоже большую роль играет. Прошло двадцать-тридцать минут, и Гаврик проиграл костюм.

— Ну вот, милорд, а ты спешил. Прощу уплатить!

— Подумаешь, тряпки не видал! Иди, второй поставлю!

— Я больше не буду играть!

— Да с кем ты связался?.. Он же старостой на лесоповале был! — репетует Толик.

— Ты смотри!.. Мексикку открыл! Я вот таких чертей, как ты, глушил. Возможно, ты бы давным-давно дуба взрезал. Ты же на трехсоточке всю дорогу ехал до тех пор, пока я старостой не стал, а как стал, какую ты паечку получал? Молчишь?.. Не слышу ответа!.. Так топай отсюда, вшивота, пока я в роль не вошел! У тебя же нечего поставить на карту! И так всю дорогу, сколько я тебя знаю, и в режимной плыл (633). А что же ты, рогатик, в цветные прешь?

Толик видит, что силы неравны, отошел в сторону, бормоча себе под нос: «Попадешь между воря, за все ответишь, надену я тот костюмчик».

— Не оскорби! — просится Гаврик. — Дай возможность отмазаться (634)!

— Ладно, иди! И учти — я больше вообще не играю! Нам, контрикам, не положено играть! Правда, Толик?..

Имея в запасе выигранный костюм, Павлик смело начал давить на паникующего соперника по крупной и

(629) Баланс — возможно, опечатка в оригинале и имелся в виду балласт.

(630) «Десять по кушу!» — реплика крайне самоуверенного игрока о намерении удесятить ставку по ходу игры. Не возражая против такого заявления своего партнера, Павлик принимает это условие.

(631) Заметывать — жульничать при метании карт. Блатная традиция допускала использование шулерских приемов в своей среде и тем более при игре с «фраерами», однако если партнер замечал жульничество, он автоматически считался выигравшим.

(632) В данном случае происходит игра в стос, причем Павлик выступает в качестве банкюмета, а Гаврик — понтера. По правилам, банкюмет мечет карты поочередно на нечетную и четную сторону. Если карта, на которую понтер сделал ставку, выпадет на четную сторону, он выигрывает, если на нечетную — проигрывает. Игра в стос «третями» имеет усложненные правила, которые увеличивают ее продолжительность.

(633) Плыть, доплывать (лагерн. жарг.) — приходиться в состоянии истощения. То же, что «доходить».

(634) Отмазаться — здесь: отыграть (жарг.). По воровским «понятиям», проигравший имеет право на отыгрыш. «По правилам, неписаным правилам, выигравший не имеет права прекратить игру, пока есть «ответ» — штаны, свитер, пиджак», — замечает В. Т. Шаламов в «Очерках преступного мира».

(635) Шевро — высококачественная мягкая кожа.

(636) Надежды женщин-заключенных того времени на то, что рождение ребенка поможет им выйти на свободу по амнистии, были неосновательны. Амнистия, объявленная в 1945 г., не рассматривала наличие малолетних детей в качестве повода для освобождения или смягчения наказания матери. Наличие детей в возрасте до 10 лет и беременность будут приняты во внимание только при амнистии 1953 г.

буквально через несколько минут выиграл и второй костюм и решительно заявил:

— Игры больше не будет! Прешь в цветные, а сам даже простеньких трюков не замечаешь!

— Да я же надеялся на тебя, что ты контра, честняга!

— А где ты в картах видел честь?..

— Иди сапоги шевровые (635) поставлю, совсем новые!

— Нет, дорогой, я завязал!

— Ну закури хотя да «сорок» оставь! Хотел я тебя подзавести да к табачку твоему подобраться, не получилось, черт возьми!

— Я закури и «сорок» оставлю, но предупреждаю, Толику с этой закрутки ни-ни! На и тебе, Андрюха, на самостоятельную закруточку, мой старый однополчанин! Закури, Андрюха, жизнь получшает! Я вижу, ты против меня никогда не выступаешь, а знаешь меня с времен «Рассосётсё, разомнётсё, так пройдет»!

— Не напоминай мне тех времен, а то я могу не выдержать! А как противно смотреть, когда мужчина киснет!

— А ты что, себя мужчиной считаешь? — шумит Гуров. — Нас охрана числит в подопытных кроликах!

— Мужчина я или не мужчина, а в кобыльем дворе огольцов оставил десятка два наследства. Цыпочки сами просили: «Андрюшенька, сделай ребеночка, под амнистию попаду!» (636) Вот я и старался, а они, гады, на этап меня за это!

— Да, Андрюха, несправедливо с тобой поступили! За такие подвиги медали надо выдавать! — смеется Минин.

— Надо было тебя как племенного бычка держать, а они, негодяи, на этап отправили подальше от телок и кобылиц! Ну где здесь справедливость?..

— А как ты, Андрюха, заливал Марьяне в яйском карантине сквозь забор: «Мы были там, где тучи ниже нас, а мы выше туч находились!»

— Да ничуточку я не заливал! Это же святая правдочка! От тебя это обидно мне слышать! Ты же собственными глазами это все видел, а говоришь, заливаю! А не выступаю я против тебя потому, что тебя сам покойный

Жора-законник, царство ему небесное, уважал, а теперь я не пойму тебя:

Что тебя заставило
Связаться с мусорами
И пойти работать старостой?.. (637)

(637) Переделка известной блатной песни «Мурка».

(638) Червонец (лагерн. жарг.) — срок в 10 лет лишения свободы.

(639) Возможно, от «швед» — одно из названий таракана.

— Эх, Андрюха, Андрюха!.. Это старостование спасло меня от нового червонца (638) — так мне Цыганков сказал.

— А что у вас с ним за вась-вась?

— Ты знаешь, я и сам удивляюсь, но бывает же такое: я надзирателя ударил, помнишь, пионера, а Цыганков смеется! Сам не знаю, за что он меня так уважает! Просто догадываюсь: мы с ним ровесники, он с девятнадцатого и я с девятнадцатого годика, друг на друга внешне мы похожи, только судьбы у нас разные, поэтому, мне кажется, он мне сочувствует и смелость мою уважает. А вообще, он добрый ко всем.

— Да-а-а... добрый... Это же с его доброго благословения надзиратели ночью угробили Жору.

— Не знаю, Андрюха, может, и с его, но, когда я дал этим надзирателям отпор, он меня при очередной встрече улыбкой одарил. Вот век свободы мне не видать!

— Да ты ее век и не видишь!.. — шипит Толик.

— О, видишь, и шведы (639) тут как тут!

Павлик виду не подает, но в душе побаивается встречи с жульем. Он знает — если попадет между этого сброда, отберут все выигранное, мол, «не положено тебе, лагерному придурку, а тем более контрику, в руках карты держать!» И все время заглядывает в маленькое окошко на остановках, подзывая мимикой конвоиров, величая их начальниками, показывая на связанные по одному костюмы. Подошел один конвоир, стал у вагона, отвернул лицо от состава и спросил у пространства:

— Что ты хочешь?..

— Вот два костюмчика... а взамен пожрать и что-нибудь усмешительное... — и щелкнул себя по подбородку средним пальцем руки.

(640) Самограй — самогон.

(641) Гальюн (морской термин)
— отхожее место, туалет.

— Подожди немного! — шепнул он и скрылся

с виду...

Поджидая конвоиров, Павлик переживает: «Что, если сейчас приведет ораву своих подонков, ворвутся, изобьют и костюмы реквизируют? Голова ты моя чумовая, вечно ищешь приключения на свои ребра». Прошло несколько времени, подошли к окошку вагона два конвоира и Павлик отдал им эти два костюма.

Поезд попыхтел, посопел и двинулся дальше и дальше, постукивая колесами по рельсам, оставляя позади телеграфные столбы. На коротких остановках мучительное ожидание не дает покоя — принесут или не принесут эти вандалы за костюмчики что-нибудь пожрать? Кругом злорадно шутят, шпигуют кислыми подковырками: «Плакали твои костюмчики!» — «А какие они были?..» — «Вероятно, в баню уплыли?..» Прошло уйма мучительного времени. Что только Павлик не передумал, как только не проклинал этих туземцев. На одной из остановок подошел к вагону конвоир навеселе, воровато оглянулся по сторонам и мигом вбросил поджидающему у окошка Павлику огромную редьку, полбуханки хлеба и армейскую алюминиевую флягу, а в ней что-то жидкое бултыхается. Павлик, сияя, мигом открыл флягу, поднес к носу, оттуда жигануло сивухой, и он от счастья очутился на седьмом небе.

— Живу, братцы!.. — не в состоянии сдержать радость, зашептал он в уголок. — Самограйчик (640) в баклажке...

— Ты скажи!.. — удивился Стравинский. — Есть и честные на свете мародеры! Ты знаешь, Павлик, у меня это в голове не укладывается — вчера тебя чуть не угробили, а сегодня ты с ними общий язык находишь. Да я бы с такими варварами и в гальюне (641) рядом не сел бы!

— Чудак ты! Жизненный опыт, дорогой ты мой друг. Они вместе, как стая волков, особенно при выполнении служебных обязанностей: стараются друг перед другом, из шкуры лезут, — а поодиночке, как комнатные собачки...

— Это тебя комнатные собачки из вагона вышвырнули?..

— Не все, дорогой, не все. Есть такие, что и в заключении строевым шагают, от таких не жди самогонки.

Вообще, надо разбираться в колбасных обрезках! Ведь много таких на свете, как у Маяковского, помнишь, как он говорил:

(642) Неточная цитата из стихотворения Маяковского «Жид» (1928).

Черт вас возьми
     тех,
                     которые
 Коммунисты
     лишь
                     до трех с восьми,
 а потом
     коммунизм
                     запирают с конторой... (642)

— Давай соединимся, — предлагает Володя. — Я достану сала, луку, сухарей, а твоя сивуха, и отметим нашу путь по шпалам... по шпалам... по шпалам!..

— Вот видишь, Борис Батькович, Володя никогда не предлагал: «Моя баландочка, а его сальцо, и отметим по шпалам...». А появился самограйчик, и предлагает устроиться тост шпалам, рельсам и всем на свете козлам. Ну давай, Володя, где наша не пропадала! Моя выпивка, твоя закуска!

После бесконечного недоедания и выпитого хмельного по телу лень расползается, и блаженство, и еще какая-то непонятная чертовщина. Заглядывая в решетчатое окошко, где мельтешат кроны деревьев, Павлик замурлыкал:

Березы, березы, березы,
 Вам плакать больше невмочь.
 Горьки и скупы ваши слезы,
 Как жизнь, уходящая прочь.

Вы плачете ранней весной.
 Я плачу всю жизнь напролет.
 И годы печали со мною,
 И мой наступает черед.

Я вижу вас, березы, с вагона.
 Вы плачете кровью теперь.
 А я, стиснув зубы, не плачу,
 И нас куда-то везут навсегда.

(643) Ожика — декоративное садовое растение.

(644) Неточная цитата из популярной «арестантской» песни Н. С. Резанова на стихи самодеятельного поэта В. Н. Раменского «Березы», которая распространялась в магнитоиздате в 1970-х—1980-х гг. в исполнении шансонье Аркадия Северного. Включение текста этой песни в повествование о событиях конца 1940-х гг. представляет собой анахронизм.

(645) Анахронизм. Овчаренко неточно цитирует песню «Неправда, что расстались мы, неправда» (музыка Б. М. Емельянова, слова М. З. Шаброва), которая была записана эстрадной певицей Ксенией Георгиадис с ВИА «Верные друзья» в 1978 г.

(646) Вариант старинной дворовой песни «Запоздалая тройка»; последнее четверостишие заимствовано из стихотворения С. Есенина «Вечер черные брови насопил».

Вагон, правда, мой не купейный,
И окна забиты на нем.

И нет в этом вагоне забвенья,
Ни утром, ни ночью, ни днем.

Состав наш мчится на север,
Где нету ожики (643) и роз.
И каждый во что-нибудь верит,
И каждый стремится без слез.

Я помню, березы, вас в зоне,
Вы были и в этом краю.
И вечером в лагерном звоне
Вы жизнь украшали мою.

Неизвестного автора (644)

Потом вспомнил Нюрочку: какие это были счастливые минуты в лагерной жизни. Самая любимая зоренька моя...

Я с этим примириться не могу,
Не надо мне другой любви, не надо!
Я только эту в сердце берегу.
Мне кажется, что ты со мною рядом.
Я даже ясно вижу голос твой:
Неправда, что расстались мы, неправда!
Мы просто век не виделись с тобой... (645)

«Нет!.. Не дождется она меня!» — и снова замурлыкал... Песни наперебой лезут в хмельную голову:

А теперь вы, наверно, уж дамочка,
И какой-то там мальчик босой,
Боже мой, называет вас «мамочка»,
Эту девушку с русой косой!

Не храпи, запоздалая тройка,
Наша жизнь пронеслась без следа.
Может, завтра больничная койка,
Успокоит меня навсегда...

С. Есенин (646)

А вагон уже окунулся во тьму, оставленный позади городишко чуть-чуть мерцает своими звездными огоньками.

В Иркутске эшелон загнали в тупик. Покуда не пройдет этап санобработку — ни метра вперед. Да и пора. Появились незваные гости — вши, которые не дают этапникам покоя.

Большущий санпропускник у железнодорожного пути сохранил свой многочисленный штат еще с японской войны, когда шли на Восток эшелоны с войсками. Всех нужно было вовремя обработать, чтоб не допустить эпидемии в многочисленной армии. А теперь эшелоны идут на Запад с отслужившими бойцами. Вагоны их ходунном ходят. Бойцы возвращаются с победой, у каждого грудь в орденах и медалях. Едут с песнями, со свистом и танцами, ликует солдатня под голосистые гармошки, мелодийные баяны и трофейные аккордеоны. Везут в Сибирь и эшелонами пленных японцев, их почти не охраняют, на остановках они выскакивают размяться из вагонов. Едут при своих командирах и наградах. Но раздается команда: «Уса!.. Уса!..» (647) — и самураи, как муравьи, облепляют вагоны, берущие разгон в направлении Урала. Будут, «букашки», валить сибирский лес, добывать руду, уголь и слушать напевы сибирской пурги... «Почему их охраняют не так бдительно и жестоко, как нас? — возмущается Павлик. — Неужели мы опаснее, чем даже войска такого коварного и настырного врага, как японцы?..»

Первых принялись обрабатывать мужчин. Водят санпропускник по триста человек. Когда выгнали из вагона яйский этап, два задние уже стоят, выстроенные по пятеркам. В глаза бросился сброд блатных. Впереди строя стоит человек двадцать шикарно одетых, как на подбор, в шевровых сапогах в гармошку — голенища с подворотом, шапки у всех гражданские, уши в шапках не подвешены и не завязаны по-зэковски, а отвешены, как у охотничьих собак-ищек, мол, смотрите и примечайте: мы жули-

(647) Запомнившееся Овчаренко слово не похоже на команду, которая могла раздаваться из уст офицера. Возможно, в момент поспешной посадки в вагоны он уловил в речи японцев междометие «саа», которое, в частности, может выражать побуждение к действию: «ну!», «давай!»

(648) Блатные, как на воле, так и в лагерях, старались придерживаться определенного стиля в одежде, отличавшего их от фраеров. В данном случае особое «жиганское» щегольство состояло в том, чтобы одеваться не в форменную эковскую, а в «вольную» одежду, отдельные элементы которой носить небрежно распущенными, навыпуск и т. п., подчеркивая этим, что блатной презирает физический труд, на зоне не работает и потому может позволить себе расслабленное отношение к одежде. Уши шапки-ушанки, не поднятые наверх, как обычно носили вольные, и не завязанные под подбородком по-эковски, а свободно болтающиеся по сторонам лица, — один из характерных признаков блатного.

(649) Срок службы казенной обуви обычно составлял один год. На практике одежду и обувь «первого срока» носили преимущественно привилегированные заключенные, а остальным доставались обноски «второго» и более срока. «Сороковой срок» — запредельная степень ветхости.

(650) Здесь: золотые рудники. От «рыжье» (блат. жарг.) — золото.

(651) От «сидор», т. е. мешок, где заключенный хранит свое имущество и припасы.

(652) Здесь: «черт» означает то же, что «фраер», т. е. заключенный, не принадлежащий к воровскому миру. Блатные рассматривали таких как свою потенциальную добычу.

ки (648)! А за этим «цветом» жулья стоят проигравшиеся: они всем своим существом стараются подражать первым, на зверином языке можно сказать так: «Это хищные израненные звери; если попадешь в их лапы, сразу раздерут на кусочки и косточек не оставят». У них брюки подобраны у кого в носки или рваные, сорокового срока (649) сапоги, лагерные истрепанные ватные шапки, которые видели и лесоповалы, и рыжие рудники (650), — тоже надетые с отворотом, мол, знай наших. Большинство имеет правилку — это от тройного костюма жилет. Настоящий вор последние кальсоны проиграет, но правилку — боже упаси! Она у него дороже, чем паспорт. Те, кто в первом ряду, шикарно одеты, есть совсем в чужом, проигранном, а кто-то там один, как цыганский барон, имеет в своем распоряжении много выигранных тряпок, которыми он одел проигравшихся на время санобработки.

Только выгнали из вагона яйский этап, соседний зашумел, как пчелы в улье: «У-у-у-у!!! Ж-жу-у-у-у!!!»

— Смотрите, смотрите, какие бобры!..

— А вот тот! Как гусь с длинной шеей!.. — тыкает «жучок» пальцем в Стравинского.

— Адмирал, братцы, чистый адмирал!..

— А вон в кубанке, в кубанке!..

— Поросенок, откормленный к майским праздникам!

— Ой, не могу, братцы!.. Дайте мне попробовать сухариков!

— Разговорчики в строю! — шумит конвоир.

Но на это замечание ноль внимания со стороны этой разношерстной своры.

— Приветик вашим любимым вкусным бараночкам, долгожданные фраера, суки, придурки! Пламенный приветик вашим Сидорам Сидоровичам Сидоренкам (651)!

— Братцы, да там собрался черт на черте и чертом погоняет (652)!

— А сухарики сохраняет! — в рифму добавляет фитиль.

Яйцы понимают, что их психически обрабатывают: «Значит, будет стычка в бане». И Павлик зашептал своим контрикам:

— Не дрейфить, братцы, прорвемся! Держаться

дружно, один за всех, и все за одного. На нашей стороне конвой, так что вдрут чего — побольше шуму.

Жулья больше, да еще и воображающие себя «получетными» из этого вагона точат зубы, им ведь никакого разворота грабить тощих, вот они и злые на зажиточных контриков. На стороне жулья и моральный дух, поэтому Павлик побаивается [что], пока подоспеет охрана, некоторые неимущие контрики примут нейтральную сторону. У страха глаза большие.

Повели в баню повагонно с интервалом десять-пятнадцать метров вагон от вагона.

— Девочки, девочки! Смотрите какие жиганы идут!

— А вон сзади! Слово с воли — и этап их не берет!..

— пищат девчонки из-за решетки.

— Дайте мне посмотреть!.. Ах, леший вас бери!..

Да это же наши соколики!.. Павличок! Как житуха? Как, калории бережешь или нет?.. Это я, Зина!.. Я тебя люблю!..

И вспомнил Павлик горношорский первый лагпункт, когда ему, доходному, Аллочка кричала: «Я тебя люблю!..» «Нет!.. Здесь я не тот!», — и, несмотря на то, что от чистого воздуха голова кружится и в глазах фиолетовые круги танцуют гопак, он бодро ответил, словно Зиночка силы придала:

— Лучше всех, Зинуля! Настроение бодрое, идем ко дну (653)!..

— Кто там шумит в строю? Вероятно, плюх захотел?

Павлик вспомнил тюрьму, вспомнил мальчишку и, улыбнувшись, подумал: «Не плюх, гражданин начальник, а бумаги на кассацию прошу я!»

— Подтянись, задние!.. — вопит конвоир.

Заморенных изнурительным этапом загнали в большущий пропускник. Не спеша, организованно контрики разделись, сдали в дезокамеру одежду — каждому вагону предоставлена своя дезокамера. Яйцы разделились на две группы: одна ушла мыться, вторая осталась стеречь сложенные в кучу пожитки. У входа в моечную десятка два парикмахеров стригут и бреют всех подряд. Тут же в огромной раздевалке дежурят конвоиры. Долго крутились кругом жу-жу, но ничего не могут предпринять, чтоб напасть на контриков, тщательно стерегущих свои вещи. Один нагой прохаживается туда-сюда совсем рядышком

(653) «Настроение бодрое, идем ко дну!» — ироническая поговорка, получившая популярность после выхода в 1957 г. на экраны фильма режиссера А. Г. Зархи по сценарию М. Г. Папавы «Высота». В данном случае ее использование является анахронизмом. Не исключен вариант, что эта поговорка появилась в фильме «Высота» также из-за ее популярности. По одной из версий, эта фраза из телеграммы, отправленной с тонущего корабля «Челюскин» в 1934 году. Спасение челюскинцев широко освещалось в печати и, возможно, эта фраза приобрела популярность еще в 1930-е годы. В таком случае анахронизма нет.

с кучей вещей, сложенных пирамидой, и сидящих на них контриков хлестко щелкает вдвое сложенным ремнем и зло цедит сквозь зубы, зверем посматривая на Павлика: «Захлестнуть бы ремнем вот эту шею!» Жучкам уже известно, что Павлик — гвоздь сопротивления у контриков. А когда поняли, что не удастся отобрать съестные припасы у этих битых чертей, к собравшимся неприступной стеной контрикам подошел вожак жулья.

Законники тоже разными бывают — есть часть образованных, они берут своим разумом и знанием, такой играет в карты, как цирковой артист-иллюзионист или фокусник, такого трудно узнать, что он жулик, он ведет себя очень скромно и культурно, строго следит за чистотой своей одежды. А есть своего рода грубияны и «гурманы» — эти берут на горло и нахальством. Это страшные типы, похожие на первобытных дикарей или горилл, такой может и психом, и припадочным притвориться, и глаза выколоть.

— Вы с Яи, братцы? — деликатно обратился вожак к Володе и остальным мешочникам яйского этапа. К кому обращаться, его проинструктировали, или, по-жаргонному, «сделали наводку» — яйские уже не законники и не полувцветные, как они корчили себя в вагоне, а всего-навсего шестерки (654).

— Да, с Яи! — ответил староста.

— Вы старые, битые, тертые лагерники, — начал разговор вожак. — Знаете тюремные законы, мы попали в вопиющее положение, поделитесь с нами жратвой, выручайте из беды, мы в долгу не останемся, чай, не последняя встреча, в лагерь прибудем — рассчитаемся сполна.

— А сколько вас, гавриков? — робко спрашивает бывший каптер Максим Егорович.

— Шесть!

— Ну что же, куда вас деть? Давайте выделим понемногу, — предложил Тихон Иванович.

Раскрыли свои сидора зажиточные этапники, а вожак с жадностью фиксирует набитые сухарями, кусками сала и дорогими вещами матрасы.

— Не жмись! Не жмись, земля! Хотя раз вволю похаваем за всю дорогу, — заливает вожак. — Придем в лагерь, сполна рассчитаемся, у тебя вон сколько!

— Дорога длинная! Еще и самому придется лапу сосать!

— Вот жмот! По прибытии на место с лихвой получишь отдачу, за мной не пропадет! Что ты, не знаешь Юрку-ростовчанина?

А Павлик наблюдает и думает: «Ты же, собака, не голодный, у тебя и сейчас полно выигранных паечек в вагоне осталось, так нет, на сало потянуло, а отдашь ты после дождика в четверг». Но этой подачкой успокоили только «цвет» ворья, и то не всех, а остальные продолжают рыскать вокруг. И что удивительно, пока вожак находился в регионе контриков, нигде и близко не было шкодников, а только он ушел, зарыскали кругом. А когда построили вести в вагоны и шики-брики окончательно убедились, что грабеж не состоялся, принялись выкрикивать: «Мы еще встретимся с вами, гидра!»

Много времени для сна в вагоне, качается Павлик с боку на бок. Перележал правый, переворачивается на левый, надоело на животе коротать время (а ему больше всего и достается), перевернулся на спину. Устремит взор в одну точку и под стук колес и буферов в сотый раз думает и передумывает: «И хмельной не был на Яе и лесоповале, а вел себя как настоящий глупец. И вот до чего это ухарство довело? А может, я не виноват?.. Хмы-ы... Каким я перешагнул порог тюремной камеры?.. Тележного скрипу боялся: «Та хіба ж ревуть, як ясла повні?» (655) Да кто меня сделал таким?.. Теперь меня все боятся и уважают в сотенном вагоне: одни за честь и справедливость, а те отброски — за кулаки преклоняются передо мной. А все это проклятая паечка делает, изо дня в день, почти пять годиков подряд только о ней и думаешь: «Как сегодня пожрать досыта?» А впереди еще три годика с гаком. Хорошо хотя срок не добавили! Нужно себя тише вести! А как тихо?.. Подойдет Толик, трах в морду! — и облизывайся, а потом Чума, а за ним из-под нар вылезет фитиль и скажет: «Брысь под нары на мое место!..» Да-а, тихо себя вести — это значит честно? А сколько честных ребят в сырой земле по лагерям зарыто? Один только НКВД ведает! Миллионы за время войны... Да хотя бы человеческая могила, только гово-

(655) Хіба ревуть воли, як ясла повні? (Разве режут волю, когда ясли полны?) — украинская пословица. Послужила названием романа Панаса Мирного и Ивана Билыка (братьев А. Я. и И. Я. Рудченко), опубликованного в 1880 г. В советское время это произведение интерпретировалось как эпопея, посвященная социальному протесту украинского крестьянства середины XIX в.

(656) Цитата из популярной народной песни «Раскинулось море широко», в конце 1930-х гг. получившей широкую популярность в исполнении Леонида Утесова.

(657) В соответствии с Приказом НКВД СССР № 00674 «О порядке регистрации смерти заключенных» от 11 июня 1939 г., в случае смерти заключенного информация об этом направлялась только в органы ЗАГС по месту его жительства на момент ареста, но не родственникам умершего. О смерти осужденного им могло быть сообщено только в ответ на их запрос и только в устной форме. См.: История сталинского ГУЛАГа. Т. 4. М., 2004. С. 490—491.

(658) Речь идет о шифротелеграмме от 10 января 1939 г. за подписью Сталина, в которой, в частности, говорилось: «ЦК ВКП разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП. (...) ЦК ВКП считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразрешимых врагов народа как совершенно правильный и целесообразный метод» (См.: Лубянка. Сталин и НКВД — НКГБ — ГУКР «Смерш». 1939 — март 1946. М., 2006. С. 14—15). Эта телеграмма стала известна после того, как Н. С. Хрущев процитировал ее в своем знаменитом докладе на XX съезде КПСС 25 февраля 1956 г.

(659) В публицистике эта цифра часто приводится в связи с другой датой — 18 октября 1937 г. Между тем это был далеко не самый «результативный» день работы «двойки» Ежов — Вышинский.

(660) Цитата из стихотворения Шевченко «Не гріє сонце на чужині...»:

<Времена> «когда
повесили Христа,
И теперь не сбежал
бы сын Марии»
(укр.).

(661) Сванидзе Е. С. (1885—1907) — с 1906 г. жена И. В. Сталина (Джугашвили). Джугашвили Я. И. (1907—1943) — сын Сталина от первой жены. В июле 1941 г. попал в плен. Находясь в концлагере Заксенхаузен, 14 апреля 1943 г. покончил с собой.

(662) Сванидзе А. С. (1886—1941) — брат первой жены Сталина, однокашник Сталина по Тифлисской духовной семинарии

рят: «Сыграл в деревянный бушлат», прицепят бирку на ногу, прикроют землицей и «вечную память» не споят. Вот и вчера вынесли из вагона нерусского, аллаху душу отдал, по-русски ни бэ ни мэ, а паечку умудрялся проигрывать, а теперь:

Напрасно старушка ждет сына домой,
Ей скажут — она зарыдает... (656)

Но матери не скажут, никогда она не узнает, где зарыт сыночек навсегда. НКВД не сообщает, что эзк сдох (657). Вот тебе и честно, и добросовестно! Это еще хорошо один только дух испустил в сотенном вагоне, а вон в иных вагонах, где господствуют законники, частенько носят на носилках в передние вагоны. На больших остановках загонят вагоны в тупик и куда-то их сдают. Там же получают продукты, хлеб, воду, уголь. И вся эта разгрузка и погрузка происходит ночами, чтоб меньше видело гражданское население».

«Эх, если бы знал товарищ Сталин, наш дорогой учитель, — думает Павлик, — сколько невинных людей по лагерям морит НКВД!» Не знал Павлик, что виноват в этом вопиющем произволе в первую очередь «великий кормчий», гениальный вождь и учитель. В 1937 году он от имени ЦК ВКП(б) дал органам НКВД указание применять физические меры к арестованным. Два года спустя, в январе 1939 года, Сталин также от имени ЦК в телеграмме союзным республикам, обкомам, крайкомам, наркомам внутренних дел еще раз подтвердил обязательное применение таких мер и впредь (658). А бездарные графоманы славословили его как полубога, рожденного от луны и солнца. А настоящие большевики: Каминский, Пятницкий, Христиан Раковский, Томский, которые делали попытку ценой своей жизни возражать против вопиющего произвола в стране, были просто уничтожены ставленниками-палачами. Только за один день 18 декабря 1937 года «двойка» Ежов — Вышинский рассмотрела материалы на 551 человека и всех приговорила к расстрелу (659). Тарас Григорьевич Шевченко так сказал бы:

Тойді повісили Христа,
Й тепер не втік би син Марії... (660)

и его личный друг, старый большевик (партийная кличка «Алеша»), историк, находился на ответственной партийной, дипломатической и хозяйственной работе. Арестован в 1937 г., осужден за причастность к «антисоветской организации правых», «вредительскую деятельность в области финансов» и за шпионаж в пользу Германии. Расстрелян 20 августа 1941 г.

(663) Жена А. С. Сванидзе Мария Анисимовна (а не Екатерина

Семеновна, как ошибочно пишет Овчаренко), урожденная Корона, оперная певица. Родилась в 1889 г. С 1921 г. замужем за Сванидзе. Арестована в 1937 г. вместе с мужем как «член семьи изменника Родины». Приговорена в конце 1939 г. к 8 годам лишения свободы за то, что «скрывала антисоветскую деятельность своего мужа, вела антисоветские разговоры, осуждала карательную политику Советской власти и высказывала террористические намерения против

одного из руководителей Коммунистической партии и Советского правительства» (т. е. самого Сталина). По легенде, умерла от разрыва сердца, находясь в лагере, когда узнала о смерти мужа, фактически же расстреляна 3 марта 1942 г. вместе с сестрой своего мужа М. С. Сванидзе.

(664) Формально книга Д. Рида «Десять дней, которые потрясли мир» не была запрещена в СССР, однако после того, как в 1924 г.

Сталин не только безбожно уничтожал русский народ, но и свою родню.

Первая его жена — Екатерина Семеновна Сванидзе, от нее сын Яков (661), которого он ненавидел.

Брат первой жены, Александр Семенович Сванидзе, в 1938 году арестован, в 1942 году расстрелян (662).

Перед расстрелом ему дали шанс остаться жить, если он попросит прощения у товарища Сталина.

— О чем я должен просить? Ведь я никакого преступления не совершал! — ответил он.

И его расстреляли.

Жена А. С. Сванидзе Екатерина Семеновна погибла в лагерях Казахстана в 1942 году (663).

Их сына Джоника назвали в честь американского писателя Джона Рида, книга которого «Десять дней, которые потрясли мир» была запрещена, и у кого находили, то давали пять лет заключения (664), а Джоника «Хозяин» заставил переименовать в русского Ивана, так этот Иван тоже отведаль сталинских лагерей и был освобожден только в 1956 году (665).

Сестра первой жены Марико была арестована в 1937 году и очень быстро погибла в тюрьме (666).

Сын от первой жены Яков летом 1941 года в шоковом состоянии попал в плен, вел себя мужественно, и когда был доведен до предела, бросился в лагере на оградительную проволоку под напряжением и закричал: «Часовой, убей же меня, пожалуйста!...» И Якова не стало.

Его жена была арестована в 1941 году, вскоре после смерти Якова ее освободили (667).

А вот родня второй жены Сталина.

Надежда Сергеевна Аллилуева застрелилась (а возможно, и он ее застрелил, свидетелей не было) в ночь на 9 ноября 1932 года. Оставила детей Светлану, Василия (668) и от первой жены Якова.

Сестру жены Сталина Анну Сергеевну Аллилуеву арестовали в 1948 году, приговорили к десяти годам тюремного заключения. Она сидела в одиночной камере Владимирской тюрьмы и была освобождена после смерти Сталина. Ее мужа Станислава Францевича Реденса расстреляли в 1938 году (669).

Брат второй жены [Павел] загадочно скончался в 1938 году, будучи совсем здоровым.

Сталин выразил неудовольствие тем, что Рид «переоценил» роль Троцкого в истории Октябрьской революции, текст книги был сокращен, а с 1930 по 1957 г. она вообще не переиздавалась, использовались лишь отдельные ее фрагменты и главы. В годы репрессий хранение книги, «восхваляющей» Троцкого могло быть опасным. В 1957 году вышло издание «Десяти дней...» в новом переводе, существенно отредактированное и очищенное от упоминаний обо всех viola-

следствии репрессированных лидеров большевиков. При этом приказом Главлита № 2 от 2 февраля 1957 г. было предписано изъять и уничтожить все более ранние издания этой книги (об этом см.: Блюм А. Зарубежная литература в спецхране // Иностранная литература. 2009. № 12. С. 138).

(665) Сванидзе Иван (Джонрид) Александрович (1927—1987) — сын А. С. и М. А. Сванидзе. После ареста родителей воспитывал-

ся в семье няни. Подростком пять лет провел в тюремной психиатрической больнице. В 1948 г. по решению Особого совещания был приговорен к ссылке в Казахстан на пять лет. Освобожден в 1954 году, вернулся в Москву в 1956-м.

(666) Сванидзе М. С. (1888—1942) — сестра первой жены Сталина. В 1927—1934 годах — личный секретарь А. С. Енукидзе. Арестована в 1937 г., Приговорена в 1939 г. к 10 годам лишения сво-

боды. Не умерла в тюрьме, а по решению Особого совещания при НКВД СССР расстреляна 3 марта 1942 г. вместе с женой брата Александра — М. С. Сванидзе.

(667) Джугашвили Ю. И. (урожденная Мельцер, 1906—1967) — с 1938 г. жена старшего сына Сталина Якова. Летом 1941 г., когда стало известно, что ее муж попал в плен, была арестована, содержалась в одиночной камере и была освобождена только спустя полтора года, когда Сталин узнал о гибели сына в плену.

(668) Аллилуева Н. С. (1901—1932) — с 1918 г. вторая жена Сталина. Застрелилась в ночь с 8 на 9 ноября 1932 г. после ссоры с мужем. Джугашвили С. И. (1926—2011) — дочь Сталина и Н. С. Аллилуевой. В 1966 г. эмигрировала в США, жила под именем Лана Питерс, опубликовала воспоминания о своей семье «Двадцать писем к другу». Сталин В. И. (1921—1962) — сын Сталина и Н. С. Аллилуевой. Военный летчик, генерал-лейтенант авиации. После смерти отца арестован, в 1955-м осужден за антисоветскую пропаганду и злоупотребления служебным положением, приговорен к 8 годам лишения свободы. Освобожден досрочно в 1960 г., но вскоре снова арестован. После освобождения в 1961 г. был вынужден сменить фамилию на Джугашвили.

(669) Реденс А. С. (урожденная Аллилуева, 1896—1964) — сестра второй жены Сталина, жена видного чекиста С. Ф. Реденса, домохозяйка. В 1946 г. опубликовала воспоминания о семье Аллилуевых. Арестована в 1948 г., осуждена по обвинению в шпионаже, приговорена к 10 годам лишения свободы. Содержалась в одиночном заключении, что вызвало психическое расстройство. Освобождена в 1954 г. Реденс С. Ф. (1892—1940) — муж А. С. Аллилуевой, родной сестры второй жены Сталина, чекист, комиссар государственной безопасности 1-го ранга, один из организаторов массовых репрессий, в том числе в период Большого террора. Арестован в ноябре 1938 г. по обвинениям в шпионаже в пользу Польши, а также в участии в деятельности заговорщической организации в системе НКВД, осуществившей необоснованные репрессии. Расстрелян 14 февраля 1940 г. В 1961 г. вдова сумела со второй попытки добиться его реабилитации. В конце 1980-х гг. проверкой Прокуратуры СССР была установлена необоснованность этой реабилитации, но за давностью лет отменить ее оказалось юридически невозможно.

(670) Аллилуев П. С. (1894—1938) — брат второй жены Сталина. Работал в области материально-технического обеспечения Красной армии; в частности, осуществлял контроль качества военной техники, которую СССР по секретным контрактам закупал в Германии. Умер внезапно 2 ноября 1938 г., по официальной версии — от инфаркта, но сразу же возникли подозрения, что он был убит. Позднее в его отравлении была обвинена жена. Аллилуева Е. А. (урожденная Земляничкина, 1898—1974) — жена П. С. Аллилуева, домохозяйка. Арестована в 1947 г. вместе со своим вторым мужем инженером Н. В. Молочниковым. Под угрозой репрессий в отношении детей подписала признание в отравлении первого мужа. Осуждена на 10 лет лишения свободы. Освобождена в 1954 г. Аллилуева К. П. (в замужестве Политковская, 1920—2009) — дочь П. С. и Е. А. Аллилуевых, племянница Сталина по его второй жене Н. С. Аллилуевой, актриса. Арестована в 1948 г. по обвинению в антисоветской агитации. Приговорена к 5 годам ссылки в Ивановскую область. Освобождена в 1953 г. после смерти Сталина.

(671) Тухачевская М. П. (урожденная Милохова, 1869—1941) — мать маршала СССР М. Н. Тухачевского. Арестована в 1937 г. вслед за сыном и осуждена решением Особого совещания НКВД СССР как «член семьи врага народа», приговорена к 5 годам ссылки. В ссылке умерла. Тухачевский Н. Н. (1889—1937) — брат маршала, майор запаса, преподавал военные предметы в Московском текстильном институте. В 1937 г. после ареста брата также арестован и расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. Его жена М. В. Тухачевская (урожденная Бейер, 1905—?) арестована в 1938 г., приговорена как «член семьи изменника Родины» к 8 годам ИТЛ. После освобождения повторно арестована в 1949 г. и приговорена к пожизненной ссылке. Освобождена в 1956 г. Их дочь Мария и сын Андрей в 1937 году после расстрела отца и осуждения матери попали в спецдетдом, а оттуда взяты на воспитание дальними родственниками Томашевскими, которые дали им свою фамилию. Настоящая фамилия была им возвращена в 1947 г. Тухачевский А. Н. (1895—1937) — брат маршала, военинженер 2-го ранга, преподаватель Военно-транспортной акаде-

Его жену Евгению Александровну Аллилуеву арестовали в 1947 году 10 декабря и приговорили к десяти годам тюремного заключения. Когда Евгению Александровну освободили 2 апреля 1954 года, придя домой, она сказала сыну: «А все-таки наш родственничек нас освободил!» Она не знала, что Сталин уже год как умер.

Дочь Павла Киру Павловну арестовали в 1948 году, освободили после смерти Сталина (670).

А вот как расправился «мудрый вождь» с семьей маршала Тухачевского: расстреляли его мать, братьев Николая и Александра, мужа сестры Арватова. Погибли мужья и других сестер, а сестры и невестки — через месяц после расстрела Тухачевского 10 июня 1937 года. Их жен сослали в Астрахань, а 5 сентября их арестовали и отправили в темниковские лагеря (Мордовия), через год их расстреляли, а детей отправили в детдом, предлагая сменить фамилии. Прошло время, дети выросли и тоже испытали «радость сталинских лагерей» (671). Дадут срок, отсидит:

Опять по пятницам, пойдут свидания
И слезы горькие моей жены.

Лубянка, зачем сгубила ты меня?

Лубянка, я твой бессменный арестант!

Пропала молодость, талант... (672)

Но это все Павлик узнает позже, а сейчас в этом вагончике он свято верит в непогрешимость «вождя мирового пролетариата».

А поезд неумолимо настукивает и настукивает колесами километры. Уже провезли вдоль сказочного Байкала у самой его кромки. Порой казалось, что вот-вот эшелон опрокинется с каменисто-ленточного уступа в синюю волнистую бездну. Но паровоз уверенно тянет состав красных решетчатых вагонов к намеченной цели.

Сладкие и горькие воспоминания взбудоражил Хабаровск в глубине души бывшего краснофлотца. «Где вы теперь, мои друзья-однополосатики (673)?.. Вероятно, все по домам с песнями победителей едете, а мне выпала

особого распоряжения». Освобождена в 1946 г. В 1948 г. осуждена повторно и приговорена к ссылке на Колыму. Освобождена в 1956 г. Ее муж Ю. И. Арватов (1898—1937) — военный летчик, технический директор советско-германского акционерного общества воздушных сообщений «Дерулофт». В 1937 г. после ареста зятя также арестован, осужден за шпионаж, расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

Тухачевская С. Н. (1903—1939) — сестра маршала. В 1937 г. после ареста брата арестована, решением Особого совещания НКВД СССР как «социально опасный элемент» приговорена к 5 годам ссылки. В ссылке умерла. О судьбе сестер Тухачевского Ольги и Марии см. прим. (465). Муж О. Н. Тухачевской Л. М. Гейман в 1937 г. приговорен к 5 годам ИТЛ. Первый муж М. Н. Тухачевской М. А. Владимиров расстрелян в 1938 г. Их дочь Марианна в 1951 г.

доля нелегкая. О-о-о... Лучше б в честном бою голову сложить, чем презренным отверженным быть!»

— Слушай, Стравинский, если не секрет, расскажи, за что тебя посадила жена?..

— Какой тут секрет? За душу, вот за что!..

— Что? Что?.. За какую душу, как это понять?..

Грабанул кого-нибудь, что ли?.. Так у тебя же статья «болтуна»...

— Вот ты чудак! Да не грабанул я никого! Я доказывал одному негодяю, что душа в человеке есть, а он возражал: «Это, мол, миф, а по анатомии душа в человеке отсутствует — ее нет!» Ну, так как он ничего не смог доказать, вот он и написал, подлец, вместе с моей женой, с которой он снюхался, заявление, что я переубеждаю краснофлотцев в религиозном духе. Что, мол, я как поп доказываю, что душа в человеке есть. И сунул мне трибунал десять лет хлебать баланду за душу. Вот так-то, брат-моряк, речник-амурец!..

— Знаешь, прости мою душу грешную, я на Яе думал, что ты стукач. А потом вдруг на этап тебя определили. «Да, — думаю себе я. — Стукачей на этап не определяют». Ну за что же ты загремел на этап? Хороший пекарь, честно вел себя, не воровал на пекарне, как некоторые другие.

— Ха-ха! Я числился у оперативника стукачом. Ты, вероятно, знаешь, что все пекаря — стукачи, а кто не соглашается доносить куму, гонят из пекарни взащей. Да не мне тебе рассказывать, ты же сам испытал на своей шкуре. Знаешь, долго я парил ему мозги, наконец-то он меня разоблачил. А погорел я на Катъке. Я прекрасно знал, что она стукачка, но о том, что она еще и подстилка оперативника, не знал. Вот он вызвал меня и потребовал, чтоб я дал сведения о неблагонадежных заключенных... Дай, думаю, напишу на Катъку, уж слишком она сует свой нос во все дырки — вот и загремел на этап. В молоко попал (674)!

Как отошла зима и наступила весна в этом году, этапники не заметили: увезли из Сибири — снег лежал, а здесь, проехав Хабаровск, в вагоне [стоит] невыносимый смрадный аромат спертого воздуха — он-то и напоминает,

как «социально опасный элемент» приговорена к 8 годам ссылки, освобождена в 1955 г.

(672) Переделка известной блатной песни «Таганка».

(673) Называя своих бывших сослуживцев «однополосатиками», Овчаренко имеет в виду полосатую тельняшку — символ морской службы, которую и сам некогда носил.

(674) Здесь: промахнулся, ошибся. В стрельбе «молоко» — белое поле за пределами концентрических кругов мишени.

Сначала ей связали руки,
Потом забили кляпом рот.
Потом в тюрьме ее пытали.
Ну отрекись же.
Ну солги.

И звезды черные светали,
И снова темень.
И ни зги.

Сергей Островой (675)

(675) Из стихотворения
С. Г. Острового «Сказание
о правде» (опубликовано
22 февраля 1989 г. в газете
«Правда»).

Рассвело. Туман совсем рассеялся, и остальные гиганты предстали взору во всей своей красоте. Многие заключенные впервые в своей жизни увидели море и морские торговые гиганты-пароходы. Часиков в десять начали вызывать женщин и куда-то уводить. Денек солнечный, теплый, но с бухты несет влажной прохладой. Розовато-голубое прозрачное небо — ни единой тучки. В томительном ожидании самого главного — очередной паечки — в душе каждого заключенного скребут черные кошки. Все в вагоне сидят словно на иголках, с минуты на минуту поджидая принимающего конвоя. Солнце, описав полукруг, неумолимо покатило к закату. Уже надоело смотреть под журчание желудков на покачивающиеся на волнах пароходы, надоели буксиры со своими баржами и норовистыми катерами, которые, как муравьи, путаются между великанов, привлекая к себе внимание разнообразными голосистыми гудками: мол, смотрите, и мы пашем!

Лишь под вечер, когда все вокруг начало окутываться приморской темно-синей мглой, вызвали и яйский этап. Выпрыгивая из вагона, этапники рассматривают прелестный вечерний пейзаж. Несмотря на ощущение, словно замороженные, любят сказочным заревом небесного видения после захода солнца на краю большого света. Кажется загадочным и конец материка, и обширный морской простор. В изрядной бухте в вечернем тумане еще величавее кажутся морские громады, а когда зажглись на них огни, не видевшим никогда такой иллюминации кажутся не корабли, а большие города среди сине-голубой лазури обширных просторов залива.

Как и везде, конвой окружил со злыми собаками и повел по темным улицам. Уже в пяти метрах не видно ни зги, только вокруг идущей толпы этапников конвоиры мало-мальски освещают аккумуляторами (676). Тусклое освещение заставляет все время быть начеку, напрягать до предела зрение и внимание, чтоб собаку не напустили, чтоб затрещину от конвоира не схлопотать, чтоб не зацепить что ногой и не потерять равновесие. Упадешь — и все идущие за тобой навалятся сверху. С трудом подвели этапников к высокому деревянному забору. Какое-то странное впечатление: где-то поблизости стреляет периодами пулемет, там освещают, блуждая, мощные прожекторы, как на аэродроме, там гудки раз за разом гудут — действительно, что-то смахивает на конец света. На заборе через каждые двадцать метров под грибообразными эмалированными абажурами тускло светит электролампочка, бросаая снопами лучи на почерневший под дождями деревянный забор и на шероховатую дорогу у забора.

— Разобраться по пяти!!! — раздался громкий голос начкара.

Это передние остановились у ворот вахты. После изнурительной поверки и очередных и внеочередных подзатыльников, по которым зэки ничуть не скучают, даже если слишком долго их не угощают, загнали в большущий двор. Новеньким показалось, что это какой-то причудливый маленький лагерь. Стоят рядом два огромных закопченных барака, а у забора ютятся непривычные лагерникам домики-избушки: такие неприглядные, такие крохотные, слепленные из фанеры, из досок, из жести — ну точь-в-точь как шанхайские избушки или диогенова бочка. Освоились, узнали, что это совсем не лагерь, а всего-навсего баня, а курятники-лачужки — жилье для obsługi бани. Череззаборными переговорами более любознательные зэки развели, что рядом, через забор, находится рабочая зона тысячи на две, куда очень трудно попасть. Заключение в рабочей зоне свежие, жизнерадостные — в норме ребята. За баней, рядом с рабочей зоной, — огромная пересылка. В ожидании очереди в баню всех посадили во дворе строго повагонно, выдали пайки, а о баланде и забыли, а кто из заключенных принялся возмущаться, получил широкого, увесистого армейского комсоставского ремня, какой имеют все придурки банной obsługi.

(676) Здесь: ручными аккумуляторными фонариками.

Собрали контрики свои пожитки в кучу и обесли их кольцом. А кругом, как воронье перед бурей, шныряют все те, кто обещал в иркутской бане встретиться. В открытую нападать они боятся, яйца выглядят и свежее, и конвой блюстителями порядка рядом находится. Но голь на выдумки хитра: молодой жулик, прилично одетый (возможно, в проигранном барахле), в темно-синем костюме, в белой в полоску американской рубашке, в новой черной кожанке, в начищенных до блеска сапогах (в преступном мире о таких говорят «Парень при вантажах!»), прохаживаясь около яиц, вдруг неожиданно упал недалеко от контриков и принялся в истерическом припадке биться о мостовую. Яйцы рванулись на помощь, Павлик, напичканный лагерным опытом, мигом сообразил, что это очередная афера жуля, что сейчас в одно мгновение шпана, окружившая в полумраке на расстоянии трех-пяти метров, приготовилась наброситься на покинутые на произвол судьбы осиротелые вещички, и Павлик закричал:

— По местам сидеть!.. Я сейчас помогу больному!.. Что вы, забыли, что я врач?..

Все приподнявшиеся моментально сели на свои места. Павлик хотя и потерял в изнурительном этапе килограммов десять весу, но все же в теле... жилистый... ведь табачок сильно его выручал, он почти ежедневно съедал лишнюю паечку за табачок. Быстро подошел к больному припадочному, придавил его своей коленкой к вымощенной мостовой, раздумывая: «Истерик это или восьмерку гнет (677)?..» Взял руку бьющегося, а припадочный упорно вырывается, но «лекарь» так упорно прижал своего пациента, что тот присмирел, а новоиспеченное «медицинское светило» делает вид, что прослушивает пульс. Все кругом замерли в напряжении, ведь с жуликами плохие шутки. А припадочный, отдохнув, снова принялся биться и вырываться в невероятном усилии.

— ...Это у него черная болезнь! Если перевести, братцы, с медицинского термина на простой русский язык, это всего-навсего припадок... Он скоро пройдет сам собой! — выносит диагноз скороспелый врач. — Лезвие есть у кого-нибудь?..

На весь двор шумит «лечебное светило», стараясь привлечь внимание заболтавшихся конвоиров, которые в стороне заливают друг другу небылицы, а «лекарь» еще

и по сторонам посматривает, чтоб не подбежал кто-нибудь из жульи и не саданул под бок каким-нибудь увесистым предметом.

Больной рвется из-под случайного врача — бьется головой, руками, ногами о мостовую и старается ударить своего опекуна, но, почувствовав, что «лекарь» все крепче и крепче прижимает его к затоптанной брусчатке и номер его потерпел полное фиаско, перестал биться и сопротивляться.

— Вот, братцы!.. Проходит!.. Проходит припадок!.. — шумит изрядно уставший самозванец.

— Пу-с-ти, пас-ку-дина!.. — настырно вырывается он из-под сидящего на нем «лекаря».

Павлик выпустил, и оба поняли, что игра окончена. Припадочный поднялся, отряхнулся и, задыхаясь, придушенным голосом сказал своему «лекарю»: «Падло!.. Ты нас попомнишь! Сука я буду, мы тебя прибьем!»

— Топай, топай, милоч! У меня такие номера и в Горношории не проходили!..

— Что за базар здесь устроили?.. — приближаясь, спрашивает конвоир.

И шкодников как ветром сдуло.

Дошла очередь санобработки и яйского этапа. Два конвоира и пять лагерных придурков дали команду разобраться по пяти.

— Сесть!.. — командует придурок.

Все покорно сели, только Павлик, рисуясь, стоит, ищет приключения на свои ребра, уж такая у него натура — если долго не щекочут, так он как больной.

— ...Сесть была команда!.. Глухой, что ли?.. —

И если там в вагоне Чума подвел Павлика, то здесь очень выручил.

— Да-да! Он глухой и немой! — хихикнул Чума.

Встретились взглядами блюститель и этапник, и блюститель прочел в глазах что-то страшное, роковое, не выдержал колючего, поедающего взора «глухонемого», побоялся связываться с непокорным «немчурой», принимая его за жулика, отошел ровнять иных этапников, сгоня на них зло.

Завели в баню, одежду сдали в дезокамеру. Человек тридцать парикмахеров принялись соскребать с головы бритвами волосы. В иркутской бане под машинку обраба-

тывали. Только после этой процедуры полилась из душевых сосков горько-соленая вода. Скопились нагие по десятку под одну лейку, грязь вместе с мылом собралась комками на голове, теле и не отстаёт — особенно от бритой головы морская вода как от гуся отскакивает. Прошло пятюк минут этого мучения, и вода вообще перестала литься. Все нагие начали роптать, требовать воды. А Павлик ещё и не приступил мыться этой водичкой, подвел его лагерный опыт, думал: «Большинство помоецца, а жарилка целый час работает, успею!» На ропот и возмущение этапников вбежали лагерные придурки с широкими воспитательными ремнями в руках и принялись хлестать всех направо и налево, а ремни змейкой увиваются и к голым телам пристают как родные. Не беда, что этапники остались грязными после бани, задача обслуги — прожарить одежду в дезокамере, везде волосы побрить, чтоб нигде ни вша, ни сороконожка не зацепилась. Даже от лобковых вшей керосинчик предлагают. Дезокамера работает по всем правилам: кто сдал по неопытности или по растерянности ремни, шубы или резиновые вещи, получили назад сухари — все пришло в негодность.

Вывели из бани иным ходом, кругом темнота. Невдалеке по земле блуждают своими светлыми лучами мощные прожекторы, приблизится луч света — светло становится, а удаляется, словно в царство тьмы попадаешь; совсем близко слышны периодами трели пулемета. А когда подвели к огромным воротам пересылки, поняли, что это прожекторы рыщут по зоне огромной пересылки и периодически постреливают пулеметы на вышках высоких заборов.

Как и везде, у вахты вызывают строго по картотеке, тщательно обыскивают и загоняют в зону пересылки. Здесь же, у ворот, принимают этапников блюстители порядка, их очень много, все нахальны и свирепы, это бывшие законники, а теперь — суки. С прошедшими вахту обращаются хуже, чем с животными. Накинулись на яйцев, как на стадо баранов: общупывают вещи, заплатки, рубцы, пояса брюк, заставляют разуваться: здесь не проходят никакие значки — ищут свои сатрапы и все отбирают.

Нашли деньги у Володи. Все отобранное идет в пользу блюстителей порядка, притом кто нашел, тот и присваивает себе. Стравинский долго копил на Яе деньги, питался на пекарне, а паечку продавал сторожу и ему ежедневно вручал пятерочку, не пытался ни разу купить паечку и в этапном вагоне, а теперь нашли несколько тысяч, забрали, да еще и плюх подвесили — за то, что не сумел спрятать хорошо. Окончили процедуру проверки и загалдели:

— Разобраться по пяти!..

— Быстро, твари ползучие!..

— Садись!..

Все сели быстрее муштрованных солдат, здесь промедление может ребра стоять. Долго приглядывались, покрутились и около Павлика, он насунул свою кубанку на глаза, втянул голову в плечи и прижался к остальным этапникам.

— Да что вы рыщете?.. Это же контрики, вон, цветные пончики нас поджидают!

— Встать, гидра! Вперед!!!

Не успели яйцев отвести и на десяток метров, накинулись блюстители с вульгарной бранью на уголовников из заднего этапного вагона. Поднялся дикий галдеж, отзвуки затрещин, раздевают их, присваивают приличные вещи себе, а слишком ретивых отсеивают в изолятор и в зону усиленного режима (ЗУР).

В бараке клопы напоминают, что они небезразличны к новеньким жильцам.

— Пойдем на улицу спать! — предложил молодой паренек. — Твою шубу подстелим, а моей шинелью укромся, здесь от этих людоедов спасения нет.

И поползли из барака, в рост ходить опасно, подстрелят как куропатку.

Утром освоились в бригаде, получили свой рацион и пошли глазеть в зоне пересылки.

Деньки апрельские теплые, солнечные, душа радуется, вот-вот май нагрянет. Только одно угнетает, и днем и ночью не дает покоя, — голод бесконечно напоминает журчанием желудка: «И весна мне не на радость, коль зима в душе моей» (678).

(679) Пересыльный пункт Приморского управления Дальстроя в Находке, также известный как «Транзитка», вмещал около 20 тыс. заключенных, ожидавших отправки в другие лагеря. К нему примыкала промзона, где содержались преимущественно заключенные-«бытовники», которые отбывали там весь срок своего наказания.

(680) Каторжане, в отличие от обычных заключенных осужденные по Указу Президиума Верховного Совета СССР № 39 от 19 апреля 1943 г. «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников», содержались в условиях особо строгого режима — отдельно от остального лагерного контингента, под номерами вместо имен. Их положено было использовать преимущественно на тяжелых физических работах, для них был установлен удлиненный рабочий день, им было запрещено носить «вольную» одежду. Отделения каторжных работ были созданы, в частности, в лагерях на Колыме, куда каторжан направляли через пересылку в Бухте Находка.

Огромная пересылка на двадцать пять тысяч заключенных. Отсюда отправляют этапы на Колыму, Чукотку, Верхоянск и иные северные районы. С одной стороны пересылки размещены уже знакомые этапникам баня и рабочая зона, с противоположной стороны, через три ряда колючей проволоки, триста метров вспаханного пространства, а потом снова три ряда колючей проволоки окутывают женскую зону на десять тысяч лишенных свободы (679).

Девчата на пересылке в этом 46-м году большинство шоколадницы, которые торговали своим телом за временную роскошную жизнь с оккупантами.

С пересыльного фасада, уже знакомого этапникам, широкие проволочные ворота выводят на огромную улицу. Утоптанная дорога ведет с самого берега бухты Находка в порт, который расположен на противоположном берегу бухты у скалистой горы. В тыльной стороне пересылки за высоким деревянным забором расположены дома гражданского населения.

У рабочей зоны за высоким стройным забором спрятаны два карцерных барака пересылки. В одном бараке отбывают наказание штрафники пересылки, во втором помещаются каторжане-режимники, которые на время своего длинного срока должны забыть свою фамилию, имя, отчество, они обязаны помнить только свой номер каторжанина. Рядом с изолятором стоят высокие деревянные козлы, где за одним рядом колючей проволоки распиливают бревна эти каторжане. Подошли два друга, пооткрывали рты, рассматривают поближе странных невольников, которые работают без выходных по двенадцать часов и без праздников. В серой арестантской форме, совсем не такой, как по лагерям заключенным выдают. Везде выведен четкий номер: на спине грубого суконного бушлата, который висит на козлах, номера на рубашках и беретах (680). Только приблизились — нерусский конвоир что-то закаркал по-своему и автомат наставил на дружок, рванули приятели оттуда и очутились у барака конторы. Рядом с баракон конторы — два барака блюстителей порядка. В бараке чистота, кровати, матрасы, подушки, даже белые простыни, в окнах стекла блестят, можно

подумать, что это не заключенные живут, а какие-то курортники. Все это дико кажется там, где в огромной пересылке царит хаос, безалаберность и варварство клопов. Хотя эти избранные блюстители порядка и господствуют на пересылке, им даны огромные права, даже убить пересыльщика ничего им не стоит, но они по одному боятся ходить в пересылке, они злейшие враги законников. Они и сами когда-то были законниками, но кто-то где-то заигрался, изменил воровскому закону, тот был в обслуге — а за это нужно рассчитывать, да еще не так просто, а перед судом ворья. А так как после войны развелось много сук, вот они и объединились в противодействующую группу. Блюстителей поддерживает охрана, они ходят по пересылке чинно, в шикарных костюмах, так же как и жулье, носят сапоги напуском в гармошку, из-за голенища торчит финский нож. В любом лагере по необъятной России это запрещено инструкциями НКВД — не только финку, но даже иголку нельзя при себе иметь. Но ведь это пересылка особая, здесь инструкции и приказы до лампочки всем органам охраны. Рядом барак-столовая, но здесь питаются только блюстители порядка, а бригадам выдают в ведра баланду в несколько окошек, с подъема до самого отбоя. Если одна бригада по расписанию получает утром баланду, то иная — поздно вечером.

В центре лагеря, словно напоказ, за густой «в квадрат» колючей проволокой расположена Зона усиленного режима. Там два барака, но в одном рухнул потолок; говорят пересыльщики, что клопы разъели верхние перекрытия, поэтому помещают ЗУРовцев только в одном бараке. ЗУРовцы, прильнув к проволоке, стоят истощенные, будто живые трупы, с протянутыми руками, как нищие у церкви, но там нищие во сто крат счастливее, а здесь умоляют и просят не копейчку и не кусочек хлеба, а принести баночку водички.

— Братишка, принеси водички попить!..

Павлик и новый друг Гоша остановились в раздумье: «Интересно, двести метров отсюда колонка — пей не хочу. Что же это за преступники, что в зоне зону загородили для них?»

— Выручай, дружок, возьми баночку, принеси водички! — неуверенно, с потускнелыми глазами умоляет и просит слабым голосом человеческая тень.

(681) Имеется в виду форменная двубортная ватная куртка с меховой опушкой.

Друзья приблизились поближе к проволоке, но дежурные по углам вышибали зарычали, как леопарды в зоопарке, взмахивая увесистыми палками:

— Вы куда, поносники?.. — Друзья рванули от проволоки, только пятки сверкают. — Держи их!.. Держи!..

— Тоже туда захотели? — репетует со второго угла верзила.

— Не бойтесь!.. Не бойтесь!.. Они не покинут свой пост!..

Павлик и Гоша давно запутали свой след в толпе пересыльников, но все драпают и остановились на хитром базаре.

— Зачем рисковать? — говорит Гоша.

На хитром базаре толпится человек пятьсот. Те продают что-то, те покупают: вещи, съедобное, табачок — но все из-под полы. Друзья сразу не поняли, что это базар. На пересылке все ходят со своими вещами. Есть и шайки уголовников — налетят, окружат, отберут вещи, еще и плюх подкинут, так что чуть прозевал — и плакали твои вещички. Стукачи, старосты, блюстители порядка тоже здесь отираются, вылавливают зевак и уводят в изолятор учить осторожности и шустрости. Есть просто аферисты. Выдаст себя за покупателя, возьмет в руки вещь: «Идем, мол, в комендатуру», — тот убегает, а вещь аферисту остается. Друзья обменяли гошкин кавалерийский бушлат (так называют венгерку) (681) на четыре изрядных кормовых морковки, перекинутых через проволоку рабочей зоны, чуть подкрепились, червячка мало-мальски заморили. А под вечер, когда бригады заключенных пришли с работы в рабочей зоне, пошли друзья глазеть в этой зоне. Оттуда перекидывают хлеб, узелки с табаком, сырой картофель, бумагу, крупу в узелках и всякую съедобную всячину. А с этой стороны летят связанные в узелки костюмы, пальто, сапоги, американские рубашки — все то, что можно вынести за зону и продать гражданскому населению. Вдруг Гошка словно взбесился и принялся истерически кричать:

— Генка!!! Генка!!! Генка!!!

«Не с ума ли он сошел? Чего он орет?» — смотрит в недоумении на своего друга Павлик.

— ...Он в плаще! В японском плаще! — лепечет Гошка, дергая своего друга, но, наблюдая недоумение напарника, объяснил: — Это мой однодедец.

(684) Неточная цитата из песни
Г. И. Гладкова на слова
Ю. Ч. Кима из кинофильма
«Двенадцать стульев» (1976).

Пусть вертится ветер жестокий
В тумане житейских морей.
Смелее, твой парус такой одинокий
На фоне стальных кораблей...
Песня Остапа Бендера (684)

(685) Взрыв на этом складе
действительно произошел.
Это случилось 4 августа
1946 г., вскоре после описанно-
го ниже катастрофического
взрыва парохода «Дальстрой».
Причиной взрыва на складе
аммонала стал пожар. В резуль-
тате было уничтожено более
6 тыс. тонн взрывчатки. Несмо-
тря на то, что склад располагал-
ся в 8 км от Находки в районе
поселка Падь Ободная, в самой
Находке и в порту оказались
повреждены некоторые здания
и были ранены. См. донесение
министра внутренних дел
С. Н. Круглова Сталину от 5
августа 1946 г. (ГА РФ. Ф. 9401.
Оп. 2. Д. 138. Л. 342).

Недолго пришлось по зоне пересылки считать
ворон. На следующий день Павлик с бригадой Клюева
едет на грузовиках сортировать аммонал в хмурые при-
морские сопки. В лощине у сопки за колючей проволокой
стоят скирды аммонала в наших отечественных рыжих
мешках и красивых коленкоровых американских мешках
с яркими эмблемами львов, тигров, леопардов, обезьян.
Скирды прикрыты огромными брезентами. Бригадникам
задание разрыхлять слежавшийся годами аммонал, пере-
сыпая из мешка в мешок. Нормы нет. Вечером бригадники
получают прибавку к пересыльной пятисоточке еще две-
сти граммов хлебушка и черпак баланды.

Аммонал без взрывателя неопасен. Шустряки роб-
ко, потом смелее начали курить на мешках аммонала —
даже попробовали спичкой зажигать, а он спокойно себе
горит синевато-голубым пламенем, не так, как порох —
бах и взорвался. Смельчаки пробу делали в стороне, на
солидном расстоянии от штабелей и в малом количестве,
тайно от охраны, которой очень много и на вышках,
и в зоне склада. А потом первооткрыватели просто между
сидящими бригадниками насыпали изрядную кучу
и подожгли. Большинство кинулось бежать подальше от
адского места, сопровождаемые насмешками озорников,
не соображая, что если бы этот аммонал взорвался, то
никто бы никуда не убежал — такой мощный взрыв этих
скирд сровнял бы даже сопки с уровнем моря (685).

За два дня работы у всех бригадников от химическо-
го воздействия пыли покрылись несмываемой краской
лицо, руки, шея — все стали похожи на непросыпных алко-
голиков, а некоторые и покашливать начали. А приносят с
работы только американские мешки с красивой эмблемой,
за которые можно выменять у лагерных перекупщиков
только двести граммов. [утрачена одна строка] <...>щий

желудок по зоне с угла в угол, Павлик понял, что бригада Ключева на самой каторжной работе, даже дорожники и те в лучших условиях, они общаются с вольными, которым можно что-то продать или поменять, — и направил Гошку к своему покровителю нарядчику, чтобы он перевел бригаду на иной объект работы. Нарядчик быстро нашел причину и направил на аммонал иную бригаду, а Ключева отправили на погрузку и разгрузку пароходов.

В порту причал всего для двух-трех пароходов, остальные разбросаны по бухте, покачиваются на рейде в ожидании своей очереди. Некоторые пароходы разгружают свой груз на рейде в баржи, а баржи подходят к пирсу и здесь освобождают свои брюха. Погрузочная площадка тоже маленькая, на ней штабелями лежит мука, ящики, бочки, предназначенные на Север. У бригадников закипела работа веселая. Здесь хотя чем-нибудь да набивают желудок.

Когда приходят пароходы с живым грузом, бригады заключенных снимают с погрузки и уводят за сопку до тех пор, пока не отправят из порта то ли японцев, то ли возвратившихся на родину из плена солдат, то ли отбывших срок наказания на Колыме. Самые странные прибывшие в Находку — колымчане, они с дикой жадностью набрасываются на зеленые перья лука и изрядными пучками поедают, как дикие животные, без хлеба и соли эту горькую зелень, наводя дикий ужас на заключенных, кандидатов на север.

Военнопленных на родину не отпускают, их тщательно сортируют, и кто не подпадает под статью, тех тоже отправляют на Колыму. Только честным трудом в шахтах и на рудниках, приисках и лесоповалах они обязаны доказать преданность Родине-матери, что достойны гражданства СССР, — так считает сам Берия и его мудрый покровитель, «отец всех народов».

Бригада работает дружно, каждый старается оттянуть день отправки на север своим добросовестным трудом, но в семье не без урода, попался и лентяй:

— Ты чего не работаешь? — спрашивает бригадир.

— Би-ри-га-дир, пай-ка ма-ла, кур-сак ла-май-ла ипи да-вай-ла!..

(686) Здесь: самая лучшая.

(687) От «приймак» (укр.) — мужчина, живущий в доме своей жены.

— Давай, работай, всем одинаковая пайка! — отвечает слабохарактерный бригадир.

Он отходит в сторону и изливает свое наболевшее:

— Уруса работай, не работай, жиратва доставайла, узбека работай, работай, ничего не доставайла, голодна бывайла!

— Вон, кругом мешки, грызи любой и не будешь голодный!

Остальные бригадники и в дождь, и под жгучими солнечными лучами изо дня в день по десять часов беспрерывного труда грузят и разгружают баржи и пароходы, а когда приходится разгружать руду, и голодными бывают.

В конце мая бригаду перебросили на продовольственные склады. Охраняют прикрепленные к бригадам конвоиры, и, кроме этого, общую зону стерегут часовые. Павлик невидимкой ускользает из-под опеки конвоира.

— Уже смотался? — грозит конвоир. — Я тебе!.. — а в глазах светится одобрение.

— Волка ноги кормят, гражданин начальник! — весело отвечает шkodник.

— Смотри у меня, попадешь — жилы вытащу и на проводах развешу!..

— Не попаду, начальник, и не подведу, я шустрый!

Охранник воровато оглядывается кругом, достает из-за пазухи сумочку и манит к себе «шустрого».

— На, принеси муки полнехенькую, да смотри, чтоб была два ноля (686), а то меня жена из приймов (687) выгонит! — смеется конвоир.

И Павлик исчезает на территории склада, окрыленный свободой действий.

На территории склада лежат кучи трофейного японского обмундирования и красноармейского с раненых и убитых бойцов. Бригадники подкрадываются к тюкам, потрошат их, приобмундировываются, а свое вшивоватое маскируют в тюки. У каждого бригадника завелся в бараке вещевой мешок. На работу каждый идет налегке, а с работы напяливают на себя побольше. Красивые японские плащи цвета хаки, но в зону не пронесешь,

охрана отбирает и себе присваивает. Рыскает Павлик по складу, принесет муки или крупы на двоих. Гошка ведь бригадир, ему неудобно отлучаться из бригады. Надо пронести еще в зону, а там обменять на сахарок, хлебушек, а из сахарку и хлебушка легко сделать тюрю (688). Поели с другом, если достали закурить табачку — закурили и на боковую, ждать следующего дня заключения. Так и протекает время весенних деньков 46-го года: день да ночь, сутки прочь — сроку меньше.

(688) Тюря — простейшее блюдо, хлеб, размоченный в воде, в данном случае с добавлением сахара.

(689) Имеется в виду русская народная сказка «Каша из топора».

Уже окончательно потерял надежду на амнистию. Иногда мерцает в голове сладкая, туманная надежда на далекую, загадочную, долгожданную свободу. В молодости Павлик еще не сумел понять и оценить, какая она есть, эта свобода. В двадцать лет добровольцем ушел на флот, а там ведь тоже не свобода: режим, расписание, муштра до седьмого пота. А в двадцать два годика — арест. К этому режиму уже привык и воспринимает все как должное — и удары, и грубую брань, и издевательство конвоиров...

Бывает, выдается такой денек — кругом неудача, а, как говорил тот узбек, «курсак ломала», а по-русски — «в желудке журчит». Тогда Павлик приносит муку, месит тесто и варит галушки у столба. Пусть читатель не улыбается, вам повествует не какой-то Мюнхгаузен. Ведро достал, хотя ржавое и из-под мазута, не беда, чуть-чуть вычистил песком — для такого пана пойдет. Розетка на столбе. Только плохо с проводами. Кое-как насобирал куски на территории склада. Соединил. Хотя и разное сечение, разнообразный металл: и медь, и алюминий, и металлическая проволока — не беда, дело пошло. Один провод к ведру присоединил, второй с металлическим куском опущен в воду, тоже ржавый, но я же сказал, для такого пана пройдет. А чтоб по центру был металлический балласт в ведре, на нем деревяшка прикреплена, а от нее уже в ведро спускается металлический кусок. Только надо строго следить, чтоб металлический балласт, который варится в ведре, как топор у того солдата из сказки (689), ни в коем случае не притронулся к стенке ведра. Двадцать-тридцать минут — и ведро кипит, аж на столбах свет

(693) Из блатной песни
«Этап» («Далеко над тайгой
полюхают зарницы»).

Их встречают бураны,
Их ласкают приклады,
А в далеком пути
Пить воды не дают...

Посмотри ты, сынок,
На этих усталых,
Среди них доктора,
Кузнецы и врачи.

Ведь им так была
Дорога та свобода,
Но в жизни свой рок,
От него не уйти...

Неизвестного автора (693)

Бобик, нигде не останавливаясь, подвез к пропускбудке пересылки. Оперативник резко открыл дверцу и скомандовал:

— Выходите!..

Автоматчик завел в пропускбудку и сдал штрафников дежурному вместе с сопроводительными карточками.

— А вещи наши? Я буду жаловаться! — шумит Гришко.

— Жалуйся хотя бурому или белому медведю, мне все равно! — отвечает надзиратель.

В ЗУРе паечки-четырёхсоточки и один раз в сутки штрафной поллитровый черпак прозрачной шулюмки. Клопов несметное количество. О-о-о... как это неприятно, когда эти паразиты непрерывно гастролируют по телу, эти твари не признают ни дня, ни ночи, мечутся по телу, как трехлетние рысаки. На улице спать не разрешают, об этом каждый вечер напоминают ЗУРовцам блюстители порядка воспитательным инструментом: палками или гибкими шлангами.

Один раз в сутки заносят в ЗУР бочку воды. Человек двести, теряя сознание, набрасываются на эту посудину с прозрачной жижей со своими консервными банками, которые заменяют и кружки, и чашки, и миску, и тарелку. Староста ЗУРа разливает водичку в банки своим увесистым черпаком. Черпак этот ходит и по головам, но невыносимая жажда пить вынуждает терпеть и унижения, и телесные синяки. Помощники старосты, которые принесли эту кадку с водой, рыскают в тылу толпы и барабаният палками по спине, чтоб не напирали на бочку. От этой кутерьмы вокруг бочки, в которой блестит драгоценная жижка, поднимается облако пыли. Придурки читают во взгляде Павлика что-то роковое: глаза, налитые кровью, неподвижны и страшно суровы, кажется, вот-вот он бросится в предсмертную схватку. И блюстители, замахиваясь на него, ударяют рядом стоящего ЗУРовца. Раздадут одну кадку воды, и больше не жди — не принесут до следующего дня.

В ЗУРе человек семь-восемь так называемых законников держатся вместе, как татарская орда. Они имеют большой котелок и при раздаче воды смело черпают из бочки драгоценную жижку. Староста им не запрещает, он их побаивается. Всех новеньких приглашают играть [на] приличные вещи, а так как карт в ЗУРе нет, то приглашают играть в детскую игру пристенки, или буца (694), а кто не желает или не умеет, то просто отбирают приглянувшуюся вещичку. Потом меняют эти тряпки у пересыльников на хлебушек или табачок. Павлика, Гошу и Ваню Гришко они не трогают, новенькие в теле и держатся вместе, так что могут дать внушительный отпор этой шпане. Жажда пить заглушает даже голод и мучает еще сильнее. Вот и приходится становиться у проволочки и просить пересыльников, как когда-то просил их с Гошкой замученный ЗУРовец:

— Дружок, принеси водички!..

Но не каждый пересыльник сочувствует горемыке, а иной и отзывчивый, да боится, чтоб самому сюда не угодить. А шкодник возьмет эту ржавую баночку и поминай как звали ее. Променяет на хитром базаре на недокурок или бумажонку на закрутку сигарки. В ЗУРе негде и бычка

(694) Пристенок — простейшая азартная игра с монетами, которые бросают об стену так, чтобы они, отскакивая, падали в определенном положении. «Буца» — другое название той же игры, очевидно, от «буцати, буцкати» (укр.) — бодать, в переносном смысле «бить, пинать».

(695) Ироническая переделка стихотворения М. Ю. Лермонтова «Парус».

(696) «Западниками» в ГУЛАГе называли заключенных, проходивших с территорий, недавно присоединенных к СССР, — из Прибалтики, Молдавии, Западной Белоруссии и Западной Украины (последних называли также «захидниками» и часто «бандеровцами»). Среди них было много верующих.

(697) «Если пану нужно — возьми», «Ты же, пан, в Христа не веришь, зачем он тебе?» (укр.).

стрельнуть, кругом вшивота. Это большая удача и величайшая роскошь — потянуть табачного дыму раза два за плотной колючей проволокой «в квадрат».

И законники, и кто пытался бежать, и совсем невинные штрафники превратились здесь в мешки с костями. Попадал Павлик в Индию, где один прозрачнее другого, — но там царила свобода, там голодные, полураздетые, но не унывали, хотя цыганские танцы не устраивали. А здесь, в этой гробнице, где ежедневно умирают от голода и от жгучей жажды промочить в горлышке водичкой, не слышно ни песен, ни танцев, никто не травит романов, словно это сказочное царство мумий. Малая паечка, не дают пить и то, что кругом ЗУРа, куда ни глянь, такие же невольники свободно ходят рядышком за колючей проволокой в огромной пересылке и водичку пьют вволю, — все это угнетает ЗУРовцев. Бывало, в слабосиловке по несколько человек собиралось гурьбой и обсуждали разнообразные проблемы, особенно о вкусной пище, но здесь, в ЗУРе, и этого нет. Да и какая может быть пища, когда водички хочется! Каждый сам по себе лежит на земле и печальными глазами наблюдает за движением таких же заключенных в огромной пересылке и считает их счастливыми, мечтает попасть в эту зону. Иной лежит неподвижно на спине, устремив затуманенный взор в голубое небо, и часами смотрит, смотрит, смотрит туда, во вселенную:

Что ищет он в стране далекой?

Что кинул он в краю родном?

Увы, он счастья не ищет

И не от счастья (лежит...)

Лермонтов (695)

В ЗУРе собрано большинство западников (696).

Блюстители порядка этой огромной пересылки отбирают у западников крестики. У блюстителей крестики — это символ, точно такой же, как у законников правилка. Иной западник спокойно снимает свой крестик и отдает: «Якщо панові потрібно — то візьми!» — говорит он. А иной заартачится: «Ти ж, пане, в Христа не віриш, але чому тобі потрібно мати його?..» (697) И блюстители нахально отбирают этот крестик, а непокорного бандеровца направля-

ют в ЗУР. И еще много здесь законников, которые пытались сопротивляться блюстителям на вахте при приеме в пересылку, или в карты попались, или сукой назвали. И они здесь дошли до такой степени, что не всякий может через собственную губу переплюнуть. Такие два законника, давно уже похожие на человеческие тени, закричали блюстителям порядка, чинно прогуливающимся по зоне пересылки после сытной баланды:

— Эй вы!.. Бусурманы! Принесите водички попить!..

— Эй вы!.. Оборотни! Какая вас волчица родила?..

— Эй вы!.. Подонки!.. Вас ждет самосуд в тюрьме!..

— шумит первый жучок.

— Когда вас отправят на этап?.. — спрашивает второй. И блюстители кинулись, рыча, к воротам ЗУРа. Ворвались в зону, а заводилы спрятались в барак, в котором царит вонь, хаос и смрад. Ворвавшиеся принялись избивать любого, попавшегося под руку.

— Исчезните с глаз, иначе всем вам могила!..

Вот как задели за живое блюстителей. Создалась толкотня у дверей барака. Блюстители чешут направо и налево. В зоне пересылки какой-то жучок поднял шум: «Братцы, жуликов бьют!» — «Воры, нас бьют!..» — И жучки на пересылке как по команде кинулись к соседнему бараку, у которого ссыпана щебенка для ремонта. Набрали поувесистей гальки и булыжников и принялись обстреливать этих блюстителей порядка, но из-за густой «в квадрат» колючей проволоки не очень-то и прицелишься. Но все же одному попали в лицо. В это время выскочило с десяток блюстителей из-за угла, и нападающие рассыпались в многочисленной пересылке. А блюстители грозной командой «Воры, ложись!..» положили всех пересыльников подряд, кто где стоял поблизости. В ЗУРе всех загнали в барак и закрыли снаружи — жара, клопы, теснота, вонь превратили существование в земной ад.

Когда выпустили из барака, двадцатилетний жуки-муки накинута на другого жучка. То ли он тронулся от такого сурового режима, то ли надоело жить на этом грешном свете под таким ярким солнышком, в таком жестоком хаосе, то ли он считал себя превыше своего собрата по несчастью? Черт их, блатных, разберет. Но факт тот, что он набросился на такого же истощенного, как и сам.

(698) Кнокать (блат. жарг.) — здесь: смотреть.

(699) Фанатик, фанат — здесь: одержимый, психически неуравновешенный человек.

(700) Фары (блат. жарг.) — глаза.

— Ты чего, падло, кнокаешь (698) на меня?..
Сучий твой потрох! — нагло спрашивает жуковатый фанатик (699).

— Фары (700) есть, вот и смотри! Кто мне запретит роскошно жить, на тебя смотреть и любоваться?..

— Ну так их у тебя не будет! — процедил сквозь зубы псих и с силой ткнул двумя пальцами, как вилкой, и оба глаза выскочили из углублений лица и зависли на щеках.

— Ой-йой-йой!!! Бра-тцы!.. Само-суд-чик появился!.. Ой-йой-йой!!! Глаза мои!.. Спасите!.. Да, помогите же!.. Глаза!.. Ой-йой-йой-йой-йой!!!

Сбежались со всех уголков жуковатые ЗУРовцы и принялись «месить» этого фаната. Контрики только трепетно наблюдают со стороны. Верзилы на углах ЗУРа ударили в чугунные рейки, блюстители устремились на территорию ЗУРа, у ЗУРа собралась толпа пересыльников, уголовники разбежались, оставив изуродованный распластавшийся труп «глазника» и слепого, который не прекращает отчаянно вопить, вращаясь вокруг своей оси:

— Помогите!!! Я не вижу!.. Глаза мои!.. Глаза!.. Ой, мамочка родная!.. Глаза!.. Ой, болит!!! Ну хотя чуть... Помогите!.. Я не вижу!.. Я же слепой!..

Его потащили в стационар пересылки, в который попадают только с высокой температурой и некоторые членовредители, которые пытаются избежать северного этапа. И хотя в этом лазарете не применяют такого рецепта, как «Рассосется, разомнется, так пройдет!», но лечат в таком же духе. А изуродованного фанатика оттащили в пристройку барака, состряпанную из досок специально для трупов. Оттуда воняет, но убирают мертвецов только ночью, чтоб меньше видели в огромной пересылке.

В эти невыносимо длинные дни, когда жгучие лучи солнца донимают своим назойливым теплом и духовой, все вокруг кажется бесконечно тягостным. Коротая время, друзья иногда вспоминают рабочую зону, вкусную тюрю, сколько там вещей осталось, и строят догадки: «За что же их забрали в ЗУР?..» И приходят к выводу: «Какой-то стукач донес, что пробки на складе перегорели по вине галушников». Говорит Гришко: «У вас много завистников было! А за что меня с вами забрали, это какая-то магическая тайна».

Страдая ночами бессонницей, Павлик переносится мыслями в сказочное царство — на Украину, где чудесные соловьиные ночи, где шумят под окошком уютного белого домика своей шаловливой листвой роскошные ветвистые вишневые сады:

Де лани широкополі,
І Дніпро, і кручи...

Т. Шевченко (701)

«В это время уже вишни: шпанка, любка (702), и абрикосы поспели, а пышные ягоды клубники, малины сами просятся в рот. А душистая черемуха как цветет?.. А водички сколько?.. Поедешь с друзьями купаться на ночь на Донец под ЭСХАР (703), а вода теплая-теплая... О-о-о... Какое блаженство... Перед тобой широкая река... а здесь?.. Хотя бы баночку водички попить... Ох, как во рту пересохло... Кажется, выпил бы реку до дна... А пьянящий аромат мяты, полевых цветочков, ромашки, лютиков... Зеленая травушка-муравушка, о-о-о... аллах!.. Да-а-а... Это настоящий земной рай... О-о-о, *никогда* это не вернется назад... Так вот что такое волюшка-воля... Ну за что?.. За что?.. За что мне такое наказание?..»

Павлик выползает из барака и по-пластунски пробирается к проволоке. В тишине, в предрассветном тумане даже придурки дремлют по углам ЗУРа. Подыскал Павлик подходящее местечко с изрядным отверстием у колючей проволоки и клянчит у ползающих поблизости пересыльников, чтоб принесли водички. Для острастки изредка постреливают на вышке, но это уже приелось, и никто внимания не обращает на рокот пулемета. Пересыльники спуют как муравь (704) — те туда, а те обратно. Проигравшиеся рыщут по всей громадной зоне, высматривают, где бы что стащить и скорее поставить на карту. А придурки поздней ночью на специальных тележках вывозят ползком мертвецов из ЗУРа.

— Братишка! Умираю! Принеси водички!..

Дико кажется тому, кто взялся принести беспомощному доходяге баночку водички. А баночка маленькая-маленькая, выданная для получения шулюмки. Хорошо, что эта баночка из нашей обыкновенной жести, а не из-под американской тушенки, блестящей как золото,

(701) Неточная цитата из стихотворения Тараса Шевченко «Заповіт»:

«Где широкие просторы,
И Днепр, и кручи...»
(укр.).

(702) Шпанка и любка (любская) — сорта вишни.

(703) ЭСХАР — Электрическая станция Харьковского административного района и одноименный поселок на берегу реки Северский Донец.

(704) Здесь: как муравьи.

И сколько нет теперь живых
 Тогда веселых молодых!
 И крепок их могильный сон:
 Не слышен им вечерний звон.
 Лежать и мне в земле сырой!
 Напев унывный надо мной
 В долине ветер разнесет:
 И уж не я, а будет он
 В раздумье петь вечерний звон...

И. И. Козлов (706)

(706) Неточная цитата из народной песни на стихи И. И. Козлова «Вечерний звон».

(707) Тарань, таранька — азово-черноморская рыба, употребляемая в пищу в вяленом виде.

Освобожденные из ЗУРа тени наперебой набирают
 банками и пьют, пьют, пьют сладчайшую водичку.

— Братцы, не нажимайте сильно! Вода мельницы
 ломает! — поучает тощий, как тарань (707), морячок.

Но его слова как пустой звук пропадают. Дикий
 «банкет» продолжается, даже истощенные пересылки
 ужасаются этому «банкету». Юмористы насмеются:
 «Пейте воду, ведро воды заменяет килограмм сливочного
 масла!» — «Наедай шею, она будет как у быка хвост!» —
 «Прополаскивайте, братцы, желудок после ЗУРовской
 шулюмки, чтоб аппендицит не зацепился и чтоб ничего
 не осталось внутри!»

Напились. Принялись лицо обмывать, но не тут-то
 было — грязь, чешуя, перхоть, африканский загар не
 желают без мыла расставаться, да и время нужно. Павлик
 песком принялся обмывать лицо. «Гошка, помогай, черт!
 Я что-то задумал!» Он мимо ушей не пропустил, когда
 нарядчик закричал: «Я вас не переписал!..» И когда чуть-
 чуть вымылся, заявил:

— Вот что, соколики!.. Самозванцев нам не надо —
 бригадиром буду я!.. Слушайте меня внимательно! Нику-
 да отсюда не расходитесь! Я сейчас сбегая в контору,
 узнаю насчет горбушечек. Нас ожидают, милочки,
 пятисоточки!

— Твоя бригада резервная на этап! — информирует
 нарядчик. — Поселяйтесь в девятую палату. На вот запи-
 ску в хлебрезку на тридцать человек, а вот на кухню,
 ведра и миски будешь у старосты получать на баланду.

(708) Т. е. осужденные за наиболее тяжкие политические и воинские преступления.

Бандеровцы и мельниковцы — представители враждующих группировок внутри Организации украинских националистов (ОУН), одни — сторонники С. А. Бандеры, другие — А. А. Мельника.

Власовцы — военнослужащие Русской Освободительной Армии (РОА) под командованием бывшего советского генерал-лейтенанта А. А. Власова, сформированной гитлеровцами в основном из советских военнопленных.

Изменники Родины — осужденные на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР № 39 от 19 апреля 1943 г. «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников». В результате применения этого указа в ГУЛАГе оказались не только реальные коллаборационисты, но и школьные учителя, артисты, служащие различных гражданских учреждений, функционировавших на оккупированных территориях. Литовцы, эстонцы, латыши — «лесные братья», антисоветские партизаны, после освобождения от немецкой оккупации действовавшие на территории прибалтийских республик, присоединенных к СССР в 1940 г., и сочувствующие им.

(709) Овчаренко восстанавливает дату на основании имевшейся у него справки о нахождении его в местах заключения на Крайнем Севере (см. ниже), однако фактически описываемые далее события происходили несколько позднее — 24 июля 1946 года.

Здесь, в списке, я добавил для круглого счета троих из obsługi. И смотри у меня, чтоб бригада была всегда в сборе у девятой палаты, когда этап собираем и отправляем. Предупреждаю, фитиль! Ребрами отвечаешь, если что не так!

В бригаде необтесанные, только что из тюрьмы бандеровцы, мельниковцы, власовцы, изменники Родины, литовцы, эстонцы, латыши (708). Из obsługi добавлен сапожник, портной и парикмахер. Имея в бригаде такой сброд, трудно бригадиру находить общий язык, но это дело временное.

Прошло три дня после освобождения из ЗУРа, пересылка взбудоражилась. Лагерные придурки бегают с конца в конец пересылки, ругая бригадиров. Не раз подходили и к Павлику:

— Что, бригада вся в сборе?..

— За исключением грех из obsługi, все в сборе!

Нарядчик дает команду, и блюстители порядка привели таинственных бригадников.

За ворота пересылки по картотеке вызывают все новые и новые бригады и направляют в большущий строй по десять в ряд, пересчитают и заставляют садиться. Только когда солнышко описало полукруг на земном шарике и покатило к закату, вызвали ЗУРовцев. Без особых приключений подстроили бригаду в хвост колонны; то, что досталось тому или иному бригаднику по ребрам, — это не приключение, это нормальное явление в этапах. По-над сидячим строем носят старую армейскую и японскую одежду, предлагают этапникам потеплее одеваться в дальний путь, наводя сильный ужас на сидящих в десятках. Ведь 10 июня (709), начало лета, а тут носят зимнюю одежду, поневоле запаникуешь. Из жизненного лагерного опыта бригадир знает, что по лагерям большинство истощает и умирает зимой и зябкой весной, а там, на севере, говорят: «Двенадцать месяцев в году зима, а остальное — лето». Павлик как бригадир велит бригадникам приобмундироваться бушлатами и телогрейками, на этапе придутся вместо матрасов и одеял. Но ЗУРовцы неохотно берут эту одежду, боятся, что не донесут к пароходу. Ребята так сильно истощены, что не думают о завтрашнем дне — сегодня бы прожить.

Вдруг этапники заметили странное поведение конвоя — то сбегутся все вместе, то снова рассыпаются кругом

сидящей колонны заключенных, словно пьяные. На небе не единой тучки, воздух прозрачный, солнышко припекает градусов на тридцать пять. Внезапно что-то ужасно сильно гроыхнуло, и трехтысячная сидящая масса тел припала к родимой матушке-землице, образовав единый комок живых тел. Взрыв неимоверно страшной силы потряс все вокруг. Над Бухтой Находка в этот же миг поднялось черное грибообразное великое облако и в один миг похоронило голубое прозрачное небо. Наступила непроглядная ночь, даже соседа не видно, только ощущаешь, что он рядом лежит. После взрыва такая тишина воцарилась, как во сне. Взрывная волна, как смерч, пронеслась на уровне крыш бараков. С труб посыпались кирпичи, из окон, напевая разнообразные трели, посыпались стекла. Лишь когда начало чуть-чуть светать, зашумели. Каждый ощупывает себя — живой ли? Потом загалдели, задвигались, некоторые стали подниматься на ноги, ничего толком не соображая. В полумраке оседающей пыли забегали конвоиры, еще сильнее заволновались, чем до взрыва.

— Садись!.. Не шевелись!.. Стрелять будем!..

Небо чуть-чуть прояснилось, но солнышко скрыто в непроглядной мгле. В этот роковой миг Павлик подумал: «Конец света! Страшный суд наступил!» Вдруг закапал, а потом полил черный нефтяной дождь, оставляя несмыываемые следы на одежде. Постепенно мрак рассеялся. Конвоиры стали увереннее командовать, и паника прекратилась. Через полчаса томительного ожидания этапников подняли и без муштры «Первая!.. Вторая!..», не считая, как стадо животных, загнали через открытые ворота в зону пересылки.

Пароход «Дальстрой», на котором должны уйти этапники на остров Кресты, который находится севернее Чукотки (710), пришел из Владивостока с военнопленными японцами. Когда выгрузили и отправили пленных, то обнаружили, что в трюме отстукивает адская машинка (711). В трюмах парохода под железными сланями (712) капитально занайтован в дальнюю дорогу аммонал. Капитан «Дальстро́я», оценив обстановку, сообразил, что минуты корабля сочтены, нескольким добровольцам разрешили остаться разнайтовывать слани и искать этот адский механизм. Остальной команде приказал покинуть

(710) Овчаренко передает слухи, ходившие между заключенными. На самом деле «Дальстрой» готовился к отплытию в Магадан.

(711) Версия, согласно которой взрыв парохода «Дальстрой» стал следствием диверсии, в результате расследования не подтвердилась. Прибывшими в Находку заместителями министра внутренних дел В. С. Рясным и С. С. Мамуловым было установлено, что причиной взрыва стал пожар на судне. Кроме того, они констатировали преступную халатность, допущенную в обращении со взрывчатыми веществами на находкинской базе Дальстро́я (см. донесение министра внутренних дел С. Н. Круглова Сталину от 14 августа 1946 г. — ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 138. Л. 365—568).

(712) Слани — настил (морской термин).

(713) Кранцы — мягкие прокладки для защиты бортов судна от соприкосновения с причалом или бортом другого судна.

(714) Фактически события развивались несколько по-другому. В трюме «Дальстро́я», стоявшего под погрузкой, произошло возгорание; учитывая, что на судне среди прочего находился груз аммонала, капитан парохода В. М. Банкович принял отчаянные меры, чтобы потушить пожар, и только убедившись в тщетности усилий предотвратить катастрофу, приказал команде покинуть судно. Сам капитан не успел укрыться и погиб в результате взрыва. Взрыв парохода «Дальстрой» стал одной из самых крупных катастроф такого рода в истории. Грохот был слышен за 60 км от Находки. По официальным данным, в результате взрыва пароход разорвало на части, была полностью уничтожена застройка причала на мысе Астафьева, многочисленные повреждения получили здания на территории лагеря и в гражданском поселке.

Вместе с пароходом было уничтожено: взрывчатки — 917 т, сахара — 113 т, разных промтоваров — 125 т, зерна — 600 т, металла — 392 тонны. Мазут в количестве 1800 т, находившийся на судне, в результате взрыва выпал на землю в виде нефтяного дождя. Было убито и умерло от ран 105 человек, в том числе: военнослужащих — 22, гражданского населения — 34, заключенных — 49 человек. Серьезные ранения получили 196 человек, в том числе: военнослужащих — 55, гражданского населения — 78 и заключенных — 63 человека. Особенно пострадали заключенные-грузчики, работавшие на причале. Разрушения в порту Бухты Находка оказались столь серьезными, что основные грузопотоки после этого были перенесены отсюда в порт Ванино.

Подробнее об этих событиях см. воспоминания выжившего старшего помощника капитана парохода «Дальстрой»: Куянец П. П. Я бы снова выбрал море: Очерки. Путевые заметки. Воспоминания. Интервью. Владивосток, 1998, а также донесение министра внутренних дел С. Н. Круглова Сталину от 14 августа 1946 г. (ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 138. Л. 365—568).

корабль. Сам капитан поднялся на мостик, поднял сигнал на фалах под самую рею, по международному своду сигналов: «Терплю бедствие! На корабле взрывчатое вещество! Всем кораблям покинуть бухту!» В порту загудели гудки, зашумели люди, зарычали моторы, зазвенели якорные цепи, захлестали швартовы, заскрежетали в спешки стальные корпуса пароходов, отчаливающих от пирса и причала, здесь командам не до кранцев (713) и не до жиру — быть бы живу. Команда «Дальстро́я» кинулась спасаться за выступом прибрежной сопки. Во всех уголках порта поднялась небывалая паника. Заключенные-грузчики тоже побежали вслед за дальстроевцами, но их встретил неумолимый часовой на вышке автоматной очереди. Появился начальник караула и дал команду часовому: «Прекратить огонь!!! Всем укрыться за сопкой! Быстрей!.. Быс-с-с...» В этот миг взрывной волной оторвало ему голову. Все смешалось, завертелось и потонуло в адском взрыве. В этот же миг, когда грянул неумолимой силы взрыв, на месте «Дальстро́я» показалось дно причала. В один миг смешалось все: руки, ноги, тела, головы, крупа, мука, мешки, щепка от ящиков, бочек, поднятые в воздух обломки «Дальстро́я». Набежавшая волна с огромной силой ударила в причал порта, и в одно мгновение исчезло все то, что осталось не приподнятое в воздух или успело уже с грохотом упасть назад на погрузочную, искореженную до неузнаваемости площадку, и хотя волна еще не раз набегала на причал, но она уже потеряла силу что-нибудь прихватить в свою прожорливую пучину.

Через полчаса принялись вывозить из порта грузовиками останки мертвых в братские могилы. Заключенные и здесь проходят тщательную проверку — собирают из кусков, сопоставляют, он это или не он, и хоронят тоже отдельно от гражданского населения. Раненые выглядывают из кузовов машин, черные, как негры, только зубы блестят сахарной белизной. Сколько горя, крику, стона и страдания пережили в этот день сотни людей и заключенных в бухте Находка (714)! Но прошло время, снова появилось солнышко в расчищенном небе, и потекла жизнь своим чередом.

После этого ужасного случая неделю не отправляли этапы. С материка напичкали в пересылку так, что

даже трудно найти место в зоне переспать. А когда отправили очередной этап на Колыму, о резервной бригаде словно забыли, никуда ее не отправляют.

Большой летний день. Раздаст бригадир дневной рацион, и идут в зоне глазеть: бригадир, Гошка, Гришко и новый подхалим Клименко-морячок. Сначала идут к женской зоне, там шоколадницы дают представление. С этой стороны жучки кричат: «Примадонны! Концерт будете давать?..», а с той стороны отвечают: «Голодранцы вы неприкаянные!..» С той стороны отвечают: «Эсэсовские вы подстилки!.. Слабо вам раздеться до пупка!..» Шоколадницы словно того и ждали — как по команде несколько красавиц предстают во всей своей нагоде, и среди них яйская, та самая, которую Павлик рассматривал в изоляторе Яи на расстоянии трех метров нагой.

— Пойдем концерт смотреть в клубе, — предлагает Гошка.

— Сегодня в клубе выступают Козин Вадим Александрович и Лидия Андреевна Русланова (715), — информирует Клименко. — Какая тебе, Павлик, больше всех песня нравится Лидии Андреевны?

— Ну что за вопрос?.. Конечно «Валенки».

— А мне «Златые горы!»

— Э, Ваня, — говорит Клименко. — Эта песня запрещена, она сроком пахнет! (716)

Клуб-барак набит битком, даже кругом барака пестрит икра человеческих голов, слушают в открытые окна знаменитого артиста. А он заливается своим бархатным голосом за поллитра баланды:

Тихо и плавно качались качели,
Горе забудем вдвоем... (717)

Потом спел «Я ненавижу в людях ложь» (718). Русланову не дождалось, ее уже отправили в Колымскую область. Возвращаясь к своей палате, друзья увидели, как избивают у комендатуры афериста, который выдавал себя за сына Буденного.

(715) Козин В. А. (правильное отчество Алексеевич, 1903—1994) — популярный эстрадный певец, сочинитель песен и романсов. Русланова Л. А. (1900—1973) — популярная исполнительница русских народных песен. Оба прошли через ГУЛАГ, где сами, будучи заключенными, давали концерты, главным образом для лагерной администрации, а не для подневольной публики, однако описанная Овчаренко сцена в действительности не могла иметь места. Козина доставили в Магадан транзитом через Бухту Находка еще в ноябре 1945 года, а Русланова будет осуждена только в 1949 г. Ни в Находку, ни на Колыму она не попадет, будет отбывать наказание в других местах — в Озерлаге на территории Иркутской области.

(716) «Валенки» и «Златые горы» — русские народные песни из репертуара Лидии Руслановой. В последней речь идет о победе «в страну чужую».

(717) Неточная цитата из вставной арии «Качели» из оперетты Ф. Легара «Веселая вдова» в переводе Л. Л. Пальмского и И. Г. Ярона.

(718) Анахронизм. Песня Вадима Козина на стихи А. Д. Дементьева «Я ненавижу в людях ложь» была написана только в 1971 г.

Как-то подошли своей свитой к рабочей зоне погрузить о былом. Увидели бригадника Мишу, и он рассказал:

— Вас продал Сомов — тот, который подхалимничал у вас!

— Что же ему надо было от нас?..

— Вот чудак!.. Да он же сейчас на твоём месте бригадирит! Он и вещи ваши присвоил, да он сейчас живет как барон, достал галстук и ходит пижон-пижоном! Взял на крючок нарядчика Генку. Носит ежедневно ему взятку. Мы сейчас на сахаре работаем, но и сахару не рады, зажал он нас... ой-йой-йой!..

— Миша!.. Дорогой!.. Принеси, пожалуйста, бумаги! Там ее на складе непечатый край, рулонами лежит, а здесь нужно на хлебушек менять, — просит Гришко. — Накатаем Генке письмецо на рябого. Я никогда ни на кого не доносил, а этого гада с радостью сырым проглочу!

Только принес Миша бумагу, Гришко сразу написал что-то Генке и даже друзьям своим не показал, отдал Мише и велел Генке лично в руки вручить.

Через день рябой очутился в ЗУРе. На него было подано заявление, что он собрал много вещей, оделся в гражданскую одежду и готовился к побегу на маньчжурскую сторону.

В свободное время «квартет» ежедневно отправляется к ЗУРу поглумиться над рябым. Здесь, как и в то время, когда друзья здесь «загорали», без перемен. Так же стоят и лежат высохшие призраки у проволоки «в арифметику» и так же просят водички, как когда-то «трио» просило. Только теперь уже стоит и рябой с протянутой консервной банкой и нагло к каждому пристаёт:

— Дружок, принеси водички!..

— А-а-а!.. Тварь позорная, и ты здесь?.. — ликует Гришко. — Ну как, здесь не пахнет сахарком?..

А рябой как будто и не понимает, в чем дело, как святой апостол в ореоле стоит, словно он и не причинял бригадникам зла.

— Павличок, Ванечка, Гоша!.. Дорогие вы мои бригаднички! — блуждает он серыми продажными глазами. — Как хорошо, что я вас увидел, как хорошо что вы пришли!.. Ребятушки! Милые!.. Принесите баночку водички!..

— Мы тебя, стукач, напоим сейчас сполна водичкой!.. — злорадно смеется Гришко. — Отвечай, тварь позорная, за что ты меня в ЗУР закатал?.. Образина ты африканская! Крыса ты! Тошно тебе будет от нашей водички! Ты уже сто лет лишних живешь на этом свете!

К рыку и лаю вышибал, которые стоят по углам, друзья давно привыкли и не обращают никакого внимания.

— Братишки! Сейчас организую водички! — обратился Павлик к шустрым ЗУРовцам. — Клименко, сходи набери два котелка. Организуем попойку до упаду.

У Клименко в замусоленном рюкзаке, который прошел ЗУРовский ад, лежат три пайки бригадников из obsługi и два вымытых котелка — бригадира и Гошки. За то, что он сохраняет паечки, получает ежедневно лишнюю порцию баланды.

— ...А вы, милочки, пропустите этого стукача. Этот гусь нас в рабочей зоне оперативнику заложил с потрохами!

— Нет, бригадир, без потрохов, потроха он себе присвоил в рабочей зоне. У-у-у!!! Гад!!!

Рябой от страха побледнел. Шустрые стараются заработать воды, тасуют (719) кто чем может рябого. С этого дня за эту святую жижу Сомова ежедневно избивают ЗУРовцы до полусмерти. И когда он видит, [что] к ЗУРу приближаются друзья, он быстро прячется в вонючий барак, но кто желает промочить в горле, выволакивают его оттуда и отвешивают очередную порцию тумачков.

Среди лета назначили провинившегося блюстителя порядка на этап. Он сообщает, что в тюрьме его ждет самосуд (720). Рванул он к пилораме, подставил руку, и она отлетела по локоть. Его все равно вытолкали в строй этапа.

— Это произвол!.. — кричит он наблюдающему за ходом этапа прокурору. — Вы не имеете право в таком состоянии отправлять на этап! Судите меня по закону как членовредителя!..

Прокурор показал в сторону этапа, и конвоиры посадили его в очередную десятку, даже не перевязав.

(719) Избивают. От укр. «тасувати» — бить.

(720) Речь идет о «суке» — заключенном из блатных, который, замарав себя сотрудничеством с администрацией, опасался мести «законников». После войны в лагерях между «суками» и ворами, придерживавшимися классического «закона», быстро нарастала напряженность, которая в начале 1950-х годов вылилась в так называемую «Сучью войну». Цитаделью «сук» были пересыльные лагеря в Бухте Находка и Ванино.

(721) Оголец (блат. жарг.) — бойкий мальчишка, начинающий вор.

(722) Из «Песни о вещем Олеге»
А. С. Пушкина.

(723) «Запорожец за Дунаем» —
комическая опера
С. С. Гулака-Артемовского.

Присутствующий здесь же врач высокого ранга такой мелочи не заметил.

Портовые грузчики рабочей зоны вечером принесли новость пересыльникам, что еще до выхода парохода в море членовредителя вытащили из трюма. Его, истекающего кровью, законники додали и передали на пересылку всем сукам, что их ждет такая же участь на Колыме.

Воры на пересылке активизировались, собрались в один барак со всей пересылки. Разобрали кирпичную печку, подтащили кирпичи к окнам, на верхние и нижние нары, наложили кучу кирпича у дверей. Это произошло в девятой палате, где расположена бригада Иванова. Жулики заставляют носить кирпичи и бригадников, но бандеровцы не дураки, при удобном случае разбежались подальше от барака, предчувствуя что-то варварски злое. Кропотливо подготовившись, жулье послало огольца (721) в комендатуру донести, что в бараке жулье в открытую играет в стос и базарят, что они не боятся сук. Услышав о такой наглости воря, десяток блюстителей ринулись в барак, горя желанием накрыть на горячем месте «неразумных хазар» (722) — нарушителей режима в огромной пересылке. За суками не спеша потопали два надзирателя, надеясь, что, пока подойдут, мазеповцы сделают свое дело. Толкая друг друга, рисуясь друг перед другом, блюстители ворвались в барак, грозно командуя: «Ложись, жулье!.. Воры, на нары!.. Сдавайте свои стирь!..» В ответ со свистом и визгом в блюстителей, столпившихся в проходе у дверей, полетели один за другим увесистые кирпичи. Они моментально сообразили, что попали в переplet. Их в этом убедили кирпичи. Два свалились в предсмертных судорогах, остальные в ссадинах и синяках бегут из барака без оглядки — куда и прыть, и чванство делись! Подоспевшие надзиратели пронзительной трелью подняли тревогу. На вышках огромной пересылки заквакали чугунные рейки. В лагерь хлынула вооруженная охрана. По инструкции НКВД, запрещено входить в зону с оружием, но «султан далеко, а чарка близко!», говорил турок в «Запорожце за Дунаем» (723).

По ходу охрана всех без исключения загоняет в бараки и закрывает. У каждого барака поставлен часовой. Придурки тоже рады стараться, все бегут к бунтарскому бараку в поддержку охране. Окружили восставших со всех сторон. Рисуюсь перед другими блюстителем, кидаются напролом в дверь, но их встречает градом летящих кирпичей хорошо организованный отпор жульи. Прибежал озверевший начальник пересылки и с ходу принялся расстреливать из пистолета засевших в бараке обреченных. После того как поразбрасывали все кирпичи и нечем больше сражаться, бунтари подняли руки и вышли из своей цитадели. Их оказалось человек шестьдесят. Блюстителю порядка усердствуют перед начальством, доказывают, что они недаром хлебают баланду, бессердечно избивают побежденных, сопровождая израненных в изолятор.

В изоляторе жульи объявило голодовку, требуя прокурора, но начальник пересылки заявил:

— Поголодаете и перестанете!..

Он тоже боится сообщать, ведь такое время, что могут и его отправить на Лубянку. Творится в стране темная ночь; не знаешь, где найдешь, а где потеряешь.

В знак протеста отъявленный жулик разделся донага и пришил себе на теле два ряда огромных пуговиц, наводя дикий ужас своим окровавленным телом и страшным рыком:

— Режьте мое тело на куски!.. Сосите мою кровь!.. Дайте мне прокурора!.. Произвол!.. За что мы страдаем?..

Начальник лагеря вызвал прокурора и сообщил о восстании и голодовке в высшие инстанции НКВД.

— Чем могу служить?.. — спрашивает явившийся прокурор.

— Мы требуем прекратить произвол на пересылке! — заявил вожак. — По какому праву и закону суки гуляют по пересылке в открытую с финками?

Прокурор прекрасно понимает, что в такой большой пересылке без помощи блюстителей порядка из среды заключенных не обойтись. Дай волю этим жуликам, объявившим голодовку, воображающим себя униженными и оскорбленными, и, добившись соблюдения законности, они устроят еще больше произвола, анархии и крови, чем при этих блюстителях творится. И он ответил:

(724) Кидзуро Сидэхара (1872—1951) — премьер-министр Японии с 9 октября 1945 г. по 22 мая 1946 г. Мамору Сигэмицу (1887—1957) — министр иностранных дел, 2 сентября 1945 г. подписавший Акт о капитуляции Японии, после чего был предан суду Международного военного трибунала в Токио в качестве военного преступника. В правительстве Сидэхара он не входил и в описываемое время находился в тюрьме.

— Никто по лагерю с финками не гуляет! Это вам с перепуту мерещится! И вообще... Не нравится у нас вам порядок на пересылке?.. Я помогу вам на первый же этап уйти, конечно, с довесочками за бунт и саботаж; в общем, вас ждет всех пятьдесят восьмая статья пункт четырнадцать, а вожаку и еще некоторым активным бунтарям высшая мера наказания предстоит! И еще этому портному-фокуснику, который пуговицы на теле пришил. Он рассчитывал нас ошеломить? Нет!.. Нас не удивишь такими представлениями, мы не такие номера видели от таких же отбросов общества, нас ничем не удивишь, мы — чекисты! За членовредительство режимные лагеря его поджидают, чтоб иным неповадно было портняжничать! И больше ничем не могу помочь. А порядок из-за вас на пересылке никто менять не будет! Это вам надо запомнить! Ждите этапа тихо-мирно, спокойно, чтоб я о вас больше не слыхал! Попытайтесь еще номера выбрасывать, всех под вышку подведу!.. — отвернулся и ушел.

После «Дальстроя» загорелась нефтебаза, и вновь не без помощи японцев. Черный столб дыма поднялся высоко-высоко в небо, а иногда и пламя рвется ввысь. Пересыльщики, напуганные огромным взрывом «Дальстроя», ждут с минуты на минуту чего-то ужасного, ведь там большие цистерны с горючим — Павлик лично сам видел, когда водили на склад работать. Под вечер укротили эту стихию, а ночью под самой пулеметной вышкой, где пулемет периодически постреливает, бежало двадцать девять заключенных из пересылки. И снова бесконечные тревоги, проверки в этой огромной пересылке, муштра, побои, панические сплетни одна страшнее другой. Утром не успели получить паечки, на широкой пересыльной дороге показались в сопровождении советского автоматчика три японца. Два японских офицера у всех на виду бессердечно избивают ремнями своего солдата.

— А знаете, братцы, — говорит Клименко, — у них круговая порука, один за всех и все за одного, если кто убежит, будет всем им и на работе, и в зоне жестокий режим. А он, вероятно, спрятался и хотел бежать под крылышко своего императора, премьер-министра Сидзуоки и министра иностранных дел Мамору Сигемицу (724). Вот они и проводят воспитательную лекцию о вреде побега.

(726) Лагерная песня «Ванинский порт» («Я помню тот Ванинский порт»), сочиненная в конце 1940-х гг., в разных вариантах получила широкое распространение в качестве неофициального гимна колымских заключенных.

(727) Суриковое — оранжевое, цвета свинцового сурика, которым традиционно окрашивалась подводная часть корпусов кораблей.

Не песня, а жалобный крик
Из каждой груди вырывался:
«Прощай навсегда, материк!»
Храпел пароход, надрываясь...

...

Будь проклята ты, Колыма,
Что названа чудной планетой.
Сойдешь поневоле с ума —
Оттуда возврата уж нету...

Из песни «Ванинский порт» (726)

Наконец-то подвели к стальному красавцу с четкой ватерлинией, на добрый метр выступающей над поверхностью горько-соленой воды, отграничивая точно суриковое (727) днище гиганта от шарового борта надводной поверхности. По бортам носовой и кормовой частей огромного трюма — приготовленные четырехъярусные деревянные нары. Даже под спусковым железным трапом не прекращается строение нар. Сюда, на эти нары, разместили полторы тысячи этапников, вторую половину разместили за машинным кожухом в носовой части трюма. Днище трюма занайтовано железными сланями, там погружены продукты. Бригада ЗУРовцев попала на третий этаж, посредине трюма у левого борта. Напротив бригады ЗУРовцев на самых верхних нарах, под самой палубой разместились блатные со всего трюма. Только закрыли люк, жулье принялось творить самосуд над стукачами, блюстителями порядка и всякими неугодными, на их взгляд, нарушителями их воровского закона. Окружат со всех сторон свою жертву и с наслаждением садистов глумятся и насмеваются с вульгарным воровским жаргоном, наводя дикий ужас в трюме. «Да, — думает Павлик, — там, в вагоне, контрики были в теле, можно было организовать и отпор, а здесь что с этих истощенных бандеровцев возьмешь, как их организуешь в единицу, если их ветром качает?»

Пароход-гигант покинул бухту, направляя свой форштевень (728) в бесконечно суровые просторы океана. С шумом движущихся механизмов машинного отдела смешался жалобный крик сопровождающих чаек — вечных спутников кораблей.

На второй день покачивания в трюме староста объявил:

— Бригадирам взять мешки и на палубе у шкафута (729) получить сухари на бригады.

Тут поднялась такая кутерьма, в некоторых бригадах не оказалось мешка, кто одеяло принес, кто простыню, а кто и рубашку приспособил вместо мешка.

На палубе, куда ни глянь, бушуют черные волны, пасмурно кругом. Над пароходом висит солнышко, но оно совсем не такое, как на материке, красное-красное, светит, но ни граммочки не греет. Зябко на палубе. Далеко-далеко в тумане справа и слева чуть-чуть виднеется земля.

Возвращаясь с сухариками, бригадир зацепился за гак (730) машинного кожуха, упал и разорвал брюки на живом месте.

— Потерпел, братцы, крушение! — весело сообщает бригадир бригадникам. — Летел, как узкорылый альбатрос, а за сухарики держался, как вошь за кожуха! Клименко, дружище, ты на пересылке предлагал мне флотские брюки, выручай своего бригадира! Давай надену, совсем голый остался!.. Ты что, мнешься?.. А-а! Ж-а-ль?!!

— Так они еще совсем новые!.. А едем на новое место, может, на первый случай кого-нибудь придется подмазать или на хлебушек обменять, ведь брюки-то флотские!..

— Эх ты, парень-парень!.. Какая же у тебя короткая память... Только вчера там, на пересылке, льстил, подхалимничал, готов был ягодицы мои целовать, а прошло всего день, и ты забыл?.. Камбала ты одноглазая! Жаль мне не тебя, а морской флот, который ты, вежливо говоря, обкакал!

— Бригадир, возьми мои! — протягивает бандеровец Омельченко. — Правда армейские, но новые!

— Спасибо, дружище, но такие у меня есть, не люблю я этого галифе — и так тощий, а в них как свеча

(728) Форштевень (морской термин) — здесь: нос корабля.

(729) Шкафут (морской термин) — средняя часть верхней палубы.

(730) Гак (морской термин) — крюк.

(731) Ироническое сравнение «богатого» ээка, у которого есть запасные брюки, с героем сатирической поэмы С. Я. Маршака «Мистер Твистер» — миллионером, «владельцем заводов, газет, пароходов».

(732) Для заключенных, работавших за полярным кругом, были установлены нормы питания, повышенные на 25 процентов по сравнению с обычными (кроме хлеба).

(733) Вариант блатной песни «Гоп со смычком».

(734) Вариант лагерной песни «Здравствуй, мать, прими письмо от сына».

догорающая, а бригадир-то должен внушительно выглядеть, а иначе ноль ему цена — так-то, мистер-твистер (731) Омельченко!..

Клименко у всех бригадников на виду на пересылке ежедневно получал лишнюю порцию баланды, а теперь жалеет какую-то тряпку. И по этой, и по иной причине бригадники отвернулись от него, злорадствуют. Клименко глубоко ошибся — те, что были в службе на пересылке, устроились в пароходную службу и не явились на дележку сухарей.

После раздачи сухариков в блатной уголок понесли словно дань те, кто успел уже проиграть свой дневной рацион. То же самое повторилось при раздаче густой затирки, которую раздают 750-граммовым черпаком. Это северный паек (732) — как попали в трюм этапники, стали северянами.

Наевшись до отвала, кудесники картишек устраивают развлекательный концерт. Первым номером программы исполняют ээковские песни, выламываясь друг перед другом:

Ах, граждане, товарищи, друзья!
Вот послушайте, прошу, меня!
Ремесло я выбрал кражу,
Из тюрьмы я не вылажу!
Гоп со смычком — это буду я!..
Ха-ха!!! (733)

Павлику запомнилось более сердцещипательное:

Ты помнишь, мать,
Как я играл на сцене?..
Веселил рабочий я народ!
А ты часто, часто у калитки,
Поджидала сына у ворот!
Завели меня в края далекие,
С одичалой буйной головой,
И разбили жизнь мою, разбили,
Разлучили, матушка, с тобой... (734)

Кончил этот, начал иной новую:

Далеко из колымского края
 Шлю тебе я, Тамара, привет!
 Как живешь ты, моя дорогая?
 Напиши поскорее ответ!..
 Я живу близ Охотского моря,
 Где кончается Дальний Восток.
 Я живу и в нужде, и в горе,
 Строю новый стране городок... (735)

(735) Вариант лагерной песни
 «Я живу близ Охотского моря».

(736) «Жалостная» песня
 «Сиротка» на основе широко
 известного в свое время стихот-
 ворения К. А. Петерсона
 «Молитва» (1843).

За этой песней полилась еще грустнее, напомина-
 ющая далекое прошлое детство тридцать третьего года:

Вечер был, сверкали звезды,
 На дворе мороз трещал.
 Шел малютка той дорожкой,
 Посиневший весь, дрожал.

— Боже! — говорит малютка, —
 Мама родная моя!
 Кто напоит и пригреет,
 И положит спать меня?..

Шла старушка той дорожкой,
 Услыхала сироту,
 Приласкала, накормила,
 Положила спать его... (736)

За выигранную затирку нанимают доходят выки-
 дывать смешные клоунады. Особенно пользуются успе-
 хом бандеровцы и среди них Масько — низенький, полу-
 горбатый, слепой на один глаз, до того рыжий, до того
 похабный, ну настоящий скоморох, не надо и гримиро-
 вать. Рассказывают его земляки, он был личным секретарем
 самого Бандеры. Дают ему жучки порцию затирки, он
 поест и миску по-псиному вылизывает под общий смех
 трюма. Голодные и те смеются, у кого сохранилось еще
 человечество.

— Ну, теперь, бандера, потанцуй!.. — раздается
 команда с верхотуры.

И Масько посредине трюма на сланях начинает
 развалисто танцевать, припевая:

І тини, і млини,
І червоні жупани!.. (737)

В трюме взрывается хохот, до того комично у него получается: и западный говор, и вялое притопывание ногой, кажется, вот-вот он упадет и развалится на мелкие части.

После случая с брюками ЗУРовцы еще более сплотились. На пересылке получил дневной паек — и кто куда по огромной зоне, а здесь никуда не пойдешь от своих бригадников. А тут еще ежедневно лишних три порции густой затирки. Раздатчик отсчитывает тридцать порций живой очереди, одну лишнюю получает Гошка всегда, а остальные две бригадир назначает кого-то из бригадников получать. Клименко окончательно выпал из коллектива бригады, даже лег на краю, не признает колхозного строя. Бригадир с Гошкой хотя раз в сутки изрядно подкрепляются и не обращают никакого внимания на отшельника. Павлик старается быть добрым к бригадникам, он в глубине души лелеет мечту на новом месте тоже стать бригадиром. С этой целью он не делит сухарики, а поручает активу бригады — Гошке, Гришко и Омельченко — распределять на тридцать кучек. Но какая бы ни существовала демократия, все равно одна кучка получается горелых и плесневелых сухарей. Бригадир с интересом наблюдает за этим «трио» при распределении, никто никогда никого не толкает, не моргает, а самая худшая кучка попадает Клименко. А бригадники почему-то торжествуют. И не выдержал отшельник, пошел пожаловался старосте трюма. Подошел староста и спрашивает:

— Что это на тебя вот этот гусь жалуется? — показывает он на Клименко. — Что ты его, заморить хочешь? Выдаешь всегда ему горклые сухари! И надо делить на двадцать семь кучек, а ты делишь на тридцать!

— У меня, уважаемый староста, бригада как у всех, тридцать человек, и никто в моей бригаде пока дуба не врезал, как в некоторых бригадах! Вот список бригады! — и подал старосте замусоленную бумажку. — И как же ему не стыдно? А еще морскую форму напялил на себя, самозванец, разве во флоте кляузники бывают?.. Я, староста, сухариков не делю и не раздаю! Схожу, получу, приношу, ложу на нары, а бригадники сами делят и по жребью «„Кому?“ —

„Ему!“» раздают. Правильно, братцы, я калякаю? Может, ему эта демократия не нравится?.. Так пусть скажет!..

— Мы сами делим!.. — шумит Гошка.

— Бригадир принес сухарі і віддає нам, а мы у усіх на очах ділим рівно на тридцять купок! (738) — подтверждает бандеровец Омельченко.

Соседние уголовники тоже зашумели: «Контрики законно делят!..» — «Староста! Дай ему печенья!..» — «Пайка мала, рот большой!..» — «Бригадир, вместо сухариков барашку (739) ему выдели!..» — «Завтра отдашь на поверку мне свои сухарики!..» — «А мармеладку хочется тебе?!..» — «Моряк — медуза каботажного плаванья (740)!..»

Бригадир торжествует, все за него. Такое в лагерях везде творится — «на кого бог, на того и люди». Староста убедился, что Клименко всего-навсего стукач, саданул ему кулаком под дыхало, и он упал на железные слани.

— У-у-у!.. Гидра! — шипит он. — А идет кляузничать!

Долго лежал Клименко, переживая вопиющую несправедливость. Наконец встал, залез на свое место, укрылся своей черной шинелью и долго-долго рыдал.

Прошло несколько сравнительно теплых деньков покачивания в трюме. Как-то при очередной вылазке за сухарями бригадиры заметили, что скрылся из виду колымский край.

— Куда вы нас везете? — спрашивает любопытный географ в комсоставской шинели пехотинца у каптера, отпускающего сухари.

— Хо-хо!.. — смеется каптер. — Туда, где Макар телят не пас!

Чем дальше пароход идет на север, тем холоднее становится в трюме. Когда солнышко пригревало, борта парохода потели. Заключенные раздевались, потому что в одежде вши надоедали. Но кончилось теплое блаженство, теперь уже бригадники собрали вместе теплую одежду, которую выдавали, когда взорвался «Дальстрой», да и была собственная кое у кого. Половину подстелили под себя, а половиной укрываются, прижимаясь друг к другу плотным комом.

Бывает, от скуки Омельченко напевает приятным лирическим голосом душещипательные песенки. Особен-

(738) Бригадир принес сухари и выдает нам, а мы у всех на глазах делим ровно на тридцать кучек! (укр.).

(739) Барашки (блат. жарг.) — деньги.

(740) Каботажное плавание (морской термин) — плавание между портами в пределах одного государства. В переносном смысле то же, что «мелко плаваешь!»

(741) Гуцулка Ксеня,
Я тебе на трембите
Лишь один в целом
свете
Расскажу про
любовь!
Душа страдает,
Звучит трембита,
А любящее сердце
Горячо, как жар.
(укр.).

Вариант припева танго «Гуцулка Ксеня» на музыку западно-украинского композитора Я. В. Барнича, написанного в 1932 г. и популярного до войны на территориях Украины, в то время не входивших в состав СССР.

(742) Нет, друзья, я с этими байками не согласен — жена это твоя половина! К примеру, моя мне верна, как домашняя собачка! (укр.).

(743) Имеется в виду русская народная сказка «Иванушка-дурачок», герой которой хитростью спасается из мешка, куда его посадили братья, собираясь утопить; затем он вместо себя заманивает в мешок глупого и жадного барина (пана) и, наконец, обманом губит своих злых братьев.

(744) Сказочный сюжет «Чей сон лучше?» широко распространен среди народов мира; в частности, известны подобные русские и украинские сказки.

но всем нравится «Гуцулка Ксаня». Хотя в этой песне нет ничего политического, но в нашей «свободолюбивой» стране она запрещена лишь потому, что ее распевают в капиталистических странах. Даже близлежащие уголовники прекращают свои питательные романы, вслушиваясь в мелодию этой милой сердцу песенки. Только в блатном уголке она не нравится: «Что там мычат?..» — спрашивает один. — «Да это хохлы едут!» — отвечает второй. А песня действительно сердцещипательная:

Гуцулка Ксаня,
Я тобі на тримбіті
Лишь одін в цілім світі
Розкажу про любов!

Душа страждає,
Звук тримбіті лунає,
А що серце кохає,
Бо горячее як жар... (741)

— Да-а... — подает голос Гришко. — Это настоящая любовь! «Душа страждає!..»

— Какая там любовь? — говорит пожилой Ивасюк.

— Ні, друзі, я не згоден з цими байками — жінка це половина твоя! Наприклад, моя вірна мені, як домаше цуценя! (742) — говорит Омельченко.

— Братишки, давайте я лучше роман тискану!

Гриша-Пройдоха любит рассказывать, как Ивашка-дурачок пана утопил и братьев обдурил (743). Или как загадали голодные на ночь сон, кому лучший приснится, тот и съест курицу, которая им досталась одна на четверых. И когда утром все рассказали свои чудесные сны: один у царя за обеденным столом сидел, второй скатерть самобранку имел, а третий у принца на свадьбе пировал. «А тебе, Ванюша-дурачок, что приснилось?..» — «Мне ничего не приснилось, я думал, вы сыты, наелись во сне за богатыми столами и не схочете теперь есть эту паршивую курицу, вот я ее и съел» (744). А Пройдохой его называют потому, что он и у бандеровцев побывал, и по Матушке-России изрядно поколесил, подыскивая золотую рыбку, а она так глубоко плавает: сейчас, например, на самом дне Берингова моря.

— Ну давай, толкай свой роман! — не терпится Гошке.

— По городу Магадану!.. Про-м-ча-лась чер-р-ная... чер-р-ная ма-ши-на... — Сделав солидную паузу, чуть громче продолжил: — С по-тух-ши-ми фа-ра-ми... — И снова умолк. — А на ма-ши-не боль-шу-щими бук-ва-ми бы-ло на-пи-сано... — И снова замер.

— Ну, давай!

— Ну, говори!..

— Что ты тянешь, как кобылу за хвост?..

— ...На-пи-са-но: ХЛИБ, ХЛИБ, ХЛИБ (745)... —

и понизив голос до шепота, продолжил: — А внизу маленькими буквами чуть-чуть просматривается: с а л о, м а с л о, к о л б а с а!.. — и умолк.

— Это весь роман?.. — разочарованно спрашивает Гришко.

— Нет, дорогой Ваня, не весь, он бесконечный, слушай внимательно: «С этим хлебом машина скрылась за кирпичной тюремной стеною, где молодой арестант умирал» (746).

Еще в жаркую погоду завелись вши у всех этапников в трюме, а здесь как похолодало и друг к другу прижались, с каждым днем их размножается все больше и больше. Сначала стеснялись друг друга копать и уничтожать этих кровососов, но они своим назойливым нахальством вынудили с ними в открытую бороться. Поначалу робко, а потом весь трюм взялся за них. ЗУРовцы больше двух месяцев находились на пересылке и в ЗУРе, а там в баню не водили. Было жаркое время, кто не ленился, умудрялся мыться с песочком самостоятельно, но это ведь не то, и одежда, хотя стиралась, но не прожаривалась. А тут еще в бригаде коллективная постель, нигде в трюме такого нет. И бригада ЗУРовцев принялась организованно два раза в сутки бить этих паразитов, а когда надоедает бить, то просто выбрасывают на слани трюма, к третьему ярусу — им не добраться обратно. А что под сланями продукты занайтованы, это никого не щекочет. К бригаде ЗУРовцев подключаются расположенные поближе уголовники, да еще с юмором:

(745) Хлеб (укр.).

(746) Имеется в виду принятая в 1930-х гг. маскировка грузовых автозаков (машин для транспортировки заключенных) под безобидные фургоны для перевозки товаров в магазины. Обычно такие машины окрашивались в светлые цвета и имели на бортах надпись «Хлеб», «Консервы» или что-то подобное. В данном случае упоминание черного цвета — не только дань традиции фольклорного жанра страшных рассказов, но и намек на истинную сущность машины — «черной маруси», «черного ворона», «воронка».

(747) Ироническое цитирование популярной арии Ленского из оперы П. И. Чайковского «Евгений Онегин».

(748) В данном случае обыгрывается шутовское прозвище журналистов газеты «Правда» — центрального органа ЦК ВКП(б).

(749) Начпрод — начальник производственной службы.

(750) Единоличник — в годы коллективизации наименование «политически несознательного» крестьянина, не желающего вступать в колхоз.

— Не одна меня заела, здесь их много завелось!

— Куда, куда вы удалились (747)?.. К отшельнику поползла! — шумит Правдист (748).

Кличка неслучайно к нему пристала, уж очень он любит правду подмечать в самое неподходящее время. В дивизии, где он служил в звании капитана начпродом (749), после окончания войны начальство радовалось своим родителям дефицитными посылочками из оккупированных стран, а этот Правдист не отпускает дефицитных товаров со склада, не изъявляет желания списывать добротные товары. Не обращает внимания ни на какие ранги, ни на ордена и заслуги. Какая дерзость — не уважать начальство! Вот и подстроили ему в складе взрывчатку с адской машинкой и как будто бы вовремя разоблачили его подлые враждебно-диверсионные действия против родимых советских войск. И преподнес ему трибунал как враждебному элементу «экономический террор» по статье пятьдесят восемь пункт девять — пятнадцать лет исправительно-трудовых лагерей, пять поражения в правах и пять намордника после отбывания наказания. В рабочей зоне Сомов убрал его как «праведника» вместе с Павликом и Гошкой в ЗУР, чтоб не путался под ногами и не изливал своего недовольства. И здесь, несмотря на то, что Омельченко и Гришка чаще всех получают лишнюю порцию баланды, он все же нет-нет, да и кольнет правдой в глаза. Мол, «вы с Гошкой лишние сухарики трескаете, можно бы эти порции на всех делить!» Знал бы он, как их трудно беречь! Возможно, эти придурки придут и их придется отдавать, вот и поручил бригадир Гошке их хранить допоздна, лишь перед отбоем он вдвоем съедают их. А Гошке он поручает потому, что сам боится их беречь: не утерпит и поест, а Гошка, в свою очередь, боится, что если поест, то дружба даст трещину; вот так и хранят эти злополучные сухарики, а он со своей правдой голову морочит, что можно бы делить на всех. Ну кому такая правда нужна?..

А вошебойка целый световой день продолжается:

— А вот чужая попала... У-у-у, стерва, как поросья жирная! Вероятно, реползла от Клименко, — подначивает Прождоха. — Он и вшей не желает вместе щелкать! Все в единоличники (750) метит, а еще из себя полундру корчит!

— Це він, хлопці, на кривду нашому бригадырові! (751) — шумит бандеровец, который получил сегодня лишнюю порцию затирки.

— Братцы, да он вместо вшей собирается крыс развести!

Клименко чувствует, что он одинок, и молчит, как в рот воды набрал.

Охрана не спускается в трюм, староста боится жулья, и жулики творят что им вздумается. На глазах у всех совершают педерастию, кто проиграл свою дучку (752). Частенько выносят из трюма испустивших дух, их ждет неукротимая морская стихия и прожорливая пучина.

Неумолимо пароход приближается к северу. Все пасмурнее и холоднее становится. Бригадыры, получая дневной рацион сухарей, увидели сквозь сизый туман на горизонте белоснежную землю. Солнце где-то спряталось за пеленой туч. На следующий день пароход отдал якорь, покачиваясь на рейде какого-то порта. У пирсов большое скопление пароходов. В неведомом порту бросаются в глаза с палубы парохода почерневшие от непогоды бараки, бараки, бараки — лишь два-три деревянных двух- и трехэтажных домика. А дальше, за огромными сопками просматриваются еще выше горы, покрытые вековым снегом. Знатоки географии определили, что это Чукотка, а порт — Провидение.

Проходят дни за днями, пароход болтается на рейде в открытом море в беспокойном порту. Здесь такой как в Находке бухты нет, берег незащищен. Пароход не отправляют и не разгружают в этом пасмурном крае. В трюме бесконечные разговоры — что здесь будем добывать, какие здесь залежи, какие леса. Фантазии нет предела. Всем хочется быть рыбаками. А сколько кулинаров появилось, уже и котлеты рыбные жарят, и консервы готовят, и уху варят, и вяленую едят. «Какой из заключенного рыбак? — думает Павлик. — Нужно больше конвоя, чем рыбаков, да еще у берегов американского материка. А что здесь добывать, здесь вулкан на вулкане, вон, кратеры видно даже с парохода».

Подошел пароход «Ленин» (753), и все надежды и мечты развеялись у этапников как дым и сказки о золотой рыбке. На следующий день в кильватере (754) за ледоколом караван направился к Берингову проливу.

(751) Это он, хлопцы, назло нашему бригадиру! (искаж. укр.).

(752) Дучка (укр.) — дырка, отверстие.

(753) Имеется в виду ледокольный пароход «Ленин» — предшественник одноименного атомного ледокола.

(754) Идти в кильватере — в кильватерной колонне, т. е. следовать строго за впереди идущим судном. Кильватер (морской термин) — след на воде за кормой движущегося судна.

Суровое и жестокое холодное Берингово море как живое, словно злой демон бурлит и гневно дышит. Сколько мужества, геройства и отваги видело оно, сколько смельчаков поглотило на веки вечные! Шквальный холодный ветер непрерывно воеет и насвистывает грустную мелодию и безжалостно треплет борта парохода бессердечными, свирепыми черными и серыми волнами, которые бесконечно набегают за валом вал. Многоэтажные рваные черно-синие стаи мрачных облаков покрыли небо и, кажется, навсегда схоронили дорогое светило. В этом могучем морском просторе пароход кажется беззащитной игрушкой, а в Бухте Находка он казался гигантом. В Беринговом проливе пароходы встретила шуга и кое-где огромные айсберги, прорвавшиеся со стороны Ледовитого океана. Караван замедлил ход, опасаясь, чтоб не погнуть винты и лопасти. Даже верные спутники моряков, чайки, со стоном отстали от этого странного каравана судов, которые прут напролом в бездну северной мерзлоты. В трюмах установилась невыносимая холодина: внутренние металлические борта вместо капель покрылись сказочными мерзлыми пушинками и волшебными узорчатыми кружевами.

Блатные тузы переселились с предпалубных нар на третий этаж напротив ЗУРовцев, а истощенных призраков поселили на свое место. Это такая жиганская демократия — кто кого взгрел... Большинство этапников одеты по-летнему. В воровском уголке приуныли, куда и спесь делась? Как говорят на их жаргоне, «повесили рога». Даже изменили тон концертов, противно воя, наводя скуку и печаль в огромном трюме:

Всюду север и север холодный!
Всюду север и север, тайга!
Всюду север, непроходимы болота,
Всюду скука и всюду печаль!..

Так перебиты, поломаны крылья,
 Дикой болью мне душу свело,
 Кокаином серебряной пылью,
 Все дорожки мои занесло... (755)

Тошно становится в трюме от такого мычания — создается впечатление, что нас везут к черту на кулички. Но, бывает, проскользнет и приятная поэзия, не напищанная отпетыми жаргонами:

Что, братцы, затынем песню,
 Забудем лихую беду.
 Уж, видно, такая невзгода
 Написана нам на роду!

И вот повели, затанули,
 Поют, заливаясь, они
 Про Волги широкой раздолье,
 Про даром минувшие дни... (756)

— Эй, ты, бандера! Иди сюда!.. — зовет вожак блатного уголка.

Это зовут эстонского писателя из бригады ЗУРовцев, рассказывающего стихотворение Некрасова.

— Расскажи, контра, этот стихеус нам! — велит вожак.

Писатель рассказал.

— Молоток!.. На, затирку хавай!..

Когда эстонец съел, его заставили еще новые рассказывать, как выражается вожак, «стихенции».

Кругом с тоской глубокою
 Плывут в страну далекую
 Седые облака... (757)

Весь трюм замер в гробовом молчании, уносясь вместе с этими счастливыми облаками далеко-далеко, на свою родину.

Вожак сидит, как китайский император, окруженный своими одномышленниками, в белой американской рубашке, в темно-синей блестящей правилке, в фетровой шляпе цвета хаки с широкими полями, в женской дорогой

(755) Один из блатных вариантов песни «Перебиты, поломаны крылья...».

(756) Неточная цитата из старинной кандаальной песни «Спускается солнце за степи» на основе стихотворения А. К. Толстого «Колодники».

(757) Цитата из стихотворения С. Есенина «Поет зима — аукает».

На море спускался туман.
Ревела стихия морская.
Лежал позади Магадан,
Столица Колымского края...

Из песни «Ванинский порт» (760)

(760) Переделка песни колымских заключенных «Ванинский порт». В оригинале: «лежал впереди Магадан».

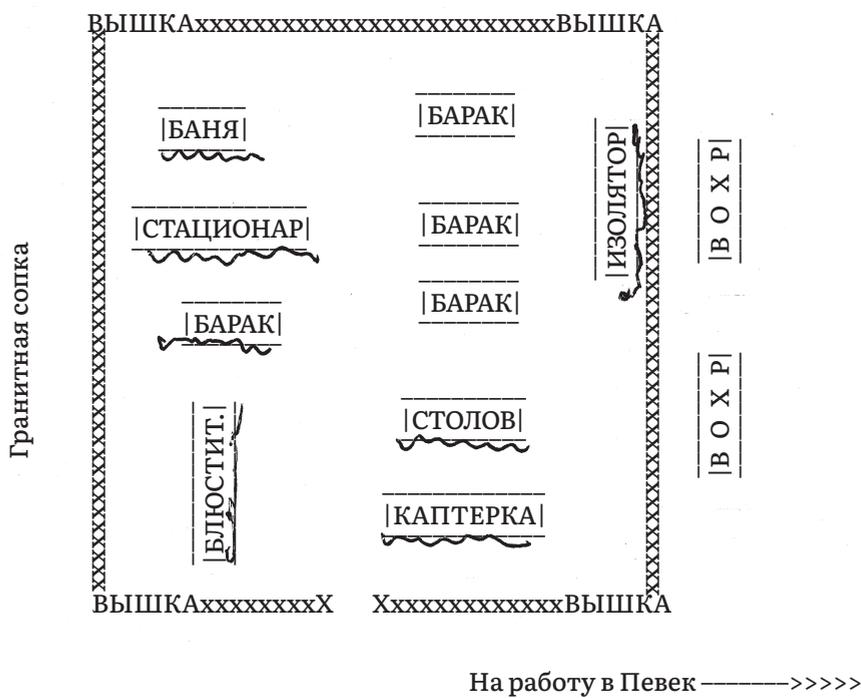
(761) Имеется в виду ветер нулевого румба, т. е. северный (морской термин).

Жутко кажется новеньким этапникам: начало сентября, а здесь, на краю большого света, кругом вековой лед, словно здесь и лета не было. Загрустили новички: «Так вот где Макар телят не пас»... Иногда из-за туч выглядывает матовое солнышко, освободится из плена облаков, виновато улыбнется и снова загрустит вместе с этапниками за пеленой набежавших, как татарва во время нашего нашествия на Русь, хмурых многоэтажных облаков. Холодный нулевой (761) коварный ветер, словно агрессор, нагоняет на заключенных зыбкую дрожь своим сырым сквозняком. Погрузив ЗУРовцев на автомашину американского образца, конвоир спокойно сел в кабину к шоферу и дал команду: «Трогай!» Машина зарычала и запрыгала по ухабистой дороге. Подозрительным показалось поведение конвоира: «Здесь какой-то подвох! — толкуют между собой бригадники. — Не посчитал! Не произдевался! И в кабину сел!» — «А кто же нас охраняет?» Но машина набрала скорость, и все сжались в единый комок, защищаясь от противного, холодного сквозняка. Опомнились лишь тогда, когда машина остановилась в двадцати метрах от огромной деревянной бани. Здесь встречает человек сорок зевак и ротозеев, смахивающих на пиратов, — лысые, беззубые, тощие старые лагерники-инвалиды, и нагло пристают к молодым, красивым этапникам, намекая в открытую на мужеложство.

«А вот! А вот симпопончик!.. Ах ты мой ненаглядный петюнчик!.. А глазки! Глазки! Ух!.. Пончик...» — и посылает воздушный поцелуй в толпу этапников.

«А фигурка?.. Как у семнадцатилетней зазнобушки! — показывает «кащей» на Гошку. — Ненаглядные девочки! Как мы вас ждали!..» До того противно и тошно слушать эту болтовню, что Павлик готов выскочить из строя и врезать в сопатку первому попавшемуся наглецу,

Берег северного Чукотского моря

ЮГ

потерявшему всякую человеческую совесть. А эти скелеты стоят и скулят, испытывая в этом непонятное всем новеньким веселье и какое-то жуткое, дикое торжество. Один наглец схватил Гришко-Правдиста за руку, предлагая паечку. К радости всех бригадников, Гришко отвесил нахалу увесистую пощечину, и беззубый лагерник от неожиданности шлепнулся под приторный смех остальных отпетых наглецов. «Знай наших!» — говорит Пройдоха.

В бане словно в раю. Посыпались кислые шутки у истощенных и слабых, как осенние насекомые.

— Мы прибыли на край света, — острит Пройдоха, — и попали в приемную рая. Отмывайте, братцы-кролики, грехи, сейчас будет комиссия распределять, кого к богу, а кого к черту в зубы.

— Кто желает к черту, прошу записываться в мою бригаду! — смеется Гришко.

— А яку пайку будем мати у твоїй бригаді? (762) — спрашивает Омельченко.

Благодать, воды пресной вдоволь, мойся до сходу (763), не то что в Бухте Находка, только очень уж слабых клонит ко сну. Разопрели ребята, грязь с потом комками отстает от тела, шутка ли — месяца два, а то так и больше, ЗУРовцы не мылись в бане. Невыносимая слабость так и клонит лечь и уснуть. Клименко от такой благодати в обморок упал. Подняли бригадники галдеж. Вбежали крепкие ребята из obsługi и потащили его к врачам. После гигиенической обработки всем выдали новое, добротное нательное белье. Сколько Павлик прошел лагерей и пересылок, еще нигде никогда не получал новенького белья. «Вот так сюрприз Севера!» — радуются этапники. В просторном, теплом помещении уже комиссуют прошедших санобработку. Лагерное певекское начальство себе записывает анкеты, врачи — себе, представители рудника и прииска — себе. Осматривают зубы, слушают сердце, записывают: чем болел, не инвалид ли? Подошла очередь и Павлику сдавать бригаду. Каждый допрашивает: а где такой-то да почему? Те придурки, что числятся в бригаде, уже прошли комиссию по этапной obsługi, и парикмахер уже здесь, в бане бреет этапников. Прошедших комиссию одевают в новенькое зимнее обмундирование, а старое уже пылает у бани на костре.

(762) А какую пайку мы будем иметь в твоей бригаде? (укр.).

(763) До сходу (укр.) — сколько угодно.

(764) Рудник Валькумей и прииск Красноармейский — оловодобывающие предприятия в Чаунском районе Чукотки близ Певека, основные потребители рабочей силы заключенных. В годы войны Красноармейский — крупнейшее по объемам добычи олова предприятие страны.

— Ну, бригадир, давай послушаем сердце! — обратилась врач к Павлику. — Что оно у тебя танцует лезгинку? А ну, давай пульс пощупаем!.. Ты случайно не болен?..

— Нет, я здоров!

— Давай померяем температуру!

Только тепер, когда ему поставили термометр, он почувствовал пылающий жар во всем теле. Минут пять подержал под мышкой и подал его врачу.

— Ого-о-о!.. Тридцать девять!.. Что же ты голову мне морочишь?.. В стационар его!..

В стационаре значительно лучше, чем на материке, где Павлик лежал на грязных нарах под сетчатым одеялом. Здесь каждому койка, матрас, простыня, подушка, одеяло; пайка — стационарная северная семисотка. Пяток дней провалялся Павлик в бреду, потом температура спала и он быстро поднялся на ноги. В стационаре лежат в основном старые лагерники — северяне с подорванным здоровьем. Они рассказывают диковину о руднике и приiske: какая там тяжелая работа, почему сюда, на Чукотку, женщин не везут, им эта адская работа не под силу. Иные еще молодые, но жутко смотреть на них: уже беззубые, с кровоточащими деснами, тот лысый, а ему всего двадцать пять лет, а того радикулит уродом сделал, у того тело, как рыба чешуя с язвами. Наслушался и навиделся новичок панических рассказов, но духом не падает, он вывод сделал еще на материке: «Нужно трудиться лошадиной дозой, иначе могила».

Через несколько дней стационарного лечения Павлика выписали и направили в бригаду тощих инвалидов работать в порту. Основную массу этапников уже отправили на рудник Валькумей и прииск Красноармейск (764), остались только активированные после комиссии.

Только тепер новичок рассмотрел свое местонахождение. Обманчивая погода вчера покрыла белым снегом землю, крыши строений, а сегодня эти крыши заплакали частыми прозрачными слезами, ласкаемые солнышком, которое иногда показывает свой летне-осенний характер, ведь уже конец сентября, так что и на материке в это время года бывает такое. Но здесь солнце совсем не

так светит, как на Большой земле. Лагерь расположен в двух километрах от поселка Певек, у самой сопки, которая находится на берегу моря; она частично защищает лагерь от злых и настырных южачков (765), которые мощнее и свирепее, чем северные шквальные ветры.

Вывел конвойр на вахту бригаду без счета «Первая!.. Вторая!..», без инструктажа «Шаг влево, шаг вправо!», скомандовал «Вперед!» и сам повел двухсотенную колонну. Дико кажется новичку: Крайний Север, сколько о нем жуткого рассказывали, а здесь — без муштры команда «Вперед!». Новичок не знает то, что свято знает опытный конвойр — отсюда еще никто не убежал сухопутным, морским и воздушным путем. Доходят заключенные не от издевательства конвойров, а совсем по иной причине: адски тяжелая работа, голод, холод, цинга-злодейка валит с ног, и атмосфера, разреженная на двадцать процентов (766).

Подошли к спокойному, прекрасному зеркальному озеру (767) — это основной певекский источник питьевой воды. Налево, словно на островке, — баня и прачечная для вольнонаемных, а кругом залив океана. Вольнонаемный поселок остался направо, он раскинулся по берегу Чукотского моря. За баней, как на губе (768), сам порт Певек. Конвойр подвел бригады к ЖКО (769), который расположен между баней и портом, и объявил:

— Ровно в шесть всем без опоздания быть здесь!.. — и ушел в помещение ЖКО.

В самый порт повел бригадир. Он со своей слабой бригадой авторитетом не пользуется, и бригада работает на самой грязной работе — разгружают уголь с парохода. В порту работа происходит круглосуточно. Даже в механической мастерской снимали специалистов на срочную разгрузку пароходов. Павлика бригадир поставил работать вместе со скуластым паренком, следить за ползущей вверх лентой, чтоб уголь не штыбовался (770). Оба труженика быстро наловчились расштыбовывать ленту, и она движется без задержки. Но обоим интереснее не уголек, а совсем иной вопрос — где что можно достать подрубить (771). Кругом огромные штабеля с продуктами, а они голодные как шакалы.

— Тебя как звать?..

— Ромка, а тебя?..

(765) Южак — южный ветер. В районе Певека часты особо свирепые южаки скоростью до 40 м/с, порывами до 60—80 м/с, которые могут длиться до нескольких суток и даже причинять разрушения.

(766) Распространенное мнение о том, что атмосфере высоких широт свойственно пониженное содержание кислорода, является ошибочным. Одышка и другие неприятные ощущения при дыхании, которые испытывают там люди, в особенности новоприбывшие, связаны с негативным воздействием на организм целого комплекса климатических факторов Крайнего Севера, в данном случае усугубленных истощением и непосильным трудом. Об этом см.: Белобородов Г. С., Белобородова В. Ф. Здоровье и Север. Адаптационные возможности человека в условиях Севера. Магадан, 2008. С. 9—11.

(767) Имеется в виду безымянное озеро в черте поселка, отделенное от морского залива — Чаунской губы естественным перешейком. В настоящее время как источник водоснабжения не используется.

(768) Губа — залив.

(769) ЖКО — жилищно-коммунальный отдел.

(770) Заштыбовка — образование неподвижного завала из кусков угля.

(771) Подрубить, порубить — поесть.

— Павлик... — Помолчали. — Рома, последи за лентой, а я сбегаяю, разведаяю насчет подрубать, а потом, наоборот, ты сбегашь, а я поработаю.

— Конечно, конечно, — дружелюбно улыбнулся Ромка своими огромными серыми глазами.

НКВД даны огромные права. Сначала Ягоде: убрал он Кирова, основного соперника Сталина, и его убрали. Ежов натворил в стране жестоких чудес, и его убрали как врага народа. На его место был назначен лично «Хозяином» Берия, такой же провокатор и сатрап, как и сам; рыбац ведь рыбака видит издалека. Всю войну в стране ощущался недостаток продуктов питания, многие умерли от истощения и голода, это я говорю не о заключенных, а о вольных гражданах страны Советов. С величайшим нетерпением ждали американских пароходов с так называемым «вторым фронтом» — мукой, тушенкой, яичным порошком, а в это время в распоряжении НКВД находились неприкосновенные огромные склады муки, крупы на Чукотке, Колыме, в Верхоянске, Бухте Находка и во многих других портах, гнездах НКВДистов. Кончилась война, а эти склады так и остались нетронутыми. Обратите внимание, это идет сентябрь сорок шестого года, уже больше года как закончилась кровопролитная война, а эти склады так и стоят нетронутыми. А народ, и даже за кремлевской стеной высокое правительство, запуганное произволом, творимым в стране, боятся показать пальцем на этого сатрапа и палача советского народа Берия, ибо он неприступен.

Смотрит Павлик — кругом штабеля муки, крупы высотой в пятиэтажные дома, аккуратно затянутые огромными брезентами; даже растерялся — ведь поймать, сроком пахнет, но голод не тетка, заставляет рисковать. Залез под один брезент, расшарпанный (772) чьей-то рукой, пощупал — мука, а набрать не может, нужен ножичек, чтоб тряпицу отрезать, а он с голыми руками. Поплелся к иному штабелю. Залез под брезент, нашел

разорванный мешок, с горем пополам оторвал от него кусок, насыпал в мешковину, спрятал под бушлат и, воровато оглядываясь, направился к месту работы. А холодный, соленый ветер беспрерывно донимает сырым дыханием. Уже морские ненасытные пароходы, нагруженные тяжелой обогащенной рудой, поджидают остальные, еще не освободившие свои бездонные брюха. Колымские речные буксиры и баржи тоже крепятся у пирса — с лопатами, ломами, взрывчаткой, зеленой капустой и даже привозят свежий картофель (773).

— Рома, теперь твоя очередь, разведай, где можно испечь или сварить, наподобие лепешек или затирки.

Долгим показалось ожидание Ромки. Только часика через два он принес что-то похожее на лепешки, там пригорело, а там сыровато.

— На, ешь, с изюмом (774) лепешки!..

— А ты, Рома?

— Я наелся, когда пек. В обогревалке много доходят отирается, я с ними и приспособился.

— Ну держись, водичка, дадим мы сегодня прикурить! На сегодняшний день порядок в наших угольных частях! — потирает расштыбовщик руки после того, как съел килограмма два печива (775). Для начала неплохо, Рома!

Прошло немного времени, и снова друзья заговорили:

— Рома, а Рома, а где ты соль брал?..

— А там ее в обогревалке навалом лежит.

— Может, наберем в лагерь еще муки?.. Там испечем или сварим галушек. Ты любишь галушки?..

— А я только понаслышке знаю, что это такое!

Да я и лепешки пек первый раз в жизни...

— Да это я, Рома, сразу понял! Не беда, научишься!

— Давай разведем лучше! Удивительно, там только тощие пекут лепешки.

— Ты у меня, Рома, со смекалкой! Ладно, я схожу на пароход разведать, что там творится!

У причала стоят два морских великана — один уголь разгружает, а на втором продукты. Рядышком примостились две колымские баржи, у самой портовой площадки пришвартованы. На пароход ревниво не пускают работающие там лагерники. Покрутился разведчик

(773) Картофель обычно поставлялся в Заполярье не сырым, а сушеным, поскольку в таком виде его удобнее было перевозить и хранить.

(774) «Изюмом» традиционно называют насекомых, попавших в выпечку. В данном случае лепешки сделаны из муки, зараженной жучком-хрущаком. Об этой муке см. ниже.

(775) Печиво — выпечка из муки, хлеб.

(776) Камбуз — кухня (морской термин).

(777) Цимус (цимес) — деликатес (жарг.).

вокруг машин, которые беспрерывно подъезжают пустыми, а отъезжают куда-то с территории порта груженными. Так пустым и вернулся к своему другу. Под конец работы сделали ножичек, принесли еще муки, замесили тесто, приспособили к животам и направились со своими слабосильными бригадниками в сторону лагеря. А мука-то с жучками, они копошатся в тесте и щекочат животы Ромке и Павлику, но они только улыбаются друг другу — мол, наваристее будут галушки.

Ромка тоже с нового этапа. Ему двадцать два годика, но комиссия признала у него большое сердце, поэтому он и не попал на рудник или прииск.

Павлик как морячок легко познакомился на одной из барж с шустрым вольнонаемным матросом, таскает ему из штабелей рису, муки, а он за это разрешает варить и печь на своем камбузе (776). Жизнь пошла веселее. Приспособились с Ромкой на обыкновенный проволочный крючок из гибкого троса ловить бычков. Они, безумцы, на красную тряпочку наперебой лезут один за другим. В прозрачной воде прекрасно видно, как они отталкивают друг друга, каждый старается первым попасть на заманчивый крючок.

Снег то идет, то перестанет и поспешно тает. Лед очередным приливом поломало и отогнало от берега даже шугу, только твердолобые айсберги остаются кое-где в одиночестве, не подчиняются даже шквальному ветру, а некоторые просто сели на мель. Павлик после болезни, а Ромка после изнурительного этапа с каждым днем набирают вес. Аппетит, как говорят, дай боже, едят с Ромкой все без разбору, как свиньи, успевают и на барже приготовить, и в ожидалке, и недоваренное, и переваренное, и недопеченное, и перепеченное — все потребляют.

По ошибке проныры принесли в обогривалку овсяной муки, в ином месте это был бы цимус (777), но здесь, где огромный выбор, забраковали и приткнули в углу ожидалки. Тюрин ничего никогда не воровал, у него срок

годовой за хулиганство, и он мечтает честно его отбить. Докопался он к этой выброшенной муке, замесил тесто и принялся печь лепешки с жадностью голодного. В это время запаниковали у двери:

— Хипиш на бану, метелка с бану! (778)

— Братва, прокурор канает!

— Спасайся, кто как может! — вопит фитиль.

Создалась давка у двери, и миг очистили обогревалку, лишь честный Тюрин остался у своих лепешек. «Я ведь не воровал, — рассуждает он. — Меня эта свистопляска не касается».

Чукотский прокурор (779) с какими-то странными причудами, о нем из уст в уста передаются и лагерниками, и вольнонаемными дикие легенды. Он не признает никаких компаний. Чукотское начальство собирается по вечерам коротать время от скуки у кого-нибудь на квартире. Играют в подкидного дурака, рамс, преферанс, лото, домино, шашки и даже некоторые в шахматы умеют играть. Лакают «спиртеус» для поднятия духа, теоретически обосновывая свои пьянки: «Спирт необходим от цинги!» У каждого чукотского начальника имеется свой дневальный заключенный, вот и знают туземцы (780), что там творится у начальства. Только один отшельник-прокурор не признает этой компании. За что дорого поплатится, когда будет уезжать из Чукотки, — в Магадане его встретят с ордером на арест. Но сейчас он чудит здесь, на краю большого света.

Рассказ Саши Колупаева, который был у него дневальным:

— Эй, дневальный!.. — зовет он своего слугу. — Выбрось спичечный коробок! — Дневальный покорно выбрасывает и спешит немедленно доложить по всем правилам военного устава:

— Гражданин прокурор! Ваше задание выполнил!.. Коробочек из-под спичек выбросил в мусорный ящик!..

— Можешь быть свободен!.. — подхватившись со стула, серьезно отвечает прокурор и за весь день уже не потревожит.

Но если не доложит дневальный, что выбросил коробочку, то пощады не будет весь день, загоняет и в магазин — узнай то-то, и в отдел кадров — отнеси записку, и в порт сходи, посмотри, какой пароход разгружают.

(778) Хипиш (кикиш) на бану, метелка с бану! (блат. жарг.) — условный сигнал тревоги, означающий приближение опасности.

(779) По-видимому, имеется в виду прокурор Чаун-Чукотского горнопромышленного управления Дальстроя, надзиратель, в частности, за лагерями в районе Певека, находившимся в ведении этого управления до создания в 1949 г. Чаун-Чукотского ИТЛ.

(780) Здесь и далее Овчаренко называет заключенных туземцами, очевидно, следуя Солженицыну, который применяет такое название к населению «архипелага ГУЛАГ».

(781) ЧЧГПУ — Чаун-Чукотское горнопромышленное управление.

(782) Согласно ст. 162 п. «д» УК РСФСР, кража «имущества из государственных и общественных складов и хранилищ лицом, имевшим особый доступ в таковые или охранявшим их, путем применения технических средств или неоднократно, или по сговору с другими лицами, а равно всякая кража из тех же складов и хранилищ, при особо крупных размерах похищенного», каралась лишением свободы на срок до пяти лет.

Метеором вскопчил прокурор в обогревалку. Печка дышит полным ходом; не так печка, как жаркая плита; за дымом и угаром света дневного не видать; а на плите без конфорок пекутся не только овсяные лепешки, но и из первосортной муки. Те, что панически драпали, не успели с собой захватить свою стряпню. Это ведь сорок шестой год — еще и вольным не разрешали кушать белый хлеб и булочки, а тут ээки едят белые лепешки, да это же неслыханное беззаконие!

— Чьи это лепешки?.. — гневно спрашивает прокурор у Тюрина, одиноко стоящего у плиты.

— Это мои, а это ребята побросали и убежали, — доверчиво рассказывает Тюрин прокурору. — Я муку нашел, вот в том углу валялась!

— Что-о-о-о??? — просипел, рыча, прокурор. — Мука на Севере по углам обогревалки стала родить?.. А-а-а?.. Я спрашиваю! Молчишь?.. Как фамилия?..

— Тюрин! — жалобно пропищал ошеломленный тощий. Прокурор записал фамилию, имя, отчество, статью, срок, разбросал с плиты пригоревшие лепешки и коршуном улепетнул.

Утром на разводе без опоздания прочитали:

Р Е Ш Е Н И Е

Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики
Трибунал ЧЧГПУ (781) Магаданской области
У С Т А Н О В И Л

За хищение государственной собственности, двадцать килограммов муки.

П Р И Г О В О Р И Л

Тюрина Ивана Николаевича по ст. 162. п. «д» (782) к одному году исправительно-трудовых лагерей с отбыванием наказания на прииске «Красноармейск».

Теперь понял Тюрин, что заключенному, даже честному, нет веры ни со стороны конвоя, ни со стороны начальства, и еще он понял, что

Люди ходят всю жизнь
Под пятою закона,
И по воле закона
Можно жизнь потерять...

Неизвестного автора (783)

Все новенькие знают, что разгрузка пароходов — дело сезонное; после закрытия навигации того, кто не найдет себе постоянного места работы, отправят на прииск или рудник. Павлик уже побывал в мастерской, но мастер понял, что новичок неважнецкий токаришка, а шлифовщики им не нужны, и не принял Павлика. По ходу из мастерской забежал в гараж, но здесь конструкторов не берут даже подсобниками.

Уже в студеное время, когда пароходы ушли, осталась одна бригада слабосильных заканчивать портовые недоделки. Павлик и Рома достали башик чайку и забежали в кочегарку заварить чифирку (784). Жаль выделять долю кочегару, но иначе он не пустит к огню. Только поставили кружку, засыпанную драгоценным чайком, на горящие угли в топку — и вдруг, словно порывом ветра, с шумом открылась дверь кочегарки и чифиристы увидели на пороге агрессивно настроенного прокурора. Как рысь, подбежал он к топке, приоткрыл дверцу и увидел кипящую на углях кружку.

— Ага-а-а!!! Чифирите?.. — зарычал он.

«Влипли, мать Господа Христа!» — подумал Павлик, а в голове «шумел камыш и деревья гнулись» (785), но ничего толком не может сообразить. «Как же?.. Как же выкрутиться из этого положения?.. Ведь срок пахнет!..»

Вдруг Ромка выпрямился, стукнул каблуками, приложил по-военному руку к своей ватной зэковской шапке и храбро отпарпортовал:

— Так точно, гражданин прокурор! Чифирим!..

Прокурор встрепенулся, стал смирно, отдал честь и говорит:

— А вы знаете, что чифир есть наркотический напиток?..

— Никак нет, гражданин прокурор! Мы знаем, что от чифира работа спорится!..

— Ну тогда чифирите! — крутнулся он на каблуках и исчез за дверью так же быстро, как и появился.

(783) Из блатной песни «Этап» («Далеко над тайгой польхают зарницы»).

(784) Баш, башик (благ. жарг.) — порция, доза. В данном случае количество чая, достаточное для того, чтобы заварить чифир.

Чифир, чифирь — сверхконцентрированная, длительно прокипяченная чайная заварка, обладающая сильным возбуждающим действием; тюремная и лагерная замена наркотиков и алкоголя. Чифир притупляет чувство голода. Считалось также, что он защищает от цинги, является источником витаминов и вообще универсальным лекарством.

Употребление заключенными чифира — дисциплинарный проступок.

(785) «Шумел камыш, деревья гнулись» — начало популярного жестокого романа. В переносном смысле — шум в голове, смятение в мыслях.

(786) Гореть, сгореть, погореть (блат. жарг.) — попасться с поличным.

(787) «Хлебная книжечка», иначе «хлебная ксива», — жаргонное название партбилета.

Минуты две стояли все как заколдованные, в гробовом молчании, первым пришел в себя кочегар, крадучись, выглянул в дверь и прохрипел:

— Слава Всевышнему, пронесло самодура, а с ним и беду! — и грянула кочегарка каким-то поддельным саркастическим смехом, ведь за эту минуту или две у кого-то из присутствующих появились неочередные седые волосы.

— Ой, братцы-ы-ы!.. — воскликнул кочегар, открывая дверцу топки. — А чифирчик наш тю-тю-ю-ю!.. Стогрел!.. — и выкинул красную кружку с раскаленного угля.

— Чифир — ерунда, братцы, я думал, нам всем «довесочок» по году пахнет! — говорит Ромка.

— Ты знаешь, я за тобой не замечал такого таланту! Ты просто ошеломил этого балбеса своим гвардейским докладом.

— Я слышал, что это больное место у этого самодура, вот и подумал — рискну, все равно горим (786).

— Молодец, парень, неплохой рапорт у тебя получился! — говорит кочегар. — Ну, достанете еще башки на заварочку — приходите. Следующий раз ушлее будем, дежурного выставим. Мы еще чифирнем, какие наши годы!

Кочегар рассказал Павлику, что заведующий баней — харьковчанин. На Чукотке встретишь любого «хохла», то ли с Одессы, то ли с Полтавы, — все равно земляк, а тут харьковчанин — это почти родня, и Павлик зашел к нему. Саша Колупаев — душевный еврейчик, он отсидел десять лет за антисоветскую агитацию, он еще из-под Ягоды, поэтому уже успел освободиться, потеряв здоровье. Так как человек он образованный, да притом еще и инвалид, то работает заведующим баней. Большинство тепленьких мест занимают те, кто приехал на Север за длинным рублем, да еще если иметь в кармане хлебную книжечку (787), никто не отказывает в тепленьком местечке. Павлик попросился к земляку на работу. После душевных воспоминаний о родимом городе Саша предложил идти работать к нему прачкой. И через два дня новоиспеченная прачка приступила стирать белье и все то, что сдают в стирку вольнонаемные и охрана. Норма одному выстирать и высушить тридцать килограммов. В резиновых сапогах, в пару в воде, полураздетый, но доволен, что в тепле. Любит

Павлик стирать то, что потяжелее: простыни, одеяла. Выстирал сто одеял, и двести килограммов нормы выполнено.

— Эй ты, бугай!.. Потише! Растягивай свои силы на срок! Потеряешь здоровье, никому не нужен будешь, — поучает добродушно Саша. — Смотри на меня, я тоже когда-то был при силе, а лошадиные нормы отобрали у меня и молодость, и здоровье.

А Павлику не верится, что Саша когда-то был силен, и отвечает:

— А, ерунда!.. Я уже не раз слышал об этом.

Стирка происходит вручную, в большом деревянном корыте на волнистых металлических рештках (788).

По субботам Павлик принимает белье в стирку. Некоторые заказчики, сдавая последнюю приличную рубашку в стирку, просят пропустить их белье вне очереди. И Павлик идет им навстречу, за что несут ему хлеб, консервы, табачок и чай. Вскоре Саша взял и Ромку в прачки; еще работает прачкой пожилой Иван и вольнонаемный гладильщик Далиб, он черкес, не уезжает на материк, не знает, куда ехать на родину, говорит, что Сталин разогнал его нацию, точно так же, как крымских татар (789).

А срок идет — здесь, в прачечной, Павлик встретил и новый, 1947 год. Саша организовал по сто граммов спирту, и целый противень нажарил сушеного картофеля. Какая это вкусная закуска! Поначалу долго в воде его томил, а потом целую банку тушенки туда вбросил. Павлик много лет не пробовал такого вкусного деликатеса и дал себе слово уважать всегда и всюду всех евреев за их доброту безграничную. Захорошело в голове после выпитого, за стеной бани бесится и неистово завивает злая вьюга, а здесь тепло и уют.

В бараке Павлик и Ромка поселились рядышком на верхотуре. Запас еды держать нет смысла: здесь ведь, в этом лагере, уголовники и контрики вместе живут. Фитили рыскают по всем нарам, ищут поживу, ведь не все живут так, как прачки. Что можно достать на чистке дороги или на долбежке льда на озере? И вообще, в любом лагере есть фитили, и в любом лагере умирают от дистрофии. Многие сами виноваты — безбожно проигрывают свой дневной рацион питания.

(788) Рештак — здесь: стиральная доска, по форме напоминающая рештаки — металлические желоба для ссыпания породы, которые использовались на шахтах.

(789) Черкесы — традиционное собирательное название горских народов Кавказа. В данном случае, очевидно, речь идет о представителе одного из народов, подвергнутых депортации в 1943—1944 гг., — чеченце, ингуше, балкарце или карачаевце. Крымские татары были депортированы из Крыма, с территории Краснодарского края и Ростовской области весной 1944 г.

Что попадает лишнее, друзья ставят на карту. Они имеют по несколько матрасов и одеял. Тряпки шкодлики не воруют, потому что их легко найти и ребра посчитать за воровство. Павлик выиграл новое атласное красное ватное одеяло, каким-то чудом попавшее в лагерь. Оно ему напоминает далекое прошлое, свободу, давно позабытый уют комнатухи, обставленной домашней мебелью, и хотя в родной семье такой обстановки не было, но он у соседей видел такую роскошь. Жучки, любители стога, предлагают ему огромную сумму, лишь бы он поставил его на карту, но Павлик и слушать не желает, боится с ним расстаться, как с талисманом, ведь он никогда не укрывался таким одеялом, надо понять, как оно дорого ему.

Как-то Ромка сел и проиграл всю постельную принадлежность обоим неразлучным партнерам, скрепленных чистосердечной дружбой. И под конец предложил на карту любимое одеяло своего верного друга.

«Не дам я ставить на карту это одеяло! Я сам никогда не ставлю и тебе не разрешаю!» — «Нет поставлю!» — упрямится Ромка. — «Нет не поставишь, оно мое! Я его выиграл!» — «Ах-х так?.. Счи-та-ться?..» — «Да, так!..» — «Ах ты сука! Ты думаешь, я не знаю, что ты старостой на лесоповале был?..» — «Я, когда был старостой, ты еще находился у мамочки под юбкой, как в гнездышке, а теперь вылупился, цыпленочек, и ко мне прицепился! Это я тебя на ноги поставил — вспомни, каким ты был? Насквозь светился!..»

Ромка в бешеной ярости накинулся на своего друга, и завязалась потасовка между верными друзьями. А лагерники зло подсмеиваются: «Смотрите!.. Смотрите!.. Бесплатный концерт дают два неразлейвода!» — «Бей его, я его знаю!..» — «Ха-ха! Дружба дала трещину!..» — «Вот так номер, банные придурки добычу не поделили!» — «Несите им башик чифирку!..» — «Нет, лучше пачку сигарет!..»

Павлик в приливе гнева насел на друга и изрядно поколотил его. На этом прочная дружба дала трещину.

Утром на работе Ромка траурным голосом напевает похоронным мотивом песенку и не прекращает всю смену:

Не ты ли, моряк, в рукопашном бою
С врагами жестоко сражался?
И что же заставило душу твою
За матушкой Христа волочиться?.. (790)

Помолчит, помолчит и снова начинает то же самое, а душа его бурлит, словно он похоронил самого близкого на всем белом свете друга. Павлику очень хочется крикнуть: «Ромочка!.. Прости меня, я виноват! Забери это проклятущее одеяло! Бери, Рома, бери!» Но гордость не позволяет унижаться даже и перед самым дорогим другом. А Ромка продолжает мучить своего обидчика, напевая плачевным голосом: «Не ты ли, моряк...».

«О небо!.. Вот он, земной ад, — в бане, в прачечной».

Прошло время. Ромка успокоился, перестал петь, но как ни старался Павлик возобновить дружбу, он ее беспощадно отвергал. Не кулаками нанесенная рана, а словами, — вечно болит и не заживает никогда.

Пусть меня простит поэт, написавший слова вот этой песенки, но она очень вписывается в мое повествование:

Знай всегда вражде и дружбе цену,
И судом поспешно не греши.
Гнев на друга может быть мгновенным,
Изливать покуда не спеши.

Может, друг твой сам поторопился
И тебя обидел невзначай,
Провинился друг и повинился,
Ты ему греха не напоминай.

Люди, мы стареем и ветшаем,
И с теченьем наших дней и лет
Вместе мы своих друзей теряем,
Обретаем мы куда трудней.

Если верный конь поранит ногу,
Вдруг споткнется, а потом опять,
Не вини его — вини дорогу,
И коня не торопись менять.

(790) Переделка песни на стихи В. И. Лебедева-Кумача «О чем ты тоскуешь, товарищ моряк?» (1942) на мотив «Раскинулось море широко». Последняя фраза, возможно, контаминация со стихотворением Пушкина «Жил на свете рыцарь бедный», заменяющая нецензурную строку.

(791) Неточная цитата из песни П. К. Аедоницкого на стихи Р. Г. Гамзатова в переводе Н. И. Гребнева «Берегите друзей» (1971).

Я иных придерживался правил,
В слабости усматривая зло.
Сколько в жизни я друзей оставил?
Сколько от меня друзей ушло?

(792) Привлечение заключенных «бытовиков», в особенности из числа бывших военных и чекистов, к охране лагерей началось еще в 1930-х гг., но после войны численность самоохранны значительно возросла. Самоохранники получали улучшенное питание, обмундирование, им доверялось оружие, а в случае предотвращения побега они получали и другие поощрения.

После было всякого немало,
И, бывало, на путях крутых
Как я каялся, как не хватало
Тех друзей потерянных моих.

И тепер я всех их вспоминаю,
Некогда любившие меня,
Мною не прощенные однажды,
И не простившие меня.

Люди, я прошу вас, ради бога,
Не стесняйтесь доброты своей,
На земле друзей не так уж много,
Опасайтесь потерять друзей! (791)

В охране самый противный старшина принесет белье, постельную принадлежность в стирку и приказывает с гонором туземцу, принимающему эту стирку:

— Чтоб мне было постирано вне очереди!..

А приемщик, напротив, всегда не успеваает выдать прачкам вовремя. Приходят в субботу старшины получать чистое белье, у всех готова стирка, а у этого противного только в сушилке. И нажил приемщик белья себе злейшего врага. Старшина его везде преследует, как кот мышь. Приказал самоохранникам следить в зоне за этой строптивой прачкой. Самоохрана — это новая система охраны из рядов заключенных-уголовников, у которых осталось мало сроку, вот их и привлекают вместо баланды хлебать перловку армейскую (792). Они из шкуры лезут, чтобы оправдать доверие начальства охраны.

Васька-Камбала работает на скотбазе, где держат несколько коров и свиней. Он как данник у Павлика, бесконечно проигрывает и таскает со скотбазы сушеную морковь, картофель, лук, даже поросят маленьких проигры-

вает. Что только он не вытворяет на скотбазе! Родит свинья поросят, он берет двух-трех и каким-то образом меняет на двухмесячных. Чикнет, в сугроб спрячет и радостный бежит к Павлику:

— Иди, поставлю поросят на карту!

— Как же ты подкидываешь молоденьких поросят-ток? Они же подохнут под новой свиноматкой.

— А мне-то что?.. — отвечает Васька.

— Поймают тебя, дружище, загремишь на прииск с довесочком под голосистый напев южака.

— Не поймают! У нас заведующий не просыхает.

За такой игрой и поймали картежников.

Изолятор находится за зоной у вышки часового.

Он имеет шесть холодных камер. В лагере отказчиков нет, изолятор не нуждается в службе, [но] лагерники боятся его как огня после этапа на прииск или рудник.

Ваське поднесли несколько затрецин и закрыли в одну из камер.

— А этого бурундука давайте разденем!..

Кругом изолятора лежит, сверкает изумрудными звездочками спрессованный снег, чувствуется недостаток кислорода в глущем воздухе, мороз захватывает дыхание. «Раздеться, — думает Павлик, — это значит подписать себе смертный приговор. К утру кочерыжкой буду». Ближайший самоохранник взялся за рукав бушлата, но в этот миг отлетел в сторону. Это самоохранников взбесило, и они кинулись на надменного упрянца. Каждый старается дотянуться ударить своим тяжелым аккумулятором. Павлик юлой вскочил на верхние нары и забился в угол. Добрых полчаса промучились самоохранники, но ничего не могут поделаться с непокорным бунтарем.

— Наручники, наручники давайте наденем на него!

С горем пополам защелкнули на одной руке американские блестящие хромированные наручники, но свести руки вместе и защелкнуть обе руки не могут даже втроем. Только подведут руку к руке, а Павлик снимет напряжение, ослабляет сопротивление в ту сторону, и самоохранники сами двигают руку до самого плеча — и начинается все сначала. Наконец удалось свести обе руки обессиленного неравной борьбой штрафника вместе. Только защелкнули, крутнул штрафник и сам испугался — наручники разорвались на две части и остались на руках, как брасле-

ты. Американская цепочка не выдержала, а возможно, до Павлика кто-то над ними поработал.

— А-а-а!.. Так ты наручники уродовать?..

— Мы тебя научим, как казенное добро портить!..

Тяжело дыша, вышли в коридор, пошептались между собой, закрыли дверь и ушли из коридора. Павлик переживает: «Что же это будет за наручники?» Через несколько минут, поскрипывая по снегу валенками, зашли с вооруженным часовым с вышки. Часовой тоже из самоохранников, им все дозволено. Открыли камеру, стали все рядом и направили в глаза стоящему в углу, на верхотуре нар, яркий свет своих аккумуляторов. Часовой в это же время направил винтовку на одинокого штрафника, беспрерывно щелкая спусковым крючком винтовки. Хотя Павлик понимает, что винтовка не заряжена, но все же страшно. Проделав процедуру психического воздействия, самоохранники строем двинулись на свою жертву, а часовой продолжает щелкать затвором. У Павлика учащенно застучали виски, ужасно большим грузом жмут и давят на темя, он не на шутку испугался, кажется, что волосы стали дыбом и быстро растут. «Что делать? Что делать?.. — пытается сдержать внутренний трепет, воображает штрафник. — Бороться?.. Ведь это самоохранники, они на все способны, это же те самые суки, которые на пересылке в Бухте Находка гуляли. Они ведь могут запросто хлопнуть. Отволокут в сторону и скажут: «При попытке к побегу!» А вдруг покалечу кого-нибудь? Да-а-а!.. Здесь, если что, то не на жизнь, а на смерть... А условия неравны, на их стороне и закон, и сила, а сроку так мало осталось!..» Все это пронеслось в голове за считанные секунды, а как вспомнил, что сроку осталось мало, опустил окончательно крылышки. Ведь у Павлика появилась надежда и вера, что отбудет срок наказания и доживет до дня долгожданной свободы: осталось ведь немножечко больше двух лет каторжных работ. А здесь пахнет новым сроком. Воспользовавшись замешательством штрафника, самоохранники принялись бессердечно избивать [его] тяжелыми аккумуляторами. Павлик не сопротивлялся, он закрыл лицо руками, полусогнулся, словно ежик, направил локти к животу, защищая внутренности, и только охает от увесистых ударов. «Стонет, падло!» — «Под дыхало ему, чтоб не стонал!» — «Жахни ему еще! Ишь, задумал нам сопротив-

ляться!..» — «Мы быстро рога обломаем!» — «Васька, снимай с него браслеты, хватит с него!» — «Будет помнить самоохрану!»

Самоохранники хлопнули дверью и удалились, поскрипывая по снегу, забыли даже снять бушлат.

— Павлик, а Павлик?.. Ты живой там?..

— Живой!

— А я притаился, думаю, доберутся и до меня.

Ох и били, суки... все целое?..

— На левой стороне ребра болят и изрядные синяки чувствуются на теле, а локтям больше всего досталось, и что-то клейкое на голове, вероятно, кровь закипела кругом раны, в общем, кругом шестнадцать (793)! Ничего-о-о... были б кости, а мясо нарастет!

Утром, когда дежурный вахтер выпустил обоих на развод, Павлик на ходу умылся снегом, не забежал и за пайкой — скорее в баню, там тепло, уют, харчи и душевный покой.

Самолет, предназначенный для охраны, всегда стоит в замерзшей бухте поблизости от бани. Его охраняет один караульный ВОХРовец. Летуны заметили, что охранник часто отлучается погреться. Незаметно подкрались, разогрели, завели, а самолет ни с места. Они в спешке не оттаяли лыж, примерзших ко льду. Услышал охранник шум мотора, поднял тревогу. Сняли неудачников и доставили в холодный изолятор (794). Я здесь не пишу, как их «угощали», это обычная процедура. В таких случаях здесь, на Чукотке, под следствием долго не бывают. К утру состряпали приговор по пятнадцать лет и сходу отправили на урановый прииск (795).

С тех пор как посидел Павлик ночку в изоляторе, забросил играть в карты. Но злой старшина не унимается, при любом удобном случае заводит прачку, но так как не к чему придраться, старшина подослал в бараке «штрейк-брехера» Сашу Лысого. Тот сел у павликовых нар внизу играть в стос, а прачка лежит и с верхотуры наблюдает,

(793) «Кругом шестнадцать» — поговорка, означающая безвыходное положение, обстоятельства, сложившиеся так, что хуже некуда.

(794) Летуны — здесь: заключенные из бывших летчиков. О попытке угона заключенными самолета стало известно за пределами Чукотки. Об этом, в частности, упоминает в «Архипелаге ГУЛАГ» А. И. Солженицын: «Ходили слухи, что на Чукотке захватили эски самолет и всемером улетели на Аляску. Но, думаю: только пробовали захватить, да сорвалось» (Т. 2. Ч. 3. Гл. 14).

(795) Здесь Овчаренко допускает небольшой анахронизм. Его первой чукотской зимой урановых приисков еще не существовало. Месторождение урана восточнее Певека было обследовано только весной 1947 г., а разработка первых ураноносных жил на будущем руднике Северный началась с 1 августа того же года. Об этом см.: Романенко Ф. А. Острова уранового ГУЛАГа в Восточной Арктике // «Враги народа» за полярным кругом. М., 2010. С. 394.

(796) Будка — широкое лицо, толстая рожа.

(797) Перефразировка крылатой фразы из трагедии Ф. Шиллера «Заговор Фиеско в Генуе», которую произносит мавр — наемный убийца: «Мавр сделал свое дело, мавр может уходить».

ничего не подозревая. В это время вбежал дежурный по лагерю, тот самый старшина. Хотя Павлик и старается угодить ему, но старшина не из тех, кто прощает обиду, нанесенную при всех старшинах дивизиона, да еще кем — обыкновенным туземцем. Саша-стукач, видя на пороге старшину, сунул под матрас Павлику карты, а сам ретировался в сторону. У Павлика после Ромкиного проигрыша вновь завелись и матрас, и одеяло. Старшина великолепно видел, что прачке подсунули карты. И вместо того, чтоб преследовать картежников, решительно направился к нарам Павлика, вытащил карты из-под матраса и, ни слова не говоря, удалился, улыбаясь ехидной улыбкой. У Павлика что-то зануло внутри от суеверного предчувствия. Через полчаса вызвали Павлика к начальнику лагеря. Только перешагнув порог кабинета, начальник коршуном набросился на прачку, мусоля в руках те самые карты:

— Так ты что?.. В карты играешь?.. Меня ставил на карту?.. Так, старшина?..

— Да-да!.. Вас, вас!.. — нагло врет старшина.

— На какого туза ставил? На бубнового или пикового?

— Да я не играл! — ломает Павлик голову, как же выкрутиться: и выдавать никого нельзя по лагерным законам, и самому чистым хочется выйти из кабинета начальника.

— В список его! — приказал он старшине. — На этап!.. Хватит тебе в уютном гнездышке цыплят высиживать! Ишь, какую будку (796) отъел!..

«Ну что ж, — думает прачка. — Мавр сделал свое грязное дело (797). На этап так на этап!»

Раненько утром — еще голосистый звонок чугунной рейки спокойно дремал, не тревожа лагерников подъемом, — в крытой машине американского образца увезли новое пополнение на рудник Валькумей. В числе двадцати штрафников едут навстречу новой судьбе Васька-Камбала и Павлик-прачка. Снова его подвел собственный характер. Он до сих пор не понял, а возможно, никогда и не поймет, возможно, это не для него поговорка «тише едешь — дальше будешь».

(798) Цитата из стихотворения
А. В. Жигулина «Родина» (1963).

(799) Валькумей — рудник
по добыче оловянной руды
(касситерита) в 13 км от Певека
на берегу Чаунской губы.
В настоящее время закрыт,
поселок при руднике заброшен.

Я копал руду на Крайнем Севере,
Много лет я молока не пил.
Только ты, земля моя,
Не верила,
Что тебе я в чем-то изменил.

Анатолий Жигулин (798)

У самого берега Ледовитого океана расположена
гранитная скала, кое-где покрытая породой и суглинком.
На этой огромной скале расположены постройки и участ-
ки рудника Валькумей (799). Сюда и подвезли прямо к
лагерной зоне пополнение из Певека. В лагере около тыся-
чи человек. Барак конструкторов, в который попал Павлик,
третий от вахты. В бараке чистота, отдельная сушилка.

Долго длится полярная ночь. Давненько, еще осе-
нью зашло солнышко, а вот в начале февраля сорок седь-
мого года приехали встречать новые этапники дорогое
светило. Как торжествует, вбегая в барак, заключенный,
первым увидевший восход всемирного светила! Хотя
какое оно всемирное, когда полгода не освещает Чукотку?
Глаза у вбежавшего в барак сверкают бисером:

— Ребятки!.. Ребятки!.. Да что же это вы спите,
дорогие?.. Так можно все царство проспять!.. Скорее под-
нимайтесь... Скорее, братишки!.. Солнышко всходит!..
Что, не доходит?.. О-о-о!.. Братцы, какая радость!.. —
и побежал из барака, торжествуя, словно маленький
ребеночек.

Погода стоит тихая, безоблачная, морозик граду-
сов пятнадцать, солнышко лениво выкатилось половин-
кой из-за горизонта красное-красное, показалось и снова
скрылось на двадцать четыре часа за земной шарик.
Сколько радости, сколько разговоров: «Ты видел солныш-
ко?» — «Видел». — «И я видел!» — «А я, братцы, не успел!»
— «Эх ты, соня, такое видение прозевал!» Потом солныш-
ко стало задерживаться все больше и больше, а летом
совсем не прячется от северян, но оно совсем не такое,

(800) Только одно меня, друг Павел, держит на этой грешной земле — мечтаю хоть разок одним глазком увидеть родной дом и родную мать (укр.).

как на материке, какое-то бледное-бледное, словно из-за тумана выглядывает.

Из валькумеевского лагеря прекрасно видно, как меняет свой облик Ледовитый океан. Температура держится пятнадцать-двадцать градусов, но новеньким показался холодным рудник Валькумей, особенно прачке после тепленького местечка. Все на этой гранитной скале напоминает настоящий Север — и занесенные снегом бараки, и деревянный, обитый досками коридор от первого рудника ко второму, а от второго к обогащательной фабрике, и суровый нрав заключенных; кажутся далеким сном и сады зеленые, и полевые душистые цветы. Да какие здесь могут [быть] цветы, когда мороз пятнадцать градусов, а Ледовитый океан меняет свой облик на глазах у новеньких? Лед как будто бы поднимается под напором прибоя, трещит, ломается, оттесняет более слабого соседа — потеснись, мол, минок, я за тобой берега не вижу! А тут еще рассказывают старые лагерники, что, бывает, налетит южак, угонит весь лед и даже шугу далеко-далеко от берега, и взору предстают хищные, кипящие и клокочущие черные, бешеные волны, а бывает, и летом застынут, сверкая голубовато-синей мерзлотой, на радость демону и белым медведям. И тогда никакие силы не в состоянии нарушить это неподвижное царство льдов. Всему этому Павлик верит, сам видел своими глазами, когда притаранили этап в Певек. Все это нагоняет пасмурные мысли новоиспеченному горняку.

В бараке политических Павлик встретил бывшего бригадника Омельченко. Опустился он, злой на весь мир, чувствителен к обиде, как ртуть. Уже давно не поет он песен о своей гуцулке, как в тюрьме певал. Покинул его жизненный огонек, все ему безразлично, словно он все пережил, передумал, перестрадал в своей горемычной жизни и зашел в тупик, из которого нет выхода. Разговорились, и он с болью в душе признался:

— Тільки одне, друже Павло, мене держе на цій грішній землі — мрію побачіти хоч один раз, одним оком рідну хатину і рідну маті... (800)

О-о-о... «мама»! Какое это родное, ласковое, теплое слово. Сколько в этом слове сконцентрировано любви, солнца, надежды — и это кажется пожилому, огрубевшему в горах и лесах, прячась от преследования, и здесь, в заключении на Дальнем Севере, истощенному человеку. Смотрит на него Павлик и думает: «Боже, какой он стал! Страшно смотреть на него: зарос, худой, опустился до <пре>дела, и только по широкой кости можно определить, что этот человек когда-то был силен и могуч».

— Не унывай, мой друг! Держи хвост трубой! Слушай, милый друг, расскажу тебе о своих невзгодах в заключении. Хотя ты и старше меня лет на десяток, но я больше просидел в лагерях, больше горя хлебнул, доходил, поднимался на ноги, снова доходил и снова поднимался. Только привели нас в лагерь из тюрьмы на кирпичный завод, меня поставил бригадир глину месить и беспрерывно в бункер бросать. Попробовал я и думаю: «Это есть могила», и отказался от работы: «Стреляйте меня, и все тут!» А это начало войны было, за отказ от работы шлепали нашего брата, как куропаток на охоте. Лишь случай меня спас — лагерь закрыли. Нас погнали на пересылку — и вот, как видишь, я живой до сих пор. Я уверен и сейчас, что несправедливо таких как я держать по лагерям. Советский я! Ты западник и по-иному воспитывался с детства, тебе не понять, почему я — лишенный свободы, голодный, сделанный «врагом народа» — так верю в Советскую власть. А что сижу как чуждый элемент — то убежден, что кто-то где-то напутал, а вот кто и где?.. Не могу своим умишком понять, не доходит до меня, кто виноват! Учиться надо было дураку в молодости, легче было бы разобратся, в чем тут соль.

Павлик и сейчас свято верит в свое правительство. Верит в мудрого «вождя мирового пролетариата». Поэтому он так убедительно доказывает бандеровцу словами настоящего патриота:

— ...А сколько раз я мог бежать из-под стражи?.. Но куда?.. И зачем?.. Я не преступник какой-то, а честный человек. Да-а-а... Если бы был ближе фронт, то бежал бы, чтоб оправдать себя вне закона. Вот сейчас я совсем не тот и не такой, каким перешагнул порог тюремной камеры... Я уже битый, тертый, просидел всю войну в лагерях. О-о-о... я знаю цену лишениям, многие мои «однополча-

(801) Не видать ли моего родненького сыночка на торной дороге? Может, его простили? (укр.).

(802) Друг мой Павел, не напомни мне про родную мать! (укр.).

не» не выдержали такого ада — окоченели. Ванечка, а как у нас на Украине тепло, уютно! Даже зимой, когда идет снежок, помнишь?.. Такой лапчатый, радостно на душе становится, а он медленно-медленно звездочками садится, пушистый такой, подхваченные ветерком пушинки, словно пьяные, путаются между собой, будто пытаются возвратиться назад, окаянные, но земля словно магнитом притягивает к себе эти снежинки, смахивающие на звездочки. Даже бывало, когда сильно запорошит снежок, раз за разом ударяя в лицо своими холодинками, и они блаженно тают на лице. О-о-о... как это приятно, мой друг Ваня! А снежок валит и валит, покрывая все вокруг белым покрывалом. Вот когда испытываешь красоту красавицы-зимы! Ничего не обойдет этот пушистый дорогой гость, все покроет белым покрывалом. В деревне соломенные избушки оденет в белые грибообразные шапки, а деревья, словно березы в майском цвету, цветут, стоят неподвижно, разряженные пушистым снежком. Успокоится метель, и до рези в глазах влагой набирается белый снежок, и солнышко покажется, правда, не так, как летом, а как матовая электролампочка. В такое прекрасное время так и тянет слепить снежок и бросить в идущего знакомого, так и тянет крикнуть: «Принимай, друг, эстафету радости, снег идет, влага будет, а если влага будет, то и урожай будет...» А здесь?.. Как подует южак, гальку с куриное яйцо несет, и к руднику близко, но не дойдешь — южак не пускает.

Так сидели битый час, вспоминая о родном крае, но Омельченко сидит, как истукан, его не растревожили и родные места. Вспомнил Павлик своему другу семью.

— ...Представляю, Ваня, как там скучают и мамаша, и жenuшка, твоя любимая гуцулочка... А мамаша, вероятно, исстрадалась по тебе, в ожидании томясь, наверно, поседела как лунь и выходит, вероятно, до сих пор на заросшую подорожником дорогу, с глубокой надеждой выглядывает: «Чи не видно мого рідесенького синочка на битій дорозі? Може, його простили? (801)» А ты даже восточку не подашь о себе мамаші ріденькій... Эх ты, сынок, сынок. Поверь, так и у меня было до самого сорок пятого года; не сообщал родным, что нахожусь в заключении, горькая обида давила, а сообщил — легче стало.

— О-о-о!.. Мій друже Павло!.. — рыдая, выдавил из себя Омельченко. — Не нагадуй мені про рідну матір!.. (802)

Угрюмость и гордость сломились в нем, и он из упрямого векового дуба превратился в засыхающий подсолнечник, гнулся, гнулся под тяжестью воспоминаний о родных и зарыдал, как малое, незащищенное дитя. О, как гадко смотреть, когда плачут взрослые мужчины...

Павлик прекратил свои воспоминания, посмотрел на своего друга и подумал: «Пусть поплачет, после этого легче будет на душе, он выплачет то, что накопилось внутри за эти годы мытарства по тюрьмам, пересылкам и лагерям. Стало быть, он еще не потерянный человек, если скорбит и слезы льет, вспоминая родную мамашу».

Как же принял рудник новое пополнение?

Уньло идущих на первую смену заключенных конвоир привел к копру (803) второго рудника. Главная его задача — наблюдать, чтоб никто из заключенных не отклонился от намеченного маршрута в поселок вольнонаемных, который расположен у самой пропускбудки лагеря и раскинул свои бараки до самого второго участка. А идущих на первый и третий участок конвоир пустил на самотек. В поселке вольнонаемных кроме барачников два деревянных двухэтажных дома — это жилье начальства, приехавшего на Дальний Восток с семьями по договору и попавшего к черту на кулички, на самый Крайний Север. За поселком стоит одиноко клуб-барак, а еще дальше, у самого берега моря, за вольнонаемным поселком, расположена обогатительная фабрика с высоким отвалом. В нарядной первого участка, куда привели Павлика, начальник участка напомнил о вчерашних недоданных на-гора трех процентах плана, о сегодняшнем задании наверстать упущенное с новым пополнением, напомнил, что стране нужен цветной металл. Каждому бригадиру и гормастеру (804) дал задание и сказал:

— У меня все! За дело, голубчики!

Бригадир подвел новичков к ходку (805) и дал команду спускаться вниз: «Там на месте получите разнарядку». Людской ходок напоминает бесконечный колодец с вьющейся вертикальной лестницей. Длинной кажется эта карусель, спустился на пять метров — площадка, надо на иную сторону переходить — и так все сто шестьдесят

(803) Копёр — сооружение над стволом шахты, где размещается подъемное оборудование.

(804) Гормастер, горный мастер — начальник смены на участке шахты.

(805) Ходок (горный термин) — небольшая горная выработка, предназначенная только для перемещения людей.

(806) Забурник — ручной инструмент со съёмным сверлом, с помощью которого в породе пробуривается первая направляющая скважина, которая в дальнейшем расширяется и углубляется с помощью бура.

(807) Горизонт (горный термин) — один из уровней шахты, состоящий из различных горных выработок.

Квершлаг (горный термин) — горизонтальная горная выработка технического назначения, не имеющая самостоятельного выхода на поверхность.

(808) Блок (горный термин) — горная выработка, где непосредственно ведется добыча руды.

Штрек (горный термин) — горизонтальная горная выработка.

(809) Слип (горный термин) — ёмкость для подъема руды на поверхность.

метров к третьему горизонту. Ноги подкашиваются без привычки, а сверху бурильщики как метеоры, гремя забурниками и бурами (806), которые затачиваются наверху, настырно подгоняют: «Быстрее!.. Быстрее!.. Медведь неуклюжий!..» Изрядно усталые спустились новенькие, а впереди еще целую смену работать. Неприветливо встретил длинный коридор, так называемый квершлаг на третьем горизонте (807), по нему с огромной скоростью несется противный, злющий ледяной ветер — это вентиляция.

Странный квершлаг: кругом в граните сверкают какие-то изумрудинки, повсюду торчит, как шерсть мохнатый, закопченный вековой снег и ледяные сосульки. Все здесь дышит вечной мерзлотой. В десяти метрах от людского ходка собрались бригадники в ожидании разрядки бригадира. Бурильщики эти знают свое дело. Вошли в молоточную, приспособленную в гранитной скале, быстро разобрали свои перфораторные молотки и разбрелись по своим местам — кто в блок, а кто в штрек (808). Бригадир Грачев дал указание Павлику работать на грохотах, дробить кувалдой гранит, который не проходит в железные решетчатые клетки грохотов. Грохота расположены против молоточной, через вагонеточную колею.

Трудно показалось новенькому лагерному придурку после тепленькой баньки постукивать по гранитным глыбам, да еще в боку побаливает после воспитательных мероприятий самоохранников в изоляторе. Провалившись в бункер гранит-руда погружается в слип (809) и отправляется на-гора. В молоточной не жалеют электроэнергии, обогреваются двухмиллиметровыми спиралями. Только вошел в молоточную погреться озябший молотобоец — и в этот же миг услышал знакомый голос:

— А-а-а, мое вам с кисточкой!.. И вы посетили нас?.. Сколько лет, сколько зим! Ха-ха-ха!!! Здорово, староста!.. Не узнаешь, что ли?..

Мурашки прошили тело молотобойца от такой встречи, взглянул — у верстака, похожего на длинный стол, слесарничает Минин.

— Здорово, Минин!.. И ты здесь? — заискивает перед ним посиневший от холода молотобоец.

— Как видишь!.. — гордо выпрямился он. — А у тебя будка не спадает! Все жить умеешь?..

— Работал в Певеке на тепленькой работенке! — Помолчал, добавил: — В стос попался!

— А-а-а-а!.. Вандал! А на лесоповале запрещал нам играть в стос...

— Я фитилям жизнь спасал! Они же в деревянном костюмчике были бы, если бы я не запрещал проигрывать кровные паечки!

— Подумаешь, адвокат нашелся! Тебя это кольхало или щекотало? Хохол ты задрипанный! Я жил и живу для себя, а остальное — трава не расти! — Павлик помалкивает, боится, чтоб не выгнал из теплой молоточной. — Вот, имею на сегодняшний день с фитилей несколько ларьков и полсотенёк с лицевого счета первого числа получу, и есть подкрепление, и живу себе потихонечку... А если бы ты был старостой, то я бы лапу сосал. Да-а-а... — загадочно протянул Минин. — Знаешь... дело прошлое, в Бухте Находка мы с Толиком за твоей головой охотились. Так тебя, баклана, не возьмешь, так мы по сонникам хотели оттяпать (810). Один раз заметили, где ты со своим петюнчиком лег на ночь, и подкralись поздней ночью с колуном... А за колуном сколько времени охотились, сутками возле пилорамы пропадали... мать честная... А потом прятали... Набрались мы с ним горя и страха — шутишь, поймали б с ним — верный ЗУР. Подползли мы на это место, где вы ложились, искали, искали — и не нашли вас, паскудников. Ох и обидно было! Вероятно, ветер вас спас — дул вечером в одном направлении, а потом начало нести на ваше место, где вы лежали, противным запахом из туалетной. Вы и ретировались с этим Гошкой-Котиком. А на второй день Жаворонков на этап ушел, а я колун обратно подбросил на пилораму. Кстати, Гошка твой живет в первом бараке, девкой заделался, с нарядчиком грузинскими шуточками балуется! Ха-ха-ха!

— Да не может быть! Вот бесхарактерная скотина! Ух!.. Какая гнида!.. По-до-нок!.. — и подумал: «Он всегда все выглядывал, чтоб его кормили. Я же с ним, гадом, водичкой в ЗУРе делился!»

— А ты с ним не блудил?..

— Что ты?.. Что ты?.. Я таких презираю, как активных, так и пассивных. Я бы всех этих минетчиков, дунькиных, петюнчиков, двухснасных (811) в расход пустил бы, как мусор сегодняшнего дня...

(810) По сонникам оттяпать (блат. жарг.) — здесь: убить спящего.

(811) Минетчик, дунькин, петюнчик, двухснасный — уничижительные клички гомосексуалистов.

(812) «Темно-желтый густой и вязкий экстракт непередаваемо противного вкуса» изготавливался из свежей хвои кедрового стланика на базе Центральной санитарно-бактериологической лаборатории в Магадане и на Ягоднинской витаминной фабрике, а затем в бочках развозился по лагерям, включая расположенные в Заполярье, где не растет даже стланник. «Этот экстракт нас заставляли пить или есть (кто как сумеет) перед каждым обедом. Вкусом экстракта был испорчен не только обед, но и ужин, и многие видели в этом лечении дополнительное средство лагерного воздействия. Без стопки этого лекарства в столовых нельзя было получить обед — за этим строго следили. Цинга была повсеместно, и стланник был единственным средством от цинги, одобренным медициной», — пишет Шаламов в рассказе «Кант». Несмотря на то, что уже в середине 1930-х гг. колымскими медиками была разработана методика получения экстракта плодов дикорастущего шиповника, содержавшего многократно больше витамина С, использование хвои в качестве противцинготного средства продолжалось даже в конце 1940-х.

— Да тебя допусти, ты сделаешь из черного белое, а из белого черное!

— Ух!.. Тро-гло-дит!.. Обидно и за тебя, и за него... Другом ведь назывался! Тьфу-у-у!.. — плюнул и растер на шершавом гранитном полу. — Девкой заделался, гнида, вот не думал! Ни совести, ни стыда! Тьфу-у-у! Зараза!..

В столовой в дверях стоит вышибала из уголовников и каждому нахально сует в рот ложку хвои — это профилактика от цинги (812). Выпил — получай ложку, отказался — нет ложки для обеда, а хвоя горькая, хуже полыни, выпил — и за Москвой Париж видно. Поначалу Павлик храбрился, избегал пить хвою, которая на вид смахивает на патуку, но зубы уже начали шататься, ноги свинцом наливаются, и волосы покидают дурную голову.

Однажды после работы Павлик засел искать удачи в картах. Сел по маленькой в стос с Васькой-Камбалой. Павлик так привык его «доить», что считает всегда его очередной жертвой. А Васька не такой уж и дурак, он подметил, что соперник «подковал» одну карту, и словно не замечает, подсекает его на этой карте. И начал молотобоец проигрывать вещь за вещью. Страстное желание отыграться овладело им и, потеряв самообладание, все больше и больше путает и залезает в безвозвратный проигрыш. Он чувствует, что надо встать, успокоить нервы, собраться, но сознание, что Васька уйдет и немедленно проиграет эти его чистые вещи, — это сознание удерживает его и подогревает желание во что бы то ни стало отыграться. И доигрался — остался гол как сокол, получилось, как в песне:

Пропил, пробуцал
Последние шкары!..

— Все!.. — глотая обильно набежавшую слюну, печально произнес Павлик.

— А одеяло?.. Одеяло атласное?.. — злорадно торжествует Камбала.

— Я каждому крокодилу не ставлю такое одеяло!

— Ну, плати, контра! Ха-ха-ха!!! — ехидно заржал Васька. — Я поклялся когда-нибудь ободрать тебя как белку. Долго же ты сосал с меня кровушку, вот и расплата настала, ха-ха-ха!!!

— Куда ты прешь? Не ходи за мной в барак! Сейчас вынесу постельную принадлежность.

Зашел в барак, с болью в душе свернул в каток матрас, одеяло, ватную подушку и понес своему презренному победителю.

— Принесешь сменку, тогда одежду получишь, не буду же я нагим ходить!

— Ну-у-у...Змей... и здесь законы качаешь (813)? Ну-у-у... я тебе такую сменку притараню, что вусмерть закачаешься от смеху! — удалился Камбала.

Через несколько минут Камбала принес что-то похожее на телогрейку, брюки — все в мазуте, масло так и течет с них, заплаток и дыр не сосчитать, вата так и прет ключьями наружу, рубашка — один воротник еще цел.

— Вот тебе сменка! Мы на контру контрой отвечаем! Ха-ха-ха!!! Не возьмешь, придем с ребятами, разденем и нагим пустим. Гы-гы-гы-гы!!! Долго ты с меня кровушку сосал, как вампир, — получай! — и бросил к ногам свою сменку.

С великой болью в душе снял Павлик чистенькую, новенькую одежду и надел хлам. Зашел в барак... «О-о-о... ужас...» С удивлением все смотрят, как на клоуна, Омельченко даже от изумления рот приоткрыл. Павлика больше ранило, как он на него смотрит, как ему жаль бывшего своего бригадира. Залез он на нары и не сдвинулся с места до самого развода.

На следующий день после проигрыша на работе с часок постоял на грохотах, а в этой дырявой сменке сквознячок ужасно продувает и ни одной дыры не пропускает мимо, в каждом глухом закоулке везде ему дело. В одну дыру влетает холодный ветер, а в иную вылетает, и никакого спасения нет от этой подземной вентиляции. И молотобоец положил кувалду и отказался работать на грохотах, в голову разные мысли лезут: и покончить с собой, и подставить руку или ногу под вагонку или под скип броситься. Инвалидом легче срок отбывать, но как на себя руку наложить? Да могут и разоблачить,

(813) Законы качать — здесь то же, что «права качать», т. е. чего-то требовать, настаивать.

(814) Членовредительство заключенных, т. е. намеренное нанесение себе увечья с целью уклонения от работы, квалифицировалось по распространенной «лагерной» статье 58-14 как «контрреволюционный саботаж».

(815) Дучка (горный термин) — небольшая вертикальная или наклонная горная выработка, колодец для сброса породы с вышележащего горизонта и прокладки кабелей, лаз для людей.

(816) Забойщик — рабочий-горняк, вручную добывающий уголь или руду.

(817) Проходчик — рабочий-горняк, выполняющий различные работы по подготовке подземных выработок к добыче.

(818) Тарзан — персонаж нескольких голливудских приключенческих фильмов, которые демонстрировались в СССР после войны и пользовались огромной популярностью. Имя Тарзана ассоциировалось с огромной физической силой и смелостью.

приштопают членовредительство и срок добавят (814), и на урановый прииск отправят. Вот Капустин в приливе гнева заскочил в пилораму, подставил руку под дисковую пилу по локоть, но вместо лазарета его в холодный изолятор отправили. А утром прибыла из Певека тройка и зачитали: «За контрреволюционный саботаж, умышленное членовредительство с целью ослабления власти правительства и деятельности государственного аппарата при отягчающих обстоятельствах трибунал ЧЧГПУ приговорил к двадцати пяти годам исправительно-трудовых лагерей, пять ссылки и пять поражения в правах с отбытием наказания на прииске „Красноармейск“».

Этот случай заставляет подумать, что может быть еще неприятнее положение. Ведь Капустина не успели отправить на прииск, он от потери крови на следующий день умер.

После вульгарной перебранки с бригадиром, который пригрозил заморить на семисоточке, направил он молотобойца работать в штрек. Здесь гораздо теплее, в тупике вентиляция почти совсем не работает.

Много жил в этой огромной скале. По жиле, которая богатая касситеритом, проходит штрек, по штреку через шесть-восемь метров пробиты дучки (815) в блок для люков, под конец штрека люки полны руды. В блоке шумят бурильные молотки — это бурильщики обуривают ступами блок. На угольных шахтах основная рабочая сила — забойщики (816), а здесь, на руднике, бурильщики — ведущая специальность: что забурили, то и отпалили, а что отпалили, то и выдали на-гора.

В штреке, где грузит Павлик с латышом руду, чувствуется запах угарного газа, латыш говорит, что это после отпалки плохо проветренный штрек. А Павлику этот запах нравится, он напоминает домашнюю колбасу с чесночком, и не верится, что он очень вредный для здоровья. Задание обоим — очистить штрек от отпаленной руды и подготовить к следующей смене для обуривания. Латыш — мощный труженик, новый проходчик (817) — никак не успевает за ним. Пусть простит меня читатель, не запомнил ни фамилии, ни имени этого Тарзана-латыша (818), а придумывать не в моих правилах, вот поэтому в дальнейшем и будем его звать просто Латыш.

Павлик так увлекся работой, что даже временно проигрыш свой забыл. Его мучает мысль: «Что делать? Как выйти из этого нелепого положения? Остался единственный шанс — это атласное одеяло. Как ни тяжело, но придется с ним расстаться. Но что с ним делать?.. На карту поставить? Еще попытать счастья? Как нелепо попал, и жоркина школа не помогла, да что же я так пролопушил? Вот Камбала так Камбала! И не думал, и не гадал, что он меня обдерет. Нет, рисковать нельзя последним шансом, надо найти богатого лагерника и обменять это драгоценное одеяло на необходимую одежду так, чтоб в промотчики не угодить.

Прибежал с работы и бегом в первый барак к старому знакомому, уже не Гошке, а Котику. «Тьфу, паскуда! Нет, безвыходных положений не бывает! Вспомни, что ты говорил Омельченке? А как он смотрел на меня, когда увидел в этом рвань?.. Вспомни кирпичный завод, вспомни Саркисяна, как он говорит: «Куда бы, как бы, где бы не попал в переплет — не теряй бодрость духа никогда! (819)» Ну, брат, смелее на мяч, нужно гол забить во что бы то ни стало!»

Клюев Гошка помещается в углу барака, его нары завешены плотной тканью из новых распущенных матрасов. Сидит Гошка за широкой, чистой ширмой, выхоленный, опрятный, по облику видно — сыт. Немного пожелтел и постарел за прошедшее время разлуки. На ногах камчатские унты, надета на нем узорчатая (820), красиво вышитая безрукавка-эскимоска (821). «Да-а-а... оборотень! Чисто ходишь! Где берешь?..» — думает Павлик. На широких нарах — два или три матраса, аккуратно заправленные новенькими байковыми одеялами, а сверху лежат две огромных пуховых подушки, как у богатой невесты. Сколько Павлик прошел лагерей, еще не видел таких подушек на нарах, даже в кобыльем дворе. «Здесь как раз не хватает моего одеяла! Ну, я с тебя, подонок, сдеру все, что мне нужно. Девка! Да куда еще похлеще, но где слова найти для такой твари?»

— Здорово, Гошка!.. — обратился бывший друг. — Можно сесть? — и сделал вид, что садится на чистую постель.

— Что ты? Что ты? — заволновался Гошка.

— Не бойся! Дядя шутит! — а сам подумал: «А, собака, вот она, твоя дружба?» — Слушай!.. Я к тебе

(819) Скрытая цитата из песни М. А. Валоваца на стихи В. А. Дыховичного «Одессит Мишка» (1942), получившей огромную популярность в исполнении Леонида Утесова: «Ведь ты моряк, Мишка, моряк не плачет И не теряет бодрость духа никогда!»

(820) Узорчатая (укр.) — узорчатая.

(821) Эскимоска — глухая (нераспашная) одежда из шкур мехом внутрь.

пришел как к богатому лагернику! Хочу обменять свое атласное одеяло, ты, вероятно, слышал о нем, которое не ставится на карту в любой цене. Хочу обменять его на одежду и постельную принадлежность от и до. Видишь, как влип?

— Ой, Павлик, ты же как будто и в карты не играл? Ладно, я поговорю со своим напарником, посоветуемся и заберем это одеяло! — открыл тумбочку, достал пайку хлеба и протянул Павлику. — На, подкрепишь!

Павлик взял хлеб и положил за дырявую пазуху; карманов в этой разношерстной сменке нет, вернее, отверстия для карманов есть, но они бездонные, очень хитрые карманы в этой сменке, в эти карманы можно все класть, но назад ничего не получишь.

— Слушай, Гошка, прошу тебя по старой дружбе, если есть летние лишние брюки и рубашка, выручай по старой памяти, дай сейчас, безо всякого обмена, я хотя в бараке буду переодеваться. Или ты как Клименко?..

— Да нет! Что ты! Вот... на, а остальное мой напарник придет, обменяем.

Через некоторое время прибежал нарядчик.

— Показывай, что у тебя там за одеяло? Да быстрее, а то я спешу! — торопит он.

Он прекрасно знает, что это за одеяло. Слух о нем обошел весь лагерь и вольнонаемный поселок. О нем рассказывают небылицы. Проигрался, мол, до последней ниточки, а одеяло, шельмец, не ставит на карту. Нарядчик старательно осмотрел, не вымазал ли своей мазутной сменкой, и говорит:

— Только учти, змей, могила! — и приложил пальцы ко рту. — Если вдруг что... Заморю в кандее!

Каптер выдал «вшивому голодранцу» одежду от и до и постельную принадлежность, как договорились с нарядчиком.

Утром, спускаясь в шахту по ходку, к Павлику обратился Минин:

— Ты смотри!.. Вчера я видел тебя — ты был гол как сокол! Ну, думаю себе, и в полгода не подняться тебе на ноги, да еще бригадир пообещал заморить, а сегодня ты в норме. Да ты действительно умеешь жить!.. А гордый какой, не зашел ни разу погреться в молоточную. Ждал я, ждал и не дождался!

— Стос, дорогой, виноват. Вчера подзалетел, а сегодня фортуна улыбнулась! — не моргнув глазом, соврал вчерашний голодранец.

Как человек быстро доходит! Голод не дает покоя ни ночью, ни днем. И приспособился Павлик подрабатывать по ночам — возить снег на кухню для питьевой воды с такими же фитилями, как и сам. На Валькумей возят воду из Певека, но только два-три месяца в году, а остальное время обходятся снегом. Правда, в двухэтажные дома вольнонаемным, где живет начальство, и зимой возят из Певека лед, а эзки и освободившиеся вольнонаемные — не большие паны, могут обойтись и снегом.

Снег, спрессованный южаком, как льдина, только ломом с трудом откалывается. Навозили с запасом и сидят, спят здесь же, в кочегарке на лавочке. С утра ведь на работу, грузить в шахте рудой вагонки и гонять на грохота.

— Кто сегодня дежурит из поваров? — не открывая глаз, сквозь сон спрашивает сосед у соседа.

— Степка!..

— Ну вот гад — нальет сверху погуще!

И верно, наливает баланды лишь бы очередь отбить, и не скажешь ничего; скажи — завтра не возьмут подрабатывать, а завтра дядя Гриша будет работать, тот лучше зачерпнет снизу, да погуще. Так и прошло месяца полтора рудничной работы у нового горняка. Наконец-то дождался ларька. В один получил с лицевого счета сто рублей и сразу выкупил ларек — нерпичьего жира два килограмма (822). Он очень приторный, но только пока проглотишь хлеб, выкупанный в этом жире, а потом керосином всю смену отрыгивается, бочка-то, в которой доставлен на Чукотку жир, из-под керосина. Здесь же, в ларьке, выкупил килограмм хлеба и пачку махорки «Кварчели». Как ни старался растянуть Павлик этот жир, его хватило только на десять дней. Снова желудок погнал на кухню возить снег. Так и протекают деньки у нового горняка.

(822) Имеется в виду ворвань — жидкий перетопленный жир морских млекопитающих, который широко использовался по всему ГУЛАГу для питания заключенных, а также для освещения и технических нужд. Отличалась отвратительным вкусом и запахом. Дальстрой вел промысел морского зверя и производил ворвань для собственных нужд.

(823) Овчаренко полемизирует здесь с позицией героя повести Солженицына «Один день Ивана Денисовича», который старается как можно меньше работать, поскольку считает, что «от работы лошади дохнут». Он и сам тоже умел при случае экономить силы и не считал грехом производственную «тухту», т. е. приписки, однако важным в его собственных глазах оправданием его бригадирства на лесоповале служило именно то, что, добившись выхода на работу «фитилей», которые ранее от этого уклонялись, он спас им жизни, заставив зарабатывать себе «большую паечку». Подробнее о спорах вокруг трудовой этики ГУЛАГа и о различных стратегиях выживания заключенных см.: Эплбаум Э. ГУЛАГ. М., 2015. С. 358—362.

На первом участке появился новый бригадир Белаш. Организовал он из контриков скоропроходческую бригаду и взял к себе трудолюбивых Латыша и Павлика. Двадцатилетний Витя Белаш с белорусским акцентом на «у»: «благодару», «не куру», «а поэтому говору!» — очень шустрый и находчивый парень. Пайку у него сразу получили кило двести. Всем бригадникам выписал по сто рублей с лицевого счета и ларек. Жира нерпичьего покупай в ларьке сколько желаешь — хотя купайся в нем. Павлик с голодухи употребляет этого жира граммов триста в сутки: и хлеб мочит, и в баланду добавляет. В организме чувствуется какое-то горение, и пошел на поправку наш горняк. Нет, уважаемый Александр Солженицын, не от работы зэки дохнут, а от питания, от нехватки жировых калорий в организме; корми каторжанина, и гору свернет (823).

В апреле в лагере подобрались три звездочета, обворовали магазин в поселке, запаслись продуктами и куревом, отняли нарты с собачьей упряжкой у чукчей, сняли с них теплую одежду и направились в бега в направлении Колымы. Были попытки и раньше бежать, но все они кончались смертельным исходом. Даже иные удачники добирались до Колымы, а там тоже все на охране войск НКВД и на сплошных лагерях, как на приисках, так и на рудниках. Звездочеты и прогнозист погоды двинулись в опасный путь. Когда обнаружили ВОХРовцы побег, полетел самолет на поиски, но обнаружить беглецов в бесконечных северных просторах не удалось. Заговорили лагерники об удачном побеге. Дошли эти разговоры и в охрану, их это взбудоражило, кончилась спокойная жизнь: то, бывало, приведет на рудник бригады и сидит в тепленьком местечке, ждет себе спокойно смены, а теперь беспокойно охраняют на своих постах. Прошло недели три, лагерники уже забыли о побеге, вдруг приполз один беглец с отмороженными руками и ногами. Допросили его и отправили в Певек — ампутировать конечности и за довесочком за побег и грабеж, притом не

простой, а групповой. Он сообщил, что те два еще живы, но слабее его и ползут по его следу помороженные. Снарядили конвоиры поиск на лыжах в том направлении. Нашли. Приволокли их поближе к скалистому крутому берегу у Ледовитого океана и здесь же, на льду, бросили у лагерников на виду.

Днем раньше лед после прибоя дал трещину, вода покрыла поверхность льда и сверкает зеркальной гладью под лучами апрельского солнышка, которое изредка показывается из-за туч. Туда и направили конвоиры беглецов — на скользкий мокрый лед. В последнем усилии карабкаются чуть-чуть тепленькие неудачники, но не продвигаются ни на шаг к лагерю. А охранники торжествуют: «Смотрите, мол, и вы будете бегать, и вас такая участь ждет». Беглецы в отчаянии взывают о помощи:

— Братцы!.. Миленькие!.. Помогите!.. Дайте возможность хотя умереть в тепле!..

В лагере из бараков высыпали все свободные от работы ээки — вечерок удивительно теплый, а для беглецов что вьюга злая. Охранники решили, что беглецы отпетые, и устроили перед лагерем показуху, рассчитанную на внешний эффект: смотрите, мол, и знайте, как бегают.

— Это произвол!.. Довольно издеваться!.. — глаголит лагерник из толпы заключенных.

— Да помогите же!.. Стрелок, не мучай, добей, прошу тебя! — жалобно доносится в лагерь просьба обреченного.

— О-о-о!.. Ма-ма!.. Где ты, моя дорогая? Я умираю!..

Лагерники, возвращаясь с рудника, несмотря на угрозы конвоиров, которые стерегут беглецов, пытаются приблизиться к беглецам и вытащить из воды, но их, грубо пиная, загоняют в зону лагеря. Более слабый недолго мучился, затих на веки вечные, а второй живучим оказался. Лагерники заволновались, зашумели.

«Что за произвол?..», «В каких законах вычитали такие пытки?..» На шум зашел в зону противный и вульгарный старшина и нагло обратился к толпе собравшихся недовольных заключенных:

— Вон, видели?.. — показал он на вышки. Там выставили пулеметы. — Так чего вы раскудахтались, как вороны? Кар!.. Кар!.. Кар!.. Тогда посмеивались между

(824) Перефразировка широко распространенной как среди заключенных, так и сотрудников ГУЛАГа поговорки «закон — тайга, прокурор — медведь», характеризующей режим правового «беспредела» в лагерях.

(825) Т. е. хуже самого глубокого уровня шахты.

собой: «Удачный побег!.. Удачный побег!..» А теперь: «Произвол!.. Произвол!..» Можете белому медведю жаловаться, он разберет вашу петицию вместо прокурора! (824) — Старшина ничуть не скрывает свою радость, скалит все тридцать два зуба, всем своим видом показывает, что перед ним стоят не люди, а лишненные свободы отбросы общества.

Покинул он зону лагеря, и еще бдительнее усилили охрану лагеря. До поздней ноченьки на льду кричал многомученик. Перепрощался со всеми родными. Проклял всех охранников, потом обратился к лагерникам:

— О-о-о... братцы!.. Ради бога, умоляю вас, не пытайтесь бежать отсюда, здесь кругом белой смертью пахнет, нет конца и края этим сугробам, пургам и южакам. Во время пурги бесполезно двигаться, мы залезали в чукчанские оленьи мешки, и нас заносило холодным снегом — и так по несколько дней мы лежали, не высовывая носа из своего белого гроба. Это хуже пытки, во сто крат хуже камеры-одиночки, хуже третьего горизонта (825) — лежать в готовой снежной могиле. Одна минута кажется часом. Собак мы всех сырыми поели, голод и холод не давал нам покоя ни минуточки.

Жутко слушать исповедь смертника. Когда наступило время отбоя и всех эков охрана загнала в бараки, с мрачным настроением улеглись лагерники спать. Много жутких случаев рассказывали бывалые лагерники перед сном, особенно те, которые сидят еще из-под «ежовой рукавицы» и кто пережил здесь, на севере, войну. Павлика всю ночь напролет преследовали кошмарные сны: то собаки с большущими клыками и с огромными огненными глазами рвут телогрейку на части и разбрасывают вместе с кусками окровавленного мяса, а собаководы в рыцарских доспехах травят их: «Ату!.. Ату!.. Ату!..» То подпускают псину к самому горлу беззащитно лежащего на самом краю огромного террикона, то Володя-староста тащит Павлика вместо санок по пушистому снегу в какой-то обрыв, а снег не только за ворот попадает, но и в рот навалом лезет, то бесконечные стволы кедров падают и вот-вот придавят беззащитного, одинокого лесоруба. Утром по звону чугунной рейки поднялись лагерники — звездочетов уже убрали с глаз.

Когда разыгрывается и бешено дует пурга, к руднику на работу против южака очень тяжело продвигаться, ведь идти не только против ураганного ветра, но еще и на подъемчик. В такое раздолье пурги все бегут обратно от рудника к морю: там, километра полтора от лагеря, есть длинная штольня (826). У самого Ледовитого океана проделан вход в эту огромную валькумеевскую гранитную скалу. Здесь под личным руководством Папанина (827) нашли жилу с касситеритом и начали в граните штольню. Как только попадают в эту гробницу зэки, так и склоняют восьмым падежом господ-бога и в придачу Папанина — за то, что он открыл эту штольню, а с нею и рудник Валькумей. По штольне, полусогнувшись, навстречу противоположному вентиляционному сквозняку движутся горняки. Кажется бесконечной эта неприветливая, вся сосульках штольня. И лишь пройдя километра два, попадаешь на второй горизонт второго рудника. Со второго участка по просторному гранитному квершлагу легче добираться к первому участку. С работы при южаке в зону лагеря идти за ветром, еще изрядно надо упираться — южак как тот хохол: шутить не любит, давит и толкает в спину огромным напором, как ни сопротивляйся, все равно мигом очутишься в лагерной зоне. Но если ослабишь внимание и физическое сопротивление, южак в один миг швырнет внезапно налетевшим шквальным порывом с протоптанной тропинки в сторону, словно в бездну, и тогда невыносимо тяжело искать снежную тропинку в злющей, завывающей пурге. Таких рассеянных находят после пурги занесенными снегом — бывает, близко от тропинки, а бывает, аж тогда, когда тает снег.

Между лагерем и штольней, у самого берега Чукотского моря расположена баня, а чуть в стороне — бараки охраны.

Раз в декаду гоняют мыться и менять чистое белье, у кого оно есть, кто не проиграл и ни проел. В баню идти не тяжело — как колобок катишься вниз. Из бани добираться на гору и на гору, а цинга-злодейка мучает, во всем теле слабость и невыносимая лень после бани.

(826) Штольня (горный термин) — горизонтальная горная выработка, имеющая выход на поверхность.

(827) Папанин И. Д. (1894—1986) — советский полярный исследователь, в 1939—1946 г. начальник Главсевморпути, в связи с чем его имя ассоциировалось с созданием и развитием порта Певек, однако к геологоразведке и организации добычи полезных ископаемых он не имел отношения. Оловянное месторождение «Валькумей» было открыто в 1936 г. Чаунской геологической экспедицией под руководством М. И. Рохлина; рудник начал работу в 1941 г. в составе Чаун-Чукотского горнопромышленного управления Дальстроя.

(828) Т. е. производства американской фирмы Ingersoll Rand.

(829) Вруб (горный термин) — углубление, выемка в породе, пробиваемая для облегчения последующего раздробления прилегающего массива. Вруб может создаваться в том числе взрывным методом, при этом разновидности врубов определяются количеством и расположением шпуров, в которые закладывается взрывчатка.

(830) Имеются в виду огнепроводные шнуры, служащие для подрыва заряда взрывчатки. За время горения шнура взрывник должен успеть отойти в укрытие.

(831) Расстрелы (горный термин) — горизонтальные балки, распорки, усиливающие крепь горной выработки. В данном случае имеется в виду, что взрывник мог бы, вскарабкавшись по расстрелам, выйти из опасной зоны и пробраться на вышележащий горизонт шахты.

(832) Анахронизм. Зачеты рабочих дней для заключенных лагерей Дальстроя (до трех дней срока за один день работы в зависимости от процента перевыполнения нормы выработки) были введены в соответствии с Инструкцией о зачете рабочих дней заключенным, содержащимся в ИТЛ и ИТК МВД, принятой совместным приказом МВД и Генеральной прокуратуры СССР № 00133/301сс от 3 ноября 1947 г., т. е. спустя почти год после описываемого разговора.

В бригаде Белаш поставил Павлика бурильщиком. Он выписал американские перфораторные молотки «Энгерсоли» (828) со склада; они двадцатидвухкилограммовые, но эффективнее работают, чем наши тридцатикилограммовые «Победа». Белаш обучает Павлика, как бурить, какие буры бывают в штреках, как располагать шпур на отбой.

— И откуда ты, бригадир, все знаешь — где мичиганский вруб, где конвертом, а где простой (829)?..

— А ты разве не слыхал? Я ведь гормастер! В техникуме изучал горное дело. Когда я был гормастером, разрешал своему взрывнику палить в блоке по девяносто шпуров. Все шло хорошо, он зарабатывал прилично, старался, а у меня план всегда был. Но однажды... Черт меня подери, будь он проклят, тот день... Зажег он шнуры (830), а руда, которую не выбирали по-над обуренным блоком для удобства бурения и отпалки, засыпала люк, в который взрывник должен вылезать. Ему бы можно было еще спастись по расстрелам на верхний горизонт (831). Он не заметил, как в блоке, словно зыбь, задвигалась руда и засыпала входной люк. Увидел я такое движение руды, шумнул запальщику: «Беги!..», но он спокойно продолжал поджигать остальные шнуры. Он старше меня лет на двадцать, притом жутковатый уголовник и послал меня на три буквы. Я, дурак, не стал настаивать, и вот, когда кончил зажигать шнуры, рванул на нижний горизонт, а я на вентиляционное. Пока он в спешке расчищал себе выход, грянули адские взрывы, и его, горемыку, прикончило шрапнелью гранитных глыб. За это мне как гормастеру, допустившему нарушение техники безопасности, судья преподнес два года ИТЛ. Но ерунда! Я не унываю! Мне с зачетами осталось четыре месяца (832). Вот я и тренирую тебя, хочу на свое место подготовить. В конце смены пойдем вместе наряды закрывать. Я тебя подтренирую в глаза пыль пускать конторским крысам. Чтоб не померкла слава о скоропроходчиках первого участка. Да и некоторых ребят жаль, не за что ведь сидят! Пусть хотя зачеты получают — и то какая-то надежда не будущее, да и пайка что-то значит.

(833) Победит — сплав карбида вольфрама и кобальта, особо прочный материал, из которого изготавливаются, в частности, режущие инструменты для горной промышленности. Разработан в СССР в 1929 г.

Поднявшись на ноги, новый бурильщик приспособился обуривать по два штрека в смену. На бурах и забурниках припаяны очень широкие стандартные победитовые (833) коронки. Павлик их стачивает, получается небольшое отверстие шпура, лишь бы патрон аммонала пролез — этим выигрывает очень много времени на обуривании штрека, и патрон аммонала плотно ложится в шпуре и дает прекрасный эффект при взрыве, только надо тщательно продувать шпур.

Во время досуга в бараке сидит бурильщик-скоростник на верхних нарах и с величайшим наслаждением, не спеша, пережевывает хлеб, пересыпанный сахаром. Какое это наслаждение — смаковать вкусный кусочек хлеба, пересыпанный сахаром, о-о-о... Это может понять только тот, кто бывал голодным хотя бы однажды. Ради этого высшей степени удовольствия стоит обуривать по два штрека.

— Что, хочешь выслужиться, — услышал Павлик из общего прохода ехидный голос бывшего полицая последнего набора, — что обуриваешь по два штрека?..

— А тебя что, это щекочет?.. Что тебе, кисло или тошно? — бодро ответил Павлик. — Я зачеты зарабатываю! У меня же не двадцать лет сроку, как у некоторых полицаяев, не указывая пальцем и не называя фамилии, и вот хлебушек с сахарком выжимаю из шпуров, — показал на кусочек недоеденного хлебушка. — И вообще, пошел ко всем чертям!.. Когда я на кухню ходил ночами дежурить, никому не было видно, а сейчас сахарок увидел и слюнки покатались?

И вбросил в рот кусочек и громко произнес: «Ам-м-м!.. И нет хлебушка!»

— У-у-у, азиат! Норму нагоняешь?..

— Топай, топай отселева! Меня этим не проймешь! Я уже тертый и перетертый по лагерям!

— Да я... Да я таких как ты!.. — в бешенстве подступил полицай к самым нарам, брызгая слюной на Павлика как взбесившийся. — В Одессе вздергивал!..

Налившись гневом, Павлик мигом сообразил, что этот тип намекает на морячков.

— Ух ты гад атро-фи-ро-ван-ный!..

Сердце у Павлика забилося, и он кинулся с верхотуры с яростью пантеры на противную полицейскую морду и принялся жестоко избивать.

— Хватит!.. Успокойся, ты и так его избил, что все лицо и тело синевой покрылось! — вмешался Гришко.

— Что тебе, полиция жаль, тварь позорная?.. — и продолжил бессердечно избивать, приговаривая: «Вот тебе за матросов!.. А это за морячков, повешенных тобой!.. А это тебе за плавсостав!.. А это тебе за береговиков!.. Помни, ползучая гадина!.. И за балтийцев!.. И за черноморцев!.. И за одесситов!.. И за сева-а-а...»

Несколько человек сообразили, что этому поминальному перечню не будет конца и края, с силой оторвали Павлика от Комышана и принялись успокаивать:

— Брось, дружище, подвесил и хватит с него! Он сам на себя наговорил, он и в Одессе никогда не бывал! Что ты, не видишь, это же лапоть деревенский!

— Все вы за эту жабу зеленую, га-ды!.. — залезая на нары, рыдает взбудораженный и расстроенный Павлик, невольно косясь не всех тех, кто помешал прикончить полиция.

Долго Павлик рыдал, проклиная палачей. Через некоторое время в барак зашел надзиратель, посмотрел на разрисованного Комышана и, ехидно улыбаясь, спрашивает:

— Кто тебя так разукрасил?..

Комышан молчит, словно в рот воды набрал.

— Это я его!.. — еще не успокоившись, с ненавистью ко всем, в том числе и к надзирателю, громко ответил мститель за морячков.

Надзиратель, заложив руки за спину, подошел вплотную к нарам Павлика, задрал голову, скривил свою лукавую физиономию и сквозь зубы процедил:

— Удивительное дело... Сам избил, у самого ни единого фонаря нет на фотографии, и сам киснешь, в то время как избитый не плачет и не жалуется?.. Как же это все можно понять, а?.. Объясни мне...

— Он говорит... — и снова неудержимо зарыдал Павлик. Немного успокоившись, выдавил из себя: — Что таких как я морячков вздергивал!..

И опять горько залился слезами.

— У-у-у... шваль!.. Мало ты ему дал, подкинь еще

ублюдку — я отвечаю! — презрительно глянул он на Комышана и удалился из барака.

(834) Под «комиссаром Чукотки», по всей видимости, подразумевается начальник политотдела Чаун-Чукотского горно-промышленного управления Дальстроя.

Прошел май сорок седьмого в снегах. Увлечшись работой, скоропроходчик и не заметил, как лето подошло. Солнышко уже не прячется круглые сутки. Холодный ветер со сквозняком продувает до кости, никто не снимает телогрейку, но ручейки бегут. А в шахте что летом, что зимой — вечная мерзлота. В начале июня даже цветочки появились на почве за первым рудником, у склада взрывчатки. Стебельки у этих цветочков мохнатые, кругом обросли колючими иголками, наежились, как ежик, и не подпускают к себе: мол, мы снега не боимся, который частенько лобзает нас с ветерком, а вас тем более. Говорят знатоки, что это на берегу Ледовитого океана двенадцать месяцев зима в году, а в глубине полуострова и трава растет, и цветочки.

Загадочный этап прибыл в сорок седьмом году на Чукотку — весь собранный из блюстителей порядка. Чукотское жулье об этом ничего не знало. А они человек пять-шесть заходят в барак уголовников, подходят к первому попавшему фитилю, выведывают, где в бараке располагаются законники, окружают их, вынимают из карманов что-то смахивающее на финку или пику и предлагают: «Или кишки наружу, или изменяй воровскому закону (осучивайся)». И началась резня по зоне лагеря. В течение десятка дней осталось в лагере семь убежденных жуликов. [Они,] видя свое безвыходное положение, ушли добровольно в изолятор, объявили голодовку, перестали ходить на работу и потребовали отправить их на прииск. Туда охотников нет, и их без задержки отправили. Разделавшись в лагере с законниками, блюстители порядка принялись за освободившихся в вольнонаемном поселке, в штреках и блоках рудника. Дошло до комиссара Чукотки (834), что будто с новым этапом прибыли такие типы, которые насильно прививают польскую веру, и все они носят на груди крестики. По поводу крестиков правильно

(835) В связи с тем, что выходцы с Западной Украины преимущественно были униатами, они носили кресты, по форме аналогичные католическим. Отсюда и упоминание о мифической «польской вере».

(836) Возможно, имеется в виду не собственно форма крестов, а особенность изображенного на них распятия. В соответствии с католической традицией, на униатских крестах тело Христа, распятого на прямом кресте, изображается страдальчески обвисшим на приподнятых руках, образующих косые линии.

информировали комиссара — это символ жулика-пройдохи, а точнее, пароль суки. Отбирали эти крестики насильно у набожных западников (835). Комиссар собрал в валькумеевском клубе освободившихся вольнонаемных. Приехавших на Север за длинным рублем не тронули, это особый сорт вольнонаемных. А заключенных, свободных от работы, организованно пригнали под конвоем. Клуб оцепила вооруженная охрана. Открылся занавес, на сцене клуба сидят все певекские и валькумеевские начальники во главе с комиссаром. У стола стоит пулемет-«максим». Комиссар решительно встал из-за стола, подошел к пулемету и произнес следующую речь:

— Дошло до нас, что с новым этапом приехала таинственная шайка и навязывает здесь, на Валькумее, польскую веру... Что вы хотите?.. — закричал он. — Свергнуть советскую власть?.. Или что?.. Давайте повоюем!.. Вы на нас с ножичками, а мы на вас с пулеметиками!.. — И показал пальцем на стоящий рядом пулемет. — Запомните, сявки-козявки! Пойманных этих сук будем расстреливать на месте преступления без суда и следствия на правах особого положения на Чукотке!..

После собрания из клуба выпускают, обыскивая всех подряд, и у кого находят крестики, отбирают, записывают и отправляют в изолятор и заключенных, и вольнонаемных. Но суки быстро сориентировались в этой обстановке и повыбрасывали свои символы под ноги — топтать. После охранники в пустом зале подобрали десятка три на полу затоптанных исусиков, распятых на косых крестах (836). Кого поймали с крестиками при обыске, отправили на прииск с довесочком. Под этот шумок несколько бандеровцев-западников, истинно верующих в Иисуса Христа, тоже попали и тоже загремели на прииск. После этого собрания остальные суки притаились, опасаясь стукачей, на которых никогда не бывает ВОХРовской облавы.

Бригадир Белаш освободился, ему посчастливилось попасть на пароход, отбывавший с Чукотки. Бригаду принял Павлик. Вместо выбывшего бригадира Павлик взял истощенного Омельченка. Что он хороший труже-

ник, Павлик определил по его темпераменту, по широкой кости, и лагерная смекалка подсказала: ведь слабосильным в бригаде нечего делать — здесь зачеты зарабатывают. Занял ему полста рублей на нерпичий жир, а дальше предоставил возможность самому выкручиваться из любого положения.

Прошло всего полгода с той поры, когда на грохотах стоял новичок в рудном деле, абсолютно раздетый, голодный, как зимой волк, боролся сам с собой: покончить с жизнью или нет, броситься под скип или повременить. А сейчас бригадир, да еще какой бригады! Самая лучшая на руднике, попасть в нее — мечта любого лагерника. В бригаде работа спорится, и 15—16-го числа бригадир докладывает:

НАЧАЛЬНИКУ РУДНИКА, СЕКРЕТАРЮ
ПАРТОРГАНИЗАЦИИ, РУДКОМУ (837)
РАПОРТ

Скоропроходческая бригада первого участка рудника «Валькумей» пятнадцатого числа выполнила план проходки жильных штреков на сто процентов.

К этому рапорту бригадир прилагает список бригадников на получение из лицевого счета: бригадиру двести рублей, помощнику сто пятьдесят, остальным бригадникам по сто рублей. За месяц бригадники зарабатывают, по вольнонаемным расценкам, семь-восемь тысяч, но заключенным отчисляется на лицевой счет только десять процентов, остальное идет на питание, на одежду, содержание ВОХРовцев и аппарата НКВД (838). И еще бригадир прилагает список на ларек, сахарку по двести граммов, хлеба по килограмму, по две пачки махорки и спирту по сто граммов. Спирт бригадникам не попадает. Бригадир оставляет для выпивки с лагерными придурками: нарядчиком, комендантом, старостой барака. Хотя и небольшая шишка староста, но он ежедневно сушит бригаде спецовку (бригада скоропроходчиков — единственная в лагере, которая имеет рабочую спецовку, по распоряжению начальника рудника). Остальной спирт идет на подмазку маркшейдера (839), в ненасытную утробу старика-плановика, которому сколько ни принесешь, все ему мало, на

(837) Рудком — рудничный комитет партии.

(838) С целью повышения производительности труда заключенных 13 марта 1950 года Совет министров принял постановление, согласно которому все заключенные, кроме тех, которые содержались в особых лагерях, переводились на заработную плату. Частично труд заключенных оплачивался уже с 1948 года. Заработная плата начислялась исходя из тарифных ставок и должностных окладов вольнонаемных рабочих и служащих, но с применением понижающего коэффициента. Из зарплаты заключенных вычитался подоходный налог, удерживались деньги за продовольствие, вещдольствие. Как правило, на личный счет заключенного поступало не более 30% от заработной платы.

(839) Маркшейдер — специалист, занимающийся пространственными измерениями подземных горных выработок и отвечающий за их строительство в соответствии с планом.

(840) Согласно утвержденной несколько позже, 22 мая 1948 г. инструкции о зачете рабочих дней заключенным, содержащимся в ИТЛ УСВИТЛ и в особлаге № 5, при выработке за месяц от 136 до 150% нормы зачет составлял 2,5 дня срока за один день ударной работы, а при выработке выше 150% — максимально возможные три дня. Расчет зачетов производился ежеквартально.

нормировщика, и даже начальник участка напоминает, что спиртик получил. Бригадир Белаш так учил: «Мы люди подневольные! Нам нужны зачеты, гроши да харчи хороши! Поэтому «не подмажешь, не поедешь!»

Повеселел Омельченко, снова юмор появился, в смену уже по два штрека обуривает, и в зоне успеваешь пайки получать и раздавать бригадникам. Бригадир окунулся в работу с утра до вечера, а случается, и ночью пропадает на работе, когда что-то не ладится.

23—24-го числа снова рапорт начальнику рудника — теперь уже о выполнении плана проходки на сто пятьдесят процентов (840). А в конце месяца — общий рапорт со всем лагерем. Бригада гремит не только на руднике — передают о ней и по Чаун-Чукотскому радио. Конечно, забывают сообщить, что это бригада эков.

Уже Павлика и цинга не берет. За работой он и не заметил, как наступил новый, 48-й год. Снова северяне ждут восхода солнышка, пока любуясь северным сиянием. Какое же оно красивое: там, где находится видимая граница Ледовитого океана, это зарево расплывается, разнообразные лучи путаются между собой: красно-синие, желто-зеленые, пурпурно-фиолетовые — и с каждым мгновением меняются и меняются, как калейдоскопические разнообразные радуги, создают в высоких слоях атмосферы фантастические, сказочно-яркие, причудливые, не поддающиеся описанию и кисти художника лучи и лучики. Иногда смотришь на это северное сияние и кажется, что Мировой океан горит.

Бригадир мечется по выработкам как метеор. Надо своевременно сообщить взрывнику, что забой забурен и его нужно зарядить и отпалить. Бригадир, нарушая технику безопасности, садится на груженный скип и несется с огромной скоростью на-гора. Скип скользит по деревянным толстым брусьям. Весь ствол обшит досками, которые расперты широкими брусьями, на этих брусьях каждую секунду подкарауливает смерть в темном стволе. От любого толчка может свалиться с поперечной перекладины глыба, которая свалилась со скипа и застряла на этой перекладине, поджидая приличного толчка, и может

обрушиться на прижавшегося к стальному канату бригадира. Часто они в стволовом полумраке, словно осколки шрапнели, проносятся мимо, насвистывая смертельную мелодию, — даже дух захватывает, но все равно неохота мерить пятьсот ступенек людского ходка, да еще по несколько раз в смену, да и сверх смены.

Выскочил бригадир на-гора, прежде чем бежать к взрывнику в вольнонаемный поселок, заскакивает к пыжодамам. В землянке просто рай, даже гранитные скалы теплые. На двух печках-«сибирячках» оттаивает мерзлая глина. Этот запах напоминает что-то далекое-далекое, давно забытое родимое детство и беззаботное баловство с такой же глиной. Но здесь не игрушки, а пыжи (841) готовят.

— Здорово, братцы!.. Да у вас настоящий Ташкент!..

— Бригадир, запиши нас на ларек! — просит пыжодама.

— Ой, братцы, вас ведь много, а сколько еще там, на третьем горизонте, просится? Одного могу записать на пятнадцатое число, второго на двадцать третье, ну а третьего — в конце месяца. У меня пройдет и по своей бригаде. Да-а... если узнаю, у кого ларек проигранный, то никогда не запишу в свой колдунчик. Учтите это!

— А ты что, бригадир, никогда не проигрывался? — смеется Юра Конопатый.

— Ну-у, дернул черта за хвост! — улыбается бригадир. — Так то ж я!.. Так смотрите, через полчаса чтоб горячие пыжи лежали на третьем горизонте, ни раньше, ни позже — сами знаете, они часик полежат в шахте и в мерзлые кочерыжки превратятся.

Заходит бригадир к взрывнику Анашкину. Тот как вольняшка и накормит, и угостит куревом. Даст ему бригадир денег, он достанет и сахарку, и тушенки, и курить: а ко второму взрывнику Машке придет — все ему некогда угостить своего бригадира, да и нечем, все у него давным-давно авансом проиграно, и все он шпарит в стос.

Взрывник побежал за аммоналом, который хранится, согласно инструкции, далеко от рудника, а бригадир направляется в нарядную: отметил в таблице бригадников, сообщил пройденные метры; маркшейдеру неохота ежедневно спускаться вниз, а от этого зависят завтрашние паечки всей бригады. Доложит охраннику, который привел смену и сидит теперь в уютном гнездыш-

(841) При производстве буровзрывных работ на шахтах в шпур, пробуренный в породе, вслед за патроном с взрывчаткой помещаются мягкие пыжи из песчано-глиняной смеси.

(842) Надыбать слабину (жарг.) — найти слабое место, возможность извлечь выгоду или как-то поживиться за чужой счет.

ке до окончания смены. И снова туда, в штреки. В обуrenom штреке взрывник заряжает где шестьсот, а где восемьсот граммов в шпур, а бригадир старательно пыжует, ведь запальщик не от метров работает, а от количества израсходованной взрывчатки, поэтому он может зарядить тьяп. Да пока он зарядит пятнадцать шпуров, то и пыжи замерзнут, а пыжевать мерзлыми пыжами это напрасный труд: все навывлет простреляет, только забой изуродует так, что потом трудно бурить. Ведет скоропроходческая бригада в пяти жилах штреки, и везде надо поспевать.

На пропускбудке в лагерь дежурный с бригадиром на ты:

— Здорово, знаменитость!..

— Приветствую дежурное начальство!..

— Там твой бригадник в кандее сидит, в вольнонаемном поселке попался, в картишки, поросенок, играл!

— Не заводите в журнал нарушителей, с меня сто пятьдесят граммов причитается! Кто же это такой? У меня как будто картежников нет...

— Петров!

Бригадир облегченно вздохнул.

— Э-э-э... дежурный, с тебя сто пятьдесят причитается! — смеется бригадир. — У меня такого нет в бригаде! А ну, давай сюда картотеку бригады, я их тут пошурю! О-о-о... сколько их тут набралось! Ишь ты, шики-брики! Слабину надыбали? (842) Вы поменьше накладывайте в мою бригаду чужих карточек! Все же бригада образцовая!

Вахтер побаивается знаменитого бригадира: пожалуется [тот] начальнику рудника, и загремит [он] из пропускбудки на холодную вышку.

— Вот фитили! Подойдет, согнется у вахты, раскиснет: «Пропустите, — просится, — я из скоропроходческой бригады!» Ну, поверишь ему, перекладываешь его карточку в твою бригаду, ведь только твою бригаду в любое время пропускаем туда-сюда, а остальных — по гонгу чугунной рейки. А они, видишь, вместо работы в поселок бегают в картишки играть или свистнуть что-нибудь!

Проверил бригадир картотеку. Кроме своих оставил двух слесарей да Минина — жучки, но к работе отно-

сятся добросовестно, самостоятельные ребята. Они бригаде очень нужны: воздух перемерзнет на линии в трубах — слесарь тут как тут, и, главное, пока бригадира нет, пальцем не шевельнет, [а] как только появится бригадир, делает вид, что старается как никогда. Нет давления воздуха, а это часто бывает, — то один дизель, то другой в машинном отделе ремонтируют, а бурильщики страдают. Подойдет бригадир к слесарю: «Федя, организуй шесть атмосфер!» — и на линию подключен полный сифон, и молотки приятно запели в граните, скоропроходчики заработали на полную мощь. А на остальных участках рудника буры клюют гранит, как ленивые дятлы дерево: «Тук-тук-тук!!!» Минин вовремя промывает бригадникам бурильные молотки и, когда попадает новый поршень, то в первую очередь скоропроходчиков обеспечивает.

Даже у Омельченка и Гришка появилась вера в освобождение в связи с такими зачетами «день за день». Проходит квартал, приезжает из Певека комиссия, и на зависть всем лагерникам зачитывают на разводе по восемьдесят-девяносто дней каждому скоропроходчику. А в иных бригадах всего пятнадцать-двадцать дней, и то не всем. Бригадир уже посчитал, что в мае должен уже с зачетами освободиться. Уже готовит себе смену, чтоб, по старой традиции, не померкла слава о бригаде, а с нею и вера в свободу долгосрочникам. Так и проходит время; бригадники работают с воодушевлением, у кого что не ладится, находят бригадира и с болью в сердце умоляют скорее устранить неполадки. Бригадир так увлекся работой, что забыл о том, что в лагере, как и год назад, есть голодные, проигравшиеся, полураздетые и слабые здоровьем, которым не под силу держать молоток. Так же как и в прошлом году, возят снег на кухню в ожидании — зачерпнет дежурный повар за бессонную ночь снизу погуще баланды или не зачерпнет.

Любуясь работой Латыша, этого могучего силача, бригадир стоит в штреке и поддает огонька звену:

— Еще, братцы, один цикл, и пишу рапорт начальнику рудника!

Латыш и его напарник Гришко словно услышали команду «вперед!» во время атаки, заметили лопатами с невероятной быстротой, как будто большими ложками кашу из миски черпают, подчищая штрек, — только пар от них валит. Вероятно, нерпичий жир пробивается сквозь тело, парюя. Нагрузили вагонку с верхом, и Латыш бегом покатил ее на грохота. Прошло порядочно времени — Латыша нет и нет обратно в выработку.

— Бригадир, сходи посмотри, что за задержка там у него? — переживает Гришко.

Бригадир быстро пошел по штреку, освещая себе дорогу ручным аккумулятором. На неудобном месте, посреди штрека у латыша забурилась вагонка (843) — как он ни старается разбурить, ничего у него не получается, а позвать на помощь самолюбие не позволяет. Подошел бригадир и принялся помогать:

— Сейчас, дорогой, поставим на место. Так... Жми!.. Порядок, передок стоит! Теперь я жму! Раз!.. Опускай!

И когда уже поставили на место вагонку, взмахнул [Латыш] в воздухе руками и на глазах у бригадира загремел на нижний горизонт, до которого расстояние сорок метров вертикального блока. Бригадир, не помня себя, рванул бегом по штреку к ходку, чтоб спуститься на следующий горизонт. На пути попался резиновый шланг, спущенный через дучку в блок, приготовленный следующей смене для обуривания выступов блока. В спешке даже забыл посмотреть, прикреплен ли этот шланг к воздушной магистрали или нет. Не раздумывая об опасности, схватился за шланг и с ветерком спустился на следующий горизонт. Шланг оказался сращенным в нескольких местах проволокой, и бригадир до крови поцарапал руки, но что ему руки, когда бригадник разбился, ведь это же чрезвычайное происшествие. Начнут со всех сторон бомбить начальника рудника клязузами, завистников много у бригады, шутка ли — по девяносто дней зачетов за квартал. И хотя за заключенного не судят (спищут — и прощай, мама), но из-за этого могут и бригадира разжаловать, и, что самое страшное, бригаду разгонят, и прощайте, зачеты «день за день». Выскочил бригадир из блока через нижнюю дучку на штрек третьего горизонта и бегом назад — к месту падения, на ходу снимая с шеи привязанный аккумулятор. Там у места падения надо снова подняться в блок по люковой дучке и найти

останки Латыша. Посмотрел вперед, освещая рыжим светом осевшего аккумулятора, и глазам своим не верит: «Что за галлюцинация?.. Что за привидение?..» Протер глаза, залитые потом, и... остолбенел... «О-о-о... не-бо!..» — в тусклом свете по штреку, словно слепой, осторожно, наощупь идет, прихрамывая, Латыш. Павлик стал, даже ноги задрожали от душевного потрясения, от какого-то внутреннего восторга, сердце забилось, как паршивый моторчик. Еще раз протер глаза, пощупал свою голову — голова на месте, но мысль не покидает, что найдет на месте падения изуродованный человеческий труп, разбитый о гранитные уступы. Шутка ли, сорок метров вертикального падения! Вдруг дошло до сознания, рванулся, подбежал, ласково обнял, как родного брата, глаза заблестели торжественной слезой.

— Ты ли, дружище?.. — и гладит рукой по спине. — Не мерещится ли мне?.. — ликуя, тараторит бригадир. — Какая радость! Живой?.. Братишка!..

— Бригадир, дай закурить! — вместо ответа просит не менее возбужденный Латыш, который никогда не курил.

— На, милый мой дружище!.. На, дорогой! — дрожащими руками подает бригадир сигареты. — Бери всю пачку, не жаль! Кури друг, кури!.. Дорогой ты мой бригадничек! Ну, рассказывай, как ты живой остался?..

И прижал его с усилием к себе. Такого великана не так-то легко прижать.

— Не знаю, бригадир!.. — откашливаясь, ответил Латыш. — Там были уступы, об них я и стучался, сюда-туда... и еще расстрел попался на пути, я цеплялся за него, но не удержался, только шкуру на руках ободрал, и оборвался, сильно подрался, тело щемит и ноет.

— А нога, что с ногой?.. Сильно забил?.. Чего хромаешь?..

— Упал на нее и подвернул немного. Вот здесь, — и показал на сустав. Задрал штанину, а нога синяя, как пуп у зарезанной курицы.

— Ну-у, друг, иди в зону, отдыхай!

— Что ты?.. Что ты?.. Бригадир! А завтрашний ларек?.. — и вдруг он обмяк, сгорбился и зачастил: — Прошу, не выгоняй меня из бригады! Бригадир, не бери никого вместо меня, я буду работать! Я же не виноват, что так получилось! Я очень прошу тебя, бригадир!.. Я буду ста-

раться, ну прошу тебя, не выгоняй! Я пойду в штрек!

— Иди, дурачина, отдыхай, никто тебя не выгоняет из бригады, ты же трудяга, таких кашалотов грех выгонять! Иди, иди... я пойду пока за тебя поработаю, а ты Омельченка вышли за себя, а потом я его подменю в бурении. А ты отдохнешь несколько дней.

— Нет, нет!.. Не надо, я сам пойду работать!

— Иди, дурачина! — засмеялся бригадир. — Это сгоряча ты храбришься, а как нога распухнет, даст о себе знать. Да зайди к коновалу: возможно, в суставе вывих, пусть на место направит. Освобождение не бери — это на зачеты и на горбушку повлияет. Не бойся, проводить буду по бригаде. Найдем что записать. Так-то, подбитый сокол! Самое главное, что ты живой остался, а то и бирку пришлось бы цеплять к твоей ноге, и вся бригада не только ларек, но и зачеты за квартал потеряла бы. Иди, иди! Я пошел, там Гришко нас ждет; вероятно, стоит у вагонки и думает: «Куда они исчезли?»

Хотя и не хватило до плана около процента, но на следующий день маркшейдер написал справку, и скоропроходчики получили, как обещал бригадир, ларек и с лицевого счета деньги. Когда бригадники получают деньги, то покорно отдают по двадцать рублей бригадиру, за эти деньги он выкупает спирт, который идет на подмазку тех, от кого бригада зависит. И никто в бригаде не возмущается, даже великий «правдист» Гришко; каждому дорого знаменитая бригада, большие паечки и зачеты «день за день». Не успел бригадир разлить полученный спирт по долям, кому сколько отнести, — лагерные придурки тут как тут и, что интересно, приходят все одновременно и без приглашения на распитие, словно так и положено. Комендант и староста всегда приносят по баночке свиной тушенки на закуску. Полагается в лагерную баланду горнякам эту тушенку употреблять, но в котел она только частично попадает. Булькнет — и нет ее, и плавает там, как рыбка по дну, где не поймашь ни одну. Приходит к повару комендант, нарядчик, хлебрез или другие лагерные придурки, и попробуй не дай — завтра же очутишься на новых работах. А нарядчик — тот всегда приносит несколько черствых паек хлеба и самое дефицитное на Чукотке — луковицу. Где он ее достает — это его личный секрет. Очищает нарядчик эту луковицу бережно и кропо-

тливо, чтоб нигде и граммушки не пропало, ведь головка луку у барыг стоит сто рублей. Разрезает ее на четыре ровные части и торжественно раздает собравшимся забулдыгам, чувствуя себя именинником.

— Эх, к этой луковице картошечки бы в мундире — вот был бы закусончик! — говорит комендант, которому тушенка приелась как горькая редька. Как водится у русского Ивана, выпили — и словно на воле очутились. Но нельзя терять разум, нужно крепко помнить, что эти друзья — самые отпетые из гомельского леса, как говорил Витя Белаш. И ссориться с ними ни в коем случае нельзя, съедят, как волки свою добычу, и косточек не оставят, лучше с ними мирно жить. За этот спирт они как собачки ласкаются. Если бригадник попался в поселке или еще как-то влип, они спешат побыстрее сообщить бригадиру, что бригадник в кандей попал. Ведь они очень заинтересованы, чтоб бригада получила спирт; три раза в месяц бесплатная попойка — это что-то значит! А если бригада замечание получит, то и спирту нет. Перепадает этим придуркам выпивка и в других местах: ларек в конце месяца всему лагерю, или жулик, много выигравший ларьков, тоже угощает этих придурков, они ведь боги в лагере. Они сами между собой с ларечником «соображают», но это ведь в конце месяца, а в бригаде скоропроходчиков бывает попойка и в середине второй декады, и в начале третьей.

Когда придурки разошлись, бригадир позвал дядю Ваню и Латыша.

Дядя Ваня — лет сорока пяти мужчина, бывший капитан дальнего плавания. Он на многое открыл Павлику глаза, поэтому он так и уважает дядю Ваню. Около семи годиков отбыл Павлик в разных лагерях и свято верил в непогрешимость «вождя мирового пролетариата», а этот капитан торгового флота развеял эту веру в пух и прах убедительными аргументами, он рассказывал о диких вещах, творимых в самом Кремле. У каждого приближенного Сталина был заложник в лагерях за колючей проволокой — то ли жена, то ли сын, то ли брат, то ли тесть. Вначале Павлик не верил, иногда ему было охота броситься на этого противного дядю Ваню и избить до полусмерти за то, что он рассказывает жуткую правду. Как ему хотелось, чтоб это была фикция! Как же дальше жить, если все это правда? Но, поразмыслив, убеждался, что это горькая,

(844) План — жаргонное название марихуаны.

(845) Имеется в виду «хлебная книжечка» — партбилет.

святая истина. А дядя Ваня тиранил наивного Павлика: «Я прекрасно знаю, что, если донесешь оперативнику это, не сносить мне головы, или пахнет новый срок, лагерная статья и каторжный прииск до самой кончины. Там, на прииске, уран добывают, а я знаю, что такое уран; кто работает там — обреченный.

Повидал я, Павел Иванович, белый свет: был в Рио-де-Жанейро, в Париже, в Нью-Йорке... О-о-о... молодой человек, я видел и навиделся, как люди в земном раю живут. И мне предлагали остаться там, работать капитаном, и был бы я вельможей, была бы у меня собственная вилла, обслуга, а сейчас у меня ни кола, ни двора. И что самое страшное, обуриваю я этот штрек с воодушевлением как надежду на свободу. Ах, как хочется вернуть все то, что было! За границей перепробовал я все табаки, раскуривал план (844) и крепкие сигары, пробовал кокаин и разные наркотические дурманы, но только пробовал, не злоупотреблял ими. Человек должен все на себе перепробовать, даже валькумеевский третий горизонт. И окурки я за борт бросал побольше вот этой сигаретки, которую я курю и которая стоит пять рублей у барыг. А попал я вот за какие макароны: у нас в пароходстве был заведен порядок — возвращаясь из загранки на родину, преподносить дорогие подарки нашему комиссару пароходства. Часто бессонными ночами в рубке, в каюте меня преследовала мысль: «Что же я за коммунист, что каждый раз, возвращаясь из очередного плавания, я преподношу взятку в виде дорогого подарка своему вельможе-комиссару? Эта мысль преследовала меня и давила тяжелым прессом, она меня угнетала, как демон. И однажды я набрался храбрости — а ты знаешь, Павлик, у любого человека есть слабости, ну и у меня, конечно, и будь проклят тот час и минута, когда я взбунтовался, — возвратился из очередного рейса без преподношения своему вельможе.

И тут закрутилась карусель с невероятной быстротой: через несколько дней после прибытия меня пригласили на партсобрание и вышвырнули из партии как «чуждого элемента», сняли с работы под видом того, что отправили в отпуск, а через пяток дней подкатил ночью черный воронок, и я распрощался с волюшкой. Вот как быть честным коммунистом, милый мой друг! Только теперь я понял, что это за книжечка (845).

Насколько я понимаю в медицине, ты еще не успел опериться на воле. Так вот скажу тебе: низам не так виден этот произвол, этот хаос, это беззаконие под личиной демократии и социализма, а чуть поднимешься в начальство, ох как видно, что это за демократия... О-о-о... Что только мне не приписывали: и ремонт корабля столетней давности по моей вине, и почему под обстрел и аварию попадал во время войны, и ты в том-то порту то-то делал, а в том-то с тем-то встречался, а он оказался врагом народа. Там, за границей, наших НКВДистов не перечесать, и, ты знаешь, подделается другом, всюду тебя сопровождает, и, главное, куда мне надо, туда и ему необходимо. А я ушами хлопал, как же — на чужбине такой друг появился! Слава аллаху, что я пятнадцатью годами отделался, там хватало материала на все сто лет. А следователь заявил мне: «Ты еще когда в партию вступал, то был врагом народа». И поверь, дорогой юноша, все директора заводов, фабрик, короче, все видные шишки под пятой и колпаком жестокого, беспощадного закона. К любому честному можно запросто применить или «расхищение государственной собственности», или «недостачу». Никогда ревизия не сойдется точь-в-точь, и этого достаточно, чтоб лишить свободы человека. Нужно только заявление в НКВД. Но все эти недостатки померкли перед предъявленной мне статьей контрреволюционера. Какое страшное и гадкое слово! Оказывается, у нашего комиссара был заведен колдунчик на каждого капитана дальнего плавания, и каждый может очутиться здесь, в этом гранитном склепе как враг народа. Я, молодой человек, читал за границей газеты, я ведь отлично владею английским, французским и немецким языками, слушал рассказы и лекции видных историков и политических деятелей и видел своими глазами, даже скажу больше: привозил на своем пароходе наших полпредов и консулов, которых вызывал «Хозяин» в Москву, и тут его ставленник и слуга Берия хладнокровно их уничтожал. Сталин боялся этих всесторонне развитых людей, а Берия прочищал себе дорогу к престолу и трону. Страшно не только сказать, но даже подумать, что у нас за монарх у власти! «Наш рулевой!», «вождь мирового пролетариата!» А говорю я тебе, уважаемый Павел Иванович, еще и потому, что я уверен — здесь моя могила на веки вечные, вот поэтому я и не боюсь рассказывать правду.

(846) В данном случае П. Г. Овчаренко допускает анахронизм. Разговор о судьбе Л. А. Руслановой и ее мужа не мог иметь места в 1947 г., поскольку эти события произошли позднее. Имеется в виду четвертый муж певицы генерал-майор В. В. Крюков (1897—1959), который был арестован в 1948 г. и осужден в 1951-м на 25 лет ИТЛ. Освобожден и реабилитирован вместе с женой в 1953 г., вскоре после смерти Сталина. Репрессирован и расстрелян был второй муж Руслановой Н. И. Наумин (1901—1938), с которым она к этому моменту уже была разведена. О судьбе самой Л. А. Руслановой см. прим. (715).

(847) Цитата из письма Ф. Энгельса русской революционерке В. И. Засулич от 23 апреля 1885 г.

(848) Бутырка — Бутырская тюрьма в Москве.

(849) Дзержинский Ф. Э. (1877—1926) — советский партийный и государственный деятель, создатель и глава ВЧК — ОГПУ. В последние советские десятилетия образ Дзержинского как истинного борца революции и высоко нравственного человека противопоставлялся палачам Ягоде, Ежову и Берни.

(850) Ус, Усатый — одно из прозвищ Сталина.

Солдат говорил в тюрьме, что жена «всесоюзного старосты» Страны Советов Калинина сидела в режимных лагерях за то, что купила шубку за границей за десять тысяч, а дядя Ваня доказал, что ей приписали террор, статью 58-8. Вызвали ее по телефону из Кремля в ателье, где она шила себе платье, там ждали ее молодчики, и всесоюзный нюня-президент страны не смог защитить свою жену. Вот такая-то демократия в Стране Советов творится! Павлик слышал на пересылке в бухте Находка, что Русланова Лидия Андреевна сидит за то, что после выступления на американской стороне во время соприкосновения наших войск на Эльбе она не захотела выступить перед советскими солдатами, мол, устала, а дядя Ваня доказал, что это совсем не так. Берия опутывал маршала Жукова, арестовал все его командное окружение, в том числе и Героя Советского Союза Крючкова Владимира Викторовича, а с ним прихватил и его жену Лидию Русланову, мужа расстреляли как врага народа (846), а Лидии Андреевне преподнесли 58-10 — десять лет ИТЛ.

Ты молодой и должен знать, что тебя ждет впереди. Будешь мерзавцем — отлично приспособишься жить, будешь честным человеком — обратно сюда попадешь! Я иногда подумываю: «Скорей бы пришла эта кончина», а с другой стороны, еще теплится надежда, что доживу до свободы. Эти зачеты «день за день» придают веру в освобождение, хотя у нас такое творится: сегодня ввели закон, а завтра отменяют на основании того-то и того-то. Вот что сказал Энгельс: «Люди, хвалившиеся тем, что делали революцию, всегда убеждались на второй день, что они не знали, что делали, что сделанная революция совсем не похожая на ту, которую они хотели сделать» (847). В этом убедились тысячи тысяч невинно замученных в подвалах Лубянки, Бутырки (848) и в иных тюрьмах, которые не перечесть. Да если бы проснулся Дзержинский (849), хотя и у него руки в крови запачканы, и его бы казнили на сегодняшний день так, как казнили Каминского, Пятницкого. Ленина и сейчас любят и чтут рабочие всего угнетенного мира — вот кто вождь мирового пролетариата, но и у него, мой милый юноша, были ошибки. Ну что же, он, как и мы все, был живым смертным человеком, он делал все от чистой души. Этот «Ус» (850) преднамеренно уничтожает

своих же соратников, которые его подкармливали в туруханской ссылке (851)».

Что дядя Ваня рассказывал, жутко слушать, но Павлик верил, потому что рассказчик подтверждал убедительными аргументами. «Вот, — говорит, — в 1905 году царская охранка (это я читал в заграничных газетах, у нас такое не опубликуют) большинство РСДРПистов в Сибирь сослала, сам Коба (852) был провокаторм царской охранки, некоторые большевики за границу эмигрировали.

Вот что пишет полицейский чиновник чиновнику (853):

Совершенно секретно.
Лично. Начальнику Енисейского
охранного отделения
А. Ф. Железнякову
(в документе напечатано нечетко;
возможно, Ходзнякову Д. Т.)

Милостивый государь Алексей Федорович!
Административно высланный в Туруханский край Иосиф Виссарионович Джугашвили, будучи арестованным в 1906 году, дал начальнику Тифлисского Г. Ж. Управления ценные агентурные сведения. В 1908 году начальник Бакинского охранного отделения получает от Сталина ряд сведений, а затем, по прибытии Сталина в Петербург, Сталин становится агентом Петербургского охранного отделения. Работа Сталина отличалась точностью, не была отрывочна. После избрания в Центральный Комитет партии в г. Праге Сталин по возвращении в Петербург стал в явную оппозицию правительству и совершенно прекратил связь с охранкой. Сообщаю, милостивый государь, об изложенном на предмет личных соображений при ведении Вами розыскной работы. Примите уверения в совершенном к Вам почтении.

23 июля 1913 года

ЕРЕМИН

Только в 1912 году на Пражской конференции была восстановлена партия большевиков во главе с Лениным.

(851) В 1913—1916 гг. Сталин находился в ссылке в поселке Курейка Туруханского уезда Енисейской губернии (ныне Красноярский край). Под соратниками, которые поддерживали его в ссылке, возможно, подразумевается семья Аллилуевых (родственники его будущей жены), посылавшая ему посылки. Несколько членов этой семьи впоследствии подверглись репрессиям — см. прим. (668), (669), (670).

(852) Коба — партийный псевдоним, которым Сталин пользовался в молодости.

(853) Слухи о связи молодого Сталина с охранкой ходили в социал-демократических кругах еще в конце 1900-х гг. В 1930-х годах они проникали и в эмигрантскую печать. В частности, речь может идти о статье Н. П. Вакара «Сталин (по воспоминаниям Н. Н. Жордания)», напечатанной в парижской русскоязычной газете «Последние новости» 16 декабря 1936 г. Публикации такого рода действительно могли попасть в руки советского капитана дальнего плавания, находившегося за границей. В то же время приводимый Овчаренко (с небольшими неточностями) документ, известный как «Письмо Еремина», был впервые опубликован в американском еженедельнике Life только 23 апреля 1956 г., а читателям в СССР он стал доступен лишь после того, как Г. А. Арутюнов и Д. Ф. Волков включили его в свою публикацию «Перед судом истории» в газете «Московская правда» от 30 марта 1989 г. В настоящее время «письмо Еремина» признано подделкой (подробнее об этом см.: Козлов В. П. Обманутая, но торжествующая Клио. Подлоги письменных источников по российской истории в XX веке. М., 2001. С. 106—123 и Перегудова З. И. Политический сыск России (1880—1917). М., 2013. С. 254—267).

(854) VI (Пражская) Всероссийская конференция РСДРП состоялась в Праге в январе 1912 г. Несмотря на то, что подавляющее большинство делегатов конференции составляли большевики, а другие фракции в партии почти не были представлены, конференция объявила себе общепартийной. Один из делегатов конференции, избранный тогда в состав ЦК РСДРП Р. В. Малиновский (1876—1918), как впоследствии выяснилось, с 1910 г. был секретным сотрудником охранки. Вторым «provokatorom» Овчаренко считает Сталина, который тогда же был кооптирован в состав ЦК.

(855) Орджоникидзе Г. К. (партийный псевдоним Серго, 1886—1937) — видный партийный и государственный деятель, в последний период жизни — член Политбюро ЦК ВКП(б), нарком тяжелой промышленности. Будучи одним из ближайших сподвижников Сталина, он не поддерживал курс на развертывание массовых политических репрессий и противился возвышению Берии, из-за чего произошло охлаждение его отношений со Сталиным. Орджоникидзе застрелился у себя на квартире 18 февраля 1937 г. Официально причиной его смерти был назван инфаркт.

(856) Эти цифры, конечно, не могли быть известны простым заключенным конца 1940-х годов, поскольку информация о количестве депутатов XVII съезда ВКП(б), репрессированных в годы Большого террора, была обнаружена только в докладе Хрущева на XX съезде КПСС в 1956 г. Их упоминание — один из анахронизмов, которые Овчаренко допускает ради насыщения своего автобиографического текста фактами Большой истории.

(857) Куусинен О. В. (1881—1964) — один из создателей пробольшевистской Коммунистической партии Финляндии, деятель Коминтерна. Марionеточное «народное Правительство Финляндской Демократической Республики» во главе с Куусиненом было создано 1 декабря 1939 г. — на следующий день после начала Советско-финской (Зимней) войны. В 1940-м, в связи с отказом СССР от полного захвата Финляндии, это правительство было распущено, а Куусинен стал председателем Президиума Верховного Совета новообразованной Карело-Финской ССР.

(858) Киров С. М. (настоящая фамилия Костриков, 1886—1934) — советский партийный и госу-

Так вот послушай, милый юноша, на этой конференции было восемнадцать делегатов, четыре из них — без мандатов, два из них — provokatory царской охранки (854)... И это еще не все, что я хочу сказать! В тридцатые годы восемь делегатов этой конференции были расстреляны как враги народа, а девятый активный организатор этой конференции, Серго Орджоникидзе, так был затравлен Сталиным и Берией, что вынужден был покончить жизнь самоубийством (855). Так спрашиваю я тебя, милый бригадир, кто же делал революцию?.. Враги народа?.. И еще убедительный аргумент — в народе говорят: XVII съезд партии — это съезд расстрелянных! Из 139 членов и кандидатов в члены ЦК партии 98 человек уничтожены сразу же после съезда, из 1966 делегатов Сталин истребил 1108 человек (856)...

— Это я, дядя Ваня, знаю!

— Ну как, внушительно?.. А вот еще убедительный факт самовластия! Еще не началась война с Финляндией, а уже в Москве было организовано правительство Куусинена (857). Знаешь, в твоей бригаде я хотя не голодаю, а то ведь мало того, что преподнесли пятнадцать лет — так еще, собаки, и голодом морят! Взять, к примеру, внутри страны каких людей погребили! Один Киров что только стоил, и это все работа Йоськи (858). Если бы ты почитал письмо Раскольниковца Сталину, ты бы многое понял, какой это людоед Сталин. Вот отрывок из его письма, такое никогда я не забуду:

«Я правду о тебе порасскажу, что хуже всякой лжи. Сталин, Вы объявили меня вне закона. Этим актом Вы уравнили меня в правах — точнее, в бесправии — со всеми советскими гражданами, которые под вашим владычеством живут вне закона.

Со своей стороны, отвечая взаимностью, возвращаю Вам входной билет в построенное Вами «царство социализма» и порываю с вашим режимом.

Ваш «социализм», при торжестве которого его строителям нашлось место лишь за тюремной решеткой, так же далек от истинного социализма, как произвол вашей личной диктатуры не имеет ничего общего с диктатурой пролетариата» (859).

О небо!.. В какое жуткое время мы живем, а вернее, существуем! Пройдут года, настанут дни такие, когда кон-

дарственный деятель, в последние годы жизни первый секретарь Ленинградского горкома и обкома ВКП(б), один из самых популярных лидеров партии. Убит в Ленинграде 1 декабря 1934 г., по официальной версии, в результате заговора некоего «троцкистско-зиновьевского центра», однако современные историки полагают, что убийца Кирова Л. В. Николаев действовал один и руководствовался чисто личными мотивами. Гибель Кирова послужила дето-

натором для резкой эскалации политических репрессий. Йоська — презрительная кличка Иосифа Сталина. После XX съезда КПСС по инициативе Хрущева проводилось расследование причастности Сталина к убийству Кирова. Результаты этого расследования не были обнародованы, хотя сам Хрущев выражал уверенность в том, что инициатором устранения Кирова был именно Сталин. Документальные подтверждения этой версии не найдены.

(859) Раскольников Ф. Ф. (настоящая фамилия Ильин, 1892—1939) — советский партийный и военный деятель, дипломат. Весной 1938 г., находясь на должности советского полпреда в Болгарии, был срочно отозван на родину, но, догадываясь, что его ожидает, отказался вернуться в СССР, за что был объявлен находящимся вне закона. Его «Открытое письмо Сталину», начало которого приводит Овчаренко, было опубликовано в парижском эмигрант-

чится этот произвол, а он когда-то же кончится, и разоблачат этих тиранов, и реабилитируют всех нас! Но что толку с этого, мой дорогой Павел Иванович? Меня-то не будет в живых. Есть такая поговорка: „Уми ты сегодня, а я завтра!“»

Вот за эту правду, за то, что не боится рассказывать эту опасную истину, которая пахнет «вышаком», Павлик и уважает дядю Ваню и угощает его иногда спиртом. А дядя Ваня по такому случаю всегда хранит в запасе баночку тушеночки. В бараке случается и воровство, но здесь, где обитает бригада скоростников, всегда кто-то в бараке находится, поэтому воровства нет. А нерпичий жир так просто на тумбочках, в котелках и банках из-под консервов находится. Часто бригадиру суют «лапу» за то, чтоб он зачислил в свою бригаду, но Павлик отвечает: «Уж тот факт, что ты тайно покупаешь меня, не позволяет мне взять тебя в бригаду».

— Ну-у-у... дорогой... давай с тобой выпьем за жизнь! — и налил Латышу больше, чем сто пятьдесят граммов, так же как и дяде Ване, а себе граммушков семьдесят. — Ты как пьешь? — смеется бригадир в приподнятом настроении. — Голяком или шампанским разводишь?..

— Да не надо, бригадир, ты и так ко мне добрый, я не хочу! — сердечно отказывается Латыш.

— Пей, дурачина, когда бригадир дает, вон у тебя какая оказия получилась, даже не верится, что ты живой остался! Давай чокнемся за жизнь!..

Прошло десяток минут, и Латыш, этот огромный великан, полез к бригадиру целоваться. А Павлик страшно не любит, когда мужчина с женщиной лобзается. Потом принялся рыдать, как малое дитя, выпитый спирт расслабил его внутреннее напряжение и томительные одинокие переживания, снял тяжесть, давившую двадцатилетнюю грудь, только теперь до него дошло, что он чудом остался в этом мире. Даже в бригаде есть скептики, которые сомневаются, что он загремел с горизонта на горизонт. Спорят, кому легче лететь: тяжеловесу или легкому; тот доказывает, что у тяжеловеса объем больше, следовательно, и сопротивление воздуха больше при падении, а иные говорят, вес больше и скорость падения больше. А когда Латыш полез снова целоваться, то бригадир его крепко оборвал:

ском журнале «Новая Россия» 1 октября 1939 г. (№ 7) вскоре после загадочной смерти автора. В СССР этот впечатляющий антисталинский документ стал известен немногим читателям самиздата не ранее 60-х годов. Что касается широких читательских масс, то они узнали о его существовании только в 1987 г. из статьи В. Д. Поликарпова «Федор Раскольников», опубликованной в еженедельном журнале «Огонек» (26 июня, № 26). Полный текст

письма был опубликован в журнале «Смена» годом позже — 5 мая 1988 г., и месяц спустя перепечатан в популярном еженедельнике «Неделя» (№ 26). Первая фраза — цитата из «Гора от ума» А. С. Грибоедова, служащая эпиграфом к письму Раскольникова.

— Побереги свои порывы, дорогой, для любимой девушки. Что ты, из «этих», что ли? Подумаешь, скис! Живой?.. И порядок в нашей скоропроходческой бригаде!..

И Латыш удалился к своим нарам, обиженный бригадиром. «Это лучше, — думает бригадир. — Не столько выпил, как раскис! Молодо-зелено!»

Бригадир тоже расслабился после выпитого технического «спиртеуса». Внутри забурлило. Воображение мутит голову, а за узорчатыми стеклами окон, словно три тысячи чертей, напевает ветер.

«Да, с такими можно работать, как Латыш и дядя Ваня!» Но мечты мечтами, а подходит снова время спускаться в шахту, готовить взрывника. Уже разок бегал Омелеченко вместо бригадира к Анашкину. Теперь очередь Машки производить отпалку, а это такой тип, что без бригадира не бросит мусолить в карты. Если бы он знал, что бригадир и взрывников записывает на ларек, то потребовал бы свою долю не только спирту, но и махорочки, потому что у него продуктовая карточка на месяц вперед проиграна. А за окнами южак не унимается, настырно напоминает: «Иди, иди, вызывай взрывника». «Какое это блаженство — быть в тепле! Да еще навеселе. — Волшебные мысли так и путаются в голове, обгоняя одна другую. — Как сегодня неохота спускаться в шахту, но нужно помнить, что около двух десятков заключенных ждут больших паечек и зачетов, а они зарыты глубоко-глубоко в гранитном склепе и в этом проклятом техническом «спиртеусе».

Вот и копер мерещится сквозь снежный напев южака. Хорошо хотя немного успокоился, а то пришлось бы сквозь проклятую папанинскую штольню пробиваться.

Подошел май. Больше десятка заключенных с нетерпением ждут зачетов, а с ними и освобождения. А зачетов нет и нет. Уже пришли в Певек пароходы. Уже уехал опытный взрывник Анашкин, а списков на зачеты нет. В этом году три тысячи заключенных не довели в Певек. Пароход, на котором доставляли живой груз,

потонул. Заключенных задраили в трюмах и не выпустили. Спаслись только охранники да команда парохода (860).

Иные пред смертью кричали,
Газированы в кубриках там,
Водолазам привет посылали,
Оставшей братве-морякам:
«Друзья, оставайтесь счастливо,
А если вернетесь домой,
Родным вы привет передайте,
Скажите семье вы родной,
Что сын был убит ваш без боя,
У самых родных берегов» (861).

Лишь когда покинули порт груженные рудой пароходы, только тогда привезли список с зачетами (862). У кого окончен срок, тех повезли в Певек. Это случилось 21 октября 1948 года. Чукотские вельможи умышленно задержали освобождение, чтоб не уехали на попутных пароходах с Чукотки освободившиеся из-под стражи.

По закону освободившихся обязаны снабдить билетом и питанием на дорогу к месту следования, но это закон, вилами писанный, а белый медведь забыл печать поставить. Пробовали непокорные храбрецы жаловаться комиссару Чукотки на это беззаконие, но как цыганка гадает — «напрасные хлопоты». Комиссар ответил: «Все, что делается в пользу советской власти, это все законно, и никакие жалобы вам не помогут! На Чукотке нужна рабочая сила, а вы мне голову морочите: «Положено! Положено!»

Первую выдали справку об освобождении. Майор прочитал о поражении в правах на три года:

— Вы не имеете права избирать, быть избранным, голосовать на любом собрании, выступать с речью на собраниях, митингах, вступать в члены профсоюза и иные добровольные общества, а также закон лишает вас права быть военнослужащим (863). Так-то, гражданин Иванов!

Словно пара вороных, прокатилось приятное слово по телу торжественной рысью: за долгие годы мытарства по лагерям, пересылкам, столыпинским и телячьим вагонам, в вонючем трюме — наконец-то человек в красных погонах назвал таким дорогим сердцу словом «г р а ж д а н и н!» До Павлика ничуть еще не доходит, что он еще

в трюмах. Это породило слух о том, что команда «Индирик» намеренно оставила беспомощных людей погибать.

(861) Источник не установлен. «Газированы» означает «удушены, задыхаются»; это разговорное слово возникло во время Первой мировой войны, когда на поле боя начали применяться ядовитые газы.

(862) Приостановка расчета зачетов была связана с их отменой Постановлением Совета министров СССР от 20 марта 1948 г. № 823-264с «О прекращении применения льготного порядка зачетов заключенным сроков отбытия наказания». В связи с этим был издан совместный приказ МВД и Генерального прокурора СССР от 29 марта 1948 г. № 0170/80с, в котором говорилось: «Прекратить с 1 апреля 1948 года практику применения зачетов рабочих дней заключенным, содержащимся в ИТЛ и ИТК МВД. Каждый рабочий день считать за один день отбытия срока наказания, независимо от размеров выработки производственных норм». Однако продлилась эта ситуация недолго. Уже 21 мая для лагерных подразделений Дальстроя и Берлага (особлага № 5) зачеты были восстановлены совместным приказом МВД и Генерального прокурора СССР № 00683/150сс на основании постановления Совета министров СССР от 22 мая 1948 г. № 1723-688сс «в целях повышения производительности труда заключенных и обеспечения выполнения производственных планов Дальстроя МВД». Об этом см.: Кокурин А. И., Морук Ю. Н. ГУЛАГ: структура и кадры. Статья шестнадцатая // Свободная мысль — XXI. 2001. № 1. С. 108, 112.

(863) Согласно приговору, П. Г. Овчаренко был приговорен к лишению свободы с последующим поражением в правах сроком на три года в соответствии со ст. 31 п. «а» УК РСФСР 1926 г. Таким образом, он должен был быть лишен только активного и пассивного избирательного права, однако на практике его ознакомили с решением о поражении в правах также в соответствии с пунктом «б» (право занимать выборные должности в общественных организациях). Следствием судимости также стал запрет военной службы. Остальные перечисленные запреты законом не регламентировались.

(860) В 1948 г. в северных морях произошло несколько кораблекрушений, однако о гибели парохода, направлявшегося в Певек, или вообще какого-либо судна, сопровождавшейся такими колоссальными человеческими жертвами, ничего не известно (см. Ведерников Ю. В. Российское мореплавание на Тихом океане за 375 лет своей истории. Хроника судоходства и кораблекрушений, 1639—2014 годы. Владивосток, 2016). Схожие рассказы о затонувших или

намеренно затопленных судах с заключенными бытовали в ГУЛАГе везде, где использовался водный транспорт. Вероятнее всего, Овчаренко передает легенду, сформировавшуюся на основании реальной трагедии — гибели 12 декабря 1939 г. в проливе Лаперуза у берегов острова Хоккайдо парохода «Индирик». Судно, принадлежавшее Дальстрою, везло из Магадана во Владивосток более 1 тыс. человек, в том числе 835 освобожденных после отбытия

наказания и 50 заключенных, этапиремых на материк для пересмотра дел, а также вольных, включая женщин и детей. Тогда погибло около 700 человек — в основном люди, находившиеся в трюмах, которые не смогли выбраться наверх из-за того, что пароход лег на бок, и люки оказались затопленными. По сложившейся практике, на время, когда суда, перевозившие заключенных, двигались вблизи японских берегов, живой груз наглухо запирали

(864) Для сравнения — средняя заработная плата в промышленности в СССР в конце 1940-х гг. составляла около 600 руб. в месяц.

не полноправный гражданин, и это ой как в дальнейшем аукнется... То, что читал майор, пролетело мимо ушей: «Вы не имеете права, вам запрещено!..» «Самое главное — голод, лишения и унижения позади, — так рассуждает полугражданин, — а остальное трын-трава! А может, и на воле буду голодать?.. Тридцатый годик стукнул, а я самостоятельно еще не жил и не знаю, как живут. Как же себя вести? Как жить между нормальных людей? Между обыкновенных фраеров...» Ведь около восьми лет жил законами отверженных, где господствует насилие, законы жуликов и пройдох, а вернее, кто кого взгрел, тот того и ободрал, — особенно картежная игра. Что-то неизвестное, но такое желанное, такое долгожданное пьянит приятным хмельным дурманом и одновременно пугает какой-то неизвестностью.

Бывало, зайдет Павлик вызывать какого-то взрывника, то насмотрится, как по-разному живут освободившиеся вольнонаемные. В длинном коридоре барака, налево и направо, — комнаты на четыре человека. У взрывника Машки в комнате даже кровати пусты. Казенная постельная принадлежность давным-давно проиграна. Жильцы этой комнаты, вероятно, мечтают в лагерь попасть, там ведь каждый день выдают паечку. У этих жильцов карточки, получка, аванс — все авансом проиграно. А здесь, где Анашкин жил, совсем иная жизнь. В комнате живут два гормастера, которые приехали на Чукотку за длинным рублем. Они вечно лежат в постели. В комнате холодина, истопник плохо отапливает из коридора печи, он где-то в какой-то комнате играет в карты, ему некогда следить за печами, а самим лень подбросить уголька в печь — ведь, как-никак, они гормастера! Вот и лежат в одежде, укрытые одеялами, слушают мелодию южака. Получают они от двух до трех тысяч с северной надбавкой (864); они же по договору работают, вот и надбавка идет, а освободившиеся договора не заключают, им и надбавки северной нет. А две-три тысячи — это очень мало, только на питание нужно полторы тысячи рублей, а необходимо ежемесячно и что-то из одежды или обуви купить. Им до Анашкина, который получает восемь-десять тысяч, далеко-далеко. Да еще необходимо на карту с полочки и аванса поставить сто-двести рублей; это как закон заведено в вольнонаемном поселке освободившихся — авось выи-

граю, авось повезет, да и попробуй не подсядь в компанию — засмеют и в бараке, и на работе: жмот, мол, трепещет над каждой копейкой. А менее тыщонки гормастера выкраивают на сберкнижку; опять же, попробуй без копейки вернись с севера — засмеют на материке: лентяй, мол, и соня непросыпная. Четвертый житель этой комнаты — Саша, механик из третьей шахты, лет под пятьдесят мужчина, шустрый и беспокойный, метра под два ростом, сухощавый. Когда ни зайдешь в комнату, он, одетый в телогрейку и валенки, ходит по комнате. Как зверь в зоопарке в клетке крутится, так и он. Особенно интересно наблюдать за ним, когда они получают карточки, выкупают сахарок, которого положено по три килограмма на месяц. Запустят бражку в тридцатилитровом дубовом бочонке; в этом бочонке просверлено маленькое отверстие, в которое выходит газ, когда играет закваска. И вот Саша ходит по комнате, гормастера лежат под одеялами, а Анашкин что-то всегда читает.

— Шумит, братцы, шумит!.. — беспокойно и радостно информирует Саша лежащих. — Ти-хо!.. Ти-хо!.. Кажись, перестала шуметь!.. А-а-а!.. Шумишь, милочка?.. Шумит ненаглядная!.. Золотко ты наше лучезарное!.. Шу-мит!.. А может, давайте попробуем по кружечке?.. Вон и бригадир не возражает! Мы только по маленькой!.. А остальное пусть себе шумит!.. Вон, с восьмой комнатой вместе ставили, а они давно ее уже выхрюкали!

— Давайте! — соглашается один из гормастеров.

— Эй вы, кашалоты! Вот я схожу на отпалку, тогда и будем пробовать! — заявляет Анашкин, собираясь за взрывчаткой.

Приходит Анашкин, вылезают гормастера из своих берлог, выкладывают тушенку, сливочное масло и пробуют до тех пор, пока вместо жидкости не начинает лениво вываливаться из бочонка гуща. Часто приходится видеть бригадиру, как, напившись браги, двадцатилетний гормастер Коля, рыдая, бьется головой о стенку и причитает: «Дура голова!.. Тебе нужно было подвигов на краю большого света?.. Куда ты попал? Что тебе здесь надобно?.. Что ты здесь ищешь?.. По сто рублей яблочко, луковицу, головку чеснока или по пятьдесят рублей пачку сигареток, в которой десять штук?.. На тебе, дура!.. Вот тебе!.. Вот тебе!..» — и бьется головой о стенку. Но вот

(865) Облигации государственных займов, приобретаемые населением в добровольно-принудительном порядке, имели длительный срок погашения, до истечения которого были совершенно бесполезны. Погашение государством облигаций 2-процентного государственного внутреннего займа 1948 года, на которые были обменены ранее выпущенные облигации других займов, началось только в 1974 году, а облигаций Второго и Третьего государственных займов восстановления и развития народного хозяйства СССР, выпущенных в 1947 и 1948 гг., — еще позже. Ранее этого времени некоторый доход в случае выигрыша могли принести только облигации государственного 3-процентного внутреннего выигрышного займа 1947 года.

(866) Ср. с описанием подобных сцен в статье Д. С. Лихачева «Картежные игры уголовников», написанной в 1930 г.: «Особенным успехом пользуются так называемые «налепки». Проигравшего заставляют налепить себе на лицо несколько сот бумажек. Бумажки осыпаются с лица, и проигравший никак не может удержать полное их количество. Играют и на «каташки» — проигравший катает на себе выигравшего, или «прыгунки» — проигравшего заставляют прыгать. Бывает, что проигравший кричит в окно или в трубу в течение 5—10 минут: «Я дурак, я дурак»... Отсюда и выражение: «проиграть в трубу». Очень часты игры «на песню, на сказку», но играют на них, конечно, только с теми, кто действительно мастерски поет или рассказывает» (Лихачев. С. 53).

(867) Капсюль-детонатор — используемое в горном деле устройство для детонации заряда взрывчатка от огнестрельного шнура.

выпит спирт, которого положено на карточку двести граммов на месяц, выпита брага, выкурены сигареты, которых норма на месяц десять пачек. Лежат облигации государственного займа, полный ящик в столе — сто, двести, пятисотрублевки, выигранные Сашей в соседних комнатах, но они никому не нужны, даже сигаретку на них не купишь (865). Неугомонный Саша ходит и ходит по комнате в своих валенках — туда-сюда, туда-сюда.

— Эх, братцы, сейчас бы закурить хотя бы одну на двоих!..

— Хотя бы одну на троих! — подает голос гормастер.

— У меня есть два рубля! — говорит Саша.

— И у меня рубель! — подключается гормастер.

— Бригадир, а у тебя нет закурить?..

— Вам не стыдно у экашки просить? Эх вы, вольняшки! — защищает бригадира Анашкин.

— Ну, добавляй ты два рубля, не жмись! Пойду к барыге, возьму сигаретку, жизнь получше!

Бывает, открывается из коридора дверь и появляется проигравшийся весь в налlepках: по пояс причудливая борода из пеньковых веревок, серьги из грубого картона, конопляные усы полуметровой длины, ветвистые рога — похлеще чем у оленя, весь в саже вымазанный, а за ним юмористы шумливой ватагой. Вот он громко хлопает в ладошки, словно крыльями петух, и вопит: «Ку-ку-ре-ку-у-у!!! Я к мамочке хочу!.. Ку-ку-ре-ку-у-у-у!!! Я к девочкам хочу!.. Ку-ку-ре-ку-у-у-у!!! Я к армяшкам хочу!..» А к Машке забегает, там иную он песенку поет: «Дорогая наша девушка Машенька, там в пятой комнате всем девушкам красные косынки выдают к Восьмому марта, спеши получить, ненаглядная куколка!» Или другую поет, если Машки нет в комнате: «Господа собаки, старики свинью разорвали!..» Так и бегают из комнаты в комнату, сопровождаемый оравой разгильдяев (866).

Иногда бывало, придет бригадир за Анашкиным, а он лежит после браги невменяемый. Приходится идти к Машке, просить, чтоб он получил взрывчатку, и бригадир сам заряжает и отпаливает забой. Хотя заключенному, да еще «врагу народа», категорически запрещается доверять взрывчатку и капсули (867), но у Павлика всегда в запасе есть и капсули, и взрывчатка — спрятаны в блоке

на всякий случай. На следующий день Анашкин благодарил бригадира и сигаретами, и тушенкой, и за Машку сделал полностью отпалку.

А рядом с анашкиной комнатой три комнаты знаменитого бригадира Рыскаля. Эта бригада недавно сложилась из освободившихся уголовников. Бригадир — битый и тертый жизнью. В комнате ежедневно кто-то ответственный за чистоту и теплоту, да его и дневальный боится. Рыскаль, если что не по его, то и затылок чухает (868) дневальному. Кровати белоснежными простынями заправлены, в субботу дежурный по комнате собирает белье и постельные принадлежности в стирку, у каждой кровати стоит красивая тумбочка кустарного изделия, сделанная местными умельцами и купленная на собственные деньги бригадников, чувствуется какая-то полувойсковая дисциплина — поговаривают, что Рыскаль бывший НКВДист. Бригадир зарабатывает двенадцать-тринадцать тысяч, а бригадники — от семи до восьми. Бригадир строго заявил: «Кто хотя копеечку проиграет — немедленно покидай нашу гавань, у меня достаточно кандидатов на ваше место». Приходили жучки права качать, но он ответил: «Мой закон на карман!» (869) Бригадники ежемесячно выделяют с полочки бригадиру по пятьсот рублей для подмазки нужных людей. Питаются все в столовой, платят полторы тысячи рублей в месяц, а потом заведующий столовой в конце месяца еще прибавляет кому двести, а кому и триста рублей. Несмотря на то, что бригадники Рыскаля ежемесячно кладут на сберкнижку четыре-пять тысяч, Павлику не нравится такой пресс, какое-то иго в этих комнатах. У Анашкина хотя и холодновато, но свободно дышится.

Вот так вольняшки живут. И вспомнил Павлик заведующего баней еврейчика Сашу Колупаева и гладильщика Далиба; эти действительно вольно живут, как положено человеку. Это и дает повод подумать: «Как же я приспособлюсь жить в этом вольнонаемном хаосе?..»

Здесь же, в этом здании, паспортный стол. Когда Иванов зашел в этот загадочный кабинет, начальник порылся в заготовленных паспортах и достал синюю

(868) Затылок чухать — здесь: давать подзатыльник. От укр. «чухати» — чесать.

(869) Имеется в виду воровской «закон», опираясь на который блатные рассчитывали заставить вольного бригадира платить им дань. Отвергая этот «закон», бригадир противопоставляет ему свой — сберегать деньги для того, чтобы давать взятки «нужным» людям. «Братъ (давать) на карман» — жаргонное обозначение взятки.

(870) На основании справки об освобождении бывший заключенный получал временный паспорт сроком действия на один год, который ему предстояло заменить постоянным при прописке на будущем месте жительства. Этот временный документ иногда называли «волчьим паспортом» или «волчьим билетом» из-за стоявшей в нем пометки «выдан на основании ст. 38 (или 39) Положения о паспортах», что означало так называемые «паспортные ограничения». Соответствующие статьи, входившие в состав Инструкции по применению Положения о паспортах от 10 сентября 1940 г., были секретными, однако их содержание было известно — запрет проживания в «режимных местностях», включая Москву и Ленинград с прилегающими районами, республиканские, краевые и областные центры, крупные промышленные города, железнодорожные узлы, портовые города, обширные приграничные территории и проч. На тот момент к числу режимных были отнесены в общей сложности 297 населенных пунктов и территорий.

(871) Жан Вальжан — герой романа В. Гюго «Отверженные», который провел на каторге девятнадцать лет и при освобождении как бывший преступник получил особый желтый паспорт, с которым чувствовал себя изгоем.

годичную бумажонку. Проделав процедуру подписи, он сказал следующее:

— Прежде чем выдать вам этот документ, я обязан предупредить: вам приписывается тридцать девятая статья Положения о паспортах. Вы не имеете права жить ближе расстояния пятьдесят одного километра от областных, краевых, центральных городов, а также пограничных, приморских деревень и селений.

— А где же мне жить?.. Ведь Певек тоже приморский поселок?..

— Не унывай, парень! Не унывай, некоторым приписывается тридцать восьмая — за сто один километр (870), и то не унывают! Найдется место! Найдется!.. Иди в отдел кадров, там тебе найдут место и работать, и жить!

Павлик, подавленный тяжелой думой, не спеша поплелся, сам не зная, куда его несет нелегкая, все думает и думает: «Неужели и после отбытия срока эта проклятая статья не будет давать мне покоя?.. Неужели всю жизнь она будет преследовать меня?.. А за что? За что?.. Он сказал, что я числюсь в списках государственных преступников СССР. Ну-у за что?.. Неужели это клеймо на всю жизнь, как у Жана Вальжана из «Отверженных» (871)? Неужели всю жизнь на правах чернокожего или крепостного прозябать?» — думает и думает Павлик, не давая себе отчета, что он вышел на берег бесконечного Ледовитого океана, а вернее, Чукотского моря, ощущая радость свободы. Эти места часто посещают белые медведи и как-то лениво-лениво каруселят у самого поселка по замерзшему фиолетовому льду, по которому нет-нет да и пробегают снежные цепи: «Да-а-а... здесь всего полмесяца назад стояли под разгрузкой пароходы, а сейчас я стою на этом месте».

После того как ушли пароходы, чукотский порт замер. Лишь в портовом домике шевелятся две-три штатных единицы, да в пропускбудке похрапывает вахтер. Павлик прошелся по территории порта. Как и два года назад, стоят те же скирды крупы, муки, так же накрытые огромными брезентами, и никто даже не поинтересовался: «Что ты здесь делаешь?» — вот такая здесь акустика в порту.

(876) МООП РСФСР — Министерство охраны общественного порядка РСФСР; существовало с 30 августа 1962 г. до 23 декабря 1966 г., после чего его функции были переданы МВД СССР.

МООП РСФСР (876)
ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК № АВ-261
15 марта 1967 г.
№ 2-307/098 гор. МАГАДАН

СПРАВКА

Дана гражданину ОВЧАРЕНКО ПАВЛУ
ГРИГОРЬЕВИЧУ

1919 года рождения, уроженцу Харьковской области в том, что он, будучи осужденным 9 августа 1941 года, находился в местах заключения с 29 июля 1941 года по 21 октября 1948 года, в том числе на Крайнем Севере с 10 июня 1946 года по 21 октября 1948 года.

Время нахождения в местах заключения засчитывается в общий трудовой стаж работы по специальности только по предъявлении документа о реабилитации.

В связи с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 августа 1945 года, Постановлением СНК СССР № 2777 от 29 октября 1945 года и Постановлением Совета Министров СССР № 1655 от 8 сентября 1955 года, время нахождения в местах заключения на Крайнем Севере засчитывается в трудовой стаж в двойном размере с 10 июня 1946 года по 21 октября 1948 года.

На основании разъяснения Государственного Комитета Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы за № 26 от 14 августа 1957 года, время нахождения в местах заключения по выбору реабилитированного может быть приравнено либо к работе, которая предшествовала аресту, либо к работе, которая следовала за освобождением из мест заключения.

НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛЕНИЯ П/Я — АВ — 261
ПОДПИСЬ   Ж У Р А В Л Е В   ПЕЧАТЬ
Копия верна паспорт 1У-ВЛ № 746117

Уважаемый читатель!

В справке об освобождении записано, что осужденный находился в местах Крайнего Севера с 10 июня 1946 года, а я со своей бригадой ЗУРовцев находился все лето в Бухте Находка. И когда на Чукотку прибыл, то десять-пятнадцать дней разгружали пароходы, а когда они ушли, то началась метель, капитальные заморозки и пурга. Это несовпадение ночами не давало мне покоя, и в конце концов я пришел к выводу: 10 июня 1946 года бригада ЗУРовцев действительно была назначена на этап на остров Кресты. Записали в сопроводительную карточку, но пароход «Дальстрой», на котором должны были уйти на этап бригадники, взорвался. И резервная бригада еще несколько месяцев находилась на пересылке. Отправили ее только в середине августа — на Чукотку.

О чем свидетельствует приложенная архивная справка, которая тоже грешит неточностью — в ней записано, что я находился в Магаданской области с 5 ноября 1946 года. Это абсурд — как меня могли туда доставить в ноябре, если там в это время побережье льдом окутано?

Я как бригадир спрашивал у охранника, который раздавал затирку в трюме: «Почему на пересылке выдавали поллитровый черпак баланды, а здесь, в трюме, — семьсотпятидесятиграммовый?» Он ответил коротко: «Северный паек». Следовательно, этапников записывали северянами со дня нахождения в трюме.

Октябрь 1989 года

ПОДПИСЬ
П. Г. Овчаренко

МВД СССР
УПРАВЛЕНИЕ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
Исполнительного комитета Магаданского
областного Совета народных депутатов
10 ноября 1989 г. № 8/0-18

АРХИВНАЯ СПРАВКА

Выдана гр. Овчаренко Павлу Григорьевичу, 1919 года рождения, уроженцу Харьковской области, в том, что он был осужден 09 августа 1941 г. и находился в местах лишения свободы МВД СССР с 29 июля 1941 г. по 21 октября 1948 г., в том числе в районах Крайнего Севера в Дальстрое МВД, на территории Магаданской области с 05 ноября 1946 г. по 21 октября 1948 г.

Время пребывания в местах лишения свободы засчитывается в трудовой стаж только по предъявлении документа о реабилитации.

На основании разъяснения Государственного комитета СМ СССР по вопросам труда и заработной платы № 26 от 14.08.1957 время пребывания в местах лишения свободы по выбору реабилитированного может быть приравнено к работе, которая предшествовала аресту, либо к работе, которая следовала за освобождением из мест лишения свободы.

НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛЕНИЯ СПЕЦФОНДОВ ИЦ УВД
ПОДПИСЬ   Н. М. ГРИГУС   ПЕЧАТЬ

СТАРШИЙ АРХИВИСТ
ПОДПИСЬ   Л. Н. БИБИКОВА

Копия верна   паспорт IV-ВЛ № 746117

В О Е Н Н Ы Й
Т Р И Б У Н А Л
К Р А С Н О З Н А М Е Н Н О Г О
Т И Х О О К Е А Н С К О Г О
Ф Л О Т А
28 апреля 1967 года
№ 406
гор. Владивосток

С П Р А В К А

Дело по обвинению ОВЧАРЕНКО ПАВЛА ГРИГОРЬЕВИЧА 1919 года рождения, до ареста 29 июля 1941 года проходившего военную службу в звании матроса, пересмотрено военным трибуналом Краснознаменного Тихоокеанского флота 27 апреля 1967 года.

Приговор военного трибунала Амурской Краснознаменной Флотилии от 9 августа 1941 года в отношении ОВЧАРЕНКО П.Г. отменен, и дело о нем прекращено за отсутствием состава преступления.

ОВЧАРЕНКО П. Г. по данному делу реабилитирован полностью.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВОЕННОГО
Т Р И Б У Н А Л А К Р А С Н О З Н А М Е Н Н О Г О
Т И Х О О К Е А Н С К О Г О Ф Л О Т А
П О Л К О В Н И К Ю С Т И Ц И И
П О Д П И С ь П Е Ч А Т ь (Ю. МИТЮК)

Копия верна   паспорт 1У-ВЛ № 746117

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
ВСЕСОЮЗНЫЙ ЛЕНИНСКИЙ
КОММУНИСТИЧЕСКИЙ СОЮЗ МОЛОДЕЖИ
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
МОСКВА, ул. Богдана Хмельницкого, д. 3/13

№ 7аи

05 января 1990 г.

Харьков — 89, пос. Фрунзе
ул. Днестровская № 16-2.

т. ОВЧАРЕНКО П. Г.

Постановлением Бюро ЦК ВЛКСМ (протокол № 40, пункт 14) от 27 декабря 1989 г. вы восстановлены в рядах ВЛКСМ.

Выписка из протокола заседания Бюро ЦК ВЛКСМ о восстановлении в комсомоле и вручении комсомольского билета направлена в Харьковский обком ЛКСМ Украины 5 января 1990 г.

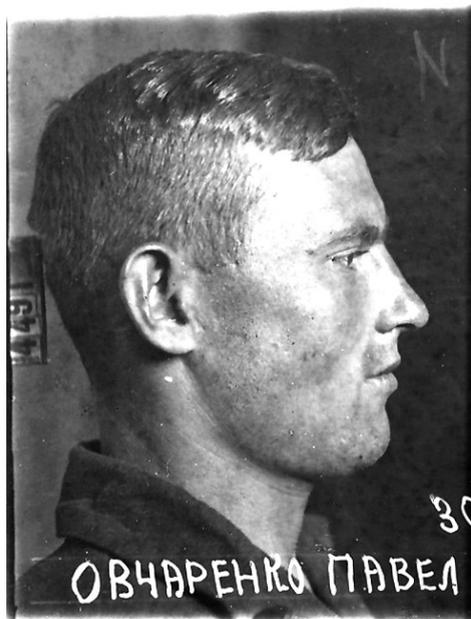
Зам. председателя Комиссии ЦК ВЛКСМ по реабилитации комсомольцев

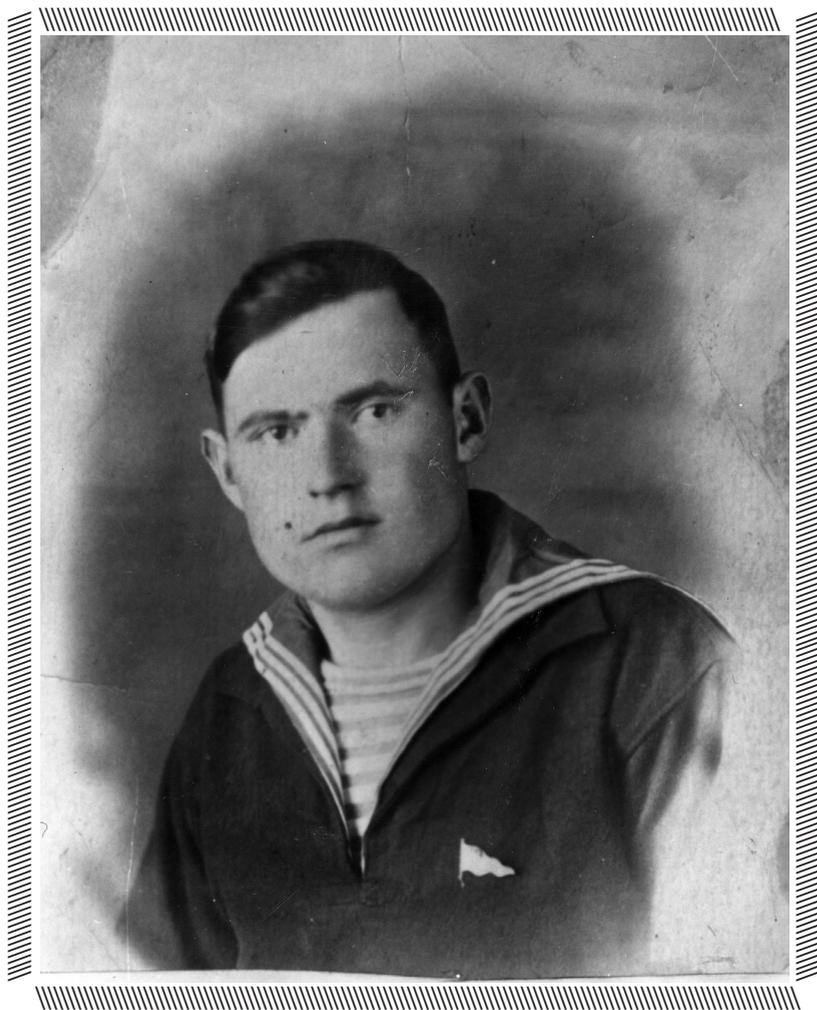
ПОДПИСЬ В. ХОРУНЖИЙ
Копия верна паспорт 1У-ВЛ № 746117
(Подпись: Овчаренко)

Сдано в переплет 1-01-1990 г.
Формат 397-210. тираж 5 экзempl.

Переплет 3 руб., худ. оформл. 1 руб,
Бумага 2 руб. лента и копиров. Бум.
3 руб, фото 3 шт. 3 руб. плюс
труд два месяца.

Жду отзывы о книге, мой адрес:
Харьков-89, пос. Фрунзе,
Ул. Днестровская д. № 16-2
ОВЧАРЕНКО П. Г.

ОВЧАРЕНКО П. Г. 1941 ГОД ДО РЕПРЕССИИ

Фотографии из дела. См. стр. 508

О/ИИ-412
ГРИГОРЬЕВИЧ, 1919г

ОВЧАРЕНКО П. Г. 1967 ГОД ПОСЛЕ РЕАБИЛИТАЦИИ

(1989)

Я родился не в муках, не в злобе, —
 Девять месяцев — это не лет!
 Первый срок отбывал я в утробе —
 Ничего там хорошего нет.
 В. Высоцкий (877)

Родился я 15 июня 1919 года в селе Базалеевка Печенежского района Харьковской области (878). В 1921 году мои родители Григорий Максимович и Мария Степановна Овчаренковы переехали в село Крынки недалеко от станции Булацеловки (879). В 1926 году отец, уже имея шестерых сыновей, увез нас в Сибирь в Семипалатинскую область (880) — искал хорошей жизни в необъятной стране Советов, но быстро разочаровался в Алтайских гранитных горах и надоедливых комарах и осенью перевез нас в Краснодарский край, на станцию Зимовники, а оттуда на хутор Ровный (881). А когда отец бросил нас там в сырой землянке и уехал на родину за поддержкой к предкам, то дедушка Максим Яковлевич сказал отцу: «Ты чумаки (882), ты дурак! Промотал все свое хозяйство в течение года, а теперь просишь помощи?.. Не дожدهшься!.. Что потопал, то и лопай!..» Пока отец разъезжал по гостям, младший мой брат Коля 1921 года рождения умер от истощения, а остальных наш кормилец застал на стадии дистрофии. И снова привез нас отец на родину в село Крынки, а из Крынок — в село Раевку этого же района. Здесь я ходил в первый класс, но весной отец отдал меня внаймы пасти деревенских коров, а летом мы переехали в новостроящееся село Сазоновку, где все лето жили в шалаше. Отсюда я ходил в Раевку во второй класс, но и его я не окончил: снова отец нанял меня по весне пастухом. Отец построил там саманный домик (883), перезимовали мы в сыром, а весной, спасаясь от коллективизации, он бросил этот домик и перевез нас на станцию Булацеловку. Из Булацеловки я ходил в третий класс в село Кашинокое. Переводили меня из класса в класс потому, что я все учебники знал наизусть. И третий класс я не окончил все по той же причине. Весной мы переехали в город Харьков. Здесь я начал ходить в четвертый класс, но какая может быть учеба, когда кишка кишке похоронный марш играет? И вместо учебы я стал уличным мальчишкой, принялся торговать на Благоевщенском базаре водой и папиросами: «Есть „Аначка“ (884), пятак штука — рубель пачка, навались, у кого деньги завелись!..» Это было в 1932 году, за это время у нас прибавилось семейство: родились Антонина, Лида, Вера. Дело в том, что отец и мамаша были убежденные баптисты. Кому-кому, а мне как старшему досталось от этой их веры. Родители-баптисты запрещали мне вступать в пионеры, носить красный галстук, запрещали слушать радио, как какую-то нечистую силу, а о кино, которое привозили и крутили в агитвагоне на станции Булацеловка, я мог только мечтать да с завистью слушать, как ровесники рассказывали о фантастическом чуде на экране сказочного вагона. Среди своих ровесников я всегда оказывался в одиночестве, и это больно отражалось на моем самолюбии. Родители заставляли меня учить стихотворения из «Гуслей» (885), наподобие таких:

Израиль, ты мне строишь храмы,
 И храмы золотом блестят,
 И в них курятся фимнамы,
 И день и ночь они курят (886).

(877) Цитата из песни
 В. С. Высоцкого «Баллада
 о детстве» (1975).

(878) Базалеевка (более распространенный вариант названия — Базалиевка) — село ныне Чугуевского района Харьковской области Украины.

(879) Булацеловка — железнодорожная станция, еще в 1922 г. переименованная в Шевченково. Ныне поселок городского типа, райцентр в Харьковской области.
 Крынки — ныне Малые Крынки, село в Шевченковском районе Харьковской области.

(880) Семипалатинская губерния позднее вошла в состав Восточно-Казахстанской области. Ныне территория Казахстана.

(881) Зимовники — железнодорожная станция и поселок, ныне райцентр в Ростовской области.
 Ровный — ныне поселок в Кущевском районе Краснодарского края.

(882) Чумаки — возчик, перевозивший грузы на волах на большие расстояния (укр.). Здесь в переносном смысле «бродяга».

(883) Саман — строительный материал из смеси глины и резаной соломы с добавлением песка, навоза, других наполнителей. Самодельные кирпичи из самана высушиваются на открытом воздухе и могут использоваться для кладки стен.

(884) См. прим. (389) к основному тексту.

(885) «Гусли» — сборник духовных песен евангельских христиан-баптистов.

(886) Неточная цитата из стихотворения А. С. Хомякова «Прочтении псалма» (1858), представляющего собой парафраз 49-го псалма Давида. Это стихотворение в несколько переделанном виде и без указания автора традиционно включается в сборники баптистских гимнов.

(887) Здесь Овчаренко ошибается. Сборник «Гусли» был составлен в 1902 г. баптистским пресвитером, проповедником, поэтом и политическим деятелем И. С. Прохановым.

(888) Харьковский машиностроительный завод «Свет шахтера».

(889) Бурлуцкий разъезд — ныне станция Бурлуцкое.

(890) Так называемый «Указ 7-8», он же «Закон о трех колосках» — Постановления ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 года «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности», известный чрезвычайно жестоким, карательным характером.

(891) По-видимому, речь идет о монументальном здании бывших судебных установлений на площади Николая Руднева (ныне площадь Героев Небесной сотни), где в то время располагались различные учреждения, включая штаб Украинского военного округа.

(892) Крупный детский приемник-распределитель в Харькове.

(893) Единой пионерской формы в то время еще не существовало, но ее прообразом была форма, в которую одевали ребят, отдыхавших в знаменитом пионерском лагере «Артек» в Крыму. В то время как мальчики, так и девочки носили там трусы (шорты). Однако в данном случае переодевание беспризорника Овчаренко, скорее всего, имело особое значение. Трусы из легкой ткани, напоминающие тогдашнюю футбольную форму, были частью летнего обмундирования воспитанников Куряжской трудовой колонии для беспризорников и малолетних правонарушителей. Очевидно, мальчику, если бы он не сбежал, предстояла отправка именно туда.

(894) Имеются в виду бараки при Центральном институте труда (правильное название — Харьковский институт труда, в 1930 г. переименован в Институт рационализации управления), где во время голода было устроено 500 коек для беспризорных детей, доставляемых с вокзалов города.

(895) В бывшем Куряжском монастыре под Харьковом в 1926 г. располагалась трудовая колония для беспризорников и малолетних правонарушителей им. Горького. В конце 1920-х гг. ею

руководил А. С. Макаренко, но к началу 1930-х годов после его ухода она превратилась в рядовую исправительную колонию для несовершеннолетних. Овчаренко, не будучи осужденным в качестве малолетнего преступника, по-видимому, был помещен не в саму эту колонию, а в какое-то детское учреждение, существовавшее при ней.

(896) Балашовка — станция на окраине Харькова, ныне Харьков-Балашовский.

И потом заставляли читать это верующим фанатам, а я был подросток, меня совсем другие «фимиама» влекли. И хоть сейчас эти боготворы изменили отношение к радио и кино и даже сами смотрят телевизионные передачи, я с той детской поры ненавижу баптизм и всякую иную веру в бога. В нашей семье все десять детей некрещеные, я не признаю никакой веры — ни христианской, ни католической, ни мусульманской. Еще будучи подростком, я прочитал Библию, Евангелие и «Гусли», переведенные на русский язык пионером революции Плехановым (887): марксист — марксистом, а за денежки преподавал и баптизм.

Но вернемся к 1933 году. Отец работал на заводе «Свет шахтера» (888) столяром, мы получали хлеба на карточки два кило триста граммов: на работника семьсот граммов и на нас, восьмерых иждивенцев, кило шестьсот. Утром мамаша шла в очередь, получала этот хлеб, довесочек оставляла отцу, а остальной несла на базар и продавала. Вместо хлеба она покупала семечек, сухарей — приносила домой и варила в огромном чугуне. И все мы, девять человек семьи, садились вокруг этого чугуна с деревянными ложками и с аппетитом поедали это варево — до следующего дня. Отцу все это надоело, и весной 1933 года он нас перевез в село Петропавловку около Бурлуцкого разъезда (889), между станциями Граково и Булацеловка, а сам ушел искать работу. Мне было уже четырнадцать лет, и я ходил в поле с лопатой — копать для огромной семьи мерзлую свеклу, которую осенью не успел убрать колхоз. За эту свеклу мне грозил «Указ от 07-08 32-го года» — десять лет исправительно-трудовых лагерей (890). От такого питания все в семье стали пухнуть и появилась дизентерия. А тут еще по соседству два брата съели свою родную мамашу, и я понял, что скоро и до наших молоденьких косточек доберутся. Я понял, что нам всем здесь могила, и уехал в город Харьков.

Там на улице Плехановской меня поймали на буфере трамвая активисты в красных повязках и отвели в восьмое отделение милиции. Оттуда меня перевезли на грузовике в изрядный дом на площади Коли Руднева (891). Между шпаной точились разные слухи, будто бы всех нас будут отправлять в детские исправительно-трудовые колонии, и я убежал. Потом, когда я снова торговал папиросами, меня поймал агент НКВД, папиросы забрал себе, а меня сдал в отделение милиции возле старого цирка на улице Свердлова. Теперь меня определили в Шатиловские бараки (892), сняли дырявые штаны и выдали пионерские трусики (893) — но я и в трусиках убежал. И снова меня поймали уже на Холодногорском базаре и отправили в Цитовские бараки (894) на Григорьевском шоссе. Оттуда отвезли в Куряжский детлагерь рядом с колонией имени Горького (895). А осенью меня и еще шесть человек направили на патронат (воспитание) в соседний колхоз на станции Шпаковка. Там я и окончил пятый класс.

Когда я убежал из Петропавловки, мамаша увидела, что основного кормильца нет. После этого умерла Лидя 1930 года рождения, и мамаша собрала остальных детей и потащила их на Бурлуцкий разъезд. Начальник разъезда остановил товарняк, помог им погрузиться в пустой вагон, и на станции Балашовка (896) все мои братья и сестры были сданы в детдом (897).

Баптистам грех производить аборт — вот мамаша и рожала. Иногда родители даже забывали, как они кого нарекли. В 1933 году умерла Лидя, а в 1935 появилась вторая Лидочка. А младшего, десятого сына всю сознательную жизнь звали Лейей, а потом оказалось, что по документам он Алексей. Наплодили мои родители большую ораву, и никогда мы не наедались досыта ни хлеба, ни камсы (898).

Сдала мамаша своих детей в детдом и поступила на ХТЗ (899) на конный двор водовозом. Лишь осенью 1934 года вернулся отец. Искал он работы по колхозам, а очутился в Харькове. Тут его схватили как праздничного и отправили на год на

(897) 6 мая 1933 г. в соответствии с постановлением ЦК КП(б) Украины «О борьбе с детской беспризорностью и бродяжническим элементом» были приняты дополнительные меры для помощи беспризорным детям, в частности, было увеличено финансирование детдомов. То же постановление обязывало местные власти «не допускать вывоза в города и на железные дороги беспризорных детей», однако родители всеми силами старались обойти этот

запрет. В особенности много умирающих от голода детей стекалось в столицу — Харьков.

(898) Здесь: вообще питательная белковая пища. См. прим. (392) к основному тексту книги.

(899) ХТЗ — Харьковский тракторный завод.

принудработы под Москву (900). Так мы и остались: я, Федор, Иван, Виктор, Антонина, Вера и Лида — сиротами при живом отце.

А ти, всевидящее око,
Хіба не бачило звисока,
Як сотнями в кайданах гнали
В Сибір невільників святих?
Т. Шевченко (901)

Тогда по улицам Харькова валялись, умирая, и дети, и старики, и средних лет крестьяне, а у Госпрома на площади Дзержинского (902) крестьяне лежали вповалку и днем, и ночью — все ждали какой-нибудь работы, но так и умирали, не дождавшись. Ночью их грузили на грузовые машины и свозили за город в яр (903). Но отец все-таки сбежал с принудработ и в конце 1934 года собрал детей из детприемников; не нашли только одну Веру — она не знала своей фамилии.

Я вернулся из детдома в 1936 году. Родители жили на Смычке в 76-м бараке Южного поселка ХТЗ. Поселок имел всего 78 барак. Кроме этого, на Северном поселке было около сотни барак и на Западном поселке около сотни барак. Был больничный городок, состоявший из сплошных барак, и восточнее — еще сотня барак «Станкостроя» (904). В выходные, да не только в выходные, а и также после получки или аванса, около холостяцких барак и общежитий девчат раздавались звуки гармошки, песен, плясок и драк. Наш 76-й барак был семейный, разделенный на четыре секции: две левых и две правых. В каждой секции жило по пятнадцать семей. В бараках стояли сплошные одинарные кровати с казенными одеялами и набитыми соломой подушками. Простыни имели только богатеи. Отец с мамашей помещались на одной кровати, а мы, братья и сестры, спали покатом на сплошных деревянных нарах, которые смастерил отец. Но ко дню Великого Сталинского праздника Советской Конституции «жить стало лучше, жить стало веселее» (905) — нам в бараке выдали белые штормы, и уже не стало видно, кто как спал и кто что ел. В 1937 году мамаше выдали документ на приусадебный участок, и отец с нашей помощью принялся за работу. Мы, как муравьи, месили саман, и к осени флигелек, хотя и сырой, был уже готов.

Я поступил в ФЗУ (906) завода ХТЗ, а по окончании его в 1936 году был направлен как отгличник в инструментальный цех шлифовщиком (907). В это время в России своих специалистов не было, нас учили американцы и немцы. Вот где работнички были! Час перекуривали, пять минут работали, а платили-то им золотом.

Прощай, горькое детство! Впереди ждала невыносимая горечь.

(900) В связи с тем, что Харьков (тогдашняя столица советской Украины) с 1933 г. являлся режимным городом, его жители подлежали обязательной паспортизации и прописке. Задержанные на режимной территории беспаспортные граждане во внесудебном порядке высылались в лагеря и трудовые поселки.

(901) Неточная цитата из стихотворения Т. Г. Шевченко «Юродивый»:

А ты, всевидящее око!
Знать, проглядел
твой взор высокий,
Как сотнями в оковах
гнали
В Сибирь невольни-
ков святых?

(пер. с укр. А. А. Суркова).

(902) Площадь Дзержинского (ныне площадь Свободы) — центральная площадь Харькова.
Госпром — расположенный там комплекс административных зданий.

(903) Яр — овраг (укр.). Среди многочисленных мест захоронения жертв Голодомора в окрестностях Харькова есть, в частности, лесное урочище Сухой Яр (ныне в черте города Мерефа), где на месте захоронения 2300 человек в настоящее время установлен памятный крест.

(904) Имеется в виду харьковский соцгород — обширный поселок для работников Харьковского тракторного завода и других предприятий, известный также как «Новый Харьков». Торжественная закладка этого города будущего состоялась в 1930 г., но к середине 30-х годов возведение капитальных зданий в соответствии с проектом было еще далеко от завершения, и значительную часть застройки составляли деревянные бараки.

(905) 5 декабря 1936 г. была принята новая Конституция СССР (Сталинская Конституция). Фразу «Жить стало лучше, товарищи, жить стало веселее!» Сталин произнес 17 ноября 1935 года в выступлении на Первом всесоюзном совещании рабочих и работниц-стахановцев. В варианте, приводимом Овчаренко, она получила известность как припев песни «Жить стало лучше», написанной в 1936 г. А. В. Александровым на стихи В. И. Лебедева-Кумача.

(906) ФЗУ — школа фабрично-заводского ученичества, профессионально-техническое училище (как правило, при крупном предприятии). Обычно срок обучения в ФЗУ составлял полтора-два года. По окончании ФЗУ в дополнение к пяти классам школы Овчаренко считался получившим неполное среднее образование в объеме семи классов.

(907) Профессия шлифовщика-инструментальщика требует достаточно высокой квалификации. Направление на такую работу — признание хороших способностей и навыков выпускника ФЗУ.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2
Из документов Российского государственного
архива Военно-морского флота

РГА ВМФ. Ф. Р-1767. ОП. 1.
№ 16. ЛЛ. 67, 68.

Из протокола закрытого собрания первичной организации ВЛКСМ при Иманском отдельном дивизионе речных кораблей Краснознаменной Амурской флотилии
20 мая 1940 г.

(...) В наших недостатках во многом повинны комсомольцы. Некоторые из них являются нарушителями воинской дисциплины. Комсомолец т. Овчаренко обсуждает действия младших командиров (...)
(...) в армии должна быть железная дисциплина, а у нас у некоторых комсомольцев этого не видно. Т. Овчаренко нарушает дисциплину (...)

РГА ВМФ. Ф. Р-1767. ОП. 1.
№ 13. Л. 132.

Начальник отдела политической пропаганды Амурской Краснознаменной флотилии полковой комиссар Птицын — заместителю командира Иманского отдельного дивизиона речных кораблей по политической части батальонному комиссару Яценко
14 декабря 1940 г.

Срочно сообщите адрес местожительства до военной службы краснофлотца Овчаренко, а также адреса местожительства его отца и брата. Укажите, из каких источников вам известно, что его отец является баптистом.

За проявленные антисоветские настроения краснофлотца Овчаренко немедленно разберите на комсомольском собрании <зачеркнуто> и исключите его из рядов ВЛКСМ.>

РГА ВМФ. Ф. Р-1767. ОП. 1.
№ 13. Л. 87 ОБ.

Из политдонесения заместителя командира Иманского отдельного дивизиона речных кораблей Краснознаменной Амурской флотилии по политической части батальонного комиссара Яценко на имя начальника отдела политической пропаганды флотилии полкового комиссара Птицына
28 ноября 1940 г.

(...) Краснофлотец Овчаренко, член ВЛКСМ, служит по 2-му году, отзывался о новом дисциплинарном уставе: «Вот нам говорят, что в капиталистических странах дисциплина палочная, а сами мы возвращаемся; пример — командир имеет право применить силу и оружие (908)» — в присутствии Кошкина, кандидата [в члены] ВКП(б) и члена партии Грицаца, который разъяснил ему, и он признал свою ошибку.

На беседе по книге «Как мы били японских самураев на озере Хасан (909)», которую проводил младший лейтенант Абрамов,

(908) Пункты 6 и 7 Дисциплинарного устава РКК, утвержденного 12 октября 1940 г., гласили: «Подчиненные обязаны беспрекословно повиноваться своим командирам и начальникам. В случае неповиновения, открытого сопротивления или злого нарушения дисциплины и порядка командир имеет право принять все меры принуждения, вплоть до применения силы и оружия. (...) Командир не несет ответственности за последствия, если он для принуждения не повинующихся приказу и для восстановления дисциплины и порядка будет вынужден применить силу или оружие».

(909) Имеется в виду сборник статей и документов «Как мы били японских самураев» (Сост. Ю. Жуков и М. Гольдберг. М., 1938).

(910) По-видимому, краснофлотец Овчаренко полемизирует не собственно с Марксом, у которого нет прямых высказываний на эту тему, а в целом с изложенной ему на политзанятиях марксистско-ленинско-сталинской теорией, интерпретирующей героизм отдельной личности как проявление обобщенной воли народных масс.

(911) Имеется в виду испанский военачальник Хосе Миаха Менант (1878—1958) — один из самых видных деятелей Гражданской войны со стороны республиканцев. В 1936 г. он успешно руководил обороной Мадрида, в январе 1939 г. получил звание генералиссимуса, но уже в марте, когда неизбежность победы франкистов стала очевидной, поддержал переворот, сместивший премьер-министра Испанской республики Хуана Негрина, и возглавил Хунту (Совет) национальной обороны, которая тщетно пыталась вступить в переговоры с Франко и фактически прекратила сопротивление. Это означало конец Гражданской войны. Потерпев поражение, Х. Миаха эмигрировал из Испании. Советская пропаганда интерпретировала его поведение как предательство.

(912) Неустановленное лицо. Возможно, сослуживец, который ранее поплатился за свои неосторожные слова.

краснофлотец Овчаренко заявил: «У японцев были такие герои, но только о них не пишут. Что они, пешки что ли?» Ему младший лейтенант Абрамов старался объяснить, что это не наши разговоры. Он ответил: «Я не согласен с Марксом, что массы создают героев (910), т. к. массы, народ — темная толпа, и они слепо идут за героями. Вот возьмите в Испании — пока Миах руководил борьбой, до тех пор народ слепо шел за ним, слепо сражался. Когда Миах перешел на сторону фашистов, так и война прекратилась (911). Или судьбу народа решал Петр I».

Младший лейтенант Абрамов разяснил, он согласился, что этого вопроса не понимал.

Оставленный караул по охране бронекатеров 25, 15 — 6 человек, приходится часто стоять в наряде через сутки, и краснофлотец Овчаренко высказал недовольство, где заявил, что «вот, т. Гужва, вам дать 1000 рублей — не взорвешь бронекатера, потому что нечем, а имея 15 патрон <ов>, ты ничего не сделаешь, если кто нападет, сообщить нечем».

Старший лейтенант Загаров говорил с ним, напугал его, что «твой разговор все равно что Махонина (912)». Он ходит угрюмо.

Дальше заявил, что раньше у нас было все, а теперь нет, красноармейцы 8-й кавалерийской дивизии голодают, им не хватает пайка, и купить негде. Все эти влияния оказываются на Овчаренко из дома. На днях получил письмо, и политрук Зарецкий, зная, что краснофлотец Овчаренко имеет плохие настроения, открыл письмо краснофлотца Овчаренко, чем нарушил Конституцию о сохранении тайны переписки. В этом письме было написано его братом: «Нас не считают за живых людей, мы стоим хуже скота, работать заставляют сколько влезет, а плотят на хлеб, сельдь и воду, нет ничего в магазинах. Многих в тюрьмы сажают, нельзя лишнего сказать, и как сделаешь брак, так за все высчитывают».

Или во время стрельбы его младший командир не выполнил стрельбу, так он заявил: «Рожденный ползать летать не может; ученый мажет, в цель не может».

Краснофлотца Овчаренко отец работает на Харьковском тракторном заводе, баптист, имеет влияние, видимо, на сына.

Краснофлотец Овчаренко вызван в Иман, и будем разбираться на месте, за что будет передан на бюро комсомола для привлечения 2-й раз к комсомольской ответственности.

РГА ВМФ. Ф. Р-1767. ОП. 1. № 13. Л. 141 ОБ.

Из политдонесения временно исполняющего должность заместителя командира Иманского отдельного дивизиона речных кораблей Краснознаменной Амурской флотилии по политической части политрука Виноградова на имя начальника отдела политической пропаганды флотилии полкового комиссара Птицына 29 декабря 1940 г.

Краснофлотец Овчаренко, будучи в Камень-Рыболове, предлагал краснофлотцу Гужве: «А что если тебе дать 1000 рублей, взорвешь катера или нет?»

Разбирали на комсомольском собрании, и исключен из комсомола, снят с катера. Кроме того родители краснофлотца Овчаренко: отец, по его словам, до 1937 года являлся баптистом, в 1937 году вышел, а мать и по настоящее время баптистка.

Павел Григорьевич Овчаренко был осужден в августе 1941 года по статье 58 п. 10 УК РСФСР на 8 лет лагерей и 3 года поражения в правах. Эта статья устанавливала ответственность за контрреволюционную деятельность, а пункт 10 — за «пропаганду или агитацию, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений...»; максимальное наказание в этом случае составляло 10 лет лишения свободы. Обвинение по пункту 10 статьи 58-й — одно из самых массовых оснований для политических репрессий.

Архивно-следственное дело П. Г. Овчаренко содержит стандартный набор документов, в том числе постановление об аресте, анкету арестованного с фотографией, протоколы обыска, допросов обвиняемого и свидетелей, очных ставок, обвинительное заключение, протокол судебного заседания и, наконец, приговор.

Отправной точкой дела Овчаренко стали политдонесения, поступавшие в политотдел флотилии в ноябре—декабре 1940 года из штаба дивизиона бронекатеров, где он служил (см. Приложение 2 к настоящему изданию). Первый допрос свидетеля состоялся еще 3 января 1941 года, а 24 июля следователь, «расстроив поступивший в особый отдел НКВД Амурской Краснознаменной флотилии материал о преступной деятельности» краснототца Овчаренко, вынес постановление о его аресте.

Следственные действия были проведены стремительно: 28 июля Овчаренко был арестован и допрошен, в тот же день состоялись допросы еще девяти свидетелей, а в ночь на 29-е — две очные ставки арестованного со свидетелями. 31 июля Овчаренко допросили еще раз, и на этом следствие закончилось. В тот же день ему было предъявлено обвинение.

Дело слушалось Военным трибуналом Амурской Краснознаменной флотилии 9 августа 1941 года в закрытом судебном заседании без участия сторон обвинения и защиты. Обвиняемый виновным себя не признал. Неявка обоих вызванных свидетелей суд не смутила, и заседание, продлившееся 2,5 часа, завершилось вынесением приговора.

Материалы следственного дела Овчаренко дают представление о том, какие факты давали повод обвинить советского гражданина в ведении «антисоветских разговоров». Так, например, как преступление было расценено то, что он в разговоре с товарищем высказал мнение, что по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1940 года «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» рабочие стали «крепостными, как при царизме». Также Овчаренко поставили в вину то, что при обсуждении военного конфликта между СССР и Японией на озере Хасан он посмел предположить, что «у японцев тоже есть герои не хуже наших». Среди обвинений фигурируют и такие факты, как констатация нехватки товаров в магазинах, язвительные высказывания по поводу плохой организации охраны бронекатеров и публичное выражение несогласия с самим Карлом Марксом по вопросу о роли личности и народных масс в истории.

Протоколы допросов обильно исчерканы красным карандашом — так следователь выделял фрагменты показаний, которые легли в основу обвинения. Большинство свидетелей факты «антисоветских высказываний» со стороны Овчаренко подтвердили; лишь иногда они отговаривались незнанием. И в совсем редких случаях можно заметить робкую попытку защитить последственного, положительно охарактеризовав его.

Отдельную группу в составе архивно-следственного дела составляют документы 1960-х — начала 1990-х годов, в том числе «прошения» Овчаренко в разные инстанции о реабилитации

и определение Военного трибунала Тихоокеанского флота об отмене приговора за отсутствием состава преступления. Таким образом, П. Г. Овчаренко был реабилитирован лишь в 1967 году — почти через двадцать лет после освобождения.

В деле также содержатся документы, связанные с борьбой Овчаренко за то, чтобы в его рабочий стаж включили годы тяжелого труда в лагерях, и с попытками добиться компенсации за понесенные страдания и утраченное скромное имущество.

Примечательна его просьба об ознакомлении со следственным делом, поданная в УКГБ по Харьковской области в июне 1989 года в связи с необходимостью собрать сведения для «романа» о своей жизни, над которым Овчаренко тогда работал. В этой просьбе ему, в соответствии с действовавшим в то время советским законодательством, было отказано.

Архивно-следственное дело П. Г. Овчаренко № 023468 в настоящее время хранится в архиве Управления Службы безопасности Украины по Харьковской области. В настоящем издании публикуются некоторые из содержащихся в нем документов.

Характеристика

На краснофлотца Овчаренко Павел Григорьевич призван 1939 г. образование 7 кл «ассов», чл «ен» ВЛКСМ, по национальности украинец, рабочий год рождения 1919, по специальности Ученик Палубного комендора. За время пребывания в Учебном отряде АКФ проявлял себя дисциплинированным краснофлотцем, выдержан, исполнительный, политически развит, морально устойчив, за специальный период обучения к занятиям относился хорошо. Является отличником боевой и политической подготовки, пользуется авторитетом среди товарищей, требовательный к себе, физически развит хорошо.

Командир роты
Лейтенант Ключев

*Характеристика
На краснофлотца Овчаренко Павла Григорьевича
призван 1939, образования 7 кл, чл. ВЛКСМ,
по национальности украинца, рабочий
год рождения 1919, по специальности
Ученик Палубного комендора.
За время пребывания в Учебном отряде АКФ
проявил себя дисциплинированным краснофлотцем,
выдержан, исполнительный, политически развит,
морально устойчив, за специальный
период обучения к занятиям относился хорошо.
Является отличником боевой и политической
подготовки, пользуется авторитетом
среди товарищей, требователен к себе.
Физически развит хорошо.*

*Командир роты
Лейтенант Ключев*

(913) Мукосеев Д.С. (1905—1952)
— в ноябре 1939-го — октябре
1941 г. начальник Особого отде-
ла Амурской Краснознаменной
военной флотилии. Впоследст-
вии переведен на аналогичную
должность в Азовской военной
флотилии.

«УТВЕРЖДАЮ»
Начальник ОО НКВД АКФ
БРИГАДНЫЙ КОМИССАР
«24» июля 1941 года.
(печатать)

Согласен.
Бакаев (подпись)
25 VII-41.

Мукосеев (913)

Арест Овчаренко
санкционирую.
Военный Прокурор АКФ
военный юрист 2 р «анга» Морозов
25.07.41 г. 11 час. 45 ми.
(печатать)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
(На арест).

«24» июля 1941 года. Гор. ХАБАРОВСК, база АКФ.

Я, следователь ОО НКВД АКФ — политрук СИРЕНКО, рассмотрев поступивший в Особый Отдел НКВД АКФ материал о преступной деятельности краснофлотца Иманского Отдельного дивизиона речных кораблей АКФ ОВЧАРЕНКО Павла Григорьевича, 1919 года рождения, уроженца Харьковской области, Печенежского р-на, с. Базалеевка, по национальности — украинца, гр-на СССР, по соц. происхождению — из крестьян, по положению — рабочего, с образованием — 7 групп, чл. ВЛКСМ.

НАШЕЛ:

ОВЧАРЕНКО среди личного состава бронекатера №25 ИОДРК АКФ систематически проводил антисоветскую агитацию направленную на дискредитацию мероприятий партии и Советского правительства по укреплению трудовой дисциплины, клеветал на материальное положение трудящихся Советского Союза и отстаивал народническую теорию о том, что историю делают отдельные личности — «герои».

Будучи недисциплинированным краснофлотцем ОВЧАРЕНКО в своих антисоветских выступлениях дискредитировал Рабоче-Крестьянскую Красную Армию, возводил гнусную клевету на бойцов Военно-Морского флота, высказывал террористические настроения в отношении политрука ЗАРЕЦКОГО и нежелая служить в ВМФ высказывал дезертирские мысли. Принимая во внимание, что указанные преступления караются по закону и предусмотрены ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР.

ПОСТАНОВИЛ:

ОВЧАРЕНКО Павла Григорьевича, проживающего в гор. ИМАНЕ, Приморского края АРЕСТОВАТЬ и заключить под стражу в Хабаровскую тюрьму № 1.

СЛЕДОВАТЕЛЬ ОО НКВД АКФ
ПОЛИТРУК: (подпись) СИРЕНКО

СОГЛАСНЫ:

НАЧ. СЛЕД. Отд. ОО НКВД АКФ
СТ. ПОЛИТРУК: (подпись) ЧЕХОВ

ЗАМ. НАЧ. ОСОБОГО ОТДЕЛА НКВД АКФ
Лейтенант гос. безопасности: (подпись) ПЕРЕПЕЛОВ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

(на арест).

"24" июля 1941 года. Гор. ХАБАРОВСК, база АКФ.

Я, следователь Особого Отдела НКВД АКФ - политрук СИРЕНКО, рассмотрев поступивший в Особый Отдел НКВД АКФ материал о преступной деятельности краснофлотца Иманского Отдельного дивизиона речных кораблей АКФ - ОВЧАРЕНКО Павла Григорьевича, 1919 года рождения, уроженца Харьковской области, Печенежского р-на, с. Базалеевка, по национальности - украинца, гр-на СССР, по соц. происхождению - из крестьян, по положению - рабочего, с образованием - 7 групп, чл. ВЛКСМ.

НАШЕЛ:

ОВЧАРЕНКО среди личного состава бронекатера № 25 МОДЕР АКФ систематически проводил антисоветскую агитацию направленную на дискредитацию мероприятий партии и Советского правительства по укреплению трудовой дисциплины, клеветал на материальное положение трудящихся Советского Союза и отговаривал народническую теорию о том, что историч. делают отдельные личности - "герои".

Ввиду неоднократных выступлений краснофлотца ОВЧАРЕНКО в своих антисоветских выступлениях дискредитировал Рабоче-Крестьянскую Красную Армию, возбуждал гнусную клевету на бойцов Военно-Морского флота, высказывал террористические настроения в отношении политрука ЗАРЕЦКОГО и нежелая слушать в ВМФ высказывал дезертирские мысли.

Принимая во внимание, что указанные преступления караются по закону и предусмотрены ст. 58-10 ч.1 УК РСФСР.

ПОСТАНОВИЛ:

ОВЧАРЕНКО Павла Григорьевича, проживавшего в гор. ИМАНЕ, Приморского края АРЕСТОВАТЬ и заключить под стражу в Хабаровскую тюрьму № 1.

СЛЕДОВАТЕЛЬ ОО НКВД АКФ ПОЛИТРУК: *Сиренко* /СИРЕНКО/
НАЧ. СЛЕД. ОТД. ОО НКВД АКФ ОТ. ПОЛИТРУК: *Чехов* /ЧЕХОВ/
ЗАМ. НАЧ. ОО НКВД АКФ ЛЕЙТЕНАНТ ГОС. БЕЗОПАСНОСТИ: *Перепелов* /ПЕРЕПЕЛОВ/

СОГЛАСНЫ:

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

(об избрании меры пресечения)

"24" июля 1941 года. Гор. ХАБАРОВСК, база АКФ.

Я, следователь Особого Отдела НКВД АКФ - политрук СИРЕНКО, рассмотрев поступивший в Особый Отдел НКВД АКФ материал о преступной деятельности краснофлотца Иманского Отдельного дивизиона речных кораблей АКФ - ОВЧАРЕНКО Павла Григорьевича, 1919 года рождения, уроженца Харьковской области, Печенежского р-на, с. Базалеевка, по национальности - украинца, гр-на СССР, по соц. происхождению - из крестьян, по положению - рабочего, с образованием - 7 групп, члена ВЛКСМ и приняв во внимание, что ОВЧАРЕНКО достаточно изобличается в проведении антисоветской агитации, т. е. в преступлениях предусмотренных ст. 58-10 ч.1 УК РСФСР и руководствуясь ст. ст. 145 и 158 УПК РСФСР, -

ПОСТАНОВИЛ:

Мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда в отношении ОВЧАРЕНКО Павла Григорьевича избрать содержание под стражей в Хабаровской тюрьме № 1, о чем в порядке ст. 146 УПК РСФСР объявить арестованному под расписку в настоящем постановлении.

Копию настоящего постановления направить Начальнику Хабаровской тюрьмы № 1 - для исполнения.

СЛЕДОВАТЕЛЬ ОО НКВД АКФ ПОЛИТРУК: *Сиренко* /СИРЕНКО/

СОГЛАСНЫ: НАЧ. СЛЕД. ОТД. ОО НКВД АКФ ОТ. ПОЛИТРУК: *Чехов* /ЧЕХОВ/
ЗАМ. НАЧ. ОО НКВД АКФ ЛЕЙТЕНАНТ ГОС. БЕЗОПАСНОСТИ: *Перепелов* /ПЕРЕПЕЛОВ/

Настоящее постановление мне объявлено "28" июля 1941 года.

Подпись: *Сиренко*

«УТВЕРЖДАЮ»
Начальник ОО НКВД АКФ
БРИГАДНЫЙ КОМИССАР:
«24» июля 1941 года.
(печать)

Мукосеев

Арест Овчаренко санкционирую.
Военный Прокурор АКФ
военный юрист 2 ранга Морозов
25.07.41 г. 11 час. 45 ми.
(печать)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

(Об избрании меры пресечения).

«24» июля 1941 года. Гор. ХАБАРОВСК, база АКФ.

Я, следователь Особого Отдела НКВД АКФ - политрук СИРЕНКО, рассмотрев поступивший в Особый Отдел НКВД АКФ материал о преступной деятельности краснофлотца Иманского Отдельного дивизиона речных кораблей АКФ - ОВЧАРЕНКО Павла Григорьевича, 1919 года рождения, уроженца Харьковской области, Печенежского р-на, с. Базалеевка, по национальности - украинца, гр-на СССР, по соц. происхождению - из крестьян, по положению - рабочего, с образованием - 7 групп, члена ВЛКСМ и приняв во внимание, что ОВЧАРЕНКО достаточно изобличается в проведении антисоветской агитации, т. е. в преступлениях предусмотренных ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР и руководствуясь ст. ст. 145 и 158 УПК РСФСР,

ПОСТАНОВИЛ:

Мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда в отношении ОВЧАРЕНКО Павла Григорьевича избрать содержание под стражей в Хабаровской тюрьме № 1, о чем в порядке ст. 146 УПК РСФСР объявить арестованному под расписку в настоящем постановлении.
Копию настоящего постановления направить Начальнику Хабаровской тюрьмы № 1 - для исполнения.

СЛЕДОВАТЕЛЬ ОО НКВД АКФ ПОЛИТРУК: (подпись) СИРЕНКО

СОГЛАСНЫ:

НАЧ. СЛЕД. ОТД. ОО НКВД АКФ ОТ. ПОЛИТРУК: (подпись) ЧЕХОВ

ЗАМ. НАЧ. ОО НКВД АКФ ЛЕЙТЕНАНТ ГОС. БЕЗОПАСНОСТИ: (подпись) ПЕРЕПЕЛОВ

Настоящее постановление мне объявлено «28» июля 1941 года.
(подпись: Овчаренко)

ПРОТОКОЛ

На основании ордера особого отдела НКВД АКФ за № 45 от 28 июля 1941 г. произведен обыск у гр. Овчаренко Павла Григорьевича в доме № ___ кв. № ___ по ул. Камень-Рыболов, БК-25 ИОДРК АКФ при обыске присутствовали: лейтенант Бочков, старшина 2 ст. Храбров согласно ордера задержан гражд. Овчаренко Павел Григорьевич

ПРОТОКОЛ

На основании ордера Особого отдела НКВД АКФ
за № 45 от 28 июля мес. 1941 г.
произведен обыск у гр. Овчаренко Павла Григорьевича дома № ___ кв. № ___
по ул. Камень-Рыболов БК-25 ИОДРК АКФ
При обыске присутствовали: лейтенант Бочков, старшина 2 ст. Храбров
Согласно ордера задержан гражд. Овчаренко Павел Григорьевич

Взято для доставления в особый отдел НКВД АКФ следующие:

1. Часы ручные завода им «Кирова» — 1 шт.
2. Облигации займа 3 пятилетки:
  - а) выпуск 2 года сер. №№ 72973, 72974, 72972, 69664 руб. на сумму 65 руб.
  - б) выпуск 3 год. сер. 89421 на 100 руб. Всего на 165 руб.
3. Альбом с фотокарточками 1 шт. фото 66 шт.
4. Билет 15 лотарен Осоавиахима на 3 руб. № 26391
5. Почтовых марок 43 шт. на 12 руб. 90 коп.
6. Разная переписка на 8 листах.

Взято для доставления в Особый отдел НКВД АКФ
следующие: 1. Часы ручные завода им «Кирова» - 1 шт.
2. Облигации займа 3 пятилетки:
а) выпуск 2 года сер. №№ 72973, 72974, 72972, 69664 руб. на сумму 65 руб.
б) выпуск 3 год. сер. 89421 на 100 руб. Всего на 165 руб.
3. Альбом с фотокарточками 1 шт. фото 66 шт.
4. Билет 15 лотарен Осоавиахима на 3 руб. № 26391.
5. Почтовые марки 43 шт. на 12 руб. 90 коп.
6. Разная переписка на 8 листах.

Вещи, указанные в протоколе обыска кроме пунктов 1, 2, 4, 5 получены для хранения в ОО АКФ

Оперуполн. ОЧО (914) ОО АКФ
техник-интендант 2 ранга: (подпись неразборчиво)

Вещи указанные в протоколе обыска
кроме пунктов 1, 2, 4, 5 получены для
хранения в ОО АКФ.
техник. ОЧО в ОАКФ
техиниант 2 ранга. Буты

Передавать анкету для заполнения арестованному — запрещается. Заполняется со слов арестованного и проверяется по документам.

АНКЕТА АРЕСТОВАННОГО

ВОПРОСЫ	ОТВЕТЫ
1. Фамилия	ОВЧАРЕНКО
2. Имя и отчество	Павел Григорьевич
3. Дата и место рождения	Родился в 1919 году, село Базалевка Пичингского р-на Харьковской обл.
4. Постоянное место жительства до ареста (подробный адрес)	село Камень-Рыболов Приморский край Уссурийская обл.
5. Профессия и специальность	Камендор
6. Последнее место работы и род занятий до ареста	а) Учреждение / предприятие в РККА б) должность в) звание — красношлюпец г) если не работает, когда и откуда уволен
7. Национальность	Украинец
8. Гражданство (при отсутствии паспорта, указать какой документ удостоверяет гражданство или записано со слов)	а) гражд. (подд.) СССР б) паспорт серия № кем и когда выдан
9. Партийная принадлежность	а) в прошлом Б/п б) в настоящее время билет №
10. Образование, общее и специальное (подчеркнуть и указать, что закончил)	среднее 7 классов
11. Социальное происхождение (кем были отец и мать)	Из крестьян бедняков
12. Судимость (состоял под судом и следствием, где, когда, за что, приговор)	Нет
13. Приводы (каким органом, когда, по подозрению в каких преступлениях и по каким фамилиям)	Были приводы в РКМ, но не помнит сколько раз, по какой причине в Уссурийской обл.

ВОПРОСЫ	ОТВЕТЫ
7. Национальность	Украинец
8. Гражданство (при отсутствии паспорта, указать какой документ удостоверяет гражданство или записано со слов)	а) гражд. (подд.) СССР б) паспорт серия № кем и когда выдан
9. Партийная принадлежность	а) в прошлом Б/п б) в настоящее время билет №
10. Образование общее и специальное (подчеркнуть и указать что закончил)	высшее, среднее, низшее 7 классов специальное
11. Социальное происхождение (кем были отец и мать)	Из крестьян бедняков
12. Судимость (состоял под судом и следствием, где, когда, за что, приговор)	Нет
13. Приводы (каким органом, когда, по подозрению в каких преступлениях и по каким фамилиям)	Были приводы в РКМ, но не помнит сколько раз, по какой причине в Уссурийской обл.

Передавать анкету для заполнения арестованному запрещается. Заполняется со слов арестованного и проверяется по документам.

АНКЕТА АРЕСТОВАННОГО

Вопросы	Ответы
1. Фамилия	Овчаренко
2. Имя и отчество	Павел Григорьевич
3. Дата и место рождения	Родился в 1919 году, село Базалевка Пичингский р-н Харьковской обл.
4. Постоянное место жительства до ареста (подробный адрес)	город Камень-Рыболов Приморский край Уссурийская обл.
5. Профессия и специальность	камендор
6. Последнее место работы и род занятий до ареста	а) Учреждение / предприятие в РККА б) должность в) звание — красношлюпец г) если не работает, когда и откуда уволен
7. Национальность	Украинец
8. Гражданство (при отсутствии паспорта, указать какой документ удостоверяет гражданство или записано со слов)	а) гражд. (подд.) СССР б) паспорт серия № кем и когда выдан
9. Партийная принадлежность	а) в прошлом Б/п б) в настоящее время билет №
10. Образование, общее и специальное (подчеркнуть и указать, что закончил)	среднее 7 классов
11. Социальное происхождение (кем были отец и мать)	Из крестьян бедняков
12. Судимость (состоял под судом и следствием, где, когда, за что, приговор)	Нет
13. Приводы (каким органом, когда, по подозрению в каких преступлениях и по каким фамилиям)	Были приводы в РКМ (915), но не помнит сколько раз, по подозрению в хулиганстве.

(915) РКМ – рабоче-крестьянская милиция.

СОСТАВ СЕМЬИ

Степень родства	Фамилия, имя и отчество	Год рождения	Место рождения	Место жительства, работы и должность
Отец	Овчаренко Григорий Максимович			
Мать	Овчаренко Мария Степановна			
Муж (жена)	нет			
Дети				
Братья, сестры	Овчаренко Федор Г. -----//----- Антонина Г.			

14. СОСТАВ СЕМЬИ

Степень родства	Фамилия, имя и отчество	Год рождения	Место рождения	Место жительства, работы и должности
Отец	Овчаренко Григорий Максимович			
Мать	Овчаренко Мария Степановна			
Жена (муж)	нет			
Дети				
Братья, сестры	Овчаренко Федор Г. -----//----- Антонина Г.			

Место для фотокарточки

Личная подпись (арестованного)

Отпечаток указательного пальца правой руки

(при отсутствии его последующего пальца — с соответствующей пометкой). Пальцевый узор должен быть ясным и полностью прокатанным (от одной крайки ногтя до другой)

СЛОВЕСТНЫЙ ПОРТРЕТ (нужное подчеркнуть)

- Рост: высокий (171—180 см), очень высокий / (свыше 180 см), низкий (155—164 см), очень низкий / (до 154 см), средний (165—170 см).
- Фигура: толстая, полная, средняя, худощавая тонкая.
- Плечи: приподнятые, опущенные, горизонтальные.
- Шея: короткая, длинная, заметен зоб, выступает кадык.
- Цвет волос: белокурые, светлорусые, русые, темнорусые, черные, рыжие, с проседью, седые.

<...>

- Когда арестован: 28 июля 1941 г., ордер №
- Основание ареста постановление
- За кем зачислен особ. отдел АКФ

Анкета заполнена

в Хабаровская тюрьма №1
г. Хабаровск
Кем (неразборчиво)

15. СЛОВЕСНЫЙ ПОРТРЕТ (нужное подчеркнуть)

- Рост: высокий (171—180 см), очень высокий (свыше 180 см), низкий (155—164 см), очень низкий (до 154 см), средний (165—170 см).
- Фигура: толстая, полная, средняя, худощавая, тонкая.
- Плечи: приподнятые, опущенные, горизонтальные.
- Шея: короткая, длинная, заметен зоб, выступает кадык.
- Цвет волос: белокурые, светлорусые, русые, темнорусые, черные, рыжие, с проседью, седые.
- Цвет глаз: голубые, серые, зеленоватые, синеватые, карие, черные.
- Лицо: круглое, овальное, прямоугольное, треугольное, пирамидальное, ромбовидное.
- Лоб: высокий, низкий, прямой, скошенный, выступающий.
- Брови: прямые, дугообразные, извилистые, узкие, сросшиеся.
- Нос: малый, большой—толстый, тонкий, широкий. Спинка носа: возвытая, прямая, выгнутая, горбинкой. Основание носа: приподнятое, гребенчатое, опущенное.
- Рот: малый, большой. Углы рта: острые, приподняты.
- Губы: тонкие, толстые, отнесенные назад, приподнятость верхней.
- Набор бороды: скошенный, прямой, выступающий, раздвоенный, с амкой, с поперечной бороздой.
- Уши: малые, большие—овальные, треугольные, квадратные, круглые. Оттопыренность: верхняя, нижняя, общие. Мочка уха: сросшаяся, отдельная, наклонная, угловатая, овальная.

15. Особые приметы

(физическая неадекватность, ушная, порезы, шрамы, признаки нарости, бородавки, лишние пальцы)
лица, рубцы, болезненные движения тела, плавность, асимметрия лица, разноразличность глаз и другие)
татуировки (описание)

16. Прочие особенности и привычки

(картавит, микнет, грызет ногти, различные пальцевые манипуляции, жесткошерст (указат. палец), автоматич. карандаш, склеивает и т. п. и т. п.)

16. Когда арестован 28 июля 1941 г., ордер №

17. Основание ареста постановление
указать название документа.

18. За кем зачислен особ. отдел АКФ
назначено органы и дату

Анкета заполнена

В Хабаровской тюрьме №1
(указать наименование тюрьмы или ИТ)
Город, село, ж.-д. ст. Хабаровск
К е м Федоткин Павел Григорьевич
(должность, звание, фамилия)

Подпись

Учетные материалы:

- алфавитные карточки " экз.
- дактокарты " экз.
- фотокарточки " экз

Сданы в 1-й спецотдел НКВД—УНКВД

Сдал (подпись)
Принял (подпись)

194 года

ра. Вот например Вам т. Гужва дать 1000 руб. и сказать, что взорвите катера но вам же взорвать их нечим, а что толку что ты стоишь, всеравно, что тебя нет, если кто бросит гранату, то ты с 15 патронами ничего не сделаешь». По этому вопросу я Овчаренко начал объяснять о значении часового, на что он ответил: «Хватит мне доказывать, я знаю, что Вы хотите мне сказать, я плевал на все это».

Вопрос: Чем Вы можете еще дополнить свои показания об Овчаренко?

(подпись: Разводовский)

Ответ: Об Овчаренко могу дополнить только то, что он за последнее время в корне исправился, стал дисциплинированным, исполнительный боец, а также отрицательных явлений со стороны его не замечал

Записано с моих слов правильно мной прочитано

(подпись: Разводовский)

Допросил: следователь ОО НКВД АКФ
Политрук (подпись) Сиренко

УСБУ В ХАРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ.
Ф. 5Р, оп. 1, д. 023468. Л. 54 - 56

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
свидетеля Фролова Виктора Васильевича
от 28 июля 1941 г.

Фролов Виктор Васильевич, 1920 г. рождения, уроженец г. Кунгур, русский, гр-н СССР из рабочих, рабочий, чл-ен ВЛКСМ, образование 8 классов, краснофлотец БК-25 ИОДРК АКФ г. Иман

За дачу ложных показаний по ст. 95 УК РСФСР предупрежден

(подпись: Фролов)

Вопрос: Расскажите, какие Вам известны факты отрицательных настроений и высказываний со стороны Овчаренко?

Ответ: Овчаренко знаю с 1940 года. С момента моего прибытия на БК-25. Поведение Овчаренко было не важное и за последнее время держит себя замкнуто. Например был такой случай когда Овчаренко проявлял недовольство к политруку Зарецкому и в конце 1940 года

(подпись: Фролов)

в кузнице он мне сказал: «Он вредный мужик этот Зарецкий, его надо бы было давно снять» (показал пальцем как нажимают на спусковой крючек винтов-

часового в кузнице свои мины, выстроил Елизав, Кондратюшина и других люди. По этому поводу мы Овчаренко дали соответствующее разъяснение о котором он согласился.

В ноябре месяце 1940 года в кузнице один красноармеец совершил на виху, с которого Овчаренко начал смеяться и в присутствии Шевабана Елизав, Кондратюшина и мины он сказал: «Видно охранник пойдешь, вот наоружу вас т. Сиренко давай 100 руб и сказать что боевые часы не ваши не вь, вай их не тми, о тми можно тми тми смущать, вадает, что вадз мей сам кто бросит гранату, то тми об патр. нечим не тми не сдвигать». По этому поводу в Овчаренко начал объяснять о значении часового, на тми он ответил: «Хватит мне доказывать в тми, тми Вы хотите или врозь, в тми вай на вь тми».

Вопрос: Чем вы можете еще дополнить свои показания об Овчаренко?

Разводовский

Ответ: Об Овчаренко могу дополнить только то, что он в последнее время в корне исправился, стал дисциплинированным, исполнительный боец, а также отрицательных явлений со стороны его не замечал

Записано с моих слов правильно
но мной прочитано. Ф. 5Р

Допросил: Следователь в Харьковском полкунку Сиренко
У. Сиренко

Протокол допроса

Августин Фролов Виктору Васильевичу
01.08.1941г.

Фролов Виктор Васильевич,
1901 г. рождения, уроженец
г. Кунгур, Курский, 3-й СВВР
из рядовых, рядовой, г.а.
ВМКСи образовании 3-й
краснофлотцев БК-25 ИВФК
ФКП г. Умань.

За дату последних показаний по
делу 045/УХ РСФСР предыдущим дел

Борцов: Расскажите, какие Вам
известны факты организации
настроения и вы скажите, как
случились Овчаренко?

Свидетель: Овчаренко знаю с 1940 года
в моменте я много кривил
на БК-25. Поведение Овчаренко
было неважное и за последние
время держит себя замкнуто
нашлись там случаи
когда Овчаренко проявил
недовольство к командиру
Зорькиному " в конце 1940 года "

Фролов

-2-

55

в тюрьме он мне сказал:
" Он вредит нашему делу Зорь-
кий его надо бы было давно
снять (показав пальцем на Потемкина
на эту тему) (Кто же виноват), а
во время боя его кто нибудь
убил бы."

В конце 1941 года в корпусе
носи отбоя ко мне, готовились
показать статью и книгу
моя и Овчаренко как то
вашей разговору мне как сдер-
тание его не помню, в конце
он мне сказал: " лучше бы
с лопатой забить гвозди, чем
случится жить жить."

Кроме этого не помню
куда это было, но мне при-
шлось там много читать
альбом с фотокарточками
у Овчаренко, в котором я уви-
дел на той же странице фотогра-
фию Махонина, арестованного
органами НКВД и судили его
кто то сказал, но то он
мне объявил: " Это мой
земляк, хороший был парень
правдивый был, модный нраву
в глаза сказать, а теперь он

Фролов

задуманные мне не писать.

Фролов

ки) и во время боя его кто нибудь да снял бы".
В апреле 1941 года в казарме после отбоя ко сну готови-
лись ложиться спать и между мной и Овчаренко какой
то зашел разговор сейчас содержания его не помню в
котором он мне сказал: «лучше бы в лаптях убежать
домой, чем служить пять лет» (917).
Кроме этого не помню когда это было, но мне при-
шлось просматривать альбом с фотокарточками у
Овчаренко, в котором я увидел на первом листе фото-
графию Махонина, арестованного органами НКВД и
спросил его кто это такой, на что он мне ответил: «Эт
мой земляк, хороший был парень правдивый был,
любил правду в глаза сказать, а теперь он

(подпись: Фролов)

посажен». На этом наш разговор закончился.
Больше показать ничего не могу, записано с моих слов
правильно, мной прочитано.

(подпись: Фролов)

Допросил: следователь ОО НКВД АКФ
Политрук (подпись) Сиренко

(подпись: Фролов)

посажен. На этом наш разгово
закончился,

Больше показать ничего
не могу, записано с моих слов
правильно, мной прочитано.

Фролов

Допросил: Следователь ОО НКВД АКФ
политрук Сиренко,
У. Сиренко.

Фролов

(917) Согласно Закону СССР
«О всеобщей воинской обязан-
ности» от 1 сентября 1939 г., срок
службы для рядового состава
сухопутных частей РККА был
сокращен с пяти до двух лет, но
на флоте пятилетний срок был
сохранен.

Протокол допроса

Особый отдел НКВД Амурской Краснознаменной Флотилии

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
К ДЕЛУ № _____

1941 г. июля мес. 28 дня. Я, Следователь ОО НКВД АКФ
Сиренко допросил в качестве обвиняемого

К ДЕЛУ № _____
1 г. июль мес. 28 дня. Я, Следователь ОО НКВД АКФ
Сиренко допросил в качестве обвиняемого
(полн., звания, органа, фамилия)

1. Фамилия Овчаренко
2. Имя и отчество Павла Григорьевича
3. Дата рождения 1919 г.
4. Место рождения Харьковской обл. Фигуринского у. на с. Базалиевка
5. Местожительство г. Иман ИОДРК АКФ
6. Нац. и гражд. (подданство) Украинец, г-н СССР
7. Паспорт нет
(когда и какому органом выдан номер, категория и место прописки)

1. Фамилия **Овчаренко**
2. Имя и отчество **Павла Григорьевича**
3. Дата рождения **1919 г.**
4. Место рождения **Харьковской обл, Пичингского р-на, с. Базалиевка**
5. Местожительство **г. Иман ИОДРК АКФ**
6. Нац. и гражд. (подданство) **Украинец, гр-н СССР**
7. Паспорт **нет**
8. Род занятий **краснофлотец срочной службы**
9. Социальное происхождение **из крестьян**
10. Социальное положение (род занятий и имущественное положение)
а) до революции
б) после революции **рабочий**

8. Род занятий краснофлотец срочной службы
(место службы и должности)
9. Социальное происхождение из крестьян
(род занятий родителей и их имущественное положение)
10. Социальное положение (род занятий и имущественное положение):
а) до революции _____
б) после революции рабочий

11. Состав семьи **отец Овчаренко Григорий Максимович работает в (нрзб.) в Харькове проживает пос. им. Фрунзе ул. Нестровская дом №6, мать Мария Степановна, домохозяйка, братья Федор Иван, Виктор, Алексей, сестры Тania и Лида учащиеся проживают с отцом.**

Состав семьи отец Овчаренко Григорий Максимович
(ближайшие родственники, их имена, фамилии, адреса и род занятий)
работал в котлов в Харькове отцом воином. им. Фрунзе ул. Нестровская дом №6, мать Мария Степановна, домохозяйка, братья Федор Иван, Виктор, Алексей, сестры Тания и Лида учащиеся проживают с отцом.

(подпись: Овчаренко)

12. Образование (общее и специальное) **7 классов**
13. Партийность (в прошлом и настоящем) **был чл. ВЛКСМ с 1939 по 1940 год исключен за недисциплинированность.**

1. Образование (общее и специальное) 7 классов

14. Каким репрессиям подвергался: судимость, арест и др. (когда, каким образом и за что)
а) до революции **нет**
б) после революции **нет**
15. Какие имеет награды (ордена, грамоты, оружие и др.) при сов. власти **нет**
16. Категория воинского учета запаса и где состоит на учете **Военнослужащий**

2. Судимость (в прошлом и в настоящем) был чл. ВЛКСМ с 1939 по 1940 год и исключен за недисциплинированность работником.

17. Служба в Красной армии (крас. гвардии, в партизан. отрядах) когда и в качестве кого **в ВМФ с 1939 года**
18. Служба в белых и др. к-р армиях (когда в качестве кого) **нет**
19. Участие в бандах, к-р. организациях и восстаниях **нет**
20. Сведения об общественно-политической деятельности (прочерк)

3. Каким репрессиям подвергался: судимость, арест и др. (когда, каким образом и за что)
а) до революции нет
б) после революции нет
4. Какие имеет награды (ордена, грамоты, оружие и др.) при сов. власти нет

(подпись: Овчаренко)

Показания обвиняемого Овчаренко Павла Григорьевича
28 июля 1941 г.
Допрос начат в 23 ч. 30 мин.

5. Категория воинского учета запаса и где состоит на учете военнослужащий
6. Служба в Красной армии (крас. гвардии, в партизан. отрядах) когда и в качестве кого с 1939 а 1939 года

Вопрос: Расскажите, что Вы говорили в отношении Указов Президиума Верховного Совета СССР?

7. Служба в белых и др. к-р армиях (когда-и в качестве кого) нет
8. Участие в бандах, к-р. организациях и восстаниях нет
9. Сведения об общественно-политической деятельности _____

ПРИМЕЧАНИЕ: Каждая страница протокола должна быть заверена подписью опрашиваемого и допрашивающего.

Овчаренко

Показания обвиняемого (интервью) Обгоретов Навий Григорьевич
26. июля 1941 г.

14

вопрос: Расскажите, что Вы говорили в
отношении Указа Президиума Верховного
Совета СССР?

ответ: Не помню в каком месяце 1940 года
после выхода Указа Президиума
Верховного Совета СССР о возвращении
целого ряда рабочих в одного предприятия
на другое и среди красноармейцев
говорили, что до шестого разряда
дадут и все.

вопрос: А что Вы еще говорили по этому
Указу?

ответ: Что я говорил еще по этому
Указу сейчас не помню, возможно
что и говорил.

вопрос: Напоминаю: Вы говорили по этому
Указу следующее: «за последние время
стало много выходных Указов и рас-
казы, одно совсем как крепостных закрепит
за предприятиями, плохо или хорошо
или хорошо платят им еще вродичи
людей» и дальше вы сказали: «перед
командирами тиняси как при царизме»

ответ: Такие слова по отношению Указа

Подпись

Обгоретов

я не говорил.

вопрос: Но ведь все в этом отношении
свидетель Скворцов. Зачитываю
его показания по этому вопросу
что вы на это скажете?

ответ: Показания свидетеля Скворцова
этому вопросу я отрицаю.

вопрос: Напрасно вы упираетесь. Вы лучше
расскажите, что говорили среди
рабочих когда мл. л-нт Воро
шилан выдержку из статьи: «Как
мы были самураев?»

ответ: Не помню в каком месяце 1940
года мы были в кузнице мл. л-нт
Абрамов читал книжку о Хасане
и между нами зашел разговор о
каком-то японце, который был
между нами зашел разговор в
присутствии Разводовского и
других к-расно-ф <лотцев> сказал: «У
японцев тоже есть герои не хуже
наших, но только о них ничего не
пишут». Дальше между нами зашел
разговор о материальном положении
трудящихся СССР, где я сказал: «раньше
было все, а сейчас нет». По этим
вопросам мне давал объяснение мл. л-нт
Абрамов, который мне доказывал одно, а я
ему другое

вопрос: Напрасно вы упираетесь. Вы лучше
расскажите, что говорили среди
рабочих когда мл. л-нт Воро
шилан выдержку из статьи: «Как
мы были самураев?»

Подпись

Обгоретов

Ответ: Не помню в каком месяце 1940 года после выхода Указа Президиума Верховного Совета СССР о запрещении перехода рабочих с одного предприятия на другое (918) я среди краснофлотцев говорил, что я до шестого разряда дойду и все (919).

Вопрос: А что Вы еще говорили по этому Указу?

Ответ: Что я говорил еще по этому Указу сейчас не помню, возможно что и говорил

Вопрос: Напоминаю: Вы говорили по этому Указу следующее: «За последнее время стало много выходить Указов и приказов, скоро совсем как крепостных закрепят за предприятиями, плохо или хорошо только нет еще продажи людей» и дальше Вы сказали: «Перед командирами тиняси как при царизме»

Ответ: Таких слов по отношению Указов

(подпись: Овчаренко)

я не говорил.

Вопрос: Но ведь Вас в этом избличает свидетель Скворцов. Зачитываю Вам его показания по этому вопросу. Что Вы на это скажете?

Ответ: Показания свидетеля Скворцова по этому вопросу я отрицаю.

Вопрос: Напрасно Вы упираетесь. Вы лучше расскажите, что говорили среди (нрзб.) в казарме когда мл. л-нт Абрамов читал выдержку из статьи: «Как мы были самураев?»

Ответ: Не помню в каком месяце 1940 года когда мы жили в кузнице мл. л-нт Абрамов читал книжку о Хасане и между нами зашел разговор в котором я в присутствии Разводовского и других к-расно-ф <лотцев> сказал: «У японцев тоже есть герои не хуже наших, но только о них ничего не пишут». Дальше между нами зашел разговор о материальном положении трудящихся СССР, где я сказал: «раньше было все, а сейчас нет». По этим вопросам мне давал объяснение мл. л-нт Абрамов, который мне доказывал одно, а я ему другое

(подпись: Овчаренко)

причем ему заявил: «Вы как хотите говорите, а я так понимаю».

Вопрос: Это неверно. Вы по этому вопросу говорили в другой форме. Зачитываю Вам показания свидетелей Абрамова, Гужва, Кондрашкина Гриценко, Шелабанова, Разводовского по этому вопросу. Дайте правдивые показания по существу вопросов.

Ответ: Да, свидетели Абрамов, Гужва, Кондрашкин показывают правильно по этому вопросу. Я действительно так говорил.

Вопрос: Что же заставило Вас вести такие разговоры?

Ответ: Заставило меня говорить эти слова то, что я вижу в действительности.

Вопрос: А когда Вы говорили следующие слова: «Я с Марксом не согласен, что массы создают героев, т. к. массы это народ темная толпа и она слепо идет за героями. Вот

(918) Имеется в виду Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений».

(919) Речь идет о шестом квалификационном разряде по восьмизрядной тарифной сетке, действовавшей в СССР в то время. Таким образом, планируя вернуться к своей рабочей профессии после военной службы, Овчаренко не собирался добиваться самого высокого разряда и соответствующего уровня заработной платы.

возьмите в Испании, пока Миахо руководил борьбой до тех пор народ слепо шел за ним и слепо сражался, а как Миахо перешел к фашистам сразу война прекратилась?»

(подпись: Овчаренко)

Ответ: Таких слов я не говорил. Правда по этому вопросу среди краснофлотцев шел разговор, в котором я не соглашался с тем, что массы рождают героев, а говорил, что герои выдвигались с отдельных лиц.

Вопрос: Вы говорите не правду. Зачитываю Вам показания свидетелей Разводовского и Смурова по этому вопросу. Что Вы на это скажите?

Ответ: Я говорю правду. Свидетели Разводовский и Смуров дают не совсем правильные показания.

Вопрос: Вы упорно не хотите говорить правду. Вы лучше расскажите, что говорили о дисциплине в Армии после выхода Дисциплинарного Устава ВМФ?

Ответ: Не помню в каком месяце 1941 года я по этому вопросу говорил Грицай, о том, что пока существует Армия, пока и будут дисциплинарные проступки.

Вопрос: А что Вы говорили по этому вопросу Шелабанову?

(подпись: Овчаренко)

Ответ: Не помню в каком месяце 1941 года когда я пилил дрова с Шелабановым, то он меня спросил о чем мы спорили с Грицай, на что я ему ответил: «Нарушения в Армии будут до тех пор пока существует Армия, т. к. в Армии существует принуждение. Всякое приказание командира для подчиненного есть принуждение. В добровольных армиях еще меньше принуждение, да и то существует, а в регулярной армии все построено на принуждении и ты это сам понимаешь, если хорошо подумаешь».

Вопрос: Откуда у Вас появилось такое мнение, что Армия есть принуждение?

Ответ: Я лично так мыслю, что Армия есть принуждение, а потому так говорил.

Вопрос: Это не так. Вы настроены против мероприятий Советской власти и не желали служить в Армии, а потому ввели

(подпись: Овчаренко)

антисоветские разговоры?

Ответ: Это не верно. Я против мероприятий Советской власти не выступал и в Армии служить хотел. Разговоры такие вел лишь потому, что я так мыслил, но не понимал, что они являются Антисоветскими.

Вопрос: Расскажите, что Вы говорили о вахте по охране катеров?

Ответ: Да такой разговор был приблизительно осенью 1940 года между мной и Гужва зашел спор о несении вахты у катеров, в котором я сказал следующее: «На тебе 1000 руб., взорви катера». Больше по этому вопросу я ничего не говорил.

Вопрос: Вы опять говорите не правду. Зачитываю Вам показания свидетелей Гужва, Разводовского, Грищенко по этому вопросу. Что Вы на это скажите?

Ответ: Я говорю только правду. Свидетели Гужва, Разводовский и Грищенко дают клеветнические показания.

Вопрос: Что же Вы тогда хотели сказать этими словами: «Хватит мне

(подпись: Овчаренко)

доказывать я знаю, что Вы хотите мне сказать, я лез на все это?»

Ответ: Сказал эти слова лишь потому, что отказался слушать его.

Допрос окончен в 1 ч. 40 м.

Записано с моих слов правильно
Мной прочитано (подпись: Овчаренко)

Допросил: следователь ОО НКВД АКФ
Политрук (подпись: Сиренко)

-5-

*улы паш ели за в сив: „ вы нех востити
говори тебе, а в. н. а. с. по не м. а. с. о.*

*Вопрос: Это не верно. Вы по этому вопросу
говори ли в другой форме. Зачитываю
Вам показания свидетелей
Драшови, Турова, Кондрощенко
Грищенко, Шелабанова, Разводовского
по этому вопросу. Скажите правду.
Все показания по существу вопроса.*

*Ответ: По свидетелям Драшови, Турова,
Кондрощенко показывается следующее,
но по этому вопросу. Я действительно
ничего не так говорил.*

*Вопрос: Это не забавно Вас слыши
такие разговоры?*

*Ответ: Забавно лишь говорить эти
слова то, что в. н. а. с. в действительности
ничего не слы.*

*Вопрос: А когда вы говорили следующие
слова: „ Я в Норвегии не
согласен, что массы создают
героев, т. к. массы это могут
исключить только и она имеет право
за судиться. Вот возмущение в Испании,
пока Миахо руководил борьбой
до тех пор народ слепо шел за ним
и слепо сражался, а как Миахо
перешел к фашистам сразу война
прекратилась“?*

Овчаренко

Вид: Старик сидит и не говорит. Говорю по этому поводу зрели Криво Фрицман или разведка, в которую я не соглашался в то время, что масса до позавчера была, а говорил, что люди выдвигались с азербайджанских мест.

воп: Вы говорили не правду. Захватывали Ваши показания свидетелей Ровбо Говенко и Смуров по этому поводу, что Вы на это основаны?

Вид: Я говорю правду. Свидетели Ровбо Говенко и Смуров дают не совсем правдивые показания.

воп: Вы точно не помните события правду. Вы лучше расскажите, что говорили о диссидентстве в Армии после выезда Гусейн-Мамедовича Умарова в Вильнюс?

Вид: Не помню в конце мая 1941 года я в по этому поводу говорил Звизад, о том, что тогда существовали Армия, но и будут диссидентские группы у нас.

воп: А что Вы говорили по этому поводу Шелаванду?

Фельд

Отвечает: Не помню в конце мая 1941 года когда я писал доклад с Шелавандой, то он писал Смуров о чем мы говорили с Звизад, но это я ему отбесил. Научившись в Армии будут до тех пор пока существуют Армия, но к. в Армии существуют принудительные работы. У нас же показывали для подлинности есть Криво Говенко. В добровольных Армиях есть мнение принудительные да и то существуют, а в регулярной Армии все построено на принудительности и мы это все по Шелаванде если угодно по массе.

воп: Откуда у вас появилось такое мнение, что Армия есть принудительная?

Отвечает: Я лично так считаю, что Армия есть принудительная, а поэтому так говорю.

вопрос: Это не так. Мы как раз хотим изобразить Советской власти и не желаем слышать в Армии, а поэтому беру

Фельд

антикоммунистический разведка?

Отвечает: Это не знаю. Я против изобразить мнимый Свидетель Фрицман не востановил и в Армии существуют там. Разведка там же все, мнимый по этому, что я так считаю, но не говорю, что они все это только Фрицмановские.

вопрос: Расскажите, что Вы говорили о Вахте по дороге Канторов?

Отвечает: На тот момент разведка был предпринимательством в начале 1940 года между мной и Тумова волею стар о несении Вахты у Канторов, в котором я сам так изобразил: «Но тебе 1000 руб Вахты Канторов больше по этому поводу я ничего не говорю».

вопрос: Вы опять говорили не правду. Захватывали Ваши показания свидетелей, Тумова, Ровбо Говенко, Фрицманно по этому поводу, что Вы на это основаны?

Вид: Я говорю точно по правду. Свидетели, Тумова, Ровбо Говенко и Фрицманно дают не совсем правдивые показания.

вопрос: Что же Вы тогда хотите сказать этими словами? «Вашим же

Фельд

доказать я знаю, что Вы хотите мне сказать, я и так на все это?

Отвечает: Скажи эти слова, мне в помощь, что отбесил слышать его.

вопрос отмен с 17. Чом.

Замечано о моих слов правдивый мной Фрицманно. Фельд

вопрос: Свидетели Шелаванда Фельд поминуюк Фельд

[Продолжение допроса, начатого 31 июля 1941 г. в 13 ч. мин. и прерванного в 15 ч. 00 мин. В первой части допроса П. Г. Овчаренко излагает свою биографию и опровергает показания свидетеля Фролова]

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

обвиняемого Овчаренко Павла Григорьевича
от 31 июля 1941 года
Допрос продолжен в 15 ч. 05 мин.

- Вопрос: Вы признаете себя виновным в предъявленном вам сегодня обвинении по ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР?
- Ответ: В предъявленном мне сегодня обвинении по ст. 58-10 УК РСФСР виновным себя признаю полностью.
- Вопрос: Что же Вас заставило вести антисоветские разговоры?
- Ответ: Антисоветские разговоры вел лишь потому, что не допонимал эти вопросы, а поэтому приходилось с некоторыми бойцами спорить. После того как мне объясняли о том, что я неправильно понимал вопросы я с ними соглашался и мне становилось ясно, что мои разговоры являлись антисоветскими.
- Вопрос: Вам давали разъяснение после каждого вами сказанного нездорово?

(подпись: Овчаренко)

- вого разговора?
- Ответ: Да после каждого: давали разъяснения.
- Вопрос: А зачем же Вы продолжали другие вести антисоветские разговоры?
- Ответ: Я также не допонимал, пока мне не давали по ним разъяснения.
- Вопрос: Вы говорите неправду. Вы вели антисоветские разговоры лишь потому, что проявляли недовольство к Советской власти. Дайте правдивые показания?
- Ответ: Я говорю только правду. Какие вел разговоры не здорового характера я их недопонимал. Против Советской власти недовольство я не проявлял ни когда и даже мысли у меня такой не было.
- Вопрос: А когда Вы говорили следующие слова: «Красноармейцы 8-КДП голодают им хлеба не хватает»?
- Ответ: Да, я такие слова говорил во время нахождения в Камень-Рыболове. Это я говорил лишь потому что видел как отдельные красноармейцы хватали хлеб с столов.

Допрос окончен в 15 ч. 30 м.

Записано с моих слов правильно, мне прочитано.

(подпись: Овчаренко)

Допросил: Следователь ОО АКФ
политрук

(подпись) Сиренко

8К
Протокол допроса
обвиняемого Овчаренко Павла Григорьевича

От 31 июля 1941 года
Допрос продолжен в 15 ч. 05 мин.

- Вопрос: Вы признаете себя виновным в предъявленном вам сегодня обвинении по ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР?
- Ответ: В предъявленном мне сегодня обвинении по ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР виновным себя признаю полностью.
- Вопрос: Что же Вас заставило вести антисоветские разговоры?
- Ответ: Антисоветские разговоры вел лишь потому, что не допонимал эти вопросы, а поэтому приходилось с некоторыми бойцами спорить. После того как мне объясняли о том, что я неправильно понимал вопросы я с ними соглашался и мне становилось ясно, что мои разговоры являлись антисоветскими.
- Вопрос: Вам давали разъяснение после каждого вами сказанного нездорово?

8Л

- вого разговора?
- Ответ: Да после каждого: давали разъяснения.
- Вопрос: А зачем же Вы продолжали другие вести антисоветские разговоры?
- Ответ: Я также не допонимал, пока мне не давали по ним разъяснения.
- Вопрос: Вы говорите неправду. Вы вели антисоветские разговоры лишь потому, что проявляли недовольство к Советской власти. Дайте правдивые показания?
- Ответ: Я говорю только правду. Какие вел разговоры не здорового характера я их недопонимал. Против Советской власти недовольство я не проявлял ни когда и даже мысли у меня такой не было.
- Вопрос: А когда Вы говорили следующие слова: «Красноармейцы 8-КДП голодают им хлеба не хватает»?
- Ответ: Да, я такие слова говорил во время нахождения в Камень-Рыболове. Это я говорил лишь потому что видел как отдельные красноармейцы хватали хлеб с столов.

Допрос окончен в 15 ч. 30 м.

Записано с моих слов правильно, мне прочитано.

Допросил: Следователь ОО АКФ
политрук

"УТВЕРЖДАЮ"
НАЧАЛЬНИК ОО НКВД АКФ
БРИГАДНЫЙ КОМИССАР
" " августа 1941

*Милославский
Владимир Иванович
Восстановил подпись и дату
5.08.41.*

«УТВЕРЖДАЮ»
Начальник ОО НКВД АКФ
БРИГАДНЫЙ КОМИССАР
«2» августа 1941 года.
(печать) МУКОСЕЕВ

Утверждаю.
Военный Прокурор АКФ
Военный юрист 2-го ранга Морозов
5.08.41.

ОБВИНИТЕЛЬНЫЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ
(По следственному делу № 49)

По обвинению **ОВЧАРЕНКО** Павла Григорьевича по ст. 58-10 ч.1 УК РСФСР.

28 июля 1941 года Особым Отделом НКВД АКФ за систематическое проведение антисоветской агитации был арестован краснофлотец ВК № 25 Иманского Отдельного дивизиона речных кораблей АКФ — **ОВЧАРЕНКО** Павел Григорьевич.

Произведенными следствием установлено, что **ОВЧАРЕНКО** среди краснофлотцев бронекатера № 25 ИОДРК АКФ систематически проводил антисоветскую агитацию, направленную на дискредитацию мероприятий партии и Советского правительства по укреплению трудовой и воинской дисциплины, клеветал на материальное положение трудящихся Советского Союза и отстаивал народническую теорию о том, что история делает отдельные личности «герои». (л. д. 140б., 15, 28, 28б, 29, 33, 37, 44, 47, 49, 50, 58).

Будучи недисциплинированным краснофлотцем, **ОВЧАРЕНКО** в своих антисоветских выступлениях дискредитировал Рабоче-Крестьянскую Красную армию, возводил гнусную клевету на краснофлотцев, высказывал угрозы по отношению командиров и дезертирские настроения. (л. д. 17, 18, 31, 34, 38, 41, 47, 48, 51, 53, 55, 59, 60).

Будучи допрошен в качестве обвиняемого **ОВЧАРЕНКО** в проведении антисоветской агитации виновным себя признал полностью и достаточно изобилует показаниями свидетелей: Смурова, Абрамова, Разводовского, Гужва, Шелабанова, Кондрашкина, Грищенко, Сворцова, Грицай, Фролова и очными ставками с свидетелями.

68

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ
(по следственному делу № 49)

По обвинению **ОВЧАРЕНКО**
Павла Григорьевича по ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР

28 июля 1941 года Особым Отделом НКВД АКФ за систематическое проведение антисоветской агитации был арестован краснофлотец БК № 25 Иманского Отдельного дивизиона речных кораблей АКФ — **ОВЧАРЕНКО** Павел Григорьевич.

Произведенным следствием установлено, что **ОВЧАРЕНКО** среди краснофлотцев бронекатера № 25 ИОДРК АКФ систематически проводил антисоветскую агитацию, направленную на дискредитацию мероприятий партии и Советского правительства по укреплению трудовой и воинской дисциплины, клеветал на материальное положение трудящихся Советского Союза и отстаивал народническую теорию о том, что историю делают отдельные личности — «герои». (л. д. 14 об., 15, 28, 28 об., 30, 33, 37, 44, 49, 50, 58).

Будучи недисциплинированным краснофлотцем, **ОВЧАРЕНКО** в своих антисоветских выступлениях дискредитировал Рабоче-Крестьянскую Красную армию, возводил гнусную клевету на краснофлотцев, высказывал угрозы по отношению командиров и дезертирские настроения. (л. д. 17, 18, 31, 34, 38, 41, 47, 48, 51, 53, 55, 59, 60).

Будучи допрошен в качестве обвиняемого **ОВЧАРЕНКО** в проведении антисоветской агитации виновным себя признал полностью и достаточно изобилует показаниями свидетелей: Смурова, Абрамова, Разводовского, Гужва, Шелабанова, Кондрашкина, Грищенко, Сворцова, Грицай, Фролова и очными ставками с свидетелями.

На основании изложенного:

На основании изложенного:

ОВЧАРЕНКО Павел Григорьевич, 1919 года рожд., уроженец Харьковской области Печенежского района с. Базалеевка, украинец, гр-н СССР, по соц. происхождению — из крестьян-средняков, по положению — рабочий, с образованием 7 классов, в 1941 году за негодное настроение исключен из членов ВЛКСМ, до ареста краснофлотец БК-25 ИОДРК АКФ, в ВМФ добровольно с 1939 года.

ОВЧАРЕНКО Павел Григорьевич, 1919 года рожд., уроженец Харьковской области Печенежского района с. Базалеевка, украинец, гр-н СССР, по соц. происхождению — из крестьян-средняков, по положению — рабочий, с образованием 7 классов, в 1941 году за негодное настроение исключен из членов ВЛКСМ, до ареста краснофлотец БК-25 ИОДРК АКФ, в ВМФ добровольно с 1939 года.

ОБВИНЯЕТСЯ В ТОМ, ЧТО:

систематически проводил антисоветскую агитацию направленную на дискредитацию РККА и мероприятий партии и Советского правительства, клеветал на материальное положение трудящихся СССР, отстаивал народническую теорию о том, что история делает отдельные личности — «герои», возводил клевету на бойцов ВМФ, а также высказывал угрозы по адресу командиров и дезертирские настроения, т. е. в преступлениях предусмотренных ст. 58-10 ч.1 УК РСФСР.

систематически проводил антисоветскую агитацию направленную на дискредитацию РККА и мероприятий партии и Советского правительства, клеветал на материальное положение трудящихся СССР, отстаивал народническую теорию о том, что историю делают отдельные личности — «герои», возводил клевету на бойцов ВМФ, а также высказывал угрозы по адресу командиров и дезертирские настроения, т. е. в преступлениях предусмотренных ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР.

Настоящее дело направил на рассмотрение Военного Трибунала АКФ предварительно представив Военному прокурору АКФ — на заключение.

Настоящее дело направить на рассмотрение Военного Трибунала АКФ предварительно представив Военному прокурору АКФ — на заключение.

СЛЕДОВАТЕЛЬ ОО НКВД АКФ
ПОЛИТРУК: *Сиренко* /СИРЕНКО/

СЛЕДОВАТЕЛЬ ОО НКВД АКФ
ПОЛИТРУК: (подпись) СИРЕНКО

СОГЛАСЕН: НАЧ. СЛЕД. ОТД. ОО НКВД АКФ
СТ. ПОЛИТРУК: *Чехов* /ЧЕХОВ/

СОГЛАСЕН: НАЧ. СЛЕД. ОТД. ОО НКВД АКФ
СТ. ПОЛИТРУК: (подпись) ЧЕХОВ

Составлено «1» августа 1941 г.
гор. ХАБАРОВСК, база АКФ.

Составлено «1» августа 1941 г. гор. Хабаровск, база АКФ.

СПРАВКА: 1/ Обвиняемый **ОВЧАРЕНКО** содержится под стражей в Хабаровской тюрьме № 1 с 29 июля 1941 года.
2/ Вещественных доказательств по делу нет.

СПРАВКА: 1/ Обвиняемый **ОВЧАРЕНКО** содержится под стражей в Хабаровской Тюрем № 1 с 29 июля 1941 года.
2/ Вещественных доказательств по делу нет.

СЛЕДОВАТЕЛЬ ОО НКВД АКФ
ПОЛИТРУК: *Сиренко* /СИРЕНКО/

СЛЕДОВАТЕЛЬ ОО НКВД АКФ
ПОЛИТРУК: (подпись) СИРЕНКО

Дело № 00101

9-го августа 1941 года

г. Хабаровск, база АКФ.

ПРОТОКОЛ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ

9-го августа 1941 года

г. Хабаровск, база АКФ

Военный трибунал Амурской Краснознаменной флотилии в составе: Председательствующего военного юриста 2 ранга ФОНАРИКОВА, членов Капитана ХАЛИМОН и воентехника 2 ранга САБАНЦЕВА, при секретаре Глав. старшине БЕЛОВЕ.

Рассматривал в закрытом судебном заседании дело по обвинению краснофлотца бронекатера ИОДРК АКФ ОВЧАРЕНКО Павла Григорьевича по ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР.

В 10 час. 15 мин. Председательствующий объявил судебное заседание открытым и огласил какое дело подлежит рассмотрению.

НА СУД ВЫЗЫВАЛИСЬ:

Подсудимый ОВЧАРЕНКО П.Г. находившийся до суда под стражей в Хабаровской тюрьме № 1, и свидетели: СКВОРЦОВ и ГРИЩЕНКО.

Подсудимый ОВЧАРЕНКО П.Г. на суд доставлен под конвоем. Свидетели: СКВОРЦОВ и ГРИЩЕНКО не явились, по неизвестным для суда причинам.

Председательствующий удостоверился в самоличности подсудимого, который о себе показал: Я ОВЧАРЕНКО Павел Григорьевич, 1919 г. рождения, уроженец Харьковской обл., Печенежского района, с. Базалеевка, по национальности украинец, по соц. происхождению из крестьян-середняков, по соц. положению рабочий, образование 7 групп, из членов ВЛКСМ исключен в 1941 году за антисоветские разговоры, на военной службе добровольно с 1939 г. ранее не судился. Обвинительное заключение мне объявлено 5-го августа 1941 г., под стражей нахожусь в связи с данным делом с 29 июля 1941 года.

На вопрос Председательствующего к подсудимому ОВЧАРЕНКО: Не возражает ли он слушать дело в отсутствие свидетелей: СКВОРЦОВА и ГРИЩЕНКО, подсудимый ОВЧАРЕНКО заявил: Я считаю необходимым присутствие на суде свидетеля СКВОРЦОВА.

Суд посоветавшись на месте ОПРЕДЕЛИЛИ: дело слушать по существу вопрос о вызове свидетелей разрешить в ходе судебного следствия.

Председательствующий объявил состав суда и разъяснил подсудимому процессуальные права, предоставленные ему на судебном процессе.

Подсудимый ОВЧАРЕНКО против состава суда отвода не заявил, а также ходатайств до начала судебного следствия не имеет.

В 10 час. 20 мин. председательствующий объявил судебное следствие открытым, огласил обвинительное заключение и разъяснил подсудимому ОВЧАРЕНКО сущность предъявленного ему обвинения.

На вопрос Председательствующего к подсудимому: Понятно ли ему предъявленное обвинение и признает ли себя виновным, подсудимый ОВЧАРЕНКО заявил: Предъявленное обвинение мне понятно, виновным себя признаю, но не признаю себя виновным, что приводил это с контрреволюционной целью.

//// // //

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО

ПОДСУДИМЫЙ ОВЧАРЕНКО ПОКАЗАЛ: В ноябре м-це прошлого года мы с краснофлотцами беседовали о героях, но я них не говорил так, как показывает свидетель СМУРОВ, таких слов как например: «С Марксом не согласен, что массы создают героев, масса это слепая толпа» - я не говорил. Разговор на эту тему среди краснофлотцев на эту тему был, причем я говорил так: «Зависит от отдельных героев», где привел пример как о герое Чапаева.

Воспит. Трибунал Амурской Краснознаменной флотилии в составе: Председательствующего военного юриста 2 ранга ФОНАРИКОВА, членов Капитана ХАЛИМОН и воентехника 2 ранга САБАНЦЕВА, при секретаре Глав. старшине БЕЛОВЕ.

Рассматривал в закрытом судебном заседании дело по обвинению краснофлотца бронекатера ИОДРК АКФ ОВЧАРЕНКО Павла Григорьевича по ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР.

В 10 час. 15 мин. Председательствующий объявил судебное заседание открытым и огласил какое дело подлежит рассмотрению.

НА СУД ВЫЗЫВАЛИСЬ:

Подсудимый ОВЧАРЕНКО П.Г. находившийся до суда под стражей в Хабаровской тюрьме № 1, и свидетели: СКВОРЦОВ и ГРИЩЕНКО.

Подсудимый ОВЧАРЕНКО П.Г. на суд доставлен под конвоем. Свидетели: СКВОРЦОВ и ГРИЩЕНКО не явились, по неизвестным для суда причинам.

Председательствующий удостоверился в самоличности подсудимого, который о себе показал: Я ОВЧАРЕНКО Павел Григорьевич, 1919 г. рождения, уроженец Харьковской обл., Печенежского района, с. Базалеевка, по национальности украинец, по соц. происхождению из крестьян-середняков, по соц. положению рабочий, образование 7 групп, из членов ВЛКСМ исключен в 1941 году за антисоветские разговоры, на военной службе добровольно с 1939 г. ранее не судился. Обвинительное заключение мне объявлено 5-го августа 1941 г., под стражей нахожусь в связи с данным делом с 29 июля 1941 года.

На вопрос Председательствующего к подсудимому ОВЧАРЕНКО: Не возражает ли он слушать дело в отсутствие свидетелей: СКВОРЦОВА и ГРИЩЕНКО, подсудимый ОВЧАРЕНКО заявил: Я считаю необходимым присутствие на суде свидетеля СКВОРЦОВА.

Суд посоветавшись на месте ОПРЕДЕЛИЛИ: дело слушать по существу вопрос о вызове свидетелей разрешить в ходе судебного следствия.

Председательствующий объявил состав суда и разъяснил подсудимому процессуальные права, предоставленные ему на судебном процессе.

Подсудимый ОВЧАРЕНКО против состава суда отвода не заявил, а также ходатайств до начала судебного следствия не имеет.

В 10 час. 20 мин. Председательствующий объявил судебное следствие открытым, огласил обвинительное заключение и разъяснил подсудимому ОВЧАРЕНКО сущность предъявленного ему обвинения.

На вопрос Председательствующего к подсудимому: Понятно ли ему предъявленное обвинение и признает ли себя виновным, подсудимый ОВЧАРЕНКО заявил: Предъявленное обвинение мне понятно, виновным себя признаю, но не признаю себя виновным, что приводил это с контрреволюционной целью.

/// // //

- 2 -

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО:

ПОДСУДИМЫЙ ОВЧАРЕНКО ПОКАЗАЛ: В ноябре м-це прошлого года мы с краснофлотцами беседовали о героях, но я о них не говорил так, как показывает свидетель СМУРОВ, таких слов как например: «С Марксом не согласен, что массы создают героев, масса это слепая толпа» - я не говорил. Разговор среди краснофлотцев на эту тему был, причем я говорил так: «Зависит от отдельных героев», где привел пример как о герое Чапаева.

Председательствующий оглашает показания свидетеля СМУРОВА на листе дела № 30 в части: «... ОВЧАРЕНКО заявил, что я и Марксом не согласен, что массы создают героев.....» и т.д. до конца ответа.

Подсудимый ОВЧАРЕНКО: Я действительно говорил в основном так, как показывает СМУРОВ, но добавил еще, как я и Марксом не согласен и "народ это темная толпа и масса идет за героями" - я не говорил.

В 1940 г. не помню в каком месяце младший лейтенант АБРАМОВ нам краснофлотцам читал книгу о том как ит были сакураев у озера Байкал. Причем я в разговоре краснофлотцами действительно слышал: «У японцев то же есть герои, но только в наших книгах про них не пишут». Больше я ничего не говорил.

Председательствующий оглашает показания свидетеля АБРАМОВА на листе дела № 30 в части: «... ОВЧАРЕНКО заявил: не может быть такого положения, чтобы идики как Ойяи, что-то не настолько глупые.....» и т.д. до конца ответа.

ПОДСУДИМЫЙ ОВЧАРЕНКО: во время этого разговора я говорил, примерно, так, как показывает сейчас.

В ноябре м-це 1940 г. среди краснофлотцев завязался разговор о идеальном положении трудящихся нашей страны. Причем я краснофлотцам доказывал, что раньше было всего много, а сейчас у нас не хватает продукции лишь потому, что потребностей большая. Примерно, я так и говорил краснофлотцам.

Председательствующий оглашает показания свидетеля АБРАМОВА на листе дела № 30 в части: «ОВЧАРЕНКО сказал, почему-то вот раньше всего у нас было, всего хватало, а сейчас вот ничего, ведь тогда еще ничего не достаем» - и т.д. до конца ответа.

ПОДСУДИМЫЙ ОВЧАРЕНКО: Да, я подтверждал показания свидетеля АБРАМОВА, говорил так, как показывал, но я не дополнил того, а, притом, что я видел своим глазами то и говорил. Поэтому такие суждения я высказывал среди краснофлотцев.

Об условиях военной службы в частности, как говорят бойцы в разговоре с краснофлотцами не помню в каком м-це, но в 1940 г. в разговоре между бойцами я сказал так: «некоторые краснофлотцы С-го К-д-на не хватает хлеба, в поезде они воруят». Говорил лишь потому, что однажды я пошел кушать в хлебный столовую, получил хлеба и пока ходил за чаем они у меня хлеб украли. Притом еще был такой случай, что красноармейцы укрывали целую буханку хлеба, вот я поезде и задремал, что они голодают и им не хватает хлеба, так я говорил краснофлотцам ватера.

/// // //

Председательствующий оглашает показания свидетеля АБРАМОВА на листе дела № 27 в части: "... призывалось в начале ноября месяца 1940г. я зашел в казарму где услышал происходивший разговор между РАЗВODOВСКИМ, ГУЖВА, ШЕБАНОВЫМ и другими краснофлотцами о планах краснофлотцев в КД-на в котором ОВЧАРЕНКО заявил:....." и так далее до конца абзаца.

Подсудимый ОВЧАРЕНКО: Я говорил так как показывает АБРАМОВ, но таких слов как например: "Варят только щи да кашу, что и в горло не лезет." Я не говорил, это свидетель АБРАМОВ неверно показывает.

Не помню в каком м-це, но в 1940г. между мной и ГРИЦАЙ зашел разговор о дисциплине в Красной Армии. Когда я и ГРИЦАЙ разговаривали, в это время подошел к нам краснофлотец ШЕЛАБАНОВ и я в присутствии их на заданный мне вопрос сказал: «Пока существует армия до тех пор будут у нас дисциплинарные проступки». И дальше я добавил следующие: «Всякое приказание командира и дисциплину есть» ГРИЦАЙ: «Вотого и сначала не допонимал, но потом мне разъяснили и действительно говорил так: "В регулярной армии все построено на принуждении". Разговор касался Красной Армии, но я сам не допонимал, что говорил, в тогда мне раз'яснили, я понял сущность дисциплины в Красной Армии и ВМФ.

Против Указов Советского Правительства я ничего не говорил.

Председательствующий оглашает показания свидетеля СИВОРЦОВА на листе дела № 49-50.

Подсудимый ОВЧАРЕНКО: Показания свидетеля СИВОРЦОВА я не подтверждаю, он говорит неправду. Таких слов, как показывает свидетель СИВОРЦОВ, я не говорил об Указах Советского Правительства. Я говорил только так: "Дожду до 6-го ранца, а дальше не поеду", больше я ничего не говорил.

Не помню в каком месяце, но в 1940г. между мной и ГУЖВА был разговор о несении вахты у катеров. Притом я ГУЖВА сказал: "На тебе 100 руб., но ты не взорвешь катер". Я с ГУЖВА спорил о том, что у нас нет связи на катерах и доказывал подсудимому, что на нас никто не нападет. Это я говорил в присутствии краснофлотцев.

На вопрос Председательствующего подсудимый ОВЧАРЕНКО ответил: Показания свидетеля АБРАМОВА, ГРИЦАЙ и других свидетелей, данные ими на предварительном следствии я подтверждаю, но объяснил это тем, что я в это время узнал лишь походу, что не дополнил.

На последующие вопросы Председательствующего подсудимый ОВЧАРЕНКО ответил: до 7-го я был в одной комнате с ГИЖВА и детдоме. Попал в детдом таким путем: В гор. Ларьковск я сходил на полнокое трамвай, меня милиционер остановил и отправил в детдом. Сначала я жил в лагере с арестованными, а потом переехал в детдом. Довольно стал заниматься после того как пришел из детдома и я сам не знал почему я попал.

На вопрос Председательствующего подсудимый ОВЧАРЕНКО ответил: По полит. взглядам имел оценки отличные. Раньше имел оценки удовлетворительные и хорошие, а поэтому я не допонимал некоторые вопросы, в результате чего и высказывал такие высказывания, за которые предан суду.

На вопрос Председательствующего подсудимый ОВЧАРЕНКО ответил: Дополнить судебное следствие подсудимый заявил: дополнить судебное следствие мне больше нечем.

/// /// ///

77

Суд поوصешавший ОПРЕДЕЛИЛ: Дело заслушать по существу в отсутствие свидетелей.

В 11 час. 15 мин. Председательствующий объявил судебное следствие законченным и предоставил подсудимому ОВЧАРЕНКО последнее слово.

Подсудимый ОВЧАРЕНКО в последнем слове говорит: Граждане Судьи! то, что я говорил я не допонимал, а поэтому у меня так и получилось. Я не прошу у суда сократить мне срок наказания я не могу просить, я одно прошу граждане судьи - расстрелять меня.

В 11 час. 20 мин. суд удалился в совещательную комнату для вынесения приговора.

В 12 час. 35 мин. Председательствующий огласил приговор в рав'нении осужденному срок и порядок его отбывания.

Давше суд ОПРЕДЕЛИЛ: меру пресечения в отношении осужденного до вступления приговора в законную силу, оставить прежнюю, т.е. содержание под стражей в Хабаровской тюрьме № 1.

В 12 час. 40 мин. Председательствующий объявил судебное заседание закрытым.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ *Грицай* /ГРИЦАЙ/

СУДЕБ. СЕКРЕТАРЬ В АКТЕ *Белов* /БЕЛОВ/

ГЛАВ. СТАРШИНА *Белов* /БЕЛОВ/

Лист в 2-х экз.
Лист № 1 в судеб. пров. № 00101
" Б 2 в след. пров. 00 НКВД АКБ № 42

Машинотка Павленко

СПРАВКА

Черновой протокол уничтожен путем сожжения.

СУДЕБ. СЕКРЕТАРЬ В АКТЕ *Белов* /БЕЛОВ/

ГЛАВ. СТАРШИНА

Председательствующий оглашает показания свидетеля СМУРОВА на листе дела № 28 оборотный, - в части: «...ОВЧАРЕНКО ответил что я с Марксом не согласен, что массы создают героев...» и т. д. до конца ответа.

Подсудимый ОВЧАРЕНКО: Я действительно говорил в основном так, как показывает СМУРОВ, но таких слов как: «Я с Марксом не согласен» и «Народ это темная толпа и слепо идет за героями» я не говорил.

В 1940 г. не помню в каком месяце младший лейтенант АБРАМОВ нам краснофлотцам читал книгу о том как мы были самураев у озера Хасан. Причем я в разговоре с краснофлотцами действительно сказал: «У японцев то же есть герои, но только в наших книгах про них не пишут. Больше я ничего не говорил.

Председательствующий оглашает показания свидетеля АБРАМОВА на листе дела № 30 в части: «...ОВЧАРЕНКО заявил: не может быть такого положения, чтобы наши их так били, что же они настолько глупые...» и т.д. до конца ответа.

Подсудимый ОВЧАРЕНКО: Во время этого разговора я говорил, примерно, так, как показывает сейчас.

В ноябре м-це 1940 г. среди красноармейцев завязался разговор о материальном положении трудящихся нашей страны. Причем я краснофлотцам доказывал, что раньше было всего много, а сейчас у нас не хватает продукции лишь потому, что потребность большая. Примерно я так и говорил краснофлотцам.

Председательствующий оглашает показания свидетеля АБРАМОВА на листе дела № 30 в части: «ОВЧАРЕНКО сказал: почему-то вот раньше всего у нас было, все хватало, а сейчас нет ничего, везде стоят очереди, но нигде ничего не достанешь...» и т. д. до конца ответа.

Подсудимый ОВЧАРЕНКО: Да, я подтверждаю показания свидетеля АБРАМОВА, я говорил так, как он показывает, но я не допонимал того, а притом, что я видел своими глазами то и говорил. Поэтому такие суждения я высказывал среди краснофлотцев.

Об условиях военной службы в частности, как питаются бойцы я разговаривал с краснофлотцами не помню в каком м-це, но в 1940 г. в разговоре между бойцами я сказал так: «Некоторые краснофлотцам 8-го К-авалерийского» Д-ивизии» на не хватает хлеба, а поэтому они воруют». Говорил лишь потому, что однажды я пошел кушать в ихнюю столовую, получил хлеба и пока ходил за чаем они у меня хлеб украли. Притом еще был такой случай, что красноармейцы украли целую буханку хлеба, вот я поэтому и заключил, что они голодают и им не хватает хлеба, так я говорил краснофлотцам катера.

/// /// ///

Председательствующий оглашает показания свидетеля АБРАМОВА на листе дела № 31 в части: «...приблизительно в начале ноября месяца 1940 г. я зашел в казарму, где услышал происходивший разговор между РАЗВODOВСКИМ, ГУЖВА, ШЕБАНОВЫМ и другими краснофлотцами о питании краснофлотцев 8 К-авалерийского» Д-ивизии» на, в котором ОВЧАРЕНКО заявил...» и так далее до конца абзаца.

Подсудимый ОВЧАРЕНКО: Я говорил так, как показывает АБРАМОВ, но таких слов как например: «Варят только щи да кашу, что и в горло не лезет» я не говорил, это свидетель АБРАМОВ неверно показывает.

Не помню в каком м-це, но в 1940 г. между мной и ГРИЦАЙ зашел разговор о дисциплине в Красной Армии. Когда я и ГРИЦАЙ разговаривали, в это время подошел к нам краснофлотец ШЕЛАБАНОВ и я в присутствии их на заданный мне вопрос сказал: «Пока существует армия до тех пор будут у нас дисциплинарные проступки». И дальше я добавил следующее: «Всякое приказание командира к подчиненному есть принуждение», этого я сначала не допонимал, но потом мне раз'яснили.

Я действительно говорил так: «В регулярной армии все построено на принуждении». Разговор касался Красной Армии, но я сам не допонимал, что говорил, а когда мне раз'яснили, я понял сущность дисциплины в Красной Армии и ВМФ.

Против Указов Советского Правительства я ничего не говорил.

Председательствующий оглашает показания свидетеля СКВОРЦОВА на листе дела № 49-50.

Подсудимый ОВЧАРЕНКО: Показания свидетеля СКВОРЦОВА я не подтверждаю, он говорит неправду. Таких слов как показывает свидетел<ь> СКВОРЦОВ я не говорил об Указах Советского Правительства.

Я говорил только так: «Дойду до 6-го разряда, а дальше не пойду». Больше я ничего не говорил.

Не помню в каком месяце, но в 1940 г., между мной и ГУЖВА был разговор о несении вахты у катеров. При этом я ГУЖВЕ сказал: «На тебе 1000 руб., но ты не взорвешь катер». Я с ГУЖВОЙ спорил о том, что у нас нет связи на катерах и доказываю последнему, что на нас никто не нападет. Это я говорил в присутствии краснофлотцев.

На вопрос Председательствующего подсудимый ОВЧАРЕНКО ответил: Показания свидетелей АБРАМОВА, ГУЖВА и других свидетелей, данные ими на предварительном следствии я подтверждаю, но об"ясняю это тем, что я говорил это лишь потому что не допонимал.

На последующие вопросы Председательствующего подсудимый ОВЧАРЕНКО ответил: до 1933 г. я жил с отцом дома. С 1933 г. жил в детдоме. Попал в детдом таким путем: в гор. Харькове я ехал на подножке трамвая, меня милиционер остановил и отправил в детдом. Сначала я жил в лагере с арестованными, а потом перевели в детдом. Воровством стал заниматься после того как пришел из детдома.

Я и сам не знал, почему я воровал.

На вопрос Заседателя подсудимый ОВЧАРЕНКО ответил: По политзанятиям имел оценки отличные. Раньше имел оценки удовлетворительные и хорошие, а потому я не допонимал некоторые вопросы, в результате чего и высказывал такие высказывания, за которые предан суду.

На вопрос Председательствующего к подсудимому: имеет-ли он еще чем дополнить судебное следствие подсудимый заявил: Дополнить судебное следствие мне больше нечем.

//// // //

Суд посовещавшись ОПРЕДЕЛИЛ: дело заслушать по существу в отсутствии свидетелей.

В 11 час. 15 мин. Председательствующий об"явил судебное следствие законченным и предоставил подсудимому ОВЧАРЕНКО последнее слово.

Подсудимый ОВЧАРЕНКО в последнем слове говорит: Граждане Судьи! то, что я говорил я не допонимал, а поэтому у меня так и получилось. Я не прошу у суда сократить мне срок наказания и не могу просить, я одно прошу граждане судьи — расстрелять меня.

В 11 час. 20 мин. суд удалился в совещательную комнату для вынесения приговора.

В 12 час. 35 мин. Председательствующий огласил приговор и раз"яснил осужденному срок и порядок его обжалования.

Далее суд ОПРЕДЕЛИЛ: меру пресечения в отношении осужденного, до вступления приговора в законную силу, оставить прежнюю т. е. содержание под стражей в Хабаровской тюрьме № 1.

В 12 час. 40 мин. Председательствующий об"явил судебное заседание закрытым.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ
ВОЕННЫЙ ЮРИСТ 2 РАНГА (подпись) **ФОНАРИКОВ**

СУДЕБ. СЕКРЕТАРЬ ВТ АКФ
ГЛАВ. СТАРШИНА (подпись) **БЕЛОВ**

Отп. в 2-х экз.

Экз. № 1 в судеб. произ. № 00101

“ № 2 в след. произв. ОО НКВД АКФ № 49

Машинистка Павленко

СПРАВКА

Черновой протокол уничтожен путем сожжения.
СУДЕБ. СЕКРЕТАРЬ ВТ АКФ
ГЛАВ. СТАРШИНА (подпись) **БЕЛОВ**

УСБУ В ХАРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ. Ф. 5Р, ОП. 1, Д. 023468
ЛЛ. Б/Н

Копия

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

27 апреля 1967 года

гор. Владивосток

ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ КРАСНОЗНАМЕННОГО
ТИХООКЕАНСКОГО ФЛОТА в составе:

Председательствующего — полковника юстиции **МИТЮКА**
и членов — подполковника юстиции Зуева,
майора юстиции Лузина,

с участием старшего помощника военного прокурора Краснознаменного Тихоокеанского флота подполковника юстиции Печенкина рассматрел протест (в порядке надзора) военного прокурора КТОФ на приговор военного трибунала Амурской Краснознаменной флотилии от 9 августа 1941 года, по которому матрос Иманского отдельного дивизиона речных кораблей

ОВЧАРЕНКО

Павел Григорьевич, 1919 года рождения, уроженец Харьковской области Печенежского района с. Базалеевки, на военной службе с 1939 года по день ареста по настоящему делу, т. е. по 29 июля 1941 года, осужден по ст. 58-10 ч. 1. УК РСФСР к лишению свободы в ИТЛ сроком на восемь лет (8) лет, с поражением прав на три года.

Заслушав доклад **МИТЮКА** и выступление прокурора, поддержавшего протест, военный трибунал флота

УСТАНОВИЛ:

ОВЧАРЕНКО по приговору суда признан виновным в том, что он на протяжении 1940—1941 гг. систематически проводил среди сослуживцев контрреволюционную агитацию, направленную на

О П Р Е Д Е Л Е Н И Е

27 апреля 1967 года

гор. Владивосток

ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ КРАСНОЗНАМЕННОГО ТИХООКЕАНСКОГО ФЛОТА в составе:

Председательствующего - полковника юстиции МИТЮКА
и членов - подполковника юстиции ЗУБА
и маэора юстиции ЛУЗНА,

с участием старшего помощника военного прокурора Краснознаменного Тихоокеанского флота подполковника юстиции Печенкина рассмотрел протест (в порядке надзора) военного прокурора КТОФ на приговор военного трибунала Амурской Краснознаменной флотилии от 9 августа 1941 года, по которому матрос Иванского отдельного дивизиона речных кораблей

ОВЧАРЕНКО Павел Григорьевич, 1919 года рождения, уроженец Лерьевской области Печенжского района с. Беззаваловки, на военной службе с 1939 года по день ареста по настоящему делу, т.е. 29 июля 1941 года,

осужден по ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР к лишению свободы в ИТЛ сроком на восемь (8) лет, с поражением прав на три года.

Заслушав доклад МИТЮКА и выступление прокурора, поддерживающего протест, военный трибунал флота

У С Т А Н О В И Л :

ОВЧАРЕНКО по приговору суда признан виновным в том, что он на протяжении 1940-41 г.г. систематически проводил среди сослуживцев контрреволюционную агитацию, направленную на дискредитацию проводимых партией и правительством мероприятий по вопросам укрепления обороноспособности страны, трудовой и военной дисциплины.

В своих антисоветских высказываниях ОВЧАРЕНКО, кроме того, клеветал на советскую печать, условия службы в Красной Армии, на материальное положение трудящихся Советского Союза, а также восхвалял армию одной из капиталистических держав.

В протесте военного прокурора флота предлагается приговор в отношении ОВЧАРЕНКО отменить и дело о нем производством прекратить по следующим основаниям.

На предварительном следствии и в процессе судебного разбирательства ОВЧАРЕНКО виновным себя по ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР не признал.

Обвинение ОВЧАРЕНКО в контрреволюционной агитации основывалось на показаниях свидетелей Разводовского, Шелабанова, Скворцова, Гужвы, Гриценко и Фролова, которые подтвердили, что со стороны ОВЧАРЕНКО действительно имели место отдельные высказывания о трудностях в материальном положении трудящихся, о недочетах в организации питания военнослужащих и т.п.

Приведенные выше высказывания, отмечается далее в протесте, хотя и имели место, однако они, эти суждения, не образуют состава преступления - антисоветской агитации.

В связи с этим в протесте делается вывод о том, что ОВЧАРЕНКО был осужден незаконно.

Проверив материалы дела, военный трибунал флота находит протест военного прокурора КТОФ обоснованным и поданным удовлетворенно по изложенным в нем основаниям, а потому руководствуясь ст. ст. 378-379 УПК РСФСР -

О П Р Е Д Е Л И Л :

Приговор военного трибунала Амурской Краснознаменной флотилии от 9 августа 1941 года в отношении ОВЧАРЕНКО Павла Григорьевича отменить и дело о нем прекратить за отсутствием в действиях ОВЧАРЕНКО состава преступления.

Подлинное за надлежащими подписями.

Верно: Председательствующий по делу
Полковник Юстиции

Ю. Митюк
(Ю. МИТЮК)

дискредитацию проводимых партией и правительством мероприятий по вопросам укрепления обороноспособности страны, трудовой и военной дисциплины.

В своих антисоветских высказываниях ОВЧАРЕНКО, кроме того, клеветал на советскую печать, условия службы в Красной Армии, на материальное положение трудящихся Советского Союза, а также восхвалял армию одной из капиталистических держав.

В протесте военного прокурора флота предлагается приговор в отношении ОВЧАРЕНКО отменить и дело о нем производством прекратить по следующим основаниям.

На предварительном следствии и в процессе судебного разбирательства ОВЧАРЕНКО виновным себя по ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР не признал.

Обвинение ОВЧАРЕНКО в контрреволюционной агитации основывалось на показаниях свидетелей Разводовского, Шелабанова, Скворцова, Гужвы, Гриценко, и Фролова, которые подтвердили, что со стороны ОВЧАРЕНКО действительно имели место отдельные высказывания о трудностях в материальном положении трудящихся, о недочетах в организации питания военнослужащих и т.п.

Приведенные выше высказывания, отмечается далее в протесте, хотя и имели место, однако они, эти суждения, не образуют состава преступления - антисоветской агитации.

В связи с этим в протесте делается вывод о том, что ОВЧАРЕНКО был осужден незаконно.

Проверив материалы дела, военный трибунал флота находит протест военного прокурора КТОФ обоснованным и подлежащим удовлетворению по изложенным в нем основаниям, а потому руководствуясь ст. ст. 378-379 УПК РСФСР -

О П Р Е Д Е Л И Л :

Приговор военного трибунала Амурской Краснознаменной флотилии от 9 августа 1941 года в отношении ОВЧАРЕНКО Павла Григорьевича отменить и дело о нем прекратить за отсутствием в действиях ОВЧАРЕНКО состава преступления.

Подлинное за надлежащими подписями.

ВЕРНО: ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ ПО ДЕЛУ
ПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ (Подпись) Ю. МИТЮК
(Печать)

522 УСБУ В ХАРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ.
Ф. 5Р, ОП. 1, Д. 023468. ЛЛ. Б/Н

НАЧАЛЬНИКУ КГБ ХАРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ
от пенсионера по старости Овчаренко
Павла Григорьевича рожд. 1919 года
Харьков - 310089, пос. Фрунзе, ул.
Днестровская № 16-2

ЗАЯВЛЕНИЕ

Я — Овчаренко П. Г. 1919 года рождения 15 июня. В 1941 году был репрессирован и осужден 9 августа 1941 года Трибуналом Амурской Краснознамённой флотилии на 8 лет и три поражения в правах. Освободился с зачётами 21 октября 1948 года. Реабилитирован 27 апреля 1967 года. Когда реабилитировали, ко мне приходил участковый и знакомил меня с документом, кто меня судил (фамилии), кто следователь, кто на меня писал доносы.

Убедительно прошу ВАС вышлите мне копию этого документа. Я считаю в настоящее время это не секрет и не тайна.

Я не пытаюсь искать своих доносчиков и клеузников по моему их уже давно в живых нет потому что мне было в то время двадцать два годочка. Я обязан оставить память о тех людях своим родным и внукам.

Ещё раз убедительно ВАС прошу — не откажите в моей просьбе. Если нельзя выслать, объясните почему ВЫ отказываете.

18 июня 1989 года (подпись) П. Г. Овчаренко

НАЧАЛЬНИКУ КГБ ХАРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ
От пенсионера по старости Овчаренко
Павла Григорьевича рожд. 1919 года
Харьков - 310089, пос. Фрунзе, ул.
Днестровская № 16-2.

З А Я В Л Е Н И Е

Я - Овчаренко П. Г. 1919 года рождения 15 июня. В 1941 году был репрессирован и осуждён 9 августа 1941 года Трибуналом Амурской Краснознамённой флотилии на 8 лет и три поражения в правах. Освободился с зачётами 21 октября 1948 года. Реабилитирован 27 апреля 1967 года. Когда реабилитировали ко мне приходил участковый и знакомил меня с документом, кто меня судил (фамилии), кто следователь, кто на меня писал доносы.

Убедительно прошу ВАС вышлите мне копию этого документа. Я считаю в настоящее время это не секрет и не тайна.

Я не пытаюсь искать своих доносчиков и клеузников по моему их уже давно ~~уже~~ в живых нет потому что мне было в то время двадцать два годочка. Я обязан оставить память о тех людях своим родным и внукам.

Ещё раз убедительно ВАС прошу не откажите в моей просьбе. Если нельзя выслать, объясните почему ВЫ отказываете.

18 июня 1989 года *Овчаренко* П. Г. Овчаренко.

УСБУ В ХАРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ.
Ф. 5Р, ОП. 1, Д. 023468. ЛЛ. Б/Н

(Штамп)
Секретариат УКГБ
по Харьковской обл.
Вх. № 0-10
СПРАВКА 22.6.1989 г.

4 июля 1989 года в помещении УКГБ проведена беседа с заявителем Овчаренко Павлом Григорьевичем, которому разъяснено, что с архивным уголовным делом знакомиться не разрешено по существующему закону. Ему были зачитаны выдержки из определения военного трибунала от 27 апреля 1967 г., касающиеся его реабилитации, а также сообщены фамилии членов военного трибунала, которые его судили в 1941 году.

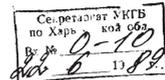
Других сведений из дела ему не выдали. Овчаренко заявил, что ему эти данные необходимы в связи с тем, что он начал писать роман о своей жизни, судимости, нахождении в местах лишения свободы.

Ответами удовлетворен.

Ст. инспектор 10 отделения
(подпись: неразборчиво)
4. VII. 1989

Справка
4 июля 1989 года в помещении УКГБ проведена беседа с заявителем Овчаренко Павлом Григорьевичем, которому разъяснено, что с архивными уголовными делами знакомиться не разрешено по существующему закону. Ему были зачитаны выдержки из определения военного трибунала от 27 апреля 1967 г., касающиеся его реабилитации, а также сообщены фамилии членов военного трибунала, которые его судили в 1941 году. Других сведений из дела ему не выдали. Овчаренко заявил, что ему эти данные необходимы в связи с тем, что он начал писать роман о своей жизни, судимости, нахождении в местах лишения свободы.

Отвешали удовлетворен
Ст. инспектор 10 отделения
4. VII. 1989 *Григорьевич*

Начальнику КГБ Харьковской области,
от Овчаренко Павла Григорьевича,
рождения 1919 г.
Харьков-310089, пос. Фрунзе, ул.
Днестровская № 16-2.

Начальнику КГБ Харьковской области
от Овчаренко Павла Григорьевича,
рождения 1919 г.
Харьков-310089, пос. Фрунзе, ул.
Днестровская, № 16-2

Заявление

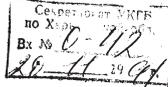
17 апреля 1991 г. Правительство утвердило ЗАКОН Украинской ССР о выплате реабилитированным денежной компенсации: "Правда Украины" 12-07-91 г."

Мне заявили в Горисполкоме г. Харькова: «Если бы я был арестован в городе Харькове, то получил бы компенсацию, а так как я арестован в Хабаровске пенсии нет». Я ведь служил в Амурской флотилии. Но был необоснованно арестован в 1941 г. и осужден в закрытом заседании военным трибуналом по ст. 58-10, на 8 лет ИТЛ и три поражения в правах. Всю свою жизнь я прожил под гнетом этой страшной статьи 58. Прошу хотя на закате лет исправить эту роковую ошибку. Я уже не говорю о компенсации вещей ведь меня арестовали в Камень-Рыболове, а вещи находились на складе на базе Иманского дивизиона речных бронекатеров. Кроме этого часы "Павел Буре" забрали в Хабаровской тюрьме и по сегодняшний день. В это бурное время я с подорванным здоровьем очень нуждаюсь в денежной компенсации.

И что это за делёжка на ваших и наших. Я коренной украинец.

Приложение:

Справка о реабилитации,
справка архивная о освобождении,
приговор АКФ

Копии верны, находятся в меня,

Паспорт 1У-ВЛ № 746117

15-11-91 г. *Овчаренко П. Г.* П. Г. ОВЧАРЕНКО

ЗАЯВЛЕНИЕ

17 апреля 1991 г. Правительство утвердило ЗАКОН Украинской ССР о выплате реабилитированным денежной компенсации: «Правда Украины» 12-07-91 г.»

Мне заявили в Горисполкоме г. Харькова: «Если бы я был арестован в городе Харькове, то получил бы компенсацию, а так как я арестован в Хабаровске, пенсии нет». Я ведь служил в Амурской флотилии. Но был необоснованно арестован в 1941 г. и осужден в закрытом заседании военным трибуналом по ст. 58-10, на 8 лет ИТЛ и три поражения в правах. Всю свою жизнь я прожил под гнетом этой страшной статьи 58. Прошу хотя на закате лет исправить эту роковую ошибку. Я уже не говорю о компенсации вещей ведь меня арестовали в Камень-Рыболове, а вещи находились на складе на базе Иманского дивизиона речных бронекатеров. Кроме этого часы «Павел Буре» забрали в Хабаровской тюрьме и по сегодняшний день. В это бурное время я с подорванным здоровьем очень нуждаюсь в денежной компенсации.

И что это за делёжка на ваших и наших. Я коренной украинец.

Приложение:

справка о реабилитации,
справка архивная об освобождении,
приговор АКФ

Копии верны, находятся у меня,

Паспорт IV-ВЛ № 746117

15-11-91 г. (подпись) П. Г. Овчаренко

(ПШтам)

Секретариат УКГБ
по Харьковской обл.
Вх. № 0-42
20 II 1991 г.

УСБУ В ХАРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ.
Ф. 5Р, ОП. 1, Д. 023468. Л. Б/Н

У П Р А В Л Е Н И Е
СЛУЖБЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ УКРАИНЫ
ПО ХАРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

УПРАВЛЕНИЕ
СЛУЖБЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ УКРАИНЫ
ПО ХАРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

" " декабря 1991г. № 6с/ 023468 г. Харьков

г. Харьков - 310089
п. Фрунзе, ул. Днестровская, 16-2
Овчаренко П. Г.

Уважаемый Павел Григорьевич!

На Ваше заявление, поступившее в Управление Службы национальной безопасности Украины по Харьковской области сообщаем, что Вы были арестованы ОО НКВД Амурской Краснознаменной Флотилии 29 июля 1941г.

9 августа 1941г. военным трибуналом Амурской Краснознаменной Флотилии по ст. 58-10 УК РСФСР (контрреволюционная агитация и пропаганда) осуждены к 8 годам лишения свободы.

Указом Президиума Верховного Совета СССР "О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-40-х и начала 50-х годов от 16 января 1989г. Вы реабилитированы.

По вопросу выплаты Вам компенсации в связи с незаконным арестом и осуждением Вы можете обратиться в райвоенкомат по месту жительства.

Ст. следователь следотделения
Управления

Н. А. Погорецкий

" » декабря 1991 г. № 6с/ 023468 г. Харьков

г. Харьков - 310089
п. Фрунзе, ул. Днестровская, 16-2
Овчаренко П. Г.

Уважаемый Павел Григорьевич!

На Ваше заявление, поступившее в Управление Службы национальной безопасности Украины по Харьковской области сообщаем, что Вы были арестованы ОО НКВД Амурской Краснознаменной Флотилии 29 июля 1941 г.

9 августа 1941 г. военным трибуналом Амурской Краснознаменной Флотилии по ст. 58-10 УК РСФСР (контрреволюционная агитация и пропаганда) осуждены к 8 годам лишения свободы.

Указом Президиума Верховного Совета СССР «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30—40-х и начала 50-х годов» от 16 января 1989 г. Вы реабилитированы.

По вопросу выплаты Вам компенсации в связи с незаконным арестом и осуждением Вы можете обратиться в райвоенкомат по месту жительства.

Ст. следователь следотделения

Управления (подпись) Н. А. Погорецкий

СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ УКРАИНЫ
Овчаренко Павла Григорьевича
Харьков-89, Днестровская, № 16-2

Мне семьдесят седьмой годик тикает — всю жизнь прожил всю жизнь прожил униженным и оскорбленным. В 22 годика арест ст. 58-10, антисоветский агитатор. А я ведь был патриотом — и если я сейчас не такой преданный, — то в этом виноваты красные погонны со своей муштрой, они меня превратили в чуждого элемента. И следует эта проклятая статья 58-10 и сегодня. Я просуществовал за колочей проволокой всю войну. О-о-о... сколько нет теперь в живых ребят веселых молодых, — ни в чём не повинных, отдавших там своё последнее дыхание, выполняя норму на пайку, — в снегах Сибири, проклятушей Горношорни и на далекой Колыме. И вот в 1967 году меня реабилитировали за отсутствием состава преступления. 26 лет я был в списках государственных преступников СССР. И на сегодняшний день пятьдесят восьмая сидит у меня на плечах и ничем её не страхнешь — только смертью. Нам реабилитированным всё в последнюю очередь, а как какие льготы, то тут находятся и сыночки, и дочечки, и дяди, и тётки. Политические деятели языками трéкают, а как только выскочат за наш счёт то сразу же забывают про нас горемык. Возьмём Харьковский «Мемориал»: проскочили за нашими спинами в депутаты Мещеряков, > (920) Алтуния (921) и досвидания униженные старички 30-х — 50-х годов. А эти новые политики, брежневская свора полуворья, — вообще развалили «Мемориал» — надежду униженных и оскорбленных, которых пользовался великим авторитетом у харьковчан.

Взять хотя бы меня. Как реабилитированному добавили пенсию льготную, а теперь высокие чины уравнили с теми которые работали, а я ведь трудился на рудниках, приисках, шахтах, открытых воронках, лесоповалах, да тогда работали по одиннадцать часов чистого времени. Выдали бы нам униженным и оскорбленным медали с чёрным вороном, я бы с удовольствием носил, я ведь заработал пневмосклероз, очаги в лёгких, шесть рёбер перебито, голова вся затаврирована шрамами, но кто нам справку выдать, — нас ведь лечили в изоляторах, ЗУРах, БУРах. Сейчас в себе насчитают мой стаж пятьдесят два года, но обратились в военкомат по поводу медали 50 лет победы над фашистской Германией, а меня посылают в райисполком, а в справке освобождения сказано: «...время нахождения в местах заключения реабилитированному по выбору может быть приравнено либо к работе, которая следовала за освобождением из мест заключения, ЛИБО К РАБОТЕ КОТОРАЯ ПРЕДШЕСТВОВАЛА АРЕСТУ...» А я ведь был арестован краснофлотцем, но меня с военкомата направили в райисполком (мол там Вам выдадут). Вот что пишет «ПРАВДА» 1 июня 1990 г.: «Гражданам, необоснованно привлечённым к уголовной ответственности, необоснованно репрессированным и впоследствии реабилитированным, время содержания под стражей, время отбывания наказания в местах лишения свободы и ссылки зачитывается в стаж в тройном размере» (статья 69 о пенсионном обеспечении граждан СССР). Пошёл я в собес, дали мне справку, что я работал с 41 по 45 год, но в райисполкоме издеваются, а где вы работали, здесь не указано, обратитесь в КГБ, там все фиксируют.

А я ведь был осуждён трибуналом на восемь лет ИТЛ, но освобождён с зачётами, просидев 7 лет 2 месяца. Ведь это я заработал доблестным трудом зачёты, могу доложить:

1. Тюрма с 29 июля по 29 августа. Штамп: УСБУ
2. Кирпичный завод, сентябрь 1941 г. по Харьковській обл.
Регстр. № 0-23
06 07 1995

(920) Мещеряков В. Ф. (1947—2002) — историк, один из создателей харьковского общества «Мемориал», в 1990—1994 гг. народный депутат Украины.

(921) Алтуния Г. О. (1933—2005) — правозащитник, бывший советский политзаключенный, один из создателей харьковского общества «Мемориал», 1990—1994 гг. народный депутат Украины.

Мне семьдесят седьмой годик тикает — всю жизнь прожил всю жизнь прожил униженным и оскорбленным. В 22 годика арест ст. 58-10, антисоветский агитатор. А я ведь был патриотом — и если я сейчас не такой преданный, — то в этом виноваты красные погонны со своей муштрой, они меня превратили в чуждого элемента. И следует эта проклятая статья 58-10 и сегодня. Я просуществовал за колочей проволокой всю войну. О-о-о... сколько нет теперь в живых ребят веселых молодых, — ни в чём не повинных, отдавших там своё последнее дыхание, выполняя норму на пайку, — в снегах Сибири, проклятушей Горношорни и на далекой Колыме. И вот в 1967 году меня реабилитировали за отсутствием состава преступления. 26 лет я был в списках государственных преступников СССР. И на сегодняшний день пятьдесят восьмая сидит у меня на плечах и ничем её не страхнешь — только смертью. Нам реабилитированным всё в последнюю очередь, а как какие льготы, то тут находятся и сыночки, и дочечки, и дяди, и тётки. Политические деятели языками трéкают, а как только выскочат за наш счёт то сразу же забывают про нас горемык. Возьмём Харьковский «Мемориал»: проскочили за нашими спинами в депутаты Мещеряков и досвидания униженные старички 30-х — 50-х годов. А эти новые политики, брежневская свора полуворья, — вообще развалили «Мемориал» — надежду униженных и оскорбленных, которых пользовался великим авторитетом у харьковчан.

Взять хотя бы меня. Как реабилитированному добавили пенсию льготную, а теперь высокие чины уравнили с теми которые работали, а я ведь трудился на рудниках, приисках, шахтах, открытых воронках, лесоповалах, да тогда работали по одиннадцать часов чистого времени. Выдали бы нам униженным и оскорбленным медали с чёрным вороном, я бы с удовольствием носил, я ведь заработал пневмосклероз, очаги в лёгких, шесть рёбер перебито, голова вся затаврирована шрамами, но кто нам справку выдать, — нас ведь лечили в изоляторах, ЗУРах, БУРах. Сейчас в себе насчитают мой стаж пятьдесят два года, но обратились в военкомат по поводу медали 50 лет победы над фашистской Германией, а меня посылают в райисполком, а в справке освобождения сказано: «...время нахождения в местах заключения реабилитированному по выбору может быть приравнено либо к работе, которая следовала за освобождением из мест заключения, ЛИБО К РАБОТЕ КОТОРАЯ ПРЕДШЕСТВОВАЛА АРЕСТУ...» А я ведь был арестован краснофлотцем, но меня с военкомата направили в райисполком (мол там Вам выдадут). Вот что пишет «ПРАВДА» 1 июня 1990 г.: «Гражданам, необоснованно привлечённым к уголовной ответственности, необоснованно репрессированным и впоследствии реабилитированным, время содержания под стражей, время отбывания наказания в местах лишения свободы и ссылки зачитывается в стаж в тройном размере» (статья 69 о пенсионном обеспечении граждан СССР). Пошёл я в собес, дали мне справку, что я работал с 41 по 45 год, но в райисполкоме издеваются, а где вы работали, здесь не указано, обратитесь в КГБ, там все фиксируют.

- А я ведь был осуждён трибуналом на восемь лет ИТЛ, но освобождён с зачётами, просидев 7 лет 2 месяца. Ведь это я заработал доблестным трудом зачёты, могу доложить:
1. Тюрма с 29 июля по 29 августа.
  2. Кирпичный завод, сентябрь 1941 г.

И в экономике бумага читать продолжение не обогор

Регстр. № 0-23
06 07 95

Из-за экономии бумаги читать продолжение наобороте

3. Хабаровская пересылка, сентябрь 1941 г., ноябрь 1941 г., работал в порту Хабаровска грузчиком.
4. Столыпинский вагон, двадцать дней этап декабрь 41 г.
5. Горношория, лесоповал, 8-й лагерь, Чугуннаш. Декабрь 41 г., февраль 42 г.
6. Горношория, 7 ЛП, Таштагол, лагерь смерти. Февраль 42 г., 29 мая 1942 г.
7. Горношория 1-й ЛП, доломит. Май 42 г., ноябрь 44 г.
8. Швейная фабрика, Кемеровская область. Ноябрь 44 г., март 46 г. токарь, строитель.
9. Лесоповал от швейной фабрики. Ноябрь 46 г., март 46 г.
10. В телячих вагонах 20 суток. 46 г. Это не категория, но похуже.
11. Пересылка Бухта находка. Апрель 46 г.
12. Рабочая зона Бухта находка. Апрель - май 46 г.
13. Зона усиленного режима. Май 18 дней, 46 г.
14. Снова пересылка Бухта находка. Май—август 46 г.
15. В трюме август—сентябрь 30 дней 46 г.
16. Певек, Магаданская область ЧЧГПУ Сентябрь 46 г. февраль 47 г. Грузчик, прачка.
17. Рудник «Валькумей», ЧЧГПУ, касстерит. Февраль 47 г. 21 октября 48 г. освобождение.

Так почему это одному вешают ордена и звезды по 114 штук, так что грудь тянет к гробнице, а иной «Иван» никогда за свою жизнь даже грамотки или благодарности не заслужил у диктаторов; все мимо и мимо награды проскакивают. К примеру я последних четырнадцать лет перед выходом на пенсию по старости (замечу — по первой категории) проработал на ХТЗ шлифовщиком инструментальный цех, — технические нормы ежемесячно выполнял на 300—400%, но как только какую премию или грамотку выдавали, — то говорило начальство так: «Ему нельзя, он ведь из тех!» И выдавали эту премию партийному соседу он ведь из этих! Хотя у него и выработка 120—150%. Собственно говоря я был в заключении в 47 году на руднике «Валькумей» бригадиром скоропроходческой бригады и несмотря на то, что я и бригада были заключённые в Чукотском «королевстве» сообщали по радио бригада Овчаренко 15 числа выполняла план проходки на 100%, — правда о том, что я и моя бригада заключённые забывали сообщить. ОБИДНО выдали бы нам униженным и оскорблённым медали с чёрным воронем, а бы с удовольствием носил.

Так может хоть СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ УКРАИНЫ УПРАВЛЕНИЕ ПО ХАРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ ПОМОЖЕТ ВЫЯСНИТЬ ОРДЖОНИКИДЗЕВСКОМУ РАЙОНУ, РАБОТАЛ Я В ПЕРИОД С 41-го года по 45-й или чай пил?..

25-06-95 г.

(подпись) П. Г. ОВЧАРЕНКО

- 2 -
3. Хабаровская пересылка, сентябрь 1941 г., ноябрь 1941 г., работал в порту Хабаровска грузчиком.
  4. Столыпинский вагон, 20 дней этап декабрь 41 г.
  5. Горношория, лесоповал, 8-й лагерь, Чугуннаш. Декабрь 41 г., февраль 42 г.
  6. Горношория 7 ЛП, Таштагол, лагерь смерти. Февраль 42 г., 29 мая 42 г.
  7. Горношория 1-й ЛП, доломит. Май 42 г., ноябрь 44 г.
  8. Швейная фабрика, Кемеровская область. Ноябрь 44 г., март 46 г. токарь, строитель.
  9. Лесоповал от швейной фабрики. Ноябрь 46 г., март 46 г.
  10. В телячих вагонах 20 суток. 46 г. Это не категория, но похуже.
  11. Пересылка Бухта находка. Апрель 46 г.
  12. Рабочая зона Бухта находка. Апрель - май 46 г.
  13. Зона усиленного режима. Май 18 дней, 46 г.
  14. Снова пересылка Бухта находка. Май—август 46 г.
  15. В трюме август—сентябрь 30 дней 46 г.
  16. Певек, Магаданская область ЧЧГПУ. Сентябрь 46 г. февраль 47 г. Грузчик, прачка.
  17. Рудник «Валькумей», ЧЧГПУ, касстерит. Февраль 47 г., 21 октября 48 г. освобождение.

Для почему это одному вешают ордена и звезды по 114 штук, так что грудь тянет к гробнице, а иной «Иван» никогда за свою жизнь даже грамотки или благодарности не заслужил у диктаторов, все мимо и мимо награды проскакивают. К примеру я последних четырнадцать лет перед выходом на пенсию по старости (замечу по первой категории) проработал на ХТЗ шлифовщиком инструментальный цех, — технические нормы ежемесячно выполнял на 300—400%, но как только какую премию или грамотку выдавали, — то говорило начальство так: «Ему нельзя, он ведь из тех!» И выдавали эту премию партийному соседу он ведь из этих! Хотя у него и выработка 120—150%. Собственно говоря я был в заключении в 47 году на руднике «Валькумей» бригадиром скоропроходческой бригады и несмотря на то, что я и бригада были заключённые в Чукотском «королевстве» сообщали по радио бригада Овчаренко 15 числа выполняла план проходки на 100%, — правда о том, что я и моя бригада заключённые забывали сообщить. ОБИДНО выдали бы нам униженным и оскорблённым медали с чёрным воронем, а бы с удовольствием носил.

Так может хоть СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ УКРАИНЫ УПРАВЛЕНИЕ ПО ХАРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ ПОМОЖЕТ ВЫЯСНИТЬ ОРДЖОНИКИДЗЕВСКОМУ РАЙОНУ, РАБОТАЛ Я В ПЕРИОД С 41-го года по 45 или чай пил?..

25-06-95 г. *В. Овчаренко*

П. Г. ОВЧАРЕНКО

ISBN 978-5-6043357-8-9

Павел Овчаренко
Горечь
Воспоминания и размышления

Над книгой работали:

автор-составитель
Наталья Самовер,
хранитель фондов Музея
Сахаровского центра

научный редактор
Татьяна Полянская, кандидат
исторических наук, старший
научный сотрудник Музея
истории ГУЛАГа

корректор
Юлия Никулина

ответственный редактор
Светлана Пухова,
руководитель издательской
программы Музея истории
ГУЛАГа

дизайн
Кирилл Благодатских,
Анна Наумова

Москва 2021

Отпечатано в типографии
«Август Борг»
+7 495 787 06 77
www.augustborg.ru

Тираж 1000 экз.

ISBN 978-5-6043357-8-9

9 785604 335789 >

